

ГОМЕР • ИЛИАДА • ОДИССЕЯ

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Тычина П. Г.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадия С. П.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ГОМЕР

ИЛИАДА

ОДИССЕЯ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1967

Вступительная статья
С. Маркиша

А
Г64

Иллюстрации

Г. Епифанова, М. Пикова

Скан и обработка: *glarus63*

7-4-4

Подп. изд.

ПУТЬ К ГОМЕРУ

Во втором акте шекспировского «Гамлета» появляется бродячая труппа, и один из актеров, по просьбе принца, читает монолог, в котором троянский герой Эней рассказывает о взятии Трои и о жестокостях победителей. Когда рассказ доходит до страданий старой царицы Гекубы — у нее на глазах осатаневший от злобы Пирр, сын Ахиллеса, убил ее супруга Приама и надругался над его телом, — актер бледнеет и заливаясь слезами. И Гамлет произносит знаменитые, вошедшие в поговорку слова:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает...¹

Что современному человеку Гекуба, что ему Ахиллес, Приам, Гектор и прочие герои Гомера; что ему их муки, радости, любовь и ненависть, приключения и битвы, отгремевшие и отгоревшие больше тридцати столетий назад? Что уводит его в древность, почему Троянская война и возвращение на родину многострадального и хитроумного Одиссея трогают нас если и не до слез, как шекспировского актера, то все же достаточно живо и сильно?

Всякое литературное произведение далекого прошлого способно привлечь и увлечь человека нового времени изображением исчезнувшей жизни, во многом поразительно не схожей с нашей жизнью сегодня. Исторический интерес, свойственный любому человеку, естественное желание узнать, «что было раньше», — начало нашего пути к Гомеру, точнее — одного из путей. Мы спрашиваем: кто он был, этот Гомер? И когда жил? И «сочинил» ли своих героев или в их образах и подвигах отражены подлинные события? И насколько верно

¹ Перевод Б. Пастернака.

(или насколько вольно) они отражены и к какому времени относятся? Мы задаем вопрос за вопросом и ищем ответа в статьях и книгах о Гомере; а к нашим услугам — не сотни и не тысячи, а десятки тысяч книг и статей, целая библиотека, целая литература, которая продолжает расти и сейчас. Ученые не только обнаруживают все новые факты, имеющие отношение к гомеровским поэмам, но и открывают новые точки зрения на поэзию Гомера в целом, новые способы ее оценки. Была пора, когда каждое слово «Илиады» и «Одиссеи» считали непререкаемой истиной — древние греки (во всяком случае, громадное их большинство) видели в Гомере не только великого поэта, но и философа, педагога, естествоиспытателя, одним словом — верховного судью на все случаи жизни. Была и другая пора, когда всё в «Илиаде» и «Одиссее» считали вымыслом, красивой сказкой, или грубоватой басней, или безнравственным анекдотом, оскорбляющим «хороший вкус». Потом пришла пора, когда Гомеровы «басни» одна за другою стали подкрепляться находками археологов: в 1870 году немец Генрих Шлиман нашел Трои, у стен которой сражались и умирали герои «Илиады»; спустя четыре года тот же Шлиман раскопал «обильные золотом» Микены — город Агамемнона, вождя греческого воинства под Троей; в 1900 году англичанин Артур Эванс начал уникальные по богатству находок раскопки на Крите — «стоградном» острове, неоднократно упоминаемом Гомером; в 1939 году американец Блэджен и грек Курониотис разыскали древний Пилос — столицу Нестора, «сладкогласного вития пилосского», неутомимого подателя мудрых советов в обеих поэмах...

Список «гомеровских открытий» чрезвычайно обширен и до сих пор не закрыт — и едва ли закроется в близком будущем. И все же необходимо назвать еще одно из них — самое важное и самое сенсационное в нашем веке. В ходе раскопок на острове Крите, а также в Микенах, в Пилосе и в некоторых других местах южной части Балканского полуострова археологи нашли несколько тысяч глиняных табличек, исписанных неизвестными письменами. Чтобы их прочесть, потребовалось почти полвека, потому что не был известен даже язык этих надписей. Лишь в 1953 году тридцатилетний англичанин Майкл Вентрис решил задачу дешифровки так называемого линейного письма «Б». Этот человек, погибший в автомобильной катастрофе три с половиной года спустя, не был ни историком античности, ни специалистом по древним языкам — он был архитектор. И тем не менее, как писал о Вентрисе замечательный советский ученый С. Лурье, «ему удалось сделать самое крупное и самое поразительное открытие в науке об античности со времен эпохи Возрождения». Его имя должно стоять рядом с именами Шлимана и Шампольона, разгадавшего тайну египетских иероглифов. Его открытие дало в руки исследователей подлинные греческие документы того же примерно времени, что события

«Илиады» и «Одиссеи», документы, расширившие, уточнившие, а кое в чем и перевернувшие прежние представления о прообразе того общества и государства, которые изображены у Гомера.

В начале II тысячелетия до н. э. на Балканском полуострове появились племена греков-ахейцев. К середине этого тысячелетия в южной части полуострова сложились рабовладельческие государства. Каждое из них было небольшою крепостью с примыкавшими к ней землями. Во главе каждого стояли, по-видимому, два властителя. Властители-цари со своими приближенными жили в крепости, за могучими, циклопической кладки стенами, а у подножия стены возникал поселок, населенный царскими слугами, ремесленниками, купцами. Сперва города боролись друг с другом за главенство, потом, около XV столетия до н. э., начинается проникновение ахейцев в соседние страны, за море. В числе прочих их завоеваний был и остров Крит — главный центр древнейшей, догреческой культуры юго-восточного района Средиземноморья. Задолго до начала ахейского завоевания на Крите существовали государства с монархической властью и обществом, четко разделявшееся на классы свободных и рабов. Критяне были умелыми мореходами и купцами, отличными строителями, гончарами, ювелирами, художниками, знали толк в искусстве, владели письменностью. Ахейцы и прежде испытывали сильное воздействие высокой и утонченной критской культуры; теперь, после покорения Крита, она окончательно стала общим достоянием греков и критян. Ученые называют ее крипто-микенской.

Землею, постоянно привлекавшей внимание ахейцев, была Трояда на северо-западе Малой Азии, славившаяся выгодным местоположением и плодородною почвой. К главному городу этой земли — Илиону, или Трое, — не раз снаряжались походы. Один из них, особенно продолжительный, собравший особенно много кораблей и воинов, остался в памяти греков под именем Троянской войны. Древние относили ее к 1200 году до н. э. — в пересчете на нашу хронологию, — и работы археологов, копавших Гиссарлыкский холм вслед за Шлиманом, подтверждают древнюю традицию.

Троянская война оказалась кануном крушения ахейской мощи. Вскоре на Балканах появились новые греческие племена — дорийцы, — такие же дикие, какими тысячу лет назад были их предшественники, ахейцы. Они прошли через весь полуостров, вытесняя и подчиняя ахейцев, и до основания разрушили их общество и культуру. История обратилась всяк: на месте рабовладельческого государства вновь появилась родовая община, морская торговля заглохла, зарастали травой уцелевшие от разрушения царские дворцы, забывались искусства, ремесла, письменность. Забывалось и прошлое; цепь событий разрывалась, и отдельные звенья обращались в предания — в мифы,

как говорили греки. Мифы о героях были для древних такою же непререкаемою истиной, как мифы о богах, и сами герои становились предметом поклонения. Героические предания переплетались друг с другом и с мифами о богах. Возникали круги (циклы) мифов, соединявшихся как последовательностью фактов, лежавших в их основе, так и законами религиозного мышления и поэтической фантазии. Мифы были почвою, на которой вырос греческий героический эпос.

Героический эпос есть у каждого народа. Это повествование о славном минувшем, о событиях первостепенной важности, которые были поворотным пунктом в истории народа. Таким событием (или, по крайней мере, одним из таких событий) оказался великий поход на Трои; сказания о нем сделались важнейшей сюжетною основой греческого эпоса. Но от времени, когда создавался эпос, эти события были отделены тремя, а то и четырьмя веками, и потому к картинам ушедшей жизни, запомнившимся с необыкновенной точностью, присоединялись детали и подробности, заимствованные из жизни, которая окружала неведомых нам творцов эпоса. В самой основе мифа многое оставалось нетронутым, но многое и перетолковывалось на новый лад, в согласии с новыми идеалами и взглядами. Многослойность (а стало быть, и неизбежная противоречивость) изначально была характерной чертой греческого эпоса, а так как он находился в непрестанном движении, число слоев все увеличивалось. Подвижность эта неотделима от самой формы его существования: как и у всех народов, героический эпос у греков был устным творчеством, и письменное его закрепление знаменовало последний этап в истории жанра.

Исполнителями эпических произведений и вместе с тем их со-творцами, со-авторами были певцы (по-гречески «аэды»). Они знали наизусть десятки тысяч стихотворных строк, перешедших к ним по наследству и бог весть кем и когда сочиненных, они владели набором традиционных средств и приемов, тоже переходивших от одного поколения поэтов к следующему (сюда относятся и разнообразные формулы-повторы для описания сходных или в точности повторяющихся ситуаций, и постоянные эпитеты, и особый стихотворный размер, и особый язык эпоса, и даже самый круг сюжетов, довольно широкий, но все же ограниченный). Обилие устойчивых, неизменных элементов было необходимым условием для самостоятельного творчества: волюю их комбинируя, переплетая с собственными стихами и полустышьями, аэд всегда импровизировал, всегда творил наново.

Большинство современных ученых считает, что Гомер жил в VIII веке до н. э. в Ионии — на западном побережье Малой Азии или на одном из близлежащих островов. К тому времени аэды успели исчезнуть, и место их заняли декламаторы-рапсоды; они уже не пели, аккомпанируя себе на кифаре, а читали нараспев, и не только собст-

венные произведения, но и чужие. Гомер был одним из них. По Гомер не только наследник, он и новатор, не только итог, но и начало: в его поэмах лежат истоки духовной жизни всей античности в целом. Византиец Михаил Хоният (XII—XIII вв.) писал: «Подобно тому, как, по словам Гомера, все реки и потоки берут начало из Океана, так всякое словесное искусство исток имеет в Гомере».

Есть предположение, что «Илиада» и «Одиссея» действительно заключают многовековую традицию импровизационного творчества — что они были первыми образцами письменно закрепленного «большого эпоса», с самого начала были литературой в прямом смысле слова. Это не значит, разумеется, что известный нам текст поэм ничем не отличается от исходного, каким он был записан или «выговорен» в конце VIII или начале VII века до н. э. В нем немало позднейших вставок (интерполяций), в иных случаях весьма пространных, до целой песни; немало, вероятно, и сокращений-купюр, и стилистических поправок, которые следовало бы назвать искажениями. Но в таком «искаженном» виде он насчитывает почти две с половиной тысячи лет, в таком виде был известен древним и принят ими, и пытаться возвращать его к первоначальному состоянию не только невозможно по существу, но и бессмысленно с историко-культурной точки зрения.

«Илиада» повествует об одном эпизоде последнего, десятого, года Троянской войны — гнев Ахиллеса, самого могучего и храброго среди греческих героев, оскорбленного верховным предводителем ахейцев, микенским царем Агамемноном. Ахиллес отказывается участвовать в сражениях, троянцы начинают брать верх, гонят ахейцев до самого лагеря и едва не поджигают их корабли. Тогда Ахиллес разрешает вступить в битву своему любимому другу Патроклу. Патрокл погибает, и Ахиллес, отрекшись наконец от гнева, мстит за смерть друга, сразив Гектора, главного героя и защитника троянцев, сына их царя Приама. Все главное в сюжете поэмы — от мифов, от Троянского цикла. С тем же циклом связана и «Одиссея», рассказывающая о возвращении на родину после падения Трои другого греческого героя — царя острова Итаки Одиссея. Но здесь главное — не миф: оба основных сюжетных компонента «Одиссеи» — возвращение супруга к супруге после долгого отсутствия и удивительные приключения в дальних, заморских краях — восходят к сказке и пародной новелле. Различие между обеими поэмами этим не ограничивается, оно заметно и в композиции, и в деталях повествования, и в деталях мироощущения. Уже сами древние не были уверены, принадлежат ли обе поэмы одному автору, немало сторонников такого взгляда и в новые времена. И все же более вероятным — хотя, строго говоря, точно таким же доказуемым — представляется обратное мнение: сходного между «Илиадой» и «Одиссеей» все же больше, чем отличного.

Несходство и прямые противоречия обнаруживаются не только между поэмами, но и внутри каждой из них. Они объясняются в первую очередь упомянутой выше многослойностью греческого эпоса: ведь в мире, который рисует Гомер, совмещены и соседствуют черты и приметы нескольких эпох — микенской, предгомеровской (дорийской), гомеровской в собственном смысле слова. И вот рядом с дорийским обрядом сожжения трупов — микенское захоронение в земле, рядом с микенским бронзовым оружием — дорийское железо, неведомое ахейцам, рядом с микенскими самодержцами — безвластные дорийские цари, цари лишь по имени, а по сути родовые старейшины... В прошлом веке эти противоречия привели науку к тому, что под сомнение было поставлено само существование Гомера. Высказывалась мысль, что гомеровские поэмы возникли спонтанно, то есть сами собой, что это результат коллективного творчества — вроде народной песни. Критики менее решительные признавали, что Гомер все-таки существовал, но отводили ему сравнительно скромную роль редактора, или, точнее, компилятора, который умело свел воедино небольшие по размеру поэмы, принадлежавшие разным авторам, или, может быть, народные. Третьи, напротив, признавали за Гомером авторские права на большую часть текста, но художественную цельность и совершенство «Илиады» и «Одиссеи» относили на счет какого-то редактора более поздней эпохи.

Ученые неумоимо вскрывали все новые противоречия (нередко они бывали плодом ученого воображения или ученой придирчивости) и готовы были платить любую цену, лишь бы от них избавиться. Цена, однако же, оказалась слишком высока: выдумкою, фикцией обернулся не только Гомер, но и достоинства «мнимых» его творений, разорванных на клочки беспощадными перьями аналитиков (так называют ниспровергателей «единого Гомера»). Это было явной нелепостью, и в течение последних пятидесяти лет верх взяла противоположная точка зрения — унитарная. Для унитариев неоспоримо художественное единство гомеровского наследия, ощущаемое непосредственно любым непредвзятым читателем. Их цель — подкрепить это ощущение с помощью особого «анализа изнутри», анализа тех правил и законов, которые, сколько можно судить, ставил себе сам поэт, тех приемов, из которых складывается поэзия Гомера, того мироощущения, которое лежит в ее основе. Итак, взглянем на Гомера глазами непредвзятого читателя.

Прежде всего нас озадачит и привлечет сходство, близость древнего к современному. Гомер сразу же захватывает и сразу из предмета изучения становится частью нашего «я», как становится всякий любимый поэт, мертвый или живой — безразлично, потому что основным для нас будет эмоциональный отзыв, эстетическое переживание.

Чтя Гомера, убеждаешься, что многое в его взгляде на мир — не только вечная и непреходящая истина, но и прямой вызов всем последующим векам. Важнейшее, что отличает этот взгляд,— его широта, желание понять разные точки зрения, терпимость, как сказали бы сегодня. Автор героического эпоса греков не питает ненависти к троянцам, бесспорным виновникам несправедливой войны (ведь это их царевич Парис нанес обиду людям и оскорбил божеский закон, похитив Елену, супругу своего гостеприимца, спартанского царя Менелая); скажем более — он уважает их, он им сочувствует, потому что и у них нет иного выбора, как сражаться, защищая свой город, жен, детей и собственную жизнь, и потому, что они сражаются мужественно, хотя ахейцы и сильнее и многочисленнее. Они обречены; правда, сами они еще не знают этого, но Гомер-то знает исход войны и, великодушный победитель, сострадает будущим побежденным. И если, по словам самого поэта, «святая Троя» ненавистна богам «за вину Приаида Париса», то Гомер выше и благороднее богов-олимпийцев.

Широта взгляда вдохновляется добротой, человечностью. Едва ли случайно, что европейскую литературу открывает призыв к доброте и осуждение жестокости. Справедливость, которую обязаны блюсти люди и охранять боги,— во взаимной любви, кротости, приветливости, благодущии; беззаконие — в свирепстве, в бессердечии. Даже Ахиллесу, образцовому своему герою, не прощает Гомер «львиного свирепства», и поныне это не прописное проклятие прописному пороку, а живой опыт, за который люди на протяжении своей истории платили так много и всякий раз сызнова. Человечность Гомера столь велика, что одерживает верх даже над неотъемлемыми признаками жанра: обычно героический эпос — это песнь войне, как испытанию, обнаруживающему лучшие силы души, и Гомер в самом деле прославляет войну, но он уже и проклинает ее бедствия, ее безобразие, бесстыдное надругательство над человеческим достоинством. Первое, видимо, идет от примитивной морали варваров-дорийцев, второе — от новой морали законности и мира. Ей предстояло подчинить себе вселенную, и по сию пору нельзя еще сказать, чтобы эта задача была решена. Вот где Гомер встречается с Шекспиром, а мы — с тем и другим, вот что нам Гекуба! Мы отлично понимаем ужас старого Приама, заранее оплакивающего свою уродливую и бесславную гибель:

О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью,—
Все у него и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным!

И несколько не меньше, не хуже понятен нам яростный шекспировский протест против судьбы, позволившей этому совершиться:

Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
О боги, отымите колесо,
Разбейте обод, выломайте спицы
И ось его скатите с облаков
В крошечный ад!¹

Унижение человека несправедливостью, насилием — это позор и мука для каждого из людей; свой наглый вызов злодейство бросает всему миропорядку, и, стало быть, каждому из нас, и, стало быть, каждый в ответе за злодейство. Гомер это предчувствовал, Шекспир ясно понимал.

Но терпимость нигде ни разу не оборачивается терпимостью к злу, робостью перед ним, попыткой его оправдать. Твердость этической позиции, серьезная и строгая однозначность в отношении к жизни, столь характерная для Гомера (и для античной традиции в целом), обладает в наших глазах особою притягательною силой. «Незыблемость скалы ценностей», от Гомера до наших дней — неискоренимость добра и честности перед лицом злобы и предательства, вечность тяги к прекрасному вопреки соблазнам безобразного, «вечность» максим и заповедей, которые иным простакам кажутся родившимися только вчера или даже сегодня, — несет в себе радость и ободрение. И не нужно подозревать, будто такая однозначность оценок — следствие примитивного, первобытного самодовольства, которому непонятно, что такое сомнение; нет, под нею скрыта органическая уверенность в себе здорового интеллекта, здорового чувства, уверенность в своем праве (и в своей обязанности!) решать и судить.

Для здорового чувства и здорового интеллекта жизнь — великий дар и самое драгоценное достояние, несмотря на все ее бедствия, муки и тяжкие превратности, несмотря на то, что Зевс изрекает с высоты небес:

...Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека!

Но бессмертному не понять смертных, и поэт не только благороднее, но и мудрее своих богов. Он приемлет действительность спокойно и здраво, он улавливает в ней ритм чередующихся радостей и горестей и видит в таком чередовании непреложный закон бытия, и решительно говорит бытию «да», а небытию — «нет».

Решительно, но безоговорочно, потому что и в лицо смерти смотрит с таким же бесстрашием и спокойствием, как в лицо жизни. Неизбежность смерти не может и не должна отравить радость земного

¹ Перевод Б. Пастернака,

существования, а ее угроза — толкнуть на бесчестие. Одно из лучших и самых знаменитых мест в «Илиаде» — слова троянского героя Сарпедона, обращенные к другу перед битвою:

Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареючи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел вперед перед воинством биться,
Я и тебя бы не влек на опасности славного боя.
Но и теперь, как всегда, неспешные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их не минуть, не избежать.
Вместе вперед! или на славу кому, или за славою сами!

Мироощущение Гомера — это высшее спокойствие и просветленность духа, который изведает и неистовый восторг, и неистовое отчаяние и поднялся выше обоих — над наивностью оптимизма и озлобленностью пессимизма.

Слова Сарпедона, призывающие друга в бой, читателя призывают задуматься, насколько свободен человек у Гомера — обладает ли он свободой выбора, свободой воли или скован «вышними силами» по рукам и ногам. Вопрос на редкость сложный, и ответы разноречивы, ибо разноречивы представления о богах и Судьбе, совместившиеся в греческом эпосе. Довольно часто люди действительно жалуются, что они не более чем игрушки в руках богов, и во всех своих бедах и ошибках винят злокозненных небожителей, но если это так, почему боги негодуют на неправду, чинимую людьми? Тогда это их, божеская, неправда, и гомеровская мораль лишается основания. Как ни толкуй эти жалобы (а их можно объяснять и психологически, например, попытку оправдаться, переложить собственную вину на чужие плечи), сгладить противоречие очень трудно. Да это и ни к чему. Тем более что мы встретим достаточно мест, где человек принимает решение сознательно, здраво взвешивая все «за» и «против», без всякой помощи (или коварной подсказки) свыше, и потому обязан нести ответственность за свой поступок. Подобные человеку во всем, боги Гомера и тут выступают в чисто человеческих ролях: они подают советы — совершенно так же, как мудрый старец Нестор, они участвуют в схватках — совершенно как смертные герои, иногда даже с меньшею удачей, чем смертные, не брезгают вмешательством и в мелочи земной жизни. Они способны помочь человеку или навредить ему, но решить его участь они не могут — ни один из них, даже Зевс.

Участь человека предопределена Судьбою, высшей в мире силою, которой подчиняются и сами боги. Они слуги Судьбы, исполнители ее решений; приблизить или отдалить назначенное Судьбою — вот все, на что они способны. Главное их преимущество перед людьми — знание, мудрость, предвидение будущего (так же как главная причина людской несправедности, греха — это невежество, духовная слепота, глу-

пость), и они охотно пользуются этим преимуществом, чтобы заранее известить смертного, что «предначертано ему роком». А это очень важно, поскольку в рамках предначертанного, в рамках необходимости почти всегда остается место свободе. Судьба предлагает дилемму: поступишь так-то — уцелеешь, поступишь по-иному — умрешь (что и значит «судьбе вопреки низойти в обитель Аида»). Выбор есть акт свободной воли, но, коль скоро он сделан, в его последствиях ничего нельзя изменить. Гермес внушал Эгисту, чтобы тот не покушался на жизнь Агамемнона, когда царь возвратится из похода на Троию, и не вступал в брак с его супругой. Эгист остался глух к наставлению бога и, как предупреждал его Гермес, понес наказание от руки сына убитого.

Читая Гомера, убеждаешься, что бывают случаи, когда банальные, захватанные штампы, давно потерявшие смысл и выразительность, вдруг оживают. Он в самом деле «гений поэзии» и в самом деле «художник слова». Он рисует и лепит словом, созданное им зримо и осязаемо. Он обладает неповторимую даже среди собратьев по гениальности острою глазу, и потому мир его видения — самые обыденные предметы в этом мире — резче, отчетливее, содержательнее, нежели то, что открывается любому иному взору. Это качество хотелось бы, вслед за Марксом, назвать детскостью, потому что лишь в ранние годы, лишь ребенку доступна такая зоркость. Но детскость Гомера — это еще и яркое солнце, которым пронизаны поэмы, и восхищение жизнью, во всяком ее обличии (отсюда общая приподнятость тона, эпическая величавость), и неиссякаемое любопытство к деталям (отсюда бесчисленные, но никогда не утомляющие подробности). Детскость проявляется, наконец, и в том, как относится художник к своему материалу.

Писатель нового времени, как правило, борется с материалом, он *организует* слово и стоящую за ним действительность — это именно процесс организации, претворение хаоса в космос, беспорядка в порядок. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем заметнее борьба, тем меньше старается художник скрыть ее от чужих глаз, а нередко и демонстративно выставляет сопротивление материала на всеобщий обзор. Античный писатель не знал этого сопротивления, у Гомера субъект еще не прогигиопоставлен объекту (обществу или даже природе): так ребенок долго не осознает противоположности «я» и «не-я». Органическое ощущение единства слабело с веками, но вплоть до самого конца античной традиции не исчезало окончательно, и это придает всякой античной книге, и прежде всего гомеровским поэмам, особую цельность, которую ни с чем не спутаешь и которая влечет нас и радует — по контрасту. То же ощущение, пожалуй, запечатлено в современной Гомеру пластике и вазописи, обычно именуемых архаическими. Глядя на «курсов» (изваяния юношей в полный рост), на их сдержанную, скованную мощь и блаженную улыбку, разглядывая вазы

и глиняные статуэтки, каждая из которых вправе называться шедевром, думаешь о том, с какою свободой и беззаботностью, с каким мудрым забвением повседневных тягот и тревог, с каким детским доверием к будущему и уверенностью в нем воспринимал мир древний художник. Потому-то и улыбаются губы, потому так широко открыты глаза — с любопытством ко всему на свете, с достоинством и спокойствием, которые чудесным образом сочетаются с экспрессией, смелою выразительностью движений в вереницах людей и животных.

То же и у Гомера. «Статические» зарисовки чередуются с «динамическими», и трудно сказать, какие удаются поэту лучше. Сравним:

В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облачен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалась мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял...

...в изумление та бляха

Всех приводила. Хитон, я приметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.

II:

Вышел таков Теламонид огромный, твердыня Данаев,
Грозным лицом осклабясь, и звучными сильными стопами
Шел, широко выступая, копьем длиннотенным колебля.

Чему отдать предпочтение, пусть каждый решит для себя сам, но в любом случае запомним, что упрекать гомеровский эпос в примитивной застылости, в неспособности изобразить движение — несправедливо и нелепо.

Зримость, наглядность, как основное качество поэзии Гомера, позволяет объяснить многое в «Илиаде» и «Одиссее». Становится понятным последовательное олицетворение всего отвлеченного (Обида, Вражда, Молитвы): то, чего нельзя охватить взором, для Гомера просто не существует. Понятна полная конкретность — не просто человекоподобие, но именно конкретность, вещьность — образов небожителей. Конкретность неизбежно снижает образ, и только здесь, в обостренном чувстве реальности, а никак не в первобытном вольнодумстве, надо искать причину того, что нашему восприятию кажется насмешкою над богами: боги Гомера вспыльчивы, тщеславны, злопамятны, высокомерны, простоваты, не чужды им и физические изъяны. Гомеровская мифология — первая, которая нам известна у греков; что в ней от общепринятых религиозных верований, что добавлено вымыслом поэта, никто не знает, и можно с большою вероятностью предполагать, что более поздние, классические представления об Олимпе и его обитателях

во многом прямо заимствованы из «Илиады» и «Одиссеи» и происхождением своим обязаны художественному дару автора поэм.

Конкретность и вообще несколько снижает приподнятость тона, эпическую величавость. Одним из средств, создающих эту приподнятость, был особый язык эпоса — изначально неразговорный, сложенный из элементов различных греческих диалектов. Во все времена он звучал для самих греков остраненно и высоко и уже в классическую эпоху (V в. до н. э.) казался архаичным. Русский перевод «Илиады», выполненный Н. И. Гнедичем около полутора столетий назад, как нельзя вернее воспроизводит отчужденность эпического языка, его приподнятость надо всем обыденным, его древность.

Читая Гомера, убеждаешься: не только внешность мира, его лик,— когда улыбчивый, когда хмурый, когда грозный,— умел он изображать, но и человеческая душа, все ее движения, от простейших до самых сложных, были ведомы поэту. Есть в поэмах настоящие психологические открытия, которые и теперь при первой встрече — первом чтении — поражают и запоминаются на всю жизнь. Вот дряхлый Приам, тайком явившись к Ахиллесу в надежде получить для погребения тело убитого сына,

 никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
 В ноги упав, обымает колена и руки целует,—
 Страшные руки, детей у него погубившие многих!

Цену этим строкам знал, бесспорно, и сам поэт: недаром чуть ниже он повторяет их, вложив в уста самого Приама и дополнив прямым «психологическим комментарием»:

 Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием жалься,
 Вспомнив Пелея отца: несравненно я жальче Пелея!
 Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
 Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Или еще пример — другое открытие: горе и сплачивает, и в то же время разъединяет людей. Дружно рыдают рабыни, оплакивая убитого Патрокла, но в душе каждая сокрушается о собственном горе, и так же плачут, сидя рядом, враги — Ахиллес и Приам:

 За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
 Оба они вспоминая: Приам — знаменитого сына,
 Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый,
 Царь Ахиллес, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
 Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.

Или еще — всякое очень сильное чувство двулико, скорбное просветление скрыто на дне безутешного плача, за бешеным гневом таится сладость:

 Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит,
 Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда.

Психологизм в сочетании с даром художника — постоянным стремлением не рассказывать, а показывать — сообщает эпосу качества драмы: характеры раскрываются не со стороны, а непосредственно, в речах героев. Речи и реплики занимают приблизительно три пятых текста. В каждой из поэм около семидесяти пяти говорящих персонажей, и все это живые лица, их не спутаешь друг с другом. Древние называли Гомера первым трагическим поэтом, а Эсхил утверждал, что его, Эсхила, трагедии — лишь крохи с пышного стола Гомера. И правда, многие знаменитые, психологически совершенные эпизоды «Илиады» и «Одиссеи» — это сцены, словно бы специально написанные для театра. К их числу принадлежат свидание Гектора с Андромахой в VI песни «Илиады», появление Одиссея перед феакийской царсвеною Навсикаей и «узнание» его старой нянькою Евриклейей — в VI и XIX песнях «Одиссеи».

Читая Гомера, убеждаешься, что обе поэмы (в особенности «Илиада») — чудо композиции, и дивисься безумной отваге аналитиков, утверждавших, будто эти виртуознейшие конструкции сложились сами собой, стихийно, спонтанно. Трудно сомневаться, что расположение материала было строго и тщательно обдуманно, — именно потому так полно исчерпываются все начатые однажды темы, так плотно сконцентрировано действие. Всего одиннадцать стихов потребовалось автору «Илиады», чтобы ввести слушателя (или читателя) в суть дела, в самую гущу событий; в одиннадцать строках экспозиции открываются и главная тема всего произведения — гнев Ахиллеса, и повод к гневу, и обстоятельства, предшествовавшие ссоре вождей, и даже божественная подоплека событий («совершалась Зевсова воля»). Сразу же за тем начинается действие, которое длится до тех пор, пока не иссякает полностью главная тема. Ни убийство Гектора, ни надругательство над его телом, ни пышные похороны Патрокла, ни погребальные игры в честь друга не приносят успокоения Ахиллесу. Только после свидания с Приамом наступает перелом: душа, омраченная яростью и отчаянием, словно просветляется, омытая слезами, которые вместе проливают убийца и отец убитого. И затем такое же просветленное завершение второй темы — темы Гектора, которая неотделима от главной, ею рождена и дополняет ее. Эпилога в «Илиаде» нет, и вплоть до последней, завершающей строки: «Так погребали они конеборного Гектора тело» — длится развязка, всем духом своим напоминающая развязку трагедии. Напоминает о трагедии и темп повествования, неровный, порывистый, изобилующий резкими, неожиданными поворотами — в трагедии их называют перипетиями. Главная перипетия решает судьбу героя и решительно направляет действие к кульминации и развязке. В «Илиаде» роль главной перипетии играет гибель Патрокла, кульминации — умерщвление Гектора.

И эпизоды и образы «Илиады» объединены вокруг главной темы и главного героя, образуя тесно связанную систему. Все события поэмы укладываются в девять дней (впрочем, если считать и «пустые промежутки» между сгустками действия, дней наберется пятьдесят один). «Одиссея» построена несколько иначе, более рыхло. Здесь нет такого сгущения действия, такого тесного переплетения различных его линий (хотя «действенных» дней тоже девять). Более независимы друг от друга и образы: нет таких психологически взаимодополняющих или противопоставленных пар, как Ахиллес — Гектор, или Ахиллес — Диомед, или Ахиллес — Патрокл, связи между персонажами по преимуществу внешние, сюжетные. Но надо помнить, что перед поэтом стояла труднейшая задача — изложить десятилетнюю предысторию возвращения на Итаку, рассказать о десятилетних скитаниях героя. Выходит, что большая рассредоточенность действия была задана самим сюжетом.

Изучая построение поэм, ученые открыли у Гомера особый композиционный стиль, который называли «геометрическим». Его основа — острое чувство меры и симметрии, а результат — последовательное членение текста на триптихи (тройное деление). Так, первые пять песней «Одиссеи» составляют структуру из двух триптихов. Первый: совет богов и их намерение вернуть Одиссея на родину (I, ₁ — I, ₁₀₀) — Телемах и женихи на Итаке (I, ₁₀₁ — II) — Телемах гостит у Нестора в Пилосе (III). Второй: Телемах гостит у Менелая в Спарте (IV, ₁ — IV, ₆₂₄) — женихи на Итаке (IV, ₆₂₅ — IV, ₈₄₇) — совет богов и начало пути Одиссея на родину (V). Второй триптих как бы зеркально отражает первый, получается симметричное расположение элементов по обе стороны от центральной оси. Конечно, это результат не расчета, а врожденного дара: автор, вернее всего, и не подозревал о собственном геометризме. Нам, читателям, геометризм открывается непосредственно. Мы говорим о нем нечетко и расплывчато, называя общео стройностью, изяществом, соразмерностью. Но как бы там ни было, мы наслаждаемся этой непрдуманной, ненарочитой соразмерностью, — быть может, в противоположность нарочитой асимметричности, которая становится эстетической нормой в новейшее время.

Со всем тем нельзя настаивать, что композиция поэм — и не только композиция — совершенно свободна от изъянов, с точки зрения современного читателя. Остатки примитивного творческого метода древних певцов обнаруживаются и в утомительных длиннотах, и в сюжетных повторах, резко снижающих занимательность (например, в начале XII песни «Одиссеи» волшебница Цирцея заранее и довольно подробно рассказывает о приключениях, которые будут содержанием этой же самой песни), и в так называемом законе хронологической несовместимости: действия одновременные и параллельные Гомер изо-

бразить не может, а потому рисует их одновременными, следующими одно за другим. По милости этого закона гомеровские битвы выглядят цепочками поединков — каждая пара бойцов терпеливо дожидается своей очереди, да и внутри пары строго соблюдается очередность — разом противники никогда не бьют.

В список изъянов можно было бы внести и пресловутое «эпическое (или даже гомеровское) спокойствие», ибо чистая, беспристрастная объективность, полная незаинтересованность — мертвы и к искусству не принадлежат. Но, хотя «гомеровское спокойствие» часто считается необходимым признаком эпического стиля, это выдуманный признак. Гомер отнюдь не устранился от суждения о происходящем. Расставив декорации и выпустив на сцену актеров, он уже не вмешивается в игру, но и не прячется все время за кулисами, а то и дело выходит к зрителям и говорит с ними, комментируя происходящее; иной раз он обращается к Музе и к действующим лицам. Ученые подсчитали, что подобные «прямые высказывания» составляют около 1/5 всего текста. Самая замечательная их часть — это, бесспорно, авторские (или эпические) сравнения. В обычном сравнении, каким бы образным оно ни было, каждое слово направлено к возможно более полному изображению сравниваемого. Если Одиссей притворно жалуется:

...Но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
Колос легко распознаешь ты,—

здесь все «идет в дело»: я теперь как вымолоченная солома, но как по соломе легко догадаться, что за колос она несла, так и ты, глядя на меня, догадаешься, что за человек я был прежде. Но когда о младших начальниках, строящих войско к бою, говорится:

...Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои елени рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обогрвлены кровию пасти;
После стаею целой к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока
Локчут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы,—
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла,—

то собственно сравнению отведены три строки из десяти: вожди мирмидонян, окружающие Патрокла, были похожи на волков. Остальные семь — особая картина, ничем фактически не связанная с окружающим текстом. Когда-то считали, что авторские сравнения только украшают эпос, но никакой функциональной нагрузки не несут. Теперь

думают по-другому: авторские сравнения — это выход из условной, поэтической действительности в мир, доподлинно окружавший певца и его слушателей; чувства слушателей, изменяя свое направление, как бы получали отдых, чтобы затем с новым напряжением обратиться к судьбам героев. Если авторские сравнения должны были служить эмоциональным контрастом к основному повествованию, ясно, что темы для сравнений заимствовались преимущественно из мирной жизни. В «Илиаде», более одухотворенной, монументальной и сумрачной, монументальны и сравнения; в «Одиссее» они короче и проще, среди мотивов преобладают бытовые, — вероятно, в противоположность чудесам сказки.

Мы видели, как гомеровский эпос соприкасается с драмой. В авторских сравнениях он становится самой настоящею лирикой. Читая Гомера, радуешься встрече с каждым новым сравнением, останавливаешься и медленно произносишь вслух — раз, другой, третий, наслаждаясь его прелестью, свежестью, смелостью и вместе с тем полнейшей естественностью, ненарочитостью.

Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
Доли, небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, —
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрилось огней троянских.

Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
Свежее поле с четкою волов бороздивший могучим
Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
Тащится тяжелой стопною домой он готовить свой ужин.
Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
Дня.

Читать «Илиаду» и «Одиссею», просто читать, как читаешь своего современника, не делая никаких скидок на века и тысячелетия, — вот самый лучший, самый верный путь к Гомеру. Он открыт и доступен всем.

СИМОН МАРКИШ

ПЕРЕВОД

Н. Гнедича

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

ЯЗВА. ГНЕВ

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть

плотоядным

5 Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля), —
С оного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный.

Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному
спору?

Сын громовержца и Леты — Феб, царем прогневленный,
10 Язву на воинство злую навел; погибали народы
В казнь, что Атрид обесчестил жреца непорочного Хриса.
Старец, он приходил к кораблям быстролетным ахейским
Пленную дочь искупить и, принеши бесчисленный выкуп
15 И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахеян,
Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской:
«Чада Атрея и пышноножные мужи ахейцы!
О! да помогут вам боги, имущие дома в Олимпе,
Град Приамов разрушить и счастливо в дом возвратиться;
20 Вы ж свободите мне милую дочь и выкуп примите,
Чествуя Зевсова сына, далеко разящего Феба».

Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
25 Гордо жреца отослал и прирек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обвешивает в неволе,
30 В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

Рек он; и старец трепещет и, слову царя покорясь,
Идет, безмолвный, по берегу немолчношумящей пучины.
35 Там, от судов удалившись, старец взмолился печальный
Фебу царю, лепокудрия Леты могущему сыну:
«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно чаришь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
40 Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов,— услышь и исполни одно мне желанье:
Слезы мои отомсти аргивянам стрелами твоими!»

Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пылущий гневом,
45 Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
50 В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрерывно пылали по стану.

Девять дней на воинство божие стрелы летали;
В день же десятый Пелид на собрание созвал ахеян.
55 В мысли ему то вложила богиня державная Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя ахеян.
Быстро сходился народ, и когда воедино собрался,
Первый, на сонме восстав, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
60 В дома свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.
Вдруг и война, и погибельный мор истребляет ахеян.

Но испытает, Атрид, и вопросим жреца, пль пророка,
Или гадателя спов (и сны от Зевеса бывают):

Пусть нам поведают, чем раздражен Аполлон небожитель?
65 Он за обет несвершенный, за жертву ль стотельчую гневен?
Или от агипцев и избранных коз благовонного тука
Требует бог, чтоб ахеян избавить от пагубной язвы?»

Так произнеши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.

70 Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что будет,
И ахеян суда по морям предводил к Иллиону

Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба.

Он, благомыслия полный, речь говорил и вещал им:

75 «Царь Ахиллес! возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога?

Я возвещу; но и ты согласишь, поклонись мне, что верно
Сам ты меня защитит и словами готов и руками.

Я опасуюсь, прогневаю мужа, который верховный

Царь аргивян и которому все покорны ахейцы.

80 Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный:

Вспыхнувший гнев он на первую пору хотя и смиряет,

Но сокрытую злобу, доколе ее не исполнит,

В сердце хранит. Рассуди ж и ответствуй, заступник ли

ты мне?»

Быстро ему отвечая, вещал Ахиллес благородный:

85 «Верь и дерзай, возвести нам оракул, какой бы он ни был!

Фебом клянусь я, Зевса любимцем, которому, Калхас,

Молишься ты, открывая данаям вещания бога:

Нет, пред судами никто, куда живу я и вижу,

Рук на тебя дерзновенных, клянуся, никто не подымет

90 В стане ахеян; хотя бы назвал самого ты Атрида,

Властию ныне верховной гордящегося в рати ахейской».

Рек он; и сердцем дерзнул, и вещал им пророк непорочный:

«Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен

Феб, но за Хриса жреца: обесчестил его Агамемнон,

95 Дщери не выдал ему и моленье и выкуп отринул.

Феб за него покарал и бедами еще покарает,

И от пагубной язвы разящей руки не удержит

Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной

Дщери его черноокой и в Хрису святой не представят

100 Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость

преклоним».

Слово скончавши, воссел Фесторид; и от сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнон,
Гневом волнуем; ужасной в груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засветились, как пламень.
105 Калхасу первому, смотря свирепо, вещал Агамемнон:
«Бед предвещатель, приятного ты никогда не сказал мне!
Радостно, верно, тебе человекам беды лишь пророчить;
Доброго слова еще ни измолвил ты нам, ни исполнил.
Се, и теперь ты для нас как глагол проповедуешь бога,
110 Будто народу беды дальномечущий Феб устрояет,
Мстя, что блестящих даров за свободу принять Хрисеиды
Я не хотел; но в душе я желал черноокою деву
В дом мой ввести; предпочел бы ее и самой Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; ее Хрисеида не хуже
115 Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
120 Вы же то видите все — от меня отходит награда».

Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
125 Что в городах разоренных мы добыли, все разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить».

Быстро, к нему обратясь, вещал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуя: меня ни провесть, ни склонить не успешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
135 Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аякову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
140 Но об этом беседовать можем еще мы и после.
Ныне черный корабль на священное море испустим,

Сильных гребцов выберем, на корабль гекатомбу поставим
И сведем Хриссиду, румяноланитую деву.

115 В нем да воссядет начальником муж от ахеян советных,
Идоменей, Одиссей Лаэртид, иль Аякс Теламонид,
Или ты сам, Пелейон, из мужей в ополченье страшнейший!
Шествуй и к нам Аполлона умилостивь жертвой священной!»

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быstroногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
150 Кто из ахеян захочет твои повеления слушать?
Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?
Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне:
155 Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами обильной,
Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.
Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!
160 Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и все презираешь,
Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..
Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
165 Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлен ратоборством.
Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
170 В дом возвратится на быстрых судах; посрамленный тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:
«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
175 Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
180 Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вмению в ничто; а напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хриссиду;

Я возвращу, — и в моем корабле, и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
185 Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

Рек он, — и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалось мыслей:
190 Или, немедля исторгнувши меч из влагалища острый,
Встречных рассыпать ему и убить властелина Атрида;
Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу.
В миг, как подобными думами разум и душу волнует,
Страшный свой меч из ножен извлекал он, — явилась Афина,
195 С неба слетев; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцем любя и храня обоих браноносцев; Афина,
Став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелиды,
Только ему лишь явленная, прочим незримая в сонме.
Он ужаснулся и, вспять обратясь, познал несомненно
200 Дочь громовержцеву: страшным огнем ее очи горели.
К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи:
«Что ты, о дочь Эгиоха, сюда низошла от Олимпа?
Или желала ты видеть царя Агамемнона буйство?
Но реку я тебе, и реченное скоро свершится:
205 Скоро сей смертный своею гордынею душу погубит!»

Сыну Пелея рекла светлокая дочь Эгиоха:
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,
С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
Вас обоих равномерно и любит она и спасает.
210 Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:
Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами
Здесь за обиду заплатят: смирился и нам повинуйся».

К ней обращаясь вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
215 «Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

Рек, и на сребряном черене стиснул могучую руку
220 И огромный свой меч в ножны опустил, покорясь
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,

В дом Эгиоха отца, небожителю к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
225 «Грузный вином, со взорами песыми, с сердцем сленя!
Ты никогда ни в сраженьи открыто стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
230 Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты,—
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
Но тебе говорю и великою клятвой клянуса,
Скипетром сим я клянуса, который ни листьев, ни ветвей
235 Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет,— на нем изощренная медь обнажила
Листья и кору,— и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии. уставов Зевесовых стражи,—
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
240 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, беспилен им будешь
Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

245 Так произнес, и на землю стремительно скипетр он бросил,
Вкруг золотыми гвоздями блестящий, и сел меж царями.
Против Атрид Агамемнон свпрепствовал сидя; и Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития пилосский:
Речи из уст его вещих, сладчайшие меда, лилися.
250 Два поколенья уже современных ему человек
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышном; над третьим уж племенем царствовал
старец.

Он, благомыслия полный, советует им и вещает:
«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!
255 О! возликует Приам и Приамовы гордые чада,
Все обитатели Трон безмерно восхитятся духом,
Если услышат, что вы воздвигаете горькую распрю,—
Вы, меж данаями первые в сонмах и первые в битвах!
Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе,
260 Я уже древле видал знаменитейших вас браноносцев;
С ними в беседе вступал, и они не гнушались мною.
Нет, подобных мужей не видал я и видеть не буду,

Воев, каков Пирифой и Дриас, предводитель народов,
Грозный Эксадий, Кеней, Полифем, небожителем равный
265 И рожденный Эгеем Тесей, бессмертным подобный!
Се человеки могучие, слава сынов земнородных!
Были могучи они, с могучими в битвы вступали,
С лютыми чадами гор, и сражали их боем ужасным.
270 Был я, однако, и с оными в дружестве, бросивши Пилос,
Дальнюю Апии землю: меня они вызвали сами.
Там я, по силам моим, подвизался; но с ними стяжаться
Кто бы дерзнул от живущих теперь человеков наземных?
Но и они мой совет принимали и слушали речи.
275 Будьте и вы послушны: слушать советы полезно.
Ты, Агамемнон, как ни могущ, не лишай Ахиллеса
Девы: ему как награду ее даровали ахейцы.
Ты, Ахиллес, воздержись горделиво с царем препираться:
Чести подобной доньше еще не стяжал ни единый
Царь скиптроносец, которого Зевс возвеличивал славой.
280 Мужеством ты знаменит, родила тебя мать-богиня;
Но сильнейший здесь он, повелитель народов несчетных.
Сердце смири, Агамемнон: я, старец, тебя умоляю,
Гнев отложи на Пелида героя, который сильнейший
Всем нам, ахейцам, оплот в истребительной брани троянской».

285 Быстро ему отвечал повелитель мужей, Агамемнон:
«Так справедливо ты все и разумно, о старец, вещаешь;
Но человек сей, ты видишь, хочет здесь всех перевысить,
Хочет начальствовать всеми, господствовать в рати над всеми,
Хочет указывать всем; но не я покориться намерен.
290 Или, что храбрым его сотворили бессмертные боги,
Тем позволяют ему говорить мне в лицо оскорбленья?»

Гневно его перервав, отвечал Ахиллес благородный:
«Робким, ничтожным меня справедливо бы все называли,
Если б во всем, что ни скажешь, тебе угождал я, безмолвный.
295 Требуя того от других, напыщенный властительством; мне же
Ты не приказывай: слушать тебя не намерен я боле!
Слово иное скажу, и его сохрани ты на сердце:
В битву с оружием в руках никогда за плененную деву
Я не вступлю, ни с тобой и ни с кем; отымайте, что дали!
300 Что ж до корыстей других, в корабле моем черном хранимых,
Противу воли моей ничего ты из них не похитишь!
Или, приди и отведай, пускай и другие увидят:
Черная кровь из тебя вокруг копыя моего заструится!»

305 Так воеводы жестоко друг с другом словами сражаясь,
Встали от мест и разрушили сонм пред судами ахейн.
Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной.
Царь Агамемнон легкий корабль испустил на пучину,
310 Двадцать избрал гребцов, поставил на нем гекатомбу,
Дар Аполлону, и сам Хрисеиду, прекрасную деву,
Взвел на корабль: повелителем стал Одиссей многоумный;
Быстро они, устремяся, по влажным путям полетели.
Тою порою Атрид повелел очищаться ахейцам:
315 Все очищались они и нечистое в море метали.
После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы,
Коз и тельцов сожигали у берега бесплодного моря;
Туков воня до небес восходила с клубящимся дымом.

Так аргивяне трудились в стане; но царь Агамемнон
Злобы еще не смирял и угроз не забыл Ахиллесу:
320 Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клеветов и вестников, так заповедывал, гневный:
«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
За руки взяв, пред меня Брисеиду немедленно представьте:
Если же он не отдаст, возвратитесь — сам я исторгну:
325 С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет».

Так произнес и послал, заповедавши грозное слово.
Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучины;
И, приближаясь к кущам и быстрым судам мирмидонов,
Там обретают его, перед кущею своею сидящим
330 В думе; пришедших увидя, не радость Пелид обнаружил.
Оба смутились они и в почтительном страхе к владыке
Стали, ни вести сказать, ни его спросить не дерзая.
Сердцем своим то проник и вещал им Пелид благородный:
«Здравствуйте, мужи глашатаи, вестники бога и смертных!
335 Ближе предстаньте; ни в чем вы не винны, но царь Агамемнон!
Он вас послал за наградой моею, за молодой Брисеидой.
Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Брисеиду;
Пусть похищают; но сами они же свидетели будут
И пред сонмом богов, и пред племенем всех человеков,
340 И пред царем сим нечестовым,— ежели некогда снова
Нужда настанет во мне, чтоб спасти от позорнейшей смерти
Рать остальную... свирепствует, верно, он, ум погубивши;
Свесть настоящего с будущим он не умея, не видит,
Как при судах обеспечить спасение рати ахейской!»

345 Рек, и Менстиев сын покорился любезному другу.
За руку вывел из сени прекраснolanитую деву,
Отдал послам; и они удаляются к сеним ахейским;
С ними отходит печальная дева. Тогда, прослезясь,
350 Бросил друзей Ахиллес, и далеко от всех, одинокий,
Сел у пучины седой, и, взирая на понт темноводный,
Руки в слезах простирал, умоляя любезную мать:
«Мать! Когда ты меня породила на свет кратковечным,
Славы не должен ли был присудить мне высокогремящий
Зевс Эгиох? Но меня никакой не сподобил он чести!
355 Гордый могуществом царь, Агамемнон, меня обесчестил:
Подвигов бранных награду похитил и властвует ею!»

Так он в слезах вопиял; и услышала вопль его мать,
В безднах сидящая моря, в обители старца Нерей.
Быстро из пенного моря, как легкое облако, вышла,
360 Села близ милого сына, струящего горькие слезы;
Нежно ласкала рукой, называла и так говорила:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Сердце твое? не скрывайся, поведай, да оба мы знаем».

Ей, тяжело застав, отвечал Ахиллес быстроногий:
365 «Знаешь, о мать: почто тебе, знающей все, возвещать мне?
Мы на священные Фивы, на град Этионов ходили;
Град разгромили, и все, что ни взяли, представили стану;
Все меж собою, как должно, ахейн сыны разделили:
Сыну Атрееву Хрисову дочь леповидную дали.
370 Вскоре Хрис, престарелый священник царя Аполлона,
К черным предстал кораблям аргивян меднобронных, желая
Пленную дочь искупить; и, принесши бесчисленный выкуп
И держа в руках, на жезле золотом, Аполлонов
Красный венец, умолял убедительно всех он ахейн,
375 Паче ж Атридов могучих, строителей рати ахейской.
Все изъявили согласие криком всеобщим ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкуп;
Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
Гордо жреца он отринул, суровые речи вещая.
380 Жрец огорчился и вснять отошел; но ему сребролукий
Скоро молящемуся внял, Аполлону любезен был старец:
Внял и стрелу истребленья послал на данаев; народы
Гибли, толпа на толпе, и бессмертного стрелы летали
385 С края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Калхас премудрый, поведал священные Феба глаголы.

Первый советовал я укротить раздраженного бога.
Гневом вспылал Агамемнон и, с места, свирепый, воспрянув,
Начал словами грозить, и угрозы его совершились!
В Хрису священника дочь быстроокне чада ахеян
359 В легком везут корабле и дары примирения богу.
Но недавно ко мне приходили послы и из кущи
Брисову дочь увели, драгоценнейший дар мне ахеян!
Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса,
395 Ежели сердцу его угождала ты словом пль делом.
Часто я в доме родителя, в дни еще юности, слышал,
Часто хвалилася ты, что от Зевса, сгустителя облак,
Ты из бессмертных одна отвратила презренные козни,
В день, как отца оковать олимпийские боги дерзнули,
400 Гера и царь Посейдаон и с ними Афина Паллада.
Ты, о богиня, представ, уничтожила ковы на Зевса;
Ты на Олимп многохолмный призвала сторукого в помощь,
Коему имя в богах Брпарей, Эгеон — в человеках:
Страшный титан, и отца своего превышающий силой,
405 Он близ Кронида воссел, и огромный, и славою гордый.
Боги его ужаснулись и все отступили от Зевса.
Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
410 Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

Сыну в ответ говорила Фетида, лиющая слезы:
«Сын мой! Почто я тебя воспитала, рожденного к бедствам!
415 Даруй, Зевес, чтобы ты пред судами без слез и печалей
Мог оставаться. Краток твой век, и предел его близок!
Ныне ты вместе — и всех кратковечней, и всех злополучней!
В злую годину, о сын мой, тебя я в дому породила!
Но вознесусь на Олимп многоснежный; метателю молний
420 Все я поведаю, Зевсу: быть может, вонмет он моленью.
Ты же теперь оставайся при быстрых судах мирмидонских,
Гнев на ахеян питай и от битв удержишь совершенно.
Зевс громовержец вчера к отдаленным водам Океана
С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным;
425 Но в двенадцатый день возвратится снова к Олимпу;
И тогда я пойду к меднозданному Зевсу к Дому,
И к ногам припаду, и царя умолить уповаю».

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
В сердце питавшего скорбь о красноопоясанной деве,
430 Силой Атрида отъятой. Меж тем Одиссей велемудрый
Хрисы веселой достиг с гекатомбой священной Фебу.
С шумом легкий корабль вбежал в глубодонную пристань,
Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на канатах,
435 И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах.
Там они кóтвы бросают, причалы к пристанищу вяжут,
И с дружиною сами сходят на берег пучины,
И низводят тельцов, гекатомбу царю Апполону,
И вослед Хрисеида на отчую землю нисходит.
440 Деву тогда к алтарю повел Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
Дочь тебе возвратить, и Фебу царю гекатомбу
Здесь за данаев принесть, да преклоним на милость владыку,
445 В гневе на племя данаев пославшего тяжкие бедства».

Рек, и вручил Хрисеиду, и старец с веселием обнял
Милую дочь. Между тем гекатомбную славную жертву
Вкруг алтаря веледепного стройно становят ахейцы,
Руки водой омывают и соль и ячмень подымают.
450 Громко Хрис возмолился, горé воздевающий руки:
«Феб сребролукный, внемли мне! о ты, что хранящий обходпшь
Хрису, священную Киллу и мощно царпшь в Тенедосе!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышал
И прославил меня, поразивши бедами ахеян;
455 Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских».

Так он взывал,— и услышал его Аполлон сребролукный.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы,
Выи им поднял вверх, закололи, тела освежили,
460 Бедрa немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом и на них положили останки сырые.
Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.
Бедрa сожегши они и вкусивши утроб от закланых,
465 Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, все уготовя, снимают.
Кончив заботу сию, ахеяне пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем;

И когда питием и пищею глад утолили,
470 Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
Целый ахейне день ублажали пеннем бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели,
Славя его, стреловержца, и он веселился, внимая.
475 Солнце едва закатилось, и сумрак на землю спустился,
Сну предались пловцы у причал мореходного судна.
Но, лишь явилась Заря розоперстая, вестница утра,
В путь поднялися обратный к широкому стану ахейцы.
С места попутный им ветер послал Аполлон сребролукий.
480 Мачту поставили, парусы белые все распустили;
Средний немедленно ветер надул, и, поплывшему судну,
Страшно вокруг киля его зашумели пурпурные волны;
Быстро оно по волнам, бразды оставляя, летело.
После, как скоро достигли ахейского ратного стана,
485 Черное судно они извлекли на покатую сушу
И, высоко, на песке, подкативши огромные бревна,
Сами рассеялись вдруг по своим кораблям и по кушам.

Он между тем враждовал, при судах оставаясь черных,
Зевсов питомец, Пелид Ахиллес, быстроногий ристатель.
490 Не был уже ни в советах, мужей украшающих славой,
Не был ни в грозных боях; сокрушающий сердце печалью,
Праздный сидел; но душою алкал он и брани и боя.

С оной поры наконец двенадцать денниц совершилось.
И на светлый Олимп возвратились вечные боги
495 Все совокупно; предшествовал Зевс. Не забыла Фетида
Сына молений; рано возникла из пенного моря,
С ранним туманом взошла на великое небо, к Олимпу;
Там, одного восседающего, молний метателя Зевса
Видит на самой вершине горы многоверхой, Олимпа;
500 Близко пред ним восседает и, быстро обнявши колена
Левой рукою, а правой подбравши тихо касаясь,
Так говорит, умоляя отца и владыку бессмертных:
«Если когда я, отец наш, тебе от бессмертных угодна
Словом была или делом, исполни одно мне моление!
505 Сына отмсти мне, о Зевс! кратковечнее всех он данаев;
Но его Агамемнон, властитель мужей, обесславил:
Сам у него и похитил награду, и властвует ею.
Но отмсти его ты, промыслитель небесный, Кронон!
Ратям троянским даруй одоление, доколе ахейцы
510 Сына почтить не предстанут и чести его не возвысят».

Так говорила; но, ей не ответствуя, тучегонитель
Долго безмолвный сидел; а она, как объяла колена,
Так их держала, припавши, и снова его умоляла:
«Дай непреложный обет, и священное манье сделай,
515 Или отвергни: ты страха не знаешь; реки, да уверюсь,
Всех ли презреннейшей я меж бессмертных богинь остаюся».

Ей, вздохнувши глубоко, отвечивал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
520 Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян поборую во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
525 Зри, да уверенна будешь,— тебе я главой помаваю.
Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помаваю».

Рек, и во знаменье черными Зевс помавает бровями:
Быстро волосы благовонные вверх поднялись у Крониды
530 Окрест бессмертной главы, и потрясся Олимп многохолмный...

Так совещались они и расстались. Быстро Фетида
Ринулась в бездну морскую с блистательных высей Олимпа;
Зевс возвратился в чертог, и боги с престолов восстали
535 В встречу отцу своему; не дерзнул ни один от бессмертных
Сидя грядущего ждать, но во стретенье все поднялся.

Там Олимпиец на троне воссел; но владычица Гера
Все познала, увидя, как с ним полагала советы
540 Старца пучинного дочь, среброногая мать Пеллиды.
Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»

Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
545 «Гера, не все ты ласкайся мои решения ведать;
Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает

Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
550 Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».

К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
555 Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая мать Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелюда
Честь отомстить и толпы аргивян истребить пред судами».

560 Гере паки ответствовал тучегонитель Кроннон:
«Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так,— без сомнения, мне то угодно!
565 Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки».

Рек; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидела, свое победившая сердце.
570 Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги.
Тут олимпийский художник, Гефест, беседовать начал,
Матери милой усердствуя, Гере лилейнораменной:
«Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
575 Ежели в сонме богов воздвигаете смуту! Исчезнет
Радость от пиршества светлого, ежели зло торжествует!
Мать, тебя убеждаю, хотя и сама ты премудра,
Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмертный
Гневом не грянет и нам не смутит безмятежного пира.
580 Если восхоцет отец, Олимпиец, громами блестящий,
Всех от престолов низвергнет: могуществом всех он превыше!
Мать, потщися могучего сладкими тронуть словами,
И немедленно к нам Олимпиец милостив будет».

Так произнес и, поднявшись, блистательный кубок
585 Матери милой подносит и снова так ей вещает:
«Милая мать, претерпи и снеси, как ни горестно сердцу!
двудонный

Сыну толико драгая, не дай на себе ты увидеть
Зевса ударов; бессилен я буду, хотя и крушася,
Помощь подать: тяжело Олимпийцу противиться Зевсу!
590 Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь,
Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага:
Несся стремглав я весь день и с закатом блестящего солнца
Пал на божественный Лемнос, едва сохранивший дыханье.
Там синтийские мужи меня дружелюбно прияли».

595 Рск; улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера,
И с улыбкой от сына блистательный кубок припяла.
Он и другим небожителям, с правой страны начиная,
Сладостный нектар подносит, черная кубком из чаши.
600 Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, как с кубком Гефест по чертогу вокруг суетится.

Так во весь день до зашествия солнца блаженные боги
Все пировали, сердца услаждая на пиршестве общем
Звуками лиры прекрасной, бряцавшей в руках Аполлона,
Пением Муз, отвечавших бряцанию сладостным гласом.

605 Но, когда закатился свет блистательный солнца,
Боги, желая почить, уклонились каждый в обитель,
Где небожителю каждому дом на холмистом Олимпе
Мудрый Гефест хромоногий по замыслам творческим создал.
Зевс к одру своему отошел, олимпийский блистатель,
610 Где и всегда почивал, как сон посещал его сладкий;
Там он, восшедши, почил, и при нем златотронная Гера.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СОН. БЕОТИЯ, ИЛИ ПЕРЕЧЕНЬ КОРАБЛЕЙ

Все, и бессмертные боги, и коннодошпешные мужи,
Спали всю ночь; но Кроннона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
3 Сердцу его наконец показалася лучшей думой:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:

«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным
ахеян;

Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
10 Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
В бой вести самому повели кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
15 Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

Рек он,— и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,
К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще
Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался.
20 Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
«Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
25 Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
30 Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».

35 Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
40 Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
45 Сверху ramen перекинул блистательный меч среброгвоздный;
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр,
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила,
Зевсу царю и другим небожителям свет возвещая;
50 И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранью кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич,— и ахейцы стекались быстро.
Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
55 Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
«Други! обьятому сном, в тишине амброзической ночи,
Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
60 — Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Кронпона вестник.
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
65 В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие дома
Боги не мнят разномысленно: всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
70 Слово мое сохрани ты на сердце.— И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
75 Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

Так произнес и воссел Атрейон,— и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
80 Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,
Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слышет знаменитейшим в рати ахейской;
Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян».

Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
85 Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купою новая куна;

В образе грозный они над цветами весенним вьются,
90 Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному берегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
95 Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смирая,
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь парод на местах учрежденных уселся,
100 Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста

созданием:

Скиптр сей Гефест даровал молчящему Зевсу Кронида;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
105 Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, упряй, стадами богатому предал Фнесту,
И Фнест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством
пространным.

Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восседающим ахеям:
110 «Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
115 В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемогущему Зевсу, угодно:
Многих уже он градов сокрушил высокие главы
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.
Так, — но коликий позор об нас и потомкам услышать!
120 Мы, — но толкая рать, и народ таковой, как данай,
Тщетные битвы вели и бесплодной войной воевали
С меньшею ратью врагов и трудам конца не узрели,
Ибо когда б возжелали ахейцы и граждане Трои,
Клятвою мир утвердивши, народ обоюдно исчислить,
125 И трояне собрались бы, все, сколько есть их во граде;
Мы же, ахейский народ, разделяся тогда на десятки,
Взяли б на каждый из них от троянских мужей виночерпца, —
Многим десяткам у нас недостало б мужей виночерпцев!
Столько, еще повторяю, числом превосходят ахейцы

130 В граде живущих троян. Но у них многочисленны други,
Храбрые, многих градов копьеборные мужи; они-то
Сильно меня отражают и мне не дают, как ни жажду,
Града разрушить враждебного, пышно устроенной Трои.
135 Девять прошло круговратных годов великого Зевса;
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели;
Дома и наши супруги, и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
140 Други, внимлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать! возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

Так говорил,— и ахейн сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
145 Если и Нот их и Эвр, на водах Инарийского понта,
Вздуют, ударивши оба из облаков Зевса владыки;
Или, как Зефир обширную ниву жестоко волнует,
Вдруг налетев, и над нею бушующий клонит колосья;
Так их собрание все взволновалось; с криком ужасным
150 Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь,
Облаком в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
Рвы очищают; уже до небес подымались крики
Жаждущих в дома; уже кораблей вырывали подпоры.

155 Так бы, судьбе вопреки, возвращение в дома свершилось
Рати ахейской, но Гера тогда провещала к Афине:
«Что это, дочь необорная тучегонителя Зевса!
Или обратно в дома, в любезную землю отчизны
Рать аргивян побежит по хребтам беспредельного моря?
160 Или на славу Приаму, на радость гордым троянам
Бросят Елену Аргивскую, ради которой под Троей
Столько данаев погибло, далеко от родины милой?
Мчися стремительно к воиству меднодоспешных данаев!
Сладкою речью твоей убеждай ты каждого мужа
165 В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так изрекла; покорилась Афина владычице Гере:
Бурно помчалась, с вершины Олимпа высокого бросаясь:
Быстро достигла широких судов аргивян медноброннных;
Там обрела Одиссея, советами равного Зевсу:

170 Думен стоял п один доброснастного черного судна
Он не касался: печаль в нем и сердце и душу пронзала.
Став близ него, прорекла светлоокая дочь Эгиоха:
«Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!
175 Как? со срамом обратно, в любезную землю отчизны
Вы ли отсель побежите, в суда многоместные реяшь?
Вы ли на славу Приаму, на радость троянам Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько ахеян
Здесь перед Троей погибло, далёко от родины милой?
180 Шествуй немедля к народу ахейскому; ревностно действуй;
Сладостью речи твоей убеждай ты каждого мужа
В море для бегства не влечь кораблей обоюдувесельных».

Так провещала; и голос гремящий познал он богини:
Ринулся, сбросив и верхнюю ризу; но онуя поднял
Следом спешивший за ним Эврибат, итакийский глашатай.
185 Сам Одиссей Лаэртид, на пути Агамемнона встретив,
Взял от владыки отцовский вовеки не гибнущий скипетр;
С оным скиптром пошел к кораблям аргивян меднобронных;
Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
190 «Муж знаменитый! тебе ли, как робкому, страху вдаваться.
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа;
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царицы;
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон;
195 Если он гневен, жестоко, быть может, поступит с народом.
Тягостен гнев царя, питомца Кронниона Зевса;
Честь скиптроносца от Зевса, и любит его промыслитель».

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
200 «Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный,
Значачим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам,
аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
205 Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».

Так он, господствуя, рать подчинял; и на площадь собраний
Бросился саки народ, от своих кораблей и от кущей,

С вошлем: подобно как волны немолчношумящего моря,
210 В брег разбиваясь огромный, гремят; и ответствует понт им.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один,

придурковатый;

В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
215 Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.

Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом.

220 Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:

225 «Что, Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.

230 Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел, как другой аргивянин?

Хочешь ли новой жены, чтоб любовью с ней наслаждаться,
В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!

235 Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
В дома свои отшлывем; а его мы оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,

240 Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы; он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»

Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но незапно к нему Одиссеей устремился.
245 Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один скиптроносцев порочить.
Смертного боле презренного, нежели ты, я уверен,

Нет меж ахейя, с сынами Атрея под Трою пришедших.
250 Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча!
Их не дерзай порицать, ни речей уловлять о возврате!
Знает ли кто достоверно, чем окончится дело?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, ахейцы?
255 Ты, безрассудный, Атрида, вождя и владыку народов,
Сидя, злословишь, что слишком ему аргивяне герои
Много дают, и обиды царю произносишь на сонме!
Но тебе говорю я, и слово исполнено будет:
Если еще я тебя безрассудным, как ныне, увижу,
Пусть Одиссея глава на плечах могучих не будет,
260 Пусть я от оногo дня не зовуся отцом Телемаха,
Если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний,
Хлены с рамен и хитона, и даже что стыд покрывает,
И, навзрыд вопиющим, тебя к кораблям не пошлю я
Вон из народного сонма, позорно избитого мною».

265 Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
270 Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись;
Так говорили иные, взирая один на другого:
«Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начшая, и брань учреждая.
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
275 Ныне ругателя буйного он обуздал велеречью!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью!»

Так говорила толпа. Но восстал Одиссей градоборец,
С скиптром в руках; и при нем светлоокая дева, Паллада,
280 В образе вестника став, повелела умолкнуть народам,
Чтоб и в ближних рядах, и в далеких данайские мужи
Слышали речн его и постигнули разум совета.
Он, благомыслия полный, витийствовал так перед сонмом:
«Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
285 Вечный позор перед племенем ясноглагливых смертных,
Слово исполнить тебе не радуют, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя из цветущей Эллады,—
Слово, лишь Трою разрушив великую, вспячь возвратиться.
Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,

290 Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом
возвратиться.
Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
Путник, и месяц один находяся вдали от супруги,
Сетует близ корабля, снаряженного в путь, но который
Держат и зимние вьюги, и волны мятежного моря.
295 Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
Сетуют сердцем, томясь при судах. Но, ахейские мужи,
Стыд нам — и медлить так долго, и праздно в дома
возвратиться!
Нет, потерпите, о други, помедлим еще, да узнаем,
300 Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить.
Твердо мы оное помним; свидетели все аргивяне,
Коиx еще не постигнули смерть наносящие Парки.
Прошлого, третьего ль дня, корабли аргивян во Авлиду
Сонмом слетались, несущие гибель Припаму и Трое;
305 Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы
Вечным богам совершали, под явором стоя прекрасным,
Где, из-под корня древесного, была блестящая влага.
Там явилось чудо! Дракон, и кровавый и пестрый,
Страшный для зора, самым Олимпийцем на свет извлеченный,
310 Вдруг из подножья алтарного выполз и взвился на явор.
Там, на стебле высочайшем, в гнезде, под листьями таяся,
Восемь птенцов воробьиных сидели, бесперые дети,
И девятая мать, недавно родившая пташек...
Всех дракон их пожрал, испускающих жалкие крики.
315 Мать кругом их летала, тоскуя о детях любезных;
Вверх он извившись, схватил за крыло и стонящую мать.
Но, едва поглотил он и юных пернатых, и птицу,
Чудо на нем совершает бессмертный, его показавший:
В камень его превращает сын хитроумного Крона;
320 Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось:
Страшное чудо богов при священных явилось жертвах.
Калхас исполнился духа и так, боговещий, пророчил:
— Что вы умолкнули все, кудреглавые чада Эллады?
Знаменем сим проявил нам событие Зевс промыслитель,
325 Позднее, поздний конец, но которого слава бессмертна!
Сколько пернатых птенцов поглотил дракон сей кровавый
(Восемь их было в гнезде и девятая мать пернатых),
Столько, ахейцы, годов воевать мы под Троею будем;
Но в десятый разрушим обширную стогнами Троию.—
330 Так нам предсказывал Калхас, и все совершается ныне.

Бодрствуйте же, други, останемся все, браноносцы даная,
Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!»

Рек,— и ахеяне подняли крик; корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян,
335 Речь возносящих хвалой Одиссея, подобного богу.
Вскоре вещать меж ахейцами Нестор божественный начал:
«Боги! в собрании мы разглагольствуем праздно, как дети
Слабые, коим и думы о бранных делах незнакомы.
Что и моления наши, и клятвы священные будут?
340 Или в огонь и советы пойдут, и заботы ахеян,
Вин возлиянья и рук сочтанья на верность союзов?
Мы лишь словами стязаемся праздными; помощи ж делу
Мы изыскать не могли, долговременно здесь оставаясь.
Светлый Атрид, и теперь, как и прежде, душою ты твердый,
345 Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
Если ж из оных один или два помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать,— не исполнятся помыслы робких:
Нет, не воротимся в Аргос, доколе мы въявь не познаем,
Зевса, эгиды носителя, ложен обет иль не ложен.
350 Я утверждаю, успех знаменал всемогущий Кронион,
В самый тот день, когда на суда бысролетные сели
Рати ахеян, троянам грозя и бедою и смертью:
Он одесную блистал, благовествуя рати ахейской.
Нет, да никто из ахеян не думает в дом возвратиться
355 Прежде, покада троянской жены на одре не обымет
И не отмстит за печаль и за тайные слезы Елены.
Если ж кто-либо сильно желает лишь в дом возвратиться,
Пусть корабля своего многовеслого он прикоснется:
Прежде других, малодушный, найдет себе смерть и
погибель.

360 Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
Пусть помогает колено колену и племени племя.
Если решиться на то и исполнить преклонишь ахеян,
365 Скоро узнаешь, какой у тебя из вождей иль народов
Робок иль мужествен: всяк за себя ратоборствовать будет;
Вместе узнаешь, по воле ль бессмертных не рушишь ты града
Или по слабости войск и неведенью ратного дела».

370 Сыну Нелея немедля отвечивал царь Агамемнон:
«Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом!

Если б, о Зевс отец, Аполлон и Афина Паллада,
Десять таких у меня из ахейн советников было,
Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!
375 Но Кронид громовержец мне лишь беды посылает;
В тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводит.
Я с Ахиллесом Пелидом стяжался за пленную деву
Спором враждебным; и я раздражаться, на горе мне, начал.
Если же некогда мы съединимся с героем, уверен,
380 Гибели грозной от Трои ничто ни на миг не отклонит!
Ныне спешите обедать, а после начнем нападенье.
Каждый потщися и дрот изострить свой, и щит уготовить;
Каждый кормом обильным коней напитай подъяремных,
Вкруг осмотри колесницу, о брани одной помышляя.
385 Будем целый мы день состязаться в ужасном убийстве;
Отдыха ратным рядам ни на миг никакого не будет,
Разве уж ночь наступившая воинов ярость разнимет.
Пóтом залется ремень да груди не единого воя,
Щит всеобъемный держащий; рука на копье изнеможет;
390 Пóтом покроется конь под своей колесницей блестящей.
Если ж кого я увижу, хотящего вне ратоборства
Возле судов крутоносых остаться, нигде уже после
В стане ахейском ему не укрыться от псов и пернатых!»

Рек,— и ахейцы вскричали ужасно; подобно как волны
395 Воят при бреге высоком, прибитые Нотом порывным
К встречной скале, от которой волна никогда не отходит,
Каждым вздымаяся ветром, отсель и оттоль находящим.
Встав, устремился народ, меж судами рассеялся быстро,
Вкруг задымилися кущи, спешили обедать ахейцы.
400 Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих,
Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея.
Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон,
Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Созвал старейшин отличных, почтеннейших в рати ахейской:
405 Первого Нестора старца и критского Идомея,
После Аяксов двоих и Тидеева славного сына,
И за ним Одиссея, советами равного Зевсу.
Но Атрид Менелай добровольно пришел и незванный,
Зная любезного брата и как он в душе озабочен.
410 Стали они вкруг тельца и ячмень освященный подъяли;
В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный:
«Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира!

Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю
Прежде, чем в прах я не свергну Приамовых пышных
чертогов,

415 Черных от дыма, и врат не сожгу их огнем неугасным;
Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну,
Медью пробив; и кругом его многие други трояне
Ниц не полягут во прахе, зубами грызущие землю!»

Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронийон:
420 Жертвы принял, но труд беспредельный Атриду готовил.
Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву,
Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили,
Бедрa немедля отсекли, обрезанным туком покрыли
Вдвое кругом, и на них распростерли части сырые.
425 Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях,
Но утробы, пронзив, над пылавшим огнем обращали.
Бедрa сожегши они и вкусивши утробы от жертвы,
Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на них осторожно и, так уготова, снимают.
430 Кончив заботу сию, немедленно пир учредили;
Все пировали, никто не нуждался на пиршествe общем.
Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце,
Начал меж оными слово Нестор, конник геренский:
«Царь знаменитый, Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!
435 Более здесь оставайсь, ни времени тратить, ни медлить
Делом великим не будем, которое бог нам веряет.
Царь, повели, да глашатаи меднодоспешных данаев
Кликом, ни мало не медля, народ к кораблям собирают,
Мы ж, совокупные все, по широкому стану ахеян
440 Сами пройдем, да скорее возбудим жестокою битву».

Рек; не отринув совета владыка мужей Агамемнон;
В тот же он миг повелел провозвестникам звонкоголосым
Кликом сзывать на сражение меднодоспешных данаев.
Вестники подняли клич, — и они собирались поспешно.
445 Быстро цари, вокруг Атрида стоявшие, Зевса питомцы,
Бросились строить толпы, и в среде их явилась Паллада,
В длани имея эгид, драгоценный, нетленный, бессмертный:
Сто на эгиде бахром развевались, чистое золото,
Дивно плетенные все, и цена им — стотельчиче каждой.
450 С оным, бурно носяся, богиня народ обтекала,
В бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
В сердце воздвигла, без усталы вновь воевать и сражаться.

Разве, небесные Музы, Кронида великого дочери,
Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы:
495 Аркесилай и Лепт, Пенелей, Профоемор и Клоний.
Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой Авлиде,
Схен населявших, Скол, Этеон лесисто-холмистый;
Феспии, Грен мужей и широких полей Микалесса;
500 Окрест Илезия живших и Гармы и окрест Эритры;
500 Всех обитателей Гпл, Элеон, Петеон населявших;
Также Окалею, град Медеон, устроеннем пышный,
Коны, Эвтрез, и стадам голубиным любезную Фисбу,
Град Коронею, и град Галпарт на лугах многотравных;
Живших в Платее, и в Глиссе тучные нивы пахавших;
505 Всех, населяющих град Гипофйвы, прекрасный устройством;
Славный Онхест, Посейдонов алтарь и заветную рощу;
Ари, виноградом обильный, Мидею, красивую Ниссу,
И народ, наконец, населявший Анфедон предельный.
С ними неслось пятьдесят кораблей, и на каждом из оных
510 По сту и двадцать воинственных, юных беотян сидело.

Град Аспледон населявших и град Миннеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада;
Их родила Астиоха в отеческом Актора доме,
Дева невинная: некогда терем ес возвышенный
515 Мощный Арей посетил и таинственно с нею сопрягся.
С ними тридцать судов прилетели, красивые, рядом.

Вслед ополченья фокеев Схедий предводил и Эпистроф,
Чада Ифита царя, потомки Навбола героя.
Их племена Кипарисс и утесный Пифос населяли;
520 Криссы веселые доли и Давлис и град Панопею;
Жили кругом Гнампола, кругом Анемории злачной;
Вдоль по Кефиссу реке, у божественных вод обитали;
Жили в Лилее, при шумном исходе Кефисского тока.
Сорок под их ополченьями черных судов принеслося.
525 Оба вождя устроили ряды ополчений фокеевских,
И близ беотян, на левом крыле, ополчались к бою.

Локров Аякс предводил, Оилеев сын быстроногий:
Меньше он был, не таков, как Аякс Теламонид могучий,
Меньше далеко его; невеликий, в броне полотняной,

530 Но копьетец отличный меж эллинов всех и данаев.
Он предводил племена, населявшие Кипнос и Опус,
Вессу, Каллар и Скарф и веселые доли Авген;
Тарфы и Фроний, где воды Воагрпия быстро катятся.
Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону
535 С воинством локров мужей, за священно живших Эвбеей.

Но народов эвбейских, дышащих боем абантов,
Чад Эретрии, Халкиды, обильной вином Гистиеи,
Живших в Корнифе приморском и в Днуме, граде высокою,
Стир населявших мужей, и народ, обитавший в Каристе,
540 Вывел и в бой предводил Элефенор, Ареева отрасль,
Сын Халкодонов, начальник нетрепетных духом абантов.
Он предводил сих абантов, на тыле волосы лишь растивших,
Воинов пылких, горящих ударами ясных копий
Медные брони врагов разбивать рукопашно на персях.
545 Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону.

Но мужей, населяющих град величественный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь-земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
550 Где и тельцами и агнцами ныне ее ублажают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных,—
Сих предводил Петенд Менесфей, в ратоборстве искусный.
С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней, и мужей щитоносцев.
555 Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.
С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

В Аргосе живших мужей, населявших Тиринф
крепкостенный,
560 Град Гермипону, Азину, морские пристанища оба,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр, виноградом обильный,
Живших в Масете, в Эгине, ахейских юношей храбрых,
Сих предводителем был Диомед, знаменитый воитель,
Также Сфенел, Капанея великого сын благородный;
565 С ними и третий был вождь, Эвриал, небожителю равный,
Храбрый Мекестия сын, потомок царя Талайона.
Вместе же всех предводил Диомед, знаменитый воитель:
Осмыдесят черных судов под дружинами их принеслося.

Но живущих в Микене, прекрасно устроенном граде,
570 И в богатом Коринфе, и в пышных устройством Клеонах;
Орнии град населявших, веселую Арефирею,
Град Сикион, где царствовал древле Адраст браноносный,
Чад Гипересии всех, Гоноессы высокоутесной;
Живших в Пеллене, кругом Эгпона мужей обитавших,
575 Вдоль по поморью всему, и окрест обширной Гелики,—
Всех их на ста кораблях предводил властелин Агамемнон.
Рать многочисленной всех, превосходнее всех ратоборцы
С ним принеслися; он сам облакался сияющей медью,
Славою гордый, что он перед сонмом героев блистает
580 Саном верховным своим и числом предводимых народов.

Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу;
В Брисии живших мужей и в веселых долинах Авгии,
Живших Амиклы в стенах и в Гелосе, граде приморском;
585 Град населяющих Лаас и окрест Эгипта живущих;
Сих Агамемнона брат, Менелай, знаменитый воитель,
Вел шестьдесят кораблей, но отдельно на бой ополчался;
Ратников сам предводил, на душевную доблесть надежный,
Сам их на бой возбуждал и пылал, как никто из ахейи,
590 Страшно отмстить за печаль и за стон похищенной Елены.

В Пилюсе живших мужей, обитавших в Арене веселой;
Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи,
Град Кипарисию, град Амфигению вкруг населявших,
Птелеос, Гелос и Дорнон, место, где некогда Музы,
595 Встретив Фампра Фраккийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, Эгноховы дочери.
Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
600 К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре.
Сих предводил повелитель их Нестор, конник геренский:
С ним девяносто судов принеслися, красивые строем.

Живших в Аркадии, вдоль под Килленской горою высокой,
Близко могилы Эгипта, мужей рукопашных на битвах;
605 В Феносе живший народ, в Орхомене, стадами богатом,
В Рипе, Стратии мужей обитавших и в бурной Эннисле,
И Тегей в стенах и в странах Мантиней веселой;
В Стимфале живших мужей и в Парразии нивы пахавших,—

610 Смии начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапенор
Гнал шестьдесят кораблей; многочисленны в каждом из оных
Мужи сидели аркадские, сильно искусные в битвах.
Их ополчениям сам повелитель мужей Агамемнон
Дал корабли доброснастные, плыть им по черному понту
К Трое высокой: они небрегли о делах мореходных.

615 Вслед вупрасийцы текли и народы священной Элиды,
Жители тех областей, что Гирмина, Мирзин приграничный,
И утес Оленийский, и холм Алезийский вместиют:
Их предводили четыре вождя, и десять за каждым
Быстрых неслоь кораблей, с многочисленной ратью эпеян.
620 Сих устремляли на бой Амфимах и воинственный Фалпий:
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тех предводителем шествовал храбрый Диор Амаринкид;
Вождь их четвертый был Поликсен, небожителю равный,
Доблестный сын Агасфена, народов царя Авгеида.

625 Рать из Дулихийи, рать с островов Эхинадских священных,
Тех, что за морем широким лежат против берега Элиды,
Мегес Филид предводил, ратоборец, Арею подобный,
Сын любимца богов, конеборца Филея, который
Некогда в край Дулихийский укрылся от гнева отца.
630 Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при Нерите трепетолистном;
Чад Крокилеи, пахавших поля Эгилипы суровой,
В власти имевших Закинф и кругом обитавших в Самосе,
635 Живших в Эпире мужей, и на берегу протнволежащем,—
Сих предводил Одиссей, советами равный Зевесу;
И двенадцать за ним принеслось кораблей красноносых.

Рать из племен этолийских Фоас предводил Андремонид,
Рать из мужей, обитавших в Олене, Пилене, Плевроне,
640 И в Калидоне камнистом, и в граде Халкиде приморской.
Не было больше на свете сынов браноносных Инея;
Мертв и сам уже был он, и мертв Мелеагр светлокудрый;
И в Этолии царствовать вверено было Фоасу.
Сорок за ним, под дружиною, черных судов принеслося.

645 Критян же Идоменей предводил, знаменитый копейщик;
В Кюсе живущих мужей, в укрепленной стенами Гортине,

Ликт паселявших, Милет, и град белокаменный Лпкаст,
Ритий обширный и Фест, многолюдные, славные грады,
И других, населяющих Крита стоградного земли,
650 Был воеводою Идоменей, знаменитый копейщик,
И Мерпон, Эниалину равный, губителю смертных;
Осмыдесят черных судов принеслося под критской дружиной.

Но Тлиподем Гераклид, как отец, и огромный и мощный,
Гордых родосцев извел в девяти кораблях из Родоса,
655 Кои в родосской земле, разделенные на три колена,
Линд, Иялис и Кампр белокаменный вокруг населяли:
Сих предводил Тлиподем, копьеборец, гибельный в битвах,
Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астихой,
Взятой героем в Эфире, у вод Селленса, когда он
660 Многие грады рассыпал штомцев Зевсовых юных.
Сей Тлиподем, лишь возрос в благосозданном доме Геракла,
Скоро убил, безрассудный, почтенного дядю отцова,
Старца уже седого, Ликимния, отрасль Арея.
Быстро сплотил он суда и с великою собранной ратью
665 Скрылся, бежа по морям, утрашаяся мести грозивших
Всех остальных, — и сынов, и потомков Геракловой силы.
Прибыл в Родос наконец он, скиталец, беды претерпевший;
Там поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсом любимы, владыкой богов и отцом человекoв:
670 Он им богатства несметные свыше пролил, Олимпиец.

Вслед их Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима,
Юный Нирей, от Харопа царя и Аглан рожденный;
Оный Нирей, что с сынами данаев пришел к Илиону,
Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида;
675 Но не мужествен был он, и малую вывел дружину.

Живших в Низире мужей, населяющих Казос и Крапаф,
Град Эврипилов Коос и народ островов Калиднийских
Два предводили вождя: и Фидипп, и воинственный Антиф,
Оба Фессалом рожденные, царственным сыном Геракла.
680 Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

Ныне псчислю мужей, в пеласгическом Аргосе живших,
Алос кругом паселявших, и Алоп удел, и Трахину,
Холмную Фтию, Элладу, славную жен красотою,
Всех — мирмидонов, ахейн — эллинов имя носящих;
685 Сих пятьдесят кораблей предводил Ахиллес знаменитый.

Но народы сии о гремящей не мыслили брани;
Некому было водить на сражения строев их грозных.
В станс, при черных судах, возлежал Ахиллес быстроногий,
Гневный за дочь Брисееву, пышноволосяную деву,
690 Деву, которую взял, по жестоких трудах, из Лирнесса,
Самый Лирнесс разгромя и высокие фивские стены,
Где и Эвена сынов, копьеборцев, гибельных в битвах,
Внуков Селепа царя, и Эпистрофа сверг и Минеса.
Грустен по ней, возлежал он; но скоро воспрянет, могучий.

695 В Филаке живших мужей, населявших Пираз цветущий,
Область Деметры любимую, мать овец Итонею,
Травами тучный Птелей и Антрон, омываемый морем,—
Сих ополчения Протесилай предводил браноносный
В жизни своей; но его уже черная держит могила.
700 В Филаке он и супругу, с душою растерзанной, бросил,
Бросил и дом полуконченный: пал, пораженный дарданцем,
Первый от всех аргивян с корабля соскочивший на берег.
Рать не была без вождя, но по нем воздыхали дружины;
Их же к сражениям строил Подаркес, Арсева отрасль,
705 Сын Филакида Ификла, владельца стад среброрунных,
Брат однокровный героя, бесстрашного Протесилая,
Но летам юнейший; и старше его и сильнее
Протесилай воинственный был; потерявши героя,
Рать не нуждалась в вожде, но о нем воздыхали, о храбром;
710 Сорок за ним кораблей, под дружиной, примчалось черных.

В Ферах живущих и вокруг при Бебендском озере светлом,
Биб населявших, Глафиры и град Ияоляк пышноздашный,
Быстрых одиннадцать мчалось судов; предводил же Эвмел их
Сын Адмета любимый, который рожден им с Алкестой,
715 Дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дочерей.

Живших в Мефоне, и окрест Фавмакии нивы пахавших,
Чад Мелибеи, и живших в полях Олизона суровых,—
Сих племена Филоктет предводитель, стрелец превосходный,
Вел на семи кораблях; пятьдесят восседло на каждом
720 Сильных гребцов и стрелами искусных жестоко сражаться.
Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сынами ахеян,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
725 Скоро при черных судах о царе Филоктете вспоминают.
Рать не была без вождя, но желала вождя Филоктета.

Медон над нею начальствовал, сын Оилея побочный,
Кюего с Реной младою родил Оилей градоборец.

730 Триккой владевший народ, и Ифомой высокоутесной,
И обитавший в Эхалли, граде владыки Эврита,
Два извели воеводы, Асклепия мудрые чада,
Славные оба данаев врачи, Подалир и Махаон.
Тридцать за ними судов принеслися, красивые строем.

735 Живших в Орменни храбрых мужей, у ключа Гиперен,
В власти имевших Астерий и белые главы Титана,—
Сих предводил Эврипил, блистательный сын Эвемонов;
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

740 В Аргиссе живших мужей и кругом населявших Гиртону,
Орфу, широкий Элон, белокаменный град Олооссон,—
Сих предводил Полипет, воеватель бесстрашнейший в битвах,
Ветвь Пирифоя, исшедшего в мир от бессмертного Зевса,
Сын, Пирифюю рожденный женой Ипподампей славной,
В самый тот день, как герой покарал чудовищ косматых:
745 Он предводил не один, но при нем Леонтей бранодушный,
Отрасль Ареева, чадо Кенейя, Коронова сына.
Сорок за ними судов, под дружиной, примчалось черных.

750 Но из Кифа Гуней с двадцатью и двумя кораблями
Плыл, предводя экипы и воинственных, сильных перебеов,
Племя мужей, водворившихся окрест Додоны холодной,
Земли нахавших, по коим шумит Титаресий веселый,
Быстро в Пеней устремляющий пышно катящесь воды,
Копи нигде не сливает с Пенеем сребристочинным,
755 Он всплывает наверх и подобно елею струится:
Он из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит.

Профоой, сын Тендредонов, начальствовал ратью магнетов.
Окрест Пеней и вокруг Пелиона шумного лесом
Жили они; предводил их в сражение Профоой быстрый:
Сорок за ним кораблей, под дружиною, черных примчалось.

760 Се и вожди и властители меднодоспешных данаев.
Кто же из них знаменитейший был, поведай мне, Муза,
Доблестью или конями, из всех за Атридом притекших?
Коней извел превосходнейших славный Эвмел Феретпад;
Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых,

765 Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру.
Сам Аполлон воспитал на зеленых лугах ппирийских
Сих кобылиц, разносящих в сражениях ужас Арея.
Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе
Гневом Пелид сокрушался; но он был могучее всех их,
770 Также и кони, носящие в битвах Пелида героя.
Но бездействовал он при своих кораблях мореходных,
Пламенный гнев на владыку народов, Атревеева сына,
В сердце питая; дружины его на береге моря
Дисков и сулиц и стрел забавлялися праздным метаньем.
775 Рьяные кони вождей при своих колесницах стояли,
Праздные, лотос один и селину болотную щипля.
Все колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
В сенях владык; а они, предводителя храброго алча,
Праздные, с края на край по широкому стану бродили.

780 Двинулась рать, и как будто огнем вся земля запылала;
Дол застонал, как под яростью бога, метателя грома
Зевса, когда над Тифеем сечет он перунами землю,
Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея;
Так застонала глубоко земля под стопами народов,
785 Вдруг устремившихся: быстро они проходили долиной.

Тою порою троянам, подобная вихрям Ирида,
Вестница Зевса Кронида, явилася с вестию грозной.
Те ж совещали совет у дверей Приамова дома,
Все на дворе воедино столпясь, и младые и старцы.
790 Став посреди, провещала посланница Зевса, Ирида,
Голос заявши Полита, Приамова сына, который
Стражем троянским сидел, уповая на быстрые ноги,
В поле, на высшей могиле старца троян Эзиета,
Вкруг соглядая, когда от судов нападут аргивяне.
795 В виде его провещала посланница Зевса Ирида:
«Старец почтенный! и ныне ты любишь обильные речи,
Так же, как в мирные дни: неизбежная брань угрожает!
Часто я, часто бывал на кровавых бранях народов,
Но вовек таковых и толиких я ратей не видел!
800 Как листья на деревьях, как пески при морях, неисчетны
Воинства мчатся долиною, ратовать около града.
Гектор, тебе предлагаю совет мой полезный исполнить:
Много народов союзных в Приамоном граде великом,
Разных своим языком, по земле рассеянных смертных.
805 Каждым из оных да властвует муж, повелитель народа;
Он и вождем на боях, и строителем граждан да будет».

Так прорекла; и богиню вещавшую Гектор постигнул:
Сонм распустил, и к оружию бросились граждане Трои.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати,
810 Конные, пешие; шум и смятение страшное встало.

Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.
Смертные, с древних времен, нарицают его Ватнеей,
815 Но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины.
Там и троян и союзников их разделилися рати.

Храбрых троян Приамид, шлемоблещущий Гектор великий
Всех предводил; превосходные множеством, мужеством духа,
С ним ополчилися мужи, копейщики, бурные в битве.

Вслед их дарданцам предшествовал сын знаменитый
820 Анхизов,
Мощный Эней; от Анхиза его родила Афродита,
В рощах на холмах Идейских, богиня, почившая с смертным.
Он предводил не один, но при нем Акамас и Архелок:
Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных.

В Зелии живших мужей, при подошве холмистыя Иды,
825 Граждан богатых, пьющих Эзеповы черные воды,
Племя троянское лучник отличнейший вел Ликаонид,
Пандар, которого Феб одарил сокрушительным луком.

Но Адрастен мужей, Питиен и веси Апеза,
830 И народ, заселявший Терею, высокую гору,
Сих предводили Адраст и Амфий, в броне полотняной,
Оба сыны перкозийца Мeroпа, который славнейший
Был предвещатель судьбы и сынам не давал позволенья
К брани убийственной в Троию идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их на черную гибель.

835 В Перкоте живших мужей и кругом населявших
Практион,
Грады Сестос, Абидос и граждан священной Арисбы
Рати устраивал Азий, мужей повелитель, Гиртакид,
Азий Гиртакид, который на пламенных конях великих
В Троию принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

840 Гиппофой предводил племена копьеборных пеласгов,
Тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям обитали;

Гиппофой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пеласгийского Лефа, Гевталова сына.

845 Но фракиян предводил Акамас и воинственный Пирос.
Всех, которых страны Геллеспонт бурнотечный объемлет.

Храбрый Эвфем ополчал племена копьеборных киконов,
Сын браноносца Трезена, любезного Зевсу Кеада.

850 Вслед им Пирехм предводил криволуких пеонов, далеко
Живших в странах Амидона, где катится Акси́й широкий,
Акси́й, водою чистейшей священную землю поящий.

855 Вождь Пилемен пафлагонам предшествовал, храброе сердце,
Выведший их из Генет, где стадаются дикие мески,
Племя народов, которые жили в Киторе, Сесаме,
Окрест потока Парфения в славных домах обитали,
Кромну кругом, Эгиал и скалы Эрифин населяли.

Рать гализонов Годий и Эпистроф вели из Алибы,
Стран отдаленных, откуда исход серебра неоскудный.

860 Мизам предшествовал Хромий и Энномос, птицегадатель,
Но и гаданием он не спасся от гибели черной:
Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, где троян и других истреблял он, могучий.

Форкис и храбрый Асканий вели из Аскании дальней
Рати фригиан, и оба, бесстрашные, боем пылали.

865 Вслед их Антиф и Месфл, воеводы мужей меонийских,
Оба сына Пилемена, Гигейского озера дети,
Рать предводили меонов, при Тмоле высокоом рожденных.

870 Настес вел говорящих наречием варварским каров,
Кои Милет занимали и Ффигров лесистую гору,
И Меандра поток, и Микала вершины крутые;
Сих предводили на бой Амфимах и воинственный Настес,
Настес и тот Амфимах, Номинова отрасль, который
Даже и в битвы ходил, наряжаяся златом, как дева.
Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели грозной:
875 Лег, низложенный руками Пелеева быстрого сына,
В бурной реке, и Пелид его злато унес, победитель.

Рать ликиян Сарпедон и блистательный Главк предводили,
Живших далеко в Ликии, при Ксанфе глубокопучинном.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

КЛЯТВЫ. СМОТР СО СТЕНЫ. ЕДИНОВОРСТВО
АЛЕКСАНДРА И МЕНЕЛАЯ

- Так лишь на битву построились оба народа с вождами,
Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы:
Крик таков журавлей раздается под небом высоким,
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
5 С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, шпгмеям,
С яростью страшной на копях с воздушных высот нападают.
Но подходили в безмолвии, боем дыша, аргивяне,
Духом единым пылая — стоять одному за другого.
- 10 Словно туман над вершинами горными Нот разливает,
Пастырям стад нежеланный, но вору способнейший ночи:
Видно сквозь оный не дальше, как падает брошенный камень,—
Так из-под стоп их прах, подымаяся мрачный, крутился
Вслед за идущими; быстро они проходили долину.
- 15 И, когда уже сблизилась к битве идущие рати,
Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
С кожей парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копыя медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
20 Выйти противу него и сразиться жестокою битвой.
Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордой,—
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу неожиданно набредший,
Встретив еленя рогатого или пустынную серну;
- 25 Гладный, нестово он пожирает, хотя отовсюду
Сам окружен и ловцами молодыми, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнул такой Менелай, Александра героя
Близко узрев пред собой; и, отмстить похитителю мысля,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прынул на землю.
- 30 Но, лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;
Быстро он к сонму друзей отступил, избегающий смерти.
Словно как путник, увидев дракона в ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами всеми трепещет,
35 Быстро уходит, и бледность его покрывает ланиты,—

Так убежавши, в толпу погрузился троян горделивых
Образом красный Парис, устрасаясь Атревса сына.

Гектор, увидев его, поносил укорительной речью:
«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец,
прельститель!»

40 Лучше бы ты не родился или безбрачен погибнул!
Лучше б сего я желал, и тебе б то отраднее было,
Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!
Слышишь, смеются ряды кудреглавых данаев, считавших
Храбрым тебя первоборцем, судя по красивому виду.
45 Вид твой красен, но ни силы в душе, ни отважности в сердце!
Бывши таков ты, однако, дерзнул в кораблях мореходных
Бурное море исплавать, с толпою клеветов любезных,
В чуждое племя войти и похитить из стран отдаленных
Славу их жен, и сестру и невестку мужей браноносных,
50 В горе отцу твоему, и народу, и целому царству,
В радость ахейцам врагам, а себе самому в поношенье!
Что же с оружием не встретил царя Менелая? Узнал бы
Ты, браноносца какого владеешь супругой цветущей.
Были б не в помощь тебе ни кифара, ни дар Афродиты,
55 Пышные кудри и прелесть, когда бы ты с прахом смешился.
Слишком робок троянский народ, иль давно б уже был ты
Каменной ризой одет, злополучий толиких виновник!»

Гектору быстро в ответ возразил Александр боговидный:
«Гектор, ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива.
60 Сердце в груди у тебя, как секира, всегда непреклонно:
Древо пронзает она под рукой древодела и рьяность
Мужа сугубит, когда обсекает он брус корабельный:
Так в груди у тебя непреклонен дух твой высокий.
Не осуждай ты любезных даров златой Афродиты.
65 Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных;
Их они сами дают; произвольно никто не получит.
Ныне, когда ты желаешь, чтоб я воевал и сражался,
Всем повели успокоиться, Трои сынам и ахейцам;
И посреди их поставьте меня с Менелаем героем;
70 Мы за Елену Аргивскую с ним перед вами сразимся.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит.
Вы ж, заключившие дружбу и клятвы святыя, владейте
Троей холмистой; ахейцы же в Аргос, конями богатый,
75 Вспять отплывут и в Ахаию, славную жен красотою.»

Так говорил, и восхитился Гектор услышанной речью;
И, на средину пшезд, и копые ухватив по середине,
Спнул фаланги троянские; все успокояся стали.
Но на Гектора луки ахейя сыны натянули.

80 Многие метили копьями, многие бросили камни.
К ним громогласно воззвал повелитель мужей Агамемнон:
«Стойте, аргивцы друзья! не стреляйте, ахейские мужи!
Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий».

Рек,— и ахейяне прервали бой и немедленно стали
85 Окрест, умолкнув; и Гектор великий вещал среди воинств:
«Сонмы троян и ахейя красвопоножных! внимайте,
Что предлагает Парис, от которого брань воспыдала.
Он предлагает троянам и всем меднолатным ахейцам
Ратные сбруи свои положить на всеплодную землю;
90 Сам посреди ополчений с вопнственным он Менелаем
Битвой, один на один, за Елену желает сразиться.
Кто из двоих победит и окажется явно сильнейшим,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим».

95 Рек он; ахейцы безмолвные все сохраняли молчанье;
И меж них провещал Менелай, знаменитый воитель:
«Ныне внимайте и мне; жесточайшая горесть пронзает
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынам и ахейцам; довольно вы бед претерпели
100 Ради вражды между мной и Парисом, виновником оной.
Кто между нами двумя судьбой обречен на погибель,
Тот да погибнет! а вы, о друзья, примиритесь немедля.
Пусть же представят и белого агнца, и черную овцу
Солнцу принести и земле; а Крониду пожрем мы другого.
105 Пусть призовут и Приама владыку, да клятву положит
Сам (а сыны у него напыщенны, всегда вероломны):
Да преступник какой-либо Зевсовых клятв не разрушит:
Сердце людей молодых легкомысленно, непостоянно;
Старец, меж ними присуций, вперед и назад прозорливо
110 Смотрит, обейх сторон соблюдая взаимную пользу».

Так говорил; и наполнились радостью оба народа,
Чая почить наконец от трудов изнурительной брани:
Коней становятся в ряды, с колесниц своих прядают сами;
Быстро снимают доспехи, на землю слагают их близко
115 Друг против друга: меж воинств осталося узкое поле.

Гектор немедленно к граду глашатаев двух посылает
Агнецв поспешно принести и вызвать владыку Приама.
Царь Агамемнон равно повеление дал Талфибию
К сеням ахейским идти и принести на заклятие агнца;
120 Он поспешил, повинувся державному сыну Атрея.

С вестью Ирида явилась к Елене лилейнораменной.
Вестница, образ принявши любезной Елене золовки,
С коей в супружестве был Антенорид царь Гелпкоон,
Образ младой Лаодики, прекраснейшей дщери Приама,
125 В терем вошла, где Елена ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров, образуя на оном сраженья,
Подвиги конных троян и медянодоспешных данаев,
В коих они за нее от Ареевых рук пострадали.
К ней приступив, быстроногая так говорила Ирида:
130 «Выйди, любезная нимфа, деяния чудные видеть
Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев.
Оба народа недавно, стремимые бурным Ареем,
В поле сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
Ныне безмолвны стоят; прекратилася брань; ратоборцы
135 Все на щиты приклонились, копыя их воткнуты в землю.
Но герой Александр и Атрид Менелай браноносный
Выйти желают одни за тебя на копьях сразиться.
И супругой любезной тебя наречет победитель».

Так изрекла и вляпала ей в душу сладкие чувства,
140 Думы о первом супруге, о граде родимом и кровных.
Встала она и, серебристыми тканями вокруг осеняя,
Быстро из дому идет со струящеюся нежной слезою.
Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,
Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.
145 Скоро они притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.
Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет благородный,
Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Ареева отрасль,
Укалегон, и герой Антенор, прозорливые оба,
Старцы народа сидели на Скейской возвышенной башне,
150 Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам подобные, кои по роцам,
Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий:
Сонм таковых илионских старейшин собрался на башне.

Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
155 Тихие между собой говорили крылатые речи:

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотою подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится в Элладу;
160 Пусть удалится от нас и от чад нам любезных погибель!»

Так говорили; Приам же ее призывал дружелюбно:
«Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мне ты садися.
Узришь отсюда и первого мужа, и кровных, и ближних.
Ты предо мною невинна; единые боги виновны:
165 Боги с плачевной войной на меня устремили ахеян!
Сядь и поведай мне имя величеством дивного мужа:
Кто сей, пред ратью ахейскою, муж и великий и мощный?
Выше его головой меж ахеями есть и другие,
Но только прекрасного очи мои не видали,
170 Ни только почтенного: мужу царю он подобен!»

Старцу в женах знаменитая так отвечала Елена:
«Ты и почтен для меня, возлюбленный свекор, и страшен!
Лучше бы горькую смерть предпочесть мне, когда я решилась
Следовать с сыном твоим, как покинула брачный чертог мой,
175 Братьев, и милую дочь, и веселых подруг, мне бесценных!
Но не сделалось так; и о том я в слезах изнываю!..
Ты вопрошаешь меня, и тебе я скажу, Дарданпос:
Муж сей есть протраннодержавный Атрид Агамемнос,
Славный в Элладе, как мудрый царь и как доблестный воин.
180 Деверь он был мне; увы, недостойная, если б он был им!»

Так говорила,— и старец, дивясь Атриду, воскликнул:
«О Агамемнос, счастливым родившийся, смертный блаженный!
Сколько под властью твоею ахейских сынов браноносных!
Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,
185 Зрел я великую рать фригиян, колесничников быстрых;
Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:
Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
Там находился и я, и союзником оных считался,
В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:
190 Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев.»

После, узрев Одиссея, Приам вопрошает Елену:
«Ныне скажи и об этом, дитя мое: кто сей данаец?
Менее целой главой, чем великий Атрид Агамемнос,
Но, как сдается мне, он и плечами и персями шире.

195 Сбруя его боевая лежит на земле плодоносной;
Сам же, подобно овну, по рядам ратоборным он ходит.
Он мне подобным овну представляется, пышному волной,
В стаде ходящему между овец сереброрунных».

Вновь отвечала Приаму Елена, рожденная Зевсом:
200 «Муж сей, почтенный Приам, Лаэртид Одиссей многоумный,
Взросший в народе Итаки, питомец земли каменистой,
Муж, преисполненный козней различных и мудрых советов».

К ней обративши слова, говорил Антенор благоумный:
«Подлинно, речь справедливую ты, о жена, произносишь:
205 Некогда к нам приходил Одиссей Лаэртид знаменитый,
Присланный, ради тебя, с Менелаем воинственным купно.
Я их тогда принимал и угаживал дружески в доме;
Свойство узнал обоих и советов их разум изведал.
Если они на собранья троянские вместе являлись,—
210 Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался;
Сидя же вместе, взрачнее был Одиссей благородный.
Если они пред собранием думы и речи сплетали,—
Царь Менелай всегда говорил, изъясняясь бегло,
Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
215 Ни в речах околичен, хоть был он и младший годами.
Но когда говорить восставал Одиссей многоумный,
Тихо стоял и в землю смотрел, потушивши очи;
Скиптра в деснице своей ни назад, ни вперед он не двигал,
Но незыбно держал, человеку простому подобный.
220 Счел бы его ты разгневанным мужем или скудоумным.
Но когда издавал он голос могучий из персей,
Речи, как снежная вьюга, из уст у него устремлялись!
Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем стяжаться словами;
Мы не дивились тогда Одиссею прежнему виду».

225 Третьего видя Аякса, Приам вопрошает Елену:
«Кто еще оный ахейянин, столько могучий, огромный?
Он и главой, и плечами широкими всех перевысил».

Старцу в женах знаменитая вновь отвечала Елена:
«Муж сей — Аякс Теламонид великий, твердыня данаев.
230 Там, среди критских дружин, возвышается, богу подобный,
Идоменей, и при нем предводители критян толпятся.
Часто героя сего Менелай угощал дружелюбно
В нашем доме, когда приходил он из славного Крита.
Вижу и многих других быстрооких данайских героев;

235 Всех я узнала б легко и поведала б каждого имя.
Двух лишь нигде я не вижу строителей воинств: незримы
Кастор, коней укротитель, с могучим бойцом Полидевком,
Братья, которых со мною родила единая мать.
Или они не оставили град Лакедемон веселый?
240 Или, быть может, и здесь, принеслись в кораблях мореходных,
Но одни не желают вступать в ратоборство с мужами,
Срамом гнушаясь и страшным позором, меня тяготящим!»

Так говорила; но их уже мать-земля сокрывала
Там, в Лакедемоне, в недрах любезной земли их родимой.

245 Тою порой через Трою жертвы для клятвы священной,
Агнецв и дар полей, вино, веселящее сердце,
В козьем меху несли провозвестники; нес совокупно
Вестник Идей и блестящую чашу, и кубки золотые;
Он же, и к старцу представ, призывал Дарданида, вещая:
250 «Сын Лаомедонов, шествуй, тебя приглашают вельможи
Трои сынов конеборных и меднодоспешных данаев
Выйти на ратное поле, да клятвы святыя положат.
Ныне герой Александр и с ним Менелай браноносец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.
255 Кто победит — и жены и сокровищ властителем будет;
Мы ж, заключившие дружбу и клятвы священные, будем
Троей владеть, а данаи в Аргос, конями обильный,
Вспять отилывут и в Ахаию, славную жен красотою».

Так произнес; ужаснулся Приам, но друзьям повелел он
260 Коней запрячь в колесницу; они покорились охотно;
Старец взошел и бразды натянул к управлению коней;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице;
В поле они через Скейские быстрых направили коней.

И когда достигнули воинств троян и ахеян,
265 Там, с колесницы прекрасной сошедши на злачную землю,
Между троян и ахеян серединою шествуют старцы.
В встречу им быстро восстал повелитель мужей Агамемнон,
Мудрый восстал Одиссей; и почтенные вестники оба
Жертвы для клятвы священной представили; в чаше единой
270 Вина смешали и на руки воду царям возлияли.
Тут Агамемнон, владыка, десницею нож обнаживши
Острый, висящий всегда при влагалище мечном великом,
Волну отрезал на агничих главах, и глашатаи оба,

Взяв, разделили ее меж избранных троян и ахеян.
275 Царь Агамемнон воззвал, с воздеянием дланей моляся:
«Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Гелиос, видящий все и слышащий все в поднебесной!
Реки, земля и вы, что в подземной обители души
Оных караете смертных, которые ложно клянутся!
280 Будьте свидетели вы и храните нам клятвы святые:
Если Парис Приамид поразит Менелая Атрида,
Он и Елену в дому, и сокровища все да удержит;
Мы ж от троянской земли отплывем на судах мореходных.
Если Париса в бою поразит Менелай светловласый,
285 Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства;
Пеню должны заплатить аргивянам, какую прилично;
Память об ней да преидет и до поздних племен человеков.
Если же мне и Приам, и Приама сыны отрекутся
Должную дань заплатить по паденье уже и Париса,
290 Снова я ратовать буду, пока не истребую дань;
Здесь я останусь, пока не увижу конца ратоборству».

Рек и гортани овов пересек он суровою медью
И обоих на земле положил пх, в трепете смертном
Жизнь издыхающих: юную силу их медь сокрушила.
295 После, вино из чаши блистательной черпая кубком,
Все возливали и громко молились богам вечносущим;
Так не один возглашал меж рядами троян и ахеян:
«Зевс многославный, великий, и все вы, бессмертные боги!
Первых, которые смеют священную клятву нарушить,
300 Мозг, как из чаши вино, да по черной земле разольется,
Их вероломных и чад,— и пришельцы их жен да обымут!»

Так возглашали; моления их не исполнил Кронион.
Старец Приам между тем обратился к народам, вещая:
«Слову внимайте, трояне и храбрые мужи ахейцы:
305 Я удаляюсь от вас, в Илион возвращаюсь холмистый.
Мне неостанет сил, чтобы видеть своими очами
Сына любезного бой с Менелаем, питомцем Арея.
Ведает Зевс Эгиох и другие бессмертные боги,
В битве кому из подвижников смертный конец предназначен».

310 Рек,— и овов в колесницу влагает божественный старец;
Всходит и сам и бразды к управленью коней напрягает;
Подле него Антенор на блистательной стал колеснице.
Старцы, назад обратясь, погнали коней к Илиону.

Гектор тогда Приамид и с ним Одиссей благородный
315 Прежде измерили место сражения; после, повергнув
Жребии в медный шлем, сотрясали, да ими решится,
Кто в сопровитника первый копье медяное пустит.
Рати же окрест молились и длани к богам воздевали;
Так не один восклицал меж рядами троян и ахеян:
320 «Мощный Зевс, обладающий с Иды, преславный, великий!
Кто между ими погибельных дел сих и распрей виновник,
Дай ты ему, пораженному, в дом погрузиться Аида,
Нам же опять утвердить и священные клятвы и дружбу!»

Так возглашают; а Гектор великий два жребия в шлеме,
325 Взор отвратив, сотрясает, и выпрянул жребий Париса.
Воины быстро уселись рядами, где каждый оставил
Коней своих звуконогих и пестрые ратные сбрун.
Тою порой вкруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
330 И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кон серебряной плотьцо смыкались наглезной;
Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч среброгвоздный
335 С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и крепкий;
Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул
С гривую конскою; гребень ужасный над ним волновался;
Тяжкое поднял копье, но которое было споручно.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

И едва лишь каждый в дружине своей вооружился,
340 Оба они аргивян и троян на средину выходят
С грозно блестящими взорами; ужас смотрящих объемлет
Конников храбрых троян и красивопоножных данаев.
Близко герои сошлись и на месте измеренном стали,
345 Копья в руках потрясая, свирепствуя друг против друга.
Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Но — не проникнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите. И воздвигся второй с занесенною пику
350 Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
«Зевс! помоги покарать сотворившего мне оскорбленье!
В прах моею рукой низложи Приаида Париса;
Пусть ужасается каждый и в поздно рожденных потомках
Злом воздавать за приятнь добродушному гостеприимцу».

355 Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил жестоко противника в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пронзила
360 И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла,
Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избежал.
Сын же Атреев, исторгнув стремительно меч среброгвоздный,
Грянул с размаху по бляхе шелома; но меч, над шоломом
В три и четыре куска раздробившись, пал из десницы.
365 Царь Менелай возопил, на пространное небо взирая:
«Зевс, ни один из бессмертных, подобно тебе, не злотворен!
Я наконец уповал покарать Александра злодея;
И в руках у меня сокрушается меч, и напрасно
Вылетел дрот из десницы моей: не могу поразить я!»

370 Рек — и напал на него и, за шлем ухватив коневласый,
Быстро повлек, обратившись к пышнопоножным ахейцам.
Стиснул Парисову нежную выю ремень хитрошвенный —
Вплоть у него под бородой проходившая подвязь шелома.
Он и довлек бы его, и покрылся бы славой великой;
375 Но любимца увидела Зевсова дочь Афродита;
Кожу вола, пораженного силой, она разорвала:
Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая.
Быстро его Атрейон, закруживши на воздухе, ринул
К пышнопоножным данаям, и подняли верные други.
380 Сам же он бросился вновь, поразить Александра пылая
Медным копьём; но Киприда его от очей, как богиня,
Вдруг похищает и, облаком темным покрывши, любимца
В ложницу вводит, в чертог, благовония сладкого полный;
Быстро уходит Елену призвать, и на башне высокой
385 Ледину дочь, окруженную сонмом троянок, находит,
Тихо рукой потрясает ее благовонную ризу
И говорит, уподобяся старице, древле рожденной,
Пряхе, что в прежние дни для нее в Лакедемонне граде
Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила:
390 Ей уподобяся, так говорит Афродита богиня:
«В дом возвратися, Елена; тебя Александр призывает.
Он уже дома, сидит в почивальне, на ложе точеном,
Светел красой и одеждой; не скажешь, что юный супруг твой
С мужем сражался и с боя пришел, но что он к хороводу
Хочет идти, иль воссел опочить, хоровод лишь оставив».

395 Так говорила, — и душу Елены в груди взволновала:
Но, лишь узрела Елена прекрасную выю Киприды,

Прелести полные перси и страстно блестящие очи,
В ужас пришла, обратилась к богине и так говорила:
«Ах, жестокая! снова меня оболстить ты пылаешь?
400 Или меня еще дальше, в какой-либо град многолюдный,
Фригии град иль Меонии радостной хочешь увлечь ты,
Если и там обитает любезный тебе земнородный?
Ныне, когда Менелай, на бою победив Александра,
Снова в семейство меня возвратить, ненавистную, хочет,
405 Что ты являешься мне, с злонамеренным в сердце коварством?
Шествуй к любимцу сама, от путей отрекся бессмертных
И, стоюю твоей никогда не касаясь Олимпа,
Вечно при нем изнывай и ласкай властелина, доколе
Будешь им названа или супругою, или рабою!
410 Я же к нему не пойду, к беглецу; и позорно бы было
Ложь его украшать; надо мною троянские жены
Все посмеются; довольно и так мне для сердца страданий!»

Ей, раздраженная Зевсова дочь, отвечала Киприда:
«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
415 Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила.
Вместе обоих народов, троян и ахейн, свирепство
Я на тебя обращаю, и погибнешь ты бедственной смертью!»

Так изрекла,— и трепещет Елена, рожденная Зевсом,
И, закрывшись покровом сребристоблестящим, безмолвно,
420 Сонму троянок невидимо, шествует вслед за богиней.
Скоро достигли они Александрова пышного дома;
Обе служебницы бросились быстро к домашним работам.
Тихо на терем высокий жена благородная всходит.
Там для нее, улыбаясь пленительно, кресло Киприда,
425 Взяв сама, пред лицом Александровым ставит, богиня.
Села на оном Елена, рожденная Зевсом Кронидом,
Очи назад отвратила и так упрекала супруга:
«С битвы пришел ты? о лучше б, несчастный, навеки погибнул,
Мужем сраженный могучим, моим преждебывшим супругом!
430 Прежде не сам ли хвалился, что ты Менелая героя
Силой своей и рукой и копьём превзойдешь в ратоборстве!
Шествуй теперь и Атрида могучего вызови снова;
Лично с героем сразися. Но я не советую; лучше
Мирно покойся, и впредь с светлокудрым Атреевым сыном
435 Ратовать ратью, ни битвою биться не смей безрассудно;
Или, страшись, да его копием укрощен ты не будешь!»

Ей отвечая, Парис устремляет крылатые речи:
«Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце;
Так, сегодня Атрид победил с ясноокой Афиной;
440 После и я побужду: покровители боги и с нами.
Ныне почнем с тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое в груди у меня никогда не горело;
Даже в тот счастливый день, как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных
445 И на Кранае с тобой сочетался любовью и ложем.
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный».
Рек он — и шествует к ложу, за ним и Елена супруга.
Вместе они на блистательноубранном ложе почили.

Сын же Атреев по воинству рыскал, зверю подобный,
450 Взоры бросая кругом, не увидит ли где Александра.
Но ни единый из храбрых троян и союзников славных
Мощному сыну Атрея не мог указать Александра.
Верно, из дружбы к нему, не сокрыл бы никто его зревший:
Всем он и им уже был ненавистен, как черная гибель.

455 Громко тогда возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Слух преклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Видимо всем торжество Менелая, любимца Арея.
Вы аргивянку Елену, с богатством ее похищенным,
460 Выдайте нам и немедленно должную дань заплатите,
Память об ней да прейдет и до поздних племен человеков».

Так Агамемнон вещал,— и в хвалу восклицали ахейцы.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАРУШЕНИЕ КЛЯТВ. ОБХОД ВОЙСК АГАМЕМНОНОМ

Боги, у Зевса отца на помосте златом заседая,
Мирно беседу вели; посреди их цветущая Геба
Нектар кругом разливала; и, кубки приемля златые,
Чествуют боги друг друга, с высот на Трою взирая.
5 Вдруг Олимпиец Кронион замыслил Геру прогневать
Речью язвительной; он, издеваясь, беседовать начал:

- «Две здесь богини, помощницы в бранях царя Менелая:
Гера Аргивская и Тритогеяния Алалкомена.
Обе, однако, далеко сидя и с Олимпа взирая,
10 Тем утешаются; но с Александром везде Афродита,
Помощь ему подает, роковые беды отражает,
И сегодня любимца спасла, трепетавшего смерти.
Но, очевидно, победа над ним Менелая героя.
Боги, размыслим, чем таковое деяние кончить?
15 Паки ли грозную брашь и печальную распрю воздвигнем,
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?
Если сие божествам и желательно всем и приятно,
Будет стоять нерушимую Троя Приама владыки,
И с Еленой Аргивскою в дом Менелай возвратится».
- 20 Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.
Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
25 «Сердцем жестокий Кроний! какой ты глагол произносишь?
Хочешь ты сделать и труд мой ничтожным, и пот мой
бесплодным,
Коим, трудясь, обливалась? Я истомила и коней,
Рать подымая на гибель Приаму и чадам Приама.
Волю твори; но не все от бессмертных се мы одобрям».
- 30 Ей негодующей сердцем отвечивал Зевс тучеводец:
«Злобная: старец Приам и Приамовы чада какое
Зло пред тобой сотворили, что ты непрестанно шлешь
Град Иллион истребить, благолепную смертных обитель?
Если б могла ты, войдя во врата и троянские стены,
35 Ты бы пожрала живых и Приама, и всех Приамидов,
И троянский народ, и тогда б лишь насытила злобу!
Делай, что сердцу угодно; да горький сей спор напоследок
Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положит.
Слово еще изреку я, а ты впечатлей его в сердце:
40 Если и я, пылающий гневом, когда возжелаю
Град ниспровергнуть, отчизну любезных тебе человек, —
Гнева и ты моего не обуздывай, дай мне свободу!
Град сей тебе я предать соглашаюсь, душой несогласный.
Так, под сияющим солнцем и твердью небесною звездной
45 Сколько ни зрится градов, населенных сынами земными,

Сердцем моим наиболее чтима священная Троя,
Трой владыка Приам и народ копыеносца Приама.
Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиршеств,
Ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает».

50 Вновь провещала к нему волоокая Гера богиня:
«Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут;
Я не вступаюсь за них и отнюдь на тебя не враждую.
55 Сколько бы в гневном моем ни противилась их истреблению,
Я не успела б и гневная: ты на Олимпе сильнейший.
Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
Я божество, как и ты, исхожу от единого рода;
И, богиня старейшая, дочь хитроумного Крона,
60 Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь,— ты, над бессмертными всеми царящий.
Но оставим вражду и, смиряясь друг перед другом,
Оба взаимно уступим, да следуют нам и другие
Боги бессмертные. Ныне, Кронид, повели ты Афине
65 Быстро сойти к истребительной брани троян и данаев;
Пусть искушает она, чтоб славою гордых данаев
Первые Трой сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Так говорила,— и внял ей отец и бессмертных и смертных;
Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине:
70 «Быстро, Афина, лети к ополчению троян и данаев;
Там искушай и успеи, чтоб славою гордых данаев
Первые Трой сыны оскорбили, разрушивши клятву».

Рек — и подвинул давно пылавшую сердцем Афины:
Бурно помчалась богиня, с Олимпа высокого бросясь.
75 Словно звезда, какую Кронион Зевс посылает
Знаменьем или пловцам, иль воюющим ратям народов,
Яркую; вокруг из нее неисчетные сыплются искры,—
В виде таком устремляясь на землю, Паллада Афина
Пала в средину полков: изумление обняло зрящих
80 Конников храбрых троян и медянодоспешных данаев;
Так говорил не один ратоборец, взглянув на другого:
«Снова войне ненавистной, снова сече кровавой
Быть перед Троей; или полагает мир между нами
Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель».

85 Так не один говорил в ополченьях троян и ахеян.
Зевсова ж дочь, Антенорова сына приявшая образ,
Мужа Лаодока храброго, в сонмы троянские входит,
Пандара, богу подобного, нищет, кругом вопрошая;
Видит его: непорочный и доблестный сын Ликаонов,
90 Пандар, стоял и при нем густые ряды щитоносцев,
Воев, пришедших за ним от священных потоков Эсепа.
Став близ него, устремила богиня крылатые речи:
«Будешь ли мне ты послушен, воинственный сын Ликаона?
Смеешь ли быстрой стрелою ударить в царя Менелая?»
95 В Трое от каждого ты благодарность и славу стяжаешь;
Более ж всех от Приамова сына, царя Александра.
Так, от него ты от первого дар понесешь знаменитый,
Если узрит он, что царь Атрейон, Менелай браноносный,
Свержен твоею стрелой, на костер подымается грустный.
100 Пандар, дерзай! порази Менелая, высокого славой!
Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены».

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла.
105 Лук обнажил он лоснистый, рога быстроскачущей серны,
Дикой, которую некогда сам он под перси уметил,
С камня готовую прыгнуть; ее, ожидавший в засаде,
В грудь он стрелой угодил и хребтом опрокинул на камень.
Роги ее от главы на шестнадцать ладоней вздымались.
110 Их, обработав искусно, сплотил рогодел знаменитый,
Вылощил ярко весь лук и покрыл его златом поверхность.
Лук сей блестящий, стрелец натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
В страхе, да слуги Арея в него не ударят, ахейцы,
115 Прежде чем будет пронзен Менелай, воевода ахеян.
Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,
Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
И, обет сотворя луконосцу ликийскому, Фебу,
120 Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии стены,
Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
125 Рог закрипел, тетива загудела, и прынула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вечные боги, и первая дочь светлоокая Зевса:
130 Став пред тобою, она возбращает стреле смертоносной
К телу касаться; ее отражает, как нежная мать
Гонит муху от сына, сном задремавшего сладким.
Медь направляет богиня туда, где застежки золотые
Запон смыкали и где представлялася броня двойная:
Бурно пернатая горькая в сомкнутый запон упала
135 И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробил,
Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;
140 Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Так, как слоновою кость, обогрелая в пурпур женою,
Карскою или меонскою, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждают обрести; но лежит драгоценная царская утварь,
145 Должная быть и коню украшеньем, и коннику славой,—
Так у тебя, Менелай, обогрелись пурпурною кровью
Бедра крутые, красивые ноги и самые глезны.

В ужас пришел Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Брата увидевши кровь, изливавшуюся током из язвы.
150 В ужас пришел и сам Менелай, воеватель отважный;
Но лишь увидел шипы и завязку пернатой вне тела,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стеная и за руку брата держа, Агамемнон
Так между тем говорил, и кругом их стенала дружина:
155 «Милый мой брат! на погибель тебе договор заключил я,
Выставив против троян одного за данаев сражаться:
Ими пронзен ты; попрали трояне священную клятву!
Но не будут ничтожными клятва, кровавая жертва,
Вин возлиянье и рук сопряженье на верность обета.
160 Если теперь совершить Олимпийский Зевес не рассудит,
Поздно, но он совершит,— и трояне великою платой,
Женами их и детьми, и своими главами заплатят.
Твердо уверен я в том, убеждаюсь духом и сердцем,
Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,
165 Древний погибнет Приам и народ копьеносца Приама.
Зевс Эгиох, обитатель эфира высокоцарящий,

Сам над главами троян заколеблет ужасным эгидом,
Сим вероломством прогневанный: то неминуемо будет.
Но меж тем, Менелай, и жестокая будет мне горечь,
170 Если умрешь ты, о брат мой, и жизни предел здесь окончишь.
Я, отягченный стыдом, отойду в многожаждущий Аргос!
Скоро тогда по отечестве все затоскуют ахейцы.
В славу Приаму и в радость троянам, здесь мы оставим
Нашу Елену, и кости твои середь поля истлеют,
175 Легшие в чуждой троянской земле, не свершенному делу.
Скажет тогда не один беспредельно надменный троянец,
Гордо на гроб наскочив Менелая, покрытого славой:
— Если бы так над всеми свой гнев совершал Агамемнон!
Он к Илиону ахейскую рать приводил бесполезно;
180 Он с кораблями пустыми в любезную землю родную
Вспять возвратился, оставивши здесь Менелая героя.—
Скажет,— и тогда расступися, земля, подо мною!»

Душу ему ободряя, вещал Менелай светловласый:
«Брат, ободрися и в страх не вводи ополчений ахейских;
185 В место мне не смертельное медь вонзилася; прежде
Пояс мой испещренный ее укротил, а под оным
Запон и навязь, которую медники-мужи ковали».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Было бы истинно так, как вещаешь, возлюбленный брат мой!
190 Язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
И положит врачевств, утоляющих черные боли».

Рек — и к Талфибию вестнику речь обратил Агамемнон:
«Шествуй, Талфибий, и к нам призови ты Махаона мужа,
Славного рати врача, Асклепия мудрого сына.
195 Пусть он осмотрит вождя аргивян, Менелая героя,
Коего ранил стрелою стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горечь!»

Рек — и глашатай немедленно слову царя повинулся:
Быстро пошел сквозь толпы, по великому войску данаев,
200 Окрест смотря по рядам; и героя Махаона видит:
Пеш он стоял и кругом его храбрых ряды щитоносцев,
Воев, за ним прилетевших из Трики, обильной конями,
Став близ него, устремляет Талфибий крылатые речи:
«Шествуй, Асклепиев сын; Агамемнон тебя призывает;

205 Шествуй увидеть вождя аргивян, Менелая героя,
Кого ранил стрелой стрелец знаменитый ликийский,
Или троянский, на славу троянам, ахейцам на горесть!»

Так говорил он,— и душу Махаона в персях встревожил.
Быстро пошли сквозь толпы по великому войску данаев,
210 И, когда притекли, где Атрид Менелай светлокудрый
Был поражен, где, собравшись, ахейские все властелины
Кругом стояли, а он посреди их, богу подобный,
Врач из плотного запона стрелу извлечь поспешает;
Но, когда он повлек, загнулись шипы у пернатой.
215 Быстро тогда разрешив пестроблещущий запон, под оным
Пояс и повязь, которую медники-мужи ковали,
Язвину врач осмотрел, нанесенную горькой стрелой;
Выжал кровь и, искусный, ее врачевствами осыпал,
Силу которых отцу его Хирон открыл дружелюбный.

220 Тою порой, как данаи заботились вокруг Менелая,
Быстро троянцев ряды наступали на них щитоносцев;
Снова данаи оружием покрылись и вспыхнули боем.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трепещущим, или на брань неохотным:
225 Пламенно к брани, мужей прославляющей, он устремился.
Коней Атрид с колесницею, медью блестящей, оставил;
Их браздодержец могучий держал недалеко, храпящих,
Муж Эвримедон, потомок Пираосов, сын Птолемеев:
Близко держаться Атрид заповедал, на случай, когда он
230 Члены трудом истомит, обходящий и строящий многих.
Сам, устремившись пещ, проходил он ряды ратоборцев.
Где поспешавших на бой находил аргивян быстроконных,
Духа еще им, представ, придавал возбуждательной речью:
«Аргоса вои, вспомните ныне кипящую доблесть!»
235 Нет, небожитель Кронид в вероломствах не будет помощник
Первых, которые, клятвы поправ, нанесли оскорбленье,—
Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;
Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Троию»

240 Но, встречая мужей, на печальную битву коснящих,
Сильно на них нападал, порицая жестокою речью:
«Аргоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
Что, пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
245 Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы,—

Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою.
Ждете ли вы, чтоб трояне до самых рядов приступили
Наших судов лепокормных, на берегу моря седого,
Там чтоб увидеть вам, вас ли рукой покрывает Кронион?»

250 Так он, начальствуя, вокруг обходил ратоборные строи.
Скоро приблизился к критским, идя сквозь толпу ратоборцев:
Критяне строились в бой вокруг отважного Идомея;
Идомея впереди их подоился вепрю, могучий;
255 Вождь Мерион у него позади возбуждал ополченья.
Их усмотревши, наполнился радостью царь Агамемнон
И предводителя критян приветствовал ласковой речью:
«Идомея, тебя среди сонма героев ахейских
Чествую выше я всех, как в боях и деяниях прочих,
260 Так и на празднествах наших, когда благородным данаям
К пиру почетного чермного чашу вина растворяют;
Где предводители прочие меднодоспешных данаев
Пьют известно мерой, но кубок тебе непрестанно
Полный стоит, как и мне, да пьешь до желания сердца.
Шествуй же к брани таков, как и прежде ты быть в ней
гордился».

265 И Атриду отвечивал критских мужей воевода:
«Славный Атрид, неизменно твоим я остануся другом,
Верным всегда, как и прежде тебе обещал я и клялся.
Но спеш и других возбудить кудреглавых данаев.
270 Битву скорее начнем; разорвали священные клятвы:
Трои сыны! И постигнут их первых беды и погибель;
Первые, клятвы поправ, вероломно они оскорбили!»

Так он вещал,— и Атрид удалился, радостный сердцем;
Он устремился к Аяксам, идя сквозь толпу ратоборных:
Оба готовились в бой, окруженные тучею пешпх.
275 Словно как с холма высокого тучу великую пастырь
Видит, над морем идущую, ветром гонимую бурным:
Издали взору его как смола представляется черной,
Мчится над морем она, предводящая страшную бурю;
С ужасом пастырь глядит и стада свои гонит в пещеру,—
280 Вслед таковы за Аяксами юношей, пламенных в битвах,
К брани кровавой с врагом устремлялись фаланги густые,
Черные, грозно кругом и щиты воздымая и копыя.
Видя и сих, наполняется радостью царь Агамемнон
И, к вождям обратясь, крылатую речь устремляет:
285 «Храбрые мужи, Аяксы, вожди медволатных данаев!

Вам я народ возбуждать не даю повелений ненужных:
Сильно вы сами его поощряете к пламенным битвам.
Если б, о Зевс Олимпийский, Афина и Феб луконосец!
Если б у каждого в персях подобное мужество было,
290 Скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама,
Наших героев руками плененный и в прах обращенный!»

Так произнесши, оставил он их и к другим устремился.
Встретился Нестор ему, сладкогласный вития пилосский:
295 Строил свои он дружины и дух распалал их на битву.
Окрест его Пелагон возвышался, Аластор и Хромий,
Гемон, воинственный царь, и Биант, предводитель народов.
Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;
Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
300 Стену в сражениях бурных; но робких собрал в середину,
С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
«Нет,— чтоб никто, на искусство езды и на силу надежный,
Прежде других не пылал впереди с сопостатами биться,
305 Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.
Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
Так поступаая, и древние стены и грады громили,
Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях».

310 Так им советовал старец, давно испытанный в бранях.
Царь Агамемнон, узрев и его, веселится душою
И, обратясь к нему, устремляет крылатые речи:
«Если бы, старец, доньше еще, как душа твоя в персях,
Ноги служили тебе и остались в свежести силы?
315 Но угнетает тебя неизбежная старость; пускай бы
Мужи другие старели, а ты бы блистал между юных!»

И Атриду отвечивал Нестор, конник геренский:
«Так, благородный Атрид, несказанно желал бы и сам я
Быть таковым, как я был, поразивший Эрефвалиона.
320 Но совокупно всего не дают божества человекам:
Молод я был, а теперь и меня постигнула старость.
Но и таков я пойду между конными; буду бодрить их
Словом моим и советом: вот честь, остающаяся старцам.
Копья пускай устремляют ахеяне младшие, мужи,
325 Родшися после меня и надежные больше на силу».

Так произнес, — и Атрид удаляется, радостный сердцем;
Он Менесфея, отличного конника, близко находит
Праздно стоящим, и окрест — афиняня, искусных в сраженьях.
Там же, близ Менесфея, стоял Одиссей многоумный;
330 Окрест его кефалленов ряды, не бессильных во брани,
Праздно стояли, еще не слыжавшие бранной тревоги:
Ибо едва устремленные к бою сходились фаланги
Конников быстрых троян и ахейн, и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, ахейская башня другая
335 Прежде ударит в троян и кровавую битву завяжет.
Так их нашед, возроптал повелитель мужей Агамемнон
И к вождям возгласил, устремляя крылатые речи:
«Сын скиптроносца Петея, питомца Крониона Зевса!
Также и ты, одаренный коварствами, хитростей полный,
340 Что, укрываясь здесь, вы стоите, других ожидая?
Вам из ахейских вождей обоим надлежало бы первым
Быть впереди и пылающей бранн в лицо устремляться.
Первые вы от меня и о пиршествах слышите наших,
Если старейшинам пиршество мы учреждаем, ахейцы.
345 Там приятно для вас насыщаться зажаренным мясом,
Кубками вина сладкие пить до желания сердца;
Здесь же приятно вам видеть, хотя бы и десять ахейских
Вас упредили фаланг и пред вами сражались медью».

Гневно воззрев на него, отвечал Одиссей знаменитый:
350 «Речи какне, Атрид, из уст у тебя излетают?
Мы, говоришь ты, от битв уклоняемся? Если, ахейцы,
Мы на троян быстроконных воздвигнем свирепство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участие примешь,
Узришь отца Телемахова в битве с рядами передних
355 Конников храбрых троян; а слова произнес ты пустые!»

Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамемнон,
И, к нему обращаясь, начал он новое слово:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
Я ни упреков отнюдь, ни приказов тебе не вещаю.
Слишком я знаю, что сердце твое благородное полно
Добрых намерений; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о друг! а когда что суровое сказано ныне,
После исправим; но пусть то бессмертные всё уничтожат!»

Так произнеся, оставил вождей и к другим устремился.
365 Там он Тидида нашел, Диомеда героя, стоящим

Подле коней и своей составной колесницы блестящей;
С ним стоял и Сфенел, благородная ветвь Капанея.
Гневно и их порицал повелитель мужей Агамемнон;
Он к Дномеду воззвал, устремляя крылатые речи:
370 «Мужа бесстрашного сын, укротителя коней Тидея,
Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
Так трепетать не в обычае было Тидея героя;
Он впереди, пред дружиною, первый сражался с врагами.
Так говорили — дела его зрешше; я с браноносцем
375 В подвигах не был, не видел; но всех, говорят, превышал он.
Некогда он, не с войной, но как странник, в микенские стены
Мирный вошел, с Полиником божественным рать собирая.
Брань подымали они на священные фивские стены
И просили микенян дать им союзников славных.
380 Те соглашались дать и решились исполнить прошение;
Но Зевес отвратил их явлением знамений грозных.
Оба вождя отошли и путем обратным достигли
Брега Асопа густокамышного, тучного знаком.
Снова оттуда послом аргивяне послали Тидея
385 В Фивы, куда и пришел он и вместе обрел там кадмеян
Многих, пирующих в царском доме Этеокловой силы.
Там, невзирая, что странник, Тидей, конеборец могучий,
В страх не пришел, находясь один среди многих кадмеян:
К подвигам их вызывал и на каждом легко сопротивных
390 Всех победил: таково поборала Тидею Афина.
Злобой к нему воспылала кадмейцы, гонители коней,
И, на идущего вспять, пятьдесят молодых ратоборцев
Выслали тайно в засаду; и два их вождя предводили:
395 Меон младый, Гемонид, обитателям неба подобный,
И Автофонов сын, Ликофон, ненасытнмый боем.
Но Тидей и для них жестокий конец уготовил:
Всех поразил их и дал лишь единому в дом возвратиться;
Меона он отпустил, покоряясь знаменьям бога.
400 Так был вопиствен Тидей этолиец! Но сына родил он,
Доблестью бранною низшего, высшего только витийством».

Рек он; ни слова царю Дномед не ответственал храбрый,
Внемля с почтеньем укору почтенного саном владыки;
Но возразил Агамемнону сын Капанея героя:
«Нет, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь,
405 Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее:
Воинство в меньшем числе приведа под Ареву стену,
Мы и престольные Фивы разрушили, град семивратный,

Знаменьям веря богов и надеясь на Зевсову помощь.
Наши ж отцы своим безрассудством себя погубили.
410 Славы отцов не равняй, Агамемнон, со славою нашей!»

Грозно взглянув на него, возразил Диомед благородный:
«Молча стой, Капанид, моему повинуюсь совету:
Я не вменяю в вину, что владыка мужей Агамемнон
Дух возбуждает к сражению пышнопоножных данаев.
415 Слава ему, предводителю, если данайские мужи
Мощь одолеют троян и святой Илион завоюют;
Тяжкая горесть ему же, когда одолеют данаев.
Но устремимся, и сами вспомним кипящую храбрость!»

Рек — и с высот колесницы с оружием прынул на землю.
420 Страшно медь зазвучала вокруг персей царя Диомеда,
В бой полетевшего; мужа храбрейшего обнял бы ужас.

Словно ко берегу гремячему быстрые волны морские
Идут, грядя за грядою, клубимые Зефиром ветром;
Прежде средь моря они воздымаются; после, нахлынув,
425 С громом об берег дробятся ужасным, и выше утесов
Волны понурые плещут и брызжут соленую пену,—
Так непрестанно, толпа за толпою, данаев фаланги
В бой устремляются; каждой из них отдает повеленья
Вождь, а воины идут в молчании; всякий спросил бы:
430 Столько народа идущего в персях имеет ли голос?
Вои молчат, почитая начальников: пышно на всех их
Пестрые сбруи сияют, под коими шествуют стройно.
Но трояне, как овцы, богатого мужа в овчарне
Соя тмочисленные и млекою наполняя дойницы,
435 Все непрестанно блеют, отвечая бляению агнцев,—
Крик такой у троян раздавался по рати великой;
Крик сей и звук их речей не у всех одинаковы были,
Но различный язык разноземных народов союзных.
Их возбуждает Арей, а данаев Паллада Афина,
440 Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря,
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга:
Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит главой, а стопами по долу ступает.
Распря, на гибель взаимную, сеяла ярость меж ратей,
445 Рыща кругом по толпам, умирающих стон умножая.

Рати, одна на другую идущие, чуть сосступились,
Разом сразилися кожи, сразилися копыта и силы

Войнов, медью одеянных; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный.
450 Вместе смешались победные крики и смертные стоны
Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструплась.
Словно когда две реки наводненные, с гор низвергаясь,
Обе в долину единую бурные воды сливают,
Обе из шумных истоков бросаясь в пучинную пропасть;
455 Шум их далеко пастырь с утеса нагорного слышит,—
Так от сразившихся воинств и гром разлился и ужас.

Первый тогда Антилох поразил у троян браноносца
Храброго, между передних, Фализия ветвь, Эхепола.
Быстро его поражает он в бляху косматого шлема
460 И пронзает чело: пробежало глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся он, как великая башня средь бурного боя.
Тело упавшего за ноги царь захватил Элефенор,
Сын Халкодонов, воинственный вождь крепкодушных абантов,
465 И повлек из-под стрел, поспешая скорее с троянца
Латы совлечь — но не долго его продолжалась забота:
Влекшего труп усмотрев, крепкодушный воитель Агенор
В бок, при наклоне его от ограды щита обнаженный,
Сулицей медной пронзил и могучего крепость разрушил.
470 Там он дух испустил, и при нем загорелось дело,—
Яростный бой меж троян и ахеян: как волки, бросались
Вои одни на других; человек с человеком сцеплялся.

Тут поражен Теламонидом сын Анфемииона юный,
Жизнью цветущий, герой Симоисий, которого мать,
475 Некогда с Иды сошедшая вместе с своими родными
Видеть стада, родила на зеленых берегах Симоиса;
Родившись там, наречен Симоисием, но и родившим
Он не воздал за свое воспитание: краток во цвете
Был его век, Теламонова сына копьем пресеченный.
480 Он устремлялся вперед, как его поразил Теламонид
В грудь близ десного сосца; на другую страну через ramo
Вышло копье, и на землю нечистую пал он, как тополь,
Влажного луга питомец, при блате великом возросший,
Ровен и чист, на единой вершине раскинувший ветви,
485 Тополь, который избрав, колесничник железом блестящим
Ссек, чтоб в колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
В прахе лежит он и сохнет на бреге потока родного,—
Юный таков Симоисий лежал, обнаженный доспехов

Мощным Аяксом. В Аякса же вдруг Приамид пестролатный
490 Антиф, наметя меж толпища, пикою острой ударил,
Но промахнулся; она Одиссеева доброго друга
Левка ударила в пах, увлекавшего мертвое тело;
Вырвалось тело из рук, и упал он близ мертвого мертвый.
Гневом герой Одиссей за его, пораженного, вспыхнул;
495 Выступил дальше передних, колебля сверкающей медью;
К телу приближаясь, стал и, кругом оглянувшись, мощно
Ринул блистающий дрот: отступили враги от удара
Мужа могучего; он же копьё не напрасно ринул:
Демокоона уметил, побочного сына Приама,
500 В дом из Абида притекшего, с паств кобылиц легконогих.
Пикою его Лаэртид, раздраженный за друга, уметил
Прямо в висок: на другую страну сквозь висок просверкнула
Острая пика, — и тьма Приамидовы очи покрыла:
С шумом на дол он упал, и взгремели на падшем доспехи.
505 Вспять подались и передних ряды, и божественный Гектор;
Громко вскричали ахейя сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились вперед; Аполлон раздражился,
Смотря с Пергамских высот, и воскликнул, троян возбуждая:
«Конники Трои, вперед! не давайте вы бранного поля
510 Гордым ахейцам; их груди не камень, тела не железо,
Чтобы меди удары, пронзающей тело, ничтожить.
Днесь и Пелид не воинствует, сын лепокудрой Фетиды:
Он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает».

Так им из града гремел он, ужасный; но воев ахейских
515 Зевсова славная дочь, Тритогения, дух возбуждала,
Быстро носясь по толпам, где медлительных видела воев.

Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестоко зубристым
В правую голень: его поразил предводитель фракиян,
520 Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кость раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаясь, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая,
Дух предающий; а тут прилетел поразивший фракиец,
525 Пирос могучий, и пику вонзил средь утробы; на землю
Вылилась внутренность вся, — и мрак осенил ему очи.

Пираса бурного пикою ударил Фоас этолиец
В перси, выше сосца, и вонзилася в легкое пика.
Быстро примчался Фоас этолиец; могучую пику

530 Вырвал из персей фракийца и, меч обнажив изощренный,
В чрево его посредине ударил и душу исторгнул;
Сбруи ж похитить не мог: обступали героя фракийцы,
Мужи высокочубастые, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни был огромен, и крепок, и мужеством славен,
535 Прогнан Фоас; и назад отступил, поколебанный силой.
Так по кровавому праху один близ другого простерлись
Копьями грозных фракиян и меднооружных эпеян
Два воеводы, и окрест их многие пали другие.

Делу сему не хулу произнес бы свидетель присущий,
540 Если б, еще невредимый, не раненный острою медью,
Он среди боя вращался и если б Афины Паллады
Дланию был предводим и от ярости стрел охраняем.
Много и храбрых троян, и могучих данаев в день оный
Ниц по кровавому праху простерлося друг подле друга.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

ПОДВИГИ ДИОМЕДА

В оное время Афина Тидея великого сыну
Крепость и смелость дала, да отличнейшим он между всеми
Аргоса воями будет и громкую славу стяжает.
Пламень ему от щита и шелома зажгла неугасный,
5 Пламенем подобный звезде той осенней, которая в небе
Всех светозарнее блещет, омывшись в волнах Океана,—
Пламень подобный зажгла вокруг главы и плеч Диомеда
И устремила в средину, в ужасное брани волнение.

Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
10 Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идеи, в разнородных искусные битвах.
Оба они, отделясь, полетели против Диомеда;
Но они на конях,— Диомед устремляется пеший.
Только лишь стали сближаться, идущие друг против друга,
15 Первый троянец Фегес устремил длиннотенную пику:
Низко, блестящая жалом, над левым плечом Диомеда
Медь пронеслася, не ранив его; и воздвигнулся с пикой
Он, и его не напрасно копье из руки полетело:

В грудь меж сосцов поразил и противника сбил с колесницы.
20 Спрянул Идей, побежал, колесницу прекрасную бросив;
В трепете сердца не смел защитить и убитого брата;
Он бы и сам не избег от грозящего, черного рока,
Но исторгнул Гефест и, покрытого мрачностью ночи,
25 Спас, да не вовсе отец сокрушится печалью о детях.
Коней меж тем изловив, Диомед, воеватель могучий,
Вверил дружине, да гонят к судам многочисленным. Трояне,
Бодрые в битве доголе, узрев, что Даресовы чада —
Тот устрашенный бежит, а другой с колесницы низвержен,
30 Духом смутились все: и тогда Паллада Афина,
За руку взявши, воскликнула к бурному богу Арею:
«Бурный Арей, истребитель народов, стен сокрушитель,
Кровью покрытый! не бросим ли мы и троян и ахеян
Спорить одних, да Кронид промыслитель им славу присудит?
Сами ж с полей не сойдем ли, да Зевсова гнева избегнем?»

35 Так говоря, из сражения вывела бурного бога
И посадила его на возвышенном бреге Скамандра.
Гордых троян отразили данай; низверг браноносца
Каждый их вождь; и первый владыка мужей Агамемнон
Мощного сбил с колесницы вождя гализонов, Годия:
40 Первому, в бег обращенному, пику ему Агамемнон
В спину меж плеч углубил и сквозь перси широкие выгнал;
С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Идомений поразил меонийцем рожденного Бором
Феста, притекшего к брани из Тарны, страны плодоносной.
45 Мужа сего Девкалид копыеносец копьем длиннотенным
Вдруг, в колесницу всходившего, в правое рамо ударил:
В прах с колесницы он пал и ужасною тьмой окружился;
Быстро его обнажили царя Девкалида клеветы.

Там же Скамандрий Строфид, молодой звероловец искусный,
50 Пал, Менелая Атрида поверженный ясенной пикой,
Славный стрелец; изученный самою богинею Фебой,
Всех он зверей поражал, и холмов и дубравы питомцев;
Но его не спасла ни стрельбой веселящаяся Феба,
Ни искусство, каким он, стрелец дальнometкий, гордился:
55 Юношу сильный Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Близко его убежавшего, ясенной пикою острой
В спину меж плеч поразил и сквозь перси кровавую выгнал:
Грянулася в прах он лицом, зазвучала кругом его сбруя.

Вождь Мернион Ферекла повергнул, Гармонова сына,
60 Зодчего мужа, которого руки во всяком искусстве
Опытны были; его безмерно любила Паллада;
Он и Парису герою суда многовеселые строил,
Бедствий начало, навлекшие гибель как всем илионцам,
Так и ему: не постигнул судеб он богов всемогущих.
65 Воя сего Мернион, пред собою гоня и настигнув,
Быстро в десное стегно поразил копьем, — и глубоко,
Прямо в пузырь, под лобковою костью, проникнуло жало:
С воплем он пал на колена, и падшего Смерть осенила.

Мегес Педея сразил, Антенорова храброго сына.
70 Сын незаконный он был, но его воспитала Феана
С нежной заботой, как собственных чад, угождая супругу.
Мегес Филид, на него устремся, копейщик могучий,
В голову около тыла копьем поразил изощренным.
Медь, меж зубов пролетевши, подсекла язык у Педея:
75 Грянулся в прах он и медь холодную стиснул зубами.

Вождь Эврипил Эвемонид сразил Гипсенора героя,
Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом,
Был у Скамандра священник и чтился как бог от народа.
Мужа сего Эврипил, блистательный сын Эвемонов,
80 В бегстве узрев пред собою, догнал на бегу и по раму
Острым мечом поразил и отнес жиловатую руку;
Там же рука кровавая пала на прах, и троянцу
Очи смежила кровавая Смерть и могучая Участь.

Так воеводы сии подвизались на пламенной битве.
85 Но Диомеда вождя не узнал бы ты, где он вращался,
С кем воевал, с племенами троян, с племенами ль ахейн?
Реял по бранному полю, подобный реке наводненной,
Бурному в осень разливу, который мосты рассыпает;
Бега его укротить ни мостов укрепленных раскаты,
90 Ни зеленых полей удержать плотины не могут,
Если незапный он хлынет, дождем отягченный Зевеса;
Вкруг от него рассыпаются юношей красных работы, —
Так от Тидида кругом волновались густые фаланги
Трои сынов и стоять не могли, превосходные силой.

95 Скоро героя увидел блистательный сын Ликаонов,
Как он, крутясь по полям, волновал пред собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лук напрягал со стрелюю

И, на скакавшего бросив, уметил по правому раму
В бронную лату. Насквозь пролетела крылатая стрелка,
100 Прямо вонзилась в плечо: оросилась кровию броня.
Громко воскликнул, гордяся, блистательный сын Ликаонов:
«Други, вперед! ободритесь, трояне, бодатели коней!
Ранен славнейший аргивец; и он, уповаю, не может
Долго бороться с стрелою могучею, ежели точно
105 Феб сребролукий меня устремил из пределов ликийских!»

Так он кричал, возносясь; но героя стрела не смирила:
Мало Тидид отступив, впереди колесницы и коней
Стал и к Сфенелу воззвал, Капанееву храброму сыну:
110 «Друг Капанид, поспеши на мгновенье сойти с колесницы,
Чтоб извлечь у меня из рама горькую стрелу».

Так он сказал, — и Сфенел с колесницы спрыгнул на землю;
Стал за хребтом и из рама извлек углубившуюся стрелу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню;
И взмолился тогда Диомед, воеватель могучий:
115 «Слух преклони, необорная дочь громоносного Зевса!
Если ты мне и отцу поборать благосклонно любила
В брани пылающей, будь мне еще благосклонной, Афина!
Дай мне того изойти и копейным ударом постигнуть,
Кто, упредивши, меня уязвил и надмен предвещает, —
120 В жизни недолго мне видеть свет лучезарного солнца!»

Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя соделала легкими, ноги и руки,
И, приближась к нему, провещала крылатые речи:
125 «Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный,
Коиm, щита потрясатель, Тидей, обладал, конеборец;
Мрак у тебя от очей отвела, окружавший их прежде;
Ныне ты ясно познаешь и бога, и смертного мужа.
Шестуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанет,
130 Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанет; но если Зевесова дочь Афродита
Явится в брани, рази Афродиту острою медью».

Так говоря, отошла светлоокая дочь громовержца.
Сын же Тидеев, назад обратившись, стал меж передних,
135 И, как ни пламенно прежде горел он с врагами сражаться,

Ныне трикратно сильнейшим, как лев, распылался он жаром,
Лев, которого пастырь в степи, у овец руноносных,
Ранил легко, чрез ограду скакавшего, но, не сразивши,
Силу лишь в нем пробудил; и уже, отразить не надеясь,
140 Пастырь под сень укрывается; мечутся сирые овцы;
Вкруг по овчарне толпятся, одни на других упадают;
Лев распаленный назад, чрез высокую скачет ограду, —
Так распаленный Тидид меж троян ворвался, могучий.

Там Астиноя поверг и народов царя Гипенора;
145 Первого в грудь у сосца поразил медножальной пикой,
А другого мечом, по плечу возле выи, огромным
Резко ударив, плечо отделил от хребта и от выи.
Бросивши сих, на Абаса напал и вождя Полиида,
Двух Эвридама сынов, сновидений гадателя-старца;
150 Им, отходящим, родитель не мог разгадать сновидений;
С них Диомед могучий, с поверженных, сорвал корысти.
После пошел он на Ксанфа и Фоона, двух Фенопидов,
Фенонса поздних сынов; разрушаемый старостью скорбной,
Он не имел уже сына, кому бы стяжанья оставить.
155 Их Диомед повергнул и сладкую жизнь у несчастных
Братьев похитил; отцу же — и слезы, и мрачные скорби
Старцу оставил: детей, возвратившихся с брани кровавой,
Он не обнял; наследство его разделили чужие.

Там же двух он сынов захватил Дарданида Приама,
160 Бывших в одной колеснице, Хромия и с ним Эхемона;
И, как лев на тельцов нападает и вдруг сокрушает
Выю тельцу иль телице, пасущимся в роще зеленой, —
Так обоих Приамидов с коней Диомед, не хотящих,
Сбил беспощадно на прах и сорвал с пораженных доспехи,
165 Коней же отдал клеветам, да гонят к кормам корабельным.

Храбрый Эней усмотрел истребителя строев троянских;
Быстро пошел сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копья,
Пандара, богу подобного, смотря кругом, не найдет ли;
Скоро нашел Ликаонова храброго, славного сына,
170 Стал перед ним и такие слова говорил, негодуя:
«Пандар! где у тебя и лук, и крылатые стрелы?
Где твоя слава, которой никто из троян не оспорил
И в которой ликиец тебя превзойти не гордился?
Длани к Зевесу воздень и пусти ты пернатую у мужа,
175 Кто бы он ни был, могучий: погибели много нанес он

Ратям троянским; и многим и сильным сломил он колена!
Разве не есть ли он бог, на троянский народ раздраженный?
Гневный, быть может, за жертвы? а гнев погибелен бога!»

Быстро Энеем ответствовал славный сын Ликаонов:
180 «Храбрый Эней, благородный советник троян меднолатных!
Сыну Тидея могучему, кажется, муж сей подобен:
Щит я его узнаю и с забралом шелом дыроокий;
Вижу его и коней, но не бог ли то, верно не знаю.
185 Если сей муж, как поведал я, сын бранодушный Тидеев,
Он не без бога свирепствует; верно, при нем покровитель
Бог предстоит, обвив рамена свои облаком темным:
Он от него и стрелу налетавшую быстро оттрнул.
Я уже бросил стрелу и уметил Тидеева сына
190 В рамо десное, пробив совершенно доспешную лату,
И уже уповал, что его я повергнул к Аиду;
Нет, не повергнул! Есть, без сомнения, бог прогневленный!
Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;
В Зелии, в доме отца, у меня их одиннадцать пышных,
Новых, недавно отделанных; к бережи их, покрывала
195 Окрест висят, и для каждой из них двуярменные кони
Подле стоят, утучняяся полбой и белым ячменем.
Нет, не напрасно меня Ликаон, воинственный старец,
Так увещал, отходящего к брани, в отеческом доме:
Старец наказывал мне, ополчась на конях, в колеснице
200 Трои сынов предводить на побойщах бурных сражений.
Я не послушал отца, а сие бы полезнее было.
Коней хотел пощадить, чтоб у граждан, в стенах заключенных,
В корме они не нуждались, привыкнув питаться роскошно.
Коней оставил и так устремился я пеш к Илиону,
205 Твердо надежный на лук, но сей лук для меня не помощник!
В двух воевод знаменитейших бросил я меткие стрелы:
В сына Тидея и в сына Атрея; того и другого
Ранивши, светлую кровь я извлек и озлобил их больше.
В злую годину, я вижу, и лук, и пернатые стрелы
210 Снял со столба я в тот день, как решился в веселую Трою
Рати троянские весть, угождая Приамову сыну.
Если я вспять возвращусь и увижу мопми очами
Землю родную, жену и отеческий дом наш высокий,—
Пусть иноземец враждебный тогда же мне голову срубит,
215 Если я лук сей и стрелы в пылающий пламень не брошу,
В щепы его изломав: бесполезный он был мне сопутник!»

Пандару быстро Эней, предводитель троян, возражает:
«Так не вещай, Ликаонид любезный! не будет иначе
Прежде, нежели мы человека сего, в колеснице
220 Противостав, не изведем оба оружием нашим.
Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу, увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные полев
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
К граду и нас унесут они, бурные, если б и снова
225 Славу Зевс даровал Диомеду, Тидееву сыну.
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
В руки прими ты, а я с колесницы сойду, чтоб сразиться.
Или врага принимай ты, а я озабочусь конями».

Но ему возражает блистательный сын Ликаонов:
230 «Сам удержи ты бразды и правь своим конями:
Прытче они под возницей привычным помчат колесницу,
Ежели мы победим пред могучим Тидеевым сыном.
Или они, оробевши, замнутя и с бранного поля
Нас понесут неохотно, знакомого крика не слыша.
235 Тою порою нагрянет на нас Диомед дерзновенный,
Нас обоих умертвит и похитит коней знаменитых.
Ты, Анхизид, удержи и бразды, управляй и конями;
Я же его, налетевшего, пикою острою встречу».

Так сговоряся и оба в блистательной став колеснице,
240 Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногих.
Их усмотревши, Сфенел, знаменитый сын Капанеев,
К сыну Тидея немедля крылатую речь устремляет:
«Храбрый Тидид Диомед, о друг, драгоценнейший сердцу!
Вижу могучих мужей, налетающих биться с тобою.
245 Мощь обоих неизмерима: первый — стрелец знаменитый
Пандар, гордящийся быть Ликаона Ликийского сыном;
Тот же — троянец Эней, добродушного мужа Анхиза
Сын, нарицающий матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань в колесницу, и вспять мы уклонимся; так не свирепствуй,
250 Между передних бросаюсь, да жизни своей не погубишь».

Грозно взглянув на него, отвечал Диомед нестрашимый:
«Смолкни, о бегстве ни слова! к нему ты меня не преклонишь!
Нет, не в породе моей, чтобы вспять отступать из сражений,
Или, робея, скрываться: крепка у меня еще сила!
255 Мне даже леньность всходить в колесницу; но так, как ты видишь,
Пеш против них я иду; трепетать не велит мне Афина».

Их в колеснице обратно не вынесут быстрые кони;
Оба от нас не уйдут, хоть один и укрылся бы ныне.

Молвлю тебе я иное, а ты сохрани то на сердце:

260 Ежели мне Тритогения мудрая славу дарует
Их обоих поразить, быстроногих ты собственных коней
Здесь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Сам, не забудь, Капанид, на Энеевых коней ты бросься
И гони от троян к ополчениям храбрых данаев.
265 Кони сии от породы, из коей Кронид громовержец
Тросу ценою за сына, за юного дал Ганимеда;
Кони сии превосходнее всех под авророй и солнцем.
Сей-то породы себе у царя Лаомедона тайно
Добыл Анхиз властелин, из своих кобылиц подославши:
270 Шесть у Анхиза в дому родилось породы сей коней;
Он, четырех удержав при себе, воспитал их у яслей;
Двух же Энею отдал, разносящих в сражениях ужас.
Если сих коней похитим, стяжаем великую славу!»

Тою порой, как на месте герои взаимно вещали,

275 Близко враги принесли, гонящие коней их бурных.
Первый к Тидиду воскликнул блистательный сын Ликаонов:
«Пламенный сердцем, воинственный, сын знаменитый Тидея!
Быстрой моею стрелой не смирен ты, пернатою горькой;
Ныне еще испытаю копьем, не вернее ль умечу».
280 Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику
И поразил по щиту Диомеда; насквозь совершенно
Острая медь пролетела и звучно ударилась в броню.

Радуюсь, громко воскликнул блистательный сын Ликаонов:

285 «Ранен ты в пах и насквозь! и теперь, я надеюсь, не долго
Будешь страдать; наконец даровал ты мне светлую славу!»
Быстро ему, не смутясь, отвечал Диомед благородный:
«Празден удар, ты обманут! но вы, я надеюсь, оба
Прежде едва ль отдохнете, доколе один здесь не ляжет
Кровью своею насытит несытого бранью Арея!»

290 Так произнес — и поверг; и копьё направляет Афина
Пандару в нос близ очей: пролетело сквозь белые зубы,
Гибкий язык сокружительной медью при корне отсекло
И, острием просверкнувши насквозь, замерло в подбородке.
295 Рухнулся он с колесницы, взгремели на падшем доспехи
Пестрые, пышноблестящие; дрогнули тросские кони
Бурные; там у него и душа разрешилась и крепость.

Прянул на землю Эней со щитом и с огромною пикой
В страхе, да Пандаров труп у него не похитят ахейцы.
Около мертвого ходя, как лев, могуществом гордый,
300 Он перед ним и копье уставлял, и щит круговидный,
Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть грозный
Криком ужасным. Но камень рукой захватил сын Тидеев,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человека
Ныне живущих людей,— но размахивал им и один он;
305 Камнем Энея таким поразил по бедру, где крутая
Лядвея ходит в бедре по составу, зовомому чашкой:
Чашку удар раздробил, разорвал и бедерные жилы,
Сорвал и кожу камень жестокий. Герой пораженный
Пал на колено вперед; и, колеблясь, могучей рукою
310 В дол упирался, и взор его черная ночь осенила.

Тут неизбежно погиб бы Эней, предводитель народа,
Если б того не увидела Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая с пастырем юным, Анхизом.
Около милого сына обвинив она белые руки,
315 Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел, да какой-либо конник данайский
Медью персей ему не пронзит и души не исторгнет,
Так уносила Киприда любезного сына из боя.

Тою порою Сфенел Капанид не забыл наставлений,
320 Данных ему Диомедом, воинственным сыном Тидея:
Коней своих звуконогих вдали от бранной тревоги
Он удержал и, бразды затянув за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отгнав от троян к меднолатным дружинам ахейан,
325 Другу отдал Децилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил, по согласию чувств их сердечных,
Гнать повелел к кораблям мореходным; сам же, бесстрашный,
Став в колеснице своей и блестящие вожжи ослабив,
Вслед за Тидидом царем на конях звуконогих понесся,
330 Пламенный. Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устроят,
Так, как Афина или как громающая грады Энио.
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
335 Прямо оставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине

Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
340 Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни браши не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и прияд и избавил,
345 Облаком черным покрыв, да какой-либо конник ахейский
Медю персей ему не пронзит и души не исторгнет.

Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
350 Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я падеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь!»

Рек,— и она удаляется смутная, с скорбью глубокой.
Быстро Прида ее, поддержав, из толпищ выводит
В омраке чувств от страданий; померкло прекрасное тело!
355 Скоро опую брани богиня находит Арея;
Там он сидел; но копье и кони бессмертные были
Мраком одеты; упав на колена, любезного брата
Нежно молила она и просила коней златосбруйных:
«Милый мой брат, помоги мне, дай мне коней с колесницей,
360 Только достигнуть Олимпа, жилища богов безмятежных.
Страшно я мучуся язвою; муж уязвил меня смертный,
Вождь Диомед, который готов и с Зевесом сразиться!»

Так изрекла,— и Арей отдает ей коней златосбруйных.
Входит она в колесницу с глубоким крушением сердца;
365 С нею Прида взошла и, бразды захвативши в десницу,
Коней стегнула бичом; полетели послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертных.
Там удержала коней ветроногая вестница Зевса
И, отрешив от ярма, предложила амброзию в пищу.
370 Но Киприда стелющаяся пала к коленам Дионы,
Матери милой, и мать в объятия дочь заключила,
Нежно ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Дочь моя милая, кто из бессмертных с тобой дерзновенно
Так поступил, как бы явно какое ты зло сотворила?»

375 Ей, восстенав, отвечала владычица смехов Киприда:
«Ранил меня Диомед, предводитель аргосцев надменный,
Ранил за то, что Энея хотела я вынести из боя,

Милого сына, который всего мне любезнее в мире.
Ныне уже не троян и ахеян свирепствует битва;
380 Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!»

Ей богиня почтенная вновь говорила Диона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, как ни горестно сердцу.
Много уже от людей, на Олимпе живущие боги,
Мы пострадали, взаимно друг другу беды устроая.
385 Так пострадал и Арей, как его Эфиальтес и Отос,
Два Алоида огромные, страшною цепью сковали:
Скован, тринадцать он месяцев в медной темнице томился.
Верно бы там и погибнул Арей, ненасытимый бранью,
Если бы мачеха их, Эрибея прекрасная, тайно
390 Гермесу не дала вести: Гермес Арея похитил,
Силы лишенного: страшные цепи его одолели.
Гера подобно страдала, как сын Амфитриона мощный
В перси ее поразил треконечно горькой стрелой.
Лютая боль безотрадная Геру богиню терзала!
395 Сам Айдес, меж богами ужасный, страдал от пернатой.
Тот же погибельный муж, громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранив у врат подле мертвых, в страдания горькие ввергнул.
Он в Эгиохов дом, на Олимп высокий вознесся,
Сердцем печален, болезнью терзаем; стрела роковая
400 В мощном Айдесовом раме стояла и мучила душу.
Бога Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Скоро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Дерзкий, неистовый! он не страшась совершал злодеянья:
Луком богов оскорблял, на Олимпе великом живущих!
405 Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
Дети отцом его, на колени садясь, не кличут
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.
410 Пусть же теперь сей Тидид, невзирая на гордую силу,
Мыслит, да с ним кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгиалея,
Некогда воплем полночным от сна не разбудит домашних,
С грусти по юном супруге, храбрейшем герое ахейском,
415 Верная сердцем супруга Тидида, смирителя коней».

Так говоря, на руке ей бессмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцелела.
Тою порою, зревшие всё, и Афина и Гера

Речью язвительной гнев возбуждали Крониона Зевса;
420 Первая речь начала светлоокая дева Афина:
«Зевс, наш отец, не прогневаю ль словом тебя я, могучий?
Верно, ахейнку новую ныне Киприда склоняла
Ввериться Трои сынам, беспредельно богине любезным?
И, быть может, ахейнку в пышной одежде лаская,
425 Пряжкой златою себе поколола нежную руку?»

Так изрекла; улыбнулся отец и бессмертных и смертных
И, призвав пред лицо, провещал ко златой Афродите:
«Милая дочь! не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостных браков;
430 Те же бурный Арей и Паллада Афина устроят».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
Тою порой на Энея напал Диомед нестрашимый:
Зная, что сына Анхизова сам Аполлон покрывает,
Он не страшился ни мощного бога; горел непрестанно
435 Смерти Энея предать и доспех знаменитый похитить.
Трижды Тидид напал, умертвить Анхизида пылая;
Трижды блистательный щит Аполлон отражал у Тидида;
Но, лишь в четвертый раз налетел он, ужасный, как демон,
Голосом грозным к нему провещал Аполлон дальновержец:
440 «Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!»

Так провещал, — и назад Диомед отступил недалеко,
Гнева боящийся бога, далеко разящего Феба.
445 Феб же, Энея похитив из толпищ, его полагает
В собственном храме своем, на вершине святого Пергама.
Там Анхизиду и Лета и стрелолюбивая Феба
Сами в великом святилище мощь и красу возвращали.
Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак —
450 Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев
Сшиблись ряды, разбивая вокруг персей воловые кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
К богу Арею тогда провещал Аполлон дальновержец:
455 «Бурный Арей, мужегубец кровавый, стен разрушитель!
Или сего человека из битв удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готов и с Кронидом сразиться?»

Прежде богиню Киприду копьем поразил он в запястье;
Здесь на меня самого устремился ужасный, как демон!»

460 Так произнесши, воссел Аполлон на вершинах Пергама;
Но свирепый Арей троян возбудить устремился,
Вид Акамаса приняв, предводителя быстрого фраков.
Звучно к сынам Приама, питомца Зевеса, взывал он:
«О сыны Приама, хранимого Зевсом владыки!
465 Долго ль еще вам убийство троян попускать аргивянам?
Или пока не начнут при вратах Илиона сражаться?
Пал воевода, почтенный для нас, как божественный Гектор!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянем, из бранной тревоги спасем благородного друга!»

470 Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
Тут Сарпедон укорять благородного Гектора начал:
«Гектор! где твое мужество, коим ты прежде гордился?
Град, говорил, защитить без народа, без ратей союзных
Можешь один ты с зятьями и братьями; где ж твои братья?
475 Здесь ни единого я не могу ни найти, ни заметить.
Все из сражения прячутся, словно как псы перед скимном;
Мы же здесь ратуем, мы, чужеземцы, притекшие в помощь;
Ратую я, союзник ваш, издалека пришедший.
Так, и ликийские доли, и ксанфские воды — далеки,
480 Где я оставил супругу любезную, сына-младенца
И сокровища многие, коих убогий алкает.
Но, невзирая на то, предвожу ликиян, и готов я
С мужем сразиться и сим, ничего не имея в Троаде,
Что бы могли у меня иль унести, иль увести аргивяне.
485 Ты ж — неподвижен стоишь и других не бодрить ополчений
Храбро стоять, защища и жен и детей в Илионе.
Гектор, блюдишь, да объята, как всеувлекающей сетью,
Все вы врагов разъяренных не будете плен и добыча!
Скоро тогда сопостаты разрушат ваш град велелепный!
490 Ты о делах сих заботиться должен и денно и ночью,
Должен просить воевод, дальнеземных союзников ваших,
Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить».

Так говорил он, — и речь уязвила Гектора сердце:
Быстро герой с колесницы с оружием прынул на землю:
495 Острые копыа колебля, кругом полетел по дружинам,
В бой распалая сердца; и возжег он жестокою сечу!

Вспять возвратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Те же, сомкнувши ряды, нажидали врагов, не робели.

Так, если ветер плевые рассеивает по гумнам священным,
500 Жателем, веющим хлеб, где Деметра с кудрями златыми
Плод отделяет от плев, возбуждая дыхание ветров,
Гумны кругом под плевою белеются, — так аргивяне
С глав и до ног их белели под прахом, который меж ними
505 Даже до медных небес воздымали копытами кони
В быстрых, крутых поворотах; ворочали в бой их возницы,
Прямо с могуществом рук на врагов устремляясь; но мраком
Бурный Арей покрывает всю битву, троянам помощный,
Вкруг по рядам их носясь: поспешал он исполнить заветы
510 Феба, царя златострельного; Феб заповедал Арею
Души троян возбудить, лишь узрел, что Паллада Афина
Бой оставляет, богиня, защитница воинств ахейских.
Сам же Эней вождя из святилища пышного храма
Бывел и крепостью перси владыки народов наполнил.
515 Стал Анхизид меж друзьями величествен; все веселились,
Видя, что он, живой, невредимый, блистающий силой,
Снова предстал, но его спросить ни о чем не успели;
Труд их заботил иной, на который стремил сребролукий,
Смертных губитель Арей и неустально ярая Распря.

Оба Аякса меж тем, Одиссей и Тидид воеводы
520 Ревностно в бой возбуждали ахейских сынов; но ахейцы
Сами ни силы троян не страшились, ни криков их грозных;
Ждали недвижные, тучам подобные, кон Кроннион
В тихий, безветренный день, на высокие горы надвинув,
525 Черные ставит незыбно, когда и Борей и другие
Дремлют могучие ветры, которые мрачные тучи
Шумными уст их дыханьями вкруг рассыпают по небу;
Так ожидали данаи троян, неподвижно, бесстрашно.
Царь Агамемнон летал по рядам, ободряя усердно:
«Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь доблестным духом;
530 Воина воин стыдися на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

Рек — и стремительно ринул копые и переднего мужа
Депкоона уметил, Энеева храброго друга,
535 Сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида,
Чтимого: ревностен был он всегда между первых сражаться.

Пикой его поразил по щиту Агамемнон могучий;
Щит копия не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузло;
540 С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи.

Тут Анхизид ниспровергнул храбрейших мужей из данаев,
Двух Диоклесовых чад, Орсилоха и брата Крефона.
В Фере, красиво устроенной, жил Диоклес, их родитель,
Благами жизни богатый, ведущий свой род от Алфея,
545 Коего воды широко текут чрез пиллийскую землю.
Он Орсилоха родил, неисчетных мужей властелина;
Царь Орсилох породил Диоклеса, высокого духом;
И от сего Диоклеса сыны-близнецы родилися,
Вождь Орсилох и Крефон, в разнородных искусные битвах.
550 Оба они, возмужалые, в черных судах к Илиону,
Славному конями, с силой ахейских мужей прилетели,
В брани Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальную оба снискали.
555 Словно два мощные льва, на вершинах возросшие горных,
Оба под матерью львицей вскормленные в лесе дремучем,
Тучных овец и тельцов круторогих из стад похищая,
Окрест дворы у людей разоряют, доколе и сами
Ловчих мужей от руки под убийственной медью не лягут,—
Так и они, пораженные мощной рукою Энея,
560 Рухнулись оба на землю, подобные соснам высоким.

Падших увидя, воссетовал царь Менелай браноносный,
Выступил дальше передних, покрытый сверкающей медью,
Острой колеблющий пикой: Арей распалил ему душу
С помыслом тайным, да будет сражен он руками Энея.
565 Но увидел его Антилох, Несторид благородный,
Выступил сам за передних, страшая, да пастырь народов
Зла не потерпит и тяжких трудов их плоды уничтожит.
Тою порою герои и руки, и острые копыя
Друг против друга уже подымали, пылая сразиться;
570 Но предстал Антилох к воеводе ахеян Атриду,
И остаться Эней не посмел, сколь ни пламенный воин,
Двух браноносцев увидя, один за другого стоящих.
Те же, убитых поспешно увлекши к дружинам ахейским,
Там их оставили, бедных, друзьям возвративши печальным;
575 Сами, назад обратившись, между передних сражались.

Там Пилемена повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян.

Мужа сего Атрейон Менелай, знаменитый копейщик,
Длинным копьем, сопротиву стоящего, в व्यю уметил;
580 Вождь Антилох поразил у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимния: коней своих обращавшего бурных,
Камнем его угодил он по локтю; бразды у Мидона,
Костью слоновою блестящие, пали на пыльную землю,
Прянул младой Антилох и мечом в висок его грянул;
585 Он, тяжело вздохнувший, на прах с колесницы прекрасной
Рухнулся вниз головой и, упавший на темя и плечи,
Долго в сем виде стоял он, в песок погрузившись глубокий,
Кони покуда, ударив, на прах опрокинули тело:
Их, поражая бичом, Антилох угонял к аргивянам.

590 Гектор героев узнал меж рядов и на них устремился
С яростным криком; за ним и троян понеслися фаланги
Сильные; их предводили кровавый Арей и Энио
Грозная, следом ведущая бранный мятеж беспредельный:
Бурный Арей, потрясая в деснице огромною пикой,
595 То выступал перед Гектором, то позади устремлялся.

Бога узрев, ужаснулся Тидид, воеватель могучий,
И, как неопытный путник, великою степью идущий,
Вдруг перед быстрой рекою, падущею в понт, цепенеет,
Пеной кипящую видя, и смутный назад отступает, —
600 Так отступил Дпомед и немедля воскликнул к народу:
«Други, почто мы двинмся, что ныне божественный Гектор
Стал копьеборец славнейший, боец дерзновеннейший в битве?
С ним непрестанно присутствует бог, отражающий гибель!
С ним и теперь он — Арей, во образе смертного мужа!
605 Други, лицом к сопостатам всегда обращенные, с поля
Вы отступайте, с богами отнюдь не держайте сражаться!»

Так говорил он, но близко на них наступили трояне.
Гектор двух ратоборцев повергнул, испытанных в битвах,
Бывших в одной колеснице, Менесфа и с ним Анхиала.
610 Падших узрев, пожалел их великий Аякс Теламонид;
К ним приступил он и стал и, пославши сверкающий дротик,
Амфия свергнул, Селагова сына, который средь Песа
Жил, обладатель богатств и полей; но судьба Селагида
В брань увлекла поборать за Приама и всех Приамидов.
615 В запон его поразил Теламониев сын многомошный;
В нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
С шумом он грянулся в прах; и Аякс прибежал победитель,

Жадный доспехи совлечь; но трояне посыпали копья
Острые, ярко блестящие; много их щит его принял.
620 Он же, пятой наступив на сраженного, медную пику
Вырвал назад; но других не успел драгоценных доспехов
С плеч унести Селагидовых: стрелы его засыпали.
Он окружения сильного гордых троян убоился:
Много их, мощных, отважных, уставив дроты, наступало;
625 Импи, сколь ни был огромен и сколь ни могуч и ни славен,
Прогнан Аякс и назад отступил, поколебанный силой.

Так браноносцы сии подвизались в пламенной битве.
Тою порой Тлиподем Гераклид, и огромный и сильный,
Злою судьбою сведен с Сарпедоном божественным в битву.
630 Чуть сосупились герои, идущие друг против друга,
Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса,
Так Тлиподем Гераклид к сопротивнику первый воскликнул:
«Ликий царь Сарпедон! какая тебе неизбежность
Здесь между войск трепетать, человек незнакомый с войною?»
635 Лжец, кто расславил тебя громоносного Зевса рождением!
Нет, несравненно ты мал пред великими теми мужами,
Кои от Зевса родились, меж древних племен человек,
И каков, повествуют, великая сила Геракла
Был мой родитель, герой дерзновеннейший, львиное сердце!
640 Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней,
Только с шестью кораблями, с дружиною ратною малой,
Град Иллион разгромил и пустынными стогны оставил!
Ты же робок душой и предводишь народ на погибель.
Нет, для троян, я надеюсь, ты обороной не будешь,
645 Ликийю бросил напрасно, и будь ты стократно сильнееший,
Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратам Аидеса!»

Ликий царь Сарпедон Тлиподему отвечивал быстро:
«Так, Тлиподем, Геракл разорил Иллион знаменитый,
Но царя Лаомедона злое безумство карая:
650 Царь своего благодетеля речью поносной озлобил
И не отдал коней, для которых тот шел издалека.
Что ж до тебя, предвещаю тебе я конец и погибель;
Их от меня ты примешь и, копьем сим поверженный, славу
Даруешь мне, и Аиду, конями гордящемуся, душу».

655 Так говорил Сарпедон; но, сотрясши, свой ясенный дротик
Взнес Тлиподем; обоих сопротивников длинные копья
Вдруг полетели из рук: угодил Сарпедон Гераклида

В самую выю, и жало насквозь несмиримое вышло:
Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
660 Но и сам Тлиполем в бедро улучил Сарпедона
Пикой огромною; тело рассекшее, бурное жало
Стукнуло в кость; но отец от него отвращает погибель.

Тут Сарпедона героя усердные друзья из битвы
Вынестъ спешили; его удручала огромная пика,
665 Влекшаясь в теле; никто не подумал, никто не помыслил
Ясенной пикой извлечь из бедра, да с спешащими шел бы;
Так озабочены были трудящиеся вокруг Сарпедона.
Но Тлиполема данаи, блестящие медью, спешили
Вынестъ из боя; увидел его Одиссей знаменитый,
670 Твердый душою, и вспыхнуло в нем благородное сердце;
Он между помыслов двух колебался умом и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащего Зевса?
Или, напад на ликиян, у множества душ исторгнуть?
675 Но не ему, Одиссею почтенному, сужено было
Зевсова сына могучего медью острой низвергнуть.
Сердце его на ликийский народ обратила Паллада.
Там он Керана, Аластора, Хромия битвой низринул,
Галия, вслед Ноемона, Алкандра убил и Притана;
И еще бы их более сверг Одиссей знаменитый,
680 Если бы скоро его не узрел шлемоблещущий Гектор:
Ринулся он сквозь передних, сияющей медью покрытый,
Ужас давая несущий. Обрадован друга приходом,
Зевсов сын, Сарпедон, говорил ему гласом печальным:
«Гектор! не дай, умоляю, лежать мне добычей ахеян;
685 Друг, защити! и пускай уже в вашем приятном граде
Жизнь оставит меня; не судила, как вижу, судьбина,
В дом возвратившемся, в землю отечества, милого сердцу,
Там обрадовать мне и супругу, и юного сына!»

Так говорил, но ему не отвечивал Гектор великий,
690 Быстро пронесся вперед, нетерпением пылая скорее
Рать аргивян отразить и у множества души исторгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
В поле, под буком прекрасным метателя молнии Зевса.
Там из бедра у него извлек длиннотенную пикой
695 Храбрый, могучий Пелагон, друг, им отлично любимый:
Дух Сарпедона оставил, и очи покрылись мглою.
Скоро опять он вздохнул, и кругом его ветер прохладный
Вновь оживил, повевая, тяжелое персей дыханье.

700 Рать аргивян пред Ареем и Гектором меднодоспешным,
Тесно фаланги сомкнувши, как к черным судам не бежала,
Так и вперед не бросалась в бой, но лицом непрестанно
Вся отступала, узнав, что Арей в ополченьях троянских.

Кто же был первый и кто был последний, которых доспехи
Гектор могучий похитил и медный Арей душегубец?
705 Тевфрас, бессмертным подобный, и после Орест конеборец,
Войн бесстрашный Эномаос, Трех, этолийский копейщик,
Энопа отрасль Гелен и Орезбий пестропопный,
Муж, обитающий в Гиле, богатства стяжатель заботный,
Около озера живший Кефисского, где и другие
710 Жили семейства беотян, уделов богатых владыки.

Их лишь узрела лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый ахейский народ истребляющих в битве свирепой,
Быстро к Афине Палладе крылатую речь устремила:
«Горе, дочь необорная молний метателя Зевса!
715 Тщетным словом с тобой обнадежили мы Менелая
В дом возвратить разрушителем Трон высокотвердынной,
Если свирепствовать так попускаем убийце Арею!
Нет, устремимся, помыслим и сами о доблести бранной!»

Так говоря, преклонила дочь светлоокою Зевса;
720 Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
725 Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для зора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно сребром и золотом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две скобы;
730 Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба златое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь златую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он скатился,
735 Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачась броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалась к брани плачевной.

Бросила около персей эгид, бахромою косматый,
Страшный очам, поразительным Ужасом весь окруженный:
740 Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всеспильного, Зевса!
Шлем на чело возложила украшенный, четырехбляшный,
745 Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.
Так в колеснице пламенной став, копьем ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дщерь всемогущего бога.

Гера немедля с бичом налегла на коней быстроногих;
750 С громом врата им небесные сами разверзлись при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
Чтобы облак густой разверзать иль смыкать перед ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемых гнали;
Скоро они обрели, далеко от бессмертных сидящим,
755 Зевса царя одного, на превыспреннем холме Олимпа.
Там, коней удержавши, лилейнораменная Гера
Кронова сына царя вопрошала и так говорила:
«Или не гневен ты, Зевс, на такие злодейства Арея?
Сколько мужей и каких погубил он в народе ахейском
760 Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда как спокойно
В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой.
Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»

Гере немедля ответствовал туч воздыматель Кронион:
765 «Шествуй, восставь на Арея богиню победы, Палладу;
Больше обыкла она повергать его в тяжкие скорби».

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Коней хлестнула бичом; полетели покорные кони,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
770 Сколько пространства воздушного муж обымают очами,
Сидя на холме подзорном и смотря на мрачное море,—
Столько прядают разом богов гордовыйные кони.
К Трое принесшимся им и к рекам совокупно текущим,
775 Где Симонс и Скамандр быстрокатные воды сливают,
Там коней удержала лилейнораменная Гера
И, отрешив от ярма, окружила облаком темным;
Им Симонс разостлал амброзию сладкую в паству.

Сами богини спешат, голубицам подобные робким,
Поступью легкой, горя поборать за данаев любезных.
780 И, лишь достигли туда, где и многих мужей и храбрейших
Вкруг Диомеда вождя, укротителя мощного коней,
Сонмы густые стояли, как львы, пожиратели крови,
Или как вепри, которых мощь не легко одолима,—
Там, пред аргивцами став, возопила великая Гера,
785 В образе Стентора, мощного, медноголосого мужа,
Так вопиющего, как пятьдесят совокупо другие:
«Стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!
Прежде, как в грозные битвы вступал Ахиллес благородный,
Трои сыны никогда из Дардановых врат не дерзали
790 Выступить: все трепетали его сокрушительной пики!
Ныне ж далеко от стен, пред судами, трояне воюют!»

Так говоря, возбудила и силу и мужество в каждом.
Тою порой к Диомеду подходит Паллада Афина:
Видит царя у своей колесницы; близ коней он стоя,
795 Рану свою прохлаждал, нанесенную Пандара медью.
Храброго пот изнурял под ремнем широким, держащим
Выпуклый щит: изнурялся он им, и рука цепенела;
Но, подымая ремень, отирал он кровавую рану.
Зевсова дочь, преклоняся на конский ярем, возгласила:
800 «Нет, Тидей произвел себе не подобного сына!
Ростом Тидей был мал, но по духу вонтель великий!
Некогда я запрещала ему подвизаться, герую,
Бурной душой увлекаясь, когда он один от ахейи
В Фивы пришел послом к многочисленным Кадма потомкам.
805 Я повелела ему пировать спокойно в чертогах;
Но Тидей, как всегда, обладаемый мужеством бурным,
Юных кадмеян к борьбам вызывал и легко сопротивных
Всех победил: таково я сама поборала Тидею!
Так я тебе предстою, благосклонно всегда охраняю
810 И ободряю тебя с фриггианами весело биться;
Но пль усталость от подвигов бурных тебя поразила,
Или связала робость бездушная! После сего ты
Сын ли героя Тидея, великого в бранях Ивида?»

Ей отвечая немедленно, рек Диомед благородный:
815 «О! познаю я тебя, светлоокая дочь громовержца!
Искренне все пред тобой изреку, ничего не сокрою.
Нет, не усталость меня и не робость бездушная держит,
Но заветы я помню, какие мне ты завещала:

820 Ты повелела не ратовать мне ни с одним из блаженных
Жителей неба, но если Крониона дочь, Афродита,
Явится в брань, разить Афродиту острою медью.
Вот для чего отступаю и сам я, и прочим аргивцам
Всем повелел, уклоняясь, здесь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящую битвою он управляет».

825 Вновь провещала к нему светлоокая дочь Эгиоха:
«Чадо Тидея, о воин, любезнейший сердцу Афины!
Нет, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильного бога; сама за тебя я поборницей буду!
830 Мужествуй, в бой на Арея лети на конях звуконогих;
Смело сойдись и рази, не убойся свирепства Арея,
Буйного бога сего, сотворенное зло, вероломца!
Сам он недавно обет произнес предо мной и пред Герой
Ратовать против троян и всегда поборать за ахеян;
Ныне ж стоит за троян, вероломный, ахеян оставил!»

835 Так говоря, с колесницы Сфенела согнала на землю,
Быстро повлекши рукой, — и покорный мгновенно он спрятал;
Быстро сама в колесницу к Тидиду восходит богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,
Зевса подъявшая грозную дочь и храбрейшего мужа.
840 Разом и бич и бразды захвативши, Паллада Афина
Вдруг на Арея на первого бурных коней устремила.
В те поры он обнажал Перифаса, вождя этоллян,
Мужа огромного, мощного, славную ветвь Охезия;
Мужа сего кровавый Арей обнажал, но Афина
845 Шлемом Анда покрылась, да будет незрима Арей.

Смертных губитель едва усмотрел Диомеда героя,
Вдруг этоллян вождя, Перифаса огромного, бросил
Там распостертого, где у сраженного душу исторгнул:
Быстро и прямо пошел на Тидида, смирителя коней.
850 Только лишь сблизились оба, летящие друг против друга,
Бог, устремяся вперед, над конским ярмом и браздами
Пикую медной ударил, пылающий душу исторгнуть;
Но, рукой ухватив, светлоокая дочь Эгиоха
Пикую отбросила вбок, да напрасно она пронесется.
855 И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В пах под живот, где бог опоясывал медную повязь;

Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копьё; и взревел Арей меднобронный
860 Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахейн,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
865 Если неистово дышащий, знойный вздвигнется ветер,—
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу,
Там близ Кронида владыки воссел он, печальный и мрачный,
870 И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи:
«Или без гнева ты, Зевс, на ужасные смотришь злодеяства?
Боги, мы непрестанно, по замыслам друг против друга,
Терпим беды жесточайшие, благо творя человекам;
875 Все на тебя негодуем: отец ты неистовой дочери,
Пагубной всем, у которой одни злодеяния в мыслях!
Боги другие, колико ни есть их на светлом Олимпе,
Все мы тебе повинuemся, каждый готов покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словом, ни делом;
880 Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочьер!
Ныне она Диомеда, Тидеева гордого сына,
С диким свирепством его на бессмертных богов устремила!
Прежде Киприду богиню из рук поразил он в запястье;
После с копьём на меня самого устремился, как демон!
885 Быстрые ноги меня лишь избавили, иначе долго б
Там я простертый страдал, между страшными грудями трупов,
Или б живой изнемог, под ударами гибельной меди!»

Грозно возрев на него, провецал громовержец Кроннон:
«Смолкни, о ты, переметник! не вой, близ меня восседающий!
890 Ты ненавистнейший мне меж богов, населяющих небо!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы!
Матери дух у тебя, необузданный, вечно строптивый,
Геры, которую сам я с трудом укрощаю словами!
Ты и теперь, как я мню, по ее же внушениям страждешь!
895 Но тебя я страдающим долее видеть не в силах:
Отрасль моя ты, и мать тебя от меня породила.
Если б от бога другого родился ты, столько злоторный,
Быль бы уже ты давно преисподнее всех Уранидов!»

Рек,— и его врачевать повелел громовержец Пеану.
900 Язву Пеан врачевством, утоляющим боли, осыпав,
Быстро его исцелил, не для смертной рожденного жизни.
Словно смоковничий сок, с молоком перемешанный белым,
Жидкое вяжет, когда его быстро колеблет смешавший,—
905 С равной Пеан быстротой исцелил уязвленного бога.
Геба омыла его, облачила одеждою пышной,
И близ Зевса Кронида воссел он, славою гордый.

Паки тогда возвратилась в обитель великого Зевса
Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменой,
Так обуздав истребителя, мужеубийцу Арея.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

СВИДАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Страшную брань меж троян и ахейн оставили боги;
Но свирепствовал бой, или здесь, или там по долине,
Воинств, один на других устремляющих медные копыя,
Между берегов Симонса и пышноструистого Ксанфа.

Первый Аякс Теламонид, стена меднобронных данаев,
Прорвал фалангу троян и возрадовал светом дружины,
Мужа сразив, браноносца храбрейшего рати фракийской,
Эвсора ветвь, Акамаса, ужасного ростом и силой.
10 Мужа сего поражает он первый в шлемо коневласый
И вонзает в чело: погрузилось глубоко внутрь кости
Медное жало, и тьма Акамасовы очи покрыла.

Там же Аксила поверг Диомед, воеватель могучий,
Сына Тевфрасова: он обитал в велелепной Арисбе,
Благами жизни богатый и друг человекам любезный;
15 Дружески всех принимал он, в дому при дороге живущий;
Но никто из друзей тех его от беды не избавил,
В помощь никто не предстал; обоих Диомед воеватель
Жизни лишил — и его, и Калезия друга, который
Правил конямии; и оба сошли неразлучные в землю.

20 Дреса, герой Эвриал, и Офелтия мощного свергнув,
Быстро пошел на Эсепа и Педаса, нимфой рожденных,

Абарбареей наядой, прекрасному Буколиону;
Буколион же был сын Лаомедона, славного мужа,
Старший в семействе, но матерью тайно, без брака

рожденный:

25 Пастырь, у стад он своих сочетался любовью с нимфой;
Нимфа, зачавшая, двух близнецов-сынов сих родила:
Юношам вместе и дух сокрушил, и прекрасные члены
Сын Мекистеев, герой, и с рамен их похитил доспехи.

Там же, дышащий бранью, сразил Полипет Астпала;
30 Царь Одиссей перкозийского воя Пидпта низринул
Медною пикой; и Тевкр Аретаона, храброго в битвах.
Несторов сын, Антилох, устремивши сняющий дротик,
Аблера сверг; и владыка мужей Агамемнон — Элата:
Он обитал на берегах светлоструйной реки Сатниона,
35 В граде высоком Педасе. Филака бегущего сринул
Леит герой; Эврипил же, сразив, обнажил Меланфея.

Но Адраста живым изловил Менелай копыеносный:
Кони его, пораженные страхом на битвенном поле,
Вдруг об мириковой куст колесницу с разбега ударив,
40 Дышло ее на конце раздробили и сами помчались
К граду, куда и других устрашенные кони бежали.
Сам же Адраст, с колесницы стремглав к колесу покатяся,
Грянулся оземь лицом; и пред павшим стал налетевший
Сильный Атрид Менелай, грозя длиннотенною пикой.
45 Ноги его обхватил и воскликнул Адраст, умоляя:
«Даруй мне жизнь, о Атрид, и получишь ты выкуп достойный!
Много сокровищ хранится в отеческом доме богатом,
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчислимый выкуп отец мой,
50 Если услышит, что я нахожуся живой у данаев!»

Так говорил — и уже преклонял Менелаево сердце;
Храбрый уже помышлял поручить одному из клеветов
Пленника весть к кораблям мореходным, как вдруг Агамемнон,
В встречу бегущий, предстал и грозно вскричал Менелаяю:
55 «Слабый душой Менелай, ко троянцам ли ныне ты столько
Жалостлив? Дело прекрасное сделали эти троянцы
В доме твоём! Чтоб никто не избег от погибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого мать
Носит в утробе своей, чтоб и он не избе! да погибнут
60 В Трое живущие все и лишённые гроба исчезнут!»

Так говорящий, герой отвари́л помышление брата,
Правду ему говоря; Менелай светлокудрый Адра́ста
Молча рукой оттолкнул; и ему Агамемнон в утробу
Пик у вонзил; опрокинулся он, и мужей повелитель,
65 Ставши ногою на перси, вонзенную пик у исторгнул.

Нестор меж тем аргивян возбуждал, громогласно вещая:
«Други, дана́н герои, бесстрашные слуги Арея!
Ныне меж вас да никто, на добычи броса́ясь, не медлит
Сзади рядов, чтобы больше отнесть их в стан корабельный.
70 Нет, поразим сопровитников; после и их вы спокойно
Можете все обнажить на побоище мертвые трупы».

Так говоря, возбудил он и душу и мужество в каждом.
В оное время трояне от дышащих бранью данаев
Скрылись бы в град, побежденные собственной слабостью
духа,

75 Если б Энею и Гектору мудрого не дал совета
Сын Приамов Гелен, знаменитейший птицегадатель:
«Гектор, Эней! на вас, воеводы, лежит наипаче
Бремя забот о народе троянском; отличны вы оба
В каждом намеренье вашем, сражаться ли нужно
иль мыслить».

80 Станьте же здесь и бегущие рати у врат удержите,
Сами везде устремляясь, доколе в объятия жен их
Все беглецы не падут и врагам в посмеянье не будут!
Но когда вы троянские вокруг ободрите фаланги,
Мы, оставаясь здесь, с аргивянами будем сражаться,
85 Сколько бы ни были ими тесными: велит неизбежность.
Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
Матери нашей: пускай соберет благородных троянок
В замок градской, перед храм светлоокой Паллады богини.
Там, заключенные двери отверзая священного дома,
90 Пышный покров, величайший, прелестнейший всех
из хранимых

В царском дому и который сама наиболее любит,
Пусть на колена его лепокудрой Афины положит.
Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
95 Град богиня поми́луе, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!

100 Так ни Пелид не страшил нас, великий мужей предводитель,
Сын, как вещают, богини бессмертной! Тидид аргивянин
Пуще свирепствует: в мужестве с оным никто не сравнится!»

Так говорил он,— и Гектор послушался брата советов;
Быстро герой с колесницы с оружием прынул на землю;
105 Острые копья колебля, кругом обходил ополченья,
Дух распаяя на бой; и восставил он страшную сечу.
В бой обратились трояне и стали в лицо аргивянам;
Вспять подалися ряды аргивян, укротили убийство,
Мысля, что бог незримый, нисшедший от звездного неба,
Сам за врагов их поборствует; так обратились трояне.

110 Гектор еще возбуждал, восклицающий звучно к троянам:
«Храбрые Трои сыны и союзники славные наши!
Будьте мужами, о други, вспомните бурную силу.
Я ненадолго от вас отлучуся в священную Трою
Старцам советным поведать и нашим супругам, да купно
115 Молят небесных богов, обетую стотельчье жертвы».

Так говоря им, шествовал шлемом сверкающий Гектор;
Билася сзади его, по стопам и по вые, концами
Черная кожа, которая щит окружала огромный.

Главк между тем, Гипполохид, и сын знаменитый Тидея
120 Между фаланг на средину сходились, пылая сразиться.
Чуть соступились герои, идущие друг против друга,
Первый из них взговорил Дномед, воеватель могучий:
«Кто ты, бестрепетный муж от земных обитателей смертных?
Прежде не зрел я тебя на боях, прославляющих мужа;
125 Но сегодня, как вижу, далеко ты мужеством дерзким
Всех превосходишь, когда моего копья нажидаешь.
Дети одних злополучных встречаются с силой моею!
Если бессмертный ты бог, от высокого неба нисшедший,
Я никогда не дерзал с божествами Олимпа сражаться.
130 Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов, небожителей, руки поднявший.
Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки
Фирсы зеленые бросили в прах, от убийцы Ликурга
135 Сулицей острой свирепо разимые; Вакх уstraшенный
Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно,

Трепетный, в ужас введенный неистовством буйного мужа.
Все на Ликурга прогневались мирно жпвущие боги;
Кронов же сын ослепил Дриатида; и после не долгой
140 Жизнию он наслаждался, бессмертным всем ненавистный.
Нет, с богами блаженными я не желаю сражаться!
Если же смертный ты муж и вскормлен плодами земными,
Ближе предстань, да к пределу ты смерти скорее достигнешь».

Быстро ему отвечал воинственный сын Гипполохов:
145 «Сын благородный Тидея, почто вопрошаешь о роде?
Листьям в дубравах древесных подобны сыны человекон:
Ветер один по земле развеивает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человекон: сии нарождаются, те погибают.
150 Если ж ты хочешь, тебе и о том объявлю, чтобы знал ты
Наших и предков и род; человекон многом известен.
Есть в конеславном Аргосе град знаменитый Эфира;
В оном Сизиф обитает, препрославленный мудростью смертный,
Тот Сизиф Эолид, от которого Главк породился.
155 Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
Злобно его из народа изгнал (повелитель ахейон
Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кроннон).
160 С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;
И жена, клеветца, говорила властителю Прету:
— Смерть тебе Прет, когда сам не погубишь ты

Беллерофонта:

165 Он насладиться любовью со мною хотел, с нехотящей. —
Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
В Ликию выслал его и вручил злосветные знаки,
Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;
170 Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель;
Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
175 Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.

И когда он приял злосоветные зятевы знаки,
Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру
180 Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дышала она пожирающим пламенем бурным.
Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
185 В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.
Но ему, возвращавшемуся, Прет погибель устроил:
Избранных в царстве пространном ликиян храбрейших в засаду
Скрыл на пути; но они своего не увидели дома:
190 Всех поразил их воинственный Беллерофонт непорочный.
Царь наконец познал знаменитую отрасль бессмертных;
В доме его удержал и дочь сочетал с ним царевну;
Отдал ему половину блистательной почести царской;
И ликийцы ему отделили удел превосходный,
195 Лучшее поле для сада и пашен, да властвует оным.
Трое родилось чад от премудрого Беллерофонта:
Мужи Исандр, Гипполох и прекрасная Лаодамня.
С Лаодамней прекрасной почил громовержец Кронион,
И она Сарпедона, подобного богу, родила.
200 Став напоследок и сам небожителем всем ненавистен,
Он по Алейскому полю скитался кругом, одинокий,
Сердце глодая себе, убегая следов человека.
Сына Исандра ему Эпналий, несытый убийством,
Свергнул, когда воевал он с солимамп, славным народом.
205 Дочь у него — златобраздая гневная Феба сразила.
Жил Гипполох, от него я рожден и горжуся сим родом.
Он послал меня в Трою и мне заповедовал крепко
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться,
Рода отцов не бесчестить, которые славою своею
210 Были отличны в Эфире и в царстве ликийском пространном.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся».

Рек, — и наполнился радостью сын благородный Тидеев;
Медную пику свою водрузил в даровитую землю
И приветную речь устремил к предводителю Главку:
215 «Сын Гипполохов! ты гость мне отеческий, гость стародавний!
Некогда дед мой Иней знаменитого Беллерофонта
В собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно.
Оба друг другу они превосходные дали гостинцы:
Дед мой, Иней, предложил блистающий пурпуром пояс;

220 Беллерофонт же золотой подарил ему кубок двудонный:
Кубок и я, при отходе, оставил в отеческом доме;
Но Тидея не помню; меня он младенцем оставил
В дни, как под Фивами градом ахейское воинство пало.
Храбрый! отныне тебе я средь Аргоса гость и приятель.
225 Ты же мне — в Ликии, если приду я к народам ликийским.
С копытами ж нашими будем с тобой и в толпах расходиться.
Множество здесь для меня и троян, и союзников славных;
Буду разить, кого бог приведет и кого я постигну.
Множество здесь для тебя аргивян, поражая кого можешь.
230 Главк! обменяемся нашим оружием; пусть и другие
Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся».

Так говорили они — и, с своих колесниц соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялись.
В оное время у Главка рассудок восхитил Кроннон:
235 Он Диомеду герою доспех золотой свой на медный,
Во сто ценный тельцов, обменял на стоящий девять.

Гектор меж тем приблизился к Скейским воротам и к дубу.
Окрест героя бежали троянские жены и девы,
Те вопрошая о детях, о милых друзьях и о братьях,
240 Те о супругах; но он повелел им молиться бессмертным
Всем, небеса населяющим: многим беды угрожали!

Но когда подошел он к прекрасному дому Приама,
К зданию с гладкими вдоль переходами (в нем заключалось
Вкруг пятьдесят почивален, из гладко отесанных камней,
245 Близко одна от другой устроенных, в копх Приама
Все почивали сыны у цветущих супруг их законных;
Дщерей его на другой стороне, на дворе, почивальни
Были двенадцать, под кровлей одною, из тесаных камней,
Близко одна от другой устроенных, в копх Приама
250 Все почивали зятя у цветущих супруг их стыдливых),
Там повстречала его милосердая мать Гекуба,
Шедшая в дом к Лаодике, своей миловиднейшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и так говорила:
«Что ты, о сын мой, приходишь, оставив свирепую битву?
255 Верно, жестоко теснят ненавистные мужи ахейцы,
Ратуя близко стены? И тебя устремило к нам сердце:
Хочешь ты, с замка троянского, руки воздеть к Олимпийцу?
Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным;

260 После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепиться;
Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет;
Ты же, мой сын, истомился, за граждан твоих подвизаясь».

Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная мать!
265 Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
Черное ж Зевсу вино возлиять неумытой рукою
Я не дерзну, и не должно сгустителя облаков Зевса
Чествовать или молить оскверненному кровью и прахом.
Но иди ты, о мать, Афины добычелюбивой
270 В храм, с благовонным курением, с сонмом жен благородных.
Пышный покров, величайший, прекраснейший всех из
хранимых
В царском доме, и какой ты сама наиболее любишь,
Взяв, на колена его положи лепокудрой Афине;
И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
275 В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
Град богиня помирует, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства.
Шествуй же, мать, ко храму Афины добычелюбивой;
280 Я же к Парису иду, чтобы к воинству из дому вызвать,
Ежели хочет советы он слушать. О! был бы он там же
Пожран землей! Воспитал Олимпиец его на погибель
Трое, Приаму отцу и всем нам, Приамовым чадам!
Если б его я увидел сходящего в бездны Анда,
285 Кажется, сердце мое позабыло бы горькие бедства!»

Так говорил, — и Гекуба немедля служительниц дома
Вызвала; жен благородных они собирали по граду.
Тою порой сама в благовонную горницу всходит;
Там у нее сохранялись пышноузорные ризы,
290 Жен сидонских работы, которых Парис боговидный
Сам из Сидона привез, прешливая пространное море.
Сим он путем увозил знаменитую родом Елену.
Выбрав из оных одну, понесла пред Афину Гекуба
Большую, лучшую в доме, которая швеннем пышным
295 Словно звезда сияла и в самом лежала исподе.
С оной пошла, и за ней благородные многие жены.

В замок градской им притекшим, ко храму Афины богини,
Двери пред ними разверзла прелестная ликом Феано,

300 Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Афины богини.
Там с воздеянием рук возопили они пред Афиной;
Ризу Гекубы румяноланитая жрица Феано
Взяв, на колена кладет лепокудрой Афины Паллады
И с обетами молит рожденную богом великим:
305 «Мощная в бранях, защитница града, Паллада Афина!
Дрот сокруши Дномедов и дай, о богиня, да сам он
Ныне, погибельный, грянется ниц перед башнею Скейской!
Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
310 Град помилуешь Трои и жен, и младенцев невинных!»

Так возглашала, молясь; но Афина молитву отвергла.
Тою порой, как они умоляли рожденную Зевсом,
Гектор великий достигнул Парисова пышного дома.
Сам он дом сей устроил с мужами, как в то время
315 В целой Троаде холмистой славнейшие зодчие были:
Мужи ему почивальню, и гридню, и двор сотворили
В замке градском, невдали от Приама и Гектора дома.
В двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло
320 Медное жало копья и кольцо вокруг него золотое.
Брата нашел в почивальне, в трудах над оружием пышным:
Щит он, и латы, и гнутые луки испытывал, праздный.
Там и Елена Аргивская в круге сидела домапних
Жен рукодельниц и славные им назначала работы.
325 Гектор, взглянув на него, укорял оскорбительной речью:
«Ты не вовремя, несчастный, теперь напыщаешься гневом.
Гибнет троянский народ, пред высокою града стеною
Ратуя с сильным врагом; за тебя и война и сраженья
Вкруг Илиона пылают; ты сам поругаешь другого,
330 Если увидишь кого оставляющим грозную битву.
Шестувй, пока Илион под огнем сопостатов не вспыхнул».

Быстро ему отвечал Приамид Александр боговидный:
«Гектор! ты вправе хулить, и твоя мне хула справедлива;
Душу открою тебе; преклонися и выслушай слово:
335 Я не от гнева досель, не от злобы на граждан троянских
Праздный сидел в почивальне; хотел я печали предаться.
Ныне ж супруга меня дружелюбною речью своею
Выйти на брань возбудила; и ныне, чувствую сам я,
Лучше идти мне сражаться: победа меж смертных превратна.

310 Ежели можно, помедли, пока ополчусь я доспехом;
Или иди: поспешу за тобой и настичь уповаю».

Рек он; нп слова ему не ответствовал Гектор великий.
К Гектору с лаской Елена смиренную речь обратила:
«Деверь жены бесстыдной, виновницы бед нечестивой!
345 Если б в тот день же меня, как на свет породила лишь матерь,
Вихорь свирепый, восхитя, умчал на пустынную гору
Или в кипящие волны ревущего моря низринул, —
Волны б меня поглотили и дел бы таких не свершилось!
Но, как такие беды божества предназначили сами,
350 Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские!
Сей и теперь легкомыслен, подобным и после он будет;
И за то, я надеюсь, достойным плодом насладится!
Но войди ты сюда и воссядь успокоиться в кресло,
355 Деверь; твою наиболее душу труды угнетают,
Ради меня, недостойной, и ради вины Александра:
Злую нам участь назначил Кронийон, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам!»

Ей немедля ответствовал Гектор великий: «Елена,
360 Сесть не упрашивай; как ни приветна ты, я не склонюся;
Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
Кои на ратных полях моего возвращения жаждут.
Ты же его побуждай; ополчившись, пусть поспешает;
Пусть он потщится меня в стенах еще града настичь.
365 Я посещу лишь мой дом и на малое время останусь
Видеть домашних, супругу драгую и сына-младенца:
Ибо не знаю, из боя к своим возвращусь ли еще я
Или меня уже боги погубят руками данаев».

Так говоря, удалился шеломом сверкающий Гектор.
370 Скоро достигнул герой своего благозванного дома;
Но в дому не нашел Андромахи лилейнораменной.
С сыном она и с одною кормилицей пышноодежной
Вышед, стояла на башне, печально стеная и плача.
Гектор, в дому у себя не нашед непорочной супруги,
375 Стал на пороге и так говорил прислужницам-женам:
«Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду:
Где Андромаха супруга, куда удалилась из дому?
Вышла ль к золовкам своим, или к невесткам пышноодежным,
Или ко храму Афины поборницы, где и другие
380 Жены троян благородные грозную молят богиню?»

И ему отвечала усердная ключница дома:

«Гектор, когда повелел ты, тебе я поведаю правду.

Нет, не к золовкам своим, не к невесткам пошла Андромаха,

Или ко храму Афины поборницы, где и другие

385 Жены троян благородные грозную молят богиню,—

К башне пошла илионской великой: встревожилась вестью,

Будто троян утесняет могучая сила ахейя;

И к стене городской, торопливая, ринулась бегом,

Словно умом иступленная; с ней и кормилица с сыном».

390 Так отвечала,— и Гектор стремительно из дому вышел

Прежней дорогой назад, по красиво устроенным стогам.

Он приближался уже, протекая обширную Трою,

К Скейским воротам (через них был выход из города в поле);

Там Андромаха супруга, бегущая, в встречу предстала,

395 Отрасль богатого дома, прекрасная дочь Этиона;

Сей Этион обитал при подошвах лесистого Плака,

В Фивах Плакийских, мужей киликиян властитель державный;

Оного дочь сочеталась с Гектором меднодоспешным.

Там предстала супруга: за нею одна из прислужниц

400 Сына у персей держала, бессловного во все, младенца,

Плод их единый, прелестный, подобный звезде лучезарной.

Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои —

Астианаксом: единый бо Гектор защитой был Трои.

Тихо отец улыбнулся, безмолвно взирая на сына.

405 Подле него Андромаха стояла, лиющая слезы;

Руку пожала ему и такие слова говорила:

«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына

Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матерп; скоро

Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,

410 Вместе налавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,

Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,

Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —

Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!

Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий,

415 В день, как и град разорил киликийских народов цветущий,

Фивы высоковоротные. Сам он убил Этиона,

Но не смел обнажить: устрасался нечестия сердцем;

Старца он предал сожжению вместе с оружием пышным.

Создал над прахом могилу; и окрест могилы той ульмы

420 Нямфы холмов насадили, Зевеса великого дочери.

Братья мои однокровные — семь оставалось их в доме —

Все и в единый день преселились в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес, быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов и овец белорунных.
425 Матерь мою, при долинах дубравного Плака царицу,
Пленницей в стан свой привлек он с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв неисчислимый выкуп;
Феба ж и матерь мою поразила в отеческом доме!
Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная матерь,
430 Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен:
435 Трижды туда приступая, на град покушались герои,
Оба Аякса могучие, Идомеией знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин.
Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их вешее сердце».

440 Ей отвечал знаменитый, шеломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
445 Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.
450 Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
455 Слезы лиющую, в плен повлечет и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гиперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
460 Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражались вкруг Илиона!
Скажет — и в сердце твоём возбудит он новую горечь:

Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
465 Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!»

Рек — и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
470 Видя ужасно его закачавшимся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
475 Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги! о, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно.
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего видя:
490 Он и отца превосходит! И пусть он с кровавой корыстью
Входит, врагов сокрушитель, и радуется матери сердце!»

Рек — и супруге возлюбленной на руки он полагает
Милого сына; дитя к благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супруг умилился душевно,
485 Обнял ее и, рукою ласкающий, так говорил ей:
«Добрая! сердце себе не круши неумеренной скорбью.
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится.
490 Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами;
Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним
Дело свое исправлять; а война — мужей озаботит
Всех, наиболее ж меня, в Илионе священном рожденных».

Речи окончивши, поднял с земли бронеблещущий Гектор
495 Гривистый шлем; и пошла Андромаха безмолвная к дому,
Часто назад озираясь, слезы ручьем проливая.
Скоро достигла она устроением славного дома
Гектора мужегубителя; в оном служительниц многих,
Собранных вместе, нашла и к плачу их всех возбудила:
500 Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан.
Нет, они помышляли, ему из погибельной брани
В дом не прийти, не избегнуть от рук и свирепства данаев.

Тою порой и Парис не медлил в высоких палатах.
В пышный одевшись доспех, испещренный блистательной медью,
505 Он устремился по граду, надежный на быстрые ноги.
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит, поражая копытами поле;
Пламенный, плавать обывший в потоке широкоотекущем,
Пышет, голову кверху несет; вокруг ramen его мощных
510 Грива играет; красой благородною сам он гордится;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым:
Так лепокудрий Парис от высот Илионского замка,
Пышным оружием окрест, как ясное солнце, сняя,
Шествовал радостно-гордый; быстро несли его ноги;
515 Гектора скоро настиг он, когда Приамид лишь оставил
Место, где незадолго беседовал с кроткой супругой.
К Гектору первый вещал Приамид Александр боговидный:
«Верно, почтеннейший брат, твою задержал я поспешность
Долгим медленьем своим и к поре не приспел, как велел ты?»

520 И ему отвечал племоблещущий Гектор великий:
«Друг! ни один человек, душой справедливый, не может
Ратных деяний твоих опорочивать: воин ты храбрый,
Часто лишь медлен, к трудам неохотен; а я непрестанно
Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
525 Трои мужей, за тебя подымающих труд беспредельный.
Но поспешим, а рассудимся после, когда нам Кронион
Даст в благодарность небесным богам, бесконечно живущим,
Чашу свободы поставить в обителях наших свободных,
После изгнания из Трои ахеян меднодоспешных».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА

Так говорящий, пронесся вратами блистательный Гектор;
С ним устремился и брат Александр: и душой Приамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцам, долговременно жаждущим, бог посылает
Ветер попутный, когда уже, множеством весел блестящих
Понт рассекая, устали, все члены трудом изнуривши,—
Так предводители их ожидавшим троянам явились.

Начали битву: Парис поразил Арейфосова сына,
Жителя Арны Менесфия, коего палищеносный
10 Царь породил Арейфой с черноокою Филомедузой.
Гектор вождя Эионея острою пикой ударил
В выю, под круг крепкомедного шлема и крепость разрушил.
Главк, Гиполохова отрасль, ликийских мужей воевода,
Дексия, сына Ифиноя, в бурном сражении пикой
15 В рамо пронзил, кобылиц на него напускавшего быстрых;
В прах с колесницы он пал, и его сокрушились члены.

Их лишь увидела светлая взором Афина богиня,
Так истребляющих воиннов Аргоса в битве жестокой,
Вдруг от Олимпа высокого, бросившись, бурно помчалась
20 К Трое священной; навстречу богине, узрев от Пергама,
Феб Аполлон устремился: троянам желал он победы.
В встречу спешащие боги сошлись у древнего дуба;
Первый к богине воззвал дальномечущий Феб сребролукий:
«Что ты, волнения полная, дочь всемогущего Зевса,
25 Сходишь с Олимпа? К чему ты стремима сим пламенным
духом?»

Или склонить аргивянам неверную брани победу
Хочешь? Троян погибающих ты никогда не жалеешь?
Но прими ты совет мой, и то благотворнее будет:
Нынешний день прекратим мы войну и убийство народов;
30 После да ратуют снова, доколе священного града,
Трои, конца не увидят, когда уже столько приятно
Вашему сердцу, богини великие, град сей разрушить».

Быстро воззвала к нему светлокая дочь Эгиоха:
«Так, дальновержец, да будет; с подобною думою в сердце
35 Я низошла от Олимпа, к сраженью троян и ахеян.
Но возвести, прекратить ратоборство их как ты намерен?»

Снова богине отвечивал царь Аполлон сребролукий:
«Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысим.
Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
40 Выйти один на один и сразиться решительной битвой;
Сим оскорбленные меднопоножные мужи данаи
Сами возбудят бойца одноборствовать с Гектором славным».

Так говорил,— и склонилась дочь светлокая Зевса.
Сын Приамов, Гелен прорицатель, почувствовал духом
45 Оный совет, обоим божествам совещавшим приятный,

К Гектору брату предстал и так говорил воеводе:
«Гектор, пастырь народа, советами равный Крониду!
Будешь ли мне ты послушен, усердносоветному брату?
Дай повеление сесть и троянам, и всем аргивянам;
50 Сам же меж воинств на бой вызывай, да храбрейший данаец
Выйдет один на тебя и сразится решительным боем.
Ныне тебе не судьба умереть и предела достигнуть;
Слышал я голос такой небожителей вечно живущих».

Так произнес,— и восхитился Гектор услышанной речью,
55 Вышел один на средину и, взявши копьё посредине,
Спинул фаланги троянские; все, успокоясь, воссели.
Царь Агамемнон равно удержал меднобронных данаев.
Тою порой Афина Паллада и Феб сребролукий,
Оба вознесшись, словно как ястребы, хищные птицы,
60 Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острые копьё вздымая,
Словно как Зефир порывистый по морю зыбь разливает,
Если он вдруг подымается: море чернеет под нею,—
65 Ратей ряды таковы и троян, и бесстрашных данаев
В поле сидели, и Гектор вещал, между ратями стоя:
«Трои сыны и ахеяне храбрые, слух приклоните;
Я вам поведаю, что мне велит благородное сердце:
Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,
70 Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
Битвы, покуда иль вы крепкобашенный град наш возьмете,
Или падете от нас при своих кораблях мореходных.
Здесь, о ахеяне, с вами храбрейшие ваши герои;
Тот, у которого сердце со мною сразиться пылает,
75 Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.
Так говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
Если противник меня поразит сокрушительной медью,
Сняв он оружие, пусть отнесет к кораблям мореходным;
Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
80 Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.
Если же я поражу и меня луконосец прославит,—
Взявши доспехи его, внесу в Илион их священный
И повешу во храме метателя стрел Аполлона;
Тело ж назад возвращу к кораблям обоюдвесельным.
85 Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
И на берегу Геллеспонта широкого холм да насыплют.
Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков

Скажет, пlying в корабле многовеслом по черному понту:

— Вот ратоборца могила, умершего в древние веки:

90 В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор! —
Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет».

Рек,— и молчанье глубокое все аргивяне хранили:

Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.

Вдруг восстал Менелай и вещал между сонма ахеян,

95 Всех упрекая жестоко и горестно сердцем стеная:
«Горе мне! о самохвалы! ахеянки вы — не ахейцы!

Срам для ахейских мужей из ужасных ужаснейший будет,

Если от них ни один не посмеет на Гектора выйти:

Но погибните все вы, рассыпьтесь водою и прахом,

100 Вы, сидящие здесь, как народ без души и без чести!

Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше

Жребий победы находится, в воле богов всемогущих».

Так говоря, покрывался поспешно оружием пышным;

И тогда, Менелай, ты расстался бы с сладкою жизнью

105 В мощных руках Приаида, далеко сильнеего мужа,

Если б тебя удержать не воздвиглись цари и герои:

Сам повелитель мужей, Агамемнон пространнодержавный,

За руку брата схватил, называл и вещал, убеждая:

«Ты иступлен, Менелай благородный! такое безумство

110 Все тебя не достойно: смири огорченное сердце;

В ревности гордой с сильнейшим тебя не дерзай состязаться,

С Гектором, сыном Приама: его и другие трепещут!

С ним и Пелид быстроногий на славных мужам ратоборствах

С страхом встречается,— воин, тебя несравненно храбрейший!

115 Сядь при дружине своей, успокойся, питомец Зевеса;

Мы от ахеян ему одноборца другого возбудим;

Сколь он ни будет бесстрашен и боя кровавого жаден,

С радостью, верно, колена преклонит, когда лишь безвреден

Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства!»

120 Так говорящий герой отвратил помышление брата,

Правду ему говоря: покорился Атрид, и клеветы

Весело с плеч Менелая оружия светлые сняли.

Нестор от сонма ахеян восстал и вещал им печальный:

«Боги! великая скорбь на ахейскую землю приходит!

125 Истинно горько восплачет Пелей, седой конеборец,

Славный мужей мирмидонских вития и мудрый советник.

Он восхищался, когда, вопрошая меня в своем доме,

Каждого порознь ахейца разведывал род и потомство;
Ныне ж, когда он услышит, что всех ужасает их Гектор,
130 Верно, не раз к небожителям руки прострет, да скорее
Дух сокрушенный его погрузится в обитель Аида!
Если бы ныне, о Зевс, Аполлон и Паллада Афина!
Молод я был, как в те годы, когда у гремучего берега
Билася рать пиллян и аркадян, копейщиков славных,
135 Около фейских твердынь, недалеко от струй Иардана.
В вопистве их впереди Эреффалион, богу подобный,
Первый стоял, ополченный оружием Арейфооя,
Славного Арейфооя, прозванием палищеносца,
Данным ему от мужей и от жен, опоясаньем красных:
140 Мощный, не луком тугим, не копьем длиннотевным сражался,
Он булавою железной ряды разрывал сопротивных.
Оного храбрый Ликург одолел, но не силой — коварством,
В тесном проходе; не мог он себя булавою и железной
Спасть от смерти: Ликург, на дороге его упредивши,
145 В чрево копьем поразил, и об дол он ударился тылом.
Снял победитель оружия, дар душегубца Арея;
После и сам их носил, выходя на Ареевы споры.
Но, когда обессилел герой, состаревшийся в доме,
Отдал тяжелый доспех Эреффальону, ратному другу:
150 Сими доспехами гордый, выкрикивал всех он храбрейших;
Все трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
Вспыхнуло сердце во мне, на свою уповая отвагу,
С гордым сразился, хотя между сверстников был я и младший.
Я с ним сразился,— и мне торжество даровала Афина!
155 Большого всех и сильнеею всех я убил человека!
В прахе лежал он, огромный, сюда и туда распростертый.
Если бы так я был млад и не чувствовал немощи в силах,
Скоро противника встретил бы племом сверкающий Гектор!
В вашем же воинстве сколько ни есть храбрейших данаев,
160 Сердцем никто не пылает противником Гектору выйти!»

Так их старец стыдил,— и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атрид, повелитель мужей Агамемнон;
После воспрянул Тидид Диомед, воеватель могучий;
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
165 Дерзостный Идомений и его совоинственник грозный,
Вождь Мерион, человек губителю равный, Арею;
После герой Эврипил, блистательный сын Эвемона;
Вслед Андремонид Фоас и за ним Одиссей знаменитый.
Столько востало их, жаждающих с Гектором славным сразиться.

179 Слово опять обратил к ним Нестор, конник геренский:
«Жребии бросим, друзья, и которого жребий назначит,
Тот, несомненно, я верю, возрадует души ахеев
И не менее радостен будет и сам, коль спасенный
Выйдет из пламенной битвы и страшного единоборства».

175 Так произнес он,— и каждый, наметивши собственный
жребий,
Бросил в медный шлем Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани к бессмертным горé воздевали;
Так не один говорил, на пространное небо взирая:
«Даруй, о Зевс! да падет на Аякса, или Диомеда,
180 Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида».

Так говорили,— а Нестор шлем сотрясал пред собранием;
Вылетел жребий из шлема, данаями всеми желанный,
Жребий Аякса; и вестник, понесши кругом по собранью,
Всем, от десной стороны, показал воеводам ахейским:
185 Знака никто не признал, отрекался от жребия каждый.
Вестник предстал и к тому, по собранию окрест носящий,
Кто и означил и в шлем положил; Теламонид великий
К вестнику руку простер, и вестник, приблизяся, подал;
Жребий увидевши, знак свой узнал и в восторге сердечном
190 На землю бросил его и к ахеев вскричал Теламонид:
«Жребий, ахеев, мой! веселюся и сам я сердечно!
Так над божественным Гектором льщусь одержать я победу.
Други, пока я в рядах боевые доспехи надену,
Вы молитесь Зевсу, могущему Кронову сыну,
195 Между собою, безмолвно, да вас не услышат трояне.
Или молитесь громко: мы никого не страшимся!
Кто б ни желал, против воли меня не подвигнет он с поля
Спой, ни ратным искусством; и я не невеждой, надеюсь,
Сам у отца моего в Саламине рожден и воспитан!»

200 Так говорил, а данаи молили могущего Зевса.
Так не один возглашал, на пространное небо взирая:
«Зевс отец, обладающий с Иды, преславный, великий,
Дай ты Аяксу обрести и победу, и светлую славу!
Если ж и Гектора любишь, когда и об нем промышляешь,—
205 Равные им обоим и могущество даруй и славу!»

Так говорили. Аякс покрывался блистательной медью
И, как скоро одеялся весь в боевые доспехи,

Начал вперед выступать, как Арей выступает огромный,
Если он шествует к брани народов, которых Кроннон
210 Духом вражды сердцегложущей свел на кровавую битву:
Вышел таков Теламонид огромный, твердыня данаев,
Грозным лицом осклабляясь; и звучными сильными стопами
Шел, широко выступая, копьём длиннотенным колебля.
Все аргивяне, смотря на него, восхищались духом;
215 Но троянину каждому трепет вступил во все члены;
Даже у Гектора сердце в могучей груди содрогалось;
Но ни врага избежать, ни в толпы ополчений вступить
Не было более возможности: сам на сражение вызвал.
Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как башню,
220 Медный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителю живший;
Он сей щит сотворил легководвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди поверхность.
Щит сей неся перед грудью, Аякс Теламонид могучий
225 Стал против Гектора близко и голосом грозным воскликнул:
«Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь,
В рати ахейской земли каковы и другие герои
Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!
Он у своих кораблей, при дружинах своих мирмидонских,
230 Празден лежит, на царя Агамемнона злобу питая.
Нас же, ахейян, которые выйти с тобою готовы,
Много таких! Начинай, Приамид, поединок и битву!»

Но ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа,
235 Тщетно меня ты, как будто ребенка, испытывать хочешь,
Или как деву, которая дел ратоборных не знает.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубийство!
Щит мой умею направо, умею налево метать я,—
Жесткую тяжесть,— и с нею могу неусталый сражаться;
240 Пеший, умею ходить я под грозные звуки Арея;
Конный, умею, скача, с кобылиц быстроногих сражаться.
Но не хочу нападать на такого, как ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умечу».

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пщку
245 И поразил Теламонида в выпуклый щит семикожный,
В яркую полосу меди, что сверху восьмая лежала:
Шесть в нем полос пробежала, рассекши, бурная пщка,
В коже седьмой увязла. Тогда Теламонид великий,

Мощный Аякс, размахнувши, послал длиннотепную пику
35 И вогнал Приамиду оружие в щит круговидный:
Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,
Броню насквозь, украшеньем изящную, быстро пронзила
И на чреве, под ребрами, самый хитон растерзала,
Бурная: Гектор отпрянул и гибели черной избегнул.
35 Оба исторгнули вновь длиннотенные копыя и разом
Сшиблися вновь, как свирепые львы, пожиратели крови,
Или как звери лесов, нелегко одолимые вепри.
Гектор копьем в середину щита Теламонида грянул,
Но щита не прорвал: на меди изогнулося жало.
360 В щит, налетевши, ударил Аякс, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшего Гектора вспять отразило,
Вскользь пробежало по вые, — и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервал, шлемоблещущий пламенный Гектор:
Но, назад он подавшись, камень рукою могучей
365 Сорвал, средь поля лежавший, черный, жестокий, огромный;
Махом поверг, и Аяксов блистательный щит семикожный
Глыбой в средину ударил; взревела вся медь щитовая.
Быстро Аякс подхватил несравненно огромнейший камень;
Ринул его, размахав, и, напрягши безмерную силу,
370 В щит угодил и насквозь проломил его камнем жерновным,
Ранпл колена врагу: на хребет опрокинулся Гектор,
Сверху натиснут щитом; но незапно воздвиг Приамид
Феб; и тогда рукопашно мечами б они изрубились,
Если б к героям глашатаи, вестники бога и смертных,
375 Вдруг не предстали — один от троян, а другой от ахеян,
Вестник Идей и Талфибий, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рек им
Вестник троянский, Идей, исполненный мудрых советов:
«Кончите, дети любезные, кончите брань и сраженье:
380 Оба равно вы любезны гонителю облаков Зевсу;
Оба храбрейшие воины: в том убедилися все мы.
Но приближается ночь; покориться и ночи приятно».

Быстро к нему обратясь, отвечал Теламонид великий:
«Вестник, что ты произнес, повели произнестъ Приамиду;
385 Он вызывал на сражение наших храбрейших героев;
Он и начни: покориться готов я, коль он пожелает».

И ему отвечал шлемоблещущий Гектор великий:
«Так, Теламонид, тебе и великость, и силу, и разум
Бог даровал; меж ахеями ты копьеборец славнейший.

290 Кончим на нынешний день и борьбу и сражение наше!
После сойдемся и будем сражаться, пока уже демон
Нас не разлучит, из двух одному даровавши победу.
Ныне приблизилась ночь; покориться и ночи приятно.
Шествуй — и пред кораблями всех аргивян ты обрадуй,
295 Более ж друзей любезных и ближних, каких ты имеешь;
Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
Кои молятся о мне соберутся в божественном храме.
Сын Теламонов! почтим мы друг друга дарами на память.
300 Некогда пусть говорят и Трояды сыны и Эллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной».

Гектор, слово окончивши, меч подает среброгвоздный
Вместе с ножнами его и красивым ремнем перевесным;
305 Сын Теламона вручает блистающий пурпуром пояс.

Так разлучаяся, герой — один к ополченьям ахейским
Шествовал, к сонмам троянским другой поспешал; и трояне,
Радуюсь сердцем, смотрели, что шествует здоров и безвреден
Гектор, Аяксовой силы и рук необорных избегший;
310 В град повели Приамида не ждавшие видеть живого.
Так и Аякса краснорубашечные мужи данаи
К сыну Атрея вели, восхищенного славой победы.

Им собравшимся в кущах владыки народов Атрида,
Ради пришедших, тельца пятилетнего царь Агамемнон
315 Тучного жертвой заклал всемогущему Зевсу Крониду.
Быстро его одирают, трудятся, всего рассекают,
Рубят искусно на мелкие части, пронзают рожнами,
Жарят на них осторожно и, всё уготовив, снимают.
Скоро окончился труд, и немедленно пир уготован:
320 Все пиروвали, никто не нуждался на пиршестве общем;
Но Аякса героя особо хребтом бесконечным
Сам Агамемнон почтил, повелитель ахейан державный.
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец в собрании первый слагать размышления начал,
325 Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
«Царь Агамемнон и вы, воеводы народов данайских!
Много уже на боях полегло кудреглавых данаев,
Коих черную кровь по берегам пышноструйного Ксанфа

330 Бурный Арей разливал, и в Аид погрузились их души.
Должно с зарею, Атрид, прекратить ратоборство данаев.
Мы же, поднявшись дружно, свезем с побоища трупы
В стан на волах и на месках и все совокупно сождем их,
Одаль судов мореходных: да кости отцовские детям
335 Каждый в дом понесет, возвращаясь в землю родную.
После, на месте сожженья, собравшись, насыплем могилу,
Общую всем на долине, а подле построим немедля
Стену и башни высокие, нам и судам оборону.
В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
340 Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;
Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных и пеших,
Чтоб когда-либо рать не нагрывула гордых пергамлян.

Так говорил он; совет одобряя, цари восклицали.
345 Мужи троянские также совет, на вершине Пергама,
Смутный и шумный держали, пред домом Приама владыки.
Первый на нем Антенор совещать благомысленный начал:
«Троп сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слух преклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
350 Ныне решимся: Елену Аргивскую вместе с богатством
Выдадим сильным Атридам; нарушивши клятвы святые,
Мы вероломно воюем; за то и добра никакого
Нам, я уверен, не выйдет, пока не исполним, как рек я».

Так произнесши, воссел Антенор; и восстал между ними
355 Богу подобный Парис, супруг лепокудрой Елены;
Он Антенору в ответ устремляет крылатые речи:
«Ты, Антенор, говоришь неугодное мне совершенно!
Мог ты совет и другой, благотворнейший всем нам, примыслить!
Если же то, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
360 Разум твой, без сомнения, боги похитили сами!
Я меж троян, укротителей коней, поведаю мысли,
И скажу я им прямо: Елены не выдам, супруги!
Что до сокровищ, которые в дом я из Аргоса вывез,
Все соглашаюся выдать и собственных к оным прибавить».

365 Так произнес и воссел Приамид; и восстал между ними
Древний Приам Дарданид, советник, равный бессмертным.
Он, благомыслия полный, советовал так на собрании:
«Троп сыны, и дарданцы, и вы, о союзники наши!

Служ приклоните, скажу я, что в персях мне сердце внушает:
370 Нынче вы, дети мой, вечеряйте во граде, как прежде;
Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
Завтра же вестник Идей да пойдет к кораблям мореходным,
Мощным Атрея сынам, Агамемнону и Менелая,
Думу поведать Париса, от коего распря восстала.
375 Он и сию им измолвит разумную речь: не хотят ли
Мало почтить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

Так говорил, — и, внимательно слушая, все покорились.
380 Рати троянские вместе, толпа близ толпы, вечеряли.
Рано утром Идей отошел к кораблям мореходным
И обрел уж на сонме данаев, клеветов Арея,
Подле кормы корабельной царя Агамемнона. Вестник
Стал посреди воевод и вещал им голосом звучным:
385 «Царь Агамемнон и вы, предводители ратей ахейских!
Царь мне Приам повелел и другие сановники Трои
Думу поведать, когда то желательно вам и приятно,
Сына его Александра, от коего распря восстала:
Те из сокровищ, которые он в кораблях многоместных
390 В Троию из Аргоса вывез (о, лучше б он прежде погибнул!),
Хочет все возратить и собственных к оным прибавить;
Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
Выдать Парис отрекается, как ни склоняли трояне.
Слово еще и сие повелели сказать: не хотите ль
395 Вы опочить от погибельной брани, доколе убитых
Трупы сожжем; и заратуем снова, пока уже демон
Нас не разлучит, одним иль другим даровавши победу».

Рек, — и молчанье глубокое все аргивяне хранили.
Но меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
400 «Нет, да никто между нас не приемлет сокровищ Париса,
Даже Елены! Понятно уже и тому, кто бессмыслен,
Что над градом троянским грянуть готова погибель!»

Так произнес, — и воскликнули окрест ахейские мужи,
Все удивляясь речам Диомеда, смирителя коней.
405 И тогда ко Идею вещал Агамемнон державный:
«Слышишь ты сам, провозвестник троянский, речи ахейн:

Так отвечают ахеяне, так я и сам помышляю.

Что до сожжения мертвых, нисколько тому не противлюсь.

Долг — ничего не щадить для окончивших дни человекoв,
410 И умерших немедленно должно огнем успокоить.
Зевс да услышит обет мой, Геры супруг громоносный!»

Так пронзес — и горé небожителям поднял он скипетр;
И обратно Идей отошел к Илиону святому.

Тою порою сидели на сонме трояне, дардане,
415 Все совокупно: они ожидали, когда возвратится
Вестник почтенный. Идей возвратился и, став посреди их,
Весть пронзес; и, поднявшись, трояне готовились быстро, —
Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.
Сонмы ахеян равно от судов многовеслых спешили, —
420 Те привозить мертвецов, а другие — древа из дубравы.

Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Вышед из тихокатящихся волн Океана глубоких
В путь свой небесный, как оба народа встретились в поле.

Трудно им было узнать на побоище каждого мужа:
425 Только водой омывая покрытых и кровью и прахом,
Клали тела на возы, проливая горючие слезы;
Громко рыдать Приам запрещал им: трояне безмолвно
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвратилися к Трое священной.
430 Так и с другой стороны меднолатные мужи ахейцы
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращались к судам мореходным.

Не было утро еще, но седали уж сумраки ночи,
И на труд поднялися ахеян отборные мужи.

435 Там, где тела сожигали, насыпали дружно могилу,
Общую всем на долине; близ оной воздвигнули стену,
Башни высокие, воинству их и судам оборону;
В них сотворили ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням просторный
440 Подле стены той, снаружи, ров ископали великий,
Всюду широкий, глубокий, и колья по нем водрузили.
Так подвизались там кудреглавые мужи ахейцы.

Боги меж тем, восседя у Кронида, метателя молний,
Все изумлялися, видя великое дело ахеян.

415 В сонме их начал вещать Посейдаон, земли колебатель:
«Зевс громовержец, какой человек на земле беспредельной
Ныне богам исповедает волю свою или помысл?
Или не видишь ты, в ночь кудреглавые мужи ахейцы
Создали стену своим кораблям и пред нею глубокий
450 Вывели ров, а бессмертным от них возданы ль гекатомбы?
Слава о ней распрострется, где только Денница сияет;
Но забудут об оной, которую я с Аполлоном
Около града царю Лаомедону создал, томяся!»

Гневно вздохнув, отвечал Посейдаону Зевс тучеводец:
455 «Бог многомогущий, землю колеблющий, что ты вещаешь?
Пусть от бессмертных другой устрашается замыслов равных,
Кто пред тобою далёко слабее и силой и духом!
Слава твоя распрострется, где только Денница сияет.
Верь и дерзай: и когда кудреглавые мужи ахейцы
460 В быстрых судах понесутся к любезным отечества землям,
Стену сломи их и, всю с основания в море обрушив,
Изнаова берег великий покрой ты песками морскими,
Да и след потребится огромной стены сей ахейской».

Так взаимно бессмертные между собою вещали.
465 Солнце зашло, и свершилось великое дело ахейан.
В кущах они закалали тельцов, вечерять собирались.
Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
Многие к берегу пристали: Эвней Ясонид послал их,
Сын Ипсинылы, рожденный с Ясоном, владыкой народа.
470 Двум Атрейонам, царю Агамемнону и Менелаю,
Тысячу мер, как подарок, напиток прислал Ясоноид.
Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
Те за воловые кожи или за волов круторогих,
475 Те за своих полоненных. И пир уготовлен веселый.
Целую ночь кудреглавые мужи ахейцы по стану
Вкруг пировали, а Трои сыны и союзники — в граде.
Целую ночь им беды совещал олимпийский провидец,
Грозно гремящий, — и страх находил на пирующих бледный:
480 Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый
Пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну.
Все наконец возлегли и дарамн сна насладились.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

СОБРАНИЕ БОГОВ. ПРЕВАННАЯ БИТВА

В ризе златистой Заря простиралась над всею землею,
Как богов на собор призвал молнелюбец Кронион;
И, на высшей главе многохолмного сидя Олимпа,
Сам он вещал; а бессмертные окрест безмолвно внимали.
5 «Слушайте слово мое, и боги небес, и богини:
Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает;
И никто от богинь, и никто от богов да не мыслит
Слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно
Мне спешайте, да я беспрепятственно дело исполню!
10 Кто ж из бессмертных мятежно захочет, и я то узнаю,
С неба сойти, пособлять илионянам или данаям,
Тот, пораженный позорно, страдать на Олимп возвратится!
Или восхичу его и низвергну я в сумрачный Тартар,
В пропасть далекую, где под землей глубочайшая бездна:
15 Где и медяный помост, и ворота железные, Тартар,
Столько далекий от ада, как светлое небо от дола!
Там он почувствует, сколько могучее всех я бессмертных!
Или держайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
20 Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю,—
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
25 И мою десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обвою; и вселенная вся на высоких повиснет —
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!»

Так он вещал,— и молчанье глубокое боги хранили,
Все пораженные речью: ужасно грозен вещал он;
30 Но наконец светлокая так возгласила Афина:
«О всемогущий отец наш, Кронион, верховный владыко!
Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
Но милосердеем мы об ахеянах, доблестных воях,
Кон, судьбу их жестокою скоро исполнив, погибнут.
35 Все мы, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

Ей, улыбаясь, отвечивал тучегонитель Кронид:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! не с намерением в сердце
40 Я говорю, и с тобою милостив быть я желаю».

Так произнес он — и впряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вокруг золотые;
Золотом сам он одевался; в руку художеством дивный
Бич захватил золотой и на блещущей стал колеснице;
45 Коней погнал, — и послушные быстро они полетели,
Между землею паря и звездами усеянным небом.
Он устремлял их на Иду, зверей многоводную мать,
К Гаргару холму, где роща его и алтарь благовонный.
Там коней удержал повелитель бессмертных и смертных
50 И, от ярма отрешив, окружил их мраком великим.
Сам на вершине Идейской воссел, величаясь славой,
Град созерцая троян и суда меднобронных данаев.

Тою порой укрепились снедью ахейские мужи,
Быстро по куцам и в битву оружием все покрывались.
55 Трои сыны на другой стороне ополчались по граду,
В меньшем числе, но и так готовые крепко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за жен и детей их.
Все растворились ворота; из оных зареяли рати
Конные, пешие; шум между толп их воздвигся ужасный.

Рати, на место одно устремляясь, быстро сошлись;
Разом сразились кожи, сразились копыта и силы
60 Воинов, медью одетых; выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром поднялся ужасный.
Вместе смешались победные крики и смертные стоны
65 Воев губящих и гибнущих; кровью земля заструилась.

Долго, как длилось утро и день возрастал светоносный,
Стрелы и тех и других поражали — и падали вои.
Но, лишь сияющий Гелиос стал на середине небесной,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
70 Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий троян конеборных и меднооружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов преклонился
День роковой, данайских сынов до земли многоплодной
Жребий спустился, троян же до звездного неба вознесся.

75 Страшно грянул от Иды Кронид и перун, по лазури,
Пламенный бросил в ахейские рати; ахейцы, увидя,

Все пзумились, покрылися лица их ужасом бледным.
Идоменей оставаться не смел, ни Атрид Агамемнон;
Ни Аяксы вожди не остались, клеветры Арея.

- 80 Нестор один средь побоища, страж аргивян, оставался
Волей недоброю: конь пострадал, пораженный стрелюю.
Ранял его Александр, суипруг лепокудрой Елены,
В голову, в самое темя, где первые волосы коней
Идут от черепа к вые: опасное место; от боли
- 85 Конь заскакал на дыбы: пернатая в мозг погрузилась.
Коней смутил и других он, крутяся вкруг сагубной меди.
Тою порою, как старец, к коню пораженному бросаьсь,
Припряжь отсечь напрягается, Гектора быстрые кони
Скачут сквозь волны бегущих, отважного мча властелина,
- 90 Гектора! Тут бы старец жизнь погубил неизбежно,
Если б его не узрел Диомед, воеватель могучий.
Страшно воскликнул герой, призывая царя Одиссея:
«Сын благородный Лаэрта, герой Одиссей многоумный!
Что ты бежишь, обращая хребет, как в толпе малодушный?»
- 95 Пигу тебе, берегися, вонзят бегущему в плечи.
Стань, Одиссей, отразим мы от старца свирепого мужа».

- Рек; не услышал его Одиссей, благородный страдалец;
Мимо промчался, бежа к кораблям многоместным ахейским.
Но Диомед, и один оставаясь, вперед устремился;
- 100 Стал перед конским ярмом геренского старца Нелида
И к нему взговорил, устремляя крылатые речи:
«Старец, жестоко тебя ратоборцы младые стесняют!
Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
Немощен твой и возница, и кони твои не проворны.
- 105 Шествуй ко мне, взойди на мою колесницу; увидишь,
Троса кони каковы, несказанно искусные в поле
Быстро летать и туда и сюда, и в погоне и в бегстве.
Я их вчера у Энея отбил, разносителя бегства.
Вверх ты своих попеченью сподвижников, сих же с тобою
- 110 Мы устремим на троян конеборных, да ныне и Гектор
Узрит, в руке и моей способна ль свирепствовать пика!»

- Так произнес; не преслушался Нестор, конник геренский;
Старца приняв кобылиц, озаботились ими клеветры,
Сильные двое, Сфенел с Эвримедоном славолюбивым.
- 115 Самы вожды совокупно вошли в колесницу Тидида;
Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.

В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
И в него не попал; но его браздодержца-клеврета,
120 Сына Фебея почтенного, смелого Эниопея,
Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
125 Но его наконец, невзирая на жалость о друге,
Бросил в смелого окрест возницы искал; и не долго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
Архептолом, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.

130 Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.
Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
И на землю его, пред конями Тидида, повергнул:
135 Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;
Кони от ужаса, прыгнув назад, под ярмом задрожали;
Пышные коней бразды убежали из старцевых дланей;
С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду герою:
«Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.
140 Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!
Ныне его на бою громомещущий Зевс прославляет,
Гектора; после, быть может, когда возжелает, дарует
Славу и нам. Человек не преложит советов Зевеса,
Сколько бы ни был он силен: могучее он, громовержец!»

145 Но ему отвечал Диомед, знаменитый воитель:
«Всё справедливо и всё ты разумно, старец, вещаешь;
Но болезнь мне жестокая сердце и душу проходит!
Гектор некогда скажет, пред сонмом троян велереча:
— Вождь Диомед от меня к кораблям убежал, уstraшенный.—
150 Скажет хвалясь, и тогда расступися, земля, подо мною!»

Вновь Диомеду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын браноносца Тидея, бестрепетный, что ты вещаешь?
Если бы Гектор тебя и робким назвая и бессильным,
Веры ему не дадут ни дардане, ни граждане Трои;
155 Веры ему не дадут и супруги троян щитоносцев,
Коиx супругов цветущих толпы распростер ты по праху.»

Так говоря, обратился он на бегство коней звуконогих
Рати бегущей в толпу; и на них и трояне и Гектор,
Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
160 Голосом звучным кричал ему вслед шлемоблещущий Гектор:
«О Диомед! перед всеми тебя почитали данаи
Местом, и брашном, и полными кубками в пиршествах общих;
Впредь не почтут: пред всех их женщиной ты оказался!
Сгибни, презренная дева! скорей, чем меня отразивши,
165 На стены наши взойдешь или наших супруг похищенных
В плен повлечешь ты, скорее тебя я к демону свергну!»

Так восклицал; а Тидид волновался в сомнительных думах:
Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуоставши?
170 Трижды на думу сию и умом он и сердцем решался;
Трижды с идейского Гаргара грозно гремел промыслитель
Зевс, возвещая троянам победу сомнительной битвы.
Гектор же снова троян возбуждал, восклицающий звучно:
«Трон сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Будьте мужами, о други, помните бурную доблесть!
175 Чувствую, мне благосклонный Кронид знаменает сим громом
В брани победу и славу, ахейцам же срам и погибель!
Мужи-безумцы, они в оборону примыслили стены,
Слабые, храбрым презренные, силам моим не преграда!
Кони же наши легко чрез ископанный ров перепрыгнут.
180 Но когда я приближусь к аргивским судам мореходным,
Помните, други! с огнем вы пылающим будьте готовы.
Пламенем я истреблю их суда и самих пред судами
Всех изобью аргивян, удушаемых дымом пожарным!»

Так произнесши, к коням обратился и к ним говорил он:
185 «Ксанф, и Подарг, и божественный Ламп, и могучий мой Эфон!
Ныне, о кони, вы мне заплатите за корм свой роскошный:
Часто моя Андромаха, почтенная дочь Этиона,
Первым вам предлагала пшеницу приятную в пищу,
Вам растворяла вино к питию, до желанья сердца,
190 Прежде меня, для нее драгоценного мужа младого!
Мчитесь ж, кони, летите; настигнем врагов и похитим
Несторов щит, о котором слава до неба восходит,
Будто из золота весь он — и круг, и его рукояти;
И с ramen Диомеда, смирителя коней, добудем
195 Пышные, дивные латы, Гефеста бессмертного дело!
Если похитим мы их, несомненно уверен, ахейцы
В эту же ночь на суда быстролетные бросятся к бегству!»

Так возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера,
Восколебалась на троне, и дрогнул Олимп многохолмный.
200 Быстро вещала она к Посейдону, великому богу:
«Бог многомогущий, колеблющий землю! ужели нисколько
Сердце твое не страдает о гибнущих храбрых данаях!
Тех, что и в Эге тебе, и в Гелике столько приятных
Жертв и даров посвящают? споспешествуй им ты в победе!
205 Если б и все, аргивян покровители, мы возжелали,
Трои сынов отразив, обуздать громоносного Зевса,
Скоро бы он сокрушился, сидя одинокий на Иде!»

Ей, негодуя, отвечивал мощный земли колебатель:
«О дерзословная Гера! какие ты речи вещаешь?
210 Нет, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смел от бессмертных
С Зевсом Кронидом сражаться; могуществом всех он превыше!»

Так на Олимпе бессмертные между собою вещали.
Тою порой от судов, между рвом и стеною, пространство
215 Всё наполнено было и коней и воев толпами
Страшно теснимых данаев: теснил их, подобно Арею,
Гектор могучий, когда даровал ему славу Кроннон.
Он истребил бы свирепым огнем и суда их у моря,
Если бы Гера царю Агамемнону в мысль не вложила
Быстро народ возбудить, хоть и сам он об оном же пекся:
220 Он устремился стопами широкими к стану ахеян,
Мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый.
Стал Агамемнон на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывший в середине, да голос его обоюдно услышат
В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
225 Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
Там, поразительным голосом, он вопиал к аргивянам:
«Стыд, аргивяне! отродье презренное, дивные видом!
Где похвальбы, как храбрейшими сами себя величали,
230 Те, что на Лемне, тщеславные, громко вы произносили?
Там на пирах, поедая рогатых волов неисчетных,
Чаши до дна выпивая, вином через край налитые,
На сто, на двести троян, говорили вы, каждый из наших
Станет смело на бой! а теперь одного мы не стоим
235 Гектора! Он к кораблям приближается с пламенем бурным!
Зевс Олимпийский, кого на земле от царей многомогущих
Равной ты карой карал и толикой лишкой его славы?
Я же, о Зевс, миновал ли когда твой алтарь велелепный,

В черном моем корабле сюда на несчастье пливший?
240 Нет, на всех возжигал я тельчьи туки и бедра,
Сердцем пылая разрушить высокотвердынную Трою.
Ныне, о Зевс, хоть одно для меня ты исполни желанье.
Дай хотя нам ты самим от врагов пзбежать и спастися;
Здесь не предай на погибель сынам Илiona ахеян!»

245 Рек; умилился отец над царем, проливающим слезы;
Знаменье дал, да спасется аргивский народ, не погибнет:
Быстро орла ниспослал, между вещей вернейшую птицу.
Мчаций в когтях он еленя, рождение быстрыя лани,
250 Близ алтаря велелепного Зевсова бросил еленя,
Где племена аргивян поклонялись всевещему Зевсу.
Чуть усмотрели они, что от Зевса явилася птица,
Жарче на рати троянские бросились, вспыхнули боем.

Но не успел ни один, сколь ни много данаев тут было,
Славиться прежде Тидида, что, бурных коней устремивши,
255 Выгнал за ров, на противных ударил и смело сразился.
Первый из всех он троянского мужа, доспешника, свергнул,
Фрадмона ветвь, Агелая; тогда, как троянец на бегство
Коней ворочал, ему, обращенному, острую пику
Он между плеч углубил и сквозь персп кровавую выгнал:
260 Пал с колесницы он в прах, и взгремели на падшем доспехи.
После Тидида, Атриды цари устремились оба;
Вслед их Аяксы вожди, облеченные бурною силою,
Идомеией Девкалид и его сподвижник ужасный,
265 Вождь Мерпон, Энналию равный, губителю смертных;
После герой Эврипил, препрославленный сын Эвемона.
Тевкр же, девятым исшед, наляцатель жестокого лука,
Стал под великим щитом Теламонова сына Аякса.
Часто Аякс отсторонивал щит; а стрелец знаменитый,
270 Вкруг осмотревши и метко стрельнувши в толпу сопровитных,
Ранил кого-либо; раненый, пав, расставался с душою;
Тевкр же бросался назад, и, как к матери сын, прикинул он
К брату Аяксу, и сильный щитом покрывал его светлым.

Кто ж меж троянами первый сражен Теламонидом
Тевкром?

Первый Орсилох, за ним Офелест и воинственный Ормен,
275 Детор и Хромий и муж Ликофонт, небожителю равный,
Гамепаон, Полнемонов сын и могучий Меланипп:
Сих, одного за другим, положил он на тучную землю.

Тевкра увидев, восхитился духом Атрид Агамемнон,
Как он из крепкого лука троян истребляет фаланги;
280 Быстро приблизился, стал и к нему, восхищенный, воскликнул:
«Тевкр, удалая глава! предводитель мужей, Теламонид!
Так поражай и успеешь, и светом ахейцам ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебя возлелеял он с детства
И, побочного сына, воспитывал в собственном доме:
285 Старца, хотя и далекого, славой возвысь благородной!
Я же тебе говорю, и исполнено слово то будет:
Ежели даруют мне громовержущий Зевс и Афина
Град разорить, устройением пышную Трою Приама,—
Первому после меня тебе вручу я награду:
290 Или треножник сияющий, или коней с колесницей,
Или младую жену, да с тобою восходит на ложе».

Рек он,— и быстро Атриду отвечивал Тевкр непорочный:
«Сын знаменитый Атревеев, почто, как и сам я стараюсь,
Ты побуждаешь меня? Ни на миг я, покуда есть сила,
295 Празден не буду; с тех пор, как троян отразили мы к граду,
С тех уже пор я стрелами, врагов принимая, сражаю.
Восемь уже я послал изощреннейших стрел долгожальных;
Восемь вонзились они в благороднейших юношей ратных;
Только сего не дается свирепого пса мне уметить!»

300 Так произнес,— и пернатою новой из лука он прыснул,
В Гектора метя; его поразить разгоралось в нем сердце,
И в него не попал; но невинного Горгифиона,
Храброго сына Приамова, в грудь поразил он стрелою,
Сына, который рожден от жены, из Эзимы поятой,
305 Кастияниры прекрасной, видом богине подобной.
Словно как мак в цветнике наклоняет голову набок,
Пышный, плодом отягченный и крупною влагой весенней,—
Так он голову набок склонил, отягченную шлемом.

Тевкр же пернатою новой из лука могучего прыснул,
310 В Гектора метя; его поразить распылалось в нем сердце,
И не уметил опять: Аполлон отразил роковую;
Архептолема она, Приамидова друга-возницу,
Пламенно в бой устремлявшегося, острая, в грудь поразила:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
315 Бурные; там сокрушила его и душа и могучесть.
Тяжкая грусть по вознице у Гектора сердце стеснила;

Но оставял его, невзирая на жалость о друге;
Брату герой повелел, Кебриону, стоящему близко,
Конские вожжи принять, и немедленно тот покорился.
320 Гектор же сам с колесницы спяющей прынул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.
Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве, — и его шлемоблещущий Гектор,
325 Лук наляцавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Вью от персей и где особливо опасное место, —
Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Жилу рассек у стрельца; онемела рука возле кисти,
Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.
330 Сын Теламонов, Аякс, не оставил падшего брата;
Быстро примчась, заступил и щитом заградил круговидным.
Тою порой, под него преклоняся, усердные други,
Ехийев сын, Мекистей, и младой благородный Аластор,
К черным его кораблям понесли, стнящего тяжко.

335 Снова храбрость троян Олимпиец Кронпон возвысил;
Прямо к глубокому рву трояне погнали ахеян;
Гектор вперед между первыми несся, могучестью гордый.
Словно как пес быстрорыщущий льва или дикого вепря,
Следом гоня и на резвые ноги надеясь, ловит
340 То за бока, то за бедра и все стережет извороты, —
Так шлемоблещущий Гектор данаев гнал, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая: бежали данаи.
Но когда перешли частокол и окоп свой глубокий,
В смуте бежа, и от рук уже вражеских многие пали, —
345 Подле судов удержались от бегства ахейские мужи.
Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Всех олимпийских богов умоляли мольбой громогласной.
Гектор же грозный носился кругом на конях пышногривых,
Взором подобный Горгоне и людобийце Арею.

350 Так их увидев, исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
«Дщерь громовержца Кронида, Паллада! ужели данаям,
Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?
Верно, жестокий свой жребий они совершат и погибнут
355 Все под рукой одного; нестерпимо над ними свирепство
Гектора, сына Приамова: сколько он зла им соделал!»

Ей отвечала немедленно дочь громовержца Афина:
«И давно бы уж он и свирепство и душу извергнул,
Здесь, на родимой земле, сокрушенный руками данаев,
360 Если б отец мой, Кронид, не свирепствовал мрачной душою.
Лютый, всегда неправдивый, моих предприятий рушитель,
Он никогда не вспомнит, что несколько раз я спасала
Сына его, Эврисфеем томимого в подвигах тяжких.
Там он вопил к небесам, и меня от высокого неба
365 Сыну его помогать ниспослал Олимпиец Кронион.
Если б я прежде умом проницательным то предузнала,
В дни, как его Эврисфей посылал во Аид крепковратный
Пса увести из Эреба, от страшного бога Аида,—
Он не избегнул бы гибельных вод глубокого Стикса.
370 Ныне меня ненавидит и волю Фетиды свершает:
Ноги лобзала ему и касалась брады Нерейда,
Слезно моля, да прославит он ей градоборца Пелида.
Будет, когда он опять назовет и Афины любезной!
Гера, не медли, впряги в колесницу коней звукогоних;
375 Я между тем поспешаю в чертоги отца Эгиоха:
Там я оружием грозным на бой ополчусь и увижу,
Нам Приамид сей надменный, шеломом сверкающий Гектор
Будет ли рад, как мы явимся обе на битвенном поле?
О! не один и троянец насытит псов и пернатых
380 Телом и туком своим, распрострясь пред судами ахейн!»

Так изрекла; преклонилась лилейнораменная Гера:
Бросясь и быстро носясь, снаряжала коней златосбруйных
Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Тою порой Афина в чертоге отца Эгиоха
385 Тонкий покров разрешила, струей на помост сн скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо его облачась броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалась к брани плачевной;
Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
390 Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дочь всемогущего бога.
Гера немедля с бичом налегла на коней быстролетных;
С громом врата им небесные сами разверзлись, при Горах,
Страже которых Олимп и великое вверено небо,
395 Чтобы облак густой разверзть иль сомкнуть перед ними.
Оным путем, чрез сии врата подстрекаемых коней
Гнали богини. От Иды узрев их, исполнился гнева
Зевс,— и Ириду к ним устремил златокрылую с вестью:

400 «Мчися, Ирида крылатая, вспять возврати их, не дай им
Дальше стремиться; или не к добру мы сойдемся во брани!
Так я, реки им, вещаю и так непреложно исполню;
Коням я ноги сломлю под блестящею их колесницей;
Их с колесницы сражу и в прах сокрушу колесницу!
405 И ни в десять свершившихся лет круговратных богини
Язв не излечат глубоких, какие мой гром нанесет им.
Будет помнить Афина, когда на отца ополчалась!
Но против Геры не столько я злобен, не столько я гневен:
Гера обыкнула всё разрушать мне, что я ни замыслю!»

Рек он,— и бросилась вестница, равная вихрям Ирида:
410 Прямо с Идейских вершин на великий Олимп устремилась.
Там, при первых вратах многохолмной горы Олимпийской
Встретив богинь, удержала и Зевсов глагол возвестила:
«Что предприимете? что ваше сердце свирепствует в персях?
Зевс воспрещает Кронид поборать кудреглавым ахейцам.
415 Так он грозил, громовержец, и так непреложно исполнит:
Сломит колена коням под золотой колесницею вашей,
Вас с колесницы сразит и в прах сокрушит колесницу.
И ни в десять уже совершившихся лет крутовратных
Вы не излечите язв, которые гром нанесет вам.
420 Будешь, Афина, ты помнить, когда на отца ополчалась!
Но против Геры не столько он злобен, не столько он гневен:
Гера обыкнула всё разрушать, что Кронид ни замыслит!
Ты же, ужасная,— псица бесстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!»

425 Слово скончав, отлетела подобная вихрям Ирида.
И к Афине тогда провецала державная Гера:
«Нет, светлоокая дочь Эгиохова! Я не желаю,
Я не позволю себе против Зевса за смертных сражаться!
Пусть между ними единый живет, а другой погибает,
Как предназначено; Зевс, совещаяся с собственным сердцем,
Сам да присудит, что следует, Трои сынам и ахейцам!»

Так произнесши, назад обратила коней быстроногих.
Горы, принесшимся им, пышногривых коней отрешили,
Их привязали браздами у яслей, амброзии полных;
По колесницу богинь приклонили к стенам кругозарным.
Сами богини, притекшие вспять, между сонма бессмертных
Сели на кресла золотые, с печалью глубокою в сердце.

Зевс от Иды горы, в колеснице красивоколесной,
 Коней к Олимпу погнал и принесся к собору бессмертных.
 440 Коней его отрешил Посейдон, земли колебатель,
 И колесницу, покрыв полотном, на подножье поставил.
 Сам на златом престоле пространногремящий Кронийон
 Сел,— и великий Олимп задрожал под стопами владыки.
 Смутны, одни, от Зевса далёко, Афина и Гера
 445 Вместе сидели, не смея начать ни вопроса, ни речи.
 Мыслью своею проник то Кронийон и сам возгласил к ним:
 «Чем опечалены так и Афина и Гера богиня?
 В брани, мужей прославляющей, вы подвизались не долго,
 К пагубе храбрых троян, на которых пылаете злобой!
 450 Так, у меня таковы необорные силы и руки;
 Боги меня не подвигнут, колико ни есть на Олимпе!
 Вам же трепет объял и сердца, и прекрасные члены
 Прежде, чем брань вы узрели и грозные подвиги брани.
 Паки глаголю я вам (и глаголы б мои совершились):
 455 Вы на своей колеснице, моим пораженные громом,
 Вспять никогда не пришли б на Олимп, обитель бессмертных!»

Так он вещал; негодуя, вздохнули Афина и Гера:
 Вместе сидели они и троянам беды совещали.
 Но Афина смолчала, не молвила, гневная, слова
 460 Зевсу отцу; а ее волновала свирепая злоба.
 Гера же гнева в груди не сдержала, воскликнула к Зевсу:
 «Мрачный Кронийон! какие слова ты, жестокий, вещаешь?
 Ведаем мы совершенно, что сила твоя необорна;
 Но милосердеем мы об ахейнах, доблестных воях,
 465 Кои, судьбу их жестокою скоро исполнив, погибли!
 Обе, однако, от брани воздержимся, если велишь ты;
 Мы лишь советы внушим аргивянам, да храбрые мужи
 В Трое погибнут не все под твоим сокрушительным гневом».

К ней обратясь, возгласил воздымающийся тучи Кронийон:
 470 «Завтра с Денницею ты, волоокая, грозная Гера,
 Можешь, коль хочешь, увидеть, как будет Кронийон
многомоощный
 Боле еще истреблять ополченне храбрых данаев:
 Ибо от брани руки не споконит стремительный Гектор
 Прежде, пока при судах не воспрянет Пелид быстроногий,
 475 В день, как уже пред кормами их вопиства будут сражаться,
 В страшной столпясь тесноте, вкруг Патроклова мертвого тела.

Так суждено! и пылающий гнев твой в ничто я вменяю!
Если бы даже ты в гневе дошла до последних пределов
Суши и моря, туда, где Япет и Крон заточенный,
480 Сидя, ни ветром, ни светом высокоходящего солнца
Ввек насладиться не могут, кругом их Тартар глубокий!
Если б, вещаю тебе, и туда ты, скитаясь, достигла,
Гнев твой вменяю ни во что, невзирая на всю твою наглость!»

Рек,— и умолкла пред Зевсом лилейнораменная Гера.
485 Пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца,
Черную почь навлекая на многоплодную землю.
День сокрылся противу желаний троян; но ахейцам
Сладкая, всем вожделенная, мрачная ночь наступила.

В войске троянском совет сотворил блистательный Гектор,
490 Вдаль от ахейских судов, к реке отошедши пучинной,
В чистое поле, где место от трупов свободное было.
Там, сошедшие с коней, трояне слушали слово.
Гектор его говорил им великий; в деснице держал он
Пику в одиннадцать локтей; далеко на пике сияло
495 Медное жало ее и кольцо вокруг него золотое.
Он, опираясь на пику, вещал им крылатые речи:
«Слух приклоните, трояне, дардане и рати союзных!
Я уповал, что в сей день, истребив и суда и ахеян,
Мы, торжествуя, обратно в святой Илион возвратимся.
500 Прежде настигнула тьма; и единая тьма сохранила
Рать аргивян и суда их на берегу шумного моря.
Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
Вечерю здесь учредим. Ратоборцы, коней пышногривых
Всех вы от ярм отрешивши, задайте обильно им корму;
505 Сами скорее из града волов и упитанных агниц
К вечеру в стан пригоните; вина животворного, хлебов
Нам из домов принесите; и после совлечь поспешайте
Множество леса, да целую ночь, до Зари светосной,
Окрест огни здесь пылают и зарево к небу всходит;
510 Ради того, чтоб во тьме кудреглавые мужи ахейцы
В дом не решились бежать по широким хребтам Геллеспонта
Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
Нет, пускай не один и в отечестве рану врачует,
Раненный острым копьем иль крылатой стрелою троянской,
515 Скачущий в судно данаец; и пусть ужаснутся народы
Слезную брань наносить укротителям коней троянам!
Вестники, Зевсу любезные, вы объявите, да в граде

Бодрые отроки все и от лет убеленные старцы
Трою святую кругом стерегут с богосозданных башен;
520 Жены ж, слабейшие силами, каждая в собственном доме,
Яркий огонь да разводят, и крепкая стража да будет:
В град не ворвался б враждебный отряд при отсутствии

воиств.

Так да будет, как я говорю, браноносцы трояне!
Мысли, народу сегодня полезные, сказаны мною;
525 Завтра другим троянам, смирителям коней, скажу я.
Льщуся, молясь и надеясь на Зевса и прочих бессмертных,
Я изгнсю из Троицы неистовых псов навожденных,
Коих судьба лихая на черных судах привела к нам.
Но во мраке ночном охраним и себя мы во стане;
530 Завтра же, с светом Зари, ополчась оружием бранным,
Мы пред судами ахейн воздвигнем свирепую жесточь.
Там я увижу, меня ль Диомед, воеватель могучий,
Боем к стенам от судов отразит или я, Диомеда
535 Медью убив, в Илион возвращуся с корыстью кровавой.
Завтра пред нами покажет он мужество, если посмеет
Встретить летящий мой дрот; но, надеюся, завтра меж первых
Будет пронзенный лежать, с неисчетными окрест друзьями,
Он перед солнцем всходящим. О! если бы столько же верно
540 Был я бессмертен и жизнью моей никогда не стареющ
Славился всеми, как славятся Феб и Паллада Афина,—
Сколько то верно, что день сей несет аргивянам погибель!»

Так Приамид говорил,— и кругом восклицали трояне;
Быстрых коней отрешали, под ярмами потом покрытых,
545 И, пред своей колесницею каждый, вязали браздами.
После из града и тучных волов, и упитанных агниц
К рати поспешно пригнали, вина животворного, хлебов
В стан принесли из домов, навлачили множество леса
И сожигали полные в жертву богам гекатомбы.
550 Их благовоные ветры с земли до небес возносили
Облаком дыма; но боги блаженные жертв не прияли,
Презрели их; ненавистна была им священная Троя,
И владыка Приам, и народ копыеносца Приама.

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.
555 Словно как на небе около месяца ясного сонмом
Кажутся звезды прекрасные, ежели воздух безветрен;
Все кругом открывается — холмы, высокие горы,

Долы; небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится,—
560 Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрелось огней троянских, пылающих пред Илионом.
Тысяча в поле горело огней, и пред каждым огнищем
Вкруг пятьдесят ратоборцев сидело при зареве ярком.
565 Кони их, белым ячменем и сладкой питаея полбой,
Подле своих колесниц ожидали Зари лепотронной.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

ПОСОЛЬСТВО

Так охраняли трояне свой стан; но ахеян волнует
Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник;
Грусть нестерпимая самых отважнейших дух поражает.
Словно два быстрые ветра волнуют понт многорыбный,
5 Шумный Борей и Зефир, кои, из Фракии дуя,
Вдруг налетают, свирепые; вдруг почерневшие зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещут из моря,—
Так раздиралися души в груди благородных данаев.

Царь Агамемнон, нечалью глубокою в сердце пронзенный,
10 Окрест ходил, рассылая глашатаев звонкоголосых
К сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
Тихо, без клича, и сам между первых владыка трудился.
Мужи совета сидели унылые. Царь Агамемнон
15 Встал, проливающий слезы, как горный поток черноводный
С верху стремнистой скалы проливает мрачные воды.
Он, глубоко стенающий, так говорил меж данаев:
«Други, вожди и властители мудрые храбрых данаев,
Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
20 Пагубный! прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемогущему Зевсу, угодно.
25 Многих уже он градов разрушил высокие главы,
И еще окрушит: беспредельно могущество Зевса.
Други, внемлите и, что повелю я вам, все повинуйтесь:

Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града!»

30 Так говорил,— и молчанье глубокое все сохраняли;
Долго сидели безмолвны, унылые духом, данаи.
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
«Сын Атреев! на речи твои неразумные первый
Я возражу, как в собраньях позволено; царь, не сердися.
Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской;
35 Робким меня, невоинственным ты называл; но довольно
Ведают то аргивяне — и юноша каждый и старец.
Дар лишь единый тебе даровал хитроумный Кроннон:
Скипетром власти славиться дал он тебе перед всеми;
Твердости ж не дал, в которой верховная власть человека!
40 О добродушный! ужели ты вершишь, что мы, аргивяне,
Так невоинственны, так малосильны, как ты называешь?
Ежели сам ты столь пламенно жаждешь в дом возвратиться,
Мчися! Дорога открыта, суда возле моря готовы,
Коиx толикое множество ты устремил из Микены.
45 Но останутся здесь другие герои ахеян,
Трои пока не разрушим во прах! но когда и другие...
Пусть их бегут с кораблями к любезным отечества землям!
Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе
Трои конца не найдем; и надеюсь, с богом пришли мы!»

50 Так произнес,— и воскликнули окрест ахейские мужи,
Смелым дивяся речам Диомеда, смирителя коней.
Но, между ними восстав, говорил благомысленный Нестор:
«Сын Тидеев, ты, как в сражениях воин храбрейший,
Так и в советах, из сверстников юных, советник отличный.
55 Речи твоей не осудит никто из присутщих данаев,
Слова противу не скажет; но речи к концу не довел ты.
Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
Самым юнейшим; однако ж, Тидид, говорил ты разумно
Между аргивских царей: говорил бо ты всё справедливо.
60 Ныне же я, пред тобою гордящийся старостью жизни,
Слово скажу и окончу его, и никто из ахеян
Речи моей не осудит, ни сам Агамемнон державный.
Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междоусобную брань, человекам ужасную, любит!
65 Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи:
Воинство пусть вечеряет; а стражи пусть совокупно
Выйдут и станут кругом у изрытого рва за стеною.

Дело сие возлагаю на юношей. После немедля
Ты начни, Агамемнон: державнейший ты между нами,—
70 Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно;
Стан твой полон вина; аргивяне его от фракиян
Каждый день в кораблях по широкому понту привозят;
Всем к угощенью обилуешь, властвуешь многим народом.
Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
75 Лучший совет присоветует: нужен теперь для ахейн
Добрый, разумный совет: сопостаты почти пред судами
Жгут огни неисчетные; кто веселится, их видя?
Днешняя ночь иль погубит нам воинство, или избавит!»

Так он вещал,— и, внимательно слушав, они покорились.
80 К страже, с оружием в руках, устремились ахейские мужи:
Несторов сын, Фразимед, народа пилосского пастырь;
С ним Аскалаф и Иялмен, сыны мужегубца Арея,
Критский герой Мерйон, Дешпир, Афарей нестрашимый
И Крейона рождение, вождь Ликомед благородный.
85 Семь воевод предводили стражу; и по сту за каждым
Юношей стройно текли, воздымая высокие копья.
К месту пришед, между рвом и стеной посредине воссели;
Там разложили огонь, и устроивал вечерю каждый.

Царь Агамемнон старейшин ахейских собравшихся вводит
90 В дарскую сень и пир предлагает им, сердцу приятный.
К сладостным яствам предложенным руки герои простерли;
И когда питием и пищею глад утолили,
Старец меж оными первый слагать помышления начал,
Нестор, который и прежде блистал превосходством советов;
95 Он, благомысленный, так говорил и советовал в сонме:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
Многих народов ты царь, и тебе вручил Олимписец
Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.
100 Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать;
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
Доброе скажет, но что совершить от тебя то зависит.
Ныне я вам поведаю, что мне является лучшим.
Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
105 В сердце какую ношу я, с давней поры и донныне,
С оною днѣ, как ты, о божественный, Брисову дочь
Силою из кущи исторг у пылавшего гневом Пеллида,
Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебя, Агамемнон,

Я отговаривал; но, увлекаяся духом высоким,
110 Мужа, храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью».

Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
115 «Старец, не ложно мои погрешения ты обличаешь.
Так, погрешил, не могу отрекаться я! Стоит народа
Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
Но как уже погрешил, обуявшего сердца послушав,
120 Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
Здесь, перед вами, дары знаменитые все я исчислю:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих;
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
125 Истинно жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько наград для меня быстроногие вынесли кони!
Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарую,
Лесбосских, коих тогда, как разрушил он Лесбос цветущий,
130 Сам я избрал, красотой побеждающих жен земнородных.
Сих ему дам; и при них возвращаю я и ту, что похитил,
Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянуся:
Нет, не всходил я на одр, никогда не сближался я с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человек.135 Всё то получит он ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу.
Пусть из троянских жен избрет по желанию двадцать,
140 После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если же в Аргос придем мы, в ахейский край благодатный,
Зятем его назову я и честию сравню с Орестом,
С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.
Три у меня расцветают в доме благосозданном дочери:
145 Хрисофемиса, Лаодика, юная Ифиганасса.
Пусть он, какую желает, любезную сердцу, без вена
В отеческий дом отведет; а приданое сам я за нею
Славное дам, какого никто не давал за невестой.
Семь подарю я градов, процветающих, многонародных:
150 Град Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру,

Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
Гроздем венчаный Педас и Эпею, град велелепный.
Все же они у приморья, с Пилосом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
155 Кой дарами его, как бога, чествовать будут
И под скинтром ему заплатят богатые дани.
Так я немедля исполню, как скоро вражду он оставит.
Пусть примирится; Аид несмирим, Аид непреклонен;
Но зато из богов ненавистнее всех он и людям.
160 Пусть мне уступит, как следует: я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся».

Рек,— и Атриду ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
175 Благо, друзья! поспешим же нарочных послать, да скорее
Шествуют мужи избранные к сени царя Ахиллеса.
Или позвольте, я сам изберу их; они согласятся:
Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
После Аякс Теламонид и царь Одиссей благородный;
180 Но Эврибат и Годий да идут, как вестники, с ними.
На руки дайте воды, сотворите святое молчанье,
И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!»

Так говорил,— и для всех произнес он приятное слово.
Вестники скоро царям возлияли на руки воду;
175 Юноши, черным вином наполнив доверху чаши,
Кубками всем подносили, от правой страны начиная.
В жертву богам возлив и испив до желанья сердца,
Вместе послы поспешили из сени Атрида владыки.
Много им Нестор идущим наказывал, даже очами
180 Каждому старец мигал, но особенно сыну Лаэрта:
Всё б испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.

Мужи пошли по берегу немолчношумящего моря,
Много моляся, да землю объемлющий земледержатель
Им преклонить поможет высокую душу Пелида.

185 К сениям пришед и к судам мирмидонским, находят героя:
Видят, что сердце свое услаждает он лирою звонкой,
Пышной, изящно украшенной, с серебряной напольней сверху,
Выбранной им из корыстей, как град Этионов разрушил:
Лирой он дух услаждал, воспевая славу героев.

100 Менетиад перед ним лишь единый сидел и безмолвный
Ждал Эакида, пока песнопения он не окончит.
Тою порою приближась, послы, Одиссей впереди их,
Стали против Ахиллеса: герой изумленный воспрянул
С лирой в руках и от места сидения к ним устремился.
105 Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:
«Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!
Но и гневному вы из ахейн любезнее всех мне!».

Так произнес — и повел их дальше Пелид благородный;
200 Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
И, обратясь, говорил к находящемуся близко Патроклу:
«Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;
Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок:
Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!»

205 Так говорил, — и Патрокл покорился любезному другу.
Сам же огромный он лот положил у огнищного света
И хребты разложил в нем овцы и козы утучнелой,
Бросил и окорок жирного борова, туком блестящий,
Их Автомедон держал, рассекал Ахиллес благородный,
210 После искусно дробил на куски и вонзал их на вертел.
Жаркий огонь между тем разводил Менетид боговидный.
Чуть же огонь ослабел и багряное пламя поблекло,
Угли разгребши, Пелид вертела над огнем простирает
И священную солью кропит, на подпор подымая.
215 Так их обжарив кругом, на обеденный стол сотрясает.
Тою порою Патрокл по столу, в красивых корзинах,
Хлебы расставил; но яства гостям Ахиллес благородный
Сам разделил и против Одиссея, подобного богу,
Сел на другой стороне, а жертвовать жителям неба
220 Другу Патроклу велел; и в огонь он бросил начатки.
К сладостным яствам предложенным руки герон простерли;
И когда питием и пищею глад утолили,
Фениксу знак Теламонид подал; Одиссей то постигнул,
Кубок налил и приветствовал, за руку взявши, Пелида:
225 «Здравствуй, Пелид! в дружелюбных нам пиршествах нет
недостатка,
Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида,
Столько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца
В пире твоём; но теперь не о пиршествах радостных дело.

Грозную гибель, питомец Крониона, близкую видя,
230 В трепете мы, в неизвестности, наши суда мы избавим,
Или погубим, ежели ты не одеешься в крепость!
Близко судов, под стеной уже нашу стан положили
Гордые мужи трояне и их дальнеземные други;
235 В стане кругом зажигают огни и грозятся, что боле
Их не удержат, что прямо на наши суда они грянут.
Им и Зевес, благовестные знаменья вправе являя,
Молнией блещет! И Гектор, ужасною силой кичася,
Буйно свирепствует, крепкий на Зевса; в ничто он вменяет
Смертных и самых богов, обладаемый бешенством страшным.
240 Молится, только б скорей появилась Денница святая,
Хвалится завтра срубить с кораблей кормовые их гребни,
Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян,
Всех перед ними избить, удушаемых дымом пожарным.
Страшно, герой, трепещу я, да гордых угроз Приаида
245 Боги ему не исполнят; а нам да не судит судьбина
Гибнуть под Троей, далёко от Аргоса, милой отчизны!
Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, ахеян,
Столь утесненных, избавиться от ярости толпищ троянских.
После тебе самому то горестно будет, но поздно,
250 Зло допустивши, искать исправления. Лучше вовремя,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь от ахеян.
Друг! не тебе ли родитель, Пелей, заповедовал старец,
В день, как из Фтии тебя посылал к Атрееву сыну:
— Доблесть, мой сын, даровать и Афина и Гера богиня
255 Могут, когда соизволят; но ты лишь в персях горячих
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
Расирп зловторной, как можно, чуждайся, да паче и паче
Между ахеян тебя почитают младые и старцы.—
Так заповедовал старец; а ты забываешь. Смягчися,
260 Гнев отложц, сокрушительный сердцу! Тебе Агамемнон
Выдаст дары многоценные, ежели гнев ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я пред тобой и друзьями исчислю,
Сколько даров знаменитых тебе обещал Агамемнон:
Десять талантов золота, двадцать лаханей блестящих,
265 Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.
Истинно, жил бы не беден и в злате высоко ценимом
Тот не нуждался бы муж, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наград быстроногие вынесли кони!
270 Семь непорочных жен, рукодельниц искусных, дарует,

Лесбосских, коих тогда, как разрушил ты Лесбос цветущий,
Сам он избрал, красотой побеждающих жен земнородных;
Их он дарит; и при них возвращает и ту, что похитил,
275 Брисову дочь; и притом величайшею клятвой клянется:
Нет, не всходил он на одр, никогда не сближался он с нею,
Так, как мужам и женам свойственно меж человеков.
Все то получишь ты ныне; еще же, когда аргивянам
Трою Приама великую боги дадут ниспровергнуть,
280 Целый корабль ты и медью и златом обильно наполни,
Сам наблюдая, как будем делить боевые корысти;
Сам между женами пленными выбери двадцать троянок,
После Аргивской Елены красой превосходнейших в Трое.
Если ж воротимся в Аргос Ахейский, край благодатный,
Зятем тебя назовет он и честью с Орестом сравниет,
285 С сыном одним у него, возрастающим в полном довольстве.
Трех дочерей он невест в благосозданном доме имеет:
Хрисофемису, Лаодику, юную Ифианассу.
Ты, по желанью, из оных, любезную сердцу, без вена
В отеческий дом отведи; а приданое сам он за нею
290 Славное выдаст, какого никто не давал за невестой.
Семь подарит он градов процветающих, многонародных:
Град Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
Феры, любимые небом, Анфею с глубокой долиной,
Гроздьем венчанный Педас и Эпею, град велелепный.
295 Все же они у приморья, с Пиросом смежны песчаным;
Их населяют богатые мужи овцами, волами,
Кои дарами тебя, как бога, чествовать будут
И под скиптром тебе заплатят богатые дани.
Так он исполнит немедля, коль скоро вражду ты оставишь.
300 Если ж Атрид Агамемнон еще для тебя ненавистен,
Он и подарки его,— пожалей о других ты ахейцах,
В стане жестоко стесненных; тебя, как бессмертного бога,
Рати почтут; между них ты покроешься дивною славой!
Гектора ты поразишь! до тебя он приблизится ныне,
305 Буйством своим обезумленный; он никого не считает
Равным себе меж данаями, сколько ни есть их под Троей!»

Рек,— и ему на ответ говорил Ахиллес быstroногий:
«Сын благородный Лаэртос, герой Одиссей многоумный!
Должен я думу свою тебе объявить откровенно,
310 Как я и мыслю и что я исполню, чтоб вы перестали
Вашим жужжаньем скучать мне, один за другим приступая:
Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада,

Кто на душе сокрывает одно, говорит же другое.
Я же скажу вам прямо, что почитаю я лучшим:
315 Нет, ни могучий Атрид, ни другие, надеюсь, данаи
Сердца во мне не смягчат: и какая тому благодарность,
Кто беспрестанно, безустально бился на битвах с врагами!
Равная доля у вас перадивцу и рьяному в битве;
Та ж и единая честь воздается и робким и храбым;
320 Всё здесь равно, умирает бездельный пль сделавший много!
Что мне наградою было за то, что понес я на сердце,
Душу мою подвергая вседневно опасностям бранным?
Словно как птица, бесперым птенцам промышляючи корму,
Ищет и носит во рту и, что горько самой, забывает,—
325 Так я под Троею сколько ночей проводил бессонных,
Сколько дней кровавых на сечах жестоких окончил,
Ратуясь храбро с мужами и токмо за жен лишь Атридов!
Я кораблями двенадцать градов разорил многолюдных;
Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной;
330 В каждом из них и сокровищ бесценных, и славных корыстей
Много добыл; и, сюда принося, властелину Атриду
Все отдавал их; а он позади, при судах оставаясь,
Их принимал, и удерживал много, выделял мало;
Несколько выдал из них, как награды, царям и героям:
335 Целы награды у всех; у меня ж одного из данаев
Отнял и, властвуя милой женой, наслаждается ею
Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?
Рати зачем собирал и за что их привел на Приама
Сам Агамемнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?
340 Или супруг непорочных любят от всех земнородных
Только Атрея сыны? Добродетельный муж и разумный
Каждый свою бережет и любит, как я Брисеиду:
Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл!
Нет, как награду исторгнул из рук и меня обманул он,
345 Пусть не прельщает! Мне он известен, меня не уловит!
Пусть он с тобой, Одиссей, и с другими царями ахейан
Думает, как от судов отвратить пожирающий пламень.
Истинно, многое он и один без меня уже сделал:
Стену для вас взгромоздил, и окоп перед оною вывел
350 Страшно глубокий, широкий, и внутрь его кольца оставил!
Но бесполезно! Могущества Гектора, людоубийцы,
Сим не удержит. Пока меж аргивцами я подвизался,
Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор:
К Скейским вратам лишь и к дубу дохаживал; там он однажды
355 Встретился мне, но едва избежал моего нападения.

Больше с божественным Гектором я воевать не намерен.
Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
Я нагружу корабли и немедля спущу их на волны.
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботит,
360 С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.
Если счастливое плаванье даст Посейдон мне могучий,
В третий я день, без сомнения, Фтии достигну холмистой.
Там довольно мнею, что бросил, сюда я повлекшись;
365 Много везу и отселе: золота, меди багряной,
Пленных, красноопоясанных жен и седое железо;
Всё, что по жребию взял; но награду, что он даровал мне,
Сам, надо мною ругаясь, и отнял Атрид Агамемнон,
Властию гордый! Скажите ему вы, что я говорю вам,
370 Всё и пред всеми: пускай и другие, как я, негодуют,
Если кого из ахейя еще обмануть уповает,
Вечным бесстыдством покрытый! Но, что до меня, я надеюсь,
Он, хоть и нагл, как пес, но в лицо мне смотреть не посмеет!
С ним не хочу я никак сообщаться, ни словом, ни делом!
375 Раз он, коварный, меня обманул, оскорбил, и вторично
Словом уже не уловит: довольно с него! но спокойный
Пусть он исчезнет! лишил его разума Зевс промыслитель.
Даром гнушаюсь его и в ничто самого я вмению!
Если бы в десять и в двадцать он крат предлагал мне сокровищ,
380 Сколько и ныне имеет и сколько еще их накопит,
Даже хоть всё, что приносит в Орхомен иль Фивы египтян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают;
385 Или хоть столько давал бы мне, сколько песку здесь и праху,—
Сердца и сим моего не преклонит Атрид Агамемнон,
Прежде чем всей не изгладит терзающей душу обиды!
Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
Если красюю она со златой Афродитою спорит,
390 Если искусством работ светлоюкой Афине подобна,
Дщери его не возьму! Да найдет из ахейя другого,
Кто ему больше приличен и царственной властью выше.
Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
Там — жену благородную сам сговорит мне родитель.
395 Много ахейянок есть и в Элладе, и в счастливой Фтии,
Дщерей ахейских вельмож, и градов и земель властелинов:
Сердцу любую из них назову я супругою милой.
Там, о, как часто мое благородное сердце алкает,

Брачный союз совершив, с непорочной супругою милой
400 В жизнь насладиться стяжаний, старцем Пелеем стяжанных.
С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства, какими
Сей Илион, как вещают, обилвал, — град, процветавший
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской;
Ни сокровища, сколько их каменный свод заключает
405 В храме Феба пророка в Пифосе, утесами грозном.
Можно всё приобрести, и волон, и овец сереборунных,
Можно стяжать и прекрасных коней, и златые треноги;
Душу ж назад возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, как однажды из уст улетела.
410 Мать моя сереброногая, мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
415 Слава моя погибнет, но будет мой век долготелен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.
Я и другим воеводам ахейским советую то же:
В дома отсюда отплыть; никогда вы конца не дождетесь
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронийон
420 Руку свою распростер, и возвысилась дерзость народа.
Вы возвратитесь теперь и всем благородным данаям
Мой непреложно ответ, как посланников долг, возвестите.
Пусть на совете другое примыслят, вернейшее, средство,
Как им спасти и суда, и ахейский народ, утесненный
425 Подле судов мореходных; а то, что замыслили ныне,
Будет без пользы ахеянам: я непреклонен во гневе.
Феникс останется здесь, у нас успокоится старец;
Завтра же, если захочет, — неволей его не беру я, —
Вместе со мной в кораблях отплывет он к любезной отчизне».

430 Так возразил, — и молчанье долгое все сохраняли,
Речью его пораженные: грозно ее говорил он.
Между послов наконец провещал, заливаясь слезами,
Феникс, конник седой; трепетал о судах он ахейских:
«Если уже возвратиться, Пелид благородный, на сердце
435 Ты положил и от наших судов совершенно отрекся
Огонь отразить пожирающий, — гнев запал тебе в душу, —
Как, о возлюбленный сын, без тебя один я останусь?
Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
В день, как из Фтии тебя отпускал в ополчение Атрида.
440 Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;

В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
Был бы в речах ты вития и делатель дел знаменитый.
Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
445 Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:
Годы, как бросил Элладу я, славную жен красотою,
Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
Гневался он на меня за пышноволоосу деву:
450 Страстно он на деву любил и жестоко бесславил супругу,
Матерь мою; а она, обнимая мне ноги, молила
С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.
Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
Начал меня проклинать, умоляя ужасных Эриний,
455 Ввек на колена свои да не примет он милого сына,
Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
Зевс подземный и чуждая жалости Персефонья.
В гневе убить я отца изощренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердце, какая
460 Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!
Но от оной поры для меня уже стало несносно,
Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
465 Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.
Много и тучных овец, и тяжелых волов круторогих
В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;
Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
470 Девять ночей непрерывно они вокруг меня ночевали;
Стражу держали, сменяясь; целые ночи не гаснул
В доме огонь; один — под крыльцом на дворе крепкостенном,
И другой — в сенях, пред дверями моей почивальни.
Но когда мне десятая темная ночь наступила,
475 Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрыгнул,
Тайно от всех и домовых жен, и мужей стерегущих.
После далеко бежал чрез обширные степи Эллады
И пришел я во Фтию, овец холмистую мать,
480 Прямо к Пелею царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рожденного старцу, наследника благ его многих.
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил.

Там над долопами царствуя, жил я на фтпйском пределе;
485 Там и тебя воспитал я такого, бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил: никогда с другим не хотел ты
Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.
490 Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
Брызжа из уст вино, во время неловкого детства.
Много забот для тебя и много трудов перенес я,
Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,
Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я;
495 Ты, помышляя я, избавишь меня от беды недостойной.
Сын мой, смири же ты душу высокоую! храбрый не должен
Сердцем немилостив быть: умолимы и самые боги,
Столько превысшие нас и величьем, и славой, и силой.
Но и богов — приношением жертвы, обетом смиренным,
500 Вин возлияньем и дымом курений смягчает и гневных
Смертный молящий, когда он пред ними виновен и грешен.
Так, Молитвы — смиренные дочери великого Зевса —
Хромы, морщинисты, робко поднимающа очи косые,
Вслед за Обидой они, непрестанно заботные, ходят.
505 Но Обида могуча, ногами быстра; перед ними
Мчится далеко вперед и, по всей их земле упреждая,
Смертных язвит; а Молитвы спешат исцелять уязвленных.
Кто принимает почитательно Зевсовых дочерей прибежных,
Много тому помогают и скоро молящемуся внемлют;
510 Кто ж презирает богинь и, душою суров, отвергает,—
К Зевсу прибегнув, они умоляют отца, да Обида
Ходит за ним по следам и его, уязвляя, накажет.
Друг, воздай же и ты, что следует, Зевсовым дочерям:
Честь, на возданье коей всех добрых склоняются души.
515 Если б даров не давал, как теперь, так и после, толь многих,
Сын Атрев, но все бы упорствовал в губительном гневе,—
Я не присил бы тебя, чтобы, гнев справедливый отринув,
Ты защитил аргивян, невзирая, что жаждут защиты.
Много и ныне даров он дает и вперед обещает;
520 С кротким прошеньем к тебе присылает мужей знаменитых,
В целом народе избранных, тебе самому здесь любезных
Более всех из данаев. Не презри же их ты ни речи,
Ни посещения. Ты не без права гневался прежде.
Так мы слышим молвы и о древних славных героях:
525 Пылкая злора и их обымала великие души;
Но смягчаемы были дарами они и словами.

Помню я дело одно, но времен стародавних, не новых:
Как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями.
Брань была меж куретов и бранолюбивых этолян
530 Вкруг Калидона града, и яростно билися рати:
Мужи этольцы стояли за град Калидон, им любезный,
Мужи куреты пылали обитель их боем разрушить.
Горе такое на них Артемида богиня воздвигла,
В гнев своем, что Иней с плодоносного сада начатков
535 Ей не принес; а бессмертных других насадил гекатомбой;
Жертвы лишь ей не принес, громовержца великого дочери:
Он не радел, иль забыл, но душой согрешил безрассудно.
Гневное божие чадо, стрельбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на них, белоклыкого лютого зверя.
540 Страшный он вред наносил, на Инея сады набегая:
Купы высоких дерев опрокинул одно на другое,
Вместе с кореньями, вместе с блистательным яблоков цветом.
Зверя убил наконец Инейд Мелеагр нестрашимый,
Вызвав кругом из градов звероловцев с сердитыми псами
545 Многих: его одолеть не успели бы с малою силой —
Этаков был! на костер печальный многих послал он.
Феба о нем воспалила жестокую, шумную распря,
Бой о клыкостой главе и об коже щетинистой вепря
Между сынами куретов и гордых сердцами этолян.
550 Долго, пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался,
Худо было куретам: уже не могли они сами
В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были.
Но когда Мелеагр предался гневу, который
Сердце в груди напыщает у многих, мужей и разумных
555 (Он, на любезную мать Алфсю озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенины жены, легконогой Марписсы,
И могучего Ида, храбрейшего меж земнородных
Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
560 Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу:
С оного времени в доме отец и почтенная мать
Дочь Алкиною прозвали, в память того, что и мать,
Горькую долю неся Алкионы многопечальной,
Плакала целые дни, как ее стреловержец похитил.
565 Он у супруги покоился, гнев душевредный питая,
Матери клятвами страшно прогневанный: грустная мать
Часто богов заклинала — отместить за убитого брата;
Часто руками она, исступленная, о землю била
И, на коленях сидящая, грудь обливая слезами,

570 С воплем молила Аида и страшную Персефонию
Смерть на сына послать; и носящаяся в мраках Эриннис,
Фурия немилосердая, воплю вняла из Эреба),
Скоро у врат калидонских и стук и треск раздался
575 Башен, громимых врагом. Мелеагра этольские старцы
Стали молить и послали избранных священников бога,
Дар обещая великий, да выйдет герой и спасет их.
Где плодоносней земля на веселых полях калидонских,
Там позволяли ему, в пятьдесят десятии, наилучший
580 Выбрать удел: половину земли виноградом покрытой
И половину нагой, для оранья годной, отрезать.
Много его умолял конеборец Иней престарелый;
Сам до порога поднявшись его почивальни высокой,
В створы дверей он стучал и просил убедительно сына.
Много и сестры его, и почтенная мать молили:
585 Пуще отказывал; много его и друзья убеждали,
Чтимые им и любимые более всех в Калидоне;
Но ничем у него не подвинули сердца, доколе
Терем его от ударов кругом не потрясся: на башни
Спла куретов взошла и град зажигала великий.
590 И тогда-то уже Мелеагра жена молодая
Стала, рыдая, молить и исчислила все пред героем,
Что в завоеванном граде людей постигает несчастных:
Граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает,
В плен и детей, и красноопоясанных жен увлекают.
595 Духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша;
Выйти решился и пышнооблестящим покрылся доспехом.
Так Мелеагр отразил погибельный день от этолян,
Следуя сердцу: еще Мелеагру не отдано было
Многих прекрасных даров; но несчастье так отразил он.
600 Ты ж не замысли подобного, сын мой любезный! и демон
Сердце тебе да не склонит к сей думе! Погибельней будет
В бурном пожаре суда избавлять; для даров знаменитых
Выйди, герой! и тебя, как бога, почтут аргивяне.
Если же ты без даров, а по нужде на брань ополчишься,
605 Чести подобной не снищешь, хоть будешь и брани решитель».

Старцу немедля ответствовал царь Ахиллес быстроногий:
«Феникс, отец мой, старец божественный! В чести подобной
Нужды мне нет; я надеюсь быть чествован волею Зевса!
Честь я сию сохраняю перед войском, доколе дыханье
610 Будет в груди у меня и могучие движутся ноги.
Молвлю тебе я другое, а ты положи то на сердце:

Мне не волнуй ты души, предо мною крушася и плача,
Сыну Атрея в угодность; тебе и не должно Атрида
Столько любить, да тому, кем любим, ненавистен не будешь.
615 Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!
Царствуй, равно как и я, и честь разделяй ты со мною.
Скажут они мой ответ; оставайся ты здесь, успокойся
В куще, на мягком ложе; а завтра, с восходом Денницы,
Вместе помыслим, отплыть восвоеси нам или остаться».

620 Рек — и Патроклу, в безмолвии, знаменье подал бровями
Фениксу мягкое ложе постлатъ, да скорее другие
Выйти из кущи помыслят. Тогда Теламонид великий,
Богу подобный Аякс, подымался и так говорил им:
625 «Сын благородный Лаэртос, герой Одиссей многоумный!
Время идти; я вижу, к желаемой цели беседы
Сим нам путем не достигнуть. Ахейцам как можно скорее
Должно ответ объявить, хоть он и не радостен будет;
Нас ожидая, ахейцы сидят. Ахиллес мирмидонец
630 Смертный, суровый! в ничто поставляет и дружбу он ближних,
Дружбу, какою мы в стане его отличали пред всеми!
Смертный, с душою бесчувственной! Брат за убитого брата,
Даже за сына убитого пеню отец принимает;
Самый убийца в народе живет, отплатившись богатством;
635 Пеню же взявший — и мстительный дух свой, и гордое сердце —
Все наконец укрощает; но в сердце тебе бесконечный
Мерзостный гнев положили бессмертные ради единой
Девы! но семь их тебе, превосходнейших, мы предлагаем,
Много даров и других! Облеки милосердием душу!
640 Собственный дом свой почти; у тебя под кровом пришельцы
Мы от народа ахейского, люди, которые ищем
Дружбы твоей и почтения, более всех из ахейян».

И немедля ему отвечал Ахиллес быстроногий:
«Сын Теламонов, Аякс благородный, властитель народа!
645 Всё ты, я чувствую сам, говорил от души мне, но, храбрый!
Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!
Вы возвратитесь назад и посланному весть возвестите:
650 Я, объявите ему, не подумаю о битве кровавой
Прежде, пока Приамид браноносный, божественный Гектор,
К сеням уже и широким судам не придет мирмидонским,

Рати ахеян разбив, и пока не зажжет кораблей их.
Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
655 Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь».

Рек он, — и каждый, в молчании, кубок взяв двоедонный,
Возлил богам и из сени исшел; Одиссей предитёк им.
Тою порою Патрокл повелел и друзьям и рабным
Фениксу мягкое ложе как можно скорее готовить.
660 Жены, ему повинуюсь, как он повелел, простирали
Руны овец, покрывало и цвет нежнейший из лена.
Там покоился Феникс, Денницы святой ождая.
Но Ахиллес почивал внутри крепкостворчатой кущи;
И при нем возлегла полоненная им лесбиянка,
665 Форбаса дочь, Диомеда, румяноланитая дева.
Сын же Менетиев спал напротив; и при нем возлежала
Легкая станом Ифиса, ему Ахиллесом героем
Данная в день, как разрушил он Скирос, град Эниея.

Те же — едва показались у кущи Атрида владыки,
670 С кубками их золотыми ахеян сыны привечали,
В встречу один за другим подымаясь и их вопрошая.
Первый из них говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев,
Хочет ли он от судов отразить пожирающий пламень
675 Или отрекся и гордую душу питает враждою?»

И ему отвечал Одиссей, знаменитый страдалец:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Нет, не хочет вражды утолить он; сильнейшею прежней
Пышет грозой, презирает тебя и дары отвергает.
680 В бедствах тебе самому велит с аргивянами думать,
Как защитит корабли и стесненные рати ахеян.
Сам угрожает, что завтрашний день, лишь Денница возникнет,
На море все корабли обоюдovesельные спустит.
Он и другим воеводам советовать тоже намерен —
685 В дома отплыть; никогда, говорит он, конца не обрести вам
Трои высокой: над нею перунов метатель Кронион
Руку свою распростер, — и возвысилась дерзость народа.
Так он ответствовал; вот и спутники то же вам скажут,
Сын Теламона и вестники наши, разумные оба.
690 Феникс же там успокоился, старец; так повелел он,
Чтоб за ним в кораблях, обратно к отчизне любезной
Следовал завтра, но если он хочет, — неволить не будет».

Так говорил, — и молчанье глубокое все сохраняли.
Речью его пораженные: грозное он им поведал.
695 Долго безмолвными были унылые мужи ахейцы;
Но меж них наконец взговорил Диомед благородный:
«Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Лучше, когда б не просил ты высокого сердцем Пелида,
700 Столько даров обещая: горд и сам по себе он,
Ты же в Пелидово сердце вселяешь и большую гордость.
Кончим о нем и его мы оставим; отсюда он едет
Или не едет — начнет, без сомнения, ратовать снова,
Ежели сердце велит и бог всемогущий воздвигнет.
705 Слушайте, други, что я предложу вам, одобрите все вы:
Ныне предайтесь покою, но прежде сердца ободрите
Пищей, вином: вино человеку и бодрость и крепость.
Завтра ж, как скоро блеснет розошерстая в небе Денница,
Быстро, Атрид, пред судами построй ты и конных и пеших,
Дух ободрй им и сам перед воинством первый сражайся».

710 Так произнес, — и воскликнули весело все скиптроносцы,
Смелым дивясь речам Диомеда, смирителя коней.
Все наконец, возлиявши богам, разошлись по кущам,
Где предались покою и сна насладились дарами.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

ДОЛОНИЯ

Все при своих кораблях, и цари и герои ахеян,
Спали целую ночь, побежденные сном благотворным;
Но Атрид Агамемнон, ахейского пастырь народа,
Сладкого сна не вкушал, волнуемый множеством мыслей.
5 Словно как молнией блещет супруг лепокудрых Геры,
Если готовит иль дождь бесконечный, иль град вредоносный,
Или метель, как снега убеляют широкие степи,
Или погибельной брани огромную пасть отверзает, —
Так многократно вздыхал Агамемнон, глубоко от сердца,
10 Скорбью гнетомого; самая внутренность в нем трепетала;
Ибо когда озирает он троянский стан, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму народа.

Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
Клоки волос у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему: тяжко стеноло в нем гордое сердце.

Дума сия наконец показалась лучшей Атриду —
С Нестором первым увидеться, мудрым Нелеевым сыном.
С ним не успеют ли вместе устроить совет непорочный,
20 Как им беду отвратить от стесненной рати ахейской;
Встал Атрейон и с поспешностью перси одевал хитоном;
К белым ногам привязал красного вида плесницы;
Сверху покрылся великого льва окровавленной кожей,
Рыжей, огромной, от выш до пят, и копьём ополчился.

25 Страхом таким же и царь Менелай волновался; на очи
Сон и к нему не сходил: трепетал он, да бед не претерпят
Мужи ахейцы, которые все по водам беспредельным
К Трое пришли, за него дерзновенную брань подымая.
Встал и широкие плечи покрыл он пардовой кожей,
30 Пятнами пестрой; на голову шлем, приподнявши, надвинул,
Медью блестящий, и, дрот захвативши в могучую руку,
Так он пошел, чтобы брата воздвигнуть, который верховным
Был царем аргиев и, как бог, почитался народом.
Он, при корме корабля, покрывавшегось пышным доспехом,
35 Брата нашел, и был для него посетитель приятный.
Первый к нему возгласил Менелай, воинственный славный:
«Что вооружаешься, брат мой почтенный? или от ахеев
Хочешь к троянам послать соглядатая? Но, признаюсь,
Я трепещу, чтоб не вызвался кто на подобное дело
40 И чтоб враждебных мужей соглядать не пошел одинокий
В сумраках ночи глухой: человек дерзосердый он будет».

Брату в ответ говорил повелитель мужей Агамемнон:
«Нужда в совете и мне и тебе, Менелай благородный,
В мудром совете, который бы мог защитить и избавить
45 Рать аргиев и суда; изменилось Кронидово сердце:
К Гектору, к жертвам его преклонил он с любовью душу!
Нет, никогда не видал я, ниже не слышал, чтоб единый
Смертный столько чудес, и в день лишь единый, предпринял,
Сколько свершил над ахейцами Гектор, Зевесу любезный,
50 Гектор, который не сын ни богини бессмертной, ни бога.
Но что свершил он, о том сокрушаться ахеев будет
Часто и долго; такие беды сотворил он ахейцам!»

Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,
Прямо спешь к кораблям, а к почтенному сыну Нелея
55 Сам я иду и восстать преклоню, не захочет ли старец
Стражей священный сонм навесить и блюстись приказать им;
Верно, ему покорятся охотнее; сын его храбрый
Стражи начальствует сонмом, и с ним Девкалида сподвижник,
Вождь Мерион; предпочтительно им поручили мы стражу».

60 И его спросил Менелай, воинственный славный:
«Что же мне ты прикажешь и как повелишь, Агамемнон?
Там ли остаться, у них, твоего ожидая прихода,
Или к тебе поспешать возвратиться, как всё накажу им?»

Вновь Менелаю вещал повелитель мужей Агамемнон:
65 «Там ты останься, чтоб мы не могли разойтись с тобою.
Ходя в сумраке: много дорог по широкому стану.
Где же пойдешь, окликай, и всем советуй стеречься;
Каждого мужа, Атрид, именууй по отцу и по роду;
Всех приветливо чествуй, и сам ни пред кем не величься.
70 Ныне и мы потрудимся, как прочие; жребий таков наш!
Зевс на нас, на родившихся, тяжкое горе возвергнул!»

Так говоря, отпускает он брата, разумно наставив;
Сам наконец поспешает к владыке народов Нелиду.
75 Старца находит при черном его корабле против кущи,
В мягком одре, и при нем боевые лежали доспехи:
Выпуклый щит, и два копья, и шлем светозарный;
Подле и пояс лежал разноцветный, который сей старец
Часто еще препоясывал, в бой мужегубный готовясь
Рать предводит: еще не сдавался он старости грустной.
80 Нестор, привставши на локоть и голову с ложа поднявши,
К сыну Атрея вещал и его вопрошал громогласно:
«Кто ты? и что меж судами по ратному стану здесь ходишь
В сумраке ночи один, как покоятся все человеки?
Друга ли ты или, может быть, меска сбежавшего ищешь?
85 Что тебе нужно? Окликнись, а молча ко мне не ходи ты!»

Старцу немедля отвечивал пастырь мужей Агамемнон:
«Нестор, почтеннейший старец, великая слава данаев!
Ты Агамемнона видишь, которого Зевс промыслитель
Более всех подвергнул трудам бесконечным, покида
90 В персях моих остается дыханье и движутся ноги.

Так я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходит
Сладостный сон, и на думах лишь брань и напасти ахеян!
Так за ахеян жестоко страшуся я: дух мой не в силах
Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце из персей
95 Вывраться хочет, и ноги мои подо мною трепещут!
Если что делать намерен ты (сон и к тебе не приходит),
Встань, о Нелид, и ко стражам ахейским дойдем и осмотрим.
Может быть, все, удрученные скучным трудом и дремотой,
100 Рати же гордых врагов недалеко; а мы и не знаем,
В сумраке ночи они не хотят ли внезапно ударить».

Сыну Атрея отвечал Нестор, конник геренский:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Замыслы Гектору, верно, не все промыслитель небесный
105 Ныне исполнит, как гордый он ждет; и его удручит он
Горем, я чаю, и большим, когда Ахиллес быстроногий
Храброе сердце свое отвратит от несчастного гнева.
Следовать рад я с тобою; пойдем, и других мы разбудим
Храбрых вождей: Дномеда героя, царя Одиссея,
110 С ними Аякса быстрого, также Филеева сына.
Если б еще кто-нибудь поспешил и к собранию призвал
Идоменея царя и подобного богу Аякса:
Их корабли на конце становпща, отсюда не близко.
Но Менелая, любезного мне и почтенного друга,
115 Я укорю, хоть тебя и прогневаю; нет, не сокрою!
Он почивает, тебя одного заставляет трудиться!
Ныне он должен бы около храбрых и сам потрудиться,
Должен бы всех их просить, настопт нестерпимая нужда!»

Нестору вновь отвечал повелитель мужей Агамемнон:
120 «Старец, другою порой укорять я советую брата:
Часто медлителен он и как будто к трудам неохотен,—
Но не от праздности низкой или от незнания дела:
Смотрит всегда на меня, моего начинания ждущий.
Ныне же встал до меня и ко мне неожидан явился.
125 Брата послал я просить предводителей, коих ты назвал.
Но поспешим, и найдем, я надеюсь, их мы у башни,
Вместе с дружиной стражебною: там повелед я собраться».

Снова Атриду отвечал Нестор, конник геренский:
«Ежели так, из данаев никто на него не возропщет:
130 Каждый послушает, если он что запретит или прикажет».

Так говоря, одевал он перси широким хитоном;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
После — кругом застегнул он двойной своей, широкопадающий,
Пурпурный плащ, по котором струилась косматая волна;
135 И, кошь захватив, повершенное острою медью,
Так устремился Нелид меж судов и меж кущей ахеян.
Там сперва Одиссея, советами равного Зевсу,
Поднял от сна восклицающий громко возница геренский.
Скоро дошел до души Одиссеевой Несторов голос:
140 Выступил он из-под кущи и так говорил воеводам:
«Что меж судами одни по воинскому ходите стану
В сумраке ночи? какая пришла неизбежная нужда?»

Сыну Лаэрта ответствовал Нестор, конник геренский:
«Сын благородный Лаэртов, герой Одиссей многоумный!
145 Ты не ропщи: аргивянам жестокая нужда приходит!
С нами иди, и других мы разбудим, с которыми должно
Ныне ж решить на совете, бежать ли нам или сражаться».

Рек он, — и быстро под кушу вступил Одиссей многоумный,
Щит свой узорный за плечи закинул и следовал с ними.
150 К сыну Тидея пошли и нашли Диомеда лежащим
Одале от сени, с оружием; около ратные други
Спали; сголовьем их были щиты, у постелей их копыя
Прямо стояли, вонзенные древками; медь их далеко
В мраке блистала, как молния Зевса. Герой в середине
155 Спал, и постелью была ему кожа вола степового;
Светлый, блестящий ковер лежал у него в изголовье.
Близко пришедши, будил почивавшего Нестор почтенный,
Трогая краем ноги, и в лицо укорял Диомеда:
«Встань, Диомед! и что ты всю ночь почиваешь беспечно?
160 Или забыл, что трояне, заняв возвышение поля,
Близко стоят пред судами и узкое место нас делит?»

Так говорил; почивавший с постели стремительно вспрынул
И, обратясь к нему, произнес крылатые речи:
«Слишком заботливый старец, трудов никогда ты не бросишь!
165 Нет ли у нас и других, в ополчении младших данаев,
Коим приличнее было б вождей нас будить по порядку,
Ходя по стану ахейскому; неутомим ты, о старец!»

Сыну Тидея ответствовал Нестор, конник геренский:
«Так, Диомед, справедливо ты всё и разумно вещаешь.
170 Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа

Много подвластного: было б кому обходить и сзывать вас;
Но жестокая нужда аргивских мужей постигает!
Всем аргивянам теперь на мечном острни распростерта
Или погибель позорная, пли спасение жизни!
175 Но поспеши ты и сына Филеева с быстрым Аяксом
К нам призови: ты моложе меня и о мне сожалеешь».

Рек; Диомед, немедля покрывшийся львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пят доходящей, и дрот захвативши,
Быстро пошел, разбудил воевод и привел их с собою.

180 Скоро владыки ахеян достигнули собранных стражей,
И не в дремоте они предводителей стражи застали:
Бодро молодые ахейцы, с оружием в дланях, сидели.
Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
185 Сильного зверя зачуяв, который из гор, голодалый,
Лесом идет; подымается шумная противу зверя
Псов и людей стерегущих тревога, их сон пропадает,—
Так пропадал на очах усладительный сон у ахеян,
Стан охраняющих в грозную ночь: непрестанно на поле
Взоры вперяли они, чтоб узнать, не идут ли трояне.

190 С радостью старец узрел их и, более дух ободряя,
Весело к ним говорил, устремляя крылатые речи:
«Так стерегитесь, любезные дети! никто и не думай,
Стоя на страже, о сне: да не будем мы в радость враждебным».

Так говоря, перенесся за ров; и за ним устремились
195 Все скиптроносцы ахейские, сколько звано их к совету.
С ними герой Мерион и Несторов сын знаменитый
Следовал: сами цари пригласили и их для совета.
Вместе они, перешедшие ров, пред стеною изрытый,
Сели на чистой поляне, на месте, свободном от трупов
200 В сече убитых, отколь возвратился крушительный Гектор,
Рать истреблявший данаев, доколе их ночь не покрыла;
Там воеводы, сидящие, между собой говорили.
Речь им полезную начал геренский воинственный Нестор:
205 «Други! не может ли кто-либо сам на свое положиться
Смелое сердце и ныне же к гордым троянам пробраться
В мраке ночном? не возьмет ли врага он, бродящего с краю;
Или не может ли между троян разговора услышать,
Как меж собою они полагают: решились ли твердо

Здесь оставаться далеко от города или обратно
210 Мнят от судов отступить, как уже одолели данаев.
Если бы то он услышал и к нам невредим возвратился.
О, великая слава была бы ему в поднебесной,
Слава у всех человеков; ему и награда прекрасна!
Сколько ни есть над судами ахейских начальников храбрых,
215 Каждый из них наградит возвратившегося черной овцою
С агнцем сосущим,— награда, с которой ничто не сравнится;
Будет всегда он участник и празднеств, и дружеских пиршеств».

Рек,— и никто не отвечивал, все хранили молчанье.
Первый меж них взговорил Диомед, воеватель могучий:
220 «Нестор! меня побуждает душа и отважное сердце
В стан враждебный войти, недалеко лежащий троянский.
Но когда и другой кто со мною идти пожелает,
Более бодрости мне и веселости более будет.
Двум совокупно идущим, один пред другим вымышляет,
225 Что для успеха полезно; один же хотя бы и мыслил,—
Медленней дума его и слабее решительность духа».

Так говорил,— и идти с ним хотящие многие встали:
Оба Аякса хотят, нестрашимые слуги Арея;
Хочет герой Мерион, Фразимед беспредельно желает;
230 Хочет и светлый Атрид Менелай, знаменитый копейщик;
Хочет и царь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть,—
Смелый: всегда у него на опасности сердце дерзало.
Но меж них возгласил повелитель мужей Агамемнон:
«Отрасль Тидея, любезнейший мне Диомед благородный!
235 Спутника сам для себя избрай, и кого пожелаешь;
Кто из представших, как мыслишь, отважнейший: многие
жаждут.
Но, из почтения тайного, лучшего к делу не брось ты
И не выбери худшего, страху души уступая;
Нет, на род не взирай ты, хотя б и державнейший был он».

240 Так Агамемнон вещал, за царя Менелая страшая.
К ним же вновь говорил Диомед, воеватель бесстрашный:
«Ежели мне самому избрать вы друга велите,
Как я любимца богов, Одиссея героя забуду?
Сердце его, как ничье, предприимчиво; дух благородный
245 Тверд и в трудах и в бедах; и любим он Палладой Афиной!
Если сонутник мой он, из огня мы горящего оба
К вам возвратимся: так в нем обилие на вымыслы разум».

Но ему возразил Одиссей, знаменитый страдалец:
«Слишком меня не хвали, не хули, Диомед благородный,—
250 Знающим всё говоришь ты царям и героям ахейским.
Лучше пойдем мы! Ночь убегает, и близко Денница;
Звезды ушли уж далеко; более двух уже долей
Ночь совершила, и только что третья доля осталась».

Так говоря, покрывались оба оружием страшным.
255 Несторов сын, Фразимед воинственный, дал Диомеду
Медяный нож двулезвенный (свой при судах он оставил),
Отдал и щит; на голову же героя из кожи воловой
Шлем он надел, но без гребня, без блях, называемый плоским,
260 Коим чело у себя покрывает цветущая младость.
Вождь Мернион предложил Одиссею и лук и колчан свой,
Отдал и меч; на голову же надел Лаэртида героя
Шлем из кожи; внутри перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи по шлему торчали
265 Белые вепря клыки, и сюда и туда воздымаясь
В стройных, красивых рядах; в середине же полстью подбит он.
Шлем сей — древле из стен Элеона похитил Автолк,
Там Горменида Ампитора дом крепкозданный разрушив;
В Скандии ж отдал его Киферийскому Амфидамасу;
270 Амфидамас подарил, как гостинец приятнейший, Молю;
Мол, наконец, Мерниону вручил его, храброму сыну;
Ныне сей шлем знаменитый главу осенил Одиссея.

Так Одиссей с Диомедом, покрывшись оружием страшным,
Оба пустился, там же оставив старейшин ахейских;
275 Доброе знаменье храбрым немедля послала Афина —
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумрак ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине:
«Глас мой услышь, громовержцем рожденная! Ты, о богиня,
280 Мне соприсушна во всяком труде: от тебя не скрываю
Дум я моих; но теперь благосклонно будь мне, Афина!
Дай нам к ахейским судам возвратиться покрытыми славой,
Сделав великое дело, на долгое горе троянам!»

И взмолился второй, Диомед, воеватель могучий:
«Ныне услышь и меня, необорная дочь Эгиоха!
285 Спутницей будь мне, какою была ты герою Тидею
К Фивам, куда он с посольством ходил от народов аргивских;
Возле Асоповых вод аргивян меднолатных оставив,

Мирные вести отец мой каджмянам нес браноносным
В град, но, из града идущий, деяния, страшные слуху,
290 Сделал, с тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.
Так ты по мне поборай и меня сохрани, о богиня!
В жертву тебе принесу я широкочелистую краву,
Юную, выя которой еще не склонялась под иго;
В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом».

295 Так говорили, молясь; и вняла им Паллада Афина.
Кончив герою мольбу громовержца великого дочери,
Оба пустились, как львы дерзновенные, в сумраке ночи,
Полям убийства, по трупам, по сбруям и токам кровавым.

Тою порой и троянским сынам Приамид не позволил
300 Сну предаваться; собрал для совета мужей знаменитых,
Всех в ополчение троянском вождей и советников мудрых.
Собранным вместе мужам, предлагал он совет им полезный:
«Кто среди вас за награду великую мне обещает
Славное дело свершить? А награда богатая будет:
305 Дам колесницу тому и ярменных коней гордовыйных
Двух, превосходнейших всех при судах быстролетных
данайских,
Кто между вами дерзнет (а покрылся б он светлою славой!)
В сумраке ночи к ахейскому стану дойти и разведать:
Так ли ахейя суда, как и прежде, опасно стрегомы;
310 Или, уже укрощенные силою нашей, ахейцы
Между собой совещают о бегстве и нынешней ночью
Стражи держать не желают, трудом изнуренные тяжким».

Так говорил; но молчанье глубокое все сохраняли.
Был меж троянами некто Долон, троянца Эвмеда,
315 Вестника, сын, богатый и златом, богатый и медью;
Сын, меж пятью дочерьями, единственный в доме отцовском,
Видом своим человек непригожий, но быстрый ногами.
Он предводителю Гектору так говорил, приступивши:
«Гектор, меня побуждает душа и отважное сердце
320 В сумраке ночи к судам аргивян подойти и разведать.
Но, Приамид, обнадежь, подыми твой скиптр и клянися,
Тех превосходных коней и блестящую ту колесницу
Дать непременно, какие могучего носят Пелида.
Я не напрасный тебе, не обманчивый ведомец буду:
325 Стан от конца до конца я пройду, и к судам доступлю я,
К самым судам Агамемпона; верно, ахейя владыки
Там совет совещают, бежать ли им или сражаться».

Рек он,— и Гектор поднял свой скипетр и клялся Долову:
«Сам Эгиох мне свидетель, супруг громовержущий Геры!
330 Муж в Илионе другой на Пелидовых коней не сядет:
Ты лишь единственный, клянуся я, оными славиться будешь».

Рек он — и суетно клялся, но сердце разжег у троянца.
Быстро и лук свой кривой, и колчан он за плечи забросил,
Сверху покрылся кожей косматого волка седого;
335 Шлем же хорёвый надел и острым копьём ополчился.
Так от троянского стана пошел он к судам; но троянцу
Вспять не прийти от судов, чтобы Гектору вести доставить.
Он, за собой лишь оставил толпы и коней и народа,
Резво дорогой пошел. Подходящего скоро приметил
340 Царь Одиссей и сопутнику так говорил, Диомеду:
«Верно, сей муж, Диомед, из троянского стана подходит!
Он, но еще не уверен я, наших судов соглядатай;
Или подходит, чтоб чей-либо труп из убитых ограбить.
Но позволим сначала немного ему по долине
345 Нас миновать, а потом устремимся и верно изловим,
Быстро напав; но когда, убегающий, нас упредит он,
Помни, от стана его к кораблям отбивай непрестанно,
Пикой грозя, чтобы он не успел убежать к Илиону».

Так сговорятся, они у дорог, меж горами трупов,
350 Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
Но, лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
Мулам вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,— и стал он, топот услышав.
Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
355 Кликать обратно его, по велению Гектора, гнались.
Но, лишь предстали они на полет копья или меньше,
Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.
360 Словно как два острозубые пса, приобывшие к ловле,
Серну пль зайца подняв, постоянно упорные гонят
Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет,—
Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
Полею, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.
365 Но, как готов уже был он с ахейскою стражей смешиться,
Прямо к судам устремляясь,— ревность вдохнула Афина
Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.

370 Бросаясь с копьём занесенным, вскричал Диомед на троянца:
«Стой или настигну тебя я копьём! и напрасно, надеюсь,
Будешь от рук ты моих пзбегать немпнуемой смерти!»

Рек он — и ринул копьё, и с намереньем мимо прокинул:
Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
В землю воткнулось копьё, и троянец стал, цепенея:
375 Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;
С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его — и Долоп, прослезясь, воскликнул:
«О, пощадите! я выкуп вам дам, у меня избобильно
Злата и меди в дому и красивых изделий железа.
380 С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных».

Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:
«Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.
Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:
385 Что к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
В темную ночь и один, как покоятся все человеки?
Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
Все рассмотреть? или собственным сердцем к сему побужден ты?»

390 Бледный Долоп отвечал, и под ним трепетали колена:
«Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
Он Ахиллеса великого коней мне твердокопытых
Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.
Мне ж приказал он — под быстролетащими мраками ночи
395 К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы
Или, уже укрощенные ратною нашею сплой,
Вы совещаетесь в дома бежать и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким».

400 Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:
«О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
Коней Пелида героя! Жестоки, троянец, те кони;
Их укротить и править для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
405 Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?»

Где у него боевые доспехи, быстрые кони?
Где ополчения другие троянские, стражи и станы?
Как меж собою они полагают: решились ли твердо
410 Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?»

Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
«Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
415 С нимп советуюсь подле могилы почтенного Ила,
Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.
Сколько же в стане огней, у огниц их, которым лишь нужда,
Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
420 Быть осторожным; а все дальноземцы, союзники Трои,
Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных».

Снова Долона выпрашивал царь Одиссей многоумный:
«Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных,
425 Или особо спят? расскажи мне, знать я желаю».

Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
«Все расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
Там же делегов дружины, кавконов и славных пеласгов;
430 Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,
Рать фригиян колесничников, рать конеборцев меонян.
Но почто вам, герой, спрашивать порознь о каждом?
Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
Вот новопришлые, с краю, от всех особливо, фракийцы;
435 С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.
Видел я Резовых коней, прекраснейших коней, огромных;
Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
Златом, серебром у него изукрашена вся колесница.
Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
440 Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
Смертным, прилично носить, но бессмертным богам
олимпийским!

Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным,
Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
445 Правду ли я вам, герой, рассказывал или неправду».

Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
«Нет, о спасенье, Долон, невзирая на добрые вести,
Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.
Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
450 Верно, ты снова придешь к кораблям мореходным ахеян,
Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.
Но когда уже дух под мою рукою испустишь,
Более ты не сможешь погибелен быть аргивянам».

Рек,— и как тот, у него подбородок рукою дрожащей
455 Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы:
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хорёвый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
460 Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял горё Одиссей и молящийся громко воскликнул:
«Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!»

465 Так произнес — и поднятое всё на зеленой мирике
Царь Одиссей положил и означил приметкою видной,
Вкруг наломавши тростей и ветвей полнорослых мирики,
Чтобы его не минуть им, идущим под сумраком ночи.
Сами пустились вперед, чрез тела и кровавые токи.
470 Скоро достигли идущие крайнего стана фракиян.
Воины спали, трудом утомленные; все их доспехи
Пышные, подле же их, в три ряда в благолепном устройстве
Сложены были, и пара коней перед каждым стояла.
Рез посреди почивал, и его быстроногие кони
475 Подле стояли, привязаны к задней скобе колесницы.
Первый его усмотрев, Одиссей указал Диомеду:
«Вот сей муж, Диомед, и вот те самые кони,
Коня фракийские, коня означил Долон умерщвленный.
Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
480 С острым оружием праздно стоять. Иль отвязывай коней,
Или мужей побивай ты; а я постараюсь об конях».

Рек он,— и сыну Тидееву крепость вдохнула Афина:
Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны
Воев, мечом поражаемых, кровью земля покраснела.

485 Словно как лев, на стадо бесстражное коз или агниц
Ночью набредши и гибель замыслив, бросается быстрый,—
Тал: на фракийских мужей Диомед бросался могучий;
Он их двенадцать убил. Между тем Одиссей хитроумный
Каждого мужа, который мечом Диомеда зарублен,
490 За ногу сзади схватив, выволакивал быстро из ряда,
С мыслию той на душе, чтоб фракийские бурные кони
Вышли спокойно за ним и невольно не дрогнули б сердцем,
Прямо идя по убитым, еще не привычные к трупам.
Но Тидид наконец до царя приступает, могучий;
495 Реза третьегонадесять сладостной жизни лишил он.
Царь тяжело застонал: у него сновиденнем грозным
Ночью стоял над головой — Диомед, по совету Афины.
Тою порой Одиссей отвязывал Резовых коней;
Вместе уздами связал и из ратного толпища вывел,
500 Луком своим поражая, бича же блестящего в руку
Он захватить не помыслил с узорной царя колесницы.
Свистнул потом Одиссей, подавая знак Диомеду.
Тот же стоял и думал, что еще смелого сделать:
Взяв ли царя колесницу, с оружием в ней драгоценным,
505 Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверх приподнявши,
Или еще ему более душ у фракиян исторгнуть?
Думы герою спи обращавшему в сердце, Афина
Близко предстала и так провещала Тидееву сыну:
«Вспомни уже об отшествии, сын благородный Тидея!
510 Время к судам возвратится, да к ним не придешь ты бегущий,
Если троянских мужей небожитель враждебный пробудит».

Так изрекла,— и постигнул он голос богини вещавшей,
Быстро вскочил на коня. Одиссей обоих погонял их
Луком, и кони летели к судам мореходным ахеян.

515 Тою порой соглядал не беспечно и Феб сребролукий.
Он усмотрел, что Афина сопутствует сыну Тидея,
И, негодуя, в великое войско троян устремился.
Там пробудил он фракиян советника Гиппокоона,
Резова родича храброго; с ложа он спрянул и, бледный,
520 Видя лишь место пустое, где быстрые кони стояли,
Вкруг на побойще свежем фракиян трепещущих видя,
Громко взрыдал и по имени кликал любезного друга.
Крик по троянскому воинству, страшная встала тревога;
Быстро сбежалось толпы и делам изумляясь ужасным,
525 Кои враги совершили и к черным судам возвратились.

Те же, когда принеслись, где убит соглядатай троянский,
Бурных коней удержал Одиссей, бессмертным любезный;
Но Тидид, соскочив и кровавые взявши корысти,
В руки подал Одиссею и изнова прынул на коней.
530 Тот их ударил; но кони покорные сами летели
К сеням ахейским: туда их несло и желание сердца.

Нестор, их топот услышавши первый, вещал меж царями:
«Други любезные, воинств ахейских вожди и владыки!
Правду я или неправду, но выскажу, сердце велит мне;
535 Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.
Если бы сын то Лаэрта и сын дерзновенный Тидея
Так неожиданно гнали троянских коней звуконогих!
Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрейшие, в стане, встревоженном ими!»

540 Не была старцем кончена речь, как явились герои;
С коней на дол соскочили, и сонм аргивян восхищенный
Их привечал и руками, и сладкими окрест словами.
Первый стал их расспрашивать Нестор, конник геренский:
«Как, Одиссей знаменитый, великая слава ахеян,
545 Как вы коней сих добыли? Отважно ли оба проникли
В войско троянское? или вам бог даровал их представший?
Солнца лучам светозарным они совершенно подобны!
Я всегда обращаюсь с троянами; праздно, надеюсь,
Я не стою пред судами, хотя и седой уже воин;
550 Но таких я коней не видал, не приметил доньше!
Бог, без сомнения, в встречу явившийся, вам даровал их:
Вас обоих одинаково любит как Зевс громовержец,
Так и Зевесова дочь, светлоокая дева Паллада!»

Сыну Нелея ответствовал царь Одиссей многоумный:
555 «Сын знаменитый Нелея, великая слава ахеян!
Богу, когда соизволит, и лучших, чем видите, коней,
Верно, легко даровать: божества беспредельно могущи!
Эти ж, старец почтенный, вновь пришлые в стане троянском
Кони фракийцев; у них и царя Диомед наш могучий
560 Смерти предал, и двенадцать сподвижников, всё знаменитых!
Но тринадцатый нами убит, при судах, соглядатай,
Коего высмотреть ночью великое воинство наше
Ныне же Гектор послал и другие сановники Трои».

565 Так говорящий, за ров перегнал он коней звуконогих,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселых данаев.

Скоро герой, пришед к Диомедовой куще красивой,
Коней ремнями искусно разрезанных узд привязали
К конским яслям, где и другие царя Диомеда
Бурные кони стояли, питаясь сладкой пшеницей.
570 Но Лаэртид на корабль доспех Долонов кровавый
Взнес, пока не устроится жертва Палладе богине.
Сами же тою порой, погрузившись в волны морские,
Пот и прах смывали на голених, вые и бедрах;
И когда уже всё от жестокого пота морскою
575 Влагой очистили тело и сердце свое освежили,
Оба еще омывались в красивоотесанных мойнах.
Так омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за ппр; и из чаши великой Афине,
Полными кубками, сладостей меда вино возливали.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПОДВИГИ АГАМЕМНОНА

Рано, едва лишь Денница Тифона прекрасного ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстролетным ахеям,
Грозную вестницу, знаменье брани несущую в дланях.
5 Стала Вражда на огромнейший черный корабль Одиссея,
Бывший в середине, да крики ее обоюдно услышат
В стане далеком Аякса и в стане царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовеслыми их кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на храбрость.
10 Там возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно,
Крик обращая к ахейцам; и каждому в сердце вдохнула
Бурную силу, без устали вновь воевать и сражаться:
Всем во мгновение война им кровавая — сладостней стала,
Чем на судах возвращенье в любезную землю родную.
15 Громко кричал и Атрид, препоясаться в брань возбуждая
Воев аргивских, и сам покрывался блистательной медью.
Прежде всего положил на могучие ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
После вокруг персей герой надевал знаменитые латы,
20 Кои когда-то Кинирас ему подарил на гостинец:

Ибо до Кипра достигла великая молвь, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атрида, царю угождая.
В латах сих десять полос простиралися вороны черной,
25 Олова белого двадцать, двенадцать блестящего злата;
Сизые змеи по ним воздымались кверху, до выи,
По три с боков их, подобные радугам, кои Кронион
Зевс утверждает на облаке, в дивное знаменье смертным.
Меч он набросил на рамо: кругом по его рукояти
30 Гвозди сверкали золотые; влагалище мечное окрест
Было серебряное и держалось ремнями золотыми.
Поднял, всего покрывающий, бурный свой щит велелепный,
Весь изукрашенный: десять кругом его ободов медных,
Двадцать вдоль его было сияющих блях оловянных,
35 Белых; в середине ж одна воздымалася — черная воронь;
Там Горгона свирепообразная щит повершала,
Страшно глядящая, окрест которой и Ужас и Бегство.
Серебряный был под щитом сим ремень; и по нем протяженный
Сизый дракон извивался ужасный; главы у дракона
40 Три, меж собою сплетясь, от одной воздымались выи.
Шлем возложил на главу изукрашенный, четверобляшный,
С конскою гривой, и страшный поверх его гребень качался.
Крепкие два захватил копия, повершенные медью,
Острые, медь от которых далеко, до самого неба,
45 Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествуя сына Атрея, царя многозлатой Микены.

Каждый тогда из мужей своему заповедал вознице
Коней устроить в ряды и пред рвом их держать неотступно.
Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,
50 Реяли быстрые; шум неумолкный восстал до рассвета.
Конных они упредив, перед рвом построились к бою;
Конные одаль за ними текли; и смятение злое
Зевс промыслитель в толпах их воздвиг, и с высот, из эфира
Росу послал, растворенную кровью; зане обрекал он
55 Многие храбрых главы ниспослать в обитель Анда.

Трои сыны ополчались, заняв возвышение поля,
Окрест великого Гектора, Полидамаса героя,
Окрест Энея, который, как бог, почитался народом,
Трех Антенора сынов, Агенора героя, Полиба
60 И Акамаса младого, подобного жителю неба.
Гектор герой между первыми щит обращал круговидный,

Словно звезда вредоносная, то из-за туч появляясь,
Временем блещет, временем кроется в черные тучи,—
Так Приамид, воеводства, то меж передних являясь,
65 То между задних, к сражению строя; под пламенной медью
Весь он светился, как молния грома метателя Зевса.

Войны так, как жнецы, устроая друг против друга
Жать ячмень иль пшеницу на ниве богатого мужа,
В встречу бегут половою, ручни на ручни упадают,—
70 Так сосуступившие войны, друг против друга бросаясь,
Бились: ни те, ни другие о низком не мыслили бегстве;
С рвеннем равным главы на сражение песли и, как волки,
В битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий,
Токмо одна от бессмертных при страшной присутствия сече.
75 Боги другие от брани давно удалились: спокойно
В светлых своих восседели жилищах, где каждому богу
Дом велеленный воздвигнут, по горным уступам Олимпа.
Все же они порицали гонителя облаков Зевса,
Трон сынам даровать возжелавшего славу победы.
80 Но не внимал им владыка Олимпа; от всех уклоняся,
Он одинокий сидел в отдалении, радостно гордый,
Град созерцая троян, корабли чернооких данаев,
Меди сияние, брань, и губящих мужей, и губимых.

Долго, как длилось утро и день возрастал световосный,
85 Стрелы и тех и других поражали, и падали вои.
В час же, как муж дровосек начинает обед свой готовить,
Сев под горою тенистой, когда уже руки насытил,
Лес повергая высокий, и томность на душу находит,
Чувства ж его обымает алканье сладостной пищи,—
90 В час сей ахейне силой своей разорвали фаланги,
Крикнувши разом дружина к дружине; вперед Агамемнон
Ринулся первый и свергнул владыку мужей Бианора,
Свергнул и друга его — Оилея, гонителя коней.
Он, с колесницы ниспрянувши, противостал Атрейону,
95 И в чело устремленного острым копьем Агамемнон
Грянул, копыя не сдержал ни шелома его меднотяжелый:
Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп
ворвавшись,
С кровью смешило весь мозг и смирило его в нападение.
Бросил сраженных во прахе владыка мужей Агамемнон,
100 Персями белыми блещущих: он обнажил их доспехи.
Сам устремился на Иза и Антифа, свергнуть пылая

Двух Приамидов (побочный один, а последний законный),
Бывших в одной колеснице: побочный правил конями,
Антиф же стоя воинствовал храбрый; некогда их же,
105 Пасших овец, Ахиллес, изловив при подошвах идейских,
Ветвями гибкими пленных связал, но избавил за выкуп.
Ныне Атрид их, пространновластительный царь Агамемнон,
Первого в грудь близ сосца поразил длиннотенною пикой;
Антифа ж в ухо мечом огромил и сразил с колесницы.
110 Спешно с поверженных он совлекал прекрасные брони,
Вспомнивши юношей: прежде он их пред судами ахейн
Видел, как с Иды плененных привел Ахиллес благородный.
Словно как лев быстроногия лани детей беспомощных,
Если придет к логовищу, схвативши в ужасные зубы,
115 Вдруг сокрушает с костями и юную жизнь похищает;
Мать, как ни близко стоит у детей, но помочь им не может;
Сердце у ней у самой обымает насильственный трепет;
Быстрая, скачет сквозь частый кустарник, сквозь темные рощи,
Пот проливая, бежит от неистовства мощного зверя,—
120 Так Приаидам никто из троян при погибели грозной
Помощи не дал; они пред ахейцами сами бежали.

Вслед он Пизандра и пылко в битвах постиг Гипполоха,
Братьев, сынов Антимаха, который, приняв от Париса
Злато, блистательный дар, на советах всегда прекословил
125 Всем предлагающим выдать Елену царю Менелая.
Мужа сего двух сынов изловил Агамемнон могучий,
Бывших в одной колеснице и вместе коней укрощавших;
Ибо из дланей у них убежали блестящие вожжи;
Оба смутились они, и на них, как лев, устремился
130 Царь Агамемнон. Они с колесницы к нему возопили:
«Даруй нам жизнь, о Атрид! И получишь ты выкуп достойный.
Много в дому Антимаха лежит драгоценностей в доме;
Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа.
С радостью выдаст тебе неисчисляемый выкуп родитель,
135 Если услышит, что живы мы оба, в плену у данаев».

Так вопиющие оба, царя преклоняли на жалость
Ласковой речью; но голос не ласковый слух поразил им:
«Если вы оба сыны Антимаха, враждебного мужа,
Что на сонме троянам совет подавал Менелая,
140 В Трою послом приходившего с мудрым Лаэртovým сыном,
Там умертвить, а обратно его не пускать к аргивянам,—
Се вам достойная мзда за презренную злобу отцов!»

Рек — и могучим ударом Пизандра сразил с колесницы.
В грудь он копьем пораженный, ударился тылом о землю.
145 Спрянул с коней Гипполох; и его низложил он на землю,
Руки мечом отрубивши и голову с выей отсеки;
И, как ступа, им толкнутой, труп покотился меж толпиц.

Бросив сраженных, туда, где сильнее толпились фаланги,
Ринулся он, и за ним меднобронные мужи ахейцы.
150 Пешие пеших разят, предающихся бегству неволей,
Конные конных (от них закружилось облако праха
С поля, взвиваясь ногами гремящих копытами коней),
Медью друг друга сражают; но мощный Атрид непрестанно
Гнал, поражая бегущих и криком своих ободряя.
155 Слово как хищный огонь на нерубленый лес нападает;
Вихорь крутящийся окрест разносит его, и из корней
С треском древа упадают, крушимые огненной бурей, —
Так под руками героя Атрида главы упадают
В бег обращенных троян; крутовидные многие кони
160 С громом по бранным путям колесницы носили пустые,
Славных пща их возниц, а они по долине лежали
Бледные, коршунам больше приятные, чем их супругам.

Гектора ж Зевс промыслитель от стрел удалил и от праха,
Вне пораженья поставил, и крови, и бурной тревоги.
165 Но Агамемнон преследовал, мощно своих возбуждая.
Толпица мимо кургана Дарданского древнего Ила
Полею, нестройные, мимо смоковницы дикой бежали,
Сердцем летящие в град; неотступно преследовал с криком
Царь Агамемнон и кровью багрил необорные руки.
170 Но, приблизясь к дубу и к Скейским воротам, трояне
Там удержались и, став, ожидали последних бегущих.
Те же еще по долине как робкие бегали кравы,
Если их лев распугает, пришедший в глубокую полночь,
Всех; но единой из них предстоит ужасная гибель:
175 Вью он вдруг ей крушит, захвативши в могучие зубы,
После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает, —
Так их бегущих преследовал мощный Атрид, непрестанно
Мужа последнего пикой сражая; бежали трояне.
180 Многие ниц и хребтом упали, сраженные с коней
Дланью Атридовой: так впереди он свирепствовал пикой.

Но когда, побеждая, под град и высокую стену
Он приближался, в то время отец и бессмертных и смертных,

Зевс, на превыспреннем холме обильной потоками Иды,
С неба нисшедший, воссел; и держал он перуны в деснице;
185 И к посланнице быстрой вещал, златокрылой Ириде:
«Шествуй, посланница быстрая, Гектору слово поведай:
Дондеже зрит он, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды браноносцев,
Пусть от него уклоняется, токмо других ободряя
190 Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но когда кошем иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, пошлю я Гектору крепость:
Будет разить он, доколе дойдет к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

195 Рек; повинуется быстрая, равная вихрям Ирида;
С Иды горы устремляется к Трое, священному граду;
Там Приаида героя, великого Гектора видит,
В сонме дружин на конях, в колеснице стоящего светлой;
Став перед ним, провещает подобная вихрям Ирида:
200 «Гектор, Приамова отрасль, равный советами Зевсу!
Зевс посылает меня, да тебе изреку его слово:
Дондеже зришь ты, что пастырь народа Атрид Агамемнон,
Между передних свирепствуя, губит ряды ратоборцев,
Сам от него уклоняйся и токмо других ободряй ты
205 Храбро с мужами враждебными ратовать в битве жестокой.
Но, когда копием иль троянской стрелой пораженный,
Бросится он в колесницу, тебе ниспошлет он могущество:
Будешь разить ты, доколе дойдешь к кораблям быстролетным,
И закатится солнце, и мраки священные снидут».

210 Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
Гектор герой с колесницы с оружием прынул на землю;
Острые копыя колебля, кругом обходил ополченья,
В бой распалая сердца; и возжег он ужасную сечу.
Всячь обратились трояне и стали в лицо аргивянам,
215 Аргоса вои с противной страны укрепили фаланги.
Битва восставлена; стали навстречу; и царь Агамемнон
Ринулся первый: пылал и в передних он первым сражаться.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Кто Агамемнону противостал на сражение первый
220 Между троян конеборственных или союзников славных? —
Сын Антеноров, герой Ифидамас, огромный и сильный,

В Фракии холмной воспитанный, матери стад руноносных.
Там Антенорова сына Киссей воспитал с колыбели,
Дед знаменитый его, белоногой Феаны родитель.
225 Но когда он достигнул возраста юности славной,
Дед, удержавши его, сочетал с ним дочь. Новобрачный,
Вдруг из чертога он брачного славой ахеян увлекся;
В черных двенадцати быстрых судах полетел к Илиону;
Но, суда многоместные в граде Перкоте оставив,
230 Пеший с дружиной пошел и вступил в илионские стены.
Он Агамемнону противостал на сражение первый.—
Чуть соступились оба, идущие друг против друга,
Ринул Атрид и прокинул: оружие мимо промчалось.
Но Ифидамас средь запона, ниже спяющей брони,
235 Пику вонзил и на древко налег, уповая на силу.
Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный пояс:
Первое встретив серебро, как свинец, изогнулося жало.
Древко, рукой охватив, повелитель мужей Агамемнон
Мощно повлек, разъяренный, как лев, и из рук союстата
240 Вырвал; его же по вые мечом поразил и низвергнул.
Там, по земле распростершись, сном засыпает он медным,
Бедный, друзей защищавший, далеко от верной супруги
Юной, от коей и ласк не приял, но дарами осыпал:
Сто ей волов сперва даровал и еще обещал он
245 Тысячу коз и овец из стад у него неисчетных.
Ныне ж его Агамемнон во прахе нагого оставил
И понес меж толпами доспех пораженного пышный.

Скоро Атрида увидел Коон, знаменитый воитель,
Сын Антеноров старейший, и сердца глубокая горесть
250 Очи ему помрачила при виде простертого брата.
Стал в стороне он с копьем, неприметный герою Атриду;
Быстро ударил и в руку его поразил возле локтя:
Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
И содрогся от страха владыка мужей Агамемнон;
255 Брани ж и боя герой не оставил и так; на Коона
Ринулся грозный, колебля копьё, возвращенное бурей.
Он же тогда Ифидамаса, милого брата родного,
Пламенно за ногу влек, призывающий храбрых на помощь.
Влекшего тело его, под огромным щитом, Агамемнон
260 Сулицей медяножальной ударил и силы разрушил,
И на братнем трупе главу с него ссек налетевший.
Так Антенора сыны, под руками Атрида героя
Участь свою совершив, погрузились в обитель Аида.

Он же, могучий, другие ряды обходил ратоборцев,
265 Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий,
Кровь покуда горячую свежая рана струила.
Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
Боли мучительно-острые в душу Атрида вступили.
Словно как мать при родах раздирают жестокие стрелы,
270 Острые, кои вонзают Илифии, Геринны дочери,
Женам родящим присущие, мук их владычицы горьких,—
Столько же острые боли вступили в Атридову душу.
Он, в колесницу вскоча, повелел своему браздодержцу
Коней к судам устремить мореходным; и, сердцем терзаясь,
275 Крик он, кругом раздающийся, поднял, к ахеям взывая:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Вы отражайте теперь от ахейских судов мореходных
Тяжкую битву; а мне не позволил Кронид промыслитель
Ратовать целый сей день с вероломными чадами Трои».

280 Так произнес,— и бичом браздодержец коней пышногривых
К черным погнал кораблям, и послушные кони летели;
Пену по персям клубя и кругом осыпаяся прахом,
С бранного поля несли удрученного язвой владыку.

Гектор, едва усмотрел отходящего с битвы Атрида,
285 Голосом звучным вскричал, возбуждая троян и ликний:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную храбрость!
С боя уходит храбрейший, и мне знаменитую славу
Зевс посылает; направьте, трояне, коней звуконогих
290 Прямо на гордых данаев, стяжайте высокую славу!»

Так восклицая, возжег он и силу и мужество в каждом.
Словно как ловчий испытанный псов белозубых станицу
В лов раздражает на льва иль на дикого вепря лесного,
Так на аргивских мужей троян раздражал крепкодушных
295 Гектор герой, человек губителю равный Арею;
Сам же он, гордо мечтающий, первый пред ратью идущий,
В битву влетел, как высококрутящийся вихорь могучий,
Свыше который обрушась, весь понт черноводный волнует.

Кто же был первый и кто был последний, которых

низвергнул

300 Гектор герой, как победу ему даровал Олимпиец?
Первый Ассей, и вослед Автоной, и Опид браноносный,

Глития отрасль Долоп, Агелай, и могучий Офелтий,
Ор и отважный Эзими, и Гиппоноой, пламенный в битвах:
Сих поразил он ахейских вождей именитых, а ратных
305 Множество: словно как Зефир на облаки облаки гонит,
Хладного Нота порывами бурными их поражая;
Волны, холмясь, беспрестанно крутятся, и пена высоко
Брызжет, взрываясь порывами многостороннего ветра,—
Так беспрестанно от Гектора падали головы ратных.

310 Гибель была б, совершилось бы тут невозвратное дело,
Верно, упали б в суда отраженные рати ахеян,
Если б Тидида на бой не призвал Одиссей прозорливый:
«Что, Диомед, мы стоим и забыли воинскую доблесть?
Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
315 Если у нас корабли завоюет божественный Гектор!»

Сыну Лаэрта в ответ говорил Диомед нестрашимый:
«Стану, о друг, я и здесь устою; но пользы немного
Будет от нашего мужества: Зевс, потрясатель эгида,
Больше троянам, чем нам, даровать одоление хочет!»

320 Так произнес — и Фимбрея сразил с колесницы на землю,
В грудь у сосца поразивши копьём; Одиссей же могучий
Богу подобного сверг Молпона, клеветра царева.
В прахе оставили сих, успокоенных ими от брани;
Сами ж, толпу проходя, волновали ее и, как венри
325 Вдруг на псов, их гонящих, гордые мечутся сами, —
Так, обратясь, они истребляли троян, а данан
Радостно все отдыхали от бегства пред Гектором грозным.

Тут колесницу они и могучих мужей изловили,
Двух сынов перкозийца Меропа, который славнейший
330 Был предсказатель судьбы и сынам не давал позволения
К брани погибельной в Трою идти; не послушали дети
Старца родителя: рок увлекал их к погибели черной.
Их обоих Тидейон Диомед, знаменитый копейщик,
Душу и жизнь сокрушил и прекрасные сбруи похитил.
335 Царь Одиссей Гипподама сразил и вождя Гипероха.

Тут в равновесии бой распростер меж народов Кронион,
С Иды взиравший на брань, и они поражали друг друга.
Мощный Тидид копием уязвил в бедро Агастрофа,
Сына Пеонова храброго: коней при нем, чтоб избежать,

340 Не было близко; так Пеонид омрачился душою.
Их возница держал в отдалении; сам же он последний
Рыскал меж сонмов передних, пока погубил свою душу.
Гектор героев узрел сквозь ряды и на них устремился
С криком свирепым; за ним и троян полетели фаланги.
345 Сердцем смутился, увидев его, Диомед благородный
И мгновенно воззвал к близ стоящему сыну Лаэрта:
«Гибель крутится на нас, шлемоблещущий Гектор могучий!
Но останемся здесь, отразим ее, противуоставши!»

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
350 И улучил, без ошибки уметил в главу Приамида,
В верх коневласого шлема; но медь отскочила от меди:
К белому телу коснуться шелом возбранил дыроокий,
Крепкий, тройной, на защиту герою дарованный Фебом.
Гектор далеко отпрянул назад и, смесившись с толпою,
355 Пал на колено; могучей рукою упираясь в землю,
Томный поникнул; и взор ему черная ночь осенила.
Но пока Диомед за копьем, пролетевшим далеко,
Шел сквозь ряды первоборные, где оно в землю вонзилось, —
Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу,
360 К дружным толпам поскакал и избежал гибели черной.
С пикой преследуя, громко вскричал Диомед нестрашимый:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
Гибель летела, и снова избавлен ты Фебом могучим.
Феба обык ты молить, выходя на свистящие стрелы!
365 Но, убив тебя, я разделаюсь, встретившись после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»

Рек — и с Пеонова сына доспехи совлечь наклонился.
Тою порой Александр, супруг лепокудрой Елены,
370 Скрывшись за столб гробовой на могиле усопшего мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного в древности старца,
Лук наляцал на Тидеева сына, владыку народа;
И как тот, наклонясь, обнажал Агастрофа героя:
Щит от рамен, испещренные латы от персей и тяжкий
375 Шлем от главы, — Александр, рукоятие лука напрягши,
Мечет стрелу, и не тщетно она из руки излетела:
Ранил в десную пяту, и стрела, пробежав сквозь подошву,
В землю вонзилась. Парис торжествующий, с радостным смехом
Вдруг из засады подпрянул и, гордый победой, воскликнул:
380 «Ты поражен! и моя не напрасно стрела полетела!»

Если б в утробу тебе угодил я и душу исторгнул!
Сколько-нибудь отдохнули б от бед обитатели Трои,
Коиx страшишь ты, как лев истребительный агнецв блеющих!»

И ему, не робея, Тидид отвечал благородный:
385 «Подлый стрелец, лишь кудрями горящийся, дев соглядатай!
Если б противу меня испытал ты оружием открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
Ты, у меня лишь пяду оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
390 Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
Иначе мчится моя: лишь враждебного тела достигнет,
Острой влетает стрелой,— и пронзенный лежит бездыханен!
И мгновенно вдова его в грусти терзает ланиты,
395 Дети в доме сиротеют, и сам он, кровавящий землю,
Тлеет, и вкруг его тела не жены, а птицы толпятся!»

Так он вещал,— и, к нему приступив, Одиссей копьёборец
Стал впереди; Дномед же, присев, из ноги прободенной
Вырвал стрелу, и по телу жестокая боль пробежала.
Он, в колесницу вскочив, повелел своему браздодержцу
400 Коней к судам устремить мореходным: терзалось в нем сердце.

Тут Одиссей копьёборец покинут один; из ахеян
С ним никто не остался: всех рассеял их ужас.
Он, вздохнув, говорил к своему благородному сердцу:
«Горе! что будет со мною? позор, копь, толпы устрашася,
405 Я убегу; но и горше того, копь толпою постигнут
Буду один я: других аргивян громовежец рассыпал.
Но почто мою душу волнуют подобные думы?
Знаю, что подлый один отступает бесчестно из боя!
Кто на боях благороден душой, без сомнения, должен
410 Храбро стоять, поражают его или он поражает!»

Тою порою, как думы сии обращал он на сердце,
Быстро троянцев ряды приступили к нему щитоносцев
И сомкнулись кругом, меж себя заключая их гибель.
Словно как вепря и быстрые псы, и ловцы молодые
415 Вдруг окружают, а он из дремучего леса выходит
Грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изощряя;
Ловчие вкруг нападают; стучит он ужасно зубами,
Гордый зверь; но стоят звероловцы, как он ни грозен,—
Так на любимца богов Одиссея кругом напали

420 Мужи троянские; он отбивался, и острою пикой
Первого ранил в поверхность плеча Дейопита героя;
После, Фоона и Эннома друг возле друга нпзрпнув,
Он Херсидама троянца, когда с колесницы тот прядал,
425 В чрево блестящим дротом, под щитом его выпуклобляпным,
Ранил; во прахе простершись, руками хватает он землю.
Сих он оставил, и вслед поразил Гиппасида Харона,
Милого брата рождением славного Сока героя.
В помощь ему устремившись, Сок, небожителю равный,
Быстро и близко предстал и к Лаэртovu сыну воскликнул:
430 «Царь Одиссей! неустомный в трудах, неоскудный в коварствах!
Днесь — или ты над двумя Гиппасидами будешь гордиться,
Свергнув мужей таковых и доспех их блестящий похитив,
Или, копьем ты моим ниспроверженный, душу погубишь!»

Рек он — и пикой в размах поразил по щиту Одиссея:
435 Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,
Броню, художеством пышную, быстро пронзила и кожу
Всю отделила от ребр Одиссеевых; но запретила
Меди Паллада Афина касаться утробы героя.
И, познав Одиссей, что стрелой не смертельной постигнут,
440 Мало назад отступил и к Гиппасову сыну воскликнул:
«Нет, злополучный, тебя постигает жестокая гибель!
Ты воспрепятствовал мне с фригиянами ныне сражаться;
Я же тебе предвещаю убийство и черную гибель:
Здесь и теперь же моим копьем ты поверженный, славу
445 Даруешь мне, и Андy, конями горящему, душу!»

Рек он,— и Сок, от него обратившись, в бег устремился;
И ему обращенному пику в хребет углубил он
Между рамен и насквозь через перси широкие выгнал.
С шумом он грянулся в прах, и вскричал Одиссей, торжествуя:
460 «Сок, о воинственный сын укротителя коней Гиппаса!
Смертная участь постигла тебя, от нее не избег ты!
Ах, злополучный! тебе ни отец, ни почтенная мать
Темных очей не закроют, умершему; хищные птицы
Скоро тебя разорвут, поражая густыми крылами!
455 Мне же, умершему, честь воздадут аргивяне герон!»

Так восклицающий, Сока могучего бурную пику
Вырвал из язвы своей и щита Одиссей благородный;
Вслед за оружием хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи троянские только увидели кровь Одиссея,

460 Крикнув друг другу в толпе, на единого все устремились.
Он же от них отступал и друзей призывал, восклицая.
Трижды вскричал Одиссей, как смогла голова человека;
Трижды слышал сей крик Менелай, копьеборец могучий,
Быстро Атрид возгласил к находившемуся близко Аяксу:
465 «О Теламонид, Аякс благородный, властитель народа!
Крик Одиссея героя ко мне достигает призывный,
Крику подобный, как будто его одного угнетают
Боем трояне, отрезав от всех на побочке страшном.
Друг, устремимся в толпу: защитить Одиссея нам должно!
470 Я трепещу, да один меж троянами он не пострадает,
Как ни отважен; великая скорбь поразила б ахейн!»

Рек,— и грядет он, сопутствуем мужем, бессмертному
равным.

Скоро они Одиссея узрели: толпою ходили
Окрест героя враги, как меж гор кровожадные волки
475 Окрест еленя рогатого, коего муж звероловец
Ранил из лука стрелой; от него избежал быстроногий,
Мчась, доколе вращались горячая кровь и колена;
Но когда его мощь одолела стрела роковая,
Хищные волки его, между гор растерзав, пожирают
480 В мрачной дубраве, и льва истребителя демон приводит;
Волки кругом рассыпаются; добычу лев пожирает,—
Так вокруг Одиссея, искусного в битвах, ходили
Мужи троянские, многие, сильные, он же, бесстрашный,
Вкруг обращаясь, копьем отражал роковую годину.
485 Сын Теламонов приблизился, щит, как башню, несущий;
Стал перед ним, и трояне рассыпались друг перед другом.
За руку взявши его, из толпы выводил благородный
Царь Менелай, пока не предстал с колесницей возница.

Бурный Аякс, на троян опрокинувшись, ранил Дорикла,
490 Сына Приама побочного; там же он Пандока свергнул,
Свергнул, кругом нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
Словно река наводненная в поле незапная хлынет,
Бурно упавшая с гор, отягченная Зевсовым ливнем;
Многие дубы иссохшие, многие древние сосны
495 Мчат и, крутящаясь, пл свой взволнованный в море бросает,—
Так устремился и всё взволновал Теламонид могучий,
Коней разя и мужей. Но погибельной смуты не ведал
Гектор; на левом конце он пылающей брани сражался,
Вдоль по берегу Скамандра пучинного, где наиболее

600 Падали головы ратных, и бранные клики гремели
Около Нестора старца и сильного Идоменея.
Гектор меж ними вращался могучий и грозное деял:
Пикой и бурной ездой сокрушал он фаланги данаев.
505 Но не оставили б поля данайские храбрые рати,
Если б герой Александр, супруг лепокудрой Елены,
Битвы прервать не принудил Махаона, храброго мужа,
В правое рамо его поразив троежальной стрелою.
Все за него ужаснулись пылавшие бранью данаи,
Чтобы его, при несчастливой битве, враги не сразили.
610 Идоменей к знаменитому Нестору первый воскликнул:
«Нестор Нелид, о великая слава ахейских народов!
Стань в колесницу немедленно; пусть и почтенный Махаон
Станет с тобой; и гони к кораблям ты коней быстроногих.
Опытный врач драгоценнее многих других человек,
515 Зная вырезать стрелы и язвы целить врачевствами».

Рек,— и ему не противился Нестор, конник геренский;
Скоро взошел и предстал с колесницей; в нее и Махаон
Быстро взошел, врача превосходного сына знаменитый.
Старец стегнул по коням, и охотно они полетели
620 К кущам ахейским: туда их несло и желание сердца.

Тою порой Кебрион, Приамидов сподвижник-возница,
Рати троянской смятенье увидел и молвил герою:
«Гектор! тогда как мы здесь подвигаемся между данаев,
Здесь, на конце истребительной брани,— взгляни ты, другие
525 Наши волнуются рати; смешались и кони и вон.
Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче
Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
530 Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!»

Так Кебрион произнесши, коней пышногривых ударил
Звонким бичом, и ударам возницы послушные кони
Быстро меж ратных рядов с колесницею легкой летели,
Трупы топча, и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
535 Снизу медяная ось и сверху скоба колесницы,
В кои от конских копыт и от ободов бурных хлестали
Брызги кровавые,— так Приамид поспешал погрузиться
В сонмы мужей и, нагрянув, расторгнуть их! Страшную смуту
Он меж данаев воздвигнул и редко с кошем расставался.

540 Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим сразился.

Зевс же, владыка превыспренный, страх ниспослал

на Аякса:
545 Стал он смущенный и, щит свой назад семикожный забросив,
Вспять отступал, меж толпою враждебных, как зверь, озираясь,
Вкруг обращаяся, тихо колено коленом смеяя.

Словно как гордого льва от загона волов тяжконогих

Гонят сердитые псы и отважные мужи селяне;
550 Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
Целую ночь стерегут их, а он, насладиться им жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копыя,
Главни горящие; их устрашает он и свирепый,

555 И со светом Зари удаляется, сердцем печальный,—
Так Теламонид, печальный душой, негодующий сильно,
Вспять отошел: о судах он ахеян тревожился страхом.

Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;

560 Щиплет он, ходя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вкруг его бьют,— но ничтожна их детская сила;
Только тогда, как насытитесь пашней, с трудом выгоняют,—
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,

Множество гордых троян и союзников их дальноземных,
565 Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.

Он же, герой, иногда вспомянувши бурную силу,
К ним обращался лицом и удерживал, грозный, фаланги
Конников храбрых троян; иногда обращался он в бегство,
Но дорогу им всем заграждал к кораблям быстролетным;

570 Часто меж двух ополчений свирепствовал сын Теламонов,
Ставши один: устремленные копыя из рук дерзновенных
Многие в щит семикожный вонзались, вперед порываясь,
Многие, середь пути, не коснувшись белого тела,
В землю вонзаясь, стояли, насытиться алчные телом.

575 Скоро Аякса увидел блистательный сын Эвемона,
Вождь Эврипил, удрученного тучей метательных копий;
Бросился, стал близ него и, сияющий ринувши дротик,
Сильного рати вождя Аписаона, Фавзова сына,
В печень под сердце пронзил и на месте сломил ему ноги,

580 Прянул к нему Эврипил, да похитит оружия с персей.
Но его, обнажавшего Фавзова сына, увидел
Богу подобный Парис Приамид и немедленно крепкий
Лук на него натянул и крылатой стрелою десное
585 Ранил бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять он к дружинам своим отступил, избегающий смерти;
Крик между тем, кругом раздающийся, поднял к данаям:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Станьте троянам в лицо, отразите скорей от Аякса
Пагубный день; удручен он стрелами, и, мыслю, не может
590 Сам избежать он из сечи погибельной! В встречу враждебным
Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу данаев!»

Так восклицал Эврипил уязвленный, и быстро данан
Вкруг Эвемонида стали, щиты к раменам приклонивши,
595 Копья уставивши; к ним невредимый пшел Теламонид
И, к дружинам приближаясь, стал он лицом на враждебных.
Так браноносцы сражались, подобно пылающим пламам.

Нестора с поприща бранного мчали Нелеевы кони,
Пеной покрытые; с ним и Махаона, славного мужа.
600 Старца увидев, узнал Пелейон Ахиллес быстроногий.
В оное время герой стоял на корме корабельной,
Смотря на бранный труд и плачевное бегство ахеян;
Начал к себе призывать он любезного друга Патрокла,
Громко крича с корабля; из-под сени, услышав, он быстро
Вышел, Арею подобный,— и было то горя началом.
605 Первый вещал к Ахиллесу Менетнев сын благородный:
«Что, Ахиллес, призываешь меня ты и что повелишь мне?»

И, Патроклу ответствуя, рек Ахиллес быстроногий:
«О, Менетид благородный, о друг, любезнейший сердцу!
610 Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне
Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их.
Но спеши, Менетид, вопросы у Нелеева сына,
С битвы кого уязвленного старец почтенный увозит?
Сзади Махаону кажется он совершенно подобным,
Сыну Асклепия; мужа в лицо не успел я увидеть;
615 Мимо меня проскакали стремительно быстрые кони».

Так произнес,— и Патрокл покорился любезному другу;
Бросился быстро бежать вдоль судов мореходных и кушей.

Тою порою достигнули мужи Нелидовой кущи.
Оба сошли с колесницы на щедро-питающую землю;
620 Коней приняв, отрешил Эвримедон, старцев служитель,
Сами ж они на хитонах их пот прохладжали горячий,
Став против ветра на берегу моря; когда прохладились,
В сенницу оба вошли и на креслах покойных воссели.
Им Гекамеда кудрявая смесь в питье составляла,
625 Дочь Арсиноя, которую он получил в Тенедосе,
В день, как Пеллд разорил, и которую старцу ахейцы
Сами избрали наградой: советами всех побеждал он.
Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный,
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем предложила
630 Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка,
С медом новым и ячной мукою священной;
Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями золотыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
635 Будто клевали, золотые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра
640 Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.
Так уготова напиток составленный, пить приказала.
Мужи, когда питьем утолили палящую жажду,
Между собой говоря, наслаждались беседой взаимной.

Вдруг во дверях их стал Патрокл, небожителю равный.
645 Старец, увидев его, устремился с блистательных кресел,
За руку далее ввел и упрасивал сесть между ними;
Но Менетид отрекался и быстрой отвечивал речью:
«Нет, не година сидеть,— не преклонишь, божественный старец.
Много почтен, но и грозен пославший меня известиться,
650 С битвы кого пораженного вез к кораблям ты. Но мужа
Сам узнаю, Махаона я вижу, владыку народов.
С вестью обратно спешу, чтоб ее возвестить Ахиллесу.
Знаешь довольно и сам ты, божественный старец, какой он
Взметчивый муж: и невинного вовсе легко обвинит он».

655 Быстро ему отвечивал Нестор, конник геренский:
«Что же герой Ахиллес беспокоится так о данаях,
Медью враждебной в бою пораженных? Но знает ли всё он
Горе, постигшее воинство наше! Храбрейшие мужи

В стане лежат, иль в стрельбе, или в битве пронзенные медью!
660 Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий,
Ранен копьём Одиссей знаменитый, Атрид Агамемнон.
Вот и сего предводителя я из погибельной битвы
Вывез, пронзенного в рамо стрелой. Но Пелид градоборец,
Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!
665 Может быть, ждёт он, доколе суда на берегу Геллеспонта,
В битве ахейн бесплодной, под вражеским пламенем вспыхнут,
Сами ж падем мы один близ другого? Лишился я, старец,
Силы, какая, бывало, кипела в гибких сих членах!
Если бы молод я стал и могучеством крепок, как прежде,
670 В годы, когда возгорелася распря меж нас и эляен,
Хищников стада; когда Гппирохова мощного сына
Я поразил Итимонея, жившего в злочной Элиде,
И отбил все возмездие: стадо свое защищая,
Он поражен меж передними бурною пикой моею;
675 Пал, и мгновенно рассыпались сельские ратники в страхе.
Мы от эляен добычу богатую с поля погнали:
Овчих ватаг пятьдесят и столько же гуртов воловых,
Столько же стад и свиных, и бесчисленных козых, и с ними
Конский табун захватили мы, сто пятьдесят светломастных
680 Всё кобылиц, и при многих прекрасные были жребята.
Всю добычу великую ночью вогнали мы в город,
В Пилос Нелеев; восхитился духом Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добыл я, в сражение вышедши, юный.
Вестники подняли клич, с появлением ранней Денницы
685 Всех призывая, кто долг лишь имел на Элиде священной.
Стекся пилосский народ, и властители мужи добычу
Всем разделяли (эпеяне многим остались должны
В дни, как, уже малолюдные, в Пилосе мы злострадали:
Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила
690 В древние годы: защитники града храбрейшие пали.
В доме Нелея двенадцать сынов-ратоборцев нас было,
И остался один я: они до последнего пали!
Сим возгордившись, меднодоспешные мужи эпейцы
Нами ругались и многие нам умышляли злодейства).
695 Старец себе и волон и овец великое стадо
Взял, как возмездие, триста избравши и пастырей с стадом;
Долг бо великий и старец имел на Элиде священной:
Славных, в ристанье победных четыре коня с колесницей,
Бегом стяжаться ходивших, и был предназначен треножник
700 Бега наградой; но их повелитель народа Авгеас
Нагло отъял и возницу, о конях печального, изгнал.

Старец Нелей, оскорбленный словами его и делами,
Много избрал для себя; остальное же отдал народу
В равный раздел: да никто от него обделен не отыдет.
705 Мы совершали взаимный раздел и по граду Нелея
Жертвы богам приносили. Враги же на третье утро
Силою всей, меднолатные мужи и быстрые кони,
Разом пришли; ополчились с ними и два Молиона,
Юноши, вовсе еще не знакомые с бурною бранью.
710 Есть Фриоесса град, на високом утесе лежащий,
Дальний, на бреге Алфея, кончающий Пиλος песчаный.
Град сей враги кругом обступили, разрушить пылал.
Но, лишь толпы их прошли подгородное поле, Афина
Вестницей нам, от Олимпа ниспешшая, ночью явилась,
715 Брань возвещая, и в граде пилосцев собрала не робких,
Но беспредельно пылавших сразиться. Нелей, мой родитель,
Мне запретил ополчаться и скрыл от меня колесницу,
Мысля, что я еще млад и неопытен в подвигах ратных.
Я же и так между конников наших славою покрылся,
720 Пеший: меня на сражение так устремила Афина. —
Есть Миниейос река, и падет она в шумное море
Близко Арены; Денницы священной мы там ожидали,
Конные вои, а пешие тою порою стекались.
С оного места, со всею мы силой, с оружием в дланях,
725 В полдень пришли совокупно к священному току Алфея.
Там, всемогущему Зевсу принеси избранные жертвы,
Богу Алфею тельца и тельца Посейдону заклали;
Но Афине Палладе ярмом не смиренную краву.
После воинством целым толпа близ толпы вечеряли;
730 И наконец опочить, но с оружием каждый, легли мы
Вдоль по берегу Алфея; а гордые духом эпейцы
Около града стояли уже и разрушить пылали.
Но предстало им прежде великое дело Арея.
Только лишь ясное солнце возшло над пространной землею,
735 Мы наступили на них, помоляся Афине и Зевсу.
И едва лишь пилоscopy с эпейцами бой завязали,
Первый я мужа сразил и похитил коней быстроногих
Мулия война; зять он Авгеаса был властелина,
Дщери старейшей супруг, светлокудрой жены Агамеды,
740 Знавшей все травы целебные, сколько земля их рождает.
Мужа сего, наступавшего, свергнул я пикою медной;
Грянулся в прах он, а я, на его колесницу вскочивши,
Между передними стал. И надменные мужи эпейцы
Друг перед другом побегли, увидев сраженного мужа,

745 Конных вождя, браноносца эпеян, храбрейшего в битвах.
Я на врагов убегающих грянул, как черная буря;
Взял пятьдесят колесниц, и от каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные пикой моею.
750 Я поразил бы и двух Акторидов, младых Молионов,
Если бы их не отец, многомогущий земли колебатель,
Сам из сражения спас, покрывши облаком темным.
Зевс пилосским мужам даровал и победу и славу;
Мы непрестанно бегущих вдоль поля широкого гнали,
755 Всех истребляя и пышные их собирая доспехи,
Коней пока не пригнали в Вупрасий, обильный пшеницей,
Где Оленийский утес и курган, Алезийским зовомый.
С оного поля пилосцев назад обратила Паллада.
Там от врагов я последнего сверг, и ахейские мужи
760 Вспять из Вупрасия в Пилос погнали коней быстроногих,
Все прославляя Кронида в богах, в человеках Нелида.
Некогда был я таков, подвизаясь с мужами! Пелид же
Служит своею доблестью только себе! Но уверен,
Сам он сетовать будет, как воинство наше погибнет!
Друг Менетид, не тебя ль наставлял благородный Менетий
765 В день, как из Фтии тебя отпускал в ополченье Атрида?
Мы с Одиссеем тогда, находясь в Пелеевом доме,
Слышали в храмине всё, что вещал он, тебя наставляя.
В дом же Пелеев, богато устроенный, мы приходили,
Рать собирая на брань по ахейской земле плодоносной,
770 И нашли мы тогда Акторида Менетия в доме;
Там был и ты, и герой Ахиллес, а Пелей престарелый
Тучные бедра вола сожигал молнелюбцу Крониду,
Стоя в ограде двора, и, держа золотоблещущий кубок,
Черное оным вино возливал на священное пламя;
775 Вы от закланного части готовили. Мы с Одиссеем
Стали в воротах; и бросился к нам Ахиллес удивленный,
За руки взял и в чертоги привел и, воссесть повелевши,
Нам предложил угощенье, какое гостям подобает.
И когда насладились мы изобильной трапезой,
780 Речь я устроил и вас уговаривал следовать с нами;
Вы пламенели на брань, а отцы наставляли вас мудро.
Старец Пелей своему заповедовал сыну Пелиду
Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться.
Но Менетий тебе заповедовал так благородный:
785 — Сын мой! Пелид Ахиллес тебя знаменитее родом,
Летами старее ты, у него превосходнее сила;
Но руководствуй его убеждением, умным советом;

Дружески правь им; всегда он на доброе будет послушен.—
Так заповедовал старец, а ты забываешь. Хоть ныне
790 Храброму сыну Пелея решишь говорить,— не вонмет ли?
Как то узнать? не успеешь ли, с богом, твоим убежденьем
Тронуть в нем сердце? сильно всегда убеждение друга.
Если ж какое пророчество душу его устрашает,
Если ему от Кронида поведала что-либо мать,—
795 Пусть он отпустит тебя и с тобою в сражение вышлет
Рать мирмидонскую; может быть, светом ты будешь данаям.
Пусть он позволит тебе ополчиться оружием славным;
Может быть, в брани тебя за него принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские воины в поле отдохнут,
800 Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
Вы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
Быстро к стенам отразите от наших судов и от кущей».

Так говорил он — и сердце Патроклово в персях подвинул.
Он устремляется вдоль кораблей к Эакиду герою;
805 Но когда к кораблям Одиссея, подобного богу,
Он приближался бегущий, где площадь и суд был народный,
И кругом алтари божествам их воздвигнуты были,—
Там Эврипил, уязвленный в сражении, с ним повстречался,
Доблестный сын, Эвемона, с стрелою, в бедре углубленной.
810 Шел он, хромая, с побойца; пот у героя ручьями
Лился холодный с рамен и с главы, а из раны тяжелой
Брызгала черная кровь; но дух оставался в нем твердым.
Видя его, почувствовал жалость Патрокл благородный
И, сострадая, воскликнул, крылатые речи вещая:
815 «Ах, злополучные мужи, вожди и владыки ахеян!
Так вы должны, далеко от друзей, от отчизны любезной,
Плотию вашу белою псов насыщать иллионских?
Но поведай, герой, возвести мне, о Зевсов питомец,
Рати стоят ли еще против Гектора, дивного в бранях?
820 Или уже упадают, его укрощенные медью?»

Быстро ему Эврипил Эвемонид отвечал мудрый:
«Нет, благородный Патрокл, избавления нет никакого
Ратям ахейским! в суда они черные бросятся скоро!
Все, которые в воинстве были храбрейшие мужи,
825 В стане лежат пораженные или пронзенные в брани
Медью троян, а могущество гордых растет непрерывно;
Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный;
Вырежь стрелу из бедра мне, омой с него теплой водою

830 Черную кровь и целебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; их ты, вещают, узнал от Пелеева сына,
Коего Хирон учил, справедливейший всех из кентавров.
Рати ахейской врачи, Подалприй и мудрый Махаон,
Сей, как я думаю, в куцах, подобною страждущий язвой,
835 Сам беспомощный лежит, во враче нуждаясь искусном;
Тот же стоит еще в поле, встречая свирепство Арея».

Снова ему отвечал Менетпев сын благородный:
«Чем еще кончится дело? и что, Эвемонид, предпримем?
В стан я спешу, чтобы всё возвестить Ахиллесу герою,
Что мне приказывал Нестор, страж неусыпный ахеян.
840 Но тебя я в страдании здесь, Эврипил, не оставляю».

Рек,— и, под грудь подхвативши, повел он владыку народов
К сени; служитель, узрев их, тельчине кожи раскинул.
Там распростерши героя, ножом он из лядвеи жало
Вырезал горькой пернатой, омыл с нее теплой водою
845 Черную кровь и руками истертым корнем присыпал
Горьким, врачующим боли, который ему совершенно
Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

БИТВА ЗА СТЕНУ

Так под высокою сенью Менетисев сын благородный
Рану вождя врачевал Эврипила; но битва пылала:
Бились данаи с троянами всею их ратью; и больше
Быть обороной данаям не мог уж ни ров, ни твердыня
5 Крская, та, что воздвигли судам на защиту и окрест
Рвом обвели: не почтили они гекатомбой бессмертных,
Их не молили, да в стане суда и добычи народа
Зданье блюдет. Не по воле бессмертных воздвигнуто было
Здание то, и не долго оно на земле уцелело:
10 Гектор доколе дышал, и Пелид бездействовал гневный,
И доколе нерушенным град возвышался Приамов,
Гордое зданье данаев, стена невредимой стояла.
Но когда как троянские в брани погибли герои,
Так и аргивские многие пали, другие спаслися,

15 И когда, Илион на десятое лето разрушив,
В черных судах аргивяне отплыли к отчизне любезной,—
В оное время совет Посейдаон и Феб сотворили
Стену разрушить, могущество рек на нее устремивши
20 Всех, что с Идейских гор изливаются в бурное море:
Реза, Кареза, Гептапора, быстрого Родия волны,
Эзипа, воды Граника, священные волны Скамандра
И Симонса, где столько щитов и блистательных шлемов
Пало во прах и легли полубоги, могучие мужи:
25 Устья их всех Аполлон обратил воедино и бег их
Девять дней устремлял на твердыню; а Зевс непрерывный
Дождь проливал, да скорее твердыня потонет в пучине.
Сам земледержец с трезубцем в руках перед бурной водою
Грозный ходил и всё до основ рассыпал по разливу,
30 Бревна и камни, какпе с трудом аргивяне сложили;
Всё он с землею сровнял до стремительных волн Геллеспонта;
Самый же берег великий, разрушив огромную стену,
Вновь засыпал песками и вновь обратил он все реки
В ложа, где прежде лились их прекрасно струящиеся воды.

Так Посейдаон и Феб Аполлон положили в грядущем
35 Вместе свершить. Между тем загоралась шумная битва
Вкруг под ахейской стеной; загремели огромные брусья
В башнях громимых. Ахейцы, бичом укрощенные Зевса,
Все при своих кораблях, заключенные в стане, держались,
Гектора силы страшась, разносителя бурного бегства.
40 Он же, герой, как и прежде, воинствовал, буре подобный.
Словно когда окруженный, меж псов и мужей звероловцев,
Вепрь или лев обращается быстрый, очами сверкая;
Ловчие, друг возле друга, сомкнувшись твердой стеною,
Зверю противостоят и тучами острые копья
45 Мечут из рук; но не робко его благородное сердце:
Он не дрожит, не бежит и бесстрашнем сам себя губит:
Часто кругом обращается, ловчих ряды испытует;
И куда он ни бросится, ловчих ряды отступают:
Так, пред толпою летающий, Гектор герой обращался,
50 Ров перейти убеждая дружины. Но самые кони,
Бурные кони, не смели; вздымались и храпали страшно,
Стоя над самою кручею; ров ужасал их глубокий,
Ров, к перескоку не узкий, равно к переходу не легкий:
Вдоль его скатов стремнины отрезные круто стояли
55 С той и другой стороны; на поверхности острые колья
Рядом по нем возвышались, огромные частые сваи,

Кои ахеяне вбили от гордых врагов обороной.

В ров сей едва ли конь с легкокатной своей колесницей
Мог бы спуститься; но пешие рвались, им не удастся ль.

60 Полидамас наконец к дерзновенному Гектору вскрикнул:
«Гектор и вы, воеводы троян и союзников наших!

Мысль безрассудная — гнать через ров с колесницами коней.

Он к переходу отнюдь не удобен: по нем непрерывно

Острые колья стоят, а за ними твердыня данаев.

65 Нам ни спускаться в окоп сей, ни в оном сражаться не должно,
Конным бойцам: теснина там ужасная, всех переколют.

Ежели подлинно в гнев своем громовержец ахеян
Хочет вконец истребить, а троянских сынов избавляет,—

Я бы желал, чтоб над ними немедленно то совершилось,

70 Чтоб изгибли бесславно, вдали от Эллады, ахеицы! —

Если ж они обратятся, и храбрый отбой от судов их

Сами начнут, и нас опрокинут на ров сей глубокий,—

После, я твердо уверен, и с вестию некому будет

В Трью прийти от ахеян, в отбой на троян устремленных.

75 Слушайте ж, други, меня и советам моим покоритесь:

Коней оставим, и пусть пред окопом возницы их держат;

Сами же пешие, в медных доспехах, с оружием в дланях,

Силою всею пойдем мы за Гектором; рати ахеян

Нас не удержат, когда им грозит роковая погибель».

80 Так говорил он; и Гектор, склонясь на совет непорочный,

Быстро с своей колесницы с доспехами прынул на землю.

Тут и другие вожди перестали на конях съезжаться;

Все за божественным Гектором спрянули быстро на землю.

Каждый тогда своему наказал воевода вознице

85 Коней построить в ряды и у рва держать их готовых.

Сами ж они, разделяясь, толпами густыми свернувшись,

На пять громад устрояся, двинулись вместе с вождами.

Гектор и Полидамас предводили громадою первой,

Множеством, храбростью страшной и более прочих пылавшей

90 Стену скорее пробить и вблизи пред судами сражаться.

С ними и третий шел Кебрион, а другого близ коней,

В сонме возниц, Кебриона слабейшего, Гектор оставил.

Храбрый Парис, Алкафой и Агенор вторых предводили;

Третьих вели прорицатель Гелен, Деифоб знаменитый,

95 Два — Приамова сына и третий Азий бесстрашный,

Азий Гиртакид, который на конях огромных и бурных

В Трью принесся из дальней Арисбы, от вод Селлеиса.

Сонмом четвертым начальствовал сын благородный Анхизов,
Славный Эней, и при нем Акамас и Архелок, трояне,
100 Оба сыны Антенора, искусные в битвах различных,
Но Сарпедон предводил ополченье союзников славных,
Главка к себе приобщив и бесстрашного Астеропея:
Их обоих почитал он далеко храбрейшими многих
После себя предводителей, сам же всех превyšшал он.
105 Так изготавясь они и сомкнувшись крепко щитами,
С пламенным духом пошли на данаев; не могут, мечтали,
Противостоять, но в суда мореходные бросятся к бегству.

Все тогда, как трояне, так и союзники Трои,
Полидамаса вождя покорились совету благому.
110 Азий один не хотел, предводитель народов Гиртакид,
Коней оставить у рта со своим возницею храбрым:
Азий на бурных конях устремлялся к судам мореходным,
Муж безрассудный! Ему не избегнуть от грозного рока;
Нет, колесницей и кóнями он величався, гордый,
115 Вспять от ахейских судов не воротится к Трое холмистой:
Прежде его дерзновенного участь лихая постигла
Медным копьем Девкалпона, славного Идомедея.
Мчался он влево к судам мореходным, туда, где ахейцы
С бранного поля бежали на легких своих колесницах;
120 Правил туда он своих быстроскачущих коней; и в башне
Там не нашел ни створенных ворот, ни огромных запоров:
Их растровенными воп держали, да каждый сподвижник,
С бранного поля бегущий, укроется в стан корабельный.
Прямо скакал он, высоко мечтающий; с ним и другие
125 С криком ужасным летели: ахейцы, они уповали,
Не устоят,— в корабли мореходные бросятся к бегству.
Но малоумные! В башне их встретили двое бесстрашных,
Сильные духом сыны копьеборцев могучих лапифов:
Первый герой Полипет, безбоязненный сын Пирифоя;
130 Воин второй Леонтей, душегубцу Арею подобный.
Оба они пред высоковоздымавшеюся башней стояли:
Словно на холмах лесистых высоковершинные дубы,
Кои и ветер и дождь, ежедневно встречая, выносят,
Толстыми в землю корнями широкоразмётными вросши,—
135 Так и они, на могучесть рук и на храбрость надеясь,
Мчавшегося Азия бурного ждали, неизбежно стоя.
Тою порой, как противники прямо к твердыне ахейской,
Вверх подымая щиты, подходили с вопнственным криком
Вкруг повелителя Азия, вокруг Иямена, Ореста,

140 Азия сына Адамаса, Фоона и Эномая,
Тою порою лапифы еще меднобронных данаев,
Стоя внутри при воротах, суда боронить возбуждали.
Но, лишь узрели, что прямо уже устремилась на стену
Сила троян, и ахеяне подняли крик и тревогу,—
145 Вылетев оба они, пред воротами начали битву,
Вепрям подобные диким, которые в горной дубраве
Ловчих и псов нападение шумное смело встречают,
В стороны быстро бросаясь, ломают кругом их кустарник,
Режут при корнях деревья, стук от клыков их ужасный
150 Вкруг раздастся, доколе копы не исторгнет их жизни,—
Так у лапифов стучали блестящие брони на персях,
Окрест врагами разимые: пламенно бились лапифы,
Видя друзей над собой и на силы свои полагаясь.
Те же — огромные камни с высоковоздымавшейся башни,
155 Сами себя и суда их у моря и стан защищая,
Быстро металы; как снег ослепительный падает наземь,
Если ветер порывистый, мрачные тучи колебля,
Частый его проливает на многоплодную землю,—
Так и у них, у стрельцов, как данайских, равно и троянских,
160 Стрелы лилися из рук; под ударами камней огромных
Глухо гудели шелома и круги щитов меднобляшных.

Громко воскликнул и в бедра с досады ударил руками
Азий Гиртакид, и, ропчущий на небо, так говорил он:
«Зевс Олимпийский, и ты уже сделался явный лжелюбец!
165 Я и помыслить не мог, чтоб еще аргивяне герои
Вынесли мужество наше и рук необорную силу!
Но как пчелы они, иль как пестрые, верткие осы,
Гвезда свои положив при утесистой пыльной дороге,
Дома ущельного бросить никак не хотят и, дождавшись
170 Хищных селян, за детей перед домом сражаются злобно,—
Так и они не хотят от ворот, невзирая, что двое,
С места податься, пока не осият иль сами не лягут».

Так вопиял он; но воплям его не внимал громовержец:
Гектора славою украсить заботилось сердце Кронида.

175 Рати другие пред башней другою бились боем.
Трудно мне оное всё, как бессмертному богу, поведать:
Вдоль перед всею твердынею бой загорелся ужасный
Каменный; духом унылые, рати ахеян по нужде
Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
180 Все ополченной ахейских поборники в брани троянской.

Стали сложася лапифы на страшную брань и убийство.
Пламенный сын Пирифоев, герой Поллпет копьеносный,
Дамаса острым копьем поразил сквозь шелом меднощечный:
Шлемная медь не сдержала удара; насквозь пролетела
185 Медь изощренная, кость проломла и, в череп ворвавшись,
С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападенье.
Он наконец у Пилона и Ормена души исторгнул.
Отрасль Арея, лапиф Леонтей, Антимахова сына
Там же низверг, Гиппомаха, уметив у запона пикой.
190 После герой, из влагаллица меч свой исторгнувши острый
И сквозь толпу устремившись, первого там Антифата
Изблизил грянул мечом, и об дол он ударился тылом.
Там наконец он Иямена, Менона, воя Ореста,
Всех, одного за другим, положил на кровавую землю.

195 Но между тем, как они совлекали блестящие брони,
С Полидамасом и Гектором юношей полк приближался,
Множеством, храбростью страшный и более прочих пылавший
Стену ахейн пробить и огнем истребить корабли их.
Но, приближась ко рву, в нерешимости храбрые стали:
200 Ров перейти им пылавшим явилася вещая птица,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
Мчащий в когтях обагренного кровью огромного змея:
Жив еще был он, крутился и брани еще не оставил;
Взвившись назад, своего похитителя около выи
205 В грудь уязвил; и, растерзанный болью, на землю добычу,
Змея, отбросил орел, уронил посреди ополченья;
Сам же, крикнувши звучно, понесся по веянью ветра.
Троп сыны ужаснулись, увидевши пестрого змея,
В прахе меж ними лежащего, грозное знаменье Зевса.

210 Полидамас говорить дерзновенному Гектору начал:
«Гектор, всегда ты меня порицаешь, когда на советах
Я говорю справедливое: ибо никто и не должен,
Быв гражданин, говорить против истины, как на советах,
Так и в брань, одно умножая твое властелинство.
215 Снова, однако, скажу я вам, что почитаю полезным:
Дальше не должно идти и с данаями в стане сражаться.
Так, уповаю я, сбудется, ежели точно троянам,
Ров перейти пламенеющим, в знаменье птица явилась,
Свыше летящий орел, рассекающий воинство слева,
220 Мчащий покрытого кровью огромного змея живого;
Но его упустил он, гнезда своего не достигнул

И не успел, похититель, предать его детям в добычу, —
Так-то и мы, хотя и ворота и стену данаев
Силой великою сломим, хотя и уступят данаи,
225 Но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся;
Многих оставим троян; ратоборцы ахейские многих
Медью сразят, за суда мореходные храбро сражаясь.
Так и пророк изъяснил бы, который в душе просвещенной
Ведает знаменней смысл, и ему бы народ покорился».

230 Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Полидамас, для меня неприятны подобные речи!
Мог ты совет и другой нам, больше полезный, примыслить!
Если же сей, что сказал, произнес ты от чистого сердца,
Разум твой, без сомненья, похитили гневные боги:
235 Ты мне велишь, чтоб высокогремящего Зевса забыл я
Волю, что сам знаменал он и мне совершить обрекался?
Ты не обетам богов, а ширяющим в воздухе птицам
Верить велишь? Презираю я птиц и о том не забочусь,
Вправо ли птицы несутся, к востоку Денницы и солнца,
240 Или налево пернатые к мрачному западу мчатся.
Верить должны мы единому, Зевса великого воле,
Зевса, который и смертных, и вечных богов повелитель!
Знаменье лучшее всех — за отечество храбро сражаться!
Что ты страшишься войны и опасностей ратного боя?
245 Ежели Трои сыны при ахейских судах мореходных
Все мы падем умерщвленные, ты умереть не страшился!
Ты не имеешь духа ни встретить врага, ни сразиться!
Если, однако, ты бросишь сражение или другого,
Речью твоей обольстивши, отклонишь от ратного дела,
250 Вмиг под моим ты копьем распрострешься и душу испустишь!»

Так произнес — и пошел он вперед; понеслись и дружины
С криком ужасным; пред ними Кронид, веселящийся громом,
Свыше, от гор Идейских, воздвигнул свирепую бурю,
Мрачный прах на суда за клубившую; он у данаев
255 Дух унижал, возвышая троянам и Гектору славу.
Тут, на знаменье бога и силу свою положаясь,
Начали Трои сыны разрушать ахейскую стену.
С башен срывали зубцы, сокрушали грудные забрала
И ломами шатали у вала торчащие сваи,
260 Кои поставлены в землю опорами первыми башен.
Их вырывали они и уже упали, что стену
Скоро пробьют; но ахейцы еще не сходили с их места.

Плотно щитами они оградивши грудные забрала,
Камнями, копьями били врагов, подступавших под стену.

265 Оба Аякса, тогда управлявшие битвой на башнях,
Быстро ходили кругом, придавая ахеянам духа:
Ласковой речью одних, а других возбуждали суровой,
Если которых встречали оставивших битву с врагами:
270 «Други ахейцы, и тот, кто передний, и тот, кто середний,
Так и последний из воинов,— ибо не все равносильны
Мужи в сражениях,— ныне для всех нас труд уготовлен!
Это вы видите сами! О други, никто да не мыслит
Вспять со стены обращаться, грозящего криков страшая.
275 Нет, выходите вперед и на бой поощряйте друг друга!
Даст, быть может, и нам олимпийский блистатель Кроннион,
Жесточь сию отразивши, преследовать к граду враждебных!»

Речью такой впереди возбуждали Аяксы ахеян.
Словно как снег, устремившись, хлопьями сыплется частый,
280 В зпмнюю пору, когда громовержец Кроннион восходит
С неба снежить человекам, являя могущества стрелы:
Ветры все успокоивши, сыплет он снег непрерывный,
Гор высочайших главы и утесов верхи покрывая,
И цветущие степи, и тучные пахарей нивы;
Сыплется снег на берега и на пристани моря седого;
285 Волны его, набежав, поглощают; но всё остальное
Он покрывает, коль свыше обрушится Зевсова вьюга,—
Так от воинства к воинству частые камни летали,
Те на троян нападавших, а те от троян на ахеян,
Быстро метавших; кругом над твердынею стук раздавался.

290 Но не успели б еще и трояне, и Гектор могучий
В башне пробить затворенных ворот и огромных запоров,
Если б на силу ахейскую силы своей — Сарпедона —
Сам Эгнох не подвигнул, как льва на волон круторогих.
Быстро герой перед грудью уставил свой щит круговидный,
295 Медный, кованный, пышноблестящий, который художник,
Медник искусный, ковал, на поверхности ж тельчии кожи
Прутьями золота часто пропшел по краям его круга:
Щит сей неся перед грудью и два копья потрясая,
Он устремился, как лев-горожитель, алкающий долго
300 Мяса и крови, который, душою отважной стремимый,
Хочет, на гибель овец, в их загон огражденный ворваться;
И хотя пред оградою пастырей сельских находит,

С бодрыми псами и с копытами стадо свое стерегущих,
Он, не изведавши прежде, не мыслит бежать от огады;
305 Прыгнув во двор, похищает овцу, либо сам под ударом
Падает первый, копьём прободенный из длани могучей,—
Так устремляла душа Сарпедона, подобного богу,
На стену прямо напасть и разрушить забрала грудные.
Быстро он к Главку вещал, Гипполохову храброму сыну:
310 «Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?
И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
315 Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.
Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:
Нет, не бесславные нами и царством ликийским пространным
Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
320 Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!
Друг благородный! когда бы теперь, отказавшись от брани,
Были с тобой навсегда нестареющи мы и бессмертны,
Я бы и сам не летел впереди перед воинством биться,
325 Я и тебя бы не влек на опасности славного боя;
Но и теперь, как всегда, неисчетные случаи смерти
Нас окружают, и смертному их ни минуту, ни избегнуть.
Вместе вперед! иль на славу кому, иль за славою сами!»

Так говорил Сарпедон; не противился Главк, не отрекся.
330 Ринулись оба вперед пред великою ратью ликийской.
Их устремленных узрев, Петеид Менесфей ужаснулся:
К башне его разрушеньем грозящая сила стремилась.
С башни кругом он глядел, не узрит ли кого из ахейских
Мощных вождей, да поможет беду отразить от дружины.
335 Скоро Аясов узрев обоих, ненасытных бранью,
Близко сражавшихся, с ними и Тевкра, который недавно
Вышел из сени; но не было способа крик им услышать.
Шумно там было побоище — там до небес раздавался
Гром от разимых щитов, от косматых шоломов и створов
340 Башенных врат: обступили их все, и, пред ними толпою
Стоя, трояне пыталися, силой разбивши, ворваться.
Вестника вождь Менесфей посылает к Аяksam Фоота:
«Шествуй, почтенный Фоот, и зови на защиту Аякса.
Лучше зови обоих, несравненно полезнее тут им

345 Быть обоим: разразится тут скоро ужасная гибель!
Мчатся сюда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же там на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
350 Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

Так произнес; покорился его повелениям вестник
И пустился бежать по стене меднобронных данаев.
Стал пред Аяксами вестник пришедший и так говорил им:
355 «Храбрые мужи Аяксы, вожди меднобронных данаев,
Просит Петея почтенного сын, Менесфей благородный,
В помощь прийти; разделите хоть несколько труд с ним
жестокый.

Но придите вы оба; полезнее там, воеводы,
Храбрым вам быть: разразится там скоро ужасная гибель!
360 Мчатся туда воеводы ликийские, кои и прежде
Бурей всегда налетали на страшное поприще брани!
Если же здесь на ахеян воздвигнута грозная жесточь,
Пусть хоть один поспешает Аякс, Теламонид великий;
С ним да предстанет и Тевкр благородный, стрелец знаменитый».

Так говорил, и охотно склонился Аякс Теламонид.
365 Он к Оплиду Аяксу измолвил крылатое слово:
«Сын Оилеев Аякс, и ты, Ликомед нестрашпмый!
Стойте вы здесь и народ поощряйте отважно сражаться.
Я же туда поспешаю и там на сражение стану;
К вам возвращуся немедленно, только лишь им помогу я».

370 Так говорящий своим, отошел Теламонид могучий.
С ним устремился и Тевкр, Теламонидов брат одноотчий,
И за Тевкром Пандион, несущий лук его крепкий.
К башне Петеева сына, идя внутрь стены, воеводы
Скоро пришли и уже утесненных врагами застали.
375 К самым забралам стены подымались, как мрачная буря,
Мужи храбрейшие, воинств ликийских вожди и владыки;
Сблизились в битву, противник с противником, с яростным
криком.

Первый сразился Аякс Теламонид, и первый сразил он
Друга царя Сарпедона, высокого духом Эпикла:
380 Мрамором острым его поразил он, какой на твердыше
Больший лежал у забрал высочайших; его не легко бы

Поднял руками обемня муж и летами цветущий,
Нам современный, но он высоко его поднял и ринул:
Вдруг раздавил им и выпуклый шлем, и на черепе кости
385 Все раздробил у Эпикла; и он, водолазу подобный,
Ринулся с башни высокой, и дух его кости оставил.
Тевкр Гипполохова сына, героя ликийского Главка,
Сверху стены, на нее подымавшегося, ранил пернатой
В мышцу, где видел нагою, и битву принудил оставить.
390 Он со стены соскочил, притаяся, да кто из ахеян
Язвы его не узрит и над ним не ругается, гордый.
Грусть обняла Сарпедона, когда отходящего друга
Главка приметил; но он не оставил кровавого боя:
Он в Фесторида Алкмаона, прянувши, острую пику
395 Быстро вонзил и исторг; и, за пикой повлекшись, пал он
На землю ниц, и взгремела на нем распещренная броня.
Но Сарпедон, за зубец ухвативши рукою дебелой,
Мощно повлек, и оторванный рухнулся весь он на землю;
Сверху стена обнажилась, и многим открылась дорога.

400 Тевкр и Аякс разрушителя встретили вместе: стрелю
Первый уметил ремень его светлый, на персях держащий
Щит в человеческий рост; но Зевс от любезного сына
Смерть отразил, не судивши ему пред судами погибнуть.
405 Мощный Аякс, налетев, поразил по щиту, и, пробившись,
Пика насквозь оттолкнула врага, распыхавшегось сердцем.
Он от твердыни подался назад, но совсем не оставил
Места сраженья и в сердце надежды, что славы добудет.
Вспять обратясь, восклицал он ликиянам богоподобным:
«Мужи ликийские! что забываете бурную храбрость?»
410 Мне одному невозможно, хоть был бы еще я сильнееший,
Стену разрушить и к быстрым судам проложить вам дорогу!
Разом со мною, ликийцы! успешнее труд совокупный!»

Так восклицал,— и они, устыдившись царских упреков,
Крепче сомкнулись, смелей налегли за советником храбрым.
415 Рати ахеян с другой стороны укрепляли фаланги
Внутри их стены. Предстоял их мужеству подвиг великий:
Тут, как ликийцы храбрейшие всё не могли у ахеян
Крепкой стены проломить и открыть к кораблям их дорогу,
Так и ахеян сыны не могли нападавших ликиян
420 Прочь от стены отразить, с тех пор как они подступили.
Но как два человека, соседи, за межи раздорят,
Оба с саженью в руках на смежном стоящие поле,

Узким пространством делимые, шумно за равенство спорят:
Так и бойцов лишь забрала делили; чрез них нападая,
425 Мужи одни у других разбивали вокруг персей их кожи
Пышных кругами щитов и крылатых щитков легкометных.
Многие тут из сражавшихся острою медью позорно
Были постигнуты в тыл, у которых хребет обнажался
В бегстве из боя, и многие храбрые в грудь, сквозь щиты их.
430 Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахеян.
Но ничто не могло устрашить ахеян; держались
Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
435 Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату,—
Так равновесно стояла и брань, и сражение воинств
Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.
Голосом, слух поражающим, он восклицал ко троянам:
440 «Конники Трои, вперед, разорвите ахейскую стену
И на их корабли пожирающий пламень бросайте!»

Так возбуждал их герой, и слышали все его голос;
Прямо к стене понеслись толпою и начали быстро
Вверх подыматься к зубцам, уставляючи острые копыя.
445 Гектор же нес им захваченный камень, который у башни
Близко вздымался, широкий книзу, заостренный кверху,
Глыба, которой и два, из народа сильнейшие, мужа
С дола на воз не легко бы могли приподнять рычагами,
Ныне живущие; он же легко и один потрясал им:
450 Легкою тягость ему сотворил хитроумный Кронион.
Словно как пастырь, одною рукою руно захвативши,
Быстро несет: для нее нечувствительно слабое бремя,—
Так Приамид захватил и стремительно нес на ворота
Камень огромный. Ворота те были сплоченные крепко
455 Створы двойные, высокие; два изнутри их запора
Встречные туго держали, одним замыкаяся болтом.
Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен,
Ноги расширил и, сильно напрягшись, грянул в средину;
Сбил подворотные оба крюка, и во внутренность камень
460 Рухнулся тяжкий. Взгрели ворота; ни засов огромный
Их не сдержал: и сюда и туда раскололся створы,
Камнем разбитые страшным; и ринулся Гектор великий,
Грозен лицом, как бурная ночь; и сиял он ужасно
Медью, которой одяен был весь; и в руках потрясал он

465 Два копия; не сдержал бы героя никто, кроме бога,
В миг, как в ворота влетел он: огнем его очи горели.
Там он троянам приказывал, к толпищу их обратясь,
На стену быстро взлезать, и ему покорились трояне:
470 Ринулись все, и немедленно — те подымались на стену,
Те наводняли ворота. Кругом побежали ахейцы
К черным своим кораблям; и кругом поднялася тревога.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

БИТВА ПРИ КОРАБЛЯХ

Зевс, и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть непрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
5 Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших
смертных.
Более он на Трою очей не склонял светозарных;
Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
Вышел еще поборать за троянских сынов иль ахейских.

10 Но соглядал не напрасно и бог Посейдаон великий;
Сам он сидел, созерцая войну и кровавую битву
С горных вершин, с высочайшей стремнины лесистого Сама
В Фракии горной: оттоле великая виделась Ида,
Виделась Троя Приама и стан корабельный ахеян.
15 Там он, из моря исшедший, сидел, сострадал об ахейцах,
Силой троян укрощенных, и страшно роптал на Зевеса.
Вдруг, негодуя, восстал и с утесной горы устремился,
Быстро ступая вперед; задрожали дубравы и горы
Вкруг под стопами священными в гнев идущего бога.
20 Трижды ступил Посейдон и в четвертый достигнул предела,
Эги; там Посейдона в заливе глубоком обитель,
Дом золотой, лучезарно сияющий, вечно нетленный.
Там он, притекший, запряг в колесницу коней медноногих,
Бурно летающих, гривы волнующих вкруг золотые.
25 Золотом сам он одеялся, в руку десную прекрасный
Бич захватил золотой и на светлую стал колесницу;

Коней погнал по волнам,— и зыграли страшлища бездны,
Вкруг из пучин заскакали киты, узнавая владыку;
Радуюсь, море под ним расстилалось,— а гордые кони
30 Бурно летели, зыбей не касаясь медною осью;
К стану ахейскому мчались быстроскакучие кони.

Есть пещера обширная в бездне пучинной залпа,
Меж Тенедоса и дикоутесного острова Имбра.
Там коней удержал колебатель земли Посейдаон;
Там отрешив от ярма, амброзической бросил им пищи
В корм и на бурные ноги накиннул им путы золотые,
Несокрушимые цепи, да там бы они неподвижно
Ждали владыку; а сам устремился к дружинам ахейским.

Рати троянские, всей их громадой, как пламень, как буря,
40 Гектору вслед с несмиримой горячностью к бою летели
С шумом, с криком неустовым: взяты корабли у данаев
Гордо мечтали и всех истребить перед ними данаев.
Но Посейдон земледержец, могучий земли колебатель,
Дух аргивян возвышал, из глубокого моря ишедший.
45 Он, уподобясь Калхасу видом и голосом сильным,
Первым вещал Аяксам, пылавшим и собственным сердцем:
«Вы воеводы, Аяксы, одни вы спасете ахеян,
Мужество помня свое и не мысля о бегстве бездушном.
В месте другом не страшился бы рук я троян необорных,
50 Кон в ахейскую крепкую стену ворвались толпою:
Их остановят везде меднолатные рати ахеян.
Здесь лишь, безмерно страшусь, пострадать неизбежно мы
можем;
Здесь распыхавшись, как пламень стремительный, Гектор
предводит,
Гектор, себя величающий сыном всемогущего Зевса!
55 О, да и вам небожитель положит решительность в сердце,
Крепко стоять и самим, и других ободрить, утрашенных!
Гектора, как он ни бурен, от наших судов мореходных
Вы отразите, хотя б устремлял его сам громовержец!»

Рек — и жезлом замеледержец, могучий земли колебатель,
60 Их обоих прикоснулся и страшною силой исполнил;
Члены их легкими сделал, и ноги, и мощные руки.
Сам же, как ястреб, ловец быстрокрылый, на лов улетает,
Если с утеса крутого, высокого, вдруг он поднявшись,
Рпнется полем преследовать робкую птицу другую,—

65 Так устремился от них Посейдаон, колеблющий землю.
Первый бога постиг Оилеев Аякс быстроногий;
Первый он взговорил к Теламонову сыну Аяксу:
«Храбрый Аякс! без сомнения, бог, обитатель Олимпа,
Образ пророка приняв, корабли защищать повелел нам.
70 Нет, то не Калхас, вещатель оракулов, птицегадатель;
Нет, по следам и по голеним мощным сзади познал я
Вспять отходящего бога: легко познаваемы боги.
Ныне, я чую, в груди у меня ободренное сердце
Пламенной прежнего рвется на брань и кровавую битву;
75 В битву горят у меня и могучие руки и ноги».

Быстро ему отвечал Теламонид, мужества полный:
«Так, Оилд! и мои на копье несмиримые руки
В битву горят, возвышается дух, и стопы подо мною,
Чувствую, движутся сами; один я, один я пылаю
80 С Гектором, сыном Приама, неистовым в битвах, сразиться».

Так меж собой говорили владыки народов Аяксы,
Жаром веселые бранным, ниспосланным в сердце их богом.
Тою порой возбуждал Посейдаон задних данаев,
Кои у черных судов оживляли унылые души;
85 Воины, кои и силы под тяжким трудом изнурились,
И жестокая грусть налегла на сердца их, при виде
Гордых троян, за высокую стену толпой перешедших.
Смóтря на их торжествующих, слезы они проливали,
Смерти позорной избегнуть не чаяли. Но Посейдаон,
90 Вдруг посреди их явившись, сильные поднял фаланги.
Первому Тевкру и Ленту он предстал, убеждая,
Там Пенелею царю, Деипиру, Фоасу герою,
Здесь Мернону и с ним Антилоху, искусникам бранным.
Сих возбуждал земледержец, крылатые речи вещая:
95 «Стыд, аргивяне, цветущие младостью! вам, полагал я,
Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!
Если ж и вы от опасностей брани отступите робко,
День настал роковой, и троянская мощь сокрушит нас!
Боги! великое чудо моими очами я вижу,
100 Чудо ужасное, коему, мнил, никогда не свершиться:
Трой сыны пред судами ахейскими! те, что, бывало,
Ланям подобились трепетным, кои, по темному лесу
Праздно бродящие, слабые и не рожденные к бою,
Пардов, волков и шакалов вседневною пищей бывают.
105 Так и трояне сии трепетали, бывало, ахеян,

Противу мужества их ни на миг стоять не дерзали.
Ныне ж, далеко от стен, корабли уже наши воюют!
И отчего? от проступка вождя и от слабости воев,
Кои, враждуя вождю, не хотят окруженных врагами
110 Спасть кораблей и пред ними себя отдают на убийство!
Но устыдитесь; если и подлинно сильно виновен
Наш предводитель, пространновластительный царь Агамемнон,
Если и подлинно он оскорбил Ахиллеса героя,
Нам нивкому ни на миг уклоняться не должно от брани!
115 Но исцелим мы себя: исцелимы сердца благородных.
Стыд, о ахейне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
Гнева на ратника тратить, который бросает сраженье,
Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!
120 Слабые, скоро на всех навлечете вы большее горе
Слабостью вашей! Опомнитесь, други! представьте себе вы
Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!
Гектор, воинственный Гектор уже на суда нападает,
Мощный, уже разгромил и врата, и запор их огромный».

125 Так возбуждал колебатель земли и воздвигнул данаев.
Окрест Аяксов героев столпились, стали фаланги
Страшной стеной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Их не могли бы, не радуясь, видеть: храбрейшие мужи,
Войско составив, троян и великого Гектора ждали,
130 Стиснувши дрот возле дота и щит у щита непрерывно:
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне сгустяся стояли;
Копья змеилися, грозно колеблемы храбрых руками;
135 Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться.
Но, упредив их, трояне ударили; Гектор пред ними
Бурный летел, как в полете крушительный камень с утеса,
Если с вершины громаду осенние воды обрушат,
Ливнем дождем разорвавши утеса жестокого связи:
140 Прядая кверху, летит он; трещит на лету им крушимый
Лес; беспрепотно и прямо летит он, пока на долину
Рухнет, и больше не катится, сколь ни стремительный
прежде, —
Гектор таков! при начале грозился до самого моря
Быстро пройти, меж судов и меж кущей, по трупам данаев;
145 Но едва пробежал на сомкнувшиесь крепко фаланги,
Стал, как ни близко нагрывший: дружно его аргивяне,

Встретив и острых мечей, и пик двуконечных ударом,
Прочь отразили,— и он отступил, поколебанный силой,
Голосом, слух поражающим, к ратям троян вопиющий:
150 «Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукопашцы дарданцы!
Стойте, друзья! Ненадолго меня остановят ахейцы,
Если свои ополченья и грозною башней построят;
Скоро от пики рассыплются, если меня несомненно
Бог всемогущий предводит, супруг громовержущий Геры!»

155 Так восклицая, возвысил и душу и мужество в каждом.
Вдруг Деифоб из рядов их высоко мечтающий вышел,
Сын же Приамов: пред грудью уставя он щит круговидный,
Легкой стопой выступал и вперед под щитом устремлялся.
160 Но Мерйон, на троянца наметив сверкающей пикой,
Бросил, и верно вонзилась в выпуклый щит волокожный
Бурная пика; но кож не проникла: вонзилась, и дrevком
Около трубки огромная хрястнула. Быстро троянец
Щит от себя отдалил волокожный, в душе устрасая
165 Бурного в лете копьа Мерйонова; тот же, могучий,
К сонму друзей отступил, негодую жестоко на трату
Верной победы и вместе копьа, преломленного тщетно;
Быстро пустился идти к кораблям и кущам ахейским,
Крепкое вынести копье, у него сохранившееся в куще.

Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
170 Тевкр Теламониев первый отважного сверг браноносца
Имбрия, Ментора сына, конями богатого мужа.
Он в Педасе жил до нашествия рати ахейской,
Медезикасты супруг, побочной Приамовой дщери.
175 Но когда аргивяне пришли в кораблях многовеселых,
Он прилетел в Илион и в боях меж троян отличался;
Жил у Приама и был как сын почитаем от старца.
Мужа сего Теламонид огромною пикой под ухо
Грянул и пику исторг; и на месте пал он, как ясень
Пышный, который на холме, далёко путнику видном,
180 Ссеченный медью, зеленые ветви к земле преклоняет:
Так он упал, и кругом его грянул доспех распещренный.
Тевкр полетел на упавшего, сбрую похитить пылая.
Гектор на Тевкра летящего дротик блистающий ринул;
Тот, издали зря, от копьа, налетавшего бурно,
185 Чуть избежал. Но Амфимаха Гектор, Ктеатова сына,
В битву идущего, в грудь поразил сокрушительным дротом;
С шумом на землю он пал, загрели на падшем доспехи.

Бросился Гектор, пылая шелом на скраниях плотный,
Медный сорвать с головы у Ктеатова храброго сына.
190 Но Аякс на летящего острую пику устави́л;
К телу она не проникнула Гектора: медью кругом он
Страшною был огражден; но в средину щита поразивши,
Силой его отразил Теламонид, и вспять отступил он
Прочь от обоих убитых; тела увлекли аргивяне;
195 Сына Ктеатова Стихий герой с Менесфеем почтенным,
Оба афиня вожди, понесли к ополченьям ахейским.
Имбрия ж оба Аякса, кипящие храбростью бурной,
Словно как серну могучие львы, у псов острозубых
Вырвавши, гордо несут через густопоросший кустарник
200 И добычу высоко в челюстях держат кровавых, —
Так, Менторида высоко держа, браноносцы Аяксы
С персей срывали доспех, и повисшую голову с выи
Ссек Оплид и, за гибель Амфимаха мстью пылая,
Бросил ее с размаху, как шар, на толпу илионян:
205 В прах голова, перед Гектора ноги, крутящаясь пала.

Гневом сугубым в душе Посейдон воспылал за убийство
Внука его Ктеатида, сраженного в битве свирепой.
Гневный подвинулся он, к кораблям устремляясь и к кушам,
Всех аргивян возбуждая и горе готова троянам.
210 Идомений, Девкалцион воинственный, встретился богу,
Шедший от друга, который к нему незадолго из боя
Был приведен, под колено суровою раненный медью.
Юношу вынесли други; его он врачам приказавши,
Сам из шатра возвращался: еще он участвовать в битве,
215 Храбрый, пылал; и к нему провещал Посейдаон владыка
(Глас громозвучный приняв Андремонова сына, Фоаса,
Мужа, который в Плевроне, во всем Калидоне гористом
Всеми этольцами властвовал, чтимый, как бог, от народа):
«Где же, о критян советник, куда же девались угрозы,
220 Коями Трои сынам угрожали ахейские чада?»

И ему вопреки отвечал Девкалид знаменитый:
«Сын Андремонов! никто из ахейн теперь не виновен,
Сколько я знаю: умеем мы все и готовы сражаться;
Страх никого не оковывал низкий; никто, уступая
225 Праздности, битвы не бросил, ахейам жестокой; но, верно,
Кронову сыну всесильному видеть, Зевесу, угодно
Здесь далеко от Эллады ахейн бесславно погибших!
Сын Андремонов, всегда отличавшийся мужеством духа,

Ты, ободрявший всегда и других, забывающих доблесть,
230 Ныне, Фоас, не оставь и омужестви каждого душу!»

Быстро ему отвечал Посейдаон, колеблющий землю:
«Критян воинственный царь! да вовек от троянского берега
В дом не придет, но игралищем псов да прострется под Троей
Воин, который в сей день добровольно оставит сраженье!
235 Шествуй и, взявши оружие, стань ты со мной: совокупно
Действовать должно; быть может, успеем помочь мы и двое.
Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна;
Мы же с тобой и противу сильнейших умели сражаться».

Рек,— и вновь обратился бессмертный к борьбе человекoв.
240 Идоменей же, поспешно пришед к благосозданной куще,
Пышным доспехом покрылся, и, взявши два крепкие дрота,
Он устремился, перуну подобный, который Кронийон
Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском,—
245 Так у него, у бегущего, медь вокруг персей блистала.
В встречу ему предстал Мерион, знаменитый служитель,
Близко от кущи, куда он спешил, вооружиться желая
Новым кольем, и к нему провела владычня сила:
«Сердцу любезнейший друг, Молид Мерион быстроногий,
250 Что приходишь ты, оставивши брань и жестокою сечу?
Ранен ли ты и не страждешь ли, медной стрелой удрученный?
Или не с вестию ль бранной ко мне предстаешь ты? Но видишь,
Сам я иду не под сенью покоиться, ратовать жажду!»

Крита царю отвечал Мерион, служитель разумный:
255 «Идоменей, предводитель критских мужей меднобронных,
В стан я пришел, у тебя копия не осталось ли в куще?
Взявши его, возвращуся; а то, что имел, сокрушил я,
В щит поразив Деифоба, безмерно могучего мужа».

Критских мужей повелитель отвечал вновь Мериону:
260 «Ежели копия нужны, и одно обретешь ты и двадцать,
В куще моей у стены блестящей стоящие рядом
Копья троянские; все я их взял у сраженных на битвах.
Смею сказать, не вдали я стоя, с врагами сражаюсь.
Вот отчего у меня изобильно щитов меднобляшных,
265 Копий, шоломов и броней, сияющих весело в куще».

Снова ему отвечал Мерион, служитель разумный:
«Царь, и под сенью моей, и в моем корабле изобильно

Светлых троянских добыч; но не близко идти мне за ними.
Сам похваляюсь, не привык забывать я воинскую доблесть:
270 Между передних всегда на боях, прославляющих мужа,
Сам я стою, лишь подыметя спор истребительной брани.
Может быть, в рати другим меднобронным ахейским героям
Я неизвестен сражаюсь; тебе я известен, надеюсь».

Критских мужей предводитель отвечивал вновь Мериону:
275 «Ведаю доблесть твою, и об ней говоришь ты напрасно.
Если бы нас, в ополченье храбрейших, избрать на засаду
(Ибо в засадах опасных — мужей открывается доблесть;
Тут человек боязливый и смелый легко познается:
Цветом сменяется цвет на лице боязливого мужа;
280 Твердо держаться ему не дают молодужные чувства;
То припадет на одно, то на оба колена садится;
Сердце в груди у него беспокойное жестоко бьется;
Смерти единой он ждет и зубами стучит, содрогаясь.
Храброго цвет не меняется, сердце не сильно в нем бьется;
285 Раз и решительно он, на засаду засевши с мужами,
Только и молит, чтоб в битву с врагами скорее схватиться),
Там и твоя, Мерион, не хулы заслужила бы храбрость!
Если б и ты, подвизаяся, был поражен иль устрелен,
Верно, не в выю тебе, не в хребет бы оружие пало:
290 Грудью б ты встретил копьё иль утробой пернатую принял,
Прямо вперед устремившийся, в первых рядах ратоборцев.
Но перестанем с тобой разговаривать, словно как дети,
Праздно стоя, да кто-либо нагло на нас не возропщет.
В кушу войди и немедленно с крепким копьём возвратися».

295 Рек,— и Молид, повинуюся, бурному равный Арею,
Быстро из куши выносит копьё, повершенное медью,
И за вождем устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Арей устремляется в бой, человек губитель,
С Ужасом сыном, равно как и сам он, могучим, бесстрашным,
300 Богом, который в боях ужасает и храброго душу;
Оба из Фракии горной они на эфиры находят,
Или на бранных флегиян, и грозные боги не внемлют
Общим народов мольбам, но единому славу даруют,—
305 Столько ужасны Молид и герой Девкалид, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые медью.

Шествуя, слово к царю обратил Мерион быстроногий:
«Где, Девкалид, помышляешь вступить в толпу боевую?»

В правом конце, в середине ль великого нашего войска
Или на левом? Там, как я думаю, боле, чем инде,
310 В битве помощной нуждается рать кудреглавых данаев».

Молову сыну ответствовал критских мужей предводитель:
«Нет, для середины судов защитители есть и другие:
Оба Аякса и Тевкр Теламонид, в народе ахейском
Первый стрелец и в бою пешеборном не менее храбрый;
315 Там довольно и их, чтоб насытить несытого боем
Гектора, сына Приама, хоть был бы еще он сильнее!
Будет ему нелегко, и со всем его бешенством в битвах,
Мужество их одолев и могущество рук необорных,
Судно зажечь хоть единое, разве что Зевс громовержец
320 Светочь горящую сам на суда мореходные бросит.
Нет, Теламонид Аякс не уступит в сражении мужу,
Если он смертным рожден и плодами Деметры воскормлен,
Если язивм рассекающей медью и крепостью камней.
Даже Пелиду, рушителю строев, Аякс не уступит
325 В битве ручной; быстротю лишь ног не оспорит Пелида.
В левую сторону рати пойдём да скорее увидим,
Мы ли прославим кого или сами славу стяжаем!»

Рек,— и Молид, устремившись, бурному равный Арею,
Шел впереди, пока не достигнул указанной рати.
330 Идомея увидев, несущегось полем, как пламень,
С храбрым клеветом его, в изукрашенных дивно дослехах,
Крикнули разом трояне и все на него устремились.
Общий, неистовый спор восстал при кормах корабельных.
Словно как с ветром свистящим свирепствует вихорь могучий
335 В знойные дни, когда прахом глубоким покрыты дороги;
Бурные, вместе вздымают огромное облако праха,—
Так засвирепствовал общий их бой: ратоборцы пылали
Каждый друг с другом схватиться и резаться острою медью.
Грозно кругом зачернелось ратное поле от копий,
340 Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплял у воителя очи
Медный блеск шишаков, как огонь над главами горящих,
Панцирей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных —
Воинов, к бою сходящихся. Подлинно был бы бесстрашен,
Кто веселился б, на бой сей смотря, и душой не содрогся!

345 Боги, мощные разным, сыны многомощные Крона,
Двум племенам браноносным такие беды устроили.
Зевс троянам желал и Приамову сыну победы,

Славой венчая Пелида царя; но не вовсе Кроннион
Храбрых данаев желал истребить под высокою Тросей;
350 Только Фетиду и сына ее прославлял он героя.
Бог Посейдон укреплял данаев, присутствуя в брани,
Выплывший тайно из моря седого: об них сострадал он,
Силой троян усмирненных, и гордо роптал на Зевеса.
Оба они и единая кровь, и единое племя;
355 Зевс лишь Кроннион и прежде родился, и более ведал.
Зевса страшился и явно не смел поборать Посейдаон;
Тайно, под образом смертного, он возбуждал ратоборцев.
Боги сии и свирепой вражды, и погибельной брани
Верь, на взаимную прю, напрягли над народами оба,
360 Крепкую вервь, неразрывную, многим сломившую ноги.

Тут, аргивян ободряющий, воин уже поседелый,
Идоменей на троян устремился и в бег обратил их;
Офрioneя сразил кабезийца, недавнего в граде,
В Трою недавно еще привлеченного бранною славой.
365 Он у Приама Кассандры, прекраснейшей дочери старца,
Гордый просил без даров, но сам совершить обещал он
Подвиг великий: из Трои изгнать меднолатных данаев.
Старец ему обещал и уже за него согласился
Выдать Кассандру, — и ратовал он, на обет положаясь.
370 Идоменей на него медножальную пику направил
И поразил выступавшего гордо: ни медная броня,
Коей блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
С шумом он грянулся в прах, и, гордясь, вскричал победитель:
«Офрioneй! человеком тебя я почту величайшим,
375 Ежели всё то исполнишь, что ты исполнить обрeкся
Сыну Дарданову: дочь тебе обещал он супругой.
То же и мы для тебя обещаем и верно исполним:
Выдадим лучшую всех из семейства Атридова дочь;
К браку невесту из Аргоса вывезем, если ты с нами
380 Трою разрушишь Приамову, град, устроением пышный,
Следуй за мной: при судах мореходных с тобой мы докончим
Брачный стовор; не скупые и мы на приданое сваты».

Рек, — и за ногу тело повлек сквозь кипящую сечу
Критский герой. Но за мертвого мстителем Азий явился,
385 Пеший идя пред конями; коней за плечами храпящих
Правил клевет у него; и, пылающий, он устремился
Идоменея пронзить; но герой упредил: сопостата
Пикой ударил в гортань под бородой и насквозь ее выгнал.

Пал он, как падает дуб, или тополь серебрянолистный,
390 Или огромная сосна, которую с гор древески
Острыми вокруг топорами ссекут, корабельное древо:
Азий таков пред своей колесницей лежал распрострся,
С скрипом зубов раздирая руками кровавую землю.
Но возница его целенел, растерявшийся в мыслях,
395 Бледный стоял и не смел, чтоб от рук враждебных избегнуть,
Коней назад обратить; и его Антилох бранолоубец
Пикой ударил в живот; и от смерти ни медная броня,
Кой блистал, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Он застонал и с прекрасносоставленной пал колесницы.
400 Коней молодой Антилох, благодушного Нестора отгнал,
Быстро от воинств троянских угнал к меднобронным ахейцам.

Тут Деифоб на властителя критян, об Азии скорбный,
Близко один наступил и ударил сверкающей пикой.
Но усмотрел и от меди убийственной вовремя спасся
405 Критян владыка; укрылся под выпуклый щит свой огромный,
Щит, из воловьих кож и блистательной меди скругленный
И двумя поперек укрепленный скобами: под щит сей
Весь он собрался; над ним пролетела блестящая пика;
Щит, на полете задетый, ужасно завыл под ударом.
410 Но не тщетно оружие послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппаса, владыке мужей Гипсенору,
В перси вонзилось оно и на месте сломило колена.
Громко вскричал Деифоб, величаясь надменно победой:
«Нет, не без мщенья Азий лежит, и теперь, уповаю,
415 Вшедший в широкие двери Аидова мрачного дома,
Сердцем он будет возрадован: спутника дал я герою!»

Так восклицал; аргивян оскорбили надменного речи,
Более ж всех Антилоху воинственный дух взволновали.
Он, невзирая на скорбь, не оставил сраженного друга;
420 Быстро примчась, заступил и щитом заградил светлобляшным.
Тою порой наклоняся под тело, почтенные други,
Эхий сын Мекистей и молодой благородный Аластор,
К черным судам понесли Гиппасида, печально стеная.

Идоменей воевал не слабая, пылал беспрестанно
425 Или еще фригийнина ночью покрыть гробовую,
Или упасть самому, но беду отразить от ахеян.
Тут благородную отрасль питомца богов Эзиета,
Славу троян, Алкафоя, драгого Анхизова зятя

430 (Дщери его Гипподамии был он супругом счастливым,
Дщери, которую в доме отец и почтенная мать
Страстно любили: она красотой, и умом, и делами
В сонме подруг между всеми блистала: зато и супругой
Избрал ее гражданин благороднейший в Трое пространной), —
435 Мужа сего Девкалида рукой укротил Посейдаон,
Ясные очи затмив и сковав ему быстрые ноги:
Он ни назад убежать, ни укрыться не мог от героя;
Скованный страхом, как столб иль высоковершинное древо,
Он неподвижный стоял, и его Девкалид копьёборец
В перси ударил копьем и разбил испещренную броню,
440 Медную, в битвах не раз от него отражавшую гибель:
Глухо броня зазвенела, под мощным ударом рассевишись;
С громом упал он, копьё упавшему в сердце воткнулось;
Сердце его, трепеща, потрясло и копеечное древко;
Но могучество в нем скоро Арей укротил смертоносный.
445 Идоменей, величась победою, громко воскликнул:
«Как, Деифоб, полагаешь, достойно ли я расплатился?
Три сражены за единого! Ты ж величаешься только,
Дивный герой! Но приближься и сам, и меня ты изведай:
Узришь, каков я под Трою пришел, громовержцев потомок!
450 Он, громовержец, Миноса родил, охранителя Крита;
Мудрый Минос породил Девкалиона, славного сына;
Он, Девкалион, меня, повелителя многим народам
В Крите пространном, и волны меня принесли к Илиону,
Гибель тебе, и отцу твоему, и всем илионцам!»

455 Так говорил; Деифоб в нерешимости дум волновался:
Вспять ли идти и, с троянцем каким-либо храбрым сложая,
Выйти вдвоем иль один на один испытать Девкалида?
Так Деифоб размышлял, и ему показалось лучше
Вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних
460 Праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама,
Ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.
Став перед ним, Деифоб устремляет крылатые речи:
«Храбрый Эней троян повелитель, если о ближних
Ты страдаешь, тебе заступиться за ближнего должно.
465 Следуй за мной, защитим Алкафоя; тебя он, почтенный,
Будучи зятем, воспитывал юного в собственном доме.
Идоменей, знаменитый копеещик, сразил Алкафоя».

Так произнес он — и душу в груди взволновал у Энея.
Он полетел к Девкалиду, воинственным жаром пылая,

470 Но Девкалид не позорному бегству, как отрок, предался:
Ждал неподвижный, как вепрь между гор, на могучесть
надежный,
Шумного вокруг нападения многих ловцов ожидает,
Стоя в месте пустынном и грозно хребет ощетиня;
Окрест очами, как пламенем, светит; а долгие зубы
475 Ярый острит он, и псов и ловцов опрокинуть готовый.—
Так нажидал, ни на шаг не сходя, Девкалид Анхизиды,
Против летящего война бурного; только соратных
Криком сзывал, Аскалафа вождя, Афарей, Дейпира,
Молова сына, и с ним Антилоха, испытанных бранью;
480 Их призывал Девкалид, устремляя крылатые речи:
«Други, ко мне! защитите меня одинокого! Страшен
Бурный Эней нападающий; он на меня нападает;
Страшно могуществен он на убийство мужей в ратоборстве;
Блещет и цветом он юности, первую силою жизни.
485 Если б мы были равны и годами с Энеем, как духом,
Скоро иль он бы, иль я похвалился победою славной!»

Так говорил он,— и все, устремившись с духом единым,
Стали кругом Девкалида, щиты к раменам приклонивши.
Но Эней и своих возбуждал сподвижников храбрых,
490 Звал Деифоба, Париса, почтенного звал Агенора,
С ним предводивших троянские рати; за ним совокупно
Все устремился: так за овном устремляются овцы,
С паствы бежа к водопою, и пастырь душой веселится,—
Так Анхизид благородный, Эней, веселился душою,
495 Видя толпами за ним устремлявшихся граждан троянских.

Вкруг Алкафоя они рукопашную подняли битву,
Копьями бились огромными. Медь на груди ратоборцев
Страшно звучала от частых ударов сшибавшихся толпищ.
Два между тем браноносца, отличные мужеством оба,
500 Идомей и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая друг друга пронзить смертоносною медью.
Первый Эней, размахнувшись, ринул копьё в Девкалида;
Тот же, завидев удар, уклонился от меди летящей,
И копьё Анхизиды, сотрясшись, в землю вбежало,
505 Быв бесполезно геройской, могучею послано дланью.
Идомей же копьём Эномаоса ранил в утробу;
Лату бронн просадила и внутренность медь из утробы
Вылила: в прахе простершись, руками хватает он землю.
Идомей длиннотенную пику из мертвого тела

510 Вырвал; но медных, других побежденного пышных доспехов
С персей совлечь не успел: осыпали троянские стрелы.
Не были более гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своим копием иль чужого избежать:
515 Стойкою битвой, упорною пагубный день отражал он;
Ноги не скоро несли, чтоб ему убежать из сраженья;
Медленно он уходил. Деифоб в уходявшего дротик
Снова послал: на него он пылал непрестанною злобой.
И прокинул он снова; но медь Аскалафа постигла,
520 Сына Арея; плечо совершенно убийственный дротик
Прорвал, и в прах он упавши, хватает ладонями землю.
Долго не ведал еще громозвучный Арей истребитель,
Что воинственный сын его пал на сражении бурном:
Он на Олимпа главе, под златыми сидел облаками,
525 Зевса всемогущего волей обузданный, где и другие
Боги сидели бессмертные, им удаленные с брани.

Воины вокруг Аскалафа бросались в бой рукопашный.
Тут Деифоб с головы Аскалафовой шлем светозарный
Сорвал; но вдруг Мерион, налетевши, подобный Арею,
530 Хищника в руку копьём поразил; из руки Деифоба
Шлем дырокий исторгся и об землю звукнул упавший.
Снова герой Мерион, на врага налетевши, как ястреб,
Вырвал из мышцы копьё, у него растерзавшее тело,
И к сподвизавшимся вновь отступил; а Полит Деифоба,
535 Брат уязвленного брата, под грудью руками обнявши,
Вывел из шумного боя, до самых коней провожая:
Быстрые кони его, позади ратоборства и сечи,
Ждали, с возницею верным и с пышной стоя колесницею;
К граду они понесли Деифоба; жестоко стонал он,
Болью терзаемый; кровью струилася свежая рана.

540 Но другие сражались; вопль раздавался ужасный.
Бурный Эней, налетев, Афарей, Калетора сына,
Дротом в гортань, на него нападавшего, острым ударил:
Набок глава преклонилася; падшего сверху натиснул
Щит и шлем; и над ним душеснедная смерть распростерлась.

545 Несторов сын, обращенного тылом Фоона приметив,
Прянул и ранил убийственно: жилу рассек совершенно,
С правого бока хребта непрерывно идущую к вые,
Всю совершенно рассек; зашатавшись, навзничь на землю
Пал он, дрожащие руки к любезным друзьям простирая.

550 Несторов сын наскочил и срывал доспехи с троянца,
Вкруг озираясь; его же трояне, кругом обступивши,
В щит легкометный, широкий кололи кругом, но напрасно;
Медью жестокой ниже не коснулись к белому телу
Славного внука Нелеева: бог Посейдаон могущий
555 Сам охранял Несторида везде и под тучею копий:
Ибо вдаль от врагов не стоял он, меж ними носился;
В длани его не покоился дрот, трепетал беспрестанно,
К бою колеблемый; он беспрестанно намечивал острым,
Или на дальнего ринуть, или на близкого грянуть.

560 Скоро его Адамас, намечавшегося дротом, приметил,
Азиев сын, и, к нему устремившись, острою медью
Грянул в середину щита; но ее острие обессилил,
В жизни героя врагу отказав, Посейдон черновласый:
И копьа половина, как кол обожженный, осталась
565 В круге щита, половина тупая упала на землю.
Бросился к сонму друзей Адамас, избегая от смерти.
Быстро его Мерион и настиг, и сверкающим дротом
Между стыдом и пупом ударил бегущего, в место,
570 Где наиболее рана мучительна смертным несчастным:
Так он его поразил; и на дрот он упавши, вкруг меди
Бился, как вол несмиранный, которого пастыри мужи,
Как ни упорен он, силой связавши арканом, уводят,—
Так он, проколотый, бился в крови; но не долго: немедля
Храбрый к нему Мерион приступил, копие роковое
575 Вырвал из тела, и смертный мрак осенил ему очи.

Тут Гелен Деипира фракийского саблей огромной
Резко в висок поразил, и шелом с него сбил коневласый.
Сбитый, на землю он пал; и какой-то его аргивянин,
Между толпою бойцов под ногами крутящийся, поднял;
580 Очи вождя Деипира глубокая ночь осенила.

Жалость взяла Менелая, отважного в битвах Атрида;
Выступил он, угрожая ударом Гелену герою,
Острым копьем потрясая; Гелен же изладился луком.
Оба они соступились: один занесенную пику
585 Бросить пылая, другой с тетивы наведенную стрелу;
И Гелен Менелая по персям уметил пернатой
В лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Так, как с широкого веяла, сыпаясь по гладкому току,
Черные скачут бобы иль зеленые зерна гороха,

590 Если на ветер свистящий могучий их веятель вскинет, —
Так от блистательных лат Менелая, высокого славой,
Сильно отпрянув, стрела на побоище пала далёко.
Сын же Атреев, герой Менелай, копием Прпамида
В длань поразил, оруженную луком блестящим; и к луку
595 Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
К сонму друзей, убегая от смерти, Гелен обратился,
Руку повесив, и ясенный дрот волочился за нею.
Но его из руки извлек благодушный Агенор;
Руку ж ему повязал искусственно свиткою волной,
600 Мягкой повязкой, клеветом всегда при владыке носимой.

Сильный Пизандр между тем сопровтив Менелая героя
Выступил: злая судьбина его увлекала к пределу,
Да тобой, Менелай, укротится он в пламенной битве.
Чуть сосупилися оба, идущие друг против друга,
605 Ринул Атрид — и неверно: копьё его вбок улетело.
Ринул Пизандр — и копьем у Атрида, высокого славой,
Щит поразил, но насквозь не успел он оружия выгнать:
Медяный щит удержал; копьё сокрушилось у трубки.
Радость объяла Пизандрово сердце: он чаял победы.
610 Но Менелай, из ножен исторгнувши меч среброгвоздный,
Прянул, герой, на Пизандра, а сей из-под круга щитного
Выхватил медный красивый топор, с топорнцем оливным,
Длинным, блистательно гладким, и оба сразились разом:
Сей поражает по выпuke шлема, косматого гривой,
615 Около самого гребня, а тот наступавшего по лбу,
В верх переносицы: хрястнула кость, и глаза у Пизандра,
Выскочив, подле него на кровавую землю упали;
Сам опрокинулся он; и, пятой наступивши на перси,
Броню срывал и, гордясь, восклицал Менелай победитель:
620 «Так вам оставить и всем корабли быстроконных данаев,
Вам, вероломцы трояне, насытые пагубной бранью!
Большей обиды и срама искать вам не нужно, какими,
Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнева
Вы не страшились гремящего Зевса; но гостеприимства
625 Он покровитель, и некогда град ваш рассыплет высокий!
Вы у меня и младую жену, и сокровища дома
Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!
Ныне ж пылаете вы на суда мореходные наши
Гибельный бросить огонь и избить героев ахейских!
630 Но укротят наконец вас, сколько ни алчных к убийствам!
Зевс Олимпийский! премудростью ты, говорят, превышаешь

Всех и бессмертных и смертных, всё из тебя истекает.
Что же, о Зевс, благосклонствуешь ты племенам нечестивым,
Сим фригиянам, насильствами дышащим, ввек не могущим
635 Лютым убийством насытиться в брани, для всех ненавистой!
Всем человек насыщается: сном и счастливой любовью,
Пением сладостным и восхитительной пляской невинной,
Боле приятными, боле желанными каждого сердцу,
Нежели брань; но трояне не могут насытиться бранью!»

640 Рек — и, оружия с тела, дымящиеся кровью, сорвавши,
Отдал клеветам своим Менелай, предводитель народов;
Сам же, назад обратясь, с передними стал на сраженье.
Там на него налетел Гарпалион, царя Пилемена
Доблестный сын: за отцом он любезным последовал к брани,
645 В Трою Приама, но в отческий дом не пришел, несчастливец!
Он Менелая царю посредине щита, налетевши,
Пику вонзил, но насквозь не успел оружия выгнать;
И обратно к друзьям, чтоб от смерти спастись, побежал он,
Вкруг озираясь, да тела враждебная медь не постигнет.
650 Но Мерийон на бегущего медной стрелой ударил;
В правую сторону зада вонзилась стрела и далёко,
Острая, в самый пузырь, под лобковую кость, проникла.
Там же он скорчась присел и, в объятиях друзей любезных
Дух испуская, упал и, как червь, по земле протянулся;
655 Черная кровь выливалась и землю под ним увлажяла.
Окрест его пафлагоняне верные засуетились;
Тело, подняв в колесницу, они в Илию провожали,
Грустные: шел между них и отец, проливающий слезы;
Ибо не мог он врагам отомстить за убитого сына.

660 Но Парис за него справедливую местию вспыхнул:
Гостем он был у него, посетивши народ пафлагонский;
Он, за него отомщая, послал медножальную стрелу.
Был Эвхенор меж ахейцами, сын Полида пророка,
Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель;
665 Участь свою он несчастную знал — и отплыл к Илиону.
Часто ему говорил Полиид добродушный, что должен
Он или от немощи тяжкой в отеческом доме скончаться,
Или в бою, пред судами ахейскими, пасть от пергамлян;
Но избегал Эвхенор как от пени, постыдной ахейцам,
670 Так и от немощи тяжкой, бесплодно страдать не желая.
Храброго в челюсть, под ухо Парис поразил, и мгновенно
Жизнь отлетела, и страшная тьма Эвхенора объяла.

Так ополченья сражались, огням подобно свирепым.
Гектор же, Зевса любимец, вдали не слышал и не ведал,
675 Как пред судами, на левом конце, поражаемо было
Войско его от ахеян,— и скоро бы слава ахеян
Полной была над троянами: так ободрял Посейдаон
Души ахеян и силою собственной сам поборал им.
Гектор воинствовал, где незадолго в ворота влетел он,
680 Сам разорвавши густые ряды аргивян щитоносцев,
Там, где суда и Аякса и Протесилая стояли,
Моря седого на брег извлеченные, где аргивяне
Самую низкую вывели стену и где превосходных
Пламенных коней и воев ряды на сражение стали.
685 Там беотиян отважных, ияонов длиннохитонных,
Фтиян, и локров, и славных эпеев сложившись рати
Все на суда нападавшего с нуждой держали, но вовсе
Сил не имели препнуть Приамида, подобного буре.
Вои афинские были отборные; их ополченье
690 Вел Петенд Менесфей, и за ним устремляли дружины
Фидас, и Стихий, и Биас герой. Знаменитых эпеев
Вел Амфион, и Мегес Филид, и воинственный Дракий.
Фтийцам предшествовал Медон и дышащий боем Подаркес
(Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
695 Был Оклида Аякса юнейший брат, но в Филаке
Жил, далеко от отечества, бросаю его как убийца,
Мачехи брата убив, Оилея жены, Эрпопы;
Храбрый Подаркес Ификлов был сын, Филакидов потомок).
Оба они вперед пред дружинами юношей фтийских
700 Бились, суда бороня, с беотийцами вместе сражаясь.

Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата;
Близ Теламонида он, ни на шаг не отступный, держался.
Так плуговые волю по глубокому пару степному
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
705 Пот при корнях их рогов пробивается крупный; но дружно,
Оба единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают,—
Так и Аяксы, сложая, держались один близ другого.
Вслед Теламонова сына стремился многие мужи,
710 Храбрые, ратные други; они его щит принимали,
Если усталость и пот изнуряли колена герою;
Но за вождем Оплидом никто не стремился из локров:
Дух не вытерпчивал их рукопашного, стойкого боя;
Воинство их не имело ни медяных с гривой конской

715 Илемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий;
Только на верные луки и волну, скрученную в пращи,
Локры надеясь, пришли к Илиону, и ими на битвах,
Быстро и метко стреляя, троян разрывали фаланги.
Тут, как одни впереди блестящим оружием разным
720 Бились с дружинами Трои и с Гектором меднодоспешным,
Локры стреляли, держась позади, — и уже забывали
Бранную храбрость трояне: смущали их стрелы густые.
Худо б им было, с стыдом от судов и от кущей ахейских
Трои сыны отступили б под шумную ветрами Трою,
725 Если б отважного Гектора Полидамас не подвигнул:
«Гектор, жестокий ты муж, чтоб других убеждения слушать!
Бог перед всеми тебя одарил на военное дело;
Ты ж и советов мудростью всех перевысить желаешь!
Нет, совокупно всего не стяжать одному человеку.
730 Бог одного одаряет способностью к брани, другому
Зевс, промыслитель превыспренний, в перси разум влагает
Светлый: плодами его племена благоденствуют смертных;
Оным и грады стоят; но стяжавший сугубо им счастлив.
Гектор! склонися к совету, который мне кажется лучшим.
735 Битва везде пред тобою, как огненный круг, пламенеет;
Мужи троянские, после того как ворвались в стену,
С боя одни удалились с оружием, прочие спорят
В слабых толпах против множества, вдоль кораблей
растянувшись.
С боя сойди и сюда призови ратоводцев храбрейших;
740 Здесь мы важнейшее дело решим совещаньем общим:
Разом ли нам на суда многоместные ратью ударить,
Если бы бог даровал одоление, или немедля
Вспять от судов обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
Я трепещу, да вчерашнего нам не отплатят ахейцы
745 Долга кровавого: муж при судах, ненасытимый бранью,
Ждет нас, который едва ли удержится вовсе от боя».

Так говорил он, — и Гектор одобрил совет справедливый;
Быстро с своей колесницы с оружием прынул на землю
И ему отвечал, устремляя крылатые речи:
750 «Полидамас, удержи ты здесь предводителей храбрых;
Дальше пойду я и противостану пылающей битве.
Я возвращуся немедля, вождам повеления давши».

Рек — и понесся великий, горе под снегами подобный;
С криком призывным толпы облетел он троян и союзных.

755 Все к Панфопду, любителю мужества Полидамасу,
Бросились быстро дарданцы, услышавши Гектора голос.
Он же Гелена царя, благородного брата Дейфоба,
Азия, ветвь Адамаса, и Азия, отрасль Гиртака,
760 Ходя по сонмам передним, искал, не найдет ли героев.
Их он нашел, но не всех невредимых, не всех среди живущих:
В прахе из оных одни, у судов мореходных данайских,
Бледны лежали, под силой данаев предавшие души,
А другие страдали под язвами стрел или копий.
765 Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашел он на левом конце истребительной брани,
Дух ополчений своих ободрявшего к крепкому бою.
Став перед ним, укоризненным голосом Гектор воскликнул:
«Видом лишь гордый, несчастный Парис, женолюбец,
прельститель!
Где у тебя Дейфоб и Гелен, повелитель народа?
770 Офрioneй знаменитый, Гиртакид воинственный, Азий,
Где Адамас? Погибает сегодня, с высот упадет
Троя святая! Сегодня твоя неизбежна гибель!»

Быстро ему возразил Приамид Александр боговидный:
775 «Ныне угодно тебе обвинять и безвинного, Гектор!
Прежде я более мог нерадивым во брани казаться,
Прежде, не ныне, — меня не без доблести мать родила.
С часу, как ты пред судами кровавую битву воздвигнул,
С одного часу и мы с аргивянами здесь непрерывно
Сходимся в бой; но друзей потеряли, которых ты назвал.
780 Только герой Дейфоб и Гелен, повелитель народа,
С боя сошли, от могучих врагов пораженные оба
Копьями длинными в руки; но Зевс их избавил от смерти.
Гектор, веди нас, куда ни влеком ты бестрепетным сердцем.
Все мы горим за тобою последовать; в храбрости нашей,
785 Льщусь, не найдешь недостатка, покуда нам силы достанет;
Выше же силы, хотя б и пылал кто, не может сражаться!»

Так говоря, укротил он великого Гектора душу.
Ринулись оба, где более битва и сеча кипела
Вкруг Кебриона вождя, непорочного Полидамаса,
790 Фалка, Ортея, подобного богу вождя Полифита,
Пальма, Аскания, Мориса, отраслей Гиппотиона,
Двух воевод, из Аскании прежним пришедших на смену
Только вчера; устремил их на брань всемогущий Кронион.
Шли на сраженье трояне, как ветров неистовых буря,

795 Если под громом Кронидовым грозная стенью несется
И, с ужаснейшим воем обрушась на понт, воздымает
Горы kloкочущих волн по немолчношумящей пучине,
Грозно нависнувших, пенных, одни, а за ними другие,—
800 Так илионцы, сомкнувшись, одни, а за ними другие,
Медью блестя и гремя, за своими вождами летели.
Гектор предшествовал всем, смертоносному равный Арею;
Щит перед грудью его обращался, круг необъятный,
Кожами крепкий и сверху обложенный множеством меди;
805 Окрест главы у него колебался шелом лучезарный.
Всем он фалангам везде угрожал, под щитом наступая;
Все он испытывал их, не расстроит ли наступом грозным.
Но ничем не смущал он бесстрашного духа данаев.
Сын Теламонов его вызывал, широко выступая:
810 «Ближе, герой, подойди! И зачем издали ты пугаешь
Воинов Аргоса? В бранном искусстве и мы не невежды;
Мы лишь Кронидовым тяжким бичом смиренны, аргивяне.
Верно, ты в сердце надеждой горюшь уничтожить сегодня
Наши суда? Но целы и у нас на защиту их руки!
815 И вернее, что прежде с высокими башнями град ваш
Нашими будет руками и взят, и во прах ниспровержен!
День недалек, объявляю тебе, как и сам ты, бегущий,
Пламенно станешь молить и Зевеса, и всех олимпийских,
Ястребов шибче да будут твои долгогривые кони,
Конх погонюшь ты в град, подымая лишь пыль по долине».

820 Он говорил, и незапно над ним заширяться вправо
Птица, орел небопарный; вскричали ахейские рати,
Все ободренные чудом. Но Гектор бесстрашно ответил:
«Праздные звуки, Аякс! велеречивь, огромностью гордый!
825 Если бы столько же верно я сын громовержца Зевеса
Был, бесконечно живущий, от Геры богини рожденный,
Славимый всеми, как славится Феб и Афина Паллада,—
Сколько то верно, что день сей погибель несет аргивянам
Всем совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься ныне
830 Встретить мой дрот сокрушительный: он у тебя растерзает
Нежное тело; и птиц ты пустынных, и псов илионских
Туком насытишь своим, пред судами ахейскими павший!»

Так произнес — и пошел он вперед. Устремились трояне
С криком ужасным; крикнули с ними и задние рати;
Крикнули вместе и рати данаев: они не теряли
835 Мужества и нажидали удара героев троянских;
Крик их взаимный дошел до эфира и светов Зевеса.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБОЛЬЩЕНИЕ ЗЕВСА

Крик беспокойно услышал и Нестор, под сению пьющий;
Быстро к Асклепия сыну крылатую речь устремил он:
«Что, благородный Махаон, из дел сих нерадостных будет?
Крик при судах возрастает воинственных юношей наших!
5 Друг, сиди у меня и багряным вином укрепляйся:
Теплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в куще
Скоро нагреет и прах кровавый на теле омоет.
Я подымусь лишь на холм и немедленно всё распознаю».

Рек — и художно сработанный щит захватил он сыновний,
10 Медью блестящий, который герой Фразимед конеборец
В сени оставил, а сам со щитом подвизался отцовским;
Крепкое взял копие, повершенное острою медью;
Вышел, пред кущею стал, и мгновенно позорное дело
Видит: ахейцы бегут, а бегущих преследуют с тыла
15 Гордые воины Трои; разбита твердыня ахейя!
Словно как море великое зыбью немоею чернеет,
Предзнаменуя нашествие быстрое шумного ветра,
Только чернеет, еще ни сюда, ни туда не колышась,
Ветер доколе решительный, посланный Зевсом, не снидет,—
20 Так нерешительно Нестор душой колебался, волнуясь
Думой двойкой: к рядам ли идти аргивян быстроконных
Или к владыке мужей, властелину народов Атриду?
В сих волновавшемся думах, сдалось полезнее старцу
К сыну Атрея идти. Между тем истребляли друг друга
25 Воины в битве; звучала ужасно вокруг тел их могучих
Медь, под ударом мечей и пик обоюдоконечных.

С Нестором встретились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшие от кораблей, уязвленные прежде на битве,
30 Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон.
Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
35 Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, все между мысов пространство.

Три воеводы, пылая увидеть смятенную битву,
Рядом шли, подпираясь копьями; полно печали
Было их сердце. С ними встретился конник геренский
40 Нестор и более дух поразил у ахейских героев.
Быстро воскликнул ему повелитель мужей Агамемнон:
«Нестор, божественный старец, великая слава данаев!
Что приходил ты сюда, смертоносную битву оставив?
О, трепещу я, да слова не выполнит Гектор ужасный:
45 Некогда он, среди сонма троянского, гордый, грозился
В град от судов возвратиться не прежде, доколе ахейских
Всех кораблей не сожжет и ахеян самих не изгубит.
Так он на сонме грозился,— и все совершается ныне!
Боги! Так все ополчения меднооружных данаев
50 Ненависть в сердце ко мне, как Пелид быstroногий, питают,
Если сражаться они не хотят при кормах корабельных!»

Быстро Атриду отвечивал Нестор, конник геренский:
«Так, Агамемнон, свершается все! и уже не возмог бы
Сам громовержец того, что свершилось, устроить иначе!
55 Пала твердыня ахеян, которая, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитой будет.
Но враги при судах беспрестанной, упорною битвой
Вкруг нас теснят, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
Где аргивяне теснимые в большем расстройстве мнутся.
60 Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба!
Други, помыслим, какое из дел сих последствие будет?
Может быть, разум поможет. Но в битву вступать, воеводы,
Я не советую вам: уязвленным не должно сражаться».

Нестору вновь говорил повелитель мужей Агамемнон:
65 «Нестор, если уж бой при кормах корабельных пылает,
Если не в помощь ни вал нам высокий, ни ров, для которых
Столько трудов мы терпели, которые, мы уповали,
Нам от врагов и судам нерушимой защитой будут:
Нет сомнения, Зевсу всеильному видеть угодно
70 Здесь, от Эллады далеко, ахеян бесславно погибших!
Было то время, как ревностно он защищал и ахеян;
Ныне, я вижу, он Трои сынов, как бессмертных блаженных,
Славой венчает, ахеицам же силы и руки сковал он!
Слушайте ж, други, один мой совет, и его мы исполним:
75 Первые наши суда, находящиеся близко пучины,
Двинем немедля и спустим их все на священное море;
Станем высоко держаться на котвах, пока не наступит

Ночь безлюдная; может быть, в ночь прекратят нападение
Трои сыны; и тогда мы суда и последние спустим.

80 Нет стыда избегать от беды и под мраками ночи;
Лучше бежа избежать от беды, чем вдаваться в погибель!»

Косо взглянув на него, возгласил Одиссей многоумный:
«Слово какое, властитель, из уст у тебя излетело?

85 Ты предводил, а не нами владел, не мужами, которым

С юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил
В бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый!

Или ты хочешь троянский сей град многолюдный оставить,
Град, вокруг которого столько ужасных мы бед претерпели?

90 Смолкни, чтоб кто-либо здесь не услышал еще из ахейя

Речи, какой никогда и в устах иметь не захочет,
Кто говорить разумеет согласное с разумом здравым,

Кто скиптродержец, кому повинуются столько народов,
95 Сколько тебе, неисчетных аргивских племен повелитель!

Замысел твой отвергаю я вовсе и что ты вещаешь!

Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется всё? а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! пбо ахейцы

100 Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:

Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
И твои нас советы погубят, правитель народа!»

Быстро воскликнул тогда повелитель мужей Агамемнон:

105 «О Лаэртид! поразил ты глубоко упреком жестоким

Душу мою; но ахейяам я не даю повелений

Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных на волны.

Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;

Юпоша он или старец — равно мне приятен он будет».

И меж них взговорил Диомед, воеватель бесстрашный:

110 «Муж сей пред вами! не долго искать его, если угоден

Добрый совет: но меня да не презрит никто, оскорбляясь

Тем, что начну говорить между вами, героями, младший.

Сам справедливо горжусь я отца знаменитого родом,

Кровью Тидея, которого в Фивах сокрыла могила.

115 Три непорочные сына на свет рождены от Парфея;

Жили в Плевроне и в тучной земле, Калидоне гористом,

Агрый и Мелас, а третий из них был Иней конеборец,

Дед мой, Тидеев отец, знаменитейший доблестью всех их.
Там же и он обитал; но родитель мой в Аргос укрылся,
120 Долго скитавшийся: Зевс и бессмертные так восхотели.
Дочь Адраста избравши супругою, дому владыка,
Благами жизни богатый, довольно имел он обширных
Нив хлебородных, множество разных садов плодоносных,
Множество стад он имел, и ахейских мужей копьеборством
125 Всех превышал; но сие вы, как истину, слышали сами.
Зная ж, цари, что и я не презренного племени отрасли,
Вы не презрите советом, который скажу я свободно:
В битву пойдем, невзирая на раны: зовет неизбежность!
Там мы покажемся ратям; но боя удержимся, ставши
130 Одаль от стрел, чтобы кто-либо раны на рану не принял;
Только других поощрим на сражение: множество ратных,
Слабым сердцам угодная, стоят вдалеке, не сражаясь».

Так говорил,— и, внимательно слушав, цари покорились;
К битве пошли, и предшествовал им Агамемнон державный.

135 Тою порой не вотще соглядал Посейдон земледержец:
Он воеводам явился под образом древнего мужа;
Взял за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Царь Агамемнон! теперь Ахиллесово мрачное сердце
140 С радости в персях трепещет, как гибель и бегство данаев
Он созерцает! и нет у него ни малейшего чувства!
Пусть же он так и погибнет, и бог постыдит горделивца!
Ты ж, Агамемнон, не вовсе блаженным богам ненавистен;
Может быть, скоро троянских племен и вожди и владыки
145 Прах по широкому полю подымут; может быть, скоро
Ты их увидишь бегущих от наших судов и от кущей».

Рек он — и с криком ужасным понесся стремительно
полем.

Словно как девять или десять бы тысяч воскликнули разом
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву,—
150 Гласом из персей таким колебатель земли Посейдаон
Грянул меж воинств, и каждому в сердце ахеицу вдохнул он
Бурную силу, без усталости вновь воевать и сражаться.

Гера, царица златопрестольная, став на Олимпе,
Взоры свои с высоты устремила и скоро узнала

155 Быстро уже пролетевшего поприще славного боя
Брата и деверя мощного; радость проникла ей душу.
Зевса ж, на высях сидящего Иды, потоками шумной,
Гера узрела, и был ненавистен он сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
160 Как обольстить ей божественный разум царя Эгиоха?
Лучшею сердцу богини сия показалася дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив.
Может быть, он возжелает почтить и любви насладиться,
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий,
165 Может быть, сон пролиет на зеницы его и на разум.
Гера вошла в почпивальню, которую сын ей любезный
Создал Гефест. К вереем примыкались в ней плотные двери
Тайным запором, никем от бессмертных еще не отверстым.
В оную Гера вступив, затворила блестящие створы;
170 Там амброзической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим,
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний:
Чуть сотрясали его в медностенном Крониона доме,
Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
175 Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы испустила.
Тою душистой оделася ризою, какую Афина,
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров;
180 Ризу златыми застежками выше груди застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши — прекрасные серьги с тройными подвесями вдела,
Ярко игравшие: прелесть кругом от богини блистала.
Легким покровом главу осенила державная Гера,
185 Пышным, новым, который, как солнце, сиял белизною.
К светлым ногам привязала красы велелепной плесницы.
Так для очей восхитительным тело украсив убранством,
Вышла из ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль от бессмертных других отозвала и ей говорила:
190 «Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мне исполнить?
Или отвергнешь, Киприда, в душе на меня сокрывая
Гнев, что я за данаев, а ты благосклонна троянам?»

Ей отвечала немедленно Зевсова дочь Афродита:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
195 Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».

Ей, коварствуя сердцем, вешала державная Гера:
«Дай мне любви, Афродита, дай мне тех сладких желаний,
Коими ты покоряешь сердца и бессмертных и смертных.
200 Я отхожу далеко, к пределам земли многодарной,
Видеть бессмертных отца Океана и мать Тетфису,
Кои питали меня и лелеяли в собственном доме,
Юную взявши от Реи, как Зевс беспредельно гремющий
Крона под землю низверг и под волны бесплодного моря.
205 Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилась в души.
Если родителей я пригмирю моими словами,
Если на одр возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
210 Вечно останусь я и любезной для них и почтенной».

Ей, улыбаясь пленительно, вновь отвечала Киприда:
«Мне невозможно, не должно твоих отвергать убеждений:
Ты почиваешь в объятиях бога всемогущего Зевса».

Так говоря, разрешила на персях иглой испещренный
215 Пояс узорчатый: все обаяния в нем заключались;
В нем и любовь и желания, шепот любви, изъяснения,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных.
Гере его подала и такие слова говорила:
«Вот мой пояс узорный, на лоне сокрой его, Гера!
220 В нем заключается всё; и в чертоги Олимпа, надеюсь,
Ты не придешь, не исполнивши пламенных сердца желаний».

Так изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И с улыбкой сокрыла блистательный пояс на лоне.
К сонму богов возвратилась Зевсова дочь Афродита.
225 Гера же, вдруг устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пнирии холмы, Эмафнии доли.
Быстро промчалась по снежным горам фракция быстроконных,
Выше утесов паря и стопами земли не касаясь;
С гордой Афоса вершины сошла на волнистое море;
230 Там ниспустилася в Лемне, Фоасовом граде священном;
Там со Сном повстречалась, братом возлюбленным Смерти;
За руку бога взяла, называла и так говорила:
«Сон, повелитель всех небожителей, всех земнородных!
Если когда-либо слово мое исполнял ты охотно,
235 Ныне исполни еще: благодарность моя беспредельна.
Сон, услыш для меня громодержцевы ясные очи,

В самый тот миг, как на ложе приму я в объятия бога.
В дар от меня ты получишь трон величественный, нетленный,
Златом сияющий: сын мой, художник, Гефест хромоногий,
240 Сам для тебя сотворит и подножием пышным украсит,
Нежные ноги тебе на пиршествах сладких покоить».

Гере державной немедля отвечивал Сон усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
245 Сном одолею легко; усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего всё родилось.
К Кронову ж сыну, царю, и приблизиться я не посмею,
В сон не склоню громодержца, доколе не сам повелит он.
Помню, меня он и прежде своей образумил грозою,
250 В день, как возвышенный духом Геракл, порожденный
Зевесом,

Плыл от берегов Иллиона, троянского града рушитель:
В оный я день обаял Эгноха всесплыного разум,
Сладко разлившись; ты ж устроила напасти Гераклу;
255 Ты неистовых ветров воздвигнула бурю на море,
Сына его далеко от друзей, далеко от отчизны,
Бросила к берегу Кооса. Воспрянул Кронид и грозою
Всех по чертогу рассыпал бессмертных; меня наипаче
Гневный искал и на гибель с неба забросил бы в море,
Если бы Ночь не спасла, и бессмертных и смертных царица.
260 К ней я, спасаясь, прибег. Укротился, как ни был разгневан,
Зевс молнелюбец: священную Ночь оскорбить он страшился.
Ты же велишь мне опять посягнуть на опасное дело!»

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
«Сон усладитель, почто беспокойные мысли питаешь?
265 Или ты думаешь, будет троян защищать громовержец
Так же, как в гневе своем защищал он любезного сына?
Шествуй; тебе в благодарность юнейшую дам я Хариту;
Ты обоймешь наконец, назовешь ты своею супругой
Ту Пазифею, по коей давно все дни въздыхаешь».

Так изрекла, и отвечивал Сон, восхищенный обетом:
«Гера, клянись нерушимую клятвою, Стикса водою;
Руки прости и коснися, одною — земли многодарной,
Светлого моря — другою, да будут свидетели клятвы
Все пренеподные боги, присущие древнему Кроноу:
275 Или клянися, что мне ты супругой Хариту младую
Дашь Пазифею, по коей давно я все дни въздыхаю».

Рек,— и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши, клялась и, как он повелел, призывала
Всех богов преисподних, Титанами в мире зовомых.
280 Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна пределы;
Оба, одетые облаком, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидели Иду, зверей многоводную мать;
Около Лекта оставивши понт, божества над землею
285 Быстро текли, и от стоп их — дубрав потрясались вершины.
Там разлучилися: Сон, от Кронидовых взоров таяся,
Сел на огромнейшей ели, какая в то время на Иде,
Высшая, гордой главою сквозь воздух в эфир уходила;
Там он сидел, укрываясь под мрачными ветвями ели,
290 Птице подобясь звонкоголосой, виталице горной,
В сонме бессмертных слывущей халкидой, у смертных
кппмпидой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,
Только увидел,— и страсть обхватила могучую душу
295 Тем же огнем, с каким наслаждался он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.
В встречу супруге восстал громовержец и быстро воскликнул:
«Гера супруга! почто же ты шествуешь так от Олимпа?
Я ни коней при тебе, ни золотой колесницы не вижу».

300 Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
«Я отхожу, о супруг мой, к пределам земли даровитой,
Видеть бессмертных отца Океана и мать Тетфису.
Боги питали меня и лелеяли в собственном доме.
Их я иду посетить, чтоб раздоры жестокие кончить.
305 Долго, любезные сердцу, объятий и брачного ложа
Долго чуждаются боги: вражда им вселилася в души.
Кони при мне, у подошвы обильной потоками Иды
Ждут и оттоле меня и по суше помчат и по влаге.
Но сюда я, Кронид, прихожу для тебя от Олимпа,
310 Ты на меня, о супруг, не разгневался б, если безмолвно
В дом отойду Океана, глубокше льющего воды».

Быстро отвечив ей воздымающий тучи Кронион:
«Гера супруга, иди к Океану и после ты можешь.
Ныне почнем с тобой и взаимной любви насладимся.
315 Гера, такая любовь никогда, ни к богине, ни к смертной,

В грудь не вливалась мне и душою моею не владела!
Так не любил я, пленяя младой Икснона супругой,
Родшею мне Пирифоя, советами равного богу;
320 Ни Данаей прельстясь, белоногой Акрисия дочерью,
Родшею сына Персея, славнейшего в сонме героев;
Ни владея младой знаменитого Феникса дочерью,
Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманта;
Ни прекраснейшей смертной пленяся, Алкменою в Фивах,
325 Сына родившей героя, великого духом Геракла;
Даже Семелой, родившею радость людей Диониса;
Так не любил я, пленяся лепокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный!»

Зевсу, коварствуя сердцем, вещала державная Гера:
330 «Страшный Кроннион! какие ты речи, могучий, вещаешь?
Здесь ты желаешь почить и объятий любви насладиться,
Здесь, на Идейской вершине, где все открывается взорам?
Что ж, и случится то может, если какой из бессмертных
Нас почивших увидит и всем населяющим небо
335 Злобный расскажет? Тогда не посмею, восставшая с ложа,
Я в олимпийский твой дом возвратиться: позорно мне будет!
Если желаешь и если твоей душе то приятно,
Есть у тебя почивальня, которую сын твой любезный
Создал Гефест, и плотные двери с запором устроил.
340 В оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя».

Гере быстро ответствовал туч воздыматель Кроннион:
«Гера супруга, ни бог, на меня положиися, ни смертный
Нас не увидит: такой над тобою кругом распростру я
Облак златой; сквозь него не проглянет ни самое солнце,
345 Коего острое око всё пронизает и видит».

Рек — и в объятия сильные Зевс заключает супругу.
Быстро под ними земля возрастала цветущие травы,
Лотос росистый, шафран и цветы гнацинты густые,
Гибкие, кои богов от земли высоко подымали.
350 Там опочили они, и дел почивающих облак
Пышный, златой, из которого капала светлая влага.

Так беззаботно, любовью и сном побежденный, Кроннион
Спал на вершине Идейской, в объятиях Геры супруги.
Быстро к судам аргивян победительный Сон обратился,
355 Радости весть возвестить черновласому Энносигею;

Стал перед ним и воззвал, устремляя крылатые речи:
«Ревностно, царь Посейдаон, теперь поборай за данаев!
Даруй ты им хоть мгновенную славу, пока почивает
Зевс громовержец: царя окружил я дремотою сладкой;
360 Гера склонила его насладиться любовью и ложем».

Рек — и к другим отлетел племенам человеческим славным,
Боле еще возбудив Посейдона к защите ахейн.
Он пред ряды первоборные вышел вперед, восклицая:
«Мы ли, ахейцы, опять Приамиду победу уступим?»
365 Мы ли допустим, чтоб взял корабли он и славою покрылся?
Так похваляется он и грозит, оттого что бездействен
Близ кораблей остается могучий Пелид прогневленный.
Но и в Пелиде нам нужды не будет, когда совокупно
Все устремимся, решая стоять одному за другого!
370 Други, внимайте, совет предложу я, а вы повинуйтесь:
Быстро щитами, которые в воинстве лучше и больше,
Персп оденем, шеломами крепкими чела покроем
И, медножалые, длинные копья в руках потрясая,
Храбро пойдем, перед вами я сам; я не мню, чтобы Гектор
375 Мог против нас устоять, и неистово бурный на битвах!
Кто меж бойцами могуч, но щитом не великим владеет,
Слабому пусть передаст он, а сам да идет под великим».

Так он вещал, — и с усердием пламенным все покорились.
Сами цари, забывая их язвы, строили ратных.
380 Царь Диомед, Одиссей и державный Атрид Агамемнон;
Рать обходя, заставляли менять боевые доспехи:
Крепкие крепкий вздевал, отдавая слабейшие слабым.
Так ополчившись пышносияющей медью, данаи
Двинулись; их предводил Посейдаон, колеблющий землю,
385 Меч долголезвенный, страшный неся во всемогущей деснице,
Равный молнии пламенной: с ним невозможно встречаться
В сече погибельной, — смертного ужасом он поражает.

Рати троянские в встречу построил блистательный Гектор.
В оное время ужаснейший спор ратоборный воздвигли
390 Бог Посейдон черновласый и шлемом сверкающий Гектор,
Сей иллионы любезных, а тот аргивян защищая.
Море восстало и волны до самых судов и до куцей
С ревом плескало, а рати сходились с воплем ужасным.
Волны морские не столько свирепые воют у берега,
395 Быстро гонимые с моря дыханием бурным Борей;

Огонь-истребитель не столько шумит, распыхавшись пожаром,
Если, по дебри гористой разлившись, лес пожирает;
Ветер не столько гремит по дубам высоковолосям,
Если со всею свирепостью воеет над ними, бушуя,—
400 Сколько гремел на побоище голос троян и ахейн,
Кон с неистовым воплем одни на других устремлялись.

Первый в Аякса копьём шлемоблещущий Гектор ударил,
В миг, как Аякс на него наступал, и наметил он верно;
Там, где на персях два перевесных ремня простирались,
405 Сей от щита, а другой от меча у Аякса героя,
Там поразил; но ремни защитили. Разгневался Гектор,
Видя, что быстрая медь бесполезно из рук излетела;
К сонму друзей отступил Приамид, избегающий смерти.
Но его отступившего вдруг поразил Теламонид
410 Камнем, которые кучей, подпоры судов извлеченных,
Там у бойцов под ногами крутились: такой подхвативши,
В грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамиды близ вып,
Махом пустив, как кубарь, и пронесся он, шумно кружась.
Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида
415 Падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный
Серный дым; и стоит, как бездушный, паденья свидетель,
Близкий прохожий: погибелен гром всемогущего Зевса,—
Так ниспроверглася быстро на прах Приамидова крепость.
Дрот из руки полетел, на него навалился огромный
420 Щит и шлем, и взгремела на нем расщепленная броня.
С криком ужасным к нему полетели ахейцы молодые,
Падшего чая увлечь, и из рук на него устремили
Множество шк; но не мог ни единый владыке народов
Язвы нанести, ни ударить; немедля его окружили
425 Вои храбрейшие: Полидамас, и Эней, и Агенор,
Ликий царь Сарпедон, и воинственный Главк непорочный;
Не было мужа, о нем не радевшего; каждый над падшим
Выпуклый щит в оборону простер; а друзья, Приамиды
На руки скоро подняв, из борьбы понесли, поспешая
430 К коням ретивым, которые сзади сраженья и смуты
С храбрым возницею и с пышной его колесницею стояли.
Кони ко граду помчали стнящего тяжко героя.

Но лишь примчались к броду реки прекрасно текущей,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,
435 Там с колесницы его положили на землю и свежей
Влагой лицо оросили. Вздохнул, проглянул он очами

И, на коленях держащийся, кровью из уст обливался;
Скоро опять опрокинулся в прах, и опять ему очи
Мрачная ночь осенила: удар оглушал еще душу.

440 Рати ахеян, увидевши Гектора, спешшего с поля,
Бросились жарче на гордых троян и возвысились духом.
Первый от всех аргивян, Оилеев Аякс быстроборный
Сатния смертно пробил, налетев с изощренною пикой, —
445 Сатния, Энопа сына, которого нимфа Наяда
Энопу, пастырю стад, родила на берегах Сатниона.
Сатния славный копейщик Аякс Оилид, налетевши,
В пах поразил; опрокинулся он, и за труп Энопида
Трои сыны и ахеяне подняли страшную сечу.
Полидамас за него, потрясая огромною пикой,
450 Мстителем вышел и, бросив, попал Профоенора в рамо,
Ветвь Арелика: рамо пронзает могучая пика;
В прах он падет и рукою хватает кровавую землю.
Сын Панфоя, свирепо гордящийся, звучно воскликнул:
«Скажет ли кто и теперь, что у храброго Полидамаса
455 Тщетно из длани могучей огромная прынула пика!
Острую принял какой-то ахеец и ею, надеюсь,
Он, опираясь, пойдет в преисподние дома Аида!»

Так восклицал. Огорчили ахеян надменного речи;
Более ж всех у Аякса геройскую взорвали душу;
460 После него пораженный противником пал Профоенор.
Гневный Аякс в отступавшего ринул сверкающий дротик:
Сам Панфойд едва от гибели черной избегнул,
Прынувши вбок; но копье Архелох смертоносное принял,
Сын Антеноров: ему предназначили боги гибель;
465 Храброго дрот улучил в сочетание выи с главою,
В верх позвонка, и рассек у несчастного крепкие жилы;
Мощным ударом сраженный, главой он, лицом и устами
Прежде ударился в дол, чем своими коленами, павший.
Громко вскричал Теламонид к Панфоеву славному сыну:
470 «Взор обрати, Панфойд, и поведай, троянец, мне правду:
Пасть за вождя Профоенора сей не достоин ли воин?
Он не презренный боец, не презренного, кажется, рода:
Он илионян вождя, Антенора, смирителя коней,
Сын или брат; Антенора он племени сильно подобен».

475 Так говорил, несомнительно зная. Печаль поразила
Души троян,— и пронзил Акамас беотийца Промаха,

Мстящий за брата, которого труп увлекал беотиец.
Злобно над павшим гордился и так восклицал победитель:
«Нет, аргивяне стрельцы, угроз расточители праздных!
480 Нет, о друзья, не одним боевые труды и печали
Нам суждены: одинако погибель и вас постигает!
Видите ль, воин и ваш, ниспроверженный пикой моею,
Крепко уснул: не осталася месть за убитого брата
Долго без платы! Разумен, кто пекся, как брат мой
любезный,
485 Брата в доме по себе, отомстителя смерти оставить!»

Так говорил; аргивян оскорбили надменного речи;
Более ж всех Пенелею воинственный дух взволновали.
Бросился он на троянца; но сильного встретить удара
Тот не дерзнул; и герой Пенелей ИлIONEЯ свергнул,
490 Отрасль Форбаса, стадами богатого. Гермесом был он
Более всех из пергамцев любим и богатством ущедрен;
Но от супруги имел одного ИлIONEЯ сына.
Пикой его Пенелей поразил в основание ока,
Вышиб зрачок, проколовшая пика и око и череп
495 Вышла сквозь тыл, и присел на побонище, руки раскинув,
Юноша бедный; а тот, из влагалища вырвавши меч свой,
В व्यю с размаха ударил и снес на кровавую землю
Голову с медным шеломом; еще смертоносная пика
В око стояла; как мак, он кровавую голову поднял,
500 Сонму троян показал и гордящийся так говорил им:
«Трои сыны, известите родителей славного сына,
Мать и отца ИлIONEЯ; пусть его в доме оплачут!
Ах! и младая жена беотиян героя Промаха
Встретить супруга не к радости выйдет, когда из-под Трои
505 Мы в кораблях возвратимся, молодые ахейские мужи!»

Рек он,— и лица пергамлян покрылися ужасом бледным;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Ныне поведайте мне, на Олимпе живущие Музы,
Кто меж ахейцами первый корысти кровавые добыл
510 В битве, на сторону их преклоненной царем Посейдоном?
Первый Аякс Теламонид отважного Иртия свергнул,
Гиртова сына, вождя крепкодушных, воинственных мизов;
Фалка сразил Антилох и оружия с Мермера сорвал;
Вождь Мерцион Гипотнона с Морисом храбрым низринул;
515 Тевкр низложил Профоона и мчавшегося в бег Перифета;

Сильный Атрид Гиперенора, пастыря сильных народов,
В пах боковой заколол; копие, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вон; из зияющей раны тесным
Дух излетел, и тьма Гиперенору очи покрыла.
520 Более ж всех поразил Оилеев Аякс быстроногий:
С ним из вождей не равнялся никто быстротой на погоне
Воев бегущих, которых ужасом Зевс поражает.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

ОТТЕСНЕНИЕ ОТ КОРАБЛЕЙ

В бегстве, когда частокол и глубокий окоп миновали
И лишились многих, руками данаев погранных,
Там, у своих колесниц удержались, стали трояне,
Бледны от страха и трепетны. В оное время воспрянул
5 Зевс на Иде горе из объятий владычицы Геры.
Быстро воздвигшись, он стал и увидел троян и данаев,
Первых в расстройстве бегущих, а с тыла жестоко гонящих,
Бодрых данаев, и между их воинств царя Посейдона;
Гектора ж в поле увидел простертого; окрест героя
10 Други сидели; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергал он: его поразил не бессмертный данаец.
Видя его, милосердовал царь и бессмертных и смертных;
Быстро и грозно на Геру смотря, провещал громодержец:
«Козни твои, о злотворная, вечно коварная Гера,
15 Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!
Но еще я не знаю, не первая ль козней преступных
Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую!
Или забыла, как с неба висела? как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
20 Вервь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных
С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;
Но свободить не могли, приступая: кого ни постиг я,
С прага небесного махом свергал, и слетал он на землю,
Только что дышащий; сим не смягчился б мой гнев
непреклонный,
25 Гнев за страдания богоподобного сына Геракла,
Коего ты, возбудив на него и Борея и бури,
Злобно гнала по пустынному понту, беды устроая;

К краю чужому его, к многолюдному бросила Косу.
Я и оттоле избавил его и в отечество паки,
30 В Аргос цветущий привел, совершителя подвигов многих.
То вспоминаю тебе, да оставишь ты козни и видишь,
В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
Коиими ты, от богов удаляся, меня обольстила!»

Он произнес; ужаснулась великая Гера богиня
35 И воскликнула так, устремляя крылатые речи:
«Будьте свидетели мне, о земля, беспредельное небо,
Стикса подземные воды, о вы, величайшая клятва,
Клятва ужасная даже бессмертным, я вами клянуса,
40 Самой твоею священной главою и собственным нашим
Ложем брачным, которым вовек не клянуса я всеу!
Нет, не с советов моих Посейдаон, земли колебатель,
Трои сынам и вождю их вредит, а других защищает.
Верно, к тому преклонен и подвигнут он собственным
сердцем;
Верно, ахеян узрев, милосердовал он о стесненных.
45 Я ж и ему бы скорее совет подала, да всегда он
Ходит путем, по которому ты повелишь, громовержец!»

Так говорила; ослабился царь п бессмертных п
смертных;

И отвечивал ей, устремляя крылатые речи:
«Если вперед, о супруга, лилейнораменная Гера,
50 Будешь на сонме божественном мыслить согласно со мною,
Сам Посейдаон, хотя бы желал совершенно иного,
Мысль переменит, согласно с твоей и моею душою.
Ныне ж, когда непритворно и истину ты говорила,
Шествуй немедля к семейству богов, повели, да на Иду
55 Вестница неба Ирида и Феб сребролукий предстанут.
Вестница быстрая к воинству меднодоспешных данаев
Снидет и скажет мое повеленье царю Посейдону,
Да оставит он брань и в обитель свою возвратится.
Феб же великого Гектора снова ко брани воздвигнет,
60 Новую бодрость вдохнет и его исцелит от страданий,
Ныне терзающих душу героя, а рати ахеян
Вновь к кораблям отразит, малодушное бегство пославши.
В бегстве они упадут на суда Ахиллеса Пелида.
Царь Ахиллес ополчит на сражение друга Патрокла,
65 Коего в битве копьем поразит бронблещущий Гектор
Пред Илионом, как тот уже многих юношей храбрых

Свергнет, и с ними мою драгоценную ветвь, Сарпедона.
Гектора, мстящий за друга, сразит Ахиллес знаменитый.
С одного времени паки побег от судов и погоню
70 Я сотворю и уже невозвратно, доколе ахейцы
Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афинны.
Так не свершившемуся, гнева ни сам не смягчу, ни другому
Богу бессмертному я аргивян защищать не позволю
Прежде, пока не исполнятся все упованье Пелида:
75 Так обещал я и так утвердил я моею главою
В день, как Фетида, объемля колена, меня умоляла
Сына прославить ее, Ахиллеса, рушителя твердей».

Рек; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Бросилась с Иды горы, устремляясь быстро к Олимпу.
80 Так устремляется мысль человека, который, прошедши
Многие земли, про них размышляет умом просвещенным:
«Там проходил я, и там», и про многое вдруг вспоминает,—
С равной стремясь быстротой, пролетела по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнув, она обрела совокупных
85 Всех небожителей в доме Крониды. Богиню увидев,
Все поднялися, и каждый своею чествовал чашей.
Гера, всех обошед, у Фемиды румяноланитой
Приняла чашу; Фемиды бо первая Гере входящей
Бросилась в встречу и речи крылатые к ней устремила:
90 «Что ты, о Гера, приходишь, таким пораженная страхом?
Верно, тебя устрасил громоносный супруг твой Кроннон?»

Ей отвечала богиня, лилейнораменная Гера:
«Что вопрошаешь, Фемиды бессмертная; или не знаешь,
Сколько метателя молний душа и горда и сурова.
95 Но воссядь и начни ты пир с бессмертными общий;
Вместе со всеми богами услышишь, Фемиды, какие
Ужасы нам возвещает Кроннон. Никто, уповаю,
Радостен сердцем не будет, ни смертный, ни даже
бессмертный,
Как бы он ни был доныне средь пиршества мирного весел».

100 Так изрекла, и воссела владычица Гера; смутились
Боги в Зевсовом доме; она ж улыбалась устами,
Но чело у нее между черных бровей не светлело.
Вдруг, ко всем обращаясь, воскликнула гневная Гера:
«Боги безумные, мы безрассудно враждуем на Зевса!
105 Мы бесполезно пылаем его укротить, нападая

Словом пль силою! Он, удаляся, об нас и не мыслит,
Нас презирает, считает, что он меж богов вековечных
Властью и силой своей превосходнее всех несравненно.
110 Должно терпеть вам, какое бы зло и кому б ни послал он;
Им, как я мыслю, сегодня удар нанесен и Арею;
Пал на бою Аскалаф, браноносец, любезнейший богу,
Смертный, которого сыном могучий Арей называет».

Так изрекла; и ударил Арей по крутым себя бедрам
Дланями жилистых рук и рыдающий громко воскликнул:
115 «О, не вините меня, на Олимпе живущие боги,
Если за сына я мстить иду к ополченьям ахейским,
Мстить, хоть и сужено мне, пораженному Зевса перуном,
С трупами вместе лежать, в потоках кровавых и прахе!»

Рек, и тогда ж повелел он и Страху и Ужасу коней
120 Впрячь, а сам покрывался оружием пламеннозарным.
Верно б, сильнейший, стократно ужаснейший, нежели
прежний,
Гнев громодержца и мщенье противу богов воспылали;
Но Афина богиня, за всех устращася бессмертных,
Бросилась к двери, оставивши трон, на котором сидела;
125 Щит от рамен и шелом от главы у Арея сорвала,
Пику поставила в сторону, вырвав из длани дебелой,
И загремела, словами напав на сурового бога:
«Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасно ль имеешь
Уши, чтоб слышать? Пль стыд у тебя и рассудок погигли?
130 Или не слышишь ты, что говорит владычица Гера,
Гера, теперь возвратившаяся к нам от владыки Зевеса?
Или ты хочешь, как сам, претерпев неисчетные бедства,
С горьким стыдом, поневоле, на светлый Олимпе возвратиться,
Так и на всех нас, бессмертных, навлечь неизбежное бедство?»
135 Скоро, сомнения нет, племена и троян и данаев
Бросил бы Зевс и пришел бы он нас ужаснуть на Олимпе;
И постиг бы, карающий, всех — и виновных и правых!
Будь мне послушен и месть отложи за убитого сына.
Воин в бою не один, и храбрейший его и сильнейший,
140 Пал и еще ниспадет, пораженный другим; невозможно
Весь человеческий род неисчетный от смерти избавить».

Так говоря, посадила на трон пеступленного бога.
Гера ж царя Аполлона из Зевсова вызвала дому
Вместе с Иридою, вестницей быстрой богов олимпийских.

145 К ним возгласивши, она провещала крылатые речи:
«Зевс повелед, да на Иду немедля предстанете оба;
Но лишь предстанете вы и лицо увидите бога,
Делайте, что повелит и чего Эгиох ни восхоцет».

Так изрекла и, в чертог возвратяся, владычица Гера
150 Села на трон, а Ирида и Феб, устремясь, полетели;
Быстро спустились на Иду, зверей многоводную матерь;
Там, на возвышенном Гаргаре Зевса нашли громодержца:
Он восседал, и его благовонный увенчивал облак.
Боги, представ пред лицо воздымателя облаков Зевса,
155 Стали,— и к ним устремил Олимпиец негневные очи:
Скоро они покорились супруги его повеленьям.
К первой Ириде он рек, устремляя крылатые речи:
«Шествуй, Ирида быстрая, к богу морей Посейдону,
Всё, что реку, возвести и неложною вестницей будь мне.
160 Пусть он брань оставит немедленно, пусть возвратится
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы мои не восхоцет исполнить, но презрит,—
Пусть он помыслит, и с сердцем своим и с умом совещаься,
Может ли, как ни могущ он, меня в нападении встретить?»
165 Думаю, что Посейдаона я и могуществом высший,
Я и рожденьем старейший, а он не страшится единый
Равным считаться со мной, пред которым все боги трепещут».

Рек; покорилась ему ветроногая вестница неба;
Быстро от Иды горы понеслась к Илпопу святому.
170 Словно как снег из тучи, иль град холодный, обрушась,
Быстро летит, уносясь проясняющим воздух Бореем,—
Так устремляясь, быстрая путь пролетела Ирида;
Стала и так провещала могущему Энносигею:
«С вестью тебе, Посейдон, колебатель земли черновласый,
175 Я нисхожу от эгида носителя Зевса Кронида.
Брань ты оставь немедленно, так он велит; возвратися
Или в собор небожителей, или в священное море.
Если ж глаголы его не восхоцешь исполнить и презришь,
Он угрожает, что сам, и немедля, с тобою сразится
180 Придет сюда; и советует он, чтобы ты уклонялся
Рук громовержущих: ведаешь, он и могуществом высший,
Он и рожденьем старейший; а ты, Посейдон, не страшись
Спорить о равенстве с тем, пред которым все боги трепещут».

Ей, негодующий сердцем, отвечивал царь Посейдаон:
185 «Так, могуществен он; но слишком надменно вещает,

Ежели равного честью, меня, укротить он грозитя!
Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — громодержец, и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое всё делено, и досталось каждому царство:
190 Жребий бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
Нет, не жожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,
195 С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
Силою рук он меня, как ничтожного, пусть не страшает!
Дщерей своих и сынов для Зевса прилпчнее будет
Грозным глаголом обуздывать, кои на свет произвел он,
Кои уставам его покоряться должны поневоле!»

200 Вновь провецала ему ветроногая вестница Зевса:
«Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый,
Зевсу должна я поведать, ответ и суровый и страшный?
Или, быть может, смягчишь ты? Смягчима сердца благородных.
Знаешь и то, что старейшим всегда и Эринии служат».

205 Ей ответствовал вновь колебатель земли Посейдаон:
«Слово твое справедливо и мудро, Ирида богиня!
Благо, когда возвеститель исполнен советов разумных.
Но, признаюся, огорчение сильное душу объемлет,
Если угрозамп гордыми он оскорблять начинает
210 Равного с ним и в правах, и судьбой одаренного равной.
Ныне, хотя негодующий, воле его уступаю;
Но объявляю, п в сердце моем сохраню я угрозу:
Если Крониион, мне вопреки и победной Афине,
Гермесу богу, Гефесту царю и владычице Гере,
215 Будет щадить Илион крепкостенный, когда не захочет
Града разрушить и дать знаменитой победы ахейцам,—
Пусть он знает, меж нами вражда бесконечная будет!»

Так произнес, и ахейскую рать Посейдаон оставил,
В понт погрузился; о нем воздыхали ахейцы герои.
220 И тогда к Аполлону воззвал громовержец Крониион:
«Ныне, возлюбленный Феб, к меднобронному Гектору шествуй,
Се, обымающий землю, земли колебатель могучий
В море отходит священное: грозного нашего гнева
Он избегает; слышали б грозную брань и другие,
225 Самые боги подземные, сущие около Крона!

Благо и мне и ему, что, и гневаясь, он уступает
Силам моим: не без пота б жестокого дело свершилось!

Но прими, Аполлон, бахромистый эгид мой в десницу

И, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.

230 Сам между тем попекись, дальновержец, об Гекторе славном;
Храбрость его возвышай непрестанно, доколе данаи,
В бегстве пред ним, не придут к кораблям и зыбям Геллеспонта.
С оного времени сам я устрою и дело и слово,
Да немедля почуют от бранных трудов и данаи».

235 Так произнес он, и не был отцу Аполлон непокорен:
С Иды, шумной потоками, он устремился, как ястреб,
Быстрый ловец голубей, между хищных пернатых быстрейший.
В поле нашел стреловержец Приамова храброго сына;
Гектор сидел, не лежал, и уже, обновившийся в силах,
240 Окрест стоящих друзей узнавал; прекратилась отдышка,
Пот перестал: восстанавливал Гектора промысл Кронида.
Близко представши, к нему провещал Аполлон дальновержец:
«Гектор, Приамова отрасль! почто, от дружин удаленный,
Духом унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?»

245 Дышащий томно, ему говорил шлемоблещущий Гектор:
«Кто ты, благий небожитель, ко мне обращающий слово?
Или еще не слышал, что меня пред судами ахеян,
Их истреблявшего рать, поразила Теламонид могучий
Камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость?»
250 Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Анда
Ныне увижу; уже испускал я дыханье жизни».

Сыну Приамову паки вещал Аполлон дальновержец:
«Гектор, дерзай! поборник могучий Зевсом Кронидом
С Иды высокой тебе на покров и защиту ниспослан,
255 Я, Аполлон златомечный, бессмертный, который и прежде
Сильной рукой защищал и тебя, и высокую Трою.
Шествуй к полкам,— и своим многочисленным конникам
храбрым
Всем повели к кораблям устремить их коней быстроногих.
Я перед ними пойду, и сам для коней плионских
260 Путь уравнию, и в бег обращу героев ахейских».

Рек, и ужасную силу вдохнул предводителю воинств:
Словно конь застоялый, ячменем раскормленный в яслях,
Привязь расторгнув, летит и копытами поле копаёт;

255 Пламенный, плавать обыкный в реке быстрольющейся, пышет,
Голову, гордый, высоко несет; вокруг ramen его мощных
Грива пграет; гордится он сам красотой благородной;
Быстро стопы его мчат к кобылицам и паствам знакомым,—
Гектор таков, с быстротою такой оборачивал ноги,
Бога услышавши глас; возбуждал он на бой конеборцев.
270 Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
Гонят упорно горячие псы и ловцы поселяне;
Но высокий утес и густая тенистая роца
Зверя спасают: его изловить им не сужено роком;
Крик меж тем пробужденный, является лев густоградый
275 Им на пути и толпу, распыхавшуюсь, в бег обращает,—
Так аргивяне дотоле толпой неотступные гнали
Трои сынов, и мечами и копьями в тыл поражая;
Но лишь увидели Гектора, быстро идущего к рати,
Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность упала.

280 Их Фоас ободрял, благородный сын Андремонов,
Муж этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном,
Храбрый и в стойком; его и в собраньях мужей побеждали
Редкие, если при нем в красноречии спорила юность.
Он, распаляемый ревностью, так говорил меж ахеян:
285 «Боги! ужасное чудо моим представляется взорам!
Гектор воскрес! от ужасной смерти избегнувши, паки
Гектор пред нами! А мы уповали, что гордый троянец
Душу предаст под рукой Теламонова сына Аякса.
Верно, могущий бессмертный опять сохранил и восставил
290 Мужа, который уж многим колена сломил аргивянам,
Что и еще совершит, как предвижу я! Он не без воли
Зевса гремящего стал перед воинством, пышущий боем.
Други, совет предложу я, и все мы ему покоримся.
Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться;
295 Мы же, сколько ни есть нас, храбрейшими в рати слывущих,
Противостанем: быть может, его остановим мы, в встречу
Копья уставивши; он, я надеюсь, как ни неистов,
Сердцем своим содрогнется ворваться в дружину героев».

Так говорил; и, внимательно слушая, все покорились.
300 Быстро Аяксы могучие, царь Девкалид копьеносец,
Тевкр, Мернион нестрашный и Мегес, Арею подобный,
Строили битву, создав благородных героев ахейских
Против троян и великого Гектора; тою порою
Сзади народа толпа к кораблям отступала.— Трояне

305 Прежде напали толпой; предводил, широко выступая,
Гектор герой; а пред Гектором шествовал Феб небожитель,
Перси одеявший тучей, несущий эгид велелепный,
Бурный, косматый, ужасный, который художник бессмертный
310 Зевсу Кронида Гефест даровал, человекам на ужас.
С сим он эгидом в деснице предшествовал ратям троянским.

Их нажидали ахейцы, сомкнувшись; разом раздался
Яростный крик от обеих ратей; с тетив заскакали
Быстрые стрелы; и копыя, из дерзостных рук полетевши,
Многие в тело вонзились воинственных юношей красных,
315 Многие, среди пути, не отведав цветущего тела,
В землю вонзяся, дрожали, алкая насытиться телом.

Долго, доколе эгид Аполлон держал неподвижно,
Стрелы равно между воинств летали, и падали вои;
Но едва аргивянам в лицо он воззревши, эгидом
320 Бурным потряс и воскликнул и звучно и грозно,— смутились
Души в их персях, забыли аргивцы кипящую храбрость.
Словно как стадо волов иль овец великую кучу
Хищные звери в глубокую мрачную ночь рассыпают,
Если находят незашные, в час, как отсутствует пастырь,—
325 Так аргивяне рассыпались, слабые; Феб на сердца их
Ужас навел, посылая троянам и Гектору славу.

Тут ратоборец сражал ратоборца в рассеянной битве.
Гектор могучий и Стихия свергнул и Аркесилая,
Стихия, войск предводителя меднодоспешных беотян,
330 Аркесилая, верного друга вождя Менесфея.
Но Энея оружием Ияс повержен и Медон:
Медон, сын незаконный владыки мужей Оилея,
Был Оилида Аякса младший брат; но в Филаке
Он обитал, удалясь от отчизны, как мужа убийца,
335 Мачехи брата убив, Эрнопы, жены Оилея;
Ияс же был предводитель воинственных духом афинян,
Сыном Сфела от всех называвшийся, Буколиона.
Полидамас поразил Мекистея, Полит же Эхия
В первом ряду, а Клония сразил благородный Агенор;
340 Дейоха тут же Парис, убежавшего между передних,
С тыла в плечо поразил и насквозь оружие выгнал.

Тою порой, как они обнажали убитых, данаи,
В ров и на колья его опрокинувшись, в страшном расстройстве

Полею бежали везде и за вал укрывались неволей.
345 Гектор же голосом звучным приказывал ратям троянским
Прямо напасть на суда, а корысти кровавые бросить:
«Если ж кого-либо я от судов удаленным замечу,
Там же ему уготовлю и смерть! и несчастного, верно,
350 Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят;
Но троянские псы растерзают его перед градом!»

Рек, — и, бичом по хребтам поражая коней, полетел он,
Звучно к троянам крича по рядам; и они, испуская
Страшные вопли, за ним устремили коней колесничных
С громом ужасным; и Феб Аполлон впереди перед ними,
355 Быстро окопа глубокого берег стопами рассыпав,
Весь в середину обрушил и путь уместил он троянам,
Длинный и столько широкий, как брошенный дрот пролетает,
Если мочуешь свою человек испытующий бросит.
Там устремились пергамлян-фаланги, и Феб перед ними,
360 Дивным эгидом сияя; рассыпал он стену данаев
Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделав забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, режвяся.
Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
365 Труд рассыпал ахеян и предал их бледному бегству.

Возле судов наконец удержались они, собираясь.
Там, ободряя друг друга и руки горé воздевая,
Каждый богов небожителей всех умолял громогласно.
Нестор же старец особенно, страж аргивян неусыпный,
370 Зевса молил, воздевающий длани ко звездному небу:
«Если когда-либо кто средь цветущей Эллады, Кронион,
Тучные бедра тебе от тельца иль овна возжигая,
В дом возвратиться молился и ты преклонился к моленью, —
Вспомни о том, и погибели день отврати, Олимпиец!
375 Гордым троянам не дай совершенно ослепить ахеян!»

Так он молился; и грянул с небес промыслитель Кронион,
Внявший молению Нестора, благочестивого старца.
Но трояне, в их пользу приявшие знаменье Зевса,
Жарче на рати ахейские бросились, жадные боя.
380 Словно как вал огромный широкоразливного моря
Выше боков корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымает, —
Так устремились трояне с неистовым воплем за стену;

385 Коней пригнали туда ж и у корм в рукопашную битву
С копьями острыми стали; они с высоты колесниц их,
Те ж с высоты кораблей своих черных, на оных держася,
Бились шестами огромными, кои в судах сохранялись
К бою морскому, сплоченные, сверху набитые медью.

390 Храбрый Патрокл, доколе ахейцы с троянскою силою
Бились еще пред стеною, вдали от судов мореходных,
В куще сидел у высокого духом вождя Эврипила,
Душу ему улаждал разговором и тяжкую рану
Вкруг осыпал врачевством, утоляющим черные боли.
395 Но как скоро за стену увидел стремящихся бурно
Гордых троян, а данаев услышал и крик и тревогу,
Громко воскликнул Патрокл и руками по бедрам могучим
С грусти ударил себя и, печальный, вещал Эврипилу:
«Нет, Эврипил, не могу я с тобою, хотя б и желал ты,
400 Долее здесь оставаться; ужасная битва восстала!
Пусть благородный сподвижник тебя утешает; а сам я
К другу Пелиду спешу, да его преклоню ополчиться.
Может быть,— как предузнать? — убедить Ахиллесово сердце
Бог мне поможет; сильно всегда убеждение друга».

405 Так говорящего, ноги его уносили.— Ахейцы
Против троян нападающих крепко стояли, но тщетно
Их, и меньших числом, отразить от судов напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались, ахейн фаланги
Боем расторгнув, ворваться в ряды кораблей их и сеней.
410 Словно правильный снаур корабельное древо ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины,—
Так между ними борьба и сражение равные были.
Те пред одними, а те пред другими судами сражались.

415 Гектор герой на Аякса, высокого славою, вышел.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тот отразить сопостата, которого демон приблизил.
Тут Клитеида Калетора свергнули Аякс знаменитый,
Огонь на корабль заносящего, пикую в перси ударив;
420 С шумом он грянулся в прах, из руки его выпала светочь.
Гектор, как скоро увидел родного ему Клитеида,
Замертво павшего в прах перед черной кормой корабельной,
Звучно воскликнул, троян и ликия на бой поощряя:

«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
425 Стойте, страшитесь в сей тесноте отступить из сраженья;
Лучше отстойте вы Клития сына, да враг не похитит
Славных оружий с убитого в самом стану корабельном».

Так произнес, и в Аякса направил сияющий дротик,
Но попал не в него, а в клеветра его, Ликофрона,
430 Мастора ветвь, киферейца, в Аяковом жившего доме
С одной поры, как убийство свершил у киферян священных;
Гектор его, близ Аякса стоящего, в череп над ухом
Дротом ударил убийственным: в прах он, с кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь пал, и его сокрушилася крепость.
435 Храбрый Аякс ужаснулся и к брату младому воскликнул:
«Тевкр, потеряли мы, брат мой, нашего верного друга!
Пал Масторид, которого мы, из Киферы пришельца,
В нашем дому, как любезных родителей, все почитали.
Пал он от Гектора! Где же твои смертоносные стрелы?
440 Где твой лук сокрушительный, данный тебе Аполлоном?»

Рек он,— и тот его понял и, прыгнувши, стал близ героя
С луком разрывчатым в верной руке и с колчаном на раме,
Полным пернатых; и, быстро он их на троян посылая,
Клита стрелой поразил, Пизенорову славную отрасль,
445 Друга Панфоева сына, почтенного Полидамаса.
Был он возница его, и тогда над конями трудился,
Правил туда, где в сражении гуще клубились фаланги;
Гектору тем и троянам желал угодить он, но быстро
Гибель пришла, и никто из друзей от нее не избавил:
450 В выю возатаю с тыла стрела смертоносная пала;
На землю грянулся он, и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею. Скоро то сведал владыка
Полидамас, и коням убегающим вышел навстречу.
Их Астияно слуге, Протаона сыну, вверяя,
455 Крепко наказывал близко держать, на виду непрестанно;
Сам, устремившись обратно, с передними стал на сраженье.

Тевкр же другую стрелу против Гектора мужеубийцы
Вынул; и, верно, принудил бы бой перервать пред судами,
Верно, стрелой у героя победного душу исторг бы;
460 Но не укрылся от промысла Зевсова: Зевс Приамида
Сам охранял и у Тевкра пылавшего славу похитил:
Тевкр наляпал, как на луке его превосходном кругую
Бог сокрушил тетиву, и у Тевкра умчался мимо

Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал.
465 Тевкр ужаснулся и к брату Аяксу немедля воскликнул:
«Горе! какой-то демон ратные замыслы наши
Все разрушает; и лук у меня он исторгнул из длани,
И расторг тетиву мне, которую свежую ныне
Я на лук навязал, чтобы вынесла частые стрелы».

470 Тевкру отвечивал быстро Аякс Теламонид великий:
«Друг, оставь ты в покое и лук, и крылатые стрелы,
Если их бог рассыпает, ахеянам храбрым враждебный.
С пикой огромной в руке и с щитом на плече, Теламонид,
Ратуй троян и дружины свои возбуждай к ратоборству.
475 Пусть нелегко, и победой гордяся, возьмут сопостаты
Наши суда доброснастные; вспомним ахейскую храбрость!»

Так говорил он — и Тевкр под кущею лук свой оставил;
Щит на плечо многобляшистый, четырехслойный набросил,
480 Шлем на голову удалую красивый надел, осененный
Гривою конскою; гребень ужасный над ним развевался.
Взяв наконец копие, повершенное острою медью,
Вышел назад и, примчась стремительно, стал близ Аякса.

Гектор едва усмотрел сокрушенными Тевкровы стрелы,
Звучно вскричал, и троян и ликлян еще возбуждая:
485 «Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дарданцы!
Будьте мужами, о други; вспомните рьяную храбрость
Здесь, пред судами ахеян! Своими очами я видел,
Славного воина стрелы и лук уничтожены богом!
Видимо ясно сынам человеков могущество бога,
490 Если кого Олимпиец высокою славою возносит
Или кого унижает, защиты своей не сподобив:
Так как теперь унижает ахеян, а нас выwyżшает.
В бой на суда! наступите всем воинством! Кто между вами,
Ранен мечом иль стрелой, роковою постигнется смертью,
495 Тот умирай! Не бесславно ему, защищая отчизну,
Здесь умереть; но останутся живы супруга и дети,
Дом и наследие целы останутся, если ахейцы
В черных судах унесутся к любезным отечества землям».

Так говоря, возбудил он и силу и мужество в каждом.
500 Сын Теламонов с другой стороны восклицал пред дружиной:
«Стыд вам, ахеяне! Лучше решитесь или погибнуть,

Или спастись, но беду отразить от судов мореходных!
Чаете ль вы, как возьмет корабли шлемоблещущий Гектор,
Каждый на землю родную пешком возвратится из Трои?
505 Слышите, с криком каким ополчения все возбуждает
Гектор, который сожечь корабли, разъяренный, стремится?
Верно, сии он толпы не на пляску зовет, а на битву!
Нам не осталось ни думы другой, ни решимости лучшей,
Как смешить с сопостатами руки и мужество наше!
510 Лучше мгновенной решимостью выкупить жизнь иль погибнуть,
Нежели долгие дни изнуряться жестокою бранью,
Так бесполезно средь стана, стесняясь народом слабейшим!»

Так говоря, возбудил он и силу и мужество ратных.
Гектор же мощный Схедия сразил, Перимедова сына,
515 Воинств фокейских вождя, но Аякс Лаодамаса свергнул,
Пеших бойцов предводителя, славную ветвь Антенора;
Полидамас же корысти добыл с килленейского Ота,
Друга Филидова, воинств вождя крепкодушных эпеян.
Мегес Филид налетел на убийцу; но в сторону прынул
520 Полидамас; не уметил в него, не судил дальновержец
Сыну Панфоеву славному пасть меж рядов первоборных.
Крезма Филид угодил сокрушительной пикой в перси;
С шумом он пал, и с рамен совлекал победитель доспехи.
Вдруг на Филида нагрянул Долопе Лампетид, иллионский
525 Славный копейщик, которого сын Лаомедона доблий,
Ламп велемудрый родил, знаменитого доблестью бранной.
Он у Филида, нагрянувший близко, щита середину
Пикой иробил, но его защитил крепкосозданный панцирь,
Латами сомкнутый плотно: Филей в давнобытное время
530 Вывез доспех сей из града Эфиры, от вод Селленса,
Коим, как друга, его одарил там Эвфет скиптродержец,
В битвах кровавых носить от враждебных мужей обороной;
Он-то и сына его защитил от погибели грозной.
Мегес же Лампова сына по медному шлему под гребнем,
535 В самую выпуклость верхнюю, пикой острой ударил,
Гривистый гребень с основы сорвал, и на землю он целый
Пал и простерся во прахе, блистающий пурпуром свежим.
Но между тем, как сражался он пламенно, чая победы,
Сильный поборник явился ему, Менелай благородный;
540 С пикой, невидимый, стал в стороне, поразил Лампетида
С тыла в плечо; и сквозь перси пробилось бурное жало,
Рея вперед; и во прах Лампетид опрокинулся навзничь.

Прянули оба на павшего, медную, славную броню
С плеч совлекать. Но Гектор вскричал на Долопсовых
ближних,

545 Их порицая, и более всех Гикетаона сына
Он укорял, Меланиппа, который прежде в Перкоте
Пас круторогих волов, до нашествия рати враждебной;
Но как скоро ахейцы в судах многовеслых приплыли,
Он прилетел в Илион и в дружинах троян отличался,
550 Жил у Приама и честован был, как и сын, Дарданидом.
Гектор его укорял и к нему говорил, негодуя:
«Сын Гикетаонов! Так ли оставим? ужели несколько
Сердце твое не болит за сраженного милого брата?
Или не видишь ты, как над доспехом Долопса трудятся?
555 Следуй за мною! не время с аргивцами издали биться;
Должно нам всех истребить их, покуда они с оснований
Трои высокой не свергли и граждан ее не избили!»

Рек — и понесся вперед, и муж с ним, богу подобный.
Аргоса воев Аякс возбуждал, Теламонид великий:
560 «Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдом благородным!
Воина воин стыдится на поприще подвигов ратных!
Воинов, знающих стыд, избавляется боле, чем гибнет;
Но беглецы не находят ни славы себе, ни избавы!»

Так возбуждал, но и сами они защищаться пылали;
565 В сердце сложили героя слова и суда оградили
Медной стеной; но троян против них устремлял громодержец.
Храбрый Атрид Менелай возбуждал Антилоха младого:
«Нет, Антилох, никого ни моложе тебя из ахейн,
Ни быстрее для бега, ни силами крепче для боя,
570 Если бы, прынув вперед, поразил ты какого троянца!»

Так пронес и назад отступил, поощрив Антилоха.
Вылетел он из передних рядов и, кругом обзревши,
Бросил блистательный дрот; взволновались трояне, увидя
Мощный удар. И оружие он не напрасное ринул:
575 Ветвь Гикетаона, смелого сердцем вождя Меланиппа,
Гордо идущего в битву, в широкие перси уметил;
С шумом он грянулся в прах, и взгремели на падшем доспехи.
Несторов сын на него устремился, как пес на еленя
Скачет пронзенного, коего ловчий, едва он из лога
580 Прянул, стрелой поразил и подсек ему резвые ноги,—
Так на тебя, Меланипп, наскочил Антилох бранолюбец,

Алча доспехов твоих. Но от Гектора он не укрылся;
Гектор навстречу предстал, пролетев сквозь кипящую сечу.
Несторов сын не остался, как ни был горяч в ратоборстве;
585 С поля сбежал он, зверю подобный, свершившему пакость,
Зверю, который, пса или пастыря стадо сгубивши,
В лес убегает, покуда селян не собралась громада,—
Так убежал Несторид; на него и трояне и Гектор,
590 Страшные крики подняв, задождили свистящие стрелы.
Стал он лицом к сопротивным, достигнувши дружеских сонмов.

Тою порою трояне, как львы, пожиратели крови,
Бурно к судам устремлялись и Зевса судьбы совершали:
Он непрестанно их мужество высил, а воев ахейских
Дух поражал и победы лишал их, троян поощряя;
595 Гектору сердце его даровать Приамиду желало
Грозную славу, да он на суда пожирающий пламень
Бурный повергнет, и так роковое Фетиды моленье
Все совершится; единого ждал промыслитель Кронион:
Первого судна горящего зарево с неба увидеть.
600 С оногo времени Зевс от судов невозвратное бегство
Трон сынам присуждал, а данаям победную славу.
Так помышляющий, Гектора в бой на суда устремлял он,
Страшно и собственным влекшегось духом; свирепствовал
Гектор,
Словно Арей, сотрясатель копыя, или огонь истребитель,
605 Если меж гор он свирепствует, в чащах глубокого леса:
Пена клубилась из уст, под бровями угрюмыми очи
Грозным светились огнем; над головой, воздымаясь гребнем,
Страшно качался шелом у летавшего бурей по битве
Гектора! Сам бо герою был покровителем с неба
610 Зевс и его одного возвышал над толпой человеков
Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
Сыну Приама; уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла с победною силой Пелида.
Гектор пылал разорвать у данаев ряды и пытался
615 Всюду, где видел и гуще толпы, и оружия лучше;
Но разорвать их нигде он не мог, беспредельно пылавший:
В встречу данаи, сомкнувшись башней, стояли, как камень
Страшно высокий, великий, который у пенного моря
Гордо встречает и буйные вихрей свистящих набеги,
620 И надменные волны, которые противу хлещут,—
Так аргивяне встречали троян неподвижно, бесстрашно.
Он же, сияющий окрест огнем, налетел на фалангу;

Грозен упал, как волна на бегущий корабль упадет,
Мощная, бурей из туч возвращенная; весь потрясенный,
625 Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье
В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают,—
Так сердца трепетали в груди благородных данаев.
Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший,
630 Коих по влажному лугу при блате обширном насутся
Тысячи; пастырь при них, но, юный, еще не умеет
С зверем сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около крав то передних, то задних
Мечется он беспрестанно, а хищник, в средину их бросаясь,
635 Режет быка, и все разбегаются,— так аргивяне,
Свыше смятенные, в бег перед Гектора силой и Зевса
Все обратились; он поразил одного Перифета,
Храброго сына Копрея, того, что, служа Эврисфею,
Вестником часто ходил от тирана к Гераклу герою:
640 Сей-то отец ничтожный родил знаменитого сына,
Доблестей полного: легкостью в беге, искусством в сраженьях,
В думах умом он блистал между всех благородных микенян;
Он Приамиду герою высокую славу доставил:
В бег обращаясь, задом, незнапно на щит он споткнулся,
645 Им же держимый, огромный, до ног оборона от копий;
Он, на щит свой споткнувшись, навзничь упал, и ужасно
Грянул шелом вокруг висков при падении сильного мужа.
Гектор, увидевши то, прилетел и став перед падшим,
В перси копьем поразил, и пред сонмом друзей Перифету
650 Душу исторгнул; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать: ужасались Гектора мужеубийцы.
К ближним судам отступили; суда, извлеченные прежде,
Их оградили передние; Гектор и там утеснял их.
Нуждой ахеян сыны отступить от судов и передних,
655 Нуждой заставлены горькой; они перед кущами стали,
Вместе столпясь, рассеваться не мысля; удерживал вместе
Стыд их и страх; непрестанно они ободряли друг друга
Криками; Нестор особенно, страж престарелый ахеян,
Каждого мужа молил, именами родных заклиная:
660 «Будьте мужами, о други, почувствуйте стыд, аргивяне,
Стыд перед всеми народами! Вспомните сердцу любезных
Жен, и детей, и стяжанья свои, и родителей милых,
Вспомните все, у которых родные живы и мертвы!
Именем их, и отсутственных, я вас молю, аргивяне,
665 Стойте крепко противу врагов, не бросайтесь в бегство!»

Так говорил, и возжег он и крепость и мужество в каждом.
Облак у них пред очами Афина рассеяла мрачный,
Свыше ниспосланный: свет воссиял им, открылось пространство
Всё, и от черных судов, и от поля погибельной битвы;
Гектор открылся ужасный, и все иллионян дружины,
Сколько за ним, позади, не сражавшихся праздно стояло
И впереди, пред судами, неустовым билося боем.

Сердцу Аякса великого более нелюбо стало
Быть в тесноте, в какой оставались другие ахейцы;
Он по помостам судов устремился, широко шагая,
Шест корабельный в могучих руках потрясая огромный,
Крепко в составах сколоченный, двадцать два локтя длиною.
Словно как муж, ездок на конях необычно искусный,
Лучших из множества коней избрав четырех и связав их,
Правит и с поля далекого к граду великому гонит
Битой дорогой; толпою и мужи, и робкие жены
Смотрят дивуясь, а он беспрестанно и твердо и верно
Скачет, садясь с коня на коня, на бегу их ужасном,—
Так Теламонид Аякс с корабля на корабль по помостам
Прядал, широко шагая и крик подымая до неба;
Криком ужасным герой возбуждал беспрерывно данаев
Стан и суда оборонить. Но в оное время и Гектор
Мощный уже не в толпе крепкобронных троян оставался.
Словно как бурный орел на стада ударяет пернатых,
Птиц перелетных, пасущихся мирно по берегу речному,
Диких гусей, журавлей иль стада лебедей долговзвешных,—
Так Приамид нападал на данайский корабль черноносый,
Бурен кидаясь: его позади устремлял громовержец
Мышцей высокой, и с ним воеводою воинство двигал.

Снова у быстрых судов запылала свирепая битва.
Можно б сказать, что еще не усталые, свежие рати
В бой соступилися; так горячо ратоборцы сражались.
Духом таким управлялися воинства: мужи ахейцы
Боле не мнили избыть от беды и решились погибнуть;
Каждый, напротив, троянин, исполненный бодрости, чаял:
Ныне сождем корабли и побьем героев ахейских.
Духом таким наполняясь, одни на других напирали.

Гектор могучей рукой за корму корабля ухватился;
Легкий, прекрасный корабль сей отважного Протесилая
В Троию принес, но в отечество вновь не повез ратоводца:

- Окрест сего корабля и ахейцы смешаь и трояне,
 В свалке ужасной сражались врукопашь; боле не ждали
 Издали стрел поражающих или метательных копий:
 Друг против друга стоящие, равным горящце духом,
 710 Бились секирамп тяжкими, взад и вперед с лезвиямп,
 Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
 Множество пышных ножей, с рукоятками черными, наземь
 Падало окрест, летя то из рук, то с рамен ратоборцев,
 Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
 715 Гектор, корабль захватив, пред кормою стоял неотступен;
 Хвост кормовой он руками держал и кричал к ополченьям:
 «Светочей, светочей дайте! и с криком сомкнувшись гряньте!
 День, награждающий всё, даровал нам Зевес! присудил нам
 Взять корабли, что, под Трою приплыв против воли
 бессмертных,
 720 Столько нам бед сотворили по робости старцев советных:
 Старцы, когда я хотел воевать корабли сопостатов,
 В граде держали меня и троянский народ отвлекали.
 Но если в оные дни омрачал громовержец Кронион
 Наш рассудок, то ныне он сам и зовет и ведет нас!»
- 725 Рек,— и они на данаев ударили с бoльшим свирепством.
 Сын Теламонов не выстоял: стрелы его засыпали;
 Тихо герой отступал, устрась неизбежной тут смерти;
 Вспять до скамьи семистопной сошел с кормового помоста.
 Там он стоял, озираясь, и длинным кошем непрерывно
 730 Всех опрокидывал, кто наносил пожирающий пламень,
 И непрерывно ужасно кричал, убеждая данаев:
 «Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
 Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
 Может быть, мыслите вы, что поборники есть позади нам?
 735 Или стена боевая, которая нас оборонит?
 Нет никакого вблизи укрепленного башнями града,
 Где защитились бы мы, замененные свежею силою.
 Мы на троянских полях, перед войском троян твердобронных,
 К морю прибиты стоим, далеко от отчизны любезной!
 740 Наше спасение в наших руках, а не в слабости духа!»
- Рек — и свирепый кругом нападад с длиннотенною пикой.
 Каждого, кто из троян к корабельным кормам ни бросался
 С пламенем бурным в руках, возбуждаемый Гектора криком,
 Каждого он прободал, принимая огромною пикой:
 745 Так их двенадцать из собственных рук заколол пред судами.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПАТРОКЛИЯ

- Так непреклонно они за корабль крепкоснастный сражались.
Тою порою Патрокл предстал Ахиллесу герою,
Слезы горячие льющий, как горный поток черноводный
Мрачные воды свои проливает с утеса крутого.
- 5 Смотри на друга, исполнился жалости пастырь народа
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Что ты расплакался, друг Менетид? как дева-младенец,
Если, за матерью бегая, на руки просится с плачем,
Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
- 10 Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла мать, —
Ты, как она, Менетид, проливаешь обильные слезы.
Может быть, что мирмидонцам плъ мне объявить ты имеешь?
Может быть, весть о домашних из Фтии один ты прослышал?
Здравствует, сказуют, Акторов сын, отец твой Менетий;
- 15 Здравствует также и мой, Пелей Эакид в мирмидонах.
О, плачевна была б нам того плъ другого кончина! —
Может быть, ты об ахеянах тужишь, что так злополучно
Подле своих кораблей за неправду свою погибают?
Молви, в душе не скрывай ничего, чтобы оба мы знали».
- 20 Тяжко вздохнувши, ответствовал ты, Менетид конеборец:
«О Пелейон, браноносец храбрейший ахейский, прости мне
Слезы мои! Величайшее горе постигло ахеян!
Все между ими, которые в рати храбрейшими слыли,
В стане лежат, плъ в стрельбе, или в битве пронзенные медью.
- 25 Ранен стрелою Тидид Диомед, воеватель могучий;
Врукопашь ранен копьем герой Одиссей, Агамемнон,
Ранен пернатой в бедро и блистательный сын Эвемонов.
Наши врачи, богатейшие знаками, вокруг их трудятся,
Раны врачаю. Но ты, Ахиллес, один непреклонен!
- 30 О, да не знаю я гнева такого, как ты сохраняешь,
Храбрый на бедствии! Кто же в тебе обретет заступленье,
Если не хочешь ахеян спасти от напасти позорной?
Немилосердый! Родитель твой был не Пелей благодушный,
Мать не Фетидя; но синее море, угрюмые скалы
- 35 Миру тебя породили, сурового сердцем, как сами!
Если тебя устрашает какой-либо грозный оракул,
Если тебе от Кронида поведала что-либо мать,

В бой отпусти ты меня и вверх мне своих мирмидонян:
Может быть, с помощью их для данаев светом я буду.
40 Дай рамена облачить мне твоим оружием славным:
Может быть, в брани меня за тебя принимая, трояне
Бой прекратят; а данайские войны в поле отдохнут,
Боем уже изнуренные; отдых в сражениях краток.
Мы, ополчение свежее, рать, истомленную боем,
45 К граду легко отразим от судов и от сеней ахейских».

Так он просил, неразумный! Увы, не предвидел, что будет
Сам для себя он выпрашивать страшную смерть и погибель!
Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий:
«Сын благородный Менетия, что мне, Патрокл, говоришь ты?»
50 Мало меня беспокоит оракул, который я слышал;
Мне ничего не внушала почтенная мать от Зевса.
Но жестокий мне гнев наполняет и сердце и душу,
Если я вижу, что равного равный хочет ограбить,
Хочет награды лишить, потому лишь, что властью он выше!
55 Гнев мой жесток: после бедствий, какие в боях претерпел я,
Деву, которую мне в награждение избрали ахейцы,
Ту, что копьем приобрел я, разрушивши град крепкостенный,
Деву ту снова из рук у меня самовластно исторгнул
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец бесчестный!
60 Но, что случилось, оставим! И было бы мне неприлично
Гнев бесконечный в сердце питать; но давно объявил я:
Гнев мой не прежде смягчу, как уже перед собственным станом,
Здесь, пред судами моими раздастся тревога и битва.
Ты, соглашаюсь, моим облекися оружием славным,
65 Будь воеводой моих мирмидонян, пылающих боем:
Вижу, кругом уже черная туча троян обложила
Стан корабельный, ужасная; вижу, прибитые к морю
Держатся только на бреге, на узком, последнем пространстве
Рати ахейц; на них же обрушилась целая Троя,
70 Дерзкая: в поле не видят чела Ахиллесова шлема,
В очи светящего! Скоро б они полевые овраги
В бегстве наполнили трупами, если б ко мне Агамемнон
Был справедлив; но теперь, дерзновенные, стан осаждают!
Ибо уже не свирепствует в мощной руке Диомеда
75 Бурная пика его, чтобы смерть отражать от данаев;
Боле не слышится голос из уст ненавистных Атрида
В ратях данайских; но голос лишь Гектора людодубицы
Звучный гремит между воинств троянских, и криком трояне
Всю наполняют долину, в бою побеждая данаев!

80 Так да не будет, Патрокл! Отрази от судов истребленье;
Храбро ударь, да огнем не сожгут у нас сопостаты
Наших судов и желанного нас не лишат возвращенья.
Но повинуйся, тебе я завет полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой и честью великой возвысил
85 В сонме данасв. И так, чтоб данаи прекрасную деву
Отдали сами и множество пышных даров предложили,
Брань от судов отрази и назад, Менетид, возвратися!
Даже когда бы и славы добыть даровал громовержец,
Ты без меня, Менетид, не дерзай поражать совершенно
90 Храбрых троян, да и более чести моей не унизишь.
Радуюсь мужеством духа и славой победного боя,
Трой сынов истребляй, но полков не веди к Илиону,
Чтоб от Олимпа противу тебя кто-нибудь из бессмертных
В брань за троян не предстал; Аполлон беспрдельно их любит.
95 Вспять возвратися ко мне, кораблям даровавши спасенье;
Рати ж ахеян оставь на полях боевых истребляться.
Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трой сыны, и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
100 Мы бы одни разметали троянские гордые башни!»

Так меж собой говорили они. Между тем нападенья
Боле Аякс не выдержал: стрелы его удручали.
Зевсова мощь побеждала героя и храбрость дарданцев,
Быстро разивших; ужасный, кругом головы его светлый
105 Шлем, поражаемый, звон издавал; поражали всечасно
В племные выпуки медные; шуйца Аякса замлела,
Крепко дотоле державшая щит переметный; но с места
Мощного сбить не могли, принуждавшие тучею копий.
Часто и сильно дышал Теламоний; пот непрерывный
110 Лялся ручьями по всем его членам; не мог ни на миг он
Вольно вздохнуть: отовсюду беда за бедой восставала.

Ныне поведайте, Музы, живущие в сенях Олимпа,
Как на суда аргивян упал истребительный пламень.
Гектор, нагнавши, изблизил ясенный дрот у Аякса
115 Тяжким ударил мечом, и у медяной трубки копейной
Ратовье махом рассек; бесполезно Аякс Теламонид
Взнес, потрясая, обрубленный дрот: далеко от Аякса
Острая медь отлетела и о землю звукнула, павши.
Сын Теламонов познал по невольному трепету сердца
120 Дело богов, и, познав, что его все замыслы в брани

Зевс громоносный ничтожит, даря троянам победу,
Он отступил; и троянцы немедленно бросили шумный
Огонь на корабль: с быстротой разлился свирепое пламя.
Так запылала корма корабля. Ахиллес то увидел,
125 В гневе по бедрам ударил себя и вскричал к Менетиду:
«О, поспеши, Патрокл, поспеши, конеборец мой храбрый!
Зрю я, уже на судах истребительный пламень бушует!
Если возьмут корабли, не останется нам и ухода.
Друг, вооружайся быстрее, а я соберу ополченья!»

130 Так произнес, — и Патрокл вооружался блистающей медью.
И сперва положил он на быстрые ноги поножи
Пышные, кой серебряной плотно смыкались наглезной;
После поспешно броңю надевал на широкие перси,
Звездчатый, вокруг испещренный доспех Эакида героя;
135 Сверху набросил на рамо ремень и меч серебровоздный,
С медяным клинком; и щит перекинул огромный и крепкий;
Шлем на главу удалую сияющий пышно надвинул,
С конскою гривую; гребень ужасный над ним развевался.
Взял два крепкие дрота, какие споручнее были.
140 Не взял копя одного Ахиллеса героя: тяжел был
Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахейн
Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им,
Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пелиона, на гибель враждебным героям.
145 Коней же быстро впрягать Автомедону дал повеленье,
Чтимому им наиболее после Пелида героя,
Верному более всех, чтоб выдерживать бранные грозы.
Сей Автомедон подвел под ярмо Ахиллесовых коней,
Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.
150 Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра,
Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.
В припряжь завел он коня, знаменитого бегом Педаса,
Коего добыл Пеллпд, разгромивши град Этниона:
Смертный, с конями бессмертными он быстротою равнялся.

155 Тою порой Ахиллес, обходя мирмидонов по кущам,
Всех вооружал их оружием к бою. Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои елени рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагрованы кровию пасти;
160 После, стаею целой, к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока

Локчут, рыгая кровь поглощенную; в персях их бьется
Неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы,—
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
155 Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида героя,
Боем пылая; в среде их стоял Ахиллес бранолюбец,
Криком кругом возбуждая коней и мужей щитоносцев.

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстроногий,
Зевсов любимец, привел к Илиону; на каждом из оных
170 Ратных мужей пятьдесят человек при уключинах было.
Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
В войсках начальство, но сам он господствовал с властью
державной.

Первым строем начальствовал нестродоспешный Менесфий,
Сперхия сын, реки пресловутой, от Зевса ниспадной:
175 Тайно его Полидора, прекрасная дочь Пелея,
С Сперхием бурным родила, жена, сочетавшаяся с богом;
Но, по молве, с Периеридом Бором, который и браком
С нею сопрягся торжественно, выдав несметное вено.
Строй второй предводил ратоводец воинственный Эвдор,
190 Девой рожденный; его Полимела, прелестная в плясках
Филаса дочь, родила: пленился веселою девой
Гермес бессмертный, увидевший в хоре ее сладкогласном
Пляшущей в праздник Фебеи, богини ловитв златострелой;
В терем с нею взошел и таинственно с девой сопрягся
195 Гермес незлобный; и дева родила отличного сына,
Эвдора, быстрого в беге и воина храброго в битвах.
Вскоре, едва Илифия, помощная мукам родящих,
Сына на свет извела, и узрел он сияние солнца,
Актора мощного сын, Эхеклес благородный, супругой
190 В дом свой поял Полимелу, несметное выдавши вено;
Эвдора ж Филас в чертогах своих, благодетельный старец,
Сам воспитал и взрастил, полюбивши сердечно, как сына.
Третьему строю предшествовал храбрый Пизандр воевода,
Мемалов сын; ни один мирмидонец, как он, не искусен
195 Биться на копьях, кроме Ахиллесова друга Патрокла.
Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс;
Пятым — герой Алкимедон, Лаеркеев сын непорочный.
Всех их, вместе с вождями, Пелид быстроногий поставя
И красиво построя, вещал им владычнее слово:
200 «Каждый из вас, мирмидонцы, теперь да вспомнит угрозы,
Кои ми в стане, во дни моего справедливого гнева,
Вы угрожали врагам; и меня вы тогда оскорбляли:

— Лютый Пелид,— говорили,— от матери желчью ты вскормлен!
Бесчеловечный, друзей пред судами насильственно держишь!
205 Лучше назад с кораблями своими в дома возвратимся,
Ежели злоба тебе, злополучная, в сердце запала! —
Так вы мне часто, сходясь, говорили. Теперь вам предстало
Дело великое брани, которой вы столько ждали!
Каждый теперь, в ком отважное сердце, сражайся с врагами!»

210 Рек — и разжег еще более душу и мужество в каждом;
Крепче ряды их сгустились, выслушав царские речи.
Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строимом доме смыкает, в отпору насильственных ветров,—
215 Так шшаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
Щит со щитом, шшака с шшаком, человек с человеком
Плотно сходился; касался светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на войнах,— так мирмидоняне густо сомкнулись.
Всех впереди, под оружием, два браноносца стояли,
220 Храбрый Патрокл и герой Автомедон, горящие оба
В битву лететь впереди мирмидонян. Пелид же могучий
Входит под кушу и там отпирает ковчег велелпный,
Дар драгоценный, который герою в корабль мореходный
Матерь Фетида на путь положила, наполнив хптонов,
225 Мягких, косматых ковров и хлен, отражающих ветер.
Был в нем и кубок прекрасный: никто из мужей у Пелида
Черного не пил вина из него; никому из богов им
Он не творил возлияний, кроме молноеносного Зевса.
Вынув сей кубок заветный, Пелид быстроногий сначала
230 Серой очистил, потом омывал светлоструйной водою;
Руки омыл и себе и, вином наполнивши кубок,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо смотря; и не был не видим метателю грома:
«Зевс Пеласгийский, Додонский, далеко живущий владыка
235 Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!
Прежде уже ты, о Зевс, на мою преклонился молитву;
Много почтивши меня, покарал ты ужасно данаев.
Ныне еще, громодержец, сие мне исполни желанье!
Я остаюся до времени в стане моем корабельном;
240 Друга ж, любезного сердцу, и многих моих мирмидонян
В бой посылаю: победу ему ниспошли, о провидец!
Храброе сердце его укрепи, да узнает и Гектор,
Может ли с ним, и один, подвизаться служитель наш храбрый.
Или его необорные руки свирепствуют в брани

245 Только тогда, как и я выхожу на кровавые споры.
После, когда от судов отразит он пожар и убийство,
Дай, да из битв невредимый ко мне на суда возвратится,
С целым оружием нашим и храбрыми всеми друзьями!»

Так говорил он, молясь; и внимал промыслитель Крониоп.
250 Дал Пелейону одно, а другое владыка отринул:
Другу его от судов отразить и пожар и убийство
Дал; но мольбу, да из битв невредим возвратится, отринул.
Он же, когда возлиял и моленье окончил,
В кущу вошел и, в ковчег положивши кубок заветный,
255 Вышел и стал перед кущею, движимый сердца желаньем
Видеть еще и троян и ахейн жестокую битву.

Тою порою, с Патроклом героем, готовые к битве,
Воины шли, чтоб на рать троянскую гордо ударить.
Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,
260 Подле дороги живущие, коих сердить приобыкли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
Юность безумная общее зло навлекает на многих;
Ежель их человек, путешественник, мимо идущий,
Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
265 Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их,—
С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
Ряяли в поле; воинственный крик их кругом раздавался.
Вождь, их еще ободряя, Патрокл вопил громозвучно:
«Ныне, бойцы, мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
270 Будьте мужами, любезные, вспомним кипящую храбрость!
Ныне прославим Пелида, который по доблести бранной
Первый в ахейских мужах, и храбрейшие вы его слуги!
Пусть и властитель могучий, Атрид Агамемнон, познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив!»

275 Так говоря, возбудил он и более мужество ратных.
Ринулись разом противу троян, и весь стан корабельный
С громом ужасным отгрянул воинственный клик мирмидонян.
Трои сыны лишь узрели Менетия сильного сына,
Вместе с клеветом его, под сияющим пышно доспехом,
Дрогнуло сердце у всех; всколебались густые фаланги,
Мысля, что праздный дотоле герой Ахиллес быстроногий
Гнев от сердца отринул и вновь преклонился на дружбу;
Каждый стал озираться на бегство от гибели грозной.

Сын же Менетиев первый ударил с сверкающей пикой
285 Прямо в средину враждебных, где гуще ряды их толпились,
Ратую вокруг корабля благодушного Протесилая;
Там поразил он Пирехма, который отважных пеонов
Вывел из стран Амидона, где катится Акси́й широкий:
В рамо его поразил; и Пирехм, опрокинувшись, оземь
290 Грянулся, жалостно стонущий; окрест его побежали
Други пеоняне: ужасом всех поразил Менетид их,
Свергнувши войск предводителя, мужа храбрейшего в битвах.
Сих он прогнав от судов, угасил распыхавшийся пламень.
Брошен врагами корабль полсожженный; ударились в бегство
295 С страшным смятеньем трояне; дана ж рассыпались быстро
Между передних судов,— и кругом закипела тревога.
Словно когда от вершины горы огромно-высокой
Облак густой отодвинет перунов носитель Кроннион,
Всё кругом открывается: холмы, высокие скалы,
300 Доли, небесный эфир разверзается весь беспредельный,—
Так, отразив от судов пожирающий огонь, отдыхали
Рати ахеян; но бранная буря еще не стихала:
Ибо трояне еще, перед храброю ратью ахеян
Вспять обратясь, не бежали от черных судов мореходных,
305 Бодро стояли еще, от судов отступивши по нужде.

Тут человек поражал человека в рассыпанной битве;
Каждый поверг воеводу; и первый Патрокл предводитель
Вдруг обратившись в бег Арейлика пикую острой
310 Сзади в бедро поразил и насквозь смертоносную выгнал;
Кость раздробило копьё, и лицом Арейлик на землю
Пал. Менеслай между тем, ратоводца Фоаса ударив
В грудь обнаженную, мимо щита, сокрушил ему члены.
Мегес Амфибла, как тот на него устремлялся, приметя,
Вдруг упредил, поразил в бедро, где нога человека
315 Мышцей тучнейшей одета: копейное бурное жало
Жилы рассекло, и тьма пораженному очи покрыла.
Нестора старца сыны: Антилох улучил Агимния
Пикую острой; во внутренность медное жало погрузило;
Пал он у стоп победителя. Марис, копьем потрясая,
320 Прянул на внука Нелеева, вспыхнувший гневом за брата;
Стал перед телом; но быстро его Фразимед упреждает:
Прежде чем он поразил, Фразимед устремляет и верно
Ранит в плечо: острие копья у него оторвало
Руку от мышц и самую кость совершенно разбило;
325 С громом он грянулся в прах, и взор его мраком покрывся.

Так злополучные братья, от братьев сраженные, оба
В мрачный Эреб низошли, Сарпедоновы храбрые други,
Дети стрельца Амизодара, мужа, который Химеру
Выкормил неукротимую, многим на пагубу смертным.

330 Сын Оплеев Аякс, налетев, Клеобула живого,
Толпищем сбитого с ног, захватил и на месте троянцу
Жизнь сокрушил, погрузив в него меч с рукояткой огромной;
В жаркой крови разогрелся весь меч, и упавшему там же
340 Очи смежили багровая Смерть и могучая Участь.

335 Тут Пенелей и Ликон на сраженье сбежались: копья
Им обоим изменили, напрасно послали их оба;
Снова герои сошлись на мечах; и Ликон упреждает,
В шлем коневласый у бляхи разит, и при черене медный
Меч, сокрушась, разлетелся; ахеец ударил под ухом,
340 В выю весь меч погрузил и, оставшись на коже единой,
Набок повисла глава, и разрушилась крепость Ликона.

Вождь Мерпон, Акамаса преследуя, быстрый настигнул
И, в колесницу входящего, в рамо десное ударил;
Он с колесницы слетел, и в очах его тьма разлилася.

345 Идоменей Эримаса жестокою медью уметил
Прямо в уста, и в противную сторону близко под мозгом
Вырвалась бурная медь: просадила в потылице череп,
Вышибла зубы ему; и у падшего, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; из ноздрей и из уст растворенных
350 Кровь изрыгал он, пока не покрылся облаком смерти.
Так воеводы ахейские гордых врагов низлагали.
Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев,
Их вырывая из стад, которым неопытный пастырь
Дал по горам рассеяться; волки, едва их завидят,
355 Быстро напав, раздирают бессильных и трепетных тварей,—
Так на троян нападали ахейцы; но те лишь о бегстве
Думали шумном, а доблесть кипящую вовсе забыли.

Но Теламонид великий пылал непрестанно уметить
Гектора меднооружного; тот же, испытанный в битвах,
360 Турьим огромным щитом закрывая широкие плечи,
Вкруг наблюдал и свистание стрел, и жужжанье копий;
И хотя уже видел, что им изменяет победа,
Но еще оставался, к защите сподвижников верных.

365 Словно когда от Олимпа подьмется на небо туча
Воздухом ясным, как бурную грозу Кронпон готовит,—
Так от судов поднялось и смятенье, и шумное бегство:
Вспять, не в устройстве, чрез ров отступали. Но Гектора
быстро
Вынесли кони с оружием; бросил троян он, которых
Сзади насильно задерживал ров пред судами глубокий.
370 Многие в пагубном рве колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили в нем колесницы владык их.
Но Патрокл настигал, горячо возбуждая данаев,
Горе врагам замышляя; трояне и воплем и бегством
Все наполняли пути; от рассеянных войск их — до облак
375 Прах крутился столпом; растизались по полю кони,
К Трое обратно бежа от судов и от кущей ахейских.
Он же, герой, где смятенья более видел бегущих,
С криком туда налетал; упали стремглав под колеса
Мужи с своих колесниц, и, валясь, колесницы гремели.
380 Прямо меж тем через ров перепрынули бурные кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею,
Пламенно мчась вперед; повелитель их Гектора ищет,
Свергнуть его он пылает; но Гектора кони умчали.

Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
385 В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кон на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божней кары отнюдь не страшатся:
Все на земле сих людей наводняются быстрые реки,
390 Многие нависи скал отторгают разливные воды,
Даже до моря пурпурного с шумом ужасным несутся,
Прядая с гор, и кругом разоряют дела человека,—
С шумом и стоном подобным бежали троянские кони.
Сын же Менетиев быстрый, отрезав фаланги передних,
395 Снова обратно погнал и к судам их данайским притиснул;
Не дал пылающим в город войти; но в полях заключенных
Между судами, рекой и стеною ахейской высокой,
Быстро гонял, убивал и взыскал возмездие с многих.
Первого тут Проноя копьем в обнаженные перси,
400 Мимо щита, поразил и кипящую силу разрушил;
С громом он пал; победитель на Фестора, Энопа сына,
Там же напал; в колеснице блистательный Фестор несчастный
Сжавшись сидел: оковал его ужас, из трепетных дланей
Вырвались вожжи; ему, налетевший, он медную пику

405 В правую челюсть вонзил и пробил Энопиду сквозь зубы;
Пикой его через край колесничный повлек он, как рыба,рь,
Сидя на камне, нависнувшем в море, великую рыбу
Быстро из волн извлекает и нитью и медью блестящей,—
410 Так Энопида зиявшего влек он сверкающей пикой;
Сбросил на землю лицом, и от падшего жизнь отлетела.
Вслед Эриала, противу летящего, камнем с размаху
Грянул в средину главы, и она пополам расколослась
В крепком шеломе; об землю челом Эриал пораженный
415 Тут же могучий Амфотера он, Эрмаса, Эпальта,
Пира, Эхия, Дамастора сына, вождя Тлиполема,
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея ветвь, Полимела,
Всех, одного за другим, положил на всеплодную землю.

Царь Сарпедон лишь увидел своих беспояснодоспешных
420 Многих друзей, Менетида Патрокла рукою попранных,
Громко воззвал, укоряя возвышенных духом ликийян:
«Стыд, о ликийцы! бежите? теперь вы отважными будьте!
С сим браноносцем хочу я сойтися, хочу я увидеть,
425 Кто сей могучий? Уже он беды нам многие сделал.
Многим и храбрым троянам сломил уже крепкие ноги!»
Рек — и с своей колесницы с оружием прынул на землю.
Против него и Патрокл, лишь узрел, полетел с колесницы.
Словно два коршуна, с клевом покляпым, с кривыми когтями,
430 В бой, на утесе высоком, слетаются с криком ужасным,—
С криком подобным они устремились друг против друга.

Видящий их, возболезновал сын хитроумного Крона
И провещал, обращая к Гере, сестре и супруге:
«Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мне между смертных,
Днесь суждено под рукою Патрокловой пасть побежденным!
435 Сердце мое между двух помышлений волнуется в персях:
Я не решился еще, живого ль из брани плачевной
Сына восхитив, поставлю в земле плодоносной ликийской
Или уже под рукою Патрокла смирю Сарпедона».

Быстро вещала в ответ волоокая Гера богиня:
440 «Мрачный Кронийон! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Смертного мужа, издревле уже обреченного року,
Ты свободить совершенно от смерти печальной желаешь?
Волю твори, но не все олимпийцы ее мы одобрим!
Слово иное реку я, и в сердце его сохрани ты.

445 Ежели сам невредимого в дом ты пошлешь Сарпедона,
Помни, быть может, бессмертный, как ты, и другой возжелает
Сына любезного в дом удалить от погибельной брани.
Многие ратуют здесь, пред великим Приамовым градом,
Чада бессмертных, которых ты ропот жестокий возбудишь.
450 Сколько ты сына ни любишь и в сердце его ни жалеешь,
Ныне ему попусти на побоище брани великой
Пасть под руками героя, вождя мирмидонян Патрокла.
После, когда Сарпедона оставит душа, повели ты
Смерти и кроткому Сну бездыханное тело героя
455 С чуждой земли перенести в плодоносную Ликии землю.
Там и братья и други его погребут и воздвигнут
В память могилу и столп, с подобающей честью умершим».

Так говорила, и внял ей отец и бессмертных и смертных:
Росу кровавую с неба послал на троянскую землю,
460 Чествуя сына героя, которого в Трое холмистой
Должен Патрокл умертвить, далеко от отчины любезной.

Оба героя сошлись, наступая один на другого.
Первый ударил Патрокл и копьём поразил Фразимела,
Мужа, который отважнейший был Сарпедонов служитель:
465 В нижнее чрево его поразил он и крепость разрушил.
Царь Сарпедон нападает второй; но сверкающий дротик
Мимо летит и коня у Патрокла пронзает Педаса
В правое рамо; конь захрипел, испуская дыханье,
Грянулся с ревом во прах, и могучая жизнь отлетела:
470 Два остальных расскочились; ярем затрещал, и бразды их
Спутались вместе, когда пристяжной повалился на землю.
Горю сему Автомедон пособие быстро находит:
Меч свой при тучном бедре из ножен долголезвенный вырвав,
Бросился он и отсек припряжного, нимало не медля;
475 Коня другие спрямили и стали под ровные вожжи.

Снова герои вступили в решительный спор смертоносный,
И опять Сарпедон промахнулся блистательной пикой;
Низко, над левым плечом острие пронеслось у Патрокла,
Но не коснулось его; и ударил оружием медным
480 Сильный Патрокл, и не праздно копьё из руки излетело:
В грудь угодил, где лежит оболочка вокруг твердого сердца.
Пал воевода ликийский, как падает дуб, или тополь,
Или огромная сосна, которую с гор древосеки
Острыми вокруг топорами ссекут, корабельное древо,—

485 Так Сарпедон пред своей колесницей лежал распростертый,
С скрипом зубов раздирая перстами кровавую землю.
Словно поверженный львом, на стадо незапно нашедшим,
Пламенный бык, меж волов тяжконогих величеством гордый,
Гибнет, свирепо ревя, под зубами могучего зверя,—
490 Так Менетидом воинственным, царь щитоносных ликиян,
Попранный, гордо стонал и вопил к знаменитому другу:
«Главк любезный, могучий из воинов! Ныне ты должен
Быть копьеборцем отважным и воинно неустрашимым,
Должен пылать лишь свирепою бранью, ежели храбр ты!
495 Друг! поспеши и мужей предводителей смелых ликиян
Всех обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
Стань за меня ты и сам и с ахейцами медью сражайся!
Или тебе, Гишлохиду, я поношеньем и срамом
Буду всегда и пред поздним потомством, когда аргивяне
500 Латы похитят с меня, пораженного пред кораблями!
Действуй сильно и все возбуди ополчения наши!»

Так произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патрокл, наступивши пятою на перси,
Вырвал копьё,— и за ним повлеклась оболочка от сердца:
505 Вместе и жизнь и копьё из него победитель исторгнул.
Там же ахейцы и коней его изловили храпящих,
Прянувших в бег, как осталася праздною царей колесница.

Главка, при голосе друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь он нисколько не может;
510 Стиснул рукою он левую мышцу: ее удручала
Свежая рана, какую нанес воеводе стрелою
Тевкр со стены корабельной, беду от друзей отражая.
В скорби взмолился герой, обращаясь к царю Аполлону:
«Царь сребролукий, услышь! в плодоносном ли царстве
ликийском
515 Или в Троеде присутствуешь, можешь везде ты услышать
Скорбного мужа, который, как я, удручается скорбью!
Стражду я раной жестокой; рука у меня повсеместно
Болью ужасной пронзается; кровь из нее непрерывно
Хлещет, не могши увяться; рука до плеча цепенеет!
520 Твердо в бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться,
Противоставши враждебным; а воин храбрейший погибнул,
Зевсов сын, Сарпедон! не помог громовержец и сыну!
Ты ж помоги мне, о царь! уврачуй жестокою рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова

525 Храбрых ликийских мужей возбужу я на крепкую битву
И за друга сраженного сам достойно сражуся!»

Так он молился; услышал его Аполлон дальновержец;
Быстро жестокую боль утолил, из мучительной раны
Черную кровь удержал и мужеством душу наполнил.
530 Сердцем почувствовал Главк и восхитился духом, что скоро
К глазу его моления бог преклонился великий.
Бросился вдаль, и вначале мужей ратоводцев ликийских
Всех обходя, возбуждал за царя Сарпедона сражаться;
После к дружинам троян устремился, широко шагая.
535 Там воеводе Агенору, Полидамасу являлся;
К сыну Анхиза и к меднодоспешному сыну Приама,
К Гектору он представал, устремляя крылатые речи:
«Гектор, оставил ты вовсе троянских союзников славных!
Храбрые ради тебя, далеко от друзей, от отчизны,
540 Души в бою полагают; а ты защищать их не хочешь!
Пал Сарпедон, щитоносных ликийских мужей предводитель,
Строивший землю ликийскую правдой и доблестью духа.
Медный Арей Сарпедона смирил копьем Менетида.
Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
545 И не позволим оружием совлечь и над мертвым ругаться
Сим мирмидонцам, на нас разъяренным за гибель данаев,
Копьих у черных судов пистребили мы копьями многих!»

Рек,— и троян до единого тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трой оплотом, хотя иноземец,
550 Был Сарпедон; многочисленных он на помощь троянам
Воинов вывел, и сам между них отличался геройством.
Яростно Трой сыны на данаев ударили; вел их
Гектор, за смерть Сарпедонову гневный; но дух у данаев
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
555 Первых бодрил он Аяксов, пылавших и собственным духом:
«Вам, о Аяксы, встретить врагов сих да будет приятно!
Будьте героями прежними, или храбрее и прежних!
Пал браноносец, из первых взлетевший на стену данаев,
Пал Сарпедон! О, когда б нам увлечь и над ним поругаться,
560 С персей доспехи сорвать и какого-нибудь из клеветов,
Тело его защищающих, свергнуть убийственной медью».

Так возбуждал, но Аяксы и сами сразиться пылали;
И когда лишь фаланги с обеих сторон укрепили,

Трои сыны и ликийцы, ахеяне и мирмидонцы,
565 Все, сосупившись, около мертвого с яростным воплем
Подняли бой, и кругом зазвучали оружия ратных.
Зевс ужасную ночь распростер над долиной убийства,
Брань за любезного сына сугубо ужасна да будет.

Первые Трои сыны быстрооких данаев отбили;
570 Пал пораженный от них не ничтожный в мужах мирмидонских,
Сын Агаклея почтенного, вождь Эпигей благородный.
Некогда властвовал он в многолюдном Будеоне граде;
Но, знаменитого сродника жизни лишивши убийством,
Странник, прибегнул к покрову Пелея царя и Фетиды;
575 Имп он вместе с Пелидом, фаланг разрывателем, послан
В Трою, конями богатую, ратовать царство Приама.
Он было тело схватил, но его шлемоблещущий Гектор
Грянул в голову камнем; она пополам расколосась
В крепком шеломе; лицом Эпигей на бездушное тело
580 Пал, и мгновенно над ним душегубная смерть распростерлась.
Гнев Менетида объял за убийство храброго друга;
Он сквозь ряды передние бросился прямо, как ястреб
Быстрый, который преследует робких скворцов или галок,—
Так на троян и ликиян ты, о Патрокл конеборец,
585 Прямо ударил, пылающий гневом за гибель клеветра!
Там Сфенелая сразил, Ифеменова храброго сына,
Камнем ударивши в выю и жилы расторгнувши обе.
Вспять отступили передних ряды и блистательный Гектор
Так далеко, как поверженный дротик большой пролетает,
590 Если его человек, испытующий силу на играх
Или в сражении, бросит на гордых врагов душегубцев,—
Так далеко отступили трояне: отбили данаи.
Главк между тем, воевода ликиян воинственных, первый
Вспять обратясь, убил Вафиклея, высокого духом,
595 Сына Халконова: домом живущий в цветущей Элладе,
Счастлием он и богатством блистал среди мужей мирмидонских;
Дротом его среди персей, не ждавшего, Главк поражает,
Вдруг обратясь, как его самого настигал он, гоняся.
С шумом он пал,— и печаль поразила данаев, узревших
600 Сильного мужа паденье; пергамлян же радость объяла;
Падшего тело они отступили толпой; но данаи
Доблести не забывали, вперед на врагов устремлялись.
Тут Мерпон поразил Лаогона, dospешного мужа,
Сына Онетора, мужа, который жрецом в Илионе

605 Зевса Идейского был и как бог почитался народом:
Свергнул его, поразивши под челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь, и ужасная тьма окружила.
Сильный Эней на убийцу послал медножальную пику,
Чая уметить его, под щитом выступавшего круглым;
610 Тот, издалёка увидев, от меди убийственной спасся,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В твердую землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной меди.
615 Так Анхизидова медноогромная пика, сотрясшись,
В землю вошла, излетев бесполезно из длани могучей.
Гордый Эней, негодуя душою, вскричал к Мернону:
«Скоро б тебя, Мернон, несмотря, что плясатель ты быстрый,
Скоро б мой дрот укротил совершенно, когда б я уметил!»

Быстро ему возразил Мернон, знаменитый копейщик:
620 «Трудно тебе, Анхизид, и отлично могучему в битвах,
Дух укротить воевателя каждого, кто бы ни вышел
Силу измерить с тобою; и ты, как и прочие, смертен.
Если б и я угодил тебя в грудь изощренную медью,
Скоро б и ты, несмотря что могуч и на руки надежен,
625 Славу мне даровал, а властителю Тартара душу!»

Так говорил; но его порицал Менетид благородный:
«Что, Мернон, воинственный муж, расточаешь ты речи?
Верь, от речей оскорбительных гордые воины Трон
Тела не бросят, покуда кого-либо прах не покроет.
630 Руки решат кровавые битвы, а речи советы.
Ныне ахейнам должно не речи плодить, а сражаться!»

Рек — и вперед полетел; и за ним Мернон копьеборец.
Словно толпа древесеков секирами стук подымает
В горных лесах, на пространство далекое он раздается,—
635 Стук между воинств такой по земле раздавался пространной
Меди гремучей и кож неразрывных щитов волокожных,
Часто разимых мечами и копьями яростных воев.
Тут ни усерднейший друг — Сарпедона, подобного богу,
Боле не мог бы узнать: и стрелами, и кровью, и прахом
640 Весь от главы и до ног совершенно был он заметан.
Битва при нем беспрестанно кипела. Подобно как мухи,
Роем под кровлей жужжа, вокруг подоиников полных толпятся
Внешней порой, как млеко изобильно струится в сосуды,—
Так ратоборцы вокруг тела толпилися. Зевс громодержец

645 С поля пылающей битвы очей не сводил светозарных;
Он непрестанно взирал на мужей, и в душе промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслил, волнуясь сомненьем:
Или уже и его в настоящем убийственном споре,
Тут, на костях Сарпедона великого, Гектор могучий
650 Медью смирит и оружия славные с персей похитит?
Или еще да продлит он подвиг, погибельный многим?
В сих волновавшемусь мыслях, угоднее Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славного сына
Войнство Трои и меднодоспешного их воеводу,
655 Гектора, к граду погонит и души у многих исторгнет.
Гектору первому Зевс послал малодушие в перси;
Он, в колесницу вскочив, побежал, повелев и троянам
К граду бежать: уступил он священным весам Олимпийца.
Тут ни ликийцы в бою не остались храбрые: в бегство
660 Все обратились, увидев царя их, пронзенного в сердце,
Грудю тел окруженного: много их вокруг Сарпедона
Пало с тех пор, как бой сей ужасный воздвиг Олимпиец.
Быстро с ramen Сарпедона данаи сорвали доспехи
Медные, пышноблестящие, кои к судам мирмидонским
665 Другам нести повелел Патрокл, конеборец могучий.

В оное время воззвал к Аполлону Кронид тучеводец:
«Ныне гряди, Аполлон, и, восхитив от стрел Сарпедона,
Тело от черной крови, от бранного праха очисти;
Вдаль перенесши к потоку, водою омой светлоструйной,
670 Миром его умасти и одень одеждой бессмертной.
Так совершив, повели ты послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, да поспешно они Сарпедона
В край отнесут плодоносный, в пространное Ликии царство.
Тамо братня, други его погребут и воздвигнут
675 В память могилу и столп, с подобающей честью усопшим».

Рек громовержец,— и не был отцу Аполлон непокорен:
Быстро с Идейских вершин низлетел на ратное поле.
Там из-под стрел Сарпедона, подобного богу, похитил;
Вдаль перенесши к потоку, водою омыл светлоструйной,
680 Миром его умастил, одевал одеждой бессмертной,
И нести повелел он послам и безмолвным и быстрым,
Смерти и Сну близнецам, и они Сарпедона мгновенно
В край пренесли плодоносный, в пространное Ликии царство.

Тою порою Патрокл, возбуждая возницу и коней,
685 Гнал и троян и ликийя, и к собственной гибели мчался,

Муж неразумный! Когда б соблюдал Ахиллесово слово,
То избежал бы от участи горестной черныя смерти.
Но Кронида совет человеческих крепче советов:
Он устрашает и храброго, он и победу от мужа
690 Вспясть похищает, которого сам же подвигнет ко брани;
Он и Патрокловы перси неистовым духом наполнил.

Кто же был первый и кто был последний, которых сразил ты,
Храбрый Патрокл, как тебя уже боги на смерть призывали?
Первого свергнул Адраста, за ним Автоноя, Эхекла,
695 Вслед Меланиппа, Эпистора, Мегаса отрасль, Перима,
Элаза, Мулия, врукопашь всех, и героя Пиларта.
Сих он сразил, а другие спасения в бегстве искали.
Взяли б в сей день аргивяне высокую башнями Трою
С сыном Менетия, — так впереди он свирепствовал пикой, —
700 Если бы Феб Аполлон не стоял на возвышенной башне,
Гибель ему замышляя и Трон сынам поборая.
Трижды Менетиев сын взбегал на высокую стену,
Дерзко-отважный, и трижды его отражал стреловежец,
Дланью своею бессмертной в блистательный щит ударяя;
705 Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился, —
Голосом грознопретительным Феб стреловежец воскликнул:
«Храбрый Патрокл, отступи! Не тебе предназначено свыше
Град крепкодушных троян копием разорить; ни Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнейший!»

710 Рек, — и далеко назад Менетид отступил, избегая
Гнева могущего бога, стрелами разящего Феба.

Гектор же в Скейских воротах удерживал пышущих коней:
Думал, сражаться ль ему, устремившись к воинствам снова,
Или своим ратоборцам в стенах повелеть собираться?
715 В сих колебавшемусь думам, предстал Аполлон Приамиду,
Образ цветущий приявши младого, могучего мужа,
Храброго Азия, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса,
Жившего в тучной фригийской земле, при водах Сангария;
720 Образ приявши его, провещал Аполлон дальновержец:
«Битву оставил ты, Гектор? Поступок тебя не достоин!
Если б, сколь слаб пред тобою, столько могуществен был я,
Скоро б раскаялся ты, что кровавую битву оставил!
Вспясть обратись, напусти на Патрокла коней бысролетных;
725 Может быть, славу победы тебе Аполлон уготовал!»

Рек — и вновь обратился бессмертный к борьбе человекoв.
И немедленно Гектор велел Кебриону вознице
Коней бичом на сражение гнать. Аполлон же отшедший
В множестве ратных сокрылся, — и там меж ахеян воздвигнул
730 Страшную смуту, троянам и Гектору славу даруя.
Гектор ахеян других оставлял, никого не сражая;
Он на Патрокла летел, устремляя коней звуконогих.
В встречу ему и Патрокл соскочил с колесницы на землю;
Шуйцей держал он копы, а десницею камень подхитил,
735 Мрамор лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявший;
Бросил его упершись, — и летел он не долго до мужа;
Послан не тщетно из рук: поразил Кебриона возницу,
Сына Приама побочного, дерзко гонящего бурных
Гектора коней: в чело поразил его камень жестокий;
740 Брови сорвала громада; ни крепкий не снес ее череп;
Кость раздробила; кровавые очи на пыльную землю
Пали к его же ногам; и стремглав, водолазу подобно,
Сам он упал с колесницы, и жизнь оставила кости.

Горько над ним издеваясь, воскликнул Патрокл конеборец:
745 «Как человек сей легок! Удивительно быстро ныряет!
Если бы он находился и на море, рыбой обильном,
Многих бы мог удовлетворять, устриц ища, для которых
Прядал бы он с корабля, не смотря, что и море сердито.
Как он, будучи на поле, быстро нырнул с колесницы!
750 Есть, как я вижу теперь, и меж храбрых троян водолазы!»

Так издеваясь, на тело напал Кебриона героя,
Бурен, как лев разъяренный, который, загон истребляя,
В грудь прободен и бесстрашием собственным сам себя губит, —
755 Так на убитого ты, мирмидонянин, пламенный прынул.
Гектор навстречу ему соскочил с колесницы на землю;
Оба они за возницу, как сильные львы, состязались,
Кои на горном хребте, за единую мертвую серну,
Оба, голодом яримые, с гордым сражаются гневом, —
760 Так за труп Кебриона искусные два браноносца,
Храбрый Патрокл Менетид и блистательный Гектор, сражаясь,
Жаждут единый другого пронзить беспощадною медью.
Гектор, схватив за главу, из рук не пускал, безотбойный;
Сын же Менетиев за ногу влек; и кругом их другие,
Трои сыны и данай, смешались в страшную сечу.

765 Словно два ветра, восточный и южный, свирепые спорят,
В горной долине сшибаясь, и борют густую дубраву;

Крепкие буки, высокие ясени, дерен користый
Зыблются, древо об древо широкими ветвями бьются
С шумом ужасным; кругом от крушащихся треск раздается, —
770 Так аргивяне, трояне, свирепо друг с другом сшибаясь,
Падали в битве; никто о презрительном бегстве не думал.
Множество вокруг Кебриона метаемых копий великих,
Множество стрел окрыленных, слетавших с тетив, водружалось;
Множество камней огромных щиты разбивали у воев
775 Окрест его; но величествен он, на пространстве великом,
В вихре праха лежал, позабывший искусство возницы.

Долго, доколе светило средину небес протекало,
Стрелы летали с обеих сторон и народ поражали.
Но лишь достигнуло солнце години распряжки воловой,
780 Храбрость ахейя, судьбе вопреки, одолела противных:
Труп Кебриона они увлекли из-под стрел, из-под крпков
Ярых троян и оружия пышные сорвали с персей.

Но Патрокл на троян, умышляющий грозное, грянул.
Трижды влетал он в средину их, бурному равный Арею.
785 С криком ужасным; и трижды сражал девяти браноносцев.
Но когда он, как демон, в четвертый раз устремился,
Тут, о Патрокл, бытия твоего наступила кончина:
Против тебя Аполлон по побойщу шествовал быстро,
Страшен грозой. Не познал он бога, идущего в сонмах:
790 Мраком великим одеянный, шествовал в встречу бессмертный.
Стал позади и ударил в хребет и широкое плечи
Мощной рукой, — и, стемнев, закружились очи Патрокла.
Шлем с головы Менетидовой сбил Аполлон дальновержец;
Быстро по праху катясь, зазвучал под копытами коней
795 Медяный шлем; осквернились волосы пышного гребня
Черною кровью и прахом. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахом земным оскверняться:
Он на прекрасном челе, на главе богомужней героя,
Он на Пелпде сиял, но Кронпд соизволил, да Гектор
800 Оным украсит главу: приближалась бо к Гектору гибель.
Вся у Патрокла в руках раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крепкая, медью набитая; с плеч у героя
Щит, до пят досягавший, с ремнем повалился на землю;
Медные латы на нем разрешил Аполлон небожитель.
805 Смута на душу нашла и на члены могучие томность;
Стал он, как бы обаянный. Приблизился с острою пикой
С тыла его — и меж плеч поразил воеватель дарданский,

Славный Эвфорб Панфонд, который блистал между сверстных
Ног быстротой, и метаньем копья, и искусством возницы;
810 Он уже в юности двадцать бойцов сразил с колесниц их,
Впервые выехав сам на конях, изучаться сраженьям.
Он, о Патрокл, на тебя устремил оружие первый,
Но не сразил; а, исторгнув из язвы огромную пику,
Вспять побежал и укрылся в толпе; не отважился явно
815 Против Патрокла, уже безоружного, стать на сраженье.
Он же, и бога ударом, и мужа копьем укрощенный,
Вспять к мирмидонцам-друзьям отступал, избегающий смерти.

Гектор, едва усмотрел Менетида, высокого духом,
С боя идущего вспять, пораженного острою медью,
820 Прянул к нему сквозь ряды и копьем, упредивши, ударил
В пах под живот; глубоко во внутренность медь погрузилась;
Пал Менетид и в уныние страшное ввергнул данаев.
Словно как вепря могучего пламенный лев побеждает,
Если на горной вершине сражаются, гордые оба,
825 Возле ручья маловодного, жадные оба напитокя;
Вепря, уже задыхавшегося, силою лев побеждает,—
Так Менетида героя, уже погубившего многих,
Гектор великий копьем низложил и душу исторгнул.
Гордый победой над ним, произнес он крылатые речи:
830 «Верно, Патрокл, уповал ты, что Трои нашу разрушишь,
Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!
Нет, безрассудный! За них-то могучие Гектора кони,
К битвам летя, расстилаются по полю; сам копием я
835 Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
Рабство от них отразить! Но тебя растерзают здесь враны!
Бедный! тебя Ахиллес, несмотря, что могуч, не избавил.
Верно, тебе он, идущему в битву, приказывал крепко:
Прежде не мысли ты мне, конеборец Патрокл, возвращаться
840 В стан мирмидонский, доколе у Гектора мужеубийцы
Брони, дымящейся кровию, сам на груди не расторгнешь!
Верно, он так говорил, и прельстил безрассудного душу».

Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
«Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты
845 Зевса и Феба поспешеством: боги меня победили;
Им-то легко; от меня и доспехи похитили боги.
Но тебе подобные, если б мне двадцать предстали,
Все бы они полегли, сокрушенные пикой моею!

Пагубный рок, Аполлон, и от смертных Эвфорб дарданец
850 В брани меня поразили, а ты уже третий сражаешь.
Слово последнее молвлю, на сердце его сохраняй ты:
Жизнь и тебе на земле остается не долгая; близко,
Близко стоит пред тобою и Смерть, и суровая Участь
Пасть под рукой Ахиллеса, Эакова мощного внука».

855 Так говорящего, смертный конец осеняет Патрокла.
Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность.

Но к Патроклу и к мертвому Гектор великий воскликнул:
«Что, мирмидонянин, ты предвещаешь мне грозную гибель?
860 Знает ли кто, не Пелид ли, сын среброногой Фетиды,
Прежде, моим копием пораженный, расстанется с жизнью?»

Так произнес он, и медную пику из мертвого тела
Вырвал, пятою нажав, и его опрокинул он навзничь.
После немедля против Автомедона с пикой понесся;
865 Мужа могучего он, Ахиллесовых коней возницу,
Свергнуть пылал; но возницу умчали быстрые кони,
Кони бессмертные, дар знаменитый бессмертных Пелею.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

ПОДВИГИ МЕНЕЛАЯ

Он не укрылся от сильного в бранях царя Менелая,
Храбрый Патрокл, пораженный троянами в пламенной битве.
Бросая вперед, Менелай, ополченный сверкающей медью,
Около тела ходил, как вокруг юницы нежная мать,
5 Первую родшая, прежде не знавшая муки рождений, —
Так вокруг Патрокла ходил герой Менелай светлокудрый,
Грозно пред ним и копьё уставляя, и щит меднобляшный,
Каждого, кто б ни приблизился, душу исторгнуть готовый.
Но не мог пренебречь и Эвфорб, знаменитый копейщик,
10 Падшего в брани Патрокла героя; приблизился к телу,
Стал и воскликнул к могучему в битвах царю Менелая:
«Зевсов питомец, Атрид, повелитель мужей, удалися,
Тело оставь, отступись от моей ты корысти кровавой!

15 Прежде меня ни один из троих и союзников славных
В пламенной битве копьем не коснулся Патроклова тела.
Мне ты оставь меж троянами светлую славою гордиться;
Или, страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!»

Вспыхнувши гневом, воскликнул Атрид, Менелай

светлокудрый:

«Зевсом клянусь, не позволено так беспредельно кичиться!
20 Столько и лев не гордится могучий, ни тигр несмиримый,
Ни погибельный вепрь, который и большею, дикий,
Яростью в персях свирепствуя, грозною силою пышет,
Сколько Панфоевы дети, метатели копий, гордятся!
25 Но не спасла Гиперенора конника, гордого силой,
Младость его, как противу меня он с ругательством вышел:
Он вопиял, что презреннейший я меж данаями воин;
Но из битвы, я мню, не своими ногами пошел он
В доме возрадовать кровных своих и супругу младую.
30 Так и твою сокрупу я надменность, когда ты посмеешь
Ближе ко мне подойти! Но прими мой совет и скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылося! Событие зрит и безумный!»

Так он вещал; но Эвфорб непреклонный отвечивал снова:

«Нет, Менелай, расплатися теперь же со мною за убийство!
35 Брат мой тобою убит; и гордишься еще ты, что сделал
Горькой вдовою супругу его в новобрачном чторге
И почтенных родителей в плач неутешный повергнул?
О! без сомнения, плачущим я утешением буду,
Если, сорвавши с тебя и главу, и кровавые латы,
40 В руки отдам их Панфою и матери нашей Фронтисе.
Но почто остается досель не испытанным подвиг
И не решенными битвой меж нами и храбрость и робость!»

Так произнес — и ударил противника в щит меднобляшный;

Но, не проникшее меди, согнулось копейное жало
45 В твердом щите. И тогда устремился с убийственной медью
Царь Менелай, умоляющий пламенно Зевса владыку:
Вспять отскочившему он в основание горла Эвфорбу
Пику вонзил и налег, на могучую руку надежный;
Быстро жестокая медь пробежала сквозь нежную выю;
50 Грянулся оземь Эвфорб, и на нем загремели доспехи;
Кровью власы оросились, прекрасные, словно у граций,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.

Словно как маслина древо, которое муж возлеял
В уединении, где искипает ручей многоводный,
55 Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохладяя,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом серебристым;
Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает,—
Сына такого Панфоева, гордого сердцем Эвфорба,
60 Царь Менелай низложил и его обнажал от оружий.
Словно как лев, в горах возросший, могучеством гордый,
Если из стада пасомого лучшую краву похитит,
Вью он вмиг ей крушит, захвативши в крепкие зубы;
После и кровь, и горячую внутренность всю поглощает,
65 Жадно терзая; кругом на ужасного псы и селяне,
Стоя вдали, подымают крик непрерывный, но выйти
Против него не дерзают: бледный их страх обымает,—
Так из троянских мужей никого не отважило сердце
Против царя Менелая, высокого славою, выйти.
70 Скоро б к дружине понес велелепный доспех Панфоиды
Сильный Атрид; но ему позавидовал Феб дальновержец:
Он на Атрида подвигнул подобного богу Арею
Гектора; в образе Мента, киконских мужей воеводы,
К Гектору Феб провещал, устремляя крылатые речи:
75 «Гектор! бесплодно ты рыщешь, преследуя неуловимых
Юней Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!
Их укротить и управлять для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Тою порой у тебя Атрейон, Менелай браноносный,
80 Труп защищая Патроков, храбрейшего воина свергнул,
Бурную мощь обуздal он Панфоева сына Эвфорба».

Рек,— и вновь обратился бессмертный к борьбе человекoв.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стеснила;
Окрест себя обозрел он ряды и мгновенно увидел
85 Мужа, похитить спешащего светлый доспех, и другого,
В прахе простертого: кровь изливалась из раны широкой.
Бросился Гектор вперед, ополченный сверкающей медью,
Звучно кричащий и быстрый, как бурный пламень Гефестов.
И не укрылся от сына Атреева крик его звучный;
90 Думен Атрид совещаля с своею душой благородной:
«Горе! когда я оставлю доспех сей прекрасный и брошу
Тело Патрокла, за честь мою положившего душу,
Каждый меня аргивянин осудит, который увидит!
Если ж на Гектора я и троян одинок ополчуся,

95 Бегства стыдяся, один окружен я множеством буду:
Всех троянцев сюда ведет племоблещущий Гектор.
Но почто у меня волнуется сердце в сих думах!
Кто, вопреки божеству, осмелится с мужем сражаться,
Богом хранимым, беда над главой того быстрая грянет.
100 Нет, аргивяне меня не осудят, когда уступлю я
Гектору сильному в брани: от бога воинствует Гектор.
Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
С ним устремимся мы вновь и помыслим о пламенной битве,
105 Даже и противу бога, только бы тело Патрокла
Нам возвратить Ахиллесу; из зол бы то меньшее было».

Тою порою, как думы спи в уме обращал он,
Близко троян подступили ряды, и пред оными Гектор.
Вспять Менелай отступил и оставил Патроклово тело,
Часто назад озираясь, подобно как лев густобрадый,
110 Коего псы в народ от загона волов отгоняют
Копьями, криками; гордого зверя могучее сердце
Страхом стесняется; нехотя он от загона уходит,—
Так отошел от Патрокла герой Менелай светлокудрый,
Стал и назад обратился, приблизяся к сонму данаев.
115 Там он Аякса искал, Теламонова мощного сына;
Скоро увидел героя на левом крыле ратоборства,
Где он дружины свои ободрял, поощряя на битву;
Свыше ниспосланным ужасом их поразил дальновержец.
Он устремился к Аяксу и так восклицал, приближаясь:
120 «Друг Теламонид, сюда! за Патрокла сраженного в битву!
Может быть, сыну Пелееву мы возвратим хоть нагое
Тело его, а доспехи похитил убийственный Гектор».

Так говорил — и воинственный дух взволновал у Аякса.
Он устремился вперед, и при нем Менелай светлокудрый.
125 Гектор меж тем, обнаживши от славных доспехов Патрокла,
Влек, чтобы голову с плеч отрубить изощренно медью,
Труп же его изувеченный псам на съедение бросить.
Вдруг Теламонид, с щитом перед персями, башне подобным,
Грозный явился; и Гектор, назад отступивши к дружинам,
130 Прянул в свою колесницу; доспехи же отдал троянам
Несть в Илион, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонид, огромным щитом Менетида покрывши,
Грозен стоял, как становится лев пред своими детьми,
Если ему, малосильных ведущему, в мрачной дубраве,
135 Встретятся ловчие; он, раздражаясь, очами сверкает,

Хмурит чело до бровей, покрывая и самые очи,—
Сын Теламонов таков обходил Менетидово тело.

Подле его же, с другой стороны, Менелай браноносный
Мрачен стоял, величайшую горесть в сердце питая.

140 Главк между тем Гипполохид, ликпйских мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвил укоризной:
«Гектор, герой по наружности! как ты далек от геройства!
Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!

145 Думай о способах, как от враждебных и град свой и замок
Можешь избавить один ты с мужами, рожденными в Трое.

Что до ликиян, вперед ни один не пойдет на данаев
Биться за град; никакой благодарности здесь не находит,
Кто ежедневно и ревностно с вашими бьется врагами.

150 Как же простого ты ратника в войске народном заступишь,
Муж злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
Предал без всякой защиты ахеянам в плен и добычу?

Мужа, только услуг оказавшего в жизни как граду,
Так и тебе? Но и псов от него отогнать не дерзнул ты!

155 Если еще хоть один от ликийских мужей мне послушен,
Мы возвратимся в дома: приближается пагуба Трои! —
Если б имели трояне отважность и дух дерзновенный,
Дух, мужей обымающий, кои за землю родную

Против врагов и труды, и жестокие битвы подъямут,
Скоро бы мы увлекли в илионские стены Патрокла.

160 Если ж бы славный мертвец сей в обитель владыки Приама,
В град Илион перешел, среди боя захваченный нами,
Скоро б ахеицы нам выдали пышный доспех Сарпедона;
Мы и его самого принесли б в илионские стены:

Ибо повержен служитель героя, который славнее

165 Всех аргивян при судах и клеветов предводит храбрейших.
Ты ж не дерзнул Теламонову сыну. Аяксу герою,
Противостать и, бестрепетно смотря противнику в очи,
Прямо сразиться не смел: несравненно тебя он храбрее!»

Гневно на Главка взглянув, отвечал шлемоблещущий

Гектор:

170 «Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
Мыслил, о друг, я доньше, что разумом ты превосходишь
Всех населяющих землю пространной державы ликийской;
Ныне ж твой ум совершенно порочу; и что ты вещаешь?
Ты вопнешь, что не смел я Аякса огромного встретить?»
175 Нет, ни сраженья, ни топота конского я не страшился!
Но Кронида совет человеческих крепче советов:

Он устрашает и храброго, он и от мужа победу
Вспять похищает, которого сам же подвигнет ко брани.
Шествуй со мною, и стой близ меня, и рассматривай дело:
180 Целый ли день я останусь, как ты проповедуешь, робким;
Или какого-нибудь, и кипящего боем данайца,
Мужество я укрошу при защите Патроклова тела!»

Так произнес — и, троян возбуждающий, звучно воскликнул:
«Трои сыны, и ликийцы, и вы, рукоборцы дардане!
185 Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную доблесть;
Я ж Ахиллеса героя оденуся бранным доспехом,
Славным, который добыл я, Патроклову мощь одолевши.»

Так восклицающий, вышел из битвы пылающей Гектор,
Шлемом сияя; пустился бежать и настигнул клеветров
190 Скоро, еще не далеких, стремительно их догоняя,
Несших в святой Илион Ахиллесов доспех знаменитый.
Став от боя вдали, Приамид обменялся доспехом:
Свой разрешил и отдал, да несут в илионские стены
Верные друзья, а сам облакался доспехом бессмертным
195 Славного мужа Пелида, который небесные боги
Дали Пелею герою; Пелей подарил его сыну,
Старец; но сын под доспехом отца не успел состариться.

Зевс, олимпийский блистатель, узрев, как от битв удаленный
Гектор доспехом Пелида, подобного богу, облекся,
200 Мудрой главой покивал и в душе своей проглаголал:
«Ах, злополучный, душа у тебя и не чувствует смерти,
Близкой к тебе! Облекаешься ты бессмертным доспехом
Сильного мужа, которого все браноносцы трепещут!
Ты умертвил у него кроткодушного, храброго друга
205 И доспехи героя с главы и с ramen недостойно
Сорвал! Но дам я тебе одоление крепкое в брани
Мзду того, что из рук от тебя, возвратившего с боя,
Славных оружий Пелида твоя Андромаха не примет!»

Рек — и манием черных бровей утвердил то Кроннион.
210 Гектора тело доспех обольнул, и вступил ему в сердце
Бурный, воинственный дух; преисполнились все его члены
Силой и крепостью. Он к знаменитым друзьям Илиона
Шествовал с криком могучим, и взорам всех представлялся,
В блеске доспехов бессмертных, самим Ахиллесом великим.
215 Так обходящий ряды, ободрял воевод он речами:

Месфла, Ферсилоха, Медона, ветвь Гипполохову Главка,
Гиппофооя, Дезинора, Астеропея героя,
Хромия, Форка и славного в птицегаданье Эннома;
Сих возбуждал он вождей, устремляя крылатые речи:
220 «Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей!
Я не искал многолюдства, и, нужду не в оном имея,
Вас из далеких градов собирал я в священную Троию.
Нет, но чтоб вы и супруг и детей неповинных троянских
Ревностью мне защищали от бранолюбивых данаев.
225 С мысляю сею и даями я, и припасами корма
Свой истощаю народ, чтобы мужество ваше возвысить.
Станьте ж в лицо сопротивных; и каждый из вас или гибни,
Или спасай свой живот! таково состояние ратных!
Кто между вами Патрокла, хотя и убитого, ныне
230 К сонму троян привлечет и пред кем Теламонид отступит,
Тот половину корыстей возьмет, половина другая
Будет моею; но славою он, как и я, да гордится».

Гектор сказал, — и они на данаев обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось их сердце,
235 Тело Патрокла отбить у Аякса, твердыни данаев.
Мужи безумные! многим при теле исторгнул он душу.
Их усмотревши, Аякс возгласил к Менелая герою:
«Друг Менелай, питомец Зевеса! едва мы, как мысляю,
Сами успеем с тобой возвратиться живые из битвы!
240 Я беспокоюсь не столько о теле Менетия сына:
Скоро несчастный насытит и псов и пернатых троянских, —
Сколько страшусь о главе и своей и твоей, чтобы горе
Их не постигнуло; тучею брани здесь все покрывает
Гектор; и нам, очевидно, грозит неизбежная гибель!
245 Кличь, о любезный, данайских героев; быть может, услышат».

Так говорил, и послушал его Менелай светловласый, —
Голосом громким вскричал, призывая на помощь данаев:
«Други, вожди и правители мудрые храбрых данаев,
Вы, которые в пиршествах с нами, сынами Атрея,
250 Вместе народное пьете и каждый народом подвластным
Правите: власть бо и славу приемлете свыше от Зевса!
Каждого ныне из вас распознать предводителя воинств
Мне невозможно: сражения пламень кругом нас пылает!
Сами спешите сюда и, наполняясь гордого гнева,
255 Быть Патроклу не дайте игралischem псов илионских!»
Так восклицал он, — и ясно услышал Аякс Оikleев;

Первый предстал к Менелаю, побоищем быстро пробегший;
Следом за ним Девкалид и сопутник царя Девкалида,
Муж Мернион, Эппалию равный, губителю смертных.
260 Прочих мужей имена кто мог бы на память поведать,
После пришедших и быстро восставивших битву данаев?

Прежде трояне напали громадой; предшествовал Гектор.
Словно, как в устьях реки, от великого Зевса ниспадной,
Вал, при истоке, огромный ревет и высокие окрест
265 Вокруг берега от валов, изрыгаемых морем на сушу,—
Столько был шумен подъятый троянами клик; но данаи
Вкруг Менетида стояли, единым кипящие духом,
Крепко сомкнувшись щитами их медными. Свыше над ними,
Окрест их шлемов сияющих, страшный разлил громодержец
270 Мрак; никогда Менетид ненавистен владыке бессмертных
Не был, доколе дышал и служил Эакиду герою;
Не было богу угодно, чтоб снедию псов илионских
Стал Менетид,— и воздвиг он друзей на защиту героя.

Первые сбили трояне ахейских сынов быстрооких.
275 Тело оставя, побегли они; но ни воя меж ними
Трои сыны не сразили, надменные, как ни пылали;
Тело ж они увлекли; но вдали от него и данаи
Были не долго: их всех обратил с быстротою чудесной
Сын Теламона, и видом своим, и своими делами
280 Всех аргивян превышающий, после Пелида героя.
Ринулся он сквозь передних, могучеством вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псов, и молодых звероловцев
Всех, обращая быстро, легко рассыпает по дебри,—
Так Теламона почтенного сын, Аякс благородный,
285 Бросясь, рассыпал легко сопротивных густые фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцем пылали
В стены градские увлечь и великою славою покрыться.
Тело уж Гиппофою, пеласгийского Лефа рождение,
За ногу торопко влек по кровавому поприщу боя,
290 Около глезны, у жил, обвязавши ремнем перевесным;
Гектору сим и троянам хотел угодить он; но быстро
Гибель пришла, и не спас ни один из друзей пламеневших.
Грозный Аякс, на него сквозь разорванных толпиц обрушась,
Пикою врукопашь грянул по меднолазитному шлему;
295 И расселся шлом густогривый под медяным жалом,
Быв поражен и огромным копьем, и рукою могучей.
Мозг по Аякса копью побежал из главы раздробленной,

Смешанный с кровью: исчезла могучесть; из трепетных дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустил, и на месте
300 Сам он, лицом повалившись, пал подле мертвого мертвый,
Пал далеко от Лариссы родной; ни родителям бедным
Он не воздал за труды воспитания; век его краток
Был на земле, Теламонова сына копьем пресеченный.
Гектор меж тем на Аякса направил сияющий дротик.
305 Тот, хоть и в пору завидел, от быстронесущейся меди
Чуть уклонился; но Гектор Схедия, Ифитова сына,
Храброго мужа фokeян, который в славном Панопе
Домом богатым владел и властвовал многим народом,—
Мужа сего поразил под ключом: совершенно сквозь выю
310 Бурное жало копья и сквозь рамо вверху пробежало;
С шумом упал он на дол, и взгремели на падшем доспехи.
Мощный Аякс бранодушного Форка, Фенопсова сына,
Труп защищавшего Гиппофооя, ударил в утробу:
Лату брони просадила в внутренность медь сквозь утробу
315 Вылила; в прах повалившись, хватает рукою он землю.
Вспять отступили передних ряды и сияющий Гектор.
Крикнули громко данаи и Гиппофооя и Форка
Разом тела увлекли и с ramen их сорвали доспехи.

Скоро опять бы трояне от бранолюбивых данаев
320 Скрылися в град, побежденные собственной слабостью духа;
Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлон на данаев,
Гневный, Энея воздвигнул, образ прияв Перифаса,
Сына Эпптова: он при отце престарелом Энея,
325 Вестником быв, состарелся, исполненный кротких советов;
Образ приявши его, Аполлон провещал ко Энею:
«Как же могли б вы, Эней, защитить, вопреки и бессмертным,
Град Иллион, как я некогда видел других человекoв,
Крепко надежных на силу, на твердость сердец и на храбрость,
330 С меньшей дружиной своею, превышею всякого страха!
Нам же и самый Кронид благосклоннее, чем аргивянам,
Хочет победы; но вы лишь трепещете, стоя без битвы!»

Так провещал,— и Эней пред собою познал Аполлона,
В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным:
335 «Гектор и вы, воеводы троян и союзных народов!
Стыд нам, когда мы вторично от бранолюбивых данаев
Скроемся в град, побежденные собственной слабостью духа!
Нет, божество говорит,— предо мною оно предстояло,—

Зевс, промыслитель верховный, нам благосклонствует в брани!
310 Прямо пойдём на данаев! Пускай сопостаты спокойно
К чёрным своим кораблям не приближатся с телом Патрокла!»

Рек — и, из ряду переднего вылетев, стал перед войском.
Трои сыны обратились и стали в лицо аргивянам.
Тут благородный Эней, ополченный копьем, Леокрита,
345 Сына Аризбанта, сверг, Ликомедова храброго друга.
В жалость о падшем пришел Ликомед, благодушный воитель;
К телу приблизился, стал и, сняющий ринувши дротик,
Он Аписаона, сына Гиппасова, сил воеводу,
В печень под сердцем пронзил и сломил ему крепкие ноги,
350 Мужу, который притек от цветущих полей неонийских
И на битвах блистал, как храбрейший по Астеропее.
В жалость пришел о поверженном Астеропей бранодушный;
Прямо и он на данаев ударил, пылая сразиться:
Тщетная доблесть! Кругом, как стеной, ограждались щитами
355 Окрест Патрокла стоящие, острые копыа уставив.
Их непрестанно Аякс обходил, убеждающий сильно:
Шагу назад отступать не приказывал сын Теламонов;
С места вперед не идти, чтоб вдаль от дружины сражаться;
Крепко у тела стоять и при нем с нападающим биться.
360 Так убеждал их великий Аякс. Между тем заливалась
Кровью багряной земля, упали одни на другие
Трупы как храбрых троян и союзников их знаменитых,
Так и данайских мужей; и они не без крови сражались;
Меньше лишь гибуло их; помышляли они беспрестанно,
365 Как им друг друга в толпе защищать от опасности грозной.

Битва пылала, как огонь пожирающий; каждый сказал бы, —
Верно, на тверди небесной не цело ни солнце, ни месяц:
Мраком таким на побоище были покрыты герои,
Кои кругом Менетида, его защища, стояли.
370 Прочие ж рати троян и красивопоножных данаев
Вольно сражались, под воздухом ясным; везде разливался
Пламенный солнечный свет, над равниною всей, над горами
Не было облака; с отдыхом частым сражались войски;
Стороны обе свободно от стрел уклонялись горьких,
375 Ратуюсь издали. Здесь же, в середине, во мраке и сече
Горе терпели; нещадно жестокая медь поражала
Воев храбрейших. Но к двум браноносцам еще не достигла,
К славным мужам, Фразимеду и брату его Антилоху,
Весть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый

380 Жив и пред первой фалангою ратует гордых пергамлян.
Оба они, от друзей отвращая убийство и бегство,
В поле отдельно сражался; так заповедовал Нестор,
В бой могучих сынов от ахейских судов посылая.

Те ж с одинаким неистовством спорили в страшном убийстве
385 Целый сей день; от труда непрерывного потом и прахом
Были колена, и ноги, и голени каждого воя,
Были и руки и очи покрыты на битве, плавшей
Вкруг знаменитого друга Пелеева быстрого сына.
Словно когда человек вола огромного кожу
390 Юношам сильным дает растянуть, напоенную туком;
Те, захвативши ее и кругом расступившись, тянут
В разные стороны; влага выходит, а тук исчезает,
И, от многих влекущих, кругом расширяется кожа,—
Так и сюда и туда Менетида, на узком пространстве,
395 Те и другие влекли: несомненной надеждой пылали
Трои сыны к Илиону увлечь, а данайские мужи
К быстрым судам; и кругом его тела кипел ратоборный
Бурный мятеж; ни Арей, возжигатель мужей, ни Афина,
Видя его, не хулу б изрекла, и горящая гневом.

400 Подвиг такой за Патрокла, и воям и коням жестокий,
В день сей устроил Зевес. Но дотоле о смерти Патрокла
Вовсе не ведал герой Ахиллес, бессмертным подобный;
Рати далеко уже от ахейских судов воевали,
Близко троянской стены; не имел он и дум, что сподвижник
405 Пал; уповал он, что жив и, приблизясь к вратам Илиона,
Вспять возвратится; он ведал и то, что Приамова града,
Трои, Патрокл без него не разрушит, ни с ним совокупно.
Часто о том он слышал от матери: в тайных беседах
Сыну она возвещала совет великого Зевса;
410 Но беды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нежная мать: погибели друга, дражайшего сердцу.

Те ж неотступно у тела, уставивши острые копыя,
Беспрерывно сшибались, один поражая другого.
Так восклицали иные от меднодоспешных данаев:
415 «Други данаи! бесславно для нас возвратиться отсюда
К нашему стану! На этом пусть месте утроба земная,
Мрачная, всех нас поглотит! И то нам отраднее будет,
Нежели тело сие попустить конеборцам троянам
С поля увлечь в Илион и сияющей славой покрыться!»

420 Так же иной говорил и в дружине троян крепкодушных:
«Други, хотя бы нам должно у труппа сего и погибнуть
Всем до последнего, с поля сего не сойдем ни единый!»

Так восклицали трояне — и дух у друзей распаяли.
Яростно билися воины; гром, раздаваясь, железный
425 К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира.

Кони Пелеева сына, вдали от пылающей битвы,
Плакали стоя, с тех пор как почували, что их правитель
Пал, низложенный во прах, под убийственной Гектора дланью.
Сын Диореев на них Автомедон, возатай искусный,
430 Сильно и с быстрым бичом налегал, понуждающий к бегу,
Много и ласк проговаривал, много и окриков делал:
Но ни назад, к Геллеспонту широкому, в стан мирмидонский,
Кони бежать не хотели, ни в битву к дружинам ахейским.
Словно как столп неподвижен, который стоит на кургане,
435 Мужа усопшего памятник или жены пменитой, —
Так неподвижны они в колеснице прекрасной стояли,
Долу потупивши головы; слезы у них, у печальных,
Слезы горячие с веждей на черную капали землю,
С грусти по храбром правителе; в стороны пышные гривы
440 Выпав из круга ярма, у копыт осквернялся прахом. —
Коней печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель
И, главой покивав, в глубине проглаголал душевной:
«Ах, злополучные, вас мы почто даровали Пелею,
Смертному сыну земли, не стареющих вас и бессмертных?»
445 Разве, чтоб вы с человеками бедными скорби познали?
Ибо из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.
Но не печальтесь: вами отнюдь в колеснице блестящей
Гектор не будет везом торжествующий: не попушу я!
450 Иль не довольно, что он Ахиллеса доспехом гордится?
Вам же я новую крепость вложу и в колена и в сердце;
Вы Автомедона здравым из пламенной брани спасите
К черным судам, а троянам еще я славу дарую
Рать побивать, доколе судов мореходных достигнут,
455 И закатится солнце, и мраки священные снидут».

Так пронзес он — и коням вдохнул благородную силу.
Кони, от грив пресмыкавшихся прах отряхнувши на землю,
Вдруг с колесницею быстрой меж двух ополчений влетели.
Ими напал Автомедон, хотя и печальный по друге;

460 Он на конях налетал, как на стаю гусиную коршун.
Быстро и вспять убежал от свирепости толпиц троянских,
Быстро скакал и вперед, обращающий толпища в бегство.
Но, в погоню бросаясь, он не сражал сопротивных;
Не было средства ему, одному в колеснице священной,
465 Вдруг и копые устремлять, и коней укрощать быстролетных.
Скоро увидел его мирмидонянин, сердцу любезный,
Искренний друг Алкимедон, Лаеркея сын Эмониды;
Сзади приблизился он и вещал к Автомедону громко:
«Друг Автомедон, какой из бессмертных совет бесполезный
470 В сердце тебе положил и суждение здоровое отнял?
Что ты противу троян, впереди, одинокий воюешь?
Друг у тебя умерщвлен, а броню, с него совлеченной,
Перси покрыв, величается Гектор, броней Ахиллеса!»

Быстро ему с колесницы вещал Диорид Автомедон:
475 «Кто, Алкимедон могучий, как ты, из ахеян искусен
Коней бессмертных в деснице держать и покорность и ярость?
Был Менетид, искусством ристателя, в дни своей жизни,
Равный богам; но великого смерть и судьба одолела!
Шествуй, любезный; и бич, и блестящие конские вожжи
480 В руки прими ты; а я с колесницы сойду, чтоб сражаться».

Так произнес; Алкимедон на бранную стал колесницу;
Разом и бич и бразды захватил в могучие руки;
Но Диорид соскочил; и узрел их сияющий Гектор,
И к Энею герою, стоящему близко, воскликнул:
485 «Храбрый Эней, меднолатный дарданцев советник верховный!
Я примечаю коней быстрого мужа Пелида,
В битве явившихся вновь, но с возницами, робкими духом.
Я уповаю добыть их, когда и твое совокупно
Сердце готово; уверен, когда нападём мы с тобою,
490 Противостать не посмеют они, чтобы с нами сразиться».

Рек, — и послушался Гектора сын знаменитый Анхизов:
Бросился прямо, оставив пред персями тельчье кожи,
Крепкие кожи сухие, покрытые множеством меди.
С ними и Хромий герой и Арет, красотой небожитель,
495 Бросились оба; надеждою верной ласкалось их сердце
И возниц поразить, и угнать их коней крутовыйных.
Мужи безумцы! они не без крови должны возвратиться
Вспять от возниц. Автомедон едва помолвился Крониду,

Силою в нем и отвагой наполнилось мрачное сердце.
500 Быстро воззвал Диорид к Алкимедону, верному другу:
«Друг Алкимедон! держись от меня недалече с коньями;
Пусть за хребтом я слышу их пышущих: ибо увереп,
Гектор, на нас устремленный, едва ль обуздает свирепство,
Прежде пока не взойдет на коней Ахиллесовых бурных,
505 Нас обоих умертвив, и покуда рядов не погонит
Воинств ахейских иль сам пред рядами не ляжет сраженный!»

Так произнеши, к Аяксам воззвал и к царю Менелая:
«Царь Менелай и аргивских мужей воеводы Аяксы!
Храбрым другим аргивьянам поверьте заботу о мертвом;
510 Пусть окружают его и враждебных ряды отражают;
Вы же от нас, от живых, отразите грозящую гибель!
Здесь нападают на нас, окруженных плачевным убийством,
Гектор герой и Эней, храбрейшие воины Трон!
Впрочем, еще то лежит у бессмертных богов на коленах:
515 Мчись и мое копье, а Кронион решит остальное!»

Рек он — и, мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил Арета в блистательный щит круговидный;
Щит копья не сдержал: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запон блистательный в нижнее чрево погрузило.
520 Так, если юноша сильный, с размаху секирою острой
В голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсем рассечет; подскочивши, телец упадет,—
Так подскочил он и навзничь упал; изощренная — сильно
Медь у Арета в утробе сотрясшись, разрушила крепость.
525 Гектор пустил в Автомедона пикой своею блестящей;
Тот же, приметив ее, избежал угрожающей меди,
Быстро вперед наклонясь; за хребтом длиннотенная пика
В черную землю вонзилась и верхним концом трепетала
Долго, пока не смирилась ярость убийственной меди.
530 И они б на мечах рукопашно сразиться сошлись;
Но Аяксы могучие пламенных их разлучили,
Оба пришедши сквозь сечу на дружеский голос призывный.
Их устрася могучих, стремительно вспять отступили
Гектор герой, и Эней Анхизид, и божественный Хромий;
535 Друга Арета оставили там, прободенного в сердце,
В прахе лежащего; сын Диореев, Арею подобный,
С тела оружия сорвал и так, торжествуя, воскликнул:
«Ах, наконец хоть несколько я о Патрокловой смерти
Горесть от сердца отвел, хотя и слабейшего свергнув!»

540 Рек — и, подняв, в колесницу корысти кровавые бросил;
Быстро поднялся и сам, по рукам и ногам отовсюду
Кровью облитый, как лев истребительный, тура пожравший.

Окрест Патрокла с свирепостью новою брань загоралась,
Тяжкая, многим плачевная; бой распалая Афина,
545 С неба нисшедши: ее ниспослал промыслитель Кроннион
Дух аргивян возбудить: обратилось к ним его сердце.
Словно багряную радугу Зевс простирает по небу,
Смертным являющий знаменье или погибельной брани,
Или години холодной, которая пахарей нудит
550 В поле труды прерывать, на стада же унылость наводит,—
Дочь такова громодержца, в багряный одетая облак,
К сонму данаев сошла и у каждого дух распалая.
К первому сыну Атрея богиня, помощная в бранях,
Бывшему ближе других, Менелая герою воззвала,
555 Феникса старца приявшая образ и голос могучий:
«Стыд и позор, Менелай, на тебя упадет вековечный,
Если Пелида великого — верного друга Патрокла,
Здесь, под стеною троянскою, быстрые псы растерзают!
Действуй решительно, все возбуди ополченья данаев!»

560 Быстро отвечивал ей Менелай, знаменитый воитель:
«Феникс, отец, давнородшийся старец! да даст Тритогена
Крепость деснице моей и спасет от убийственных копий!
В сечу готов я лететь, готов отстаивать тело
Друга Патрокла: глубоко мне смерть его тронула душу!
565 Но свирепствует Гектор, как бурный огонь; непрестанно
Все истребляет кругом: громовержец его прославляет!»

Рек,— и наполнилась радостью дочь светлоокая Зевса:
Ибо ее от бессмертных молящийся первую призвал.
Крепость ему в рамена и в колена богиня послала,
570 Сердце ж наполнила смелостью мухи, которая, мужем
Сколько бы крат ни была, дерзновенная, согнана с тела,
Мечется вновь уязвить, человеческой жадная крови,—
Смелость такая Атриду наполнила мрачное сердце.
Бросился он к Менетиду и ринул блестящую пику.
575 Был меж троянами воин Подес, Этионова отрасль,
Муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских
Гектором чтимый, как друг, и в пирах собеседник любезный.
Мужа сего, обратившего в бегство, Атрид светловласый
В запон копьём поразил, и насквозь его медь просадила;

590 С шумом он грянулся в прах; и Атрид Менелай дерзновенно
Мертвого к сонму друзей от троян повлек одинокий.
Гектора тою порой возбуждал стреловержец, являя,
Фенопса образ приявши, который Приамову сыну
Другом любезнейшим был, Абидоса приморского житель;
585 Образ приявши его, провещал Аполлон стреловержец:
«Кто ж еще более, Гектор, тебя утрашит из данаев,
Ежели ты Менелая трепещешь? Был он донине
Воин в сражениях слабый, а ныне один от пергамляп
Тело влечет! У тебя умертвил он любезного друга,
590 Храброго, в первом ряду, Этионова сына, Подеса!»

Рек, — и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Он устремился вперед, потрясая сверкающей медью.
В оное время Кронион принял свой эгид бахромистый,
Пламеннозарный, и, тучами черными Иду покрывши,
595 Страшно блеснул, возгремел и потряс громовержец эгидом,
Вновь посылая победу троянам и бегство данаям.

Бегство ужасное начал вождь Пенелей беотиец.
Он, беспрестанно вперед устремляясь, в рамо был ранен
Сверху скользнувшим копьем; но рассекло тело до кости
600 Поллдамаса оружие: он его рукопашь ранил.
Гектор ударом копья Алектриона сыну, Ленту,
Руку близ кисти пронзил и унял его рьяную храбрость;
Он побежал, озираяся; более в сердце не чаял
Острою пикой владеть и сражаться с народом троянским.
605 Гектора ж Идоменей, на Лента летевшего, прямо
В грудь, у сосца, по блестящему панцирю пикой ударил:
Пика сломилась у трубки огромная; крикнула громко
Сила троянская. Гектор направил копье в Девкалида
(Он в колеснице стоял) и немного в него не уметил;
610 Керана он поразил, Мерионова друга-возницу,
Мужа, который за ним из цветущего следовал Ликта.
(Пешим сперва Девкалид от судов мореходных явился
В битву и, верно, б троянам великую славу доставил,
Если бы Керан скорее коней не пригнал быстроногих:
615 Светом царю он явился, годину отвел роковую,
Сам же — дух свой предал под убийственной Гектора дланью.)
Гектор его копием улучает под челюсть, и зубы
Вышла острая медь и язык посредине рассекла;
Он с колесницы падет и бразды разливает по праху.
620 Их Мерион, наклоняся поспешно, своими руками

С праха земного подъял и воскликнул к царю Девкалиду:
«Быстро гони, Девкалион, пока до судов не домчишься!
Ныне ты видишь и сам, что победа уже не ахеян!»

Рек,— и бичом Девкалион хлестнул по коням лепогривым,
625 Правя к судам; боязнь Девкалиону пала на сердце.
В оное же время постиг и Аякс, и Атрид световласый
Волю Крониды, что Трон сынам даровал он победу.
Слово пред воинством начал Аякс Теламонид великий:
«Горе, о други! Теперь уж и тот, кто совсем малосмыслен,
630 Ясно постигнет, что славу Крониды троянам дарует!
Стрелы троянские, кто б ни послал их, и слабый и сильный,
Все поражают: Кронид без различия все направляет;
Стрелы же наши у всех бесполезно валяются на землю!
Но решимся, данаи, и сами помыслим о средстве,
635 Как Менетидово тело увлечь от враждебных, и вместе
Как, и самим возвратяся, друзей нам возрадовать милых,
Кои, взирая на нас, сокрушаются; более, мыслят,
Гектора мужеубийцы ни силы, ни рук необорных
Мы не снесем, но в суда мореходные бросимся к бегству.
640 О, если б встретился друг, к объявлению вести способный
Сыну Пелееву; он, как я думаю, вовсе не слышал
Вести жестокой, не знает, что друг его милый погибнул.
Но никого я такого не вижу в дружине ахейской.
Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони!
645 Зевс, наш владыка, избавь аргивян от ужасного мрака!
Дневный свет возврати нам, дай нам видеть очами!
И при свете губи нас, когда уже так восхотел ты!»

Так говорил,— и слезами героя отец умилился:
Быстро и облак отвел, и мрак ненавистный рассеял;
650 Солнце с небес засияло, и битва кругом осветилась.
И Аякс Теламонид воззвал к Менелая Атриду:
«Ныне смотри, Менелай благородный, и если живого
Можешь обрести Антилоха, почтенного Нестора сына,
Сам убеди, да скорее идет Ахиллесу герою
655 Весть объявить, что любезнейший друг его в брани погибнул!»

Так говорил,— и послушал его Менелай светловласый;
Но уходил от побоища, словно как лев от загона,
Где наконец истомился, и псов и мужей раздражая.
Зверю они не дающие тука от стад их похитить,
660 Целую ночь стерегут, а он, алкающий мяса,

Мечется прямо, но тщетно ярится: из рук дерзновенных
С шумом летят, устремленному в сретенье, частые копыя,
Главни горящие; их устрашается он, и свирепый,
И со светом Зари удаляется, сердцем печален,—
655 Так от Патрокла герой отошел, Менелай светловласый,
С сильным в душе нехотением: он трепетал, да ахейцы,
В пагубном страхе, Патрокла врагам не оставят в добычу;
Сильно еще убеждал Мерпона и храбрых Аяксов:
«Други Аяксы и ты, Мерпон, аргивян воеводы!
670 Вспомните кротость душевную бедного друга Патрокла,
Вспомните все вы; доколе дышал, приветен со всеми
Быть он умел, но теперь он постигнут судьбою и смертью!»

Так говорящий друзьям, уходил Менелай светловласый,
Смотря кругом, как орел быстропарный, который, вещают,
675 Видит очами острее всех поднебесных пернатых:
Как ни высоко парит, от него не скрывается заяц
Легкий, под темным кустом притаившийся; он на добычу
Падает, быстро уносит и слабую жизнь исторгает,—
Так у тебя, Менелай благородный, светлые очи
680 Быстро вращались кругом по великому сонму ахеян,
Жадные встретить живого еще Антилоха младого.
Скоро его он увидел на левом краю ратоборства,
Где ободрял он друзей, возбуждая на крепкую битву.
Близко к нему подходя, возгласил Менелай светловласый:
685 «Шествуй сюда, Антилох, услышишь ты, Зевсов питомец,
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершаться!
Ты, я уверен, и собственным взором уже наблюдая,
Видишь, какое бедствие бог на данаев обрушил!
Видишь, победа троян! Поражен аргивянин храбрейший;
690 Пал наш Патрокл! Беспредельная горесть данаев постигла!
Друг, к кораблям фессалийским немедля беги, Ахиллесу
Весть объявить; не успеет ли он спасти хоть нагое
Тело Патрокла: доспехи совлек торжествующий Гектор!»

Так говорил; Антилох ужаснулся, услышавши речи;
695 Долго стоял он, от ужаса нем; но у юноши очи
Быстро наполнились слез, и поднявшийся голос прервался.
Но не презрел он и так повелений царя Менелая:
Бросился, ратный доспех Лаодоку любезному вверив,
Другу, державшему подле коней его твердокопытых.
700 Быстро, лиющего слезы, несли его ноги из боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово поведать.

Сердцу, Атрид, твоему не угодно, божественный, было
Тех утесненных друзей защищать, которых оставил
Несторов сын: в сокрушении горьком остались пылосцы;
705 К ним Менелай послал Фразимеда, подобного богу;
Сам же опять полетел на защиту Патрокла героя;
Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово:
«Я Антилоха послал к мирмидонским судам мореходным,
С вестию сыну Пелееву быстрому; но, я уверен,
710 Он не придет, хоть и страшно на Гектора мощного гневен.
Как он, лишенный оружия, в битву с троянами вступит?
Сами собою, данаи, придумаем способ надежный,
Как и сраженного друга спасем от враждебных, и сами
Как под грозой троян от судьбы и от смерти избегнем».

715 И Атриду ответствовал сын Теламона великий:
«Все справедливо, что ты ни вещал, Менелай знаменитый.
Бросьтесь ж, ты и Молид Мерпон; наклонитесь быстро
Тело поднять и несите из боя; а мы позади вас
Будем сражаться с народом троянским и Гектором мощным,
720 Мы, равносильные, мы, сомненные, кои и прежде
Бурные грозы Арея, друг с другом сложась, выносили».

Рек,—и они, от земли подхвативши, подняли тело
Вверх и высоко и мощно; ужасно завопили сзади
Трои сыны, лишь узрели данаев, подъемлящих тело;
725 Бросились прямо, подобно как псы на пустынного вепря,
Если он ранен, летят впереди молодых звероловцев;
Быстро сначала бегут, растерзав нетерпением пылая;
Но, едва он на них оборотится, сплюю гордый,
Мечутся вспять и кругом рассыпаются друг перед другом,—
730 Так и трояне сначала толпой неотступно неслись,
В тыл аргивянам колебля мечи и двуострые копыя;
Но едва лишь Аяксы, на них обратясь, становились,—
Лица бледнели троян, и от них не дерзал ни единый
Выйти вперед, чтоб с оружием в длани за тело сразиться.

735 Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,
Бурный, подобно как огонь, устремленный на град человеков;
Вспыхнувши вдруг, пожирает он всё; рассыпаются зданья
В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром,—
740 Так и коней колесничных, и воинов меднодоспешных

Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.
Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой,
Брус корабельный плъ мачту огромную; рьяные, вместе
745 Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая,—
С рвением таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;
Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
750 Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть,—
Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,
Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
755 И как туча скворцов или галок испуганных мчится
С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым,—
Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.
760 Множество пышных оружий усеяли ров и окрестность
В пагубном бегстве данаев; и бранная буря не молкла.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУЖИЯ

Так ратоборцы сражались, огням подобно свирепым.
Но Антилох к Ахиллесу стремительно с вестью приходит,
Видит его одного: при судах островерхих сидел он,
В сердце о том размышляющий, что перед ним совершалось.
5 Тихо вздохнув, говорил он с своею душою великой:
«Горе! что думать? почто кудревласые чада Эллады
Снова назад к кораблям в беспорядке бегут по долине?
О, не свершили ли боги несчастий, ужаснейших сердцу,
Кои мне мать давно предвещала; она говорила:
10 В Трое, прежде меня, мирмидонянин, в брани храбрейший,
Должен под дланю троянской расстаться с солнечным светом.
Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный!
Ах, злополучный! А я умолял, чтоб, огонь отразивши,
Он возвратился и с Гектором в битву вступать не дерзал бы!»

15 Тою порою, как думы сны в уме обращал он,
Несторов сын знаменитый к нему приближается грустный,
Слезы горячие льющий, и страшную весть произносит:
«Горе мне, храбрый, любезный Пелид! От меня ты услышишь
Горькую весть, какой никогда не должно бы свершиться!»
20 Пал наш Патрокл! и уже загорелася битва за тело;
Он уже наг; совлек все оружие Гектор могучий!»

Рек,— и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный;
25 Риза его благовонная вся почернела под пеплом.
Сам он, великий, пространство покрывши великое, в прахе
Молча простерся и волосы рвал, безобразно терзая.
Жены младые, которых и он и Патрокл полонили,
В грусти глубокой завопили громко и, быстро из сени
30 Все к Ахиллесу великому выбежав, руки ломали,
Билися в перси, доколе у всех подломилися ноги.
Подле младой Антилох тосковал, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стнящего горестно, руку держал он,
В страхе, да выи железом себе не пронзит иступленный.
35 Страшно он, плача, вопил; и слышала воиль его мать
В безднах глубокого моря, в чертогах родителя старца;
Горько сама возопила; и к ней собирались богини,
Все из моря глубокого сестры ее, нерейды:
Вдруг Кимодока явилась, и Фалия нимфа, и Главка,
40 Спая, Несея, и Фоя, и Галия, светлая взором;
Вслед Кимофоя спешила, и с ней Лимнория, Актея,
Нимфа Мелита, Иера, Агава, за ней Амфифоя,
Дота, Прота, Феруза, Орифия и Амфинома;
Каллианира пришла, Дексамена с младой Динаменой;
45 Нимфа Дориса, Панопа, краса нерейд Галатая,
Нимфа Нимерта, Апсевда и нежная Каллианасса;
Там и Климена была, Ианира с младой Ианассой,
Мера и с ней Амафея, роскошноволосая нимфа;
Все из моря глубокого сестры ее, нерейды.
50 Ими вертеп серебрястый наполнился; все они вместе
Билися в перси, и громко меж них возопила Фетида:
«Сестры мои, нерейды, внимлите вы все мне, богини!
Все вы узнайте, какие печали терзают мне душу!
Горе мне бедной, горе несчастной, героя родившей!
55 Так, родила я душой благородного, храброго сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль,

Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян, и его никогда не увижу
60 В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Но, пока и живет он, и солнца спяние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
Но иду я, чтоб милого сына увидеть, услышать,
Горесть какая постигла его, непричастного брани!»

65 Так произнесши, вертеп оставляет; за нею и сестры,
Плача, выходят, и вокруг nereид расступаются с шумом
Волны морские. Они, плодоносной достигнувши Трои,
Тихо одна за другою выходят на берег, где рядом
Все корабли мирмидонян стояли кругом Ахиллеса.
70 Нежная мать к нему, стнящему горько, предстала,
С горестным воплем главу обхватила у милого сына
И, рыдая сама, говорила крылатые речи:
«Что ты, о сын мой, рыдаешь? Какая печаль посетила
Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержец исполнил
75 Всё, о чем ты его умолял с воздеянием дланей:
Все до корм корабельных данайские прогнаны рати,
Жаждут тебя одного и позорные бедствия терпят».

Ей, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Знаю, о мать, Зевес громовержущий все мне исполнил.
80 Но какая в том радость, когда потерял я Патрокла,
Милого друга! Его из друзей всех больше любил я;
Им, как моею главой, дорожил; и его потерял я!
Гектор убийца похитил с него и доспех тот огромный,
Дивный, богами дарованный, дар драгоценный Пелею
85 В день, как, богиню, тебя на смертного ложе повергли.
О, почто не осталась ты нимфой бессмертною моря!
О, почто и Пелей не избрал себе смертной супруги!
Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
90 В доме отеческом! ибо и сердце мое не велит мне
Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
И за грабеж над Патроком любезнейшим мне не заплатит!»

Мать, слезы лиющая, снова ему говорила:
95 «Скоро умрешь ты, о сын мой, судя по тому, что вещаешь!
Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!»

Ей, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасть от убийцы! Далёко, далёко от родины милой
100 Пал он; и, верно, меня призывал, да избавлю от смерти!
Что же мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным
Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим:
Праздный сижу пред судами, земли бесполезное бремя,
105 Я, которому равного между героев ахейских
Нет во брани, хотя на советах и многие лучше.
О, да погибнет вражда от богов и от смертных, и с нею
Гнев ненавистный, который и мудрых в неистовство вводит.
Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда,
110 Скоро в груди человека, как пламенный дым, возрастает!
Гневом таким преисполнил меня властелин Агамемнон.
Но забываем мы всё прежде бывшее, как ни прискорбно;
Гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем, по нужде.
Я выхожу, да главы мне любезной губителя встречу,
115 Гектора! Смерть же принять готов я, когда ни рассудят
Здесь мне назначить ее всемогущий Кронион и боги!
Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей величайший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
120 Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между жен полногрудых троянских
Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе
С нежных ланит отирать руками обеими слезы!
125 Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!
В бой выхожу; не удерживай, мать; ничем не преклонишь!»

Вновь отвечала ему среброногая мать Фетида:
«Ты говоришь справедливо, любезнейший сын: благородно
Быть для друзей угнетенных от бед и от смерти защитой.
130 Но доспех твой прекрасный... во власти троян напыщенных;
Медяным, светлосияющим им шлемоблещущий Гектор
Перси покрыв, величается! Но уповаю, не долго
В нем величаться троянцу: погибель его не далёко!
Но и ты, мой сын, не вступай в боевую тревогу,
135 Снова пока не приду я и сам ты меня не увидишь:
Завтра я рано сюда с восходящим солнцем явлюся
И прекрасный доспех для тебя принесу от Гефеста».

Так говоря, отвратилась богиня от скорбного сына
И, обратясь к сестрам, нереидам морским, говорила:
140 «Сестры мои, погрузитесь в лоно просторного моря,
В дом возвратитесь отца, и, увидевши старца морского,
Всё вы ему возвестите, а я на Олимп многохолмный,
Прямо к Гефесту иду: не захочет ли славный художник
Дать моему Ахиллесу блистательных славных оружий».

145 Так изрекла, — и они погрузились в волны морские.
Прямо на светлый Олимп устремилась богиня Фетида,
Быстро идя, чтоб принести оружия милому сыну;
Быстро к Олимпу ее возносили стопы. Но ахейцы
С криком ужасным тогда, перед Гектором людоубийцей
150 В страхе бежа, к кораблям и зыбям Геллеспонта примчались.
Тщетно ахейане меднопоножные рвались Патрокла
Спасть из-под вражеских стрел, Ахиллесова мертвого друга,
Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
С коими Гектор вослед его гнался, как бурное пламя.
155 За ноги трижды хватал шлемоблещущий Гектор Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричал он, троян призывая;
Трижды Аяксы его отражали от тела своею
Бурною силой; но Гектор упорно, на силу надежный,
То нападал на столпившихся, то становился и громким
160 Криком своим призывал; но назад отступить он не думал.
Словно как пылкого льва отпугнуть от кровавого труп
Пастыри в поле ночные, яримого голодом, не могут, —
Так не могли совокупные, храбрые оба Аяксы
Гектора, Трои вождя, отогнать от Патроклова тела.
165 Он овладел бы, покрылся бы он беспредельною славой,
Если б герою Пелиду подобная вихрям Ирида
С вестью, да к брани подвигнется, быстро с небес не явилась,
Тайно от Зевса и прочих богов устремленная Герой.
Вестница стала пред ним и крылатые речи вещала:
170 «К брани воздвигнись, ужаснейший муж, Пелейон быстроногий!
Тело Патрокла спаси; за него пред судами восстала
Бурная сеча; неистово в ней убивают друг друга:
Мужи ахейские, чтоб отстоять бездыханное тело,
Мужи троянские, чтоб овладеть и умчать к Илиону,
175 Пламенно рвутся; но пламенней всех бронеблещущий Гектор
Жаждет увлечь, и Патроклову голову он замышляет
С белой выи срубить и на кол вонзить в поруганье.
Шествуй, не время покониться; ужас ты в сердце почувствуй,

Если Патрокл твой будет игралищем псов пльонских!
180 Срам на тебе, если тело его искаженное придет!»

К ней, вздохнув, говорил быстроногий Пелид знаменитый:
«Кем ты, бессмертная, вестницей мне послана от бессмертных?»

Вновь отвечала ему подобная ветрам Ирида:
«Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
185 Тайно; не знает сего ни высокопрестольный Кронион,
Ни другой из бессмертных, на снежном Олимпе живущих».

Ей ответствовал вновь быстроногий Пелид знаменитый:
«Как мне в сражение выйти? Доспех мой у них, у враждебных!
Матерь же милая мне возбранила на бой ополчаться
190 Прежде, поколе ее возвратившуюсь здесь не увижу,
Мне обещая принести от Гефеста доспех велелепный.
Здесь же не ведаю, чьим мне облечься оружием крепким?
Щит мне споручен один — Теламонова сына Аякса;
Но и сам он, я мню, подвизается между передних,
195 Пикой врагов истребляя вокруг Менетидова тела».

Вновь отвечала герою подобная ветрам Ирида:
«Знаем мы все, что твоим овладели оружием славным.
Но без оружия приближься ко рву, покажися троянам:
Лик твой узрев, ужаснутся трояне и, может быть, бросят
200 Пламенный бой; а данайские храбрые мужи отдохнут,
Боем уже истомленные; краток в сражениях отдых».

Так говоря, отлетела подобная ветрам Ирида.
И восстал Ахиллес, громовержцу любезный; Паллада
Мощные плечи его облачила эгидом кистистым;
205 Облак ему вокруг главы обвила золотой Тритогена
И кругом того облака пламень зажгла светозарный,
Словно как дым, подымаясь от града, восходит до неба,
С острова дальнего, грозных врагов окруженного ратью,
Где, от утра до вечера, споря в ужасном убийстве,
210 Граждане бьются со стен; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигают маячные; свет их высоко
Всходит и светит кругом, да живущие окрест увидят
И в кораблях, отразители брони, скорее примчатся, —
Так от главы Ахиллесовой блеск подымался до неба.
215 Вышед за стену, он стал надо рвом; но с народом ахейским,

Матери мудрой завет соблюдая, герой не мешался;
Там он крикнул с раската; могучая вместе Паллада
Крик издала; и троян обуял неописанный ужас.
220 Сколь поразителен звук, как труба загремит, возвещая
Городу приступ врагов душегубцев, его окруживших,—
Столь поразителен был воинственный крик Эакида.
Трои сыны лишь услышали медяный глас Эакидов,
Всех задрожали сердца; долгогривые кони их сами
225 В ужас впали возницы, узрев огонь неугасный,
Окрест главы благородной подобного богу Пелида
Страшно пылавший; его возжигала Паллада богиня.
Трижды с раската ужасно вскричал Ахиллес быстроногий;
Трижды смешались войски троян и союзников славных.
230 Тут средь смятенья, от собственных коней и копий, двенадцать
Сильных погибло троянских мужей. Между тем аргивяне
Весело, к радости всех, из-под копий умчавши Патрокла,
Тело на одр положили, его окружили, рыдая,
Грустные други; за ними пошел Ахиллес благородный;
235 Теплые слезы он пролил, увидевши верного друга,
Медью пронзенного острой, на смертном простертого ложе,—
Друга, которого сам с колесницей своей и с конями
В битву послал, но живого, пришедшего с битвы, не встретил.

Тою порою Солнцу, в пути неистомному, Гера,
240 Противу воли его, в Океан низойти повелела.
Солнце сокрылося в волны, и рать благородных данаев
Вся от тревоги и общегубительной брани почила.

Трои сыны на другой стороне с ратоборного поля
Быстро сошли, от ярм отрешили коней долгогривых
245 И, не мысля о вечере, вдруг на совет собирались.
Стоя троянские мужи держали совет; ни единый
Сесть не дерзал; ужасались они, что Пелид быстроногий
Вновь показался, давно уклонявшийся грозного боя.
Полидамас Панфонд им начал советовать мудрый:
250 Он бо один и минувшее знал, и грядущее видел;
Другом Гектора был и в единую ночь с ним родился;
Но, как речами был он, так Гектор оружием славен;
Муж благомысленный, так он троянам советовать начал:
«Тщательно, други, размыслите; я вам советую ныне ж
255 В град с ополченьем войти, а не ждать Авроры священной
В поле, близ самых судов: далеко мы стоим от твердыни.

В дни, как сей муж враждовал на Атрида, владыку народов,
В битвах не столько нам тягостны были данайские рати.
Я веселился и сам, при судах мореходных ночуя;
260 Чаял, что скоро возьмем мы суда меднолатных данаев.
Ныне ж, как вы, я страшуся Пелеева быстрого сына;
Знаю я душу Пелидову бурную: он не захочет
Медлить на этих полях, где трояне, с сынами ахеян
В битвы сходяся, равно разделяли свирепство Арея:
265 Града и наших супруг добывать он битвою будет.
В град возвратимся немедля; поверьте мне, так совершится!
Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына
Ночь благовонная; если и завтра нас здесь он застанет,
Завтра нагрянув с оружием, — о! не один Ахиллеса
270 Скоро узнает; войдет не без радости в Трою святую,
Кто избежит от могучего: многих троян растерзают
Враны и псы; но не дайте мне, боги, подобное слышать!
Если вы мне покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
Ночь проведем мы на площади с силой; а городу стены,
275 Башни, ворота высокие, оных огромные створы,
Длинные, гладкие, крепко сплоченные, будут защитой.
Утром же мы на заре, ополчась оружием медным,
Станем на башнях; и горе надменному, если захочет
Он, от судов устремившись, с нами вокруг града сражаться!
280 Вспять к судам возвратится, когда он коней крутовыйных
В долгих бегах истомит, перед градом их праздно гоняя;
В стены ворваться ни гордое сердце ему не позволит;
Их не разрушит он; быстрые псы его прежде изгложут!»

Грозно взглянув на него, отвечал шлемоблещущий Гектор:
285 «Все для меня неприятное, Полидамас, ты вещаешь,—
Ты, убеждающий вспять отступить и в Трое скрываться!
Или в стенах заключенными быть вам еще не постыло?
Прежде Приамов сей град племена ясновещие смертных
Все нарицали счастливым, богатым и златом и медью:
290 Скрылось всё, что в домах драгоценного, пышного было!
Сколько во Фригию или в Меонию, славную землю,
Продано наших сокровищ с тех пор, как прогневан Кронион!
Ныне ж, когда благодетельный мне даровал громовеержец
Славу стяжать при судах, отразив к Геллеспонту ахеян,
295 Мысли такие, безумец, стыдись открывать пред народом!
Их ни один из троян не послушает: я не позволю!
Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
Ныне вы все вечеряйте по стану, отряд близ отряда;

Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на страже.
300 Кто ж из троян о богатствах домашних безмерно крушится,
Пусть соберет и отдаст на народ, да народ их истратит:
Пусть кто-нибудь из своих наслаждается, но не ахейцы!
Завтра ж, еще на заре, ополчась оружием ратным,
Мы на суда многovesлые боем решительным грянем.
305 Ежели истинно к брани восстал Ахиллес быстроногий,
Худо ему, как желает он, будет! Не стану я больше
В битве ужасной его избегать, но могучего смело
Встречу. С победною славой он или я возвращуся:
Общий у смертных Арей; и разящего он поражает!»

Гектор вещал, а трояне шумно кругом восклицали.
Мужи безумные! разум у них помрачила Паллада.
С Гектором все согласились, народу беды совещавшим;
С Полидамасом — никто, совет предлагавшим полезный.
В поле они вечеряли всем воинством. Но мирмидонцы
315 Целую ночь провели над Патроклom, стена и рыдая.
Царь Ахиллес среди сонма их плач свой рыдательный начал;
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга,
Часто и тяжко стenal он, — подобно как лев густобрадый,
Ежели скимнов его из глубокого леса похитит
320 Ланей ловец; возвратяся он, поздно, по детям тоскует;
Бродит из дебри в дебрь и следов похитителя ищет,
Жалобно стонущий; горсть и ярость его обымают, —
Так стеная, Пелид говорил посреди мирмидонян:
«Боги, боги! бесплодное слово пз уст изронил я
325 В день, как старался утешить героя Менетия в доме!
Я говорил, что в Опунт приведу ему славного сына
Трои рушителем крепкой, участником пышной добычи.
Нет, не все помышления Зевс человекам свершает!
Нам обоим предназначено землю одну окровавить
330 Здесь, на троянском берегу! И меня, возвратившегося с боя,
В доме отцов никогда ни Пелей престарелый не встретит,
Ни любезная мать; но здесь покроет могила!
Если же после тебя, о Патрокл мой, в могилу сойти мне,
С честью тебя погребу; но не прежде, как здесь я повергну
335 Броню и голову Гектора, гордого смертью твоею!
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать плененных
Трои краснейших сынов, за убийство тебя отомщая!
Ты ж до того, Менетид, у меня пред судами покойся!
Окрест тебя полногрудые жены троян и дарданцев,
340 Коих с тобой мы добыли копьем и могучеством нашей,

Грады руша цветущие бранолюбивых народов,
Пусть рыдают, и ночи и дни обливаясь слезами».

Так говорил,— и друзьям повелел Ахиллес благородный
Медный великий треножник поставить на огонь и скорее
345 Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.
Мужи сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
Налили полный водою и дров на огонь подложил;
Дно у тренога огонь обхватил, согрелася влага.
И когда закипевшая в звонкой меди зашумела,—
350 Тело омыли водой, умастили светлым елеем,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовой;
После, на одр положив, полотном сго тонким покрыли
С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
Целую ночь потом вокруг Пелида царя мирмидонцы,
355 Стоя толпой, о Патрокле крушились, стена и рыдая.

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
«Сделала ты, что могла, волоокая, гордая Гера!
В брань подняла быстроногого сына Пелеева. Верно,
Родоначалница ты кудреглавых народов Эллады».

Быстро воззвала к нему волоокая Гера царица:
«Мрачный Кронион! какие слова ты, могучий, вещаешь?
Как? человек человеку свободно злодействовать может,
Тот, который и смертен и столько советами скуден.
Я ж, которая здесь почитаюсь богиней верховной,
365 Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой
Ты нарицаешь,— ты, над бессмертными всеми царящий,—
Я не должна, на троян раздраженная, бед устроить им?»

Так божества олимпийские между собою вещали.
Тою порою Фетида достигла Гефестова дома,
270 Звездных, нетленных чертогов, прекраснейших среди Олимпа,
Кои из меди блистательной создал себе хромоногий.
Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами
Быстро вращавшегося: двадцать треножников вдруг он работал,
В утварь поставить к стене своего благолепного дома.
375 Он под подножием их золотые колеса устроил,
Сами б собою они приближались к сонму бессмертных,
Сами б собою и в дом возвращались, взорам на диво.
В сем они виде окончены были; одних не приделал
Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним.

380 Тою порою, как их он по замыслам творческим делал,
В дом его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидев ее, под покровом блестящим Харита,
Прелестей полная, бога хромого супруга младая;
385 За руку с лаской взяла, говорила и так вопрошала:
«Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Но войди ты в чертог, да тебя угощу я, богиню».

Так произнесши, Харита во внутренность вводит Фетиду.
Там сажает богиню на троне серебряногвоздном,
390 Пышном, изящно украшенном, с легкой подножной скамьей.
После голосом громким Гефеста художника кличет:
«Выйди, Гефест, до тебя у Фетиды Нереевой просьба».

Ей немедля ответствовал славный Гефест хромоногий:
«Мощная в доме моем и почтенная вечно богиня!
395 Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
Если б Фетиды меня с Эвриномой не приняли в недра,
Дщери младые катящегося вокруг Океана седого.
400 Там украшения разные девять годов я ковал им,
Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья,
В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал;
405 Только Фетида с сестрой Эвриномою, спасшие жизнь мне.
Ныне мой дом посетила бессмертная; должен отдать я
Долг за спасение жизни прекрасноволосой Фетиде.
Чествуй, супруга моя, угощением пышным Фетиду;
Я не замедлю, мехи соберу и другие снаряды».

410 Рек — и от наковальни великан закоптелый поднялся
И, хромоногий, медлительно двигал увечные ноги:
Снял от горна мехи и снаряды, какими работал,
Собрал все и вложил в красивый ларец среброковный;
Губкою влажною вытер лицо и могучие руки,
415 Вью дебелиую, жилистый тыл и косматые перси;
Ризой оделся и, толстым жезлом подпираясь, в двери
Вышел хромая; прислужницы, под руки взявши владыку,
Шли золотые, живым подобные девам прекрасным,
Кои исполнены разумом, силу имеют и голос,

420 И которых бессмертные знанию дел изучили.
Сбоку владыки они поспешали, а он, колыхаясь,
К месту прибред, где Фетида сидела на троне блестящем;
За руку взялся рукой, называл и так говорил ей:
425 «Что ты, Фетида, покровом закрытая, в дом наш приходишь,
Милая нам и почтенная? редко ты нас посещаешь.
Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велит мне,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо».

И Гефесту Фетида, залившись слезами, вещала:
430 «Есть ли, Гефест, хоть одна из богинь на просторном Олимпе,
Столько на сердце своем перенесшая горестей тяжких,
Сколько мне, злополучной, послал сокрушений Кронион!
Нимфу морскую, меня покорила человеку земному,
Сыну Эака; и я испытала объятия мужа,
435 Как ни противилось сердце: уже тяжелая старость
В доме его изнуряет. Но скорбь у меня и другая!
Зевс даровал мне родить и взлелеять единого сына,
Первого между героев! Возрос он, как пышная отрасль;
Я воспитала его, как прекраснейший цвет в вертограде;
440 Юного в быстрых судах отпустила на брань к Илиону
Ратовать храбрых троян; и его никогда я не встречу
В доме отеческом, в светлых чертогах супруга Пелея!
Ныне, хотя и живет он, и солнца сияние видит,
Должен страдать; и ему я помочь не могу, и пришедши!
Деву, которую сыну избрали в награду ахейцы,
445 Снова из рук у него исторг властелин Агамемнон.
Грустный по ней, сокрушал он печалию сердце; ахеян
Сила троян до судов отразила и в стан заключенным
Им выходить не давала. Старейшины воинств ахейских
Сына молили и множество славных даров предлагали.
450 Сам он, правда, от воинств беду отразить отказался,
Но героя Патрокла своим он доспехом одел;
Друга на битву послал и великое воинство вверил.
Вилися целый день перед крепкою башнею Скейской.
Был бы в тот день Илион завоеван, когда бы могучий
455 Феб разносившего гибель Менетия храброго сына
В первых рядах не повергнул и славы Гектору не дал.
Вот для чего прихожу и к коленам твоим припадаю;
Может быть, сжалишься ты над моим краткожизненным сыном;
Может быть, дашь ты Пелиду и щит, и шолому, и поножи,
460 Также и латы: свои потерял он, как друг его верный
Пал от троян; и теперь — по земле он простертый тоскует!»

Ей немедля ответствовал Амфигией знаменитый:

«Будь спокойна и более сердцем о том не крушися.

О! да могу Ахиллеса от смерти ужасной далеко

465 Столь же легко я укрыть, когда рок его мощный постигнет,
Сколь мне легко для него изготовить доспехи, которым
Каждый от смертных бесчисленных будет дивиться, узревший!»

Так произнесши, оставил ее и к мехам приступил он.

Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.

470 Разом в отверстия горнильные двадцать мехов задышали,
Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,
Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,
Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.

Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую ввергнул,

475 Олово бросил, серебро, драгоценное золото; и после
Тяжкую наковальню насадил на столп, а в десницу
Молот огромный взял, и клещи захватил он другою.

И вначале работал он щит и огромный и крепкий,

Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод

480 Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень серебристый.

Щит из пяти составил листов и на круге обширном

Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.

Там представил он землю, представил и небо, и море,

Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц,

485 Все прекрасные звезды, какими венчается небо:

Видны в их сонме Плеяды, Гиады и мощь Ориона,

Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;

Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона

И единый чуждается мыться в волнах Океана.

490 Там же два града представил он ясеноречивых народов:

В первом, прекрасно устроенном, браки и пиршества

зрелись.

Там невест пз чертогов, светильников ярких при блеске,

Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают.

Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются

495 Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены

Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.

Далее много народа толпится на торжище; шумный

Спор там поднялся; спорили два человека о пене,

Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,

500 Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вокруг их кричат, своему доброхотству каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские
505 Молча на тесаных камнях сидят средь священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата,
Мзда для того, кто из них справедливее право докажет.

Город другой облежали две сильные рати народов,
510 Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, или граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
515 Юных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вожжами их идут Арей и Паллада,
Оба золотые, одетые оба золотою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!
Всеми отличны они; человеки далёко их ниже.
520 К месту пришедшие, где им казалась удобной засада,
К берегу речному, где был водопой табунов разнородных,
Там заседают они, прикрываясь блестящею медью.
Два соглядатая их, отделясь, впереди заседают.
Смотрят кругом, не узрят ли овец и волов подходящих.
525 Скоро стада показались; два пастуха за стадами,
Тешась цевницею звонкой, идут, не предвидя коварства.
Быстро, увидевши их, нападают засевшие мужи;
Грабят и гонят рогатых волов и овец серебрярунных:
Целое стадо угнали и пастырей стада убили.
530 В стане, как скоро услышали крик и тревогу при стаде,
Вои, на площади стражей стоящие, быстро на коней
Бурных вскочили, на крик поскакали и вмиг принеслись.
Строем становятся, битвою бьются по берегу речному;
Колют друг друга, метая стремительно медные копыя.
535 Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обагровлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются,
540 И один пред другим увлекают кровавые группы.

Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханый пар; на нем землепашцы
Гонят яремных волов, и назад и вперед обращаясь;
И всегда, как обратно к концу приближаются нивы,
545 Каждому в руки им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подает; и они, по своим полосам обращаясь,
Вновь спешают дойти до конца глубобраздного пара.
Нива, хотя и золотая, чернеется сзади орющих,
Вспаханной ниве подобясь: такое он чудо представил.

550 Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая.
Здесь полосой непрерывною падают горстии густые;
Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
555 Три перевязчика ходят за жнущими; сзади их дети,
Горстая быстро колосья, одни за другими в охапах
Вяжуцим их подают. Властелин между ними, безмолвно,
С палицей в длани, стоит на бразде и душой веселится,
Вестники одале, под тению дуба, трапезу готовят;
В жертву заклавши вола, вокруг него суетятся; а жены
560 Белую сеют муку для сладостной вечери жнущим.

Сделал на нем отягченный гроздем сад виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись;
И стоял он на серебряных, рядом вонзенных подпорах.
Около саду и ров темно-синий, и белую стену
565 Вывел из олова; к саду одна пролегалла тропина,
Коей носильщики ходят, когда виноград собирают.
Там и девицы и юноши, с детской веселостью сердца,
Сладостный плод носили в прекрасных плетеных корзинах.
В круге их отрок прекрасный по звонкорокочущей лире
570 Сладко бряцал, припевая прекрасно под льняные струны
Голосом тонким; они же, вокруг его пляшучи стройно,
С пеньем, и с криком, и с топотом ног хороводом несутся.

Там же и стадо представил волов, воздымающих роги:
Их он из золота одних, а других из олова сделал.
575 С ревом воли из оград вырываяся, мчатся на паству,
К шумной реке, к камышу густому по влажному берегу.
Следом за стадом и пастыри идут, четыре, золотые,
И с ними следуют девять псов быстроногих.
Два густогривые льва на передних волов нападают,

580 Тяжко мычащего ловят быка; и ужасно ревет он,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотают; напрасно трудятся
585 Пастыри львов испугать, быстроногих псов подстрекая.
Псы их не слушают; львов трепеща, не берут их зубами:
Близко подступят, залают на них и назад убегают.

Далее — сделал роскошную паству Гефест знаменитый:
В тихой долине прелестной несчетных овец серебрянных
Стойла, под кровлей хлева, и смиренные пастырей кущи.

590 Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнообразный,
Оному равный, как древле в широкоустроенном Кносе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой.
Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками.
695 Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
Светло одеты, и их чистотой, как елеем, сияют;
Тех — венки из цветов прелестные всех украшают;
Сих — золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебряных.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
600 Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
605 Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине.

Там и ужасную силу представил реки Океана,
Кويم под верхним он ободом щит окружил велелепный.

Так изукрашенно выделав щит и огромный и крепкий,
Сделал Гефест и броню, светлее, чем огненный пламень;
610 Сделал и тяжкий шелом, Пелейона главе соразмерный,
Пышный, кругом изукрашенный, гребнем златым повершенный;
После из олова гибкого сделал ему и поножи.
И когда все доспехи сковал олимпийский художник,
Взяв, пред Пелидовой матерью их положил он на землю.
615 И, как ястреб, она с осребренного снегом Олимпа
Бросилась, мча от Гефеста блестящие сыну доспехи.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ГНЕВА

В ризе багряно-золотистой из волн Океана Денница
Вышла, несущая свет и бессмертным и смертным: Фетида
К сеним пришла мирмидонским с блистательным даром от бога.
Там она сына нашла: над Патроклом своим распростертый,
5 Громко рыдал он; и многие окрест друзья мирмидонцы
Плакали. Став между них, серебряная мать-богиня
За руку сына взяла, называла и так говорила:
«Сын мой! оставим мертвого, как ни прискорбно то сердцу,
С миром лежать: всемогущих богов он волей повержен.
10 Встань и прими, Пелейон, от Гефеста доспех величественный,
Дивный, какой никогда не сиял вокруг рамен человека».

Так произнесши, Фетида на землю доспех положила
Пред Ахиллесом; и весь зазвучал он, украшением дивный.
Вздрыгнули все мирмидонцы; не мог ни один на доспехи
15 Прямо смотреть, отвратились они; Ахиллес же могучий
Только взглянул — и сильнейшим наполнился гневом: ужасно
Очи его из-под веждей, как огненный пыл, засверкали.
С радостью взяв, любовался он даром сияющим бога;
И, когда свое сердце нарадовал, смотря на чудо,
20 К матери серебряной крылатую речь устремил он:
«Мать! доспех сей бессмертного дар; несомнительно должен
Быть он творением бога, не смертного мужа он дело.
Ныне ж я вооружаюсь. Но об одном беспокоюсь
Сердце мое, чтобы тою порою в Патроковом теле
25 Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ
(Жизнь от него отлетела!), и тление тело обьет!»

Вновь говорила ему серебряная мать Фетида:
«Сын мой! заботой о сем не тревожь ты более сердца.
30 Я попекусь отгонять от него кровожадные сонмы
Мух, которые тело убитых мужей пожирают;
И хотя бы лежал он в течение круглого года,
Тело его невредимо и даже прекраснее будет.
Ты же, мой сын, на собранье созвавши героев ахейских,
35 Гнев прекрати на Атреева сына, владыку народов;
Быстро на бой ополчись и могучеством вновь облечися».

Так говорила — и дух дерзновеннейший сыну вдохнула.
Другу же его и амброзию в ноздри, и нектар багряный
Тихо влила, да тело его невредимо пребудет.

40 Быстро по берегу моря пошел Ахиллес быстроногий,
Голосом страшным крича; и всех взволновал он ахеян.
Мужи, которые прежде всегда при судах оставались,
Все корабельщики, кон судов управляли кормилом,
45 Даже зажиточны ратных дружин, раздаватели хлеба,—
Все поспешили в собранье, когда Ахиллес благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшийся брани кровавой.
Двое хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидид Диомед, воеватель могучий,
50 Шли, опираясь на копья, неся еще тяжкие раны.
Оба, пришедши, они на местах передних воссели;
Вслед их притек и Атрид, повелитель мужей Агамемнон,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Ранил Коон Антенорид огромною пикою медной.
И, когда уже все на собранье сошлись ахейцы,
Встал между ними и так говорил Ахиллес быстроногий:
«Царь Агамемнон! полезнее было бы, если бы прежде
Так поступили мы оба, когда, в огорчении нашем,
Гложущей душу враждой воспылали за пленную деву!
60 О! почто Артемида сей девы стрелой не пронзила
В день, как ее между пленниц избрал я, Лирнесс разоривши:
Столько ахейских героев земли не глодало б зубами,
Пав под руками враждебных, когда я упорствовал в гневе!
Гектор и Трои сыны веселятся о том, а данаи
75 Долго, я думаю, будут раздор наш погибельный помнить.
Но совершившееся прежде оставим в прискорбии нашем,
Гордое сердце в груди укротим, как велит неизбежность.
Ныне я гнев оставляю решительно; я не намерен
Сердца крушить враждой бесконечно. Царь Агамемнон,
В битву подвигни скорее медянодопешных данаев;
70 Дай мне скорее идти на троян и еще испытать их,
Иль и теперь ночевать пред судами намерены? Нет, уповаю,
Радостно каждый из них утомленные склонит колена,
Каждый, на пламенной битве от наших оружий избывший!»

75 Так говорил,— и наполнились радостью все аргивяне,
Слыша, что гнев навсегда оставляет Пелид благородный.
Начал тогда говорить повелитель мужей Агамемнон,
С места восстав, где сидел, но стоять на средину не вышел:

«Други, данаи герои, бесстрашные слуги Арея!
Вставшего надобно слушать; начавшего слово не должно
80 Перерывать: затруднится и самый искусный вития.
В шумном народном говоре можно ли что-либо слышать
Или сказать? — заглушится вития, как ни был бы громок.
С сыном Пелеевым я объясняюся; вы же, ахейцы,
Слушайте все со вниманьем и речи мои вразумите. —
85 Часто о деле мне сем говорили ахейские мужи;
Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
Зевс Эгиох, и Судьба, и бродящая в мраках Эринис:
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой
В день злополучный, как я у Пелида похитил награду.
90 Что ж бы я сделал? Богиня могучая всё совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
95 Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей: даже и Зевса
Гера, хотя и жена, но коварством своим обманула
В день, как готова была счастливая мать Алкмена
Силу Геракла родить в опоясанных башнями Фивах.
100 Зевс, величаясь уже, говорил пред собором бессмертных:
— Слушайте слово мое, и боги небес и богини;
Я вам поведаю желаю, что в персях мне сердце внушает:
Ныне, родящих помощница, в свет изведет Илифия
Мужа, который над всеми окрестными царствовать будет,
105 Ветвь человеков великих, от крови моей исходящих. —
Зевсу, коварное мысля, вещала владычица Гера:
— Ложь, Эгиох! никогда своего не исполнишь ты слова.
Или дерзни, поклянись, Олимпиец, великою клятвой,
Что над всеми окрестными царствовать будет
110 Смертный, который в сей день упадет на колена родившей,
Ветвь человеков великих, от крови твоей исходящих. —
Так говорила, но Зевс не почувствовал козней супруги:
Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщенный.
Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
115 Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде
Знала богиня супругу царя Персеида Сфенела.
Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила:
Гера его до срока на свет извела; но Алкмены
В срок удержала роды, удаливши помощных Илифий.
120 С вестью о том перед Зевса предстала сама и вещала:

— Зевс сребромолненный! слово тебе полагаю на сердце:
Смертный рожден знаменитый, что царствовать в Аргосе

должен,

Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль,
Племя твое; не будет он Аргосу царь недостойный. —

125 Так изрекла, — и жестокая горесть ударила в сердце
Зевса. Схватил он Обиду за пышноблестящие кудри,
Страшным пылающий гневом, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимп и звездами венчанное небо
Век не взыдет Обида, которая всех ослепляет.

130 Так произнес он, и махом десницы от звездного неба
Ринул ее, — и упала она на дела человека.

Зевс от нее же стонал, как любезного сына он видел,
Низкое иго носящего, в подвигах для Эврисфея. —

135 Так-то и я, как великий, шеломом сверкающий Гектор
Рати ахейских сынов истреблял при кормах корабельных,
Сам не мог позабыть я Обиды, меня ослепившей.

Но, как уже погрешил я и Зевс мой разум похитил,
Сам то загладить хочу и воздать многоценною мздой.

Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другие дружины!

140 Что до даров, я все их представляю, какие ходивший
Прошлого дня пред тобой исчислял Одиссей благородный.
Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущий боя;
Слуги мои те дары, в корабле собравши, представят,
И увидишь ты, что я тебе, угождая, дарую».

145 Сыну Атрея отвечивал царь Ахиллес благородный:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
Хочешь ли мне дары примиренья, как должно, доставить
Иль удержать их, — ты властен; теперь же о битве помыслим
Без отлагательств: и что в рассуждениях время нам тратить?»
150 Что нам здесь медлить? еще не свершилось великое дело!
Пусть, кто желает, опять впереди Ахиллеса увидит,
Медною пикой фаланги крушащего ратей троянских,
И, подобно ему, да пылает с врагами сражаться!»

Но Пелиду царю возразил Одиссей многоумный:

155 «Нет; сколь ни мужествен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Воинств ахейских, голодных еще, не веди к Илиону
Биться с троянами храбрыми! Нет, не на краткое время
Битва завяжется, если троян и ахеян фаланги
В сечу сойдутся и бог им вдохнет одинакую храбрость.
160 Прежде ахейским сынам повели ты насытиться в стане

Хлебом, вином: оно человеку и бодрость и крепость.
Муж ни один во весь день, от восхода до запада солнца,
Пищею не подкрепленный, не в силах выдерживать боя.
Сердцем в груди неистомным хотя б и пылал он сражаться,
165 Члены у тощего все тяжелеют, его беспокоит
Жажда и голод, у него на пути запинаются ноги.
Но человек, укрепяся вином и насытятся пищей,
Может весь день под оружием с силой враждебных сражаться.
Дух в его персях и крепок и бодр, и усталости члены
170 Прежде не слышат, доколе с побойща все не соступят.
Так, Ахиллес! распусти аргивян и вели им готовить
Завтрак. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнон
Пусть пред собрание народа представит, да все их данаи
Узрят очами, и сам ты свое да возрадуешь сердце.
175 Пусть поклянется тебе, пред народом восстав, что доньше
К деве на одр не всходил, не сближался с молодой Брисендой
Так, как мужам и женам свойственно меж человекoв.
Ты же и сам укротися душою и будь благосклонен.
Пусть напоследок тебя угостит он торжественным пиром
180 В кущах своих, чтобы должное ты получил без урона.
Ты, Агамемнон могучий, вперед и к другому ахейцу
Сам справедливее будь: унижения нет властелину
С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он».

Сыну Лаэрта немедля отвечивал царь Агамемнон:
185 «Радуюсь, речи твои, Лаэртид благородный, я слушал;
Истину ты говорил и о всем рассуждал справедливо.
Клятву готов произнести я, как самое сердце велит мне,
И перед богом клятву неложную! Сын же Пелеев
Здесь между тем да останется, сколько ни жаждущий боя;
190 Здесь и другие останьтесь, ахейцы, пока из-под сеней
Придут дары и пока совершу я священные клятвы.
Дело сие, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
Ты, благороднейших юношей в стане ахейском избравши,
Все те дары, что вчера обещали мы дать Ахиллесу,
195 Сам принеси с корабля моего и жен приведи нам.
Ты ж мне, Талфибий, скорее в ахейском стане обширном
Вепря нашед, уготовь на закланье Зевсу и Солнцу».

Сыну Атрея отвечивал вновь Ахиллес быстроногий:
«Славою светлый Атрид, повелитель мужей Агамемнон!
200 После, в другое время о том вам заботиться лучше,
В час, как отдых короткий от тягостной брани случится,

И как гнев в моем сердце не столько свирепствовать будет.
Трупы еще перед нами лежат пораженных, которых
Гектор свирепый убил, как Зевс даровал ему славу, —
205 Вы же народ приглашаете к пище! Не так бы я думал:
Я бы теперь же советовал в битву идти аргивянам,
Гладным и тощим; и только вечерний, пред западом солнца,
Пир уготовить всеобщий, когда мы отмстим поруганье.
Прежде сего никакое питье, никакая мне пища,
210 Верно, в уста не войдет, перед другом моим бездыханным!
Он у меня среди куши, истерзанный медью жестокой,
К двери ногами лежит распростертый: кругом его други
Плачут печальные! Нет, у меня в помышленье не пища:
Битва, и кровь, и врагов умирающих страшные стопы!»

215 Вновь, обратясь к нему, говорил Одиссей многоумный:
«О Ахиллес Пелейон, величайший воин ахейский!
Ты знаменитей меня, а не меньше того и сильнее
В битве копьем; но тебя, о герой, превзойду я далеко
Знанием: прежде родился я, больше тебя я изведаль.
220 Пусть же душа у тебя укротится моим убеждением:
Скоро сердце людей пресыщается в битве убийством,
Где уже множество класов медь по земле разостлала;
Жатва становится скудной, как скоро весы наклоняет
Зевс Эгиох, меж племен человеческих браней решитель.
225 Нет, не утробой должно ахейцам крушиться о мертвых:
Много ахейских сынов, ежедневно ряды над рядами,
Падают: кто ж и когда бы успел отдохнуть от печали?
Долг наш земле предавать испутившего дух человека,
Твердость в душе сохраняя, поплакавши день над умершим;
230 Тем же, которые живы от гибельных битв остаются,
Должно питьем и едой укрепляться, чтоб с ревностью новой
Каждому против врагов и всегда без усталости биться,
Медью покрывшись крепкою. Нет, да никто из народа
В стане не медлит, приказа для войск ожидая другого!
235 Пагубен будет приказ сей для каждого, кто б ни остался,
Между судов укрываясь. Нет, на троян конеборных
Ныне мы все пойдем и воздвигнем жестокую битву!»

Рек — и с собою сынов знаменитого Нестора взял он,
Мегеса, отрасль Филея, вождя Мериона, Фоаса
240 И Меланиппа вождя с Ликомедом, Крейоновым сыном.
Вместе они поспешили царя Агамемнона к сени.
Скоро, как было сказано слово, исполнено дело:

Семь Ахиллесу обещанных в сени треножников взяли;
Двадцать блестящих лаханей, двенадцать коней пышногривых;
245 Вывели вместе и жен непорочных, работниц искусных
Семь, и осьмую румяноланитую Брисову дочь.
С золотом же сам Одиссей, отвесивши десять талантов,
Шел впереди; а юноши следом с другими дарами.
Их пред собраньем они положили. Атрид Агамемнон
250 Встал; провозвестник Талфибий, голосом богу подобный,
Вепря руками держа, предстал пред владыку народа.
Царь Агамемнон, стремительно нож обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалище мечном висящий,
255 С вепря щетины отсек для начатков и, руки воздевши,
Зевсу владыке молился. Ахеяне окрест сидели
Тихо, с приличным вниманием слушая слово царево;
Он же, моляся, вещал, на пространное небо взирая:
«Зевс да будет свидетелем, бог высочайший, сильнейший!
260 Солнце, Земля и Эринии, те, что в жилищах подземных
Грозно карают смертных, которые ложно клялися!
Я здесь клянусь, что на Брисову дочь руки я не поднял,
К ложу неволя ее иль к чему бы то ни было нудя;
Нет, безмятежной она под моим оставалася кровом!
Если ж поклялся я ложно, да боги меня покарают
265 Всеми бедами, какими карают они вероломных!»

Рек — и гортань кабана отсекает суровою медью.
Жертву Талфибий в пучину глубокую моря седого
Рыбам на снедь, размахавши, поверг. Ахиллес быстроногий
Думен восстал и так говорил между сонма данаев:
270 «Зевс! беды жестокие ты посылаешь на смертных!
Нет, никогда б у меня Агамемнон властительный в персях
Сердца на гнев не подвиг; никаким бы сей девы коварством
Он против воли моей не похитил; но Зевс, несомненно,
Зевс восхотел толь многим ахеянам смерть уготовить!
275 К завтраку, други, спешите, и после начнем нападень!»

Так произнесши, собрание быстрое он распускает.
Все рассеваются, к куче своей удаляется каждый.
Тою порой мирмидонцы, принявши дары примиренья,
С ними пошли к кораблю Ахиллеса, подобного богу;
280 Их положили под кущей героя, а жен посадили;
Коней погнали в табун Ахиллесовы верные слуги.

Брисова дочь, златой Афродите подобная ликом,
Только узрела Патрокла, пронзенного медью жестокой,

Вкруг мертвеца обвилась, возрыдала и с воплями стала
285 Перси терзать, и нежную выю, и лик свой прелестный.
Плача, жена, как богиня прекрасная, так говорила:
«О мой Патрокл! о друг, для меня, злополучной, бесценный!
Горе, живого тебя я оставила, сень покидая;
В сень возвратясь, обретаю мертвого, пастырь народа!
290 Так постигают меня непрерывные бедство за бедством!
Мужа, с которым меня сочетали родитель и мать,
Видела я перед градом пронзенного медью жестокой;
Видела братьев троих (родила нас единая мать),
Всех одинако мне милых, погибельным днем поглощенных.
295 Ты же меня и в слезах, когда Ахиллес градоборец
Мужа сразил моего и обитель Минеса разрушил,
Ты утешал, говорил, что меня Ахиллесу герою
Сделаешь милой супругой, что скоро во фтийскую землю
Сам отвезешь и наш брак с мирмидонцами праздновать будешь.
300 Пал ты! тебя мне оплакивать вечно, юноша милый!»

Так говорила, рыдая; стенали и прочие жены,
С виду, казалось, о мертвом, но в сердце о собственном горе.
Тою порой к Ахиллесу ахейские старцы сходились,
Пищей прося укрепиться; но он отвергал их, стнящий:
305 «Други! молю вас, когда еще есть мне друг здесь послушный;
Нет, не просите меня, чтоб питьем, чтоб какой-либо пищей
Я наслаждался: жестокая горесть меня раздирает!
Солнце пока не зайдет, не приму, не коснуся я пищи!»

Так говоря, отпустил от себя властелинов ахейских.
310 Только Атриды остались и сын многоумный Лаэртот,
Нестор, Идомей и божественный Феникс; но тщетно
Вместе они утешали печального; сердцем он весел
Не был, покуда не бросился в бездну кровавыя брани.
Думал он лишь о Патрокле, об нем говорил, воздыхая:
315 «Прежде, бывало, мне ты, злополучный, любезнейший друг мой,
Сам под кущей моею приятную снедь предлагаешь
Скоро всегда и заботливо, если, бывало, ахейцы
Брань многослезную снова троянам нанести поспешают.
Ныне лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергает
320 Здесь избылнную снедь и питье, по тебе лишь тоскуя!
Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышала,
Старца, который, быть может, льет горькие слезы во Фтии,
Помощи сына лишенный, тогда как в земле чужелюдной

325 Ради презренной Елены сражаюсь я с чадами Трой;
Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
Милого, если он жив еще, Неоптолем мой прекрасный!
Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
330 Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;
Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролетном
В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.
335 Ибо Пелей, говорит мое сердце, уже или умер,
Или, быть может, едва уже дышит, согбенный под игом
Старости скорбной и грусти, и ждет обо мне беспрестанно
Вести убийственной сердцу, когда о погибшем услышит!»

Так говорил он и плакал; кругом воздыхали герои,
Каждый о том вспоминая, что милого в доме оставил.
340 С неба печальных узрев, милосердовал Зевс промыслитель,
И к Афине Палладе крылатую речь обратил он:
«Или ты вовсе, о дочь, отступилась от славного мужа?
Или несколько уже не заботишься ты о Пелиде?
345 Се он, сидя один при своих кораблях прямокормных,
Горестный плачет по друге любезном. Все аргивяне
Пищу вкушают; а он остается и голодный и тощий.
Шествуй, Афина; и нектаром светлым с амброзией сладкой
Грудь ороси Ахиллесу, да немощ его не обьет».

Рек — и подвинул Афины, давно пламеневшую сердцем:
350 Быстро она, как орел звонкогласый, ширококрылатый,
С неба слетела по воздуху. Тою порою ахейцы
Воинством всем ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаром Зевсова дочь и амброзией сладкой незримо
Грудь оросила, да немощ от глада его не обьет;
355 И сама на Олимп вознеслась к меднозданному дому
Зевса. Ахейцы ж неслися от черных судов мореходных.
Словно как снежные клоки летят от Зевеса густые,
Быстро гонимые хладным, эфир проясняющим ветром,—
360 Так от ахейских судов неисчетные в поле неслися
Шлемы, игравшие блеском, щиты, воздымавшие бляхи,
Крепко сплоченные брони и ясеня твердого копья.
Блеск восходил до небес; под пышным сиянием меди
Окрест смеялась земля; и весь берег гремел под стопами
365 Ратных мужей. Посреди их Пелид ополчался великий.
Зубы его скрежетали от гнева; быстрые очи

Страшно, как пламень, светились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Так на троян он, пышущий гневом,
Бога дарами облекся, Гефеста созданием дивным.
Прежде всего положил он на быстрые ноги поножи
370 Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглазной;
После на мощную грудь надевал пещеренные латы;
Бросил меч на плечо с рукояткой серебряногвоздной,
С лезвием медяным; взял, наконец, и огромный и крепкий
Щит: далеко от него, как от месяца, свет разливался.
375 Словно как по морю свет мореходцам во мраке сияет,
Свет от огня, далеко на вершине горящего горной,
В куще пустынной; а их против воли и волны и буря,
Мча по княщему понту, несут далеко от любезных, —
Так от щита Ахиллесова, пышного, дивного взорам,
380 Свет разливался по воздуху. Шлем многобляшный поднявши,
Крепкий надел на голову; заснял, как звезда, над главою
Шлем коневласый; и грива на нем закачалась злата,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Так Ахиллес ополчался, испытывать начал доспехи,
385 Впору ли стану, легки и свободны ли членам красивым:
И, как крылья, они подымали владыку народа.
Взял, наконец, из ковчега копье он отцовское — яшень,
Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских
Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им,
390 Ясенем сим пеллопским, который отцу его Хирон
Ссек с высоты Пеллона, на грозную гибель героям.
Коней меж тем Автомедон и сильный Алким снаряжали;
В пышных поперсях к ярму припрягли их; удила в морды
Втиснули им и, бразды натянув, к колеснице прекрасной
395 Их укрепили за кузов. Тогда, захвативши рукою
Гибкий блистательный бич, в колесницу вскочил Автомедон.
Сзади, готовый к сражению, стал Ахиллес быстроногий,
Весь под доспехом сияя, как Гиперион лучезарный.
Крикнул он голосом грозным на быстрых отеческих коней:
400 «Ксанф мой и Балий, Подарги божественной славные дети!
Иначе вы постарайтесь вашего вынести возницу
К ратному сонму данаев, когда мы насытимся боем;
Вы, как Патрокла, его на побоище мертвым не бросьте!»

Рек он, — как вдруг под упряжку конь взговорил бурноногий,
405 Ксанф; понутивши морду и пышною гривой своею.
Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он
(Вещим его сотворила лилейнораменная Гера):

«Выносем, быстрый Пелид, тебя еще ныне живого;
Но приближается день твой последний! Не мы, повелитель,
410 Будем виною, но бог всемогущий и рок самовластный.
Нет, не медленность наша, не леность дала сопостатам
С персей Патрокла героя доспех знаменитый похитить:
Бог многомогущий, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
Свергнул в передних рядах и Гектора славой украсил.
415 Мы же, хотя бы летать, как дыхание Зефира, стали,
Ветра быстрейшего всех, но и сам ты, назначено роком,
Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть!»
С сими словами Эринии голос коня перервали.

Мрачен и гневен к коню говорил Ахиллес быстроногий:
420 «Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!
Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я
С боя, доколе троян не насыщу кровавою бранью».

Рек — и с криком вперед устремил он коней звуконогих.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

БИТВА БОГОВ

Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
Строились окрест тебя, Пелейон, ненасытимый бранью.
Их ожидали трояне, заняв возвышение поля.

Зевс же отец повелел, да Фемида бессмертных к совету
5 Всех призывает с холмов олимпийских; она, обошед их,
Всем повелела в Крониевом доме собираться. Сошлись
Все, и Потоки, и Реки, кроме Океана седого;
Самые нимфы явились, живущие в рощах прекрасных,
И в источниках светлых, и в злачноцветущих долинах.
10 В дом олимпийский собравшись тучегонителя Зевса,
Сели они в переходах блестящих, которые Зевсу
Сам Гефест хромоногий по замыслу творческим создал.
Так собирались к Зевсу бессмертные; сам Посейдаон
Не был Фемиде преслушен: из моря предстал он с другими,
15 Сел посредине бессмертных и Зевса выпрашивал волю:

«Что, сребромолненный, паки богов на собор призываешь?
Хочешь ли что рассудить о троянах или аргивянах?
Брань между ними близка, и немедленно бой запылает».

Слово к нему обращая, вещал громовержец Кронион:
20 «Так, Посейдаон! проник ты мою сокровенную волю,
Ради которой вас собрал: пекусь и о гибнущих смертных.
Но останусь я здесь и, воссев на вершине Олимпа,
Буду себя улаждать созерцанием. Бы же, о боги,
25 Ныне шествуйте все к ополчениям троян и ахеян;
Тем и другим поборайте, которым желаете каждый.
Если один Ахиллес на троян устремится, ни мига
В поле не выдержать им Эакидова бурного сына.
Трепет и прежде их всех обымал при одном его виде;
Ныне ж, когда он и гневом за друга пылает ужасным,
30 Сам я страшусь, да, судьбе вопреки, не разрушит он Трон».

Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами,
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслися.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посейдон многомогущий, объемлющий землю, и Гермес,
35 Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
40 Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Все то время, пока божества не приблизились к смертным,
Бодро стояли ахеяне, гордые тем, что явился
Храбрый Пелид, уклонившийся долго от брани печальной.
В рати ж троянской у каждого сердце в груди трепетало,
45 Страхом объемлясь, что видят опять Пелейона героя,
Грозно доспехом блестящего, словно Арей смертоносный.
Но едва олимпийцы приблизились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брашь возжигаая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
50 То по приморскому берегу шумному крик подымая.
Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симонса, по Калликолоне.

Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
55 Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.

Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посейдаон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
60 Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землю Аид, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прынул и громко вскричал, да над ним бы
Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
65 Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалось всё, как бессмертные к брани сошлись!
Против царя Посейдаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
70 Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемиды, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных —
Скамандром.

75 Так устремлялись боги противу богов. Ахиллес же,
Гектора только бы встретить, нылал в толпы погрузиться;
Сердце его беспредельно горело Приамова сына
Кровью насытить Арея, убийством несытого воя.
Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
80 Против Пелиды подвигнул, наполнивши мужеством душу.
Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына,
К сыну Анхиза предстал и вещал Аполлон дальновержец:
«Где же угрозы твои, Анхизид, предводитель дарданцев?
Или не ты в Илионе, с царями за чашей пируя,
85 Гордо грозился, что с сыном Пелеевым станешь на битву?»

Быстро ему возражая, воскликнул Эней предводитель:
«Что ты меня, Приамид, против воли моей принуждаешь
С сыном Пелеевым, гордым могучеством, боем сражаться?
Ныне не в первый бы раз быстроногому сыну Пелея
90 Противостал я: меня он и прежде копьем Пелиасом
С Иды согнал, как нечаян нагрянул на пажити наши;
Он разорил и Педас и Лирнесс. Но меня Олимпиец
Спас, возбудивши во мне и силы, и быстрые ноги;
Верно, я пал бы от рук Ахиллеса и мощной Паллады,
95 Всюду предтекшей ему, подавшей совет и могучесть

Медным копьём побивать крепкодушных троян и лелегов.
Нет, никогда человек с Ахиллесом не может сражаться:

С ним божество неотступно, и гибель оно отражает.

Дрот из руки Ахиллесовой прямо летит и не слабнет

100 Прежде, чем крови врага не напьется. Но, если бессмертный

В битве присудит нам равный конец, не легко и Эней

Он одолеет, хотя и гордится, что весь он из меди!»

Сыну Анхизову вновь провещал Аполлон дальновержец:

«Храбрый! почто ж и тебе не молиться богам вековечным,

105 Столько ж могущим! И ты, говорят, громовержца Зевеса

Дщерью Кипридой рожден, а Пелид сей — богиней низшей:

Та от Зевеса исходит, Фетида — от старца морского.

Стань на него с некрушимою медью; отнюдь не смущайся,

Встретясь с Пелидом, ни шумною речью, ни гордой угрозой!»

110 Рек — и бесстрашного духа исполнил владыку народов:

Он устремился вперед, ополченный сверкающей медью.

Но не укрылся герой от лилейнораменныя Геры,

Против Пелеева сына идущий сквозь толпища ратных.

Быстро созвавши богов, златотронная Гера вещала:

115 «Царь Посейдон и Афина Паллада, размыслите, боги.

Разумом вашим размыслите, что из деяний сих будет?

Видите ль, гордый Эней, ополченный сияющей медью,

Против Пелида идет: наустил его Феб стреловержец.

Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь нам

120 Сына Анхизова: или единый из нас да предстанет

Сыну Пелея и силой исполнит, да в крепости духа

Он не скудеет и чувствует сам, что его. браноносца,

Любят сильнейшие боги; а те, что издавна донные

Трои сынам поборают в сей брани жестокой.— бессильны!

125 Все мы оставили небо, желая присутствовать сами

В брани, да он от троян ничего не претерпит сегодня;

После претерпит он всё, что ему непреклонная Участь

С первого дня, как рождался от матери, выпряла с нитью.

Если того из глагола богов Ахиллес не познает,

130 Он утрашится, когда на него кто-нибудь от бессмертных

Станет в сражении: боги ужасны, явившись в зорам».

Гере немедля ответственал мощный земли колебатель:

«Так безрассудно свирепствовать, Гера, тебя недостойно!

Я не желаю бессмертных сводить на неравную битву,

135 Нас и других здесь присутственных; мы их могуществом выше

Лучше, когда, совокушно сошед мы с пути боевого,
Сядем на холме подозрном, а брань человекуа оставим.
Если ж Арей нападенье начнет, или Феб луконосец,
Если препятствовать станут Пелееву сыну сражаться,
140 Там же немедля и мы сопровитникам битву воздвигнем,
Битву ужасную: скоро, надеюсь, они, разойдся,
Вспять отойдут на Олимп и сокроются в сонме бессмертных,
Наших десниц, против воли своей, укрощенные силой».

Так говоря, пред Афиною шествовал царь черновласый
145 К валу тому насыпному Геракла, подобного богу,
В поле, который герою троянские мужи с Афиной
Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался,
Если ужасный за ним устремлялся от берега в поле.
Там Посейдон черновласый и прочие боги воссели,
150 Окрест рамен распростершие непроницаемый облак;
Боги другие напротив, по калликолонским вершинам,
Окрест тебя, Аполлон, и громителя твердей Арея.
Так на обеих странах небожители-боги сидели,
Думая думы; печальную брань начинать олимпийцы
155 Медлили те и другие; но Зевс от небес возбуждал их.

Ратями поле наполнилось всё, засияло от меди
Воев, коней, колесниц; задрожала земля под стопами
Толп, устремлявшихся к бою; но два знаменитые мужа
Войск обоих на среду выходили, пылая сразиться,
160 Славный Эней Анхизид и Пелид Ахиллес благородный.
Первый Эней выступал, угрожающий; страшно качался
Тяжкий шелом на главе Анхизидовой; щит легкометный
Он перед грудью держал и копьем потрясал длиннотенным.
Против него Ахиллес устремился, как лев истребитель,
165 Коего мужи-селяне решаясь убить непременно,
Сходятся, весь их народ; и сначала он, всех презирая,
Прямо идет; но едва его дротником юноша смелый
Ранит, — напучась он к скоку, зияет; вокруг страшного зева
Пена клубится; в груди его стонет могучее сердце;
Гневно косматым хвостом по своим он бокам и по бедрам
Хлещет кругом и себя самого подстрекает на битву;
Взором сверкает и вдруг, увлеченный свирепством, несется
Или стрельца растерзать, или в толпище первым погибнуть, —
Так поощряла Пелида и сила и мужество сердца
Противостать возвышенному духом Энею герою.
Чуть сосупились они, устремляясь друг против друга,

Первый к нему взговорил Ахиллес, бессмертным подобный:
«Что ты, Эней, на такое пространство отпешши от рати,
Стал? Не душа ли тебя сразится со мной увлекает
180 В гордой надежде, что ты над троянами царствовать будешь,
Чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты,
Верно, Приам не тебе свое достояние вверит.
Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.
Или троянцы тебе обещают удел знаменитый,
185 Лучшее поле для стада и пашен, чтоб им обладал ты,
Если меня одолеешь? Тяжел, я надеюсь, подвиг!
Ты уж и прежде, я помню, бежал пред моим Пелласом.
Или забыл, как, тебя одного изловив я у стада,
Гнал по Идейским горам и с какой от меня быстротою
190 Ты убежал? И назад оглянуться не смел ты, бегущий!
С гор убежал ты, и в стены Лирнесса укрылся; но в прах я
Град сей рассыпал, ударив с Афиной и Зевсом Кронидом;
Множество жен полонил и, лишив их жизни свободной,
В рабство увлек; а тебя от погибели спас громовержец.
195 Ныне тебя не спасет он, надеюсь, как ты полагаешь
В сердце твоём! Но прими мой совет и отсюда скорее
Скройся в толпу; предо мною не стой ты, пока над тобою
Горе еще не сбылось: событие зрит и безумный!»

Но Эней знаменитый ответствовал так Ахиллесу:
200 «Сын Пелеев! напрасно меня, как младенца, словами
Ты застращать уповаешь: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Знаем взаимно мы род, и наших родителей знаем,
Сами сказания давние слыша из уст человеков;
205 Но в лицо, как моих ты, равно и твоих я не ведал.
Ты, говорят, благородного мужа Пелея рождение;
Мать — Фетида тебе, лепокудрая нимфа морская.
Я же единственным сыном высокого духом Анхиза
Славлюся быть; а мать моя Афродита богиня.
210 Те иль другие должны неизбежно сегодня оплакать
Сына любезного: ибо не мню я, чтоб детские речи
Нас развели и чтоб с бранного поля мы так разошлись.
Если ж ты хочешь, скажу я тебе и об роде, чтоб знал ты
Наш знаменитый род: человекам он многим известен
215 Нашего предка Дардана Зевс породил громовержец:
Он основатель Дардании; сей Илион знаменитый
В поле еще не стоял, ясноречных народов обитель;
Жили еще на погорях Иды, водами обильной.

Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
220 Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, молодых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
225 Все понесли, и двенадцать коней от Борейя родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.
230 Царь Эрихфоний родил властелина могучего Троса;
Тросом дарованы свету три знаменитые сына:
Ил, Ассарак и младой Ганимед, небожителем равный.
Истинно, был на земле он прекраснейший сын человеков!
Он-то богами и взят в небеса, виночерпцем Зевесу,
235 Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных.
Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон;
Царь Лаомедон родил знаменитых: Тифона, Приама,
Клития, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
Капис, ветвь Ассарака, родил властелина Анхиза;
240 Я от Анхиза рожден, от Приама — божественный Гектор.
Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюся!
Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит,
Как соизволит провидец: зане он единый всецелен.
Но довольно о сем; разговаривать больше, как дети,
245 Стоя уже на середине гремящего боя, не будем.
Нам обоим легко насказать оскорблений взаимных
Столько, что тяжести их не подымет корабль стоскамейный.
Гибок язык человека; речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и сюда и туда беспредельно.
250 Что человеку измолвишь, то от него и услышишь.
Но к чему нам послужат хулы и обидные речи,
Коици, стоя, друг друга в лицо мы ругаем, как жены.
Жены одни, расплавившись злостью, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышед;
255 Правду и ложь расточают; гнев до чего не доводит!
Ты от желанного боя словами меня не отклонишь,
Прежде чем медью со мной не сразишься. Начнем и скорее
Силы один у другого на острых изведем копыях!»

Рек он — и медною пикою в щит и чудесный и страшный
260 Мощно ударил, — и весь он, огромный, взревел под ударом.

Быстро Пелид и далеко рукою дебелой от персей
Щит отклонил, устрасая; он думал, что дрот длиннотенный
Может пробиться легко, устремленный могучим Энеем:
Он, неразумный, о том ни душой, ни умом не размыслил,
265 Что не может легко небожителей дар благородный
Смертным мужам уступать, ни могучеством их сокрушаться.
Пущенный сильным Энеем щита досточудного бурный
Дрот не пробил, обессиленный златом, божественным даром.
270 Две полосы просадил он; но три их еще оставалось;
Пять в нем полос сочетал хромоногий художник небесный:
Две для поверхности медяных, две оловянных в середине
И одну золотую: она-то копьё удержала.—
После герой Ахиллес послал длиннотенную пику
И ударил противника в щит его выпуклобляшный,
Около обода, где и тончайшая медь оббежала,
Где и тончайшая кожа лежала воловьё: насквозь их
Ясень прорвал пелионский; весь щит затрещал под ударом.
Сгорбясь, приникнул Эней и стремительно щит над собою
В страхе поднял; и копьё, засвистев у него над спиною,
280 Стало, вонзившись в землю, насквозь прохватившее оба
Плотные круги щита. Ускользнув от убийственной меди,
Стал Анхизид, и в очах его черная мгла разлилася
С ужаса, как недалёко от смерти он был. Ахиллес же
Пламенный, крикнувши страшно и выхватив меч изощренный,
285 Бросился; но сопротивник рукой подхватил уже камень,
Страшное дело, какого не подняли б два человека,
Ныне живущих, а он и один им размахивал быстро.
Тут Ахиллеса напавшего — камнем Эней поразил бы
В плем или в щит, но они от него отразили бы гибель;
290 Сын же Пелеев мечом у Энея исторгнул бы душу,
Если б того не узрел Посейдон, потрясающий землю.
Быстро к бессмертным богам устремил он крылатое слово:
«Боги! печаль у меня о возвышенном духом Энее!
Скоро герой, Ахиллесом сраженный, сойдет к Аиду,
295 Ложных советов послушав царя Аполлона, который
Сам, безрассудный, его не избавит от гибели грозной.
Но за что же теперь, неповинный, он бедствовать будет?
Казнь понесет за вины чужие? Приятные жертвы
Часто приносит богам он, на небе великом живущим.
300 Боги, решимся, и сами его из-под смерти исторгнем.
Может, и Зевс раздражится, когда Ахиллес у Энея
Жизнь пресечет: предназначено роком — Энею спастись,
Чтобы бесчадный, пресекавший род не погибнул Дардана,

305 Смертного, Зевсу любезного более всех человек,
Коиx от крови его породили смертные жены;
Род бо Приама владыки давно ненавидит Кроннон.
Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, пмущие поздно родиться».

Быстро ему отвечала богиня верховная Гера:
310 «Землю колеблющий, собственным разумом сам размышляй ты,
Должно ль избавить тебе, плъ оставить троянца Энея
Пасть под рукой Ахиллеса великого, как он ни славен.
Мы, Посейдаон, богини, и я и Паллада Афина,
Тысячу крат перед всеми бессмертными клятвой клялся
315 Трои сынов никогда не спасать от грозящей напасти,
Даже когда Илион пожирающим пламенем бурным
Весь запылает, зажженный светочьми храбрых данаев».

Геры услышавши речь, Посейдаон, земли колебатель,
320 Встал, устремился сквозь шумную битву и трескот оружий
К месту, где храбрый Эней и герой Ахиллес подвизались.
Быстро, как бог, разлил он ужасную тьму пред очами
Сына Пелеева; ясень пелийский, сияющий медью,
Вырвавши сам из щита у высокого духом Энея,
Тихо его положил близ Пелидовых ног, а Энея
325 Мощной рукою поднял от земли и по воздуху бросил:
Многие толпища воинов, многие толпища коней
Быстро Эней перепрынул, рукой божества устремленный.
Он долетел до пределов кипящего битвою поля,
Где ополченья кавконов готовились двинуться в сечу.
330 Там Анхизиду предстал Посейдаон, колеблющий землю,
И к нему возгласил, устремляя крылатые речи:
«Кто из бессмертных, Эней, тебя ослепил и подвигнул
С сыном Пелеевым бурным сражаться и меряться боем?
Он и сильнее тебя, и любезнее жителям неба.
335 С ним и вперед повстречавшись, вспять отступай перед
грозным;
Или, судьбе вопреки, низойдешь ты в обитель Аида.
После, когда Ахиллес рокового предела достигнет,—
Смело геройствуй, Эней, и в рядах первоборных сражайся,
Ибо другой из ахеев с тебя не похитит корыстей».

340 Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея.
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,

Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу:

345 Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!
Верно, и сей Анхизид божествам олимпийским любезен!
Он, полагал я, любовью их напрасно гордится.
350 Пусть он скпается! Мужества в нем, чтоб со мною сразиться,
Больше не будет; и ныне он рад, убежавши от смерти.
Но устремимся; данаев воинственных рать возбудивши,
Противостанем врагам и других мы троян испытаем».

Рек он — и прынул к рядам и мужей возбуждал, восклицая:

355 «Днесь вы не стойте вдали от троян, аргивяне герои!
Муж против мужа иди и без отдыха пламенно бейся!
Трудно мне одному, и с великою силою моею,
Столько воющих толп обойти и со всеми сражаться!
Нет, ни Арей, невзирая, что бог, ни Афина Паллада
Бездны сражений такой не могли б обойти, подвизаясь!
360 Сколько, однако ж, смогу я, руками, ногами и силою
Действовать буду и в рвении, льщусь, ни на миг не ослабну;
Прямо везде сквозь ряды я пройду; и никто из дарданцев
Весел не будет, который подступит к копью Ахиллеса!»

Так возбуждал их герой; а троян шлемоблещущий Гектор

365 Криком бодрил, и грозился идти он против Ахиллеса:
«Храбрые Трои сыны! не страшитесь вы Пелейона.
Сам я словами готов и противу бессмертных сразиться;
Но копьем тяжело: божества человекоев сильнее.
Речи не все и Пелид приведет в исполнение, гордый;
370 Но одни совершит, а другие, не кончив, оставит.
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!»

Рек он, — и грозно трояне в противников подняли копья;

375 Храбрость смешалась мужей, и воинственный крик их раздался.
Тут, явившись Гектору, Феб возгласил сребролукий:
«Гектор! еще не дерзай впереди с Ахиллесом сражаться.
Стой меж рядов, поражай из толпы, да тебя и далёко
Он не уметит копьем или близко мечом не ударит».

Рек он, — и Гектор опять погрузился в волны народа,

380 С трепетом сердца услышавши голос вещавшего бога.
Тут Ахиллес на троян, облеченный всей силою духа,
С криком ударил: и первого он Ифитиона свергнул,

Храброго сына Отринтова, сильных дружин воеводу;
Нимфа наяда его родила градоборцу Отринту,
385 Около снежного Тмола, в цветущем селении Гиды.
Прямо летящего в встречу, его Ахиллес быстроногий
В голову пикою грянул, и надвое череп расселся.
С громом на землю он пал, и вскричал Ахиллес, величаясь:
«Лег ты, Отринтов сын, ужаснейший между мужами!
390 Умер ты здесь, на чужбине! а родину бросил далёко,
Возле Гигейского озера, бросил отцовские нивы,
Около рыбного Гилла и быстропучинного Герма!»

Так величался, а очи сраженного тьма осенила;
Тело же кони ахейн колесами вокруг истерзали,
395 Павшее в первом ряду. Ахиллес Демолеона там же,
В брани противника сильного, славную ветвь Антенора,
Пикой в висок поразил, сквозь шолом его медноланитный:
Крепкая медь не сдержала удара; насквозь пролетела
Пика могучая, кость проломилась и, в череп ворвавшись,
400 С кровью смесила весь мозг и смирила его в нападение.
Вслед Гипподама, который, на дол соскочив с колесницы,
Бросился в бег перед ним, поразил он копьем в междуплечье;
Он, испуская свой дух, застонал, как вол темночелый
Стонет, кругом алтаря геликпийского мощного бога
405 Юношей силой влекомый, и бог Посейдон веселится,—
Так застонал он, и дух его доблестный кости оставил.
Тот же с копьем полетел на питомца богов Полидора,
Сына Приамова. Старец ему запрещал ратоборство;
Он из сынов многочисленных был у Приама юнейший,
410 Старцев любимейший сын; быстротою всех побеждал он,
И, с неразумия детского, ног быстротою тщеславясь,
Рыскал он между передних, пока погубил свою душу.
Медяным дротом младого его Ахиллес быстроногий,
Мчавшегося мимо, в хребет поразил, где застеежки золотые
415 Запон смыкали и где представлялася броня двойная;
Дрот на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнув, он пал на колена; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность к чреву руками прижал он, поникший.

Гектор едва лишь увидел, что брат Полидор, прободенный,
420 Внутренность держит руками, к кровавому долу приникший,—
Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он
В дальних рядах оставаться; пошел он против Ахиллеса,
Острым, как пламень светящим, колебля копьем. Ахиллес же,

Чуть лишь увидел, подпрыгнул и с радостью гордой воскликнул:
425 «Вот человек сей, который глубоко пронзил мое сердце!
Вот сей убийца друга любезного! Радуюсь: больше
Друг мы от друга не будем по бранному попрещу бегать!»

Рек — и, свирепо взглянув, к благородному Гектору
вскрикнул:
«Ближе приди, да скорее дойдешь к роковому пределу!»

И ему, не смущаясь, отвечивал Гектор великий:
430 «Сын Пелеев! меня, как младенца, напрасно словами
Ты утратить ласкаешься: так же легко и свободно
Колкие речи и дерзости сам говорить я умею.
Ведаю, сколько могуч ты и сколько тебя я слабее.
435 Но у богов всемогущих лежит еще то на коленах,
Гордую душу тебе не я ли, слабейший, исторгну
Сим копьем; на копье и моем остра оконечность!»

Рек — и, ужасно сотрясши, копье он пустил; но Афина
Духом отшибла его от Пелеева славного сына,
440 В сретенье тихо дохнув; и назад к Приамиду герою
Дрот прилетел, и бессильный у ног его пал. Ахиллес же,
Пламенный, с криком ужасным, убить нетерпением горящий,
Ринулся с пикой; но Феб Аполлон Приамида избавил
Быстро, как бог: осенил он героя мраком глубоким.
445 Трижды могучий Пелид на него напал, ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзал ее в мрак лишь глубокий.
Но в четвертый он раз еще налетевши, как демон,
Крикнул голосом страшным, крылатые речи вещая:
«Снова ты смерти, о пес, избежал! Над твоей головою
450 Гибель висела, и снова избавлен ты Фебом могучим!
Феба обык ты молить, выходя на свистящие копья!
Скоро, однако, с тобою разделаюсь, встречу после,
Если и мне меж богов-небожителей есть покровитель!
Ныне пойду на других и повергну, которых постигну!»

Рек — и Дриопа убил он, ударивши пикою в выю;
Тот, зашатавшись, у ног его пал; но его он оставил;
Демуха ж Филеторида, огромного, сильного мужа,
Дротом, в колено вонзив, удержал устремленного; после
Медноогромным мечом поразил и исторг ему душу.
460 Вслед на Биаса детей, Лаогона и Дардана, вместе
К битве скакавших, напал он и вместе их сбил с колесницы,
Первого пикой пронзив, а другого мечом поразивши.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПРИРЕЧНАЯ БИТВА

Но лишь трояне достигли брода реки светлоструйной,
Ксанфа серебристопучинного, вечным рожденного Зевсом,
Там их разрезал Пелид; и одних он погнал по долине
К граду, и тем же путем, где ахейцы в расстройстве бежали
5 Прошлого дня, как над ними свирепствовал Гектор могучий, —
Там и трояне, рассеясь, бежали; но Гера глубокий
Мрак распростерла, им путь заграждая. Другие толпами,
Бросясь к реке серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали с шумом ужасным: высоко валы заплескали;
10 Страшно кругом берега загремели; упавшие с воплем
Плавали с места на место, крутясь по бурным пучинам.
Словно как пруги, от ярости огненной снявшись с поля,
Тучей к реке устремляются: вдруг загоревшийся бурный
Пышет огонь, и они уstraшенные падают в воду, —
15 Так от Пелида бегущие падали кони и вои,
Ток наполняя гремущий глубокопучинного Ксанфа.

Он же, божественный, дрот свой огромный оставил на бреге,
К ветвям мирики склонивши, и сам устремился, как демон,
С страшным мечом лишь в руках: замышлял он ужасное
в сердце;
20 Начал вокруг им рубить: поднялся ужасные стоны
Вкруг поражаемых; кровию их забагровели волны.
Словно дельфина огромного мелкие рыбы всполошась
И бежа от него в безопасные глубы залива,
Кроются робкие: всех он глотает, какую ни схватит, —
Так от Пелида трояне в ужасном потоке Скамандра
Крылись под кручей берегов. Но герой, утомивши убийством
Руки, живых среди потока двенадцать юношей выбрал,
Чтоб за смерть отомстить благородного друга Патрокла;
Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных еленей;
30 Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями,
Кон в сражениях сами носили при бронях кольчатых;
Так повелел мирмидонцам вести их к судам мореходным.
Сам же опять на врагов устремился, убийства алкая.

Там он Приамова сына, чудясь, Ликаона младого
35 Встретил, из волн уходящего, коего некогда сам он

В плен, невзирая на вопль, из отцова увлек вертограда,
Ночью напавши: царевич смоковницы ветви молодые
Острою медью тесал, чтобы в круги согнуть колесницы;
Вдруг на него налетела беда — Ахиллес быстроногий.
40 Он Ликаона, в судах своих быстрых улавши на Лемнос,
Продал: Эвней Ясонид предложил за царевича выкуп;
Друг же его и оттуда, Геэтион, Имбра владыка,
Многое дав, искупил и в священную выслал Арисбу.
Скоро, бежавши оттуда, в отеческий дом возвратился.
45 Дома одиннадцать дней веселился с друзьями своими,
После возврата из Лемна; в двенадцатый бог его паки
В руки привел Ахиллеса, которому сужено было
В царство Анда низринуть — идти не желающую душу.
Быстрый могучий Пелид, лишь узрел Приамида нагого
50 (Он без щита, без шелома и даже без дротика вышел;
По полю всё разбросал, из реки убегающий; потом
Он изнурился, с истомы под ним трепетали колена),
Гневно вздохнул и вещал со своею душой благородной:
«Боги! великое чудо моими очами я вижу!
55 Стало быть, Трои сыны, на боях умерщвленные мною,
Паки воскреснут и паки из мрака подземного выйдут,
Ежели сей возвращается; черного дня избежал он,
Проданный в Лемнос; его не могла удержать и пучина
Бурного моря, которое многих насильственно держит.
60 Но нападём, и пускай острия моего Пелпаса
Днесь он отведает: видеть хочу и уверитья сердцем,
Так же ли он и оттуда воротится или троянца
Матерь удержит земля, которая держит и сильных».

Так размышлял и стоял он; а тот подходил полумертвый,
65 Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желал он
Смерти ужасной избежать и близкого черного рока.
Дрот между тем длиннотенный занес Ахиллес быстроногий,
Грнуть готовый; а тот подбежал и обнял ему ноги,
К долу припав; и копьё, у него засвистев над спиною,
70 В землю воткнулось дрожа, человеческой жадное крови.
Юноша левой рукою обнял, умоляя, колена,
Правой копьё захватил и, его из руки не пуская,
Так Ахиллеса молил, устремляя крылатые речи:
«Ноги объёмлю тебе, пощади, Ахиллес, и помилуй!
75 Я пред тобою стою как молителъ, достойный пощады!
Вспомни, я у тебя наслаждался дарами Деметры,
В день, как меня полонил ты в цветущем отца вертограде.

После ты продал меня, разлучив и с отцом и с друзьями,
В Лемнос священный: тебе я доставил стотельчя цену;
80 Ныне ж тройной искупился б ценою! Двенадцатый день лишь
С оной мне светит поры, как пришел я в священную Трою,
Много страдавши; и в руки твои опять меня ввергнул
Пагубный рок! Ненавистен я, верно, Кронциону Зевсу,
Если вторично им предан тебе; кратковечным родила
85 Мать меня Лаофоя, дочь престарелого Альта,—
Альта, который над племенем царствует храбрых лелегов,
Градом высоким, Педасом, у вод Сатниона владея.
Дочь его Лаофоя, одна из супруг Дарданида,
Двух нас Приаму родила, и ты обоих умертвишь нас!
90 Брата уже ты сразил в ополчениях наших передних;
Острым копьем заколол Полидора, подобного богу.
То ж и со мною несчастье сбудется! Знаю, могучий!
Рук мне твоих не избегнуть, когда уже бог к ним приблизил!
Слово иное скажу я, то слово прими ты на сердце:
95 Не убивай меня; Гектор мне брат не единоутробный,
Гектор, лишивший тебя благородного, нежного друга!»

Так говорил убеждающий сын знаменитый Приамов,
Так Ахиллеса молил; но услышал не жалостный голос:
«Что мне вещаешь о выкупах, что говоришь ты, безумный?»
100 Так, доколе Патрокл наслаждался сиянием солнца,
Миловать Трон сынов иногда мне бывало приятно.
Многих из вас полонил и за многих выкуп я принял.
Ныне пощады вам нет никому, кого только демон
В руки мои приведет под стенами Приамовой Трои!
105 Всем вам, троянам, смерть, и особенно детям Приама!
Так, мой любезный, умри! И о чем ты столько рыдаешь?
Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный!
Видишь, каков я и сам, и красив, и величествен видом;
Сын отца знаменитого, мать имею богиню!
110 Но и мне на земле от могучей судьбы не избегнуть;
Смерть придет и ко мне поутру, ввечеру или в полдень,
Быстро, лишь враг и мою на сражениях душу исторгнет,
Или копьем поразив, иль крылатой стрелою из лука».

Так произнес,— и у юноши дрогнули ноги и сердце.
115 Страшный он дрот уронил и, трепещущий, руки раскинув,
Сел; Ахиллес же, стремительно меч обоюдный исторгши,
В выю вознял у ключа, и до самой ему рукояти
Меч погрузился во внутренность: ниц он по черному праху

Лег, распростершись; кровь захлестала и залила землю.
120 Мертвого за ногу взявши, в реку Ахиллес его бросил,
И, над ним издеваясь, пернатые речи вещал он:
«Там ты лежи, между рыбами! Жадные рыбы вокруг язвы
Кровь у тебя нерадиво оближут! Не мать на ложе
Тело твое, чтоб оплакать, положит; но Ксанф быстротечный
125 Бурной волной унесет в беспредельное лоно морское.
Рыба, играя меж волн, на поверхность чернеющей зыби
Рыба всплывет, чтоб насытиться белым царевича телом.
Так погибайте, трояне, пока не разрушим мы Трои,
Вы — убегая из битвы, а я — убивая бегущих!
130 Вас не спасет ни могучий поток, сребристопучинный
Ксанф. Посвящайте ему, как и прежде, волов неспеченных;
В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуконогих;
Все вы изгибнете смертью лютой; заплатите вы мне
Друга Патрокла за смерть и ахейских сынов за убийство,
135 Коих у черных судов без меня вы избили на сечах!»

Так говорил он,— и Ксанф на него раздражался жестоко;
Стал волноваться он думами, как удержать от свирепства
Бурного сына Пелея, спасая троян от убийства.
Но Пелейон между тем, потрясая копьем длиннотенным,
140 Прянул ужасный, убить пылающий Астеропея,
Ветвь Пелегона, которого Аксий широкотекущий
С юной родил Перибою, Акессаменовой дочерью
Старшею; с нею поток сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелид устремлялся, а тот из реки на Пелида
145 Вышел, двумя потрясающий копьями; дух пеонийцу
Ксанф возбуждал: раздражался бессмертный за юношей
красных,
Коих в пучинах его Ахиллес убивал без пощады.
Чуть сосупились они, устремляясь друг против друга,
Первый к Астеропею вскричал Ахиллес быстроногий:
150 «Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающий в встречу мне
выйти?
Дети одних несчастных встречаются с силой моею!»

И ему отвечал воинственный сын Пелегонов:
«Сын знаменитый Пелеев, почто вопрошаешь о роде?
Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой;
155 Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне
Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою.
Родоначальник мой славный — Аксий широкотекущий,

Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий:
Он Пелегона родил; от него, копьеносца, вещают,
160 Я порожден. Но сразися со мной, Ахиллес благородный!»

Так он, грозя, говорил; и занес Ахиллес быстроногий
Крепкий свой ясень пелийский; но дротами вдруг обоими
Сын Пелегонов пустил: копьеборец он был оборучный:
В щит Ахиллесов одним угодил, но сквозь щит не проникнул
165 Дрот медножальный, удержанный златом, божественным даром.
Дротом другим, близ локтя пронесшимся, ссадил десную:
Черная кровь заструилась, и дрот позади Ахиллеса
В землю вонзился, горящий насытиться телом героя.
170 Вслед Пелейон Ахиллес, размахнув прямолетный свой ясень,
В Астеропея пустил, сопостата низвергнуть пылая;
Но, не попав Пелегонпда, в берег высокий ударил
И вогнал до середины огромное дерево в берег.
Сам между тем, исторгнувши меч из влагалища острый,
Яр на противника прынул, а тот ахиллесовский ясень
175 Вырвать из берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхал, из стремнины исторгнуть пылая,
Трижды силы терял; но в четвертый он раз лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидов убийственный ясень,—
Тот налетел и мечом у надменного душу исторгнул:
180 Чрево близ пупа ему разрубил, и из чрева на землю
Вылилась внутренность вся, и ему, захрипевшему, очи
Смертная тьма осенила; Пелид же, на грудь его бросясь,
Пышные латы срывал и вещал, величаясь победой:
«В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса
185 Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой!
Ты от реки широкой своим величаешься родом;
Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь.
Жизнь даровал мне герой, мирмидонян владыка державный,
Отрасль Эака, Пелей; Эак же рожден от Зевеса.
190 Скольکو Зевес многомогуще рек, убегающих в море,
Столько пред чадами рек многомогуще чада Зевеса!
Здесь, пред тобой — и река могучая; пусть испытает
Помощь подать: невозможно сражаться с Кронионом Зевсом.
С ним, громовержцем, ни царь Ахелой не дерзает равняться,
195 Ни, могуществом страшный, седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают;
Но трепещет и он всемогущего Зевса перунов
И ужасного грома, когда от Олмпма он грянет».

200 Рек — и из берега стремнистого вырвал огромную пику.
Бросил врага, у которого гордую душу исторгнул,
В прахе простертого: там его залили мутные волны;
Вкруг его тела и рыбы и угри толпой закипели,
Почечный тук обрывая и жадно его пожирая.
205 Сын же Пелеев пошел на пеонян, воинов конных,
Кои по берегу Ксанфа пучинного бросились в бегство,
Чуть лишь увидели мужа сильнейшего в битве ужасной,
Мощно сраженного грозной рукой и мечом Ахиллеса.
210 Там он убил Ферсилоха, Эния вождя и Мидона,
Сверг Астипила и Фразия, сверг Офелеста и Мнесса.
Многих еще бы пеонян сразил Ахиллес быстроногий,
Если бы голоса в гневе Скамандр пучинный не поднял.
В образе смертного бог возгласил из глубокой пучины:
«О Ахиллес! и могуществом сил, и грозою деяний
215 Выше ты смертного! Боги всегда по тебе поборают.
Если Кронийн троян на погибель всех тебе предал,
Выгони их из меня и над ними ты в поле свирепствуй.
Трупами мертвых полны у меня светлоструйные воды;
Более в море священное волн проливать не могу я,
220 Трупами спертый троянскими: ты истребляешь, как гибель!
О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!»

Ксанфу немедля отвечивал царь Ахиллес быстроногий:
«Будет, как ты заповедуешь, Ксанф, громовержцев питомец!
225 Я перестану троян истреблять, но не прежде, как гордых
В стены вобью, и не прежде, как Гектора мощь испытаю,
Он ли меня укротит иль надменного сам укрощу я».

Так говоря, на троян устремился ужасный, как демон.
К Фебу тогда возопила река из пучины глубокой:
«Бог сребролукий, Кронийна сын, не блюдешь ты заветов
230 Зевса Крониды! Не он ли тебе повелел, Олимпиец,
Трои сынов защищать неотступно, пока не прострется
Сумрак вечерний и тенью холмистых полей не покроет».

Так говорила; Пелид же бесстрашный в средину пучины
Прянул с крутизны. Река поднялася, волнами бушует.
235 Вся, всклокотавши, до дна взволновалась и мертвых погнала,
Коиими волны ее Ахиллес истребитель наполнил;
Мертвых, как вол ревущая, вон извергла на берег;
Но, живых укрывая в пучинных пещерах широких,

Их защитила своими катящимися пышно водами.
240 Страшное вокруг Ахиллеса волнение бурное встало;
Зыблют героя валы, упавая на щит; на ногах он
Боле не мог удержаться; руками за вяз ухватился
Толстый, раскидисто росший; и вяз, опрокинувшись с корнем,
Берег обрушил с собой, заградил быстротечные воды
245 Ветвей своих густотой и, как мост, по реке протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой, испсоча из пучины,
Бросился в страхе долиной лететь на ногах своих быстрых.
Яростный бог не отстал; но, поднявшись, за ним он ударил
Валом черноголовым, горя обуздать Ахиллеса
250 В подвигах бранных и Трои сынов защитить от убийства.
Он же, герой, проскакал на пространство копейного лёта,
Быстро, как мощный орел, черноперый ловец поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрейший из рода пернатых:
Равный орлу он стремился; блестящая медь всеоружий
255 Страшно вокруг персей звучала; бежа от реки, он бросался
Вбок, а река по следам его с ревом ужасным крутилась.
Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
260 Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатым; он и вождя далеко упрещдает,—
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.
265 Несколько раз покушался герой Ахиллес быстроногий
Противостать и увидеть, не все ли его уже боги
Гонят, не всё ль на него ополчилось великое небо?
Несколько раз его вал излианного Зевсом Скамандра,
Сверху обрушася, в плечи хлестал; негодуя, высоко
270 Прядал Пелид, но река удручала могучие ноги,
Бурная под ноги била и прах из-под стоп вырывала.
Крикнул Пелид наконец, на высокое небо взирая:
«Зевс! так никто из богов милосердый меня не предстанет
Спасть из реки, злополучного? После и всё претерпел бы...
275 Но кого осуждаю я, кто из небесных виновен?
Мать единая, мать меня обольщала мечтами,
Мать твердила, что здесь, под стенами троян броненосных,
Мне от одних Аполлоновых стрел быстролетных погибнуть;
Что не убит я Гектором! Сын Иллиона славнейший,
280 Храброго он бы сразил и корыстью гордился бы, храбрый!
Ныне ж бесславною смертью судьбой принужден я погибнуть;

Лечь в пучинах реки, как молодой свинопас, поглощенный
Бурным потоком осенним, который хотел перебрести он!»

Так говорил,— и незапно ему Посейдон и Афина
285 Вместе явились, приблизились, образ приняв человека;
За руку взяли рукой и словами его уверяли.
Первый к нему провещал Посейдон, потрясающий землю:
«Храбрый Пелид! ничего не страшись, ничем не смущайся.
Мы от бессмертных богов, изволяюще Зевсу Крониду,
290 Мы твои покровители, я и Паллада Афина.
Роком тебе не назначено быть побежденным рекою;
Скоро она успокоится, бурная, сам ты увидишь.
Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совет предлагаем:
Рук не удерживай ты от убийства и общего боя
295 Прежде, доколе троян не вобьешь в илионские стены
Всех, кто спасется; и после ты, Гектора душу исторгнув,
В стан возвратися; дадим мы тебе вожделенную славу».

Так возгласивши, бессмертные вновь удалились
к бессмертным.

Он полетел, беспредельно глаголом богов ободренный,
300 В поле; а поле водою разлившеюсь всё понималось.
Множество пышных оружия, множество юношей красных
Плавало мертвых. Высоко скакал он, бежа от стремленья
Прямо гонящихся волн разъяренных; не мог его больше
Бурный поток удержатъ, облеченного в крепость Афиной.
305 Но и Скамандр не обуздывал гнева; против Ахиллеса
Пуще свирепствовал бог; захоливши валы на потоке,
Он воздымался высоко и с ревом вопил к Симоону:
«Брат мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно с тобою
Мощь обуздаем; иль скоро обитель владыки Приама
310 Он разгромит; устоять перед грозным трояне не могут!
Помощь скорее подай мне; поток свой наполни водами
Быстрых источников горных, и все ты воздвигни потоки!
Страшные волны поставь, закрути с треволнением шумным
Бревна и камни, чтобы обуздать нам ужасного мужа!
315 Он побеждает теперь и господствует в брани, как боги!
Но не помогут, надеюсь, ему ни краса, ни могучесть,
Ни оружия пышные, кои в болоте глубоком
Лягут и черной покроются тиною, ляжет и сам он.
Я и его под песком погребу и громадою камней
320 Страшной кругом замечу; не сберут и костей Ахиллеса
Чада ахеян: такой самого его тиной покрою!

Там и могила его, и не пужно ахеянам будет
Холма над ним насыпать, воздавая надгробную почесть!»

Рек — и напал на него, клокоча и высоко бушуя,
325 С ревом бросая и пеной, и кровью, и трупами мертвых.
Быстро багровые волны река, излившаяся с неба,
Стали стеной, обхватили кругом Пелейона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтоб Пелеева сына
В хляби свои не умчала река, излившая Зевсом;
330 Быстро к Гефесту, любезному сыну, она возгласила:
«В бой, хромоногий! воздвигнись, о сын мой! С тобою сразиться
Мы почитаем достойным глубокопучинного Ксанфа.
Противостань и скорее открой пожирающий пламень!
Я же иду, чтобы Зефира ветра и хладного Нота
335 Быстро от берега морского жестокою бурю воздвигнуть;
Буря сожжет и главы и доспехи троян ненавистных,
Страшный пожар разносящая. Ты по берегам у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой речью его, не смущайся угрозам бога;
340 И не смирай ты пламенной силы, пока не подам я
Знаменья криком; тогда укротишь ты огонь неугасный».

Так повелела,— и сын устремил пожпрающий пламень.
В поле сперва разгорался огонь, и тела пожирал он
345 Многих толпами лежащих троян, Ахиллесом убитых.
Поле иссохло, и стали в течении светлые воды.
Словно как в осень Борей вертоград, усуренный дождями,
Скоро сушит и его удобрятеля радует сердце,—
Так иссушилося целое поле, тела погорели.
350 Бог на реку обратил разливающий зарево пламень.
Вспыхнули окрест зеленые пвы, мирпки и вязы;
Вспыхнули влажные трости, и лотос, и кипер душистый,
Кои росли изобильно у Ксанфовых вод светлоструйных;
Рыбы в реке затомились, и те по глубоким пучинам,
Те по прозрачным струям и сюда и туда запыряли,
355 В пламенном духе томясь многоумного Амфигнея.
Вспыхнул и самый поток, и, пылающий, так возопил он:
«Нет, о Гефест, ни единый бессмертный тебя не ослит!
Нет, никогда не вступлю я с тобой, огнедышащим, в битву!
Кончи ты брань! А троян хоть из града Пелид быстроногий
360 Пусть изженет; отрекаюсь их распрь, не хочу поборать им!»

Так говорил и горел; клокотали прекрасные воды.
Словно клокочет котел, огнем подгнетенный великим,

Если он, вопрея огромного тук распляя блестящий,
Полный ключом закипит, раскаляемый пылкою сущю,—
365 Так от огня раскалялися волны, вода клокотала.
Стала река, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандр к торжествующей Гере
Голос простер умоляющий, быстрые речи вещая:
«Гера! за что твой сын, на поток мой свирепо обрушась,
370 Мучит меня одного? Пред тобою не столько виновен
Я, как другие бессмертные, кои троян защищают.
Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
Пусть и Гефест укротится! Клянуся я клятвой бессмертных:
Трой сынов никогда не спасать от суровой години,
375 Даже когда и Троя губительным пламенем бурным
Вся запылает, зажженная светочьми храбрых данаев!»

Речи такие услышав, лплейнораменная Гера
Быстро, богиня, к Гефесту, любезному сыну, вещала:
«Полно, Гефест, укротися, мой сын знаменитый! Не должно
380 Так беспощадно за смертных карать бессмертного бога!»

Так повелела,— и бог угасил пожирающий пламень.
Вспять покатились к потоку прекрасно струящиеся воды.
Так обуздана Ксанфова мощь; успокоились оба,
Ксанф и Гефест: укротила их Гера, кипящая гневом.

385 Но меж другими бессмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувством раздора их души в груди взволновались.
Бросились с шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкруг, как трубой, огласилось великое небо. Услышал
Зевс, на Олимпе сидящий; и с радости в нем засмеялось
390 Сердце, когда он увидел богов, устремившихся к брани.
Сшедшися, боги не долго стояли в бездействии: начал
Щиторушитель Арей, налетел на Палладу Афины,
Медным колебля копьем, изрыгая поносные речи:
«Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
395 Дерзость твоя беспредельна! Ты вечно свирепствуешь сердцем!
Или не помнишь, как ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, перед всеми копые ухвативши,
Прямо в меня устремила и тело мое растерзала?
Ныне за всё, надо мной совершенное, мне ты заплатишь!»

400 Рек — и ударил копьем в драгоценный эгид многокистный,
Страшный, пред коим бесилен и пламенный гром
молневержца;

В оный копьём длиннотенным ударил Арей испуганный.
Зевсова дочь отступила и мощной рукой подхватила
Камень, в поле лежащий, черный, зубристый, огромный,
405 В древние годы мужами положенный поля межою;
Камнем Арея ударила в выю и крепость сломила.
Семь десятин он покрыл, распростершись: доспех его медный
Грянул, и прахом оделись власы. Улыбнулась Афина
И, величаясь над ним, устремила крылатые речи:
410 «Или доселе, безумный, не чувствовал, сколь пред тобою
Выше могуществом я, что со мною ты меряешь силы?
Так отягчают тебя проклятия матери Геры,
В гневе тебе готовящей кару за то, что, изменник,
Бросил ахейских мужей и стоишь за троян вероломных!»

415 Так говоря, от него отвратила ясные очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня,
Тяжко и часто стеньящего; в силу он с духом собрался.
Но, Афродиту увидев, лилейнораменная Гера
К Зевсовой дочери Афине крылатую речь устремила:
420 «Непобедимая дочь воздымателя облаков Зевса!
Видишь, бесстыдная паки губителя смертных Арея
С битвы пылающей дерзко уводит! Скорее преследуй!»

Так изрекла,— и Афина бросилась с радостью в сердце;
Быстро напав на Киприду, могучей рукой поразила
425 В грудь; и мгновенно у ней обомлело и сердце и ноги.
Оба они пред Афиною пали на злачную землю.
И, торжествуя над падшими, вскрикнула громко Афина:
«Если б и все таковы защитители Трои высокой
Были, на брань выходя против меднооружных данаев,
430 Столько ж отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арея союзница, в крепости спорить со мною!
О, давно бы от грозной войны успокоились все мы,
Град сей разруша, высокотвердынную Трою Приама!»

Так говорила,— и тихо ослабилась Гера богиня.
435 И тогда к Аполлону вещал Посейдон земледержец:
«Что, Аполлон, мы стоим в отдалении? Нам неприлично!
Начали боги другие. Постыдно, когда мы без боя
Оба придем на Олимп, в меднозданный дом Олимпийца!
Феб, начинай; ты летами юнейший,— но мне неприлично:
440 Прежде тебя я родился, и боле тебя я изведал.
О безрассудный, беспамятно сердце твое! Позабыл ты,

Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона,
Мы от бессмертных одни? Повинуясь воле Крониды,
Здесь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
445 Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Я обитателям Трон высокие стены воздвигнул,
Крепкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих
Нас по долинам холмистой, дубравами венчанной Иды.
450 Но, когда нам условленной платы желанные Горы
Срок принесли, Лаомедон жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
И продать, как раба, на остров чужой и далекий;
455 Нам обоим похвалялся отсечь в поруганье уши.
Так удалились мы, на него негодуя душою.
Царь вероломный, завет сотворил и его не исполнил!
Феб, не за то ль благодеешь народу сему и не хочешь
Нам поспешать, да погибнут навеки вероломцы трояне,
460 Бедственно все да погибнут, и робкие жены и дети!»

Но ему отвечал Аполлон, сребролукий владыка:
«Энносигей! не почел бы и сам ты меня здравоумным,
Если б противу тебя ополчался я ради сих смертных,
Бедных созданий, которые, листьям древесным подобно,
465 То появляются пышные, пищей земною питаясь,
То погибают, лишаясь дыхания. Нет, Посейдаон,
Распри с тобой не начну я; пускай человеки раздорят!»

Так произнес Аполлон — и назад обратился, страшая
Руки поднять на царя, на могучего брата отцова.
470 Тут Аполлона сестра, Артемиды, зверей господинья,
Шумом ловитв веселящаясь, гневно его укоряла:
«Ты убегаешь, стрелец! и царю Посейдону победу
Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
Что ж, малодушный, ты носишь сей лук, для тебя бесполезный?
475 С сей я поры чтоб твоих не слыхала в чертогах Кронида
Гордых похвал, как, бывало, ты хвалишься между богами
С Энносигеем, земли колебателем, выйти на битву».

Так говорила; сестре не ответствовал Феб сребролукий
Но раздражилась Гера, супруга почтенная Зевса,
480 И словами жестокими так Артемиду язвила:
«Как, бесстыдная псица, и мне уже ныне ты смеешь

Противостать? Но тебе я тяжелой противницей буду,
Гордая луком! Тебя лишь над смертными женами лвицей
Зевс поставил, над ними свирепствовать дал тебе волю.
485 Лучше и легче тебе поражать по горам и долинам
Ланей и диких зверей, чем с сильнейшими в крепости спорить.
Если ж ты хочешь изведать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнее, когда на меня ты дерзаешь!»

Так лишь сказала и руки богини своею рукою
490 Левою хватает, а правую, лук за плечамп сорвавши,
Луком, с усмешкою горькою, бьет вокруг ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, рассыпала звонкие стрелы
И, наконец, убежала в слезах. Такова голубица,
495 Ястреба, робкая, взвидя, в расселину камня влетает,
В темную нору, когда ей не сужено быть уловленной,—
Так Артемиды в слезах убежала и лук свой забыла.
Лете, богине, тогда возгласил возвестительный Гермес:
«Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен:
Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса.
500 Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертных,
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня победила».

Так говорил он, а Лета сбирала и лук и из тула
Врознь по песчаным зыбям разлетевшись легкие стрелы.
Все их собравши, богиня пошла за печальною дочерью.
505 Та же взойшла на Олимп, в меднозданный чертог громовержца;
Села, слезы лия, на колени родителя дева;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кроннион
К сердцу дочь прижал и вещал к ней с приятной усмешкой:
«Дочь моя милая! кто из бессмертных тебя дерзновенно
510 Так оскорбил, как бы явное ты сотворила злодейство?»

Зевсу прекрасновенчанная ловли царца вещала:
«Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
Гера, от коей и распря и брань меж богами пылает».

Так небожители боги, сидя на Олимпе, вещали.
515 Тою порой Аполлон вступил в священную Трою:
Сердцем заботился он, да твердынь благоданного града
Сила данаев, судьбе вопреки, не разрушит в день оный.
Прочие все на Олимп возвратились вечные боги,
Гневом пылая одни, а другие славою сияя.
520 Сели они вокруг отца громоносного. Сын же Пелеев

В грозном бою истреблял и мужей, и коней звуконогих.
Словно как дым от пожара столпом до высокого неба
Всходит над градом пылающим, гневом богов воздвигаем:
525 Всем он труды и печали несчетные многим наносит,—
Так Ахиллес наносил и труды и печали троянам.

Царь Илиона, Приам престарелый, на башне священной
Стоя, узрел Ахиллеса ужасного: все пред героем
Трои сыны, убегая, толпилися; противоборства
Более не было. Он зарыдал — и, сошедши на землю,
530 Громко приказывал старец ворот защитителям славным:
«Настежь ворота в руках вы держите, пока ополченья
В город все не укроются, с поля бегущие: близок
Грозный Пелид, их гонящий! Приходит нам тяжкая гибель.
Но, как скоро вбегут и в стенах успокоятся рати,
535 Вновь затворите ворота и плотные створы закройте.
Я трепещу, чтобы муж сей погибельный в град не ворвался!»

Рек он,— и стражи, отдвинув запор, распахнули ворота.
Многим они, растворенные, свет даровали; навстречу
540 Вылетел Феб, чтоб от Трои сынов отразить истребленье.
Рати ж троянские к городу прямо, к твердыне высокой,
Жаждой палимые, прахом покрытые, с бранного поля
Мчались; бурно их гнал он копьем; непрестанно в нем сердце
Страшным пылало свирепством, неистово славы алкал он.
545 Взяли б в сей день аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Феб Аполлон не воздвигнул Агенора мужа,
Ветвь Антенора сановника, славного, сильного в битвах.
Феб ему сердце наполнил отвагой и сам недалеко
Стал, чтоб над мужем удерживать руки тяжелые Смерти,
К дереву буку склонясь и покрывшись облаком темным.
550 Тот же, как скоро увидел рушителя стен Ахиллеса,
Стал; но не раз у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнув, говорил он с своей благородной душою:
«Горе мне! ежели я, оробев, пред ужасным Пелидом
В бег обращусь, как бегут и другие, смятенные страхом,—
555 Быстрый догонит меня и главу, как у робкого, снимет!
Если же сих, по долине бегущих, преследовать дам я
Сыну Пелея, а сам одинокий в сторону града
Брошусь бежать по Илийскому полю, пока не достигну
Иды лесистых вершин и в кустарнике частом не скроюсь?
560 Там я, как вечер наступит, в потоке омоюсь от пота
И, освежаясь, под сумраком вновь в Илион возвращуся.

Но не напрасно ль ты, сердце, в подобных волнуешься думах?
Если меня вдалеке он от города, в поле увидит?
Если, ударясь в погоню, меня быстроногий нагонит?
565 О! не избыть мне тогда от сурового рока и смерти!
Сей человек несравненно могучее всех человеков!
Если ж ему самому перед градом я противостояну?..
Тело его, как и всех, пронцаемо острою медью;
Та ж и одна в нем душа, и от смертных зовется он смертным,
570 Но Кронид лишь ему и победу и славу дарует!»

Так произнес — и, уставясь на бой, ожидал Ахиллеса:
Храброе сердце стремил его воевать и сражаться.
Словно как смелый барс из опушки глубокого леса
575 Прямо выходит на мужа-ловца, и, не ведущий страха,
Он не смущается, он не бежит при раздавшемся лае;
Даже когда и стрелой иль копьем его ловчий уметит,
Он, невзирая, что сам копьем прободен, не бросает
Пламенной битвы, пока не сразит или сам не протрется,—
Так Антеноров сын, воеватель бесстрашный Агенор,
580 С поля сойти не решался, пока не изведал Пелида.
Он, перед грудью уставивши выпуклый щит круговидный,
Метил копьем на него и грозился, крича громозвучно:
«Верно, надежду ты в сердце питал, Ахиллес знаменитый,
Нынешний день разорить обитель троян благородных?
585 Нет, безрассудный, бедам еще многим свершиться за Трою!
Много еще нас во граде мужей и бесстрашных и сильных,
Кои готовы для наших отцов, для супруг и младенцев
Град Илион защищать, пред которым найдешь ты погибель,—
Ты, и страшнейший в мужах, и душою отважнейший воин!»

590 Рек — и сияющий дрот он рукою могучею ринул,
И не прокинул: уметил его в подколенное берцо;
Окрест ноги оловянная, новая ковань, поножа
Страшный звон издала; но суровая медь отскочила
Вспять от ног; не прошла, отраженная божеским даром.
595 Тут Ахиллес на подобного богу Агенора прынул,
Пламенный; но Аполлон ему славой украсить не дал:
Быстро похитил троянца и, мраком покрывши глубоким,
Мирно ему от боя опасного дал удалиться;
Сам же Пелеева сына коварством отвлек от народа:
600 Образ принявши Агенора, бог Аполлон сребролукий
Стал пред очами его, и за ним он ударился гнаться.—
Тю порою, как Пелид по равнине, покрытой пшеницей,

Феба преследовал, вспять близ глубокопучинного Ксанфа,
Чуть уходящего, — хитростью бог обольщал человека,
605 Лястя беспрестанной надеждой, что он, быстроногий, нагонит, —
Тою порою трояне, бегущие с поля, толпами
Радостно к граду примчались; бегущими град наполнялся.
Все укрывались, никто не дерзал за стеною, вне града,
610 Ждать остальных и разведывать, кто из товарищей спасся,
Кто на сраженье погиб; но в радости сердца, как волны,
Хлынули в город, которых спасли только быстрые ноги.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

УМЕРЩВЛЕНИЕ ГЕКТОРА

С ужасом в город вбежав, как олени молодые, трояне
Пот прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стене на забрала склоняясь; но аргивяне
Под стену прямо неслися, щиты к раменам приклонивши.
5 Гектор же в оное время, как скованный гибельным роком,
В поле остался один перед Троей и башнею Скейской.
Бог Аполлон между тем провещал к Пелейону герою:
«Что ты меня, о Пелид, уповая на быстрые ноги,
Смертный, преследуешь бога бессмертного? Или доселе
10 Бога во мне не узнал, что без отдыха нынешь свирепством?
Ты пренебрег и опасность троян, пораженных тобою:
Скрылись они уже в стены; а ты здесь по полю рыщешь.
Но отступи; не убьешь ты меня, не причастен я смерти».

Вспыхнувши гневом, ему отвечал Ахиллес быстроногий:
15 «Так обманул ты меня, о зловреднейший между богами!
В поле отвлек от стены! Без сомнения, многим еще бы
Землю зубами глотать до того, как сокрылися в Трюю!
Славы прекрасной меня ты лишил; а сынов Илпона
Спас без труда, ничьего не страшась отмщения после...
20 Я отомстил бы тебе, когда б то возможно мне было!»

Так произнес он — и к граду с решимостью гордой понесся,
Бурный, как конь с колесницей, всегда победительный в беге,
Быстро несется к мете, расстилаясь по чистому полю, —
Так Ахиллес оборачивал быстро могучие ноги.

25 Первый старец Приам со стены Ахиллеса увидел,
Полею летящего, словно звезда, окруженного блеском;
Словно звезда, что под осень с лучами огнистыми всходит
И, между звезд неисчетных горящая в сумраках ночи
(Псом Ориона ее нарицают сыны человеков),
30 Всех светозарнее блещет, но знаменем грозным бывает;
Злые она огневицы наносит смертным несчастным,—
Так у героя бегущего медь вокруг персей блистала.
Вскрикнул Приам; седую главу поражает руками,
К небу длани подъямлет и горестным голосом вопит,
35 Слезно молящий любезного сына; но тот пред вратами
Молча стоит, беспредельно пылая сразиться с Пелидом.
Жалобно старец к нему и слова простирает и руки:
«Гектор, возлюбленный сын мой! Не жди ты сего человека
В поле один, без друзей, да своей не найдешь ты кончины.
40 Сыном Пелея сраженный: тебя он могучее в битвах!
Лютый! когда бы он был и бессмертным столько ж любезен,
Сколько мне: о, давно б уже труп его пысы растерзали!
Тяжкая горесть моя у меня отступила б от сердца!
Сколько сынов у меня он младых и могучих похитил,
45 Или убив, иль продав племенам островов отдаленных!
Вот и теперь, Ликаона нет и нет Полидора;
Их обоих я не вижу в толпах, заключившихся в стены,
Юношей милых, рожденных царницею жен Лаофоей.
О! если живы они, но в плену,— из ахейского стана
50 Их мы искупим и медью и златом: обильно их дома;
Много сокровищ за дочь твою выдал мне Альт знаменитый.
Если ж погибли они и уже в Айдесовом доме,
Горе и мне и матери, кои на скорбь их родили!
Но народу троянскому горести менее будет,
55 Только бы ты не погиб, Ахиллесом ужасным сраженный.
Будь же ты с нами, сын милый! Войди в Илион, да
спасешь ты
Жен и мужей илионских, да славы не даруешь громкой
Сыну Пелея, и жизни сладостной сам не лишишься!
О! пожалей и о мне ты, пока я дышу еще, бедном,
60 Старце злосчастном, которого Зевс пред дверями могилы
Казнь ужасной казнит, принуждая все бедствия видеть:
Видеть сынов убиваемых, дочерей в неволю влекомых,
Домы Пергама громимые, самых младенцев невинных
Видеть об дол разбиваемых в сей разрушительной брани,
65 И невесток, влачимых руками свирепых данаев!..
Сам я последний паду, и меня на пороге домашнем

Алчные псы растерзают, когда смертоносною медью
Кто-либо в сердце уметит и душу из персей исторгнет;
70 Псы, что вскормил при мних я трапезах, привратные стражи,
Кровью упьются моей и, унылые сердцем, на праге
Лягут при теле моем искаженном! О, юноше славно,
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью,—
Все у него, и у мертвого, что ни открыто, прекрасно!
Если ж седую браду и седую главу человека,
75 Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,—
Участи более горестной нет человекам несчастным!»

Так вопиял, и свои серебристые волосы старец
Рвал на главе, но у Гектора сына души не подвигнул.
Мать за ним на другой стороне возопила, рыдая;
80 Перси рукой обнажив, а другой на грудь указуя,
Сыну, лиющая слезы, крылатую речь устремляла:
«Сын мой! почти хоть сие, пожалей хоть матери бедной!
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об оном, любезнейший сын, и ужасного мужа,
85 В стены вошед, отражай; перед ним ты не стой одинокий!
Если, неистовый, он одолеет тебя, о мой Гектор,
Милую отрасль мою, ни я на одре не оплачу,
Ни Андромаха супруга; далёко от нас от обеих,
В стане тебя мирмидонском свирепые псы растерзают!»

90 Так, рыдая, они говорили к любезному сыну,
Так умоляли,— но Гектора в персях души не подвигли:
Он ожидал Ахиллеса великого, несшегося прямо.
Словно как горный дракон у пещеры ждет человека,
Трав ядовитых нажравшись и черной наполнив злобой,
95 В стороны страшно глядит, извиваясь вокруг над пещерой,—
Гектор таков, несмиримого мужества полный, стоял там,
Выпуклосветлым щитом упершись в основание башни;
Мрачно вздохнув, наконец говорил он в душе возвышенной:
«Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота и стены укроюсь!
100 Первый Полидамас на меня укоризны положит:
Полидамас мне советовал ввесть ополчения в город
В оную ночь роковую, как вновь Ахиллес ополчился.
Я не послушал, но, верно, полезнее было б послушать!
Так троянский народ погубил я своим безрассудством.
105 О! стыжуся троян и троянок длинноодежных!
Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
— Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу! —

Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостать и, Пелеева сына убив, возвратиться
110 Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю щит светлобляшный,
Шлем тяжелый сложу и, копьё прислонивши к твердыне,
Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обещаю Елену и вместе богатства
115 Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Иллион,— роковое раздела начало! —
Выдать Атридам и вместе при том разделить аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
Если с троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
120 Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
Я не пойду как молителъ! Не сжалится он надо мною,
Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
125 Нагло убьет он, как женщину, если дослех я оставлю.
Нет, теперь не година с зеленого дуба иль с камня
Нам с ним беседовать мирно, как юноша с сельскою девою:
Юноша, с сельскою девою свидясь, беседует мирно;
Нам же к сражению лучше сойтись! и немедля увидим,
130 Славу кому между нас даровать Олимпиец рассудит!»

Так размышляя, стоял; а к нему Ахиллес приближался,
Грозен, как бог Эниалий, сверкающий шлемом по сече;
Ясень отцов пелионский на правом плече колебал он
Страшный; вокруг его медь ослепительным светом сияла,
135 Будто огнь расплывшийся, будто всходящее солнце.
Гектор увидел, и взял его страх; оставаться на месте
Больше не мог он; от Скейских ворот побежал, устрешенный.
Бросился гнаться Пелид, уповая на быстрые ноги.
Словно сокол на горах, из пернатых быстрейшая птица,
140 Вдруг с быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
В стороны вьется она, а сокол по-над нею; и часто
Разом он крикнет и кинется, жадный добычу похитить,—
Так он за Гектором, пламенный, гнался, а трепетный Гектор
Вдоль под стеной убежал и быстро оборачивал ноги.
145 Мимо холма и смоковницы, с ветрами вечно шумящей,
Оба, вдали от стены, колесничной дорогою мчались;
Оба к ключам светлоструйным примчались, где с быстротою
Два вытекают источника быстролучинного Ксанфа.
Теплою водою струится один, и кругом непрестанно

150 Пар от него подымается, словно как дым от огнища;
Но источник другой и средь лета студеный катится,
Хладный, как град, как снег, как в кристалл превращенная
влага.

Там близ ключей водоемы широкие, оба из камней,
Были красиво устроены; к ним свои белые ризы
155 Жены троян и прекрасные дщери их мыть выходили
В прежние, мирные дни, до нашествия рати ахейской.
Там прористали они, и бегущий, и быстро гонящий.
Сильный бежал впереди, но преследовал много сильнейший,
Бурно несясь; не о жертве они, не о коже воловой
160 Спорились бегом: обычная mzда то ногам бегоборцев;
Нет, об жизни ристались Гектора, конника Трои.
И, как на играх, умершему в почесть, победные кони
Окрест меты беговой с быстротою чудесною скажут,—
Славная ждет их награда, младая жена иль треножник,—
165 Так троекратно они пред великою Троей кружились,
Быстро носящиеся. Все божества на героев смотрели;
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Горе! любезного мужа, гонимого около града,
Видят очи мои, и болезнь проходит мне сердце!
170 Гектор, муж благодущный, тельчье, тучные бедра
Мне возжигал в благовоние часто на Иде холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллес градоборец
Гектора около града преследует, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и советом сердец положите,
175 Гектора мы сохраним ли от смерти или напоследок
Сыну Пелея дадим победить знаменитого мужа».

Зевсу немедля рекла светлокая дева Паллада:
«Молниеносный отец, чернооблачный! Что ты вещаешь?
180 Смертного мужа, издревле судьбе обреченного общей,
Хочешь ты, Зевс, разрешить совершенно от смерти печальной?
Волю твори, но не все на нее согласимся мы, боги!»

Ей немедля ответствовал тучегонитель Кроннон:
«Бодрствуй, Тритония, милая дочь! Не с намереньем в сердце
Я говорю и с тобою милостив быть я желаю.
185 Волю твори и желание сердца немедля исполни».

Рек — и возжег еще боле пылавшую сердцем Афиною;
Бурно она понеслась, от Олимпа высокого бросаась.

Гектора ж, в бегстве преследуя, гнал Ахиллес непрестанно.
Словно как пес по горам молодого гонит оленя,
190 С лога подняв, и несется за ним чрез кусты и овраги;
Даже и скрывшегося, если он в страхе под куст припадает,
Чуткий следит и бежит беспрестанно, покуда не сыщет,—
Так Приамид от Пелида не мог от быстрого скрыться.
Сколько он раз ни пытался, у врат пробегая Дарданских,
195 Броситься прямо к стене, под высоковершинные башни,
Где бы трояне его с высоты защитили стрелами,—
Столько раз Ахиллес, упредив, отбивал Приамида
В поле, а сам непрестанно, держась твердыни, летел он.
Словно во сне человек изловить человека не может,
200 Сей убежать, а другой уловить напрягается тщетно,—
Так и герои, ни сей не догонит, ни тот не уходит.
Как бы и мог Приамид избежать от судьбы и от смерти,
Если б ему, и в последний уж раз, Аполлон не явился:
Он укреплял Приамиду и силы, и быстрые ноги.
205 Войскам меж тем помавал головою Пелид быстроногий,
Им запрещая бросать против Гектора горькие стрелы,
Славы б не отнял произвивший, а он бы вторым не явился.
Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
210 Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына.
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.
Сыну ж Пелея, с сияющим взором, явилась Паллада,
215 Близко пришла и к нему провещала крылатые речи:
«Ныне, надеюсь, любимец богов, Ахиллес благородный,
Славу великую мы принесем на суда мирмидонян:
Гектора мы поразим, ненасытного боем героя.
Более, мню я, от нашей руки не избыть Приамиду,
220 Сколько ни будет о том Аполлон стрелометный трудиться,
Распростирающийся пред могучим отцом громовержцем.
Стань и вздохни, Пелейон; Приамида сведу я с тобою
И сама преклоню, да противу тебя он сразится».

Так говорила; Пелид покорился и, радости полный,
225 Стал, опершись на сияющий ясень свой медноконечный.
Зевсова дочь устремила, Гектора быстро настигла
И, уподобясь Дейфобу и видом, и голосом звучным,
Стала пред ним и крылатые речи коварно вещала:

230 «Брат мой почтенный! жестоко тебя Ахиллес утесняет,
Около града Приамова бурным преследуя бегом.
Но остановимся здесь и могучего встретим бесстрашно!»

Ей ответствовал сильный, шеломом сверкающий Гектор:
«О Дейфоб! и всегда ты, с младенчества, был мне любезен
235 Более всех моих братьев, Приама сынов и Гекубы;
Ныне ж и прежнего более должен тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единого в поле,
Выйти из стен, тогда как другие в стенах остаются».

Вновь говорила ему светлоокая дочь громовержца:
«Гектор, меня умоляли отец и почтенная мать,
240 Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
С ними остаться: таким они все преисполнены страхом.
Но по тебе сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станем надежно теперь и сразимся мы пламенно: копий
Не к чему боле щадить; и увидим теперь, Ахиллес ли
245 Нас обоих умертвит и кровавые наши корысти
К черным судам повлечет иль копьем он твоим укротится!»

Так вещая, коварно вперед выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные друг против друга;
Первый к Пелиду воскликнул шеломом сверкающий Гектор:
250 «Сын Пелеев, тебя убежать не намерен я боле!
Трижды пред градом Приамовым я пробежал, не дерзая
Встретить тебя нападавшего; ныне же сердце велит мне
Стать и сразиться с тобою; убью или буду убит я!
Прежде ж богов призовем во свидетельство; лучшие будут
255 Боги свидетели клятв и хранители наших условий:
Тела тебе я не буду бесчестить, когда громовержец
Дарует мне устоять и оружием дух твой исторгнуть;
Славные только доспехи с тебя, Ахиллес, совлеку я,
Тело ж отдам мирмидонцам; и ты договор сей исполни».

260 Грозно взглянул на него и вскричал Ахиллес быстроногий:
«Гектор, враг ненавистный, не мне предлагай договоры!
Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могут дружитья согласнем сердца;
Вечно враждебны они и зломышленны друг против друга,—
265 Так и меж нас невозможна любовь; никаких договоров
Быть между нами не может, поколе один, распростертый,
Кровью своей не насытит свирепого бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты должен

Быть копьеборцем отличным и воинном неустрашимым!
270 Бегства тебе уже нет; под моим копьем Тритогея
Скоро тебя укротит; и заплатишь ты разом за горе
Другов моих, которых избил ты, свирепствуя, медью!»

Рек он — и, мощно сотрясши, послал длиннотенную пику.
В пору завидев ее, избежал шлемоблещущий Гектор;
275 Быстро прыгнул он к земле, и над ним пролетевшая пика
В землю вонзилась; но, вырвав ее, Ахиллеса Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гектор же громко воскликнул к Пелееву славному сыну:
«Празден удар! и нимало, Пелид, бессмертным подобный,
280 Доли моей не узнал ты от Зевса, хотя возвещал мне;
Но говорлив и коварен речами ты был предо мною
С целью, чтоб я, оробев, потерял и отважность и силу.
Нет, не бежать я намерен; копые не в хребет мне вонзишь ты,
Прямо лицом на тебя устремленному, грудь прободи мне,
285 Ежели бог то судил! Но копыя и сего берегися
Медного! Если бы, острое, в тело ты все его принял!
Легче была бы кровавая брань для сынов Илиона,
Если б тебя сокрушил я,— тебя, их, лютейшую гибель!»

Рек он — и, мощно сотрясши, копые длиннотенное ринул,
290 И не прокинул: в средину щита поразил Ахиллеса;
Но далеко оружие щит отразил. Огорчился
Гектор, узрев, что копые бесполезно из рук излетело,
Стал и очи потушил: копыя не имел он другого.
Голосом звучным на помощь он брата зовет Деифоба,
295 Требуется нового дротика острого: нет Деифоба.
Гектор постиг то своею душою, и так говорил он:
«Горе! к смерти меня всемогущие боги призвали!
Я помышлял, что со мною мой брат, Деифоб нестрашимый;
Он же в стенах илионских: меня обольстила Паллада.
300 Возле меня — лишь Смерть! и уже не избыть мне ужасной!
Нет избавления! Так, без сомнения, боги судили,
Зевс и от Зевса родившийся Феб; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконец постигает!
Но не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
305 Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!»

Так произнес — и исторг из влагалища нож изощренный,
С левого боку висящий, нож и огромный и тяжкий;
С места, напрягшись, бросился, словно небопарный,

Если он вдруг из-за облаков сизых на степь упадет,
310 Нежного агнца иль зайца пугливого жадный похитить,—
Гектор таков устремился, махая ножом смертоносным.
Прянул и быстрый Пелид, и наполнился дух его гнева
Бурного; он перед грудью уставил свой щит велелепный,
Дивно украшенный; шлем на главе его четверобляшный
315 Зыблется светлый, волнуется пышная грива золотая,
Густо Гефестом разлитая окрест высокого гребня.
Но, как звезда меж звездами в сумраке ночи сияет,
Геспер, который на небе прекраснее всех и светлее,—
Так у Пелида сверкало копьё изощренное, коим
320 В правой руке потрясал он, на Гектора жизнь умышляя,
Места на теле прекрасном ища для верных ударов.
Но у героя все тело доспех покрывал медноковный,
Пышный, который похитил он, мощь одолевши Патрокла.
Там лишь, где выю ключи с раменами связуют, гортани
325 Часть обнажалась, место, где гибель душе неизбежна:
Там, налетевши, копьем Ахиллес поразил Приамида;
Прямо сквозь белую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не рассек сокрушительный ясень
Вовсе, чтоб мог, умирающий, несколько слов он промолвить;
330 Грянулся в прах он,— и громко вскричал Ахиллес, торжествуя:
«Гектор, Патрокла убил ты — и думал живым оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я от битв удалялся,
Враг безрассудный! Но мститель его, несравненно сильнейший,
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
335 Я, и колена тебе сокрушивший! Тебя для позора
Птицы и псы разорвут, а его погребут аргивяне».

Дышащий томно, ему отвечал шлемоблещущий Гектор:
«Жизнью тебя и твоими родными у ног заклинаю.
О! не давай ты меня на терзание псам мирмидонским;
340 Меди, ценного золота, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлют тебе искупленье отец и почтенная мать;
Тело лишь в дом возврати, чтоб трояне меня и троянки,
Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили».

Мрачно смотря на него, говорил Ахиллес быстроногий:
345 «Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
Тело сырое твоё пожирал бы я,— то ты мне сделал!
Нет, человеческий сын от твоей головы не отгонит
Псов пожирающих! Если и в десять, и в двадцать крат мне

350 Пышных даров привезут и столько ж еще обещают;
Если тебя самого прикажет на золото взвесить
Царь Илиона Приам, и тогда — на одре погребальном
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачет рожденья;
Птицы твой труп и псы мирмидонские весь растерзают!»

355 Дух испуская, к нему провещал племоблещущий Гектор:
«Знал я тебя; предчувствовал я, что мом ты моленьем
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
Но трепещи, да не буду тебе я божиним гневом
360 В оный день, когда Александр и Феб стреловежце,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»

Так говорящего, Гектора мрачная Смерть осеняет:
Тихо душа, из уст излетевши, нисходит к Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крепость.

Но к нему, и к умершему, сын быстроногий Пелеев
365 Крикнул еще: «Умирай! а мою неизбежную смерть я
Встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!»

Так произнес — и из мертвого вырвал убийственный ясень,
В сторону бросил его и доспех совлекал с Дарданида,
Кровью облитый. Сбежались другие ахейские мужи.
370 Все, изумляясь, смотрели на рост и на образ чудесный
Гектора и, приближаясь, каждый пронзал его пикой.
Так говорили иные, один на другого взглянувши:
«О! несравненно теперь к осязанию мягче сей Гектор,
Нежели был, как бросал на суда пожирающий пламень!»

375 Так не один говорил — и копьём прободал, приближаясь.
Но, его между тем обнажив, Ахиллес быстроногий
Стал средь ахейн, и к ним устремил он крылатые речи:
«Други, герои ахейцы, бесстрашные слуги Арея!
Мужа сего победить наконец даровали мне боги,
380 Зла сотворившего более, нежели все илионцы.
Ныне с оружием мы покусимся на град крепкостенный;
Граждан троянских изведем помыслы, как полагают:
Бросить ли замок высокий, сраженному сыну Приама;
Или держаться дерзают, когда и вождя их не стало?
385 Но каким помышлениям сердце мое предается!
Мертвый лежит у судов, не оплаканный, не погребенный,
Друг мой Патрокл! Не забуду его, не забуду, пока я

Между живыми влечусь и стопами земли прикасаюсь!
Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
390 Буду я помнить и там моего благородного друга!
Ныне победный пеан воспойте, ахейские мужи;
Мы же пойдем, волоча и его, к кораблям быстролетным.
Добыли светлой мы славы! Повержен божественный Гектор!
Гектор, которого Трои сыны величали, как бога!»

395 Рек — и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глаз и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
400 Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле, растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приаида по праху
405 Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец
Дал опозорить ее на родимой земле илионской!
410 Вся голова почернела под перстию. Мать увидала,
Рвет седые волосы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавались вопли по целому граду.
415 Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужь держали с трудом иступленного горестью старца,
Рвавшего в поле вратами Дарданскими выйти из града.
Он умолял их, тоскующий, он расстилался по праху,
420 Он говорил, называя по имени каждого мужа:
«Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выйти из града! Один я пойду к кораблям мирмидонским;
Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея.
Может быть, лета почтит он, над старостью, может быть,
425 Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю троян и стократ к жесточайшему горю Приаида!
Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни!
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
430 Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе! О, хоть на сих бы руках он скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная мать!»

Так говорил он, рыдая; и с старцем стонали трояне.
430 Но меж троянок Гекуба плачевнейший вопль подымает:
«Сын мой, мне, злополучной, почто еще жить для страданий,
Все потерявшей с тобою! Моею и дни ты и ночи
Славою был в Илионе, всеобщей надеждою в царстве
Жен и мужей иллионских! Тебя, как хранителя бога,
435 Всюду встречали они; величайшею был ты их славой
В жизни своей, и тебя, нам бесценного, смерть обымает!»

Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
В доме об Гекторе; вестник еще не являлся к ней верный
Весть объявить, что супруг за воротами в поле остался.
440 Ткала одежду она в отдаленнейшем тереме дома,
Яркую ткань, и цветные по ней рассыпала узоры.
Прежде ж дала повеленье прислужницам пышноволосым
Огонь развести под великим треногом, да будет готова
Гектору теплая ванна, как с боя он в дом возвратится.
445 Бедная! дум не имела, что Гектор далеко от дома
Пал под рукой Ахиллеса, смирен светлоокой Афиной.
Вдруг Андромаха услышала крики и вопли на башне,
Вздрогнула вся и челнок из руки на помост уронила;
Встала и к двум говорила прислужницам пышноволосым:
450 «Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
Слышу почтенной свекрови я крик: подымается сердце,
Бьется, как вырваться хочет; колена мои цепенеют!
Близкая, верно, беда Дарданида сынам угрожает?..
О! удалися от слуха подобная весть! Но от страха
455 Я трепещу... Не бесстрашного ль Гектора богу подобный
В поле, отрезав от стен, Ахиллес одинокого гонит?
Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
Коей он дышит? В толпе никогда не останется Гектор:
Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!»

460 Так произневши, из терема бросилась, будто менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши
народный,
Стала, со стен оглянувшись кругом и его увидала
Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурные кони
465 Полею его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалось, дух испустила.
Спала с нею и далеко рассыпалась пышная повязь,

Ленты, прозрачная сеть и прекрасноплетенные тесмы;
470 Спал и покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оной царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Этнона, отдавши несметное вено.
Вкруг Андромахи невестки ее и золовки, толпяся,
Бледную долго держали, казалось, убитую скорбью.
475 В чувство пришедши она и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала и так среди жен говорила:
«Гектор, о горе мне, бедной! Мы с одинакою долей
Оба родились: ты в Илионе, в Приамовом доме,
Я, злополучная, в Фивах, при скатах лесистого Плака,
480 В доме царя Этнона; меня возрастил он от детства,
Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супруг мой, в Аидовы дома, в подземные бездны
Сходишь навек и меня к неутешной тоске покидаешь
В доме вдовою; а сын, злополучным наипрожденный,
485 Бедный и сирый младенец! Увы, ни ему ты не будешь
В жизни отрадою, Гектор,— ты пал! — ни тебе он не будет!
Ежели он и спасется в погибельной брани ахейской,
Труд непрерывный его, бесконечное горе в грядущем
Ждут беспокровного: чуждый захватит сиротские нивы.
490 С днем сиротства сирота и товарищей детства терзает;
Бродит один с головою пониклой, с заплаканным взором.
В нужде приходит ли он к отцовым друзьям и, просящий,
То одного, то другого смиренно касается ризы,—
Сжалеясь, иной сиротливому чару едва наклоняет,
495 Только уста омочает и нёба в устах не омочит.
Чаще ж его от трапезы счастливцев семейственный гонит,
И толкая рукой, и обидной преследуя речью:
— Прочь ты исчезни! не твой здесь отец пирует
с друзьями! —
Плачущий к матери, к бедной вдовице дитя возвратится,
500 Астианакс мой, который всегда у отца на коленах
Мозгом лишь агнцев питался и туком овец серебрянных;
Если же сон обнимал, утомленного играми детства,
Сладостно спал он на ложе при лоне кормилицы нежном,
В мягкой постели своей, удовольствием сердца блистая.
505 Что же теперь испытает, лишенный родителя, бедный
Астианакс наш, которого так называют трояне,
Ибо один защищал ты врата и троянские стены,
Гектор; а ныне у вражьих судов, далеко от родимых,
Черви тебя пожирают, раздранного псами, нагого!
510 Наг ты лежишь! а тебе одеяния сколько в чертогах,

Риз и прекрасных и тонких, сотканных руками троянок!
Все их теперь я, несчастная, в огненный пламень повергну!
Сделал ты их бесполезными, в них и лежать ты не будешь!
В сонме троян и троянок сожгу их, тебе я во славу!»

515 Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.

ПЕСНЬ ДВА ДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПОГРЕБЕНИЕ ПАТРОКЛА. ИГРЫ

Так сокрушалась трояне по граду. В то время ахейцы,
К черным своим кораблям возвратясь, на брег Геллеспонта,
Быстро рассеялись все по широкому ратному стану.

5 Но мирмидонцам своим расходиться Пелид не позволил;
Став посредине дружин их воинственных, он говорил им:
«Быстрые конники, верные други мои, мирмидонцы!
Мы от ярма отрешать не станем коней звуконогих;
Мы на конях, в колесницах, приблизимся все и оплачем
10 Друга Патрокла: почтим подобающей мертвого честью.
Но, когда мы сердца удовольствуем горестным плачем,
Здесь, отрешивши коней, вечерять неразлучные будем».

Рек — и рыдание начал; и все зарыдали дружины.
Трижды вокруг тела они долгогривых коней обогнали
С воплем плачевным: Фетида их чувства на плач возбуждала.
15 Вкруг орошался песок, орошались слезами доспехи
Каждого воина; так был оплакиван вождь их могучий.
Царь Ахиллес между ними рыдание горькое начал,
Грозные руки на грудь положив бездыханного друга:
«Радуйся, храбрый Патрокл! и в Андовом радуйся доме!
20 Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье;
Окрест костра твоего обезглавлю двенадцать славнейших
Юных троянских сынов, за смерть твою отомщая!»

25 Рек,— и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.
Тою порой мирмидонцы с рамен светозарные брони

Сняли; от ярм отрешили гремящих копытами коней
И, неисчетные, близ корабля Ахиллеса героя
Сели; а он учреждал их блистательный пир похоронный.
80 Множество сильных тельцов под ударом железа ревело,
Вкруг поражаемых; множество коз и агнцев блеющих;
Множество туком цветущих закланных свиней белоклыких
Окрест разложено было на ярком огне обжигаться:
Кровь как из чанов лилася вокруг Менетидова тела.
35 Но царя Эакида, Пелеева быстрого сына,
К сыну Атрея царю повели воеводы ахеян,
С многими трудом убедив, огорченного гневом за друга.
Сонму, пришедшему к сени Атреева мощного сына,
Царь повелел немедленно вестникам звонкоголосым
40 Медный треножник поставить к огню, не преклонится ль
к просьбе
Царь Ахиллес, чтоб омыться от бранного праха и крови.
Он отрекался решительно, клятвою он заклинался:
«Нет, Зевесом клянусь, божеством высочайшим, сильнейшим!
Нет, моей головы не коснется сосуд омовений
45 Прежде, чем друга огню не предаю, не насыплю могилы
И власов не обрежу! Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь!
Но поспешим и приступим немедля к ужасному пиру.
Ты, владыка мужей, повели, Агамемнон, завтра
50 Леса к костру навозить и на берегу все уготовить,
Что мертвецу подобает, сходящему в мрачные сени.
Пусть Менетида скорее священное пламя Гефеста
Скроет от взоров моих, и воинство к делу приступит».

Так говорил,— и, внимательно слушав, ему покорились.
55 Скоро под сенью Атридовой вечерю им предложили;
Все наслаждались, довольствуя сердце обилием равным;
И, когда питием и пищею глад утолили,
Все разошлись успокоиться, каждый под сень уклонился.

Только Пелид на берегу неумолкнушумящего моря
60 Тяжко стелющийся лежал, окруженный толпой мирмидонян,
Ниц на поляне, где волны лишь мутные бились в берег.
Там над Пелидом сон, сердечных тревог укротитель,
Сладкий разлился: герой истомил благородные члены,
Гектора быстро гоня пред высокой стеной Илиона.
65 Там Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,

Призрак, величием с ним и очами прекрасными сходный;
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу знакомый.

Стала душа над главой и такие слова говорпла:

«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвенню предал?

70 Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль
будешь?»

О! погребви ты меня, да войду я в обитель Анда!

Души, тени умерших, меня от ворот его гонят

И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;

Тщетно скитаюсь я пред широковоротным Андом.

75 Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих

Я не приду из Анда, тобою огню приобщенный!

Больше с тобой, как бывало, вдали от друзей мирмидонских

Сидя, не будем советы советовать: рок ненавистный,

Мне предназначенный с жизнью, меня поглотил невозвратно.

80 Рок — и тебе самому, Ахиллес, бессмертным подобный,

Здесь, под высокой стеною троян благородных, погибнуть!

Слово еще я реку, завещанью внимай и исполни.

Кости мои, Ахиллес, да не будут розно с твоими;

Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возрастали

85 В ваших чертогах. Младого меня из Опуса Менетий

В дом ваш привел, по причине печального смертоубийства,

В день злополучный, когда, малосмысленный, я ненарочно

Амфидамасова сына убил, за лодыги поссорясь.

В дом свой принял благосклонно меня, твой отец благородный

90 Нежно с тобой воспитал и твоим товарищем назвал.

Пусть же и кости наши гробница одна сокрывает,

Урна золотая, Фетиды матери дар драгоценный!»

Быстро к нему простираясь, воскликнул Пелид благородный:

«Ты ли, друг мой любезнейший, мертвый меня посещаешь?

95 Ты ль полагаешь заветы мне крепкие? Я совершу их,

Радостно все совершу и исполню, как ты завещаешь.

Но приближься ко мне, хоть на миг обоймемся с любовью

И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким!»

Рек,— и жадные руки любимца обнять распростер он;

100 Тщетно: душа Менетиды, как облако дыма, сквозь землю

С воем ушла. И вскочил Ахиллес, пораженный виденьем,

И руками всплеснул, и печальный так говорпл он:

«Боги! так подлинно есть и в Аидовом доме подземном

Дух человека и образ, но он совершенно бесплотный!»

105 Целую ночь, я видел, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающий, плачущий призрак;
Всё мне заветы твердила, ему совершенно подобясь!»

Так говорил — и во всех возбудил он желание плакать.
В плаче нашла их Заря, розоперстая вестница утра,
110 Около тела печального. Царь Агамемнон с зарею
Месков яремных и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского; с ними пошел и почтенный
Муж Мернон, Девкалида героя служитель разумный.
Взяв топоры древорубные в руки и верви крутые,
115 Воины к рощам пускаются; мулы идут перед ними,
Часто скрутизн на крутизны, то вкось их, то вдоль переходят.
К холмам пришедши лесистым обильной потоками Иды,
Все изощренною медью высоковершинные дубы
Дружно рубить начинают; кругом они с треском ужасным
120 Падают; быстро древа, рассекая на бревна, дана
К мулам вяжут; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выйти сквозь частый кустарник.
Все древесек несли совокупно тяжелые бревна:
Так Мернон повелел, Девкалидов служитель разумный;
125 Кучей сложили на берег, где Ахиллес указал им,
Где и Патроклу великий курган и себе он назначил.

Страшную леса громаду сложив на берегу Геллеспонта,
Там аргиевцы остались и сели кругом. Ахиллес же
Дал повеленье своим мирмидонянам бранолюбивым
130 Медью скорей препоясаться всем и коней в колесницы
Впрячь; поднялись они и оружием быстро покрылись;
Все на свои колесницы взошли, и боец и возница;
Начали шествие, спереди конные, пешие сзади,
Тучей; друзья посредине несли Менетида Патрокла,
135 Всё посвященными мертвому тело покрыв волосами.
Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
Горестный: друга он верного в дом провожал Андеса.

К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,
Одр опустили и быстро костер наметали из леса.
140 Думу пную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став при костре, у себя он обрезал русые кудри,—
Волосы, кон Сперхию с младости нежной растил он;
Очи на темное море возвел и, вздохнувши, воскликнул:

«Сперхий! напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
145 Там, когда я возвращуся в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
И тебе ж посвятить пятьдесят овов плодородных,
Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
150 Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокл увесет Ахиллесовы кудри в могилу!»

Рек — и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слезы.
Плачущих их над Патроком оставило б, верно, и солнце,
155 Если бы скоро Пелид не простер к Агамемнону слова:
«Царь Агамемнон, твоим повеленьям скорей покорятся
Мужи ахейские: плачем и после насытиться можно.
Всех отошли от костра и вели, да по стану готовят
Вечерю; мы ж озаботимся делом, которого больше
160 Требует мертвый. Ахеян вожди да останутся с нами».

Выслушав речи его, повелитель мужей Агамемнон
Весь немедля народ отпустил к кораблям мореходным.
С ними остались одни погребатели: лес наваливши,
Быстро сложили костер, в ширину и длину ступенный;
165 Сверху костра положили мертвого, скорбные сердцем;
Множество тучных овец и великих волов криворогих,
Подле костра заколов, обрядили; и туком, от всех их
Собранным, тело Патрокла покрыл Ахиллес благодушный
С ног до главы; а кругом разбросал обнаженные туши;
170 Там же расставил он с медом и со светлым елеем кувшины,
Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.
Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух и из них заколот и на сруб обезглавленных бросил;
175 Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их; жестокие в сердце дела замышлял он.
После, костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга:
«Радуйся, храбрый Патрокл, и в Аидовом радуйся доме!
180 Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Пленных двенадцать юношей, Трои сынов знаменитых,
Всех с тобою огонь истребит; но Приамова сына,
Гектора, нет! не огню на пожранье — псам я оставлю!»

Так угрожал он; но к мертвому Гектору псы не касались:
185 Их от него удаляла и денно и ночью Киприда;
Зевсова дочь умастила его амброзическим маслом
Роз благовонных, да будет без язв, Ахиллесом влачимый.
Облако темное бог Аполлон преклонил над героем
190 С неба до самой земли и пространство, покрытое телом,
Тенью все осенил, да от силы палящего солнца
Прежде на нем не иссохнут телесные жилы и члены.

Но костер между тем не горел под мертвым Патроклом.
Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:
Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,
195 Ветру Борею и Зефиру, жертвы для них обещава.
Часто кубком златым возливал он вино и молил их
К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
Тело скорее сожечь. Златокрылая дева Ирида,
Слыша молитвы его, устремилася вестницей к ветрам,
200 Кой в то время, собравшись у Зефира шумного в доме,
Весело все пировали. Ирида, принесшись быстро,
Стала на каменном праге; и ветры, увидев богиню,
Все торопливо вскочили, и каждый к себе ее кликал.
С ними сидеть отказалась богиня и так говорила:
205 «Некогда, ветры; еще полечу я к волнам Океана,
В край эфиопов далекий; они гекатомбы приносят
Жителям неба, и я приношений участницей буду.
Мощный Борей и Зефир звучащий! вас призывает
Быстрый ногами Пелид, обещая прекрасные жертвы,
210 Если возжечь поспешите костер Менетида Патрокла,
Где он лежит и об нем сокрушаются все аргивяне».

Так говоря, от порога взвилася. Воздвиглися ветры,
С шумом ужасным несяся и тучи клуба пред собою.
К понту примчались, неистово дую, и пенные волны
215 Встали под звонким дыханием; Трои холмистой достигли,
Все на костер налегли, — и огонь загредел, пожиратель.
Ветры всю ночь волновали высоко крутящееся пламя,
Шумно дыша на костер; и всю ночь Ахиллес быстроногий,
Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого,
220 Окрест костра возливал и лицо орошал им земное,
Душу еще вызывая бедного друга Патрокла.
Словно отец сокрушается, кости сжигающий сына,
В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных, —

225 Так сокрушался Пелид, сожигающий кости Патрокла,
Окрест костра пресмыкаясь и сердцем глубоко стеная.

В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит
И над морем заря расстилается ризой златистой,
Сруб под Патроклом истлел, и багряное пламя потухло.
230 Ветры назад устремились, к вертепам своим полетели
Морем Фракийским; и море шумело, высоко бушуя.
Грустный Пелид наконец, от костра уклонясь недалеко,
Лег изнуренный; и сладостный сон посетил Пелейона.
Тою порой собиралися многие к сыну Атрея;
Топот и шум приходящих нарушили сон его краткий;
235 Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил воеводам:
«Царь Агамемнон, и вы, предводители воинств ахейских!
Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном
Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
240 Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:
Друг наш лежал на середине костра; но далёко другие
С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
245 Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и высокий
Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».

Так говорил; и они покорились герою Пелиду.
250 Сруб угасили, багряным вином поливая пространство
Всё, где пламень ходил; и обрушился пепел глубокий;
Слезы лиющие, друга любезного белые кости
В чашу златую собрали и туком двойным обложили;
Чашу под кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
255 Кругом означили место могилы и, бросив основы
Около сруба, поспешно насыпали рыхлую землю.
Свежий насыпав курган, разошлись они. Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Внес наградой подвижникам: светлые блюда, треноги;
260 Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красноопоясанных жен, и седое железо.

Первые быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,

Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
265 Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
Неукрошенная, гордая, в недрах носящая меска;
Третьему мздою — не бывший в огне умывальник прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
270 Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.
Стал наконец Ахиллес и так говорил меж ахеян:
«Царь Агамемнон и пышнопоножные мужи ахейцы!
Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.
Если бы в память другого, ахеяне, вы подвизались,
275 Я, без сомнения, первые в подвигах взял бы награды.
Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
Дети породы бессмертной: отцу моему их, Пелею,
Сам Посейдон даровал; а отец мой мне подарил их.
Но не вступаю я в спор, ни мои звуконогие кони.
290 О! потеряли они знаменитого их властелина,
Друга, который, бывало, сам их волнистые гривы
Чистой водой омывал и умащивал светлым елеем.
Ныне они по вознице тоскуют; стоят, разостлавши
Гривы по праху, стоят неподвижно, унылые сердцем.
285 К играм другие устройтесь, каждый из воев ахейских,
Кто лишь на быстрых коней и свою колесницу надежен».

Так Ахиллес говорил им, — и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмел, повелитель мужей знаменитый,
Сын скиптроносца Адмета, искусством возничества славный.
290 После него укротитель коней Диомед нестрашный;
Тросских коней он подвел под ярмо, у Энея которых
В брани отбил; а Энея тогда Аполлон лишь избавил.
Третий восстал копьеносный Атрид, Менелай светлокудрый,
Зевсова отрасль; коней под ярем он подвел быстролетных:
295 Эфу царя Агамемнона с собственным верным Подаргом,
Эфу, которую в дар Эхепол Анхизид Атрейону
Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
Был одарен он великим и жил в Сикпоне обширном;
300 Эфу сию запрягал он, дрожащую, рвущуюсь к бегу.
Вслед и молодой Антифох снарядил коней пышногривых,
Сын знаменитый Нелида, высокого духом владыки,
Нестора старца; плоские кони его колесницу
Быстрые мчали. Отец приступил и советы благие
305 Начал советовать, опытный старец разумно сыну:

«Сын Антилох! тебя от юности боги любили,
Зевс и благой Посейдон, и в ристательной хитрости всякой
Сами наставили; много тебя наставлять мне не нужно.
Мастер ты коней ворочать вокруг мет; но пылосские наши
310 Кони в бегу тяжелы; опасаясь, беды б не случилось.
Всех соискателей кони резвее; но сами возницы
Меньше искусны, чем ты, в изобретенье быстром пособий.
Так не робей; приготовься, любезный: душою искусство
Всё обойми, да из рук не упустишь награды знаменитых.
315 Плотник тебя превосходит искусством своим, а не силой;
Кормщик таким же искусством по бурному черному понту
Легкий правит корабль, игралище буйного ветра:
Так и возница искусством одним побеждает возницу.
Слишком иной положась на свою колесницу и коней,
320 Гонит, безумец, сюда и туда беспрестанно виляя;
Кони по поприщу носятся, он и сдержать их бессилен.
Но возница разумный, коней управляя п худших,
Смотрит на цель беспрестанно, вблизи лишь ворочает, знает,
Как от начала ристанья конскими править браздами:
325 Держит их крепко и зорко вперед уходящего смотрит.
Цель я тебе укажу; просмотришь берегись: ты видишь,
Брус деревянный стоит, от земли, как сажень маховая,
Сосна сухая иль дуб, под дождями не скоро гниющий;
Справа и слева при цели той врыты два белые камня,
330 В самой теснине дороги; кругом же ристалище гладко.
То — иль надгробный столп давно погребенного мужа,
Или подобная ж цель у старинных была человекоев;
Столп сей и ныне метою избрал Ахиллес быстроногий.
К оной ты близко примчась, на бегу заворачивай коней;
335 Сам же, крепко держась в колеснице красноплетеной,
Влево легко наклонись, а коня, что под правой рукою,
Криком гони и бичом и бразды попусти совершенно,
Левый же конь твой пускай подле самой меты обогнется
Так, чтоб, казалось, поверхность ее колесо очертило
340 Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
Можешь коней изувечить или раздробить колесницу,
В радость ристателям всем, а тебе одному в посрамленье!
Будь, мой сын, рассудителен, будь осторожен, любезный!
Если уже близ меты возьмешь ты перед и погонишь,
345 Верь — ни один из возниц ни догонит тебя, ни обскочет,
Даже хоть следом бы он на ужасном летел Арейноне,
Бурном Адраста коне, порождении крови бессмертной,
Иль на конях Лаомедона, славных Трояды питомцах!»

350 Так произнесши, Нелид, знаменитый конник геренский,
Сел на месте, важнейшее все изъяснив Антилоху.

Пятый — герой Мернион снарядил коней пышногривых.
Все в колесницы взошли и бросили жребии; в шлем их
Принял Пелид и сотряс; и вылетел вдруг Антилоху,
Нестора сыну; второй выпадает Эвмелу владыке;
355 Третий Атрееву сыну, царю аргиян Менелаю;
Выпал за ним Мерпону вождю; но последнему жребий
Сыну Тидееву храброму гнать колесницы достался.
Стали порядком; мету им далекую на поле чистом
Царь Ахиллес указал; но вперед повелел, да при оной
360 Старец божественный Феникс, отеческий оруженосец,
Сядет и бег наблюдает, и после им истину скажет.

Разом возницы на коней бичи занесли для ударов;
Разом браздами хлестнули и голосом крикнули грозным,
Полные рвения; и разом помчались по полю кони
365 Вдоль от судов с быстрою ужасною: пыль из-под стоп их
Стала, взвиваясь на воздух, как туча, как сумрачный вихорь
Длинные гривы коней развеваются веяньем ветра;
Их колесницы летящие то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взбросятся; гордо возницы
370 В пышных стоят колесницах; трепещет у каждого сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительным криком
Гонит; и кони летят, по ристалищу пыль подымая.

Но, когда уже кони в последний конец обратились,
К морю седому, тогда-то ристателя каждого доблесть
375 Вдруг обнаружилась; конская прыть ускорила, и быстро
Легкие вымчалась вдаль кобылицы Эвмела героя.
Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда,
Тросские кони, и, чуть лишь отставши, мчались близко,
Так что, казалось, хотя на Эвмела вскочить колесницу;
380 Жарким дыханьем широкий хребет нагревали герою
И, на плечах Адметиды лежа головами, летели.
Он, Диомед, обскакал бы, иль равную б сделал победу,
Если б Тидееву сыну не Феб враждовал раздраженный;
Феб из руки побеждавшего бич блистательный вышиб.
385 Слезы из глаз Диомедовых брызнули, слезы от гнева:
Видел он — боле еще уходили вперед кобылицы;
Кони ж его отставали, ударов бича не бояся.
Но от Афины очей Аполлон не укрылся, вредящий
Сыну Тидея: настигла богиня царя Диомеда,

390 Бич подала и новую рьяность коням вдохнула;
К сыну ж Адмета она устремившись, полная гнева,
Конский разбила ярем, и его кобылицы лихне
Бросились дико с дороги, и выпало дышло на землю;
Сам, с колесницы сорвавшись, чрез обод он грянулся оземь,
395 До крови локти осаднил, изранил и губы и ноздри,
Сильно разбил над бровями чело; у него от удара
Брызнули слезы из глаз и поднявшийся голос прервался.
Мимо его Диомед проскакал на конях звукогоних
И далеко впереди заблистал перед всеми: Афина
400 Крепость вдохнула коням и ему торжество даровала.
После Тидида скакал Атрейон, Менелай светлокудрый.
Но Антилох настигал и кричал на отеческих коней:
«О, выноситесь вперед, расстилайтесь, кони, быстрее!
Я не насилую вас быстротой состязаться с конями
405 Сына Тидеева храброго, коим Паллада богиня
Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.
Нет, лишь коней Менелая догоним, друзья, не отстанем!
Быстро вперед! чтобы вас всенародно стыдом не покрыла
Эфа: она кобылица, а вы, дорогие, отстали!
410 Вам говорю я, и слово мое совершится сегодня:
Более неги себе от владыки народов Нелида
Дома не ждите: убьет вас сегодня же острою медью,
Если по лености вашей награду последнюю снищем.
О, настигайте скорее, как можно скорее скачите!
415 Я ж постараюсь сам и искусно выгадывать буду,
Как обскакать нам на узкой дороге; в обман я не вдамся».

Так говорил Антилох, — и, страшая угроз властелина,
Кони резвее скакали, но время не долгое: скоро
Тесной дороги ухаб Антилох, бранолюбец, приметил:
420 Рытвина там пролежала; вода, накопляясь зимою,
Там чрез дорогу прорвалась и место кругом углубила.
Правил туда Менелай, колесниц опасаясь сшибки.
Но Антилох, сроротивши, направил коней звукогоних
Мимо дороги и, близко держась, догонял Менелая.
425 Царь Менелай утрашился и к Нестора сыну воскликнул:
«Правишь без разума, Несторов сын! Удержи колесницу!
Видишь, дорога тесна; впереди обгоняй, по широкой;
Здесь лишь и мне и себе повредишь: колесницы сшибутся!»

Так говорил он; но Несторов сын обскакать горячился;
430 Коней стрекалом колол, Менелая как будто не слыша.

Сколько пространства, с плеча повергаемый, диск пробегает,
Брошенный мужем младым, испытующим юную силу,—
Столько вперед ускакал Антилох; кобылицы отстали
Сына Атреева; их запускать и сам перестал он
435 В страхе, что узкой дорогой бегущие кони столкнутся,
Их колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетят на ярах, за победой риставшие оба.
Гневный меж тем Несторида ругал Менелай светлокудрий:
«Нет, Антилох, человека вреднее тебя зломышленьем!
440 Мчись! недостойно тебя называют разумным ахейцы!
Средством, однако ж, таким не получишь ты мзды без присяги!»

Так произнес он и громким голосом крикнул на коней:
«Что у меня отстают и что унывают, кони?
Прежде пилосских коней истомятся колена и силы,
445 Нежели ваши: давно их обоих покинула младость!»

Так восклицал,— и они, устрасая угроз властелина,
Прытче пустились бежать и скоро передних догнали.

Тою порою ахейцы, на площади сидя, смотрели
Коней, которые по полю, пыль подымая, летели.
450 Первый Идомений распознал приближавшихся коней;
Ибо сидел не в кругу, но высоко, на холме подзорном;
Крик на коней колесничника он и далекий услышав,
Мужа узнал и приметил коня в обгоняющей паре,
Сильно отличного: весь багряно-гнедый, на челе лишь
455 Признак имел он родимый, как месяц, и светлый и круглый.
Идомений приподнялся и так говорил к аргивянам:
«Други любезные, ратей ахейских вожди и владыки!
Я ли один примечаю коней или видите все вы?
Чьи-то другие, мне кажется, скачут передними кони?
460 Кто-то другой и возница? Но те, кобылицы Эвмела,
Чем-то задержаны в поле; а прежде они отличались;
Первые, видел я сам, кобылицы мету обогнули;
Ныне же видеть нигде не могу их, куда ни бросаю
Вкруг по троянскому полю моих испытательных взоров.
465 Верно, из рук Адметиды бразды убежали; не мог он
Бега сдержать у меты и коней повернул неудачно:
Там он, быть может, упал, колесница его сокрушилась,
И умчались с дороги его обуялые кони.
470 Но подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть может,
Вижу не ясно, но кажется мне, что ристатель передний —

Муж этолийский, воинственный царь ополченный аргосских,
Сын конеборца Тидея, герой Диомед благородный».

Грубо ему отвечал быстроногий Аякс Оплеев:
«Что паперед, Девкаллон, болтаешь ты? Те ж кобылицы
475 Всех впереди, звуконогие, по полю чистому скачут!
Ты между нами, ахейцами, вовсе не младший годами!
Очи твоей головы не острее других пронцают!
Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебе неприлично
Здесь пустословить: и лучше тебя здесь присутствуют мужи!
480 Те ж впереди кобылицы, которые были и прежде,
Сына Адметова; сам он и едет, и правит браздами».

Вспыхнувши гневом, Аяксу отвечал Крита властитель:
«Спорщик первейший, Аякс злоречивый! но в прочем последний
Между ахейских мужей: человек необузданно грубый!
485 Спорь, и положим в заклад умывальницу или треножник;
Спора свидетелем мы изберем Агамемнона оба:
Кони чьи впереди, ты узнаешь, заклад заплатив мне!»

Так говорил он,— и быстро поднялся Аякс Оплеев,
Пышущий гневом, готовый ответить речью суровой.
490 И зашла бы далеко меж ними обидная распря,
Если бы сам Ахиллес не восстал, говоря воеводам:
«Идоменей, Оиллд, говорите перестаньте в народе
Злые, обидные речи: вас недостойное дело!
Сами осудите вы и других, начинающих то же.
495 Сядьте, друзья, и на месте спокойно смотрите на коней;
Скоро и сами они, распаленные жаждой победы,
К нам принесутся; тогда вы без спора узнаете каждый,
Чьи впереди и чьи позади между коней ахейских».

Он говорил,— как летящий к концу Диомед показался.
500 Хлещет сплеча он бичом по коням; а дымящиеся кони
Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;
Брызги песка от копыт непрерывные прыщут в возницу;
Пышная оловом, златом нарядная вокруг колесница
Быстро за бурными конями катится; след за собою
505 Шины колесные, тяжкие медью, по тонкому праху
Чуть оставляют: с такою горячностью кони летели!
Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных коней
Пот и от вый и от персей потоками лился на землю.
Быстро на дол Диомед с колесницы сияющей прынул,

510 Бич к ярму прислонил; и не медлил сподвижник героя,
Сильный Сфенел: прибежал и с веселием взял он награду;
Но служителям храбрым жену и треножник ушатый
К куще представить велел он, а сам распрягал колесницу.

После Тидида младой Антилох пригнал колесницу,
515 Хитростью только, не скоростью, взявши перед у Атрида;
Но Атрид от него не отстал на конях быстроногих;
Близко летел, как от обода конь, в колесницу впряженный.
И во весь свой опор по полям властелина несущий;
Хвост у него медноблещущей шины касается краем;
520 Так он близко бежит и таким расстоянием малым
Он отделен от колес, по широкому полю бегущий,—
Столько же мало отстал от Нелеева славного внука
Царь Менелай: на вержение диска сперва оставался;
После он скоро догнал: возрастала в бегу беспрестанно
525 Крепость и жар кобылицы Атридовой, пламенной Эфы,
Так что, когда бы еще обоих продолжилось ристанье,
Верно б, Атрид обскакал и победы не сделал бы спорной.
Но Мернон, предводителя критян могучий сподвижник,
Гнал, на полет копья от царя Менелая отставши:
530 Медленны были его долгогривые критские кони;
Мало искусен и сам управлять колесницей в ристаньях.
Сын же Адмета явился последним, гоня пред собою
Быстрых коней и прекрасную сзади влача колесницу.
В жалость пришел, Адметида увидев, Пелид благородный;
535 Встал, и к ахейским царям устремил он крылатые речи:
«Первый ристатель последним гонит коней звуконогих!
Но, аргивяне, дадим, как достойно, вторую награду
Сыну Адмета; а первая следует сыну Тидея».

Так говорил,— и одобрили все Ахиллесово слово;
540 Отдал бы он кобылицу, с согласия сонма, Эвмелу,
Если б почтенного Нестора сын, Антилох, оскорбленный,
Быстро не встал; справедливо герой возразил Ахиллесу:
«Царь Ахиллес, огорчуся я жестоко, если исполнишь
Слово твое! Награду отнять у меня побужден ты
545 Тем, что постигла беда колесницу и коней Эвмела?
И что возница он славный? Почто же богов всемогущих
Он не молил: никогда не пришел бы возницей последним.
Если Эвмела жалеешь и столько тебе он любезен,—
Есть у тебя в кораблях избыточно и злата и меди;
550 Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони:

Выбрав из них, отличи ты его хоть и большей наградой
После, и даже теперь, чтоб тебя похвалили данаи;
Сей же из рук я не выдам,— а кто из ахеев желает,
Пусть подойдет и со мной за нее рукопашно сразится!»

555 Так говорил; улыбнулся божественный внук Эакидов,
Радуюсь другом младым: Антилоха любил он, как друга.
Юноше он отвечая, крылатую речь устремляет:
«Требуешь ты, Антилох, чтоб из собственной сени другую
560 Дал я награду Эвмелу: охотно и то я исполню.
Дам ему латы, которые добыл я с Астеропея,
Медные; их оконечность литая струя окружает
Олова светлого; будет сей дар Эвмела достоин».

Так произнесши, Пелид повелел Автомедону другу
Вынести из кущи; и тот, устремившись, вынес и отдал
565 В руки Адметова сына; и он их, радуясь, принял.

Тут Менелай светлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко гневный на сына Нелидова. Вестник Атридов
Скиптр властелину представил, безмолвствовать знак аргивянам
Подав; и стал говорить воинственный, богу подобный:
570 «Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?
Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил,
Хитростью взявший перед на конях, несравненно слабейших!
Но рассудите, ахеев владыки и мужи совета,
Нас обоих наравне рассудите вы, но без потворства.
575 Пусть обо мне ни один меднобронный ахеец не скажет:
— Царь Менелай, Антилоха одной пересилил неправдой,
Юноши мздою, конем завладел: Менелаевы кони
Были слабее, лишь сам он могучее властью и сплой.—
Слушайте, други; я сам рассужу, и меня, я надеюсь,
580 В сомне не будет никто укорять: справедлив приговор мой.
Несторов сын благородный, приближься сюда и, как должно,
Стань пред своими конями; возьми, как следует, в руки
Бич тот гибкий, с которым сегодня ристал, и бичом ты
Коней касаясь, клянись Посейдаоном, землю держащим,
585 Что неумышленной хитростью ты мне запнул колесницу».

Умный младой Антилох отвечал Менелаю Атриду:
«Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;
Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:

590 Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.
Сердце смягчи, Менелай; а награду мою, кобылицу,
Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
Боле чего ты потребовал, с радостью я и теперь же
595 Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронпид,
Выйти из сердца навеки и быть пред богами виновным!»

Рек, — и, подведши коня, младой Несторид благородный
В руки отдал Менелая герою; и в персях Атрида
Сердце растаяло с радости, словно роса по колосьям
Зреющей нивы, когда цепенеют от зноя долины, —
600 Так у тебя, Менелай, растаяло с радости сердце.
К юноше он возгласил, устремляя крылатые речи:
«Ныне я сам, невзирая на гнев мой, тебе уступаю,
Несторов сын! Никогда безрассуден, ниже легкомыслен
Ты не бывал: победила рассудок единая младость.
605 После сего, Антилох, опасайся обманывать старших.
Нет, не легко бы меня укротил другой из данаев;
Но довольно терпел и довольно под Троею сделал
Сам ты, и храбрый отец твой, и брат, за меня подвизаясь.
К просьбе твоей снисхожу и награду мою, кобылицу,
610 Я уступаю тебе: пускай и другие с тобою
Помнят, что я никогда ни надмен, ни немилостив не был».

Так произнес — и коня Менелай Антилохову другу
Отдал Ноемону; сам же избрал рукомойник блестящий.
Злато, четвертую мзду, получил Мерин по заслуге,
615 Коней четвертым пригнавши. Но пятая мзда оставалась,
Круглый фиал двусторонний: его Ахиллес быстроногий,
Сонмом данаев пронесши, Нестору подал, вещая:
«Дар сей тебе, божественный старец! и ты сохрани сей
Памятник грустный Патрокловых похорон: между живыми
620 Больше его не увидишь! Тебе же награду победы
Так я даю; ни в борьбу ты, Нелид, ни в кулачную битву,
Верно, не вступишь; ни в меткой стрельбе ты, ни в легкости
бега
Спорить не будешь: тебя удручает тяжелая старость».

Рек — и фиал ему подал; и старец приял, веселяся;
625 Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесу:
«Истину, сын, говоришь, и всё ты разумно вещаешь.
Члены мои ослабели; ни ноги, любезный, ни руки
Так на моих раменах, как бывало, не движутся быстро.

Если бы молод я был! и если бы силой блистал я
630 Оных годов, как эпейцы в Вупрасе царю Амаринку
Тризны творили, а дети царя предложили награды!
Там не сравнился со мной ни один человек из эпеян,
Даже из храбрых пилосцев и духом высоких этолян.
Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;
635 Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
Ног быстротой превзошел знаменитого бегом Ификла;
Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
Только одними конями меня премогли Акториды;
Но числом одолели, завидуя в сей мне победе;
640 Ибо славнейшая всех за нее оставалась награда;
Стали вдвоем на меня, и как первый лишь правил конями,
Только лишь правил, другой их, гоня, бичевал без пощады.
Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мне
645 Старости скорбной: в чреду я свою блистал меж героев!
Но продолжай и друга усопшего играми чествуй.
Дар благодарно приемлю и радуюсь сердцем, что столько
Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забыл ты
Честью приличной почтить и его пред народом ахейским.
650 Боги тебе за сие воздадут воздаяньем желанным!»

Так произнес,— и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.
Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
655 Игом еще не смиренный, жесток для смирения был он.
Меск — победителю мзда; побежденному — кубок двудонный.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Чада Атрея и вы, меднолатные мужи ахейцы!
Ныне подвижников двух призываем, которые сильны,
660 Руки поднять на кулачную битву. Кому стреловержец
Даст устоять и кого победителем все мы признаем,
Тот к своему кораблю поведет терпеливого меска;
Кубок же сей двудонный боец побежденный получит».

Рек он,— и быстро восстал человек и огромный и мощный,
665 Славный кулачный боец, Панопеева отрасль, Эпеос.
Меска рукой жиливатой за гриву схватил и кричал он:
«Выступи тот, кто намерен кубок унести двудонный.
Меска ж, надеюся я, не отвяжет никто из ахеян,
В битве кулачной победный: горжуся, боец я здесь первый!»

670 Будет того, что меж вами я воин не лучший,— что делать:
Смертному в каждом деянии быть невозможно отличным.
Что до битвы, объявляю при всех, и исполнено будет:
Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
Пусть за моим противником все попечители выйдут,
675 Чтоб из битвы унести укрощенного силой моею».

Так говорил он,— и все, онемевши, молчанье хранили.
Богу подобный один Эвриал на него подымался,
Внук скиптроносца Талая, сын Мекистея героя,
Некогда в Фивы ходившего, к играм надгробным Эдипу,
680 Падшему в оное время, и всех победившего кадмян.
К битве его снаряжал Диомед, копьеборец могучий,
Дружеской речью бодря и сердечно желая победы:
Бросил он запон ему, и красиво кроенные после
Подал ремни из степного вола, убитого силой.
685 Так опоясавшись оба, выходят бойцы на средину.
Разом один на другого могучие руки заносят,
Сшиблись; смешались быстро подвижников тяжкие руки.
Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос,
690 Резко врага оглянувшегося грянул в лицо,— и не мог он
Больше стоять; подломившись, рухнулись крепкие члены.
Словно с порывом Бореевым прыгает рыба из моря
На берег мшистый и вдруг покрывается мутной волною,—
Так пораженный упал Эвриал. Добродушный Эпеос
695 За руку поднял его; а усердные други, представши,
С поприща в стан повели, по земле волочащего ноги,
Кровь извергавшего ртом и бросавшего голову набок.
В омрак он впал; и его меж своими друзья посадивши,
Сами пошли и на поприще подняли кубок двудонный.

700 Сын же Пелеев немедленно новые, третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силам:
Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный,
Медный,— в двенадцать волов оценили его аргивяне;
Мздой побежденному он рукодельницу юную вывел,
705 Пленную деву,— в четыре вола и ее оценили.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»

Он произнес,— и немедленно встал Теламонид великий;
Встал и герой Одиссей, вымыпльатель хитростей умный.

710 Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят;
Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в отпору насильственных ветров
Сильно хребты захрустели, могучество стиснутых рук их
715 Круто влекомые; крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вокруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые; с ревностью в гордых сердцах одинакой
Оба алкали они и победы, и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смог опрокинуть Аякса,
720 Ни Аякс не смог одолеть Одиссеевой силы.
И когда, уж соскучив, ахеян сыны зароптали,
Вскрикнул к царю Одиссею великий Аякс Теламонид:
«Сын благородный Лаэртос, герой Одиссей многоумный,
Ты подымай, или я подыму; а решит Олимпиец!»

725 Так произнес и поднял; Одиссей не забыл ухищренья:
Вдруг в подколенок ударил пятой и подшиб ему ноги,
Навзничь его опрокинул; но сам он Аяксу на перси
Пал. Удивился народ, изумились все аргивяне.
После пытал и Аякса поднять Одиссей терпеливый;
730 Вновь обхватил и лишь несколько сдвинул с земли, но не
поднял:
Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;
Пали один близ другого и прахом покрылись темным.
Встали, и в третий бы раз устремились подвижки спорить,
Если бы сам Ахиллес не воздвигнулся; он удержал их:
735 «Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким.
Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши,
С поля сойдите: пускай и другие в подвиги вступят».

Рек,— и, почтительно выслушав, оба они покорились:
С поля сошли и, от праха очистясь, надели хитоны.

740 Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
Первая — серебряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
Славные чаши, сидонян искусных изящное дело.
Мужи ее финикийцы, по мгlistому плавая понту,
745 В Лемнос продать привезли, но как дар предложили Фоасу;
Царь же Эвней Язонид, выкупая Приамова сына,
Падшего в плен Ликаона, отдал Менетиду Патроклу.
Царь Ахиллес и ту чашу выставил, чествуя друга,

Мздою тому, кто быстреешим окажется в беге ногами;
750 Мздою второму — тельца откормленного, тяжкого туком;
Но последнему золота он полталанта назначил.
Стал наконец среди сонма и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!»

Рек, — и немедленно встал Оплеев Аякс быстроногий;
755 Встал Одиссей многоумный, и Несторов сын знаменитый
Встал Антилох: побеждал он юношей всех быстрою.
Стали порядком; Пелид указал им далекую мету.
Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
760 Близко бежал, как у женщины ткащей с пряжею ходит
Цевга у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит, —
Так Одиссей за Аяксом близко бежал; беспрестанно
Следом в следы ударял он, прежде чем прах с них ссышался,
765 И дыханье свое изливал на главу Оиллида,
Быстро и ровно бежа; восклицали кругом аргивяне,
Жажду его победить в ревновавшем еще умножая.
Но когда приближались к концу уже бега, взмолился
В сердце герой Одиссей светлоокой Палладе богине:
770 «Дочь Эгпоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!»
Так он, молясь, произнес, — и услышала дочь Эгпоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.
И уже добежали, чтоб только им прыгнуть к награде, —
Вдруг на бегу поскользнулся Аякс: повредила Афина —
775 В влажный ступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коиx Патроклу в честь закалал Пелейон благородный;
Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оиллид знаменитый;
780 Стал и, рукою держась за роги вола полевого,
Он выплевывал кал и так говорил аргивянам:
«Дочь громовержца, друзья, повредила мне ноги, Афина!
Вечно, как мать, она Одиссею на помощь приходит!»

Так произнес он, — и смех по собранью веселый раздался.
785 Несторов сын получил последнюю бега награду;
Взял и к ахейским мужам, улыбаясь, так говорил он:
«Знающим всем говорю вам, друзья, что всегда, как и ныне,
Боги бессмертные чувствуют смертных, старейших летами.
Сын Оплеев меня годами немногими старше;

790 Сей же из прежнего рода, от прежнего племени отрасль;
Но зелена, говорят, Одиссеева старость; и трудно
В беге с ним спорить ахейским героям, кроме Ахиллеса».

Так говорил, прославляя Пелеева быстрого сына.
Но Ахиллес немедленно сам отвечал Антилоху:
795 «Друг Антилох! твоя похвала не бесплодною будет:
Злата к награде твоей полталанта еще прибавляю».
Так произнес — и вручил; и юноша, радуясь, принял.

Тут Ахиллес быстроногий, копье длиннотенное взявши,
Вынес на поприще, вынес и щит и шолом светозарный,
800 Весь Сарпедонов доспех, с пораженного взятый Патроклom.
Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной
медью,

Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.
805 Кто у другого скорее пронзит благородное тело
И сквозь доспехи коснется и членов, и крови багряной,
Тот победитель,— тому подарю я сей нож среброгвоздный,
Славный, фракийский, который похитил я с Астеропея;
Что до оружий, подвижники оба их вместе получают;
810 Вместе под сенью моей и блистательный пир им устрою».

Так говорил,— и поднялся великий Аякс Теламонид;
Быстро по нем и Тидид восстал, Диомед нестрашимый.
Скоро, в концах отдаленных народной толпы ополчась,
Оба они на средину выходят, пылая сразиться;
815 Грозно друг на друга смотрят; страх обымает ахеян.
Быстро сошедшись, они, устремленные друг против друга,
Трижды бросались и врукопашь трижды оружием сшиблись.
Сын Теламонов копье сопротивнику в щит круговидный
Вбил, но тела не тронул: оно защищалось броней.
820 Сын же Тидеев поверх семикожного круга щитного
Вые Аякса грозил беспрестанно сверкающим жалом.
Все, трепеща за Аякса, вскричали ахейские мужи,
Бой прекратить и равные взять им велели награды.
Но Ахиллес Диомеда ножом наградил среброгвоздным,
825 Вместе с ножнами его и с ремнем красиво кроенным.

Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Прежде метала его Этионова крепкая сила;
Но когда Этиона убил Ахиллес градоборец,

Круг на своих кораблях он с другими корыстями вывез.
830 Стал наконец он пред сонмом и так говорил аргивянам:
«Встаньте, которым угодно и сей еще подвиг изведать!
Сколько бы кто ни имел и далеких полей и широких, —
На пять круглых годов и тому на потребности достанет
Глыбы такой; у него никогда оскуделый в железе
835 В град не пойдет ни оратай, ни пастырь, но дома добудет».

Так говорил он, — и встал Полипет, бранодышащий воин;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобного богу;
Встал и Аякс Теламонид, и сильный Эпеос огромный,
840 Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпеос;
Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму.
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третий, сын Теламонов, схвативши железную тягость,
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул.
Но, когда тот круг подхватил Полипет браноносный,
845 Так далеко, как пастух свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом и летит через тельчье стадо, —
Так далеко перекинул за круг он; вскричали данаи.
Быстро толпой набежавши, друзья Полипета героя
Радостно к черным судам понесли награду владыки.

850 Сын же Пелеев для лучников темное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.
Выставил целью стрельбы — корабля черноносого мачту
В дальнем конце, на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
855 Метить стрелкам: «Который уметит по робкой голубке,
Все топоры двуострые в сень понесет победитель;
Кто ж улучит по снуру одному, не уметивши птицы,
Тот, как стрелок побежденный, секиры простые получит».

Так говорил, — и восстало могущество Тевкра владыки;
860 Встал и герой Мерпон, повелителя критян сподвижник.
Бросили жребии в медный шелом, сотрясли их, и Тевкру
Вылетел первому жребий стрелять; и немедля стрелу он
С страшною силой послал, но не сделал обета владыке
Фебу в жертву принести первородных овнов гекатомбу.
865 В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб раздраженный;
В снур близ ноги он уметил, которым привязана птица:
Привязь у самой ноги пересекла стрела; встрепенулась,
К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру

На землю вся опустылася; громко вскричали данаи.
870 Быстро тогда Мернион у печального Тевкра из длани
Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
Первенцев агнецев ему в благодарность принести гекатомбу;
И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
875 Быстро кружащуюсь, в бок под крыло угодил он стрелою:
Вверх сквозь крыло пролетела стрела и, обратно на землю
Пав, пред ногой Мерниона вонзилась в дол; а голубка,
С выси лазурной на мачту спустясь черноногого судна,
Вью к груди приклонила, густые развесила крылья,
880 Быстро из персей дух испустила и с мачты далеко
Пала на прах; удивился народ и кругом изумлялся.
Все топоры двуострые взял Мернион победитель;
Тевкр, побежденный, простые понес к кораблям мореходным.

Сын же Пелеев огромный дрот и сосуд рукомойный,
885 Чистый, в огне не бывалый, ценою в вола, расцветенный,
Вынес пред сонм; и восстали могучие два копьеборца:
Первый пространнодержавный восстал Атрейон Агамемнон,
После герой Мернион, предводителя критян сподвижник;
Но, между храбрыми став, говорил Ахиллес благородный:
890 «Царь Агамемнон, мы ведаем, сколько ты всех превосходишь,
Сколько и мощью твоей, и метанием копий отличен.
Но прими ты награду и с нею, Атрид, возвратися
К быстрым судам; а копье отдадим Мерниону герою,
Если твоей то приятно душе; но так бы я думал».

895 Рек,— и ему не противился сын скиптроносный Атрея.
Дрот Ахиллес Мерниону вручил; а герой Агамемнон
В руки Талфибия вестника пышную отдал награду.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЫКУП ГЕКТОРА

Сонм распущён; и народ по своим кораблям быстролетным
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном. Но Пелид неуשתный
Плакал, о друге еще вспоминая; к нему не касался
5 Все усмиряющий сон; по одру беспокойно метаясь,

Он вспоминал Менетидово мужество, дух возвышенный;
Сколько они подвизались, какие труды подымали,
Боев с мужами ища и свирепость морей искушая;
Все вспоминая в душе, проливал он горячие слезы.
10 То на хребет он ложился, то на бок, то, ниц обратясь,
К ложу лицом принадал; напоследок, бросивши ложе,
Берегом моря бродил он, тоскующий. Там и Денницу
Встретил Пелид, озарившую пурпуром берег и море.
Быстро тогда он запряг в колесницу коней быстроногих;
15 Гектора, чтобы влачить, привязал позади колесницы;
Трижды его обволол вокруг могилы любезного друга,
И наконец успокоился в куще; а Гектора бросил,
Ниц распростерши во прахе. Но Феб от него, покровитель,
Феб и от мертвого вред отклонял; о герое и мертвом
20 Бог милосердовал: тело его золотым он эгидом
Все покрывал, да не будет истерзан, Пелидом влачимый.

Так над божественным Гектором в гневе своем он ругался.
Жалость объяла бессмертных, на оное с неба взиравших;
Тело похитить зоркого Гермеса все убеждали;
25 Всем то казалось угодным; но только не Гере богине,
Ни Посейдону царю, ни блистательною Афине;
Им, как и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старец Приам и народ, за вину Приамида Париса:
Он богинь оскорбил, приходивших в дом его сельский;
30 Честь он воздал одарившей его сладострастием вредным.

Вестница утра, в двенадцатый раз восходила Денница;
И средь сонма богов провещал Аполлон сребролукий:
«Боги жестокие, неблагодарные! Гектор не вам ли
Недра тельцов и овнов сожигал в благовонные жертвы?
35 Вы ж не хотите и мертвое тело героя избавить;
Видеть его не даете супруге, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданам, которые славного мужа
Предали б скоро огню и последнюю честью почтили!
Вы Ахиллесу грабителю быть благосклонны решились,
40 Мужу, который из мыслей изгнал справедливость, из сердца
Всякую жалость отверг и, как лев, о свирепствах лишь
мыслит.
Лев, и душой дерзновенной, и дикою силой стремимый,
Только и рыщет, чтоб стадо найти и добычу похитить,—
Так сей Пелид погубил всю жалость, и стыд потерял он,
45 Стыд, для сынов человеческих столько полезный и вредный.

Смертный иной и более милого сердцу теряет,
Брата единоутробного или цветущего сына;
Плачет о грате своей и печаль наконец утоляет:
Дух терпеливый Судьбы даровали сынам человеков.
50 Он же, богу подобного Гектора жизни лишивши,
Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
В прахе волочит! Не славное он и не лучшее выбрал!
Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет!»

55 Гневом пылая, ему отвечала державная Гера:
«Слово твое совершилось бы, луком серебряным гордый,
Если б равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
Гектор — сын человека, сосцами жены он воспитан;
Но Ахиллес — благородная отрасль: богиню Фетиду
60 Я возлелеяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всем нам, бессмертным.
Все вы, бессмертные, были на браке; и ты ликовал там
С лирой в руках, нечестивых наперсник, всегда вероломный!»

Ей обратился ответствовать тучегонитель Кронион:
65 «Гера, супруга! Не гневайся вовсе на жителей неба.
Честь браноносцам не равная будет; однако и Гектор
Между сынов Илиона любезнейший был олимпийцам,
Так же и мне! Никогда не небрег он о жертвах приятных;
Жертвенник мой никогда не скудел в приношеньях обильных
70 Туков, вин, благовоный: сия бо нам честь подобает.
Но похощенье оставим; возможности нет от Пелида
Гектора славного тайно похитить: к Пелееву сыну
Матерь Фетида приходит и ночью и днем непрестанно.
Лучше Фетиду ко мне призови кто-нибудь из бессмертных;
75 Мудрое слово богине реку, да Пелид быстроногий
Выкуп возьмет от Приама и Гектора тело отпустит».

Рек, — и как вихрь устремилась Ирида крылатая с вестью;
Между священного Сама и грозноутесного Имбра
Бросилась в черный понт; и под ней застонала пучина;
80 Быстро в пучину Ирида, подобно свинцу, погрузилась,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прозорливым гибель несущий.
Там в пещере глубокой находит Фетиду с нею
Многих богинь Океана. Она посреди их сидела,
85 Плача об участи храброго сына, которому должно

В Трое холмистой погибнуть, далеко от милой отчизны.
Став пред Фетидой, вещала посланница Зевса: «Фетида!
Зевс призывает тебя, непреложных советов строитель».

Ей отвечая, рекла среброногая дочь Нереея:
90 «Что заповедует мне повелитель бессмертных? Стыжуся
Светлым являться богам, угнетенная мрачной печалью!
Но повинуюсь; и тщетен не будет глагол, им реченный».

Так говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
Черным покровом, чернейшим из всех у нее одеяний.
95 Так устремилась; пред нею подобная ветрам Ирида
Быстро пошла; расступались окрест их волны морские.
На берег вышед, богини к высокому бросились небу.
Там обрели громовержца Кронида; пред ним воссидели
Все, на совет собравшись, блаженные вечные боги.
100 Села Фетида близ Зевса отца: уступила Афина;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала в руки
И утешала словами. Фетида, испив, возвратила.
Слово меж оными начал отец и бессмертных и смертных:
«Ты на Олимп, Фетида, пришла, и печальная сердцем;
105 Знаю, скорбь неутешную в персях ты носишь, богиня;
Но возведу, для чего на Олимп я тебя призываю.
Девять дней, как меж нами, бессмертными, распря возстала:
Гектор герой и Пелид градоборец богов разделяют.
Тело похитить склоняют бессмертные Гермеса бога;
110 Я же, напротив, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
Нежность к тебе и почтение в сердце навек сохраняя.
Шествуй к ахейскому стану и сыну, богиня, поведай:
Все божества на него негодуют; но я от бессмертных
Более всех огорчаюсь, что он в исступлении гнева
115 Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держит.
Если страшится меня, да немедля отпустит он тело.
Я ж посылаю Ириду к Приаму царю с повеленьем
В стан мпримдонский идти к искуплению милого сына,
Несть и дары Ахиллесу, приятные сердцу героя».

120 Так произнес,— и ему покорилась Фетида богиня;
Быстро помчалась, с вершины Олимпа высокого бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана; и в куще находит
Сына, печально стнящего; многие в куще героя
Окрест его суетились друзья и готовили завтрак;
125 Ими закланый лежал на помосте овен густорунный.

Подле печального сына воссела почтенная мать;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и так говорила:
«Милое чадо, почто ты себе, и стена и тоскуя,
Сердце крушишь; не помыслишь о пище, ниже о покое?
130 Но приятно с женой опочить и любви насладиться.
Жить же недолго тебе; пред тобою, любезнейший сын мой,
Близко стоит неизбежная Смерть и суровая Участь.
Выслушай слово; его я тебе возвещаю от Зевса:
Боги, он рек, на тебя прогневаются; он же, владыка,
135 Более всех негодует, что ты в исступлении гнева
Гектора возле судов, не приемлющий выкупа, держишь.
Выдай его, Ахиллес, и за тело прими искупленье».

Ей отвечая, вещал быстроногий Пелид знаменитый:
«Пусть предстает предлагающий выкуп,— и тело получит,
140 Если решительно так заповедует мне Олимпийский».

Тою порою, как мать и сын у судов мирмидонских
Многие между собою вещали крылатые речи,
Зевс посылал Ириду к Приамовой Трое священной:
«Шествуй, Ирида крылатая, холмы оставив Олимпа;
145 Весть в Илионе святом возвести Дарданиду Приаму:
Пусть к искуплению сына идет к кораблям он ахейским,
Пусть и дары он несет, чтоб смягчить Ахиллесово сердце.
Но да единый, никем не сопутствуем, шествует старец;
Токмо глашатай старейший да будет при нем, чтобы править
150 Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Помысл о смерти и страх да не взыдет на сердце Приаму:
Старцу такого пошлем мы спутника, Гермеса бога;
Он поведет и проводит, пока не представит к Пелиду;
155 И, когда приведет он Приама пред очи героя,
Рук на него не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он завсегда милосердо молящего милует мужа».

Рек,— и с небес устремилась подобная вихрям Ирида;
160 К дому Приама сошла; и нашла там вопль и рыданье.
Окрест отца все сыны, на дворе пред хоромами сидя,
Токами слез обливали одежды; в середине их старец,
Ризой раскрытый, лежал, обвивающей все его тело;
Вью и голову персть покрывала державного старца,
165 Коею сам он себя, пресмыкаяся в прахе, осыпал.

Дщери его и невестки, в домах своих сидя, рыдали,
Тех поминая и многих и сильных защитников царства,
Кои уже под руками ахейскими предали души.

Быстрая вестница Зевса, приблизяся тихо к Приаму,
170 Голосом тихим (но трепет объял Дарданидовы члены)
Так говорила: «Дерзай, Дарданид, и меня не страшися!
Я для тебя не зловещая ныне схожу от Олимпа,
Нет, но душой доброхотная вестница Зевса тебе я:
Он о тебе, и далекий, душою болит и печется.
175 Выкупить Гектора тело тебе он велит, Олимпиец.
Шествуй, неси и дары, чтоб смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто из троян не сопутствует, шествуй один ты;
Токмо глашатай старейший да будет с тобой, чтобы править
Месками в быстром возу и вспять из ахейского стана
180 Мертвого ввезть в Илион, убиенного сильным Пелидом.
Мысль же о смерти, ни страх тебе да не взыдет на сердце:
Спутник такой за тобою последует, Гермес бессмертный;
Гермес пойдет и проводит, пока не приблизит к Пелиду;
И, когда он тебя представит пред очи героя,
185 Рук на тебя не подымет Пелид, ни других не допустит:
Он ни безумен, ни нагл, ни обывший к грехам нечестивец;
Он навсегда милосердо молящего милует мужа».

Так говоря, отлетела подобная вихрям Ирида.
Старец Приам повелел, чтоб немедля сыны снарядили
190 Муловый воз быстрокатный и короб к нему привязали.
Сам же поспешно взошел в почивальню, терем душистый,
Кедровый, с кровлей высокой, где много хранилось сокровищ;
Призвал туда и Гекубу супругу и так говорил ей:
«Бедная! мне олимпийская вестница Зевса явилась;
195 Выкупить сына велела идти к кораблям мирмидонским;
Несть и дары Ахиллесу, которые б сердце смягчили.
Молви, супруга любезная, что ты о сем помышляешь?
Сильно меня самого побуждает и сердце и дума
Ныне ж идти к кораблям и великому стану ахеян».

20 Так говорил; зарыдала жена и ему отвечала:
«Горе! погиб ли твой разум, которым в минувшее время
Славился ты и у чуждых народов, и в собственном царстве?
Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?
Мужу предстать перед очи, который и многих и сильных
Наших сынов умертвил? У тебя не железное ль сердце?»

В руки едва залучит, пред очами тебя лишь увидит
Сей кровопийца, неверный сей муж, милосерд он не будет;
Он не уважит тебя! В отдалении лучше поплачем,
В храмине сидя; такую, знать, долю суровая Парка
210 Выпряла нашему сыну, как я несчастливца родила, —
Долю, чтоб псов он насытил, вдали от родных, пред очами
Лютотого мужа, которого внутренность, если б могла я,
Впившись в грудь, пожирать, отомстила б за то, что он сделал
С сыном моим! Не как ратник бесчестный, мой Гектор убит им;
215 Он за отечество, он за мужей и за жен илионских
Бился, герой, ни о страхе в бою, ни о бегстве не мысля!»

Снова Гекубе отвечивал старец Приам боговидный:
«Воле моей не противься, Гекуба, и в собственном доме
Птицей зловещей не будь: отвратить меня не успеешь.
220 Если бы дело такое внушал мне какой-либо смертный
Жрец, иль пророк илионский, или фимнамогадатель,
Ложью почли бы мы то и с презрением, верно б, отвергли.
Слышал богиню я сам, пред собою бессмертную видел;
В стан я иду, и не тщетно мне будет вещанье бога.
225 Если ж назначил мне рок умереть пред судами ахеян, —
Рад! и пускай он меня, душегубец, зарежет, как скоро,
Милого сына обнявши, рыданием сердце насыщу!»

Так произнес — и, поднявши красивые крыши ковчегов,
Вынул из них Дарданион двенадцать покровов прекрасных,
230 Хлен двенадцать простых и столько ж ковров драгоценных,
Верхних плащей превосходных и тонких хитонов исподних;
Злата, весами отвесивши, выложил десять талантов;
Вынул четыре блюда и два светозарных тренога;
Вынул и пышный сосуд, ему, как посланнику, древний
235 Дар фракиян, драгоценность великая! даже и оной
Старец щадить не хотел: столь сильно пылал он душою
Выкупить милого сына. Но всех он троян приходивших
Гневный гонял от крыльца, и грозя и поносно ругая:
«Прочь, проклятое племя презренное! Разве и дома
240 Мало печали у вас, что меня огорчать вы идете?
Или вам радость, что старца Кронид поражает бедою,
Гибелью сына храбрейшего? Скоро вы цену сей траты
Сами узнаете; легче стократ, как не стало героя,
Будете сами избиты ахеями! Я же, о боги,
245 Прежде, нежели град разоренный и в прах обращенный —
Трою святую — увижу, да скроюсь в обитель Аида!»

Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
Все удалились. Он же вскричал, сыновей приораца,
Клита, Гелена, Париса, питомца богов Агафона,
250 Паммона, Гиппофооя, Дейфоба вождя, Антифона,
Храброго сына Полита и славного мужеством Дия;
Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:
«Живо, негодные дети, бесстыдники! Лучше бы всем вам
Вместо единого Гектора пасть пред судами ахеян!
255 О, злополучный я смертный! имел я в Трое обширной
Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
Нет боговидного Местора, нет конеборца Троила,
Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!
Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
260 Храбрых Арей истребил, а бесстыдники эти остались,
Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,
Эти презренные хищники коз и агнцев народных!
Долго ли будете вы снаряжать колесницу и в короб
Скоро ли вложите всё, чтобы мог я немедленно ехать?»

265 Так говорил, — и сыны, устрасая угрозы отцовой,
Бросились быстро и вывезли муловый воз легкокатный,
Новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали;
Сняли с гвоздя блестящий ярем, приспособленный к мулам,
Буковый, с бляхою сверху и с кольцами, слаженный хитро;
270 Привязь яремную вместе с ярмом девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
В самом конце и на крюк поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругом; напоследок
Прочее всё обвязали, концы же узла подогнули.
275 После, нося из покоев, на муловый воз легкокатный,
Весь уложили за голову Гектора выкуп бесценный,
Мулов в него запрягли возовозных, дебелокопытных,
Некогда в дар подведенных владыке Приаму от мизов.
280 Но к колеснице Приамовой вывели коней, которых
Сам он с отменной заботой лелеял у тесаных яслей;
Их в колесницу впрягали пред домом высоковершинным
Вестник и царь, обращая в уме их мудрые думы.
Тою порою приходит Гекуба, печальная сердцем;
В правой руке царица вина, веселящего сердце,
285 Кубок несла золотой, чтоб супруг, не возлив, не уехал;
Стала она пред конями и так говорила Приаму:
«Зевсу возлей, мой супруг, и молись, чтобы дал всемогущий
В дом от врагов возвратиться, когда уже смелое сердце

290 Старца тебя, против воли моей, к кораблям устремляет.
Так, помолися, Приам, чернотучному Кронovu сыну,
Богу, который от Иды на всю призирает Трoаду.
Птицы проси, быстрокрылого вестника, мощью своею
Первой из птиц и любезнейшей всех самому громовержцу;
С правой страны чтоб слетела, и сам бы ее ты увидя,
295 С верой в нее отошел к кораблям быстроконных данаев.
Если ж тебе не пошлет своего посла громовержец,
Буду тебя, мой супруг, убеждать и советом и просьбой
В стан не ходить к мирмидонянам, как ты ни твердо решился».

Ей немедля ответствовал старец Приам боговидный:
300 «Я твоего не отрину совета разумного: благо
Длани к владыке богов воздевать, да помилует нас он».

Рек,— и прислужнице ключнице дал повеление старец
На руки чистой воды возлиять; и прислужница быстро
С блюдом в руках и с кувшином воды пред владыку предстала.
305 Старец, руки оmyвши, кубок принял от супруги,
Стал посредине двора и молился, вино возливая,
На небо взор возводя; и, возвысивши голос, воскликнул:
«Зевс, наш отец, обладающий с Иды, славнейший, сильнейший!
Дай мне прийти к Ахиллесу угодным и жалостным сердцу;
310 Птицу пошли, быстролетного вестника, мощью своею
Первую в птицах, любимую более всех и тобою;
С правой страны ниспосли; да сходящую сам я увидя,
С верой в нее отоюду к кораблям конеборных данаев!»

Так умолял,— и услышал его промыслитель Кроннион;
315 Быстро орла ниспослал, между вещей вернейшую птицу,
Темного, коего смертные черным ловцом называют.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
В доме богатого мужа, замком утвержденная крепким,—
Крылья орла таковы распростерлись, когда он явился,
320 Вправе над Троею быстро парящий. Они лишь узрели,
В радость пришли, расцвело упованием каждого сердце.

С живостью старец взошел в колесницу свою и немедля
Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных.
Мески пошли впереди под повозкой четырехколесной
325 (Ими Идей управлял, благомысленный вестник); а сзади
Борзые кони, которых блчом Дарданид престарелый
Гнал через город; его провожали все близкие сердцу,

Плача по нем неутешно, как будто на смерть отходящем.

Скоро, из замка спустяся, они очутились в поле;

330 Все провожавшие их возвратились печальные в Трои,
Дети и сродники. Сами ж они не сокрылись от Зевса:
В поле увидел он их и исполнился милости к старцу;
И к любезному сыну, к Гермесу, так возгласил он:

335 «Сын мой, Гермес! Тебе от богов наипаче приятно
В дружбу вступать с человеком; ты взнемлешь, кому
пожелашь.

Шествуй и Трои царя к кораблям быстролетным ахея

Так проводи, да никто не узрит и никто не узнает

Старца в ахейских дружинах, доколе к Пелиду не придет».

Так произнес,— и ему повинуется Гермес посланник:

340 Под ноги вяжет прекрасную обувь, плесницы золотые,
Вечные; бога они и над влажною носят водою,
И над землей беспредельною, быстро, с дыханием ветра;
Жезл берет он, которым у мертвых, по воле всеильной,
345 Сном смыкает он очи или отверзает у спящих;
Жезл сей прияв, устремляется аргубийца могучий.
350 Скоро он к граду троян и к зыбям Геллеспонта принеся;
Полям пошел, благородному юноше видом подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

Путники вскоре, проехав великую Ила могилу,

350 Коней и месков своих удержали, чтобы напоить их
В светлой реке; тогда уже сумрак спускался на землю.
Тут, оглянувшись, Гермеса вестник Идей прозорливый
Близко увидел и так возгласил к Дарданиду владыке:
355 «Взглянь, Дарданид! осторожного разума требует дело:
Мужа я вижу; и мнится мне, нас он убить умышляет!
Должно бежать; на конях мы ускачем; или, подошедши,
Ноги ему мы обнимем и будем молить о пощаде!»

Рек он,— и старцево сердце смутилося; он ужаснулся;

Дыбом власы у него поднялися на сгорбленном теле;

360 Он цепенея стоял. Эриуний приблизился к старцу,
Ласково за руку взял и вещал, вопрошая Приама:

«Близко ль, далеко ль, отец, направляешь ты коней и месков,
В час усладительной ночи, как смертные все почивают?

365 Иль не страшисься убийствами дышащих, гордых данаев,
Кон так близко стоят, неприязненны вам и свирепы?
Если тебя кто увидит под быстрыми мраками ночи,

Столько сокровищ везущего, что твое мужество будет?
Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет?
370 Я ж не тебя оскорблю, но готов от тебя и другого
Сам оградить: моему ты родителю, старец, подобен!»

Гермесу бодро отвечивал старец Приам боговидный:
«Все справедливо, любезнейший сын мой, что ты говоришь мне;
375 Но еще и меня хранит покровительной дланью
Бог, который дает мне такого спутника встретить,
Счастья примету, тебя, красотою и образом дивный,
Редким умом одаренный; блаженных родителей сын ты!»

Вновь Дарданиду вещал благодетельный Гермес посланник:
«Истинно всё и разумно ты, старец почтенный, вещаешь.
380 Но скажи мне еще, и сущую правду поведай:
Ты высилаешь куда-либо столько богатств драгоценных
К чуждым народам, дабы хоть они у тебя уцелели?
Верно, объятые страхом, уже покидаете все вы
Трою святую? Таков знаменитый защитник погибнул,
385 Сын твой! В сражениях был он не ниже героев ахейских!»

Гермесу быстро воскликнул старец Приам боговидный:
«Кто ты таков, от кого приходишь ты, юноша добрый,
Так мне прекрасно напомнивший смерть злополучного сына?»

Старцу отвечивал вновь благодетельный Гермес
посланник:

390 «Ты испытываешь меня, вопрошая о Гекторе дивном.
Часто, часто я сам на боях, прославляющих мужа,
Гектора видел, и даже в тот день, как, к судам отразивши,
Он побеждал аргивян, истребляя крушительной медью.
Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; с вами сражаться
395 Нам Ахиллес запрещал, на царя Агамемнона гневный.
Я Ахиллесов служитель, в одном корабле с ним приплывший;
Родом и я мирмидонец: родитель мой храбрый Поликтор;
Муж он богатый и старец, как ты, совершенно маститый.
Шесть у Поликтора в доме сынов, а седьмой пред тобою;
400 Жребий меж братьев упал на меня, чтоб идти с Ахиллесом.
Ныне осматривать поле пришел от судов я: завтра
Боем на город пойдут быстроокие мужи ахейцы.
Все негодуют они на долгую праздность; не могут
Бранного пыла мужей обуздать воеводы ахейя».

Где незадолго над вечерей стражи ахеян трудились,—
445 Всех их в сон погрузил благодетельный аргобуйца;
Башни запор отодвинул, врата растворил и Приама
Ввез внутрь стены и за ним с дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они к Ахиллесовой куще великой
450 (Кущу царю своему мирмидонцы построили в стане
Крепко из бревен еловых и сверху искусно покрыли
Мшистым, густым камышом, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили двор властелину широкий,
Весь ограда частоколом; ворота его запирались
Толстым засовом еловым; трое ахеян двигали,
455 Трое с трудом отымали огромный замок сей воротный
Сильных мужей; но Пелид и один отымал его быстро),—
Те благодетельный Гермес отверз перед старцем ворота,
Ввез дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянул на дол с колесницы и так провещал к Дарданиду:
460 «Бог пред тобою, о старец, бессмертный, с Олимпа нисшедший,
Гермес: отец мой меня тебе ниспослал путеводцем.
Я совершил, и к Олимпу обратно иду; всенародно
Я не явлюсь Ахиллеса очам: не достойно бы было
Богу бессмертному видимо чествовать смертного мужа.
465 Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесею колена;
Именем старца родителя, матери многопочтенной,
Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу».

Так возгласивши, к Олимпу великому быстро вознесся
Гермес. Приам, с колесницы стремительно прынув на землю,
470 Там оставляет Идея, дабы он стоял, охраняя
Коней и месков; а сам устремляется прямо в обитель,
Где Ахиллес находился божественный. Там Пелейона
Старец увидел; друзья в отдаленье сидели; но двое,
Отрасль Арея Алким и смиритель коней Автомедон,
475 Близко стоя, служили; недавно он вечерю кончил,
Пищу вкусив и питья, и пред ним еще стол оставался.
Старец, никем не примеченный, входит в покой и, Пелиду
В ноги упав, обымает колена и руки целует,—
Страшные руки, детей у него погубившие многих!
480 Так, если муж, преступлением тяжким покрытый в отчизне,
Мужа убивший, бежит и к другому народу приходит,
К сильному в дом,— с изумлением все на пришельца взирают,—
Так изумился Пелид, боговидного старца увидев;
Так изумилися все, и один на другого смотрели.
485 Старец же речи такие вещал, умоляя героя:

«Вспомни отца своего, Ахиллес, бессмертным подобный,
Старца, такого ж, как я, на пороге старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, соседи
Ратью теснят, и некому старца от горя избавить.

420 Но, по крайней он мере, что жив ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льстится надеждой
Милого сына узреть, возвратившегося в дом из-под Трои.
Я же, несчастнейший смертный, сынов возрастил браноносных
В Трое святой, и из них ни единого мне не осталось!
435 Я пятьдесят их имел при нашествии рати ахейской:
Их девятнадцать братьев от матери было единой;
Прочих родили другие любезные жены в чертогах;
Многим Арей истребитель сломил им несчастным колена.
500 Сын оставался один, защищал он и град наш и граждан;
Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегося храбро,
Гектора! Я для него прихожу к кораблям мирмидонским;
Выкупить тело его приношу драгоценный я выкуп.
Храбрый! почти ты богов! над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
505 Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!»

Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;
За руку старца он взяв, от себя отклонил его тихо.
Оба они вспомяная: Приам — знаменитого сына,
510 Горестно плакал, у ног Ахиллесовых в прахе простертый;
Царь Ахиллес, то отца вспомяная, то друга Патрокла,
Плакал, и горестный стон их кругом раздавался по дому.
Но когда насладился Пелид благородный слезами
И желание плакать от сердца его отступило,—
515 Быстро восстал он и за руку старца простертого поднял,
Тронут глубоко и белой главой, и брадой его белой;
Начал к нему говорить, устремляя крылатые речи:
«Ах, злополучный! много ты горестей сердцем изведал!
Как ты решился, один, при судах мирмидонских явиться
530 Мужу пред очи, который сынов у тебя знаменитых
Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце!
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит:
525 Боги судили всеисильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорчениях: боги одни несчастны.
Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса,

Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.
Смертный, которому их посылает, смесивши, Кронийон,
530 В жизни своей переменно и горесть находит и радость;
Тот же, кому он несчастных пошлет,— поношению предан;
Нужда, грызущая сердце, везде по земле его гонит;
Бродит несчастный, отринут бессмертными, смертными
презрен.

Так и Пелея — дарами осыпали светлыми боги
535 С юности нежной; украшенный выше сынов земнородных
Счастьем, богатством, владыка могучий мужей мирмидонских,
Смертный, супругой богиню приял от руки он бессмертных.
Бог и ему ниспослал злополучие: он не имеет
540 В доме своем поколения, сына, наследника царства.
Сын у Пелея один, кратковечный; но я и доньше
Старца его не покою; а здесь, от отчизны далеко,
Здесь я в Троаде сию и тебя и твоих огорчаю.
Сам ты, о старец, мы слышали, здесь благоденствовал прежде.
Сколько народов вмещали обитель Макарова, Лесбос,
545 Фригия, край плодоносный, а здесь — Геллеспонт бесконечный:
Ты среди всех, говорят, и богатством блистал и сынами.
Но, как беду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
Будь терпелив и печалью себя не круши непрерывной:
550 Ты ничего не успеешь, о сыне печалясь; плачем
Мертвого ты не подымеешь, но горе свое лишь умножишь!»

Сыну Пелея отвечивал старец Приам боговидный:
«Нет, не сяду я, Зевсов любимец, доколе мой Гектор
555 В куще лежит, погребенью не преданный! Дай же скорее,
Дай сим очам его видеть! а сам ты прими искупленье:
Мы принесли драгоценное. О, насладись им, и счастлив
В край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
Старцу мне бедному жить и солнца сияние видеть!»

Грозно взглянув на него, говорил Ахиллес быстроногий:
560 «Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить: от Зевса мне весть приносила
Мать моя среброногая, нимфа морская Фетида.
Чувствую, что и тебя (от меня ты, Приам, не сокроешь)
Сильная бога рука провела к кораблям мирмидонским;
565 Нет, не осмелился б смертный, и младостью пылкой цветущий,
В стан наш вступить: ни от стражей недремлющих он бы не
скрылся,

Ни засовов легко б на воротах моих не отдвинул.
Смолкни ж, и более мне не волнуй ты болящего сердца;
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
570 В куще моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу».

Так говорил; устранился Приам и, покорный, умолкнул.
Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился в двери;
Но не один, за царем устремилися два из клеветров,
Сильный Алким и герой Автомедон, которых меж друзей
575 Более всех Пелейон почитал, по Патрокле умершем.
Быстро они от ярма отрешили и коней и месков;
В кущу ввели и глашатая старцева; там посадивши
Мужа на стуле, поспешно с красивого царского воза
Собрали весь многоценный за голову Гектора выкуп;
580 Две лишь оставили ризы и тонкий хитон хитротканый,
С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастями
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел:
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
585 Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвинулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умастили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасною ризой;
Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида, —
590 Но друзья совокупно на блещущий воз положили.
Он же тогда возопил, именуя любезного друга:
«Храбрый Патрокл! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
В мрачном Аиде, что я знаменитого Гектора тело
Выдал отцу: не презренными он заплатил мне дарами;
595 В жертву тебе и от них принесу я достойную долю».

Так произнес — и под сень возвратился Пелид благородный;
Сел на изящно украшенных креслах, оставленных прежде,
Против Приама стоявших, и слово к нему обратил он:
«Сын твой тебе возвращен, как желал ты, божественный старец;
600 Убран лежит на одре. С восходом Зари возвращаясь,
Сам ты увидишь его; но теперь мы о пище вспомним
Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба,
Мать, которая разом двенадцать детей потеряла,
Милых шесть дочерей и шесть сыновей расцветавших.
605 Юношей Феб поразила из блестящего лука стрелами,
Мстящий Ниобе, а дев — Артемиды, гордая луком.
Мать их дерзала равняться с румянолицитою Летою:

Лета двоих, говорила, а я многочисленных матерь!
Двое сии у гордившейся матери всех погубили.
610 Девять дней валялися трупы; и не было мужа
Гробу предать их: в камень людей превратил громовержец.
Мертвых в десятый день погребли милосердые боги.
Плачем по ним истомяся, и мать вспомянула о пище.
Ныне та мать на скалах, на пустынных горах Сипилийских,
615 Где, повествуют, богини покоиться любят в пещерах,
Нимфы, которые часто у вод Ахелоевых пляшут,—
Там, от богов превращенная в камень, страдает Ниоба.
Так, божественный старец, и мы помыслим о пище.
Время тебе остается оплакать любезного сына,
620 В Трою привезши; там для тебя многослезен он будет».

Рек — и, стремительно встав, Ахиллес белорунную овцу
Сам закалат; друзья, обнажив и опрятав, как должно,
В мелкие части искусно дробят, прободают рожнами,
Ловко пекут на огне и готовые части снимают.
625 Хлеб между тем принесши, поставил на стол Автомедон
В пышных корзинах; но брашно делил Ахиллес благородный.
Оба к предложенным яствам питательным руки простерли.
И когда питием и пищей насытили сердце,
Долго Приам Дарданид удивлялся царю Ахиллесу,
630 Виду его и величеству: бога, казалось, он видит.
Царь Ахиллес удивлялся равно Дарданиду Приаму,
Смотря на образ почтенный и слушаая старцевы речи.
Оба они наслаждались, один на другого взирая;
Но наконец возгласил к Ахиллесу божественный старец:
635 «Дай мне теперь опочить, Зевесов любимец! позволь мне
Сном животворным хоть несколько в доме твоём насладиться.
Ибо еще ни на миг у меня не смыкались очи
С дня, как несчастный мой сын под твоими руками погибнул;
С одного дня лишь стенал и несчетные скорби терпел я,
640 Часто в оградах дворовых по сметищам смрадным валяясь.
Ныне лишь яствы вкусил и вина пурпурового ныне
Принял в гортань; но до этой поры ничего не вкушал я».

Так говорил; Ахиллес приказал и друзьям и рабьям
Стлать на крыльце две постели и снизу хорошие полсти
645 Бросить пурпурные, сверху ковры разостлать дорогие
И шерстяные плащи положить, чтобы старцам одеться.
Вышли рабыни из дому с пылающим свечком в дланях;
Скоро они, поспешившие, два уготовали ложа.

И Приаму шутя говорил Ахиллес благородный:
650 «Спи у меня на дворе, пришелец любезный, да в дом мой
Вдруг не придет кто-нибудь из данаев, которые часто
Вместе совет совещать в мою собираются кущу.
Если тебя здесь кто-либо в пору ночную увидит,
Верно, царя известит, предводителя воинств Атрида;
655 И тогда замедление в выкупе мертвого встретишь.
Слово еще, Дарданид; объяснися, скажи откровенно:
Сколько желаешь ты дней погребать знаменитого сына?
Столько я дней удержуся от битв, удержу и дружины».

Сыну Пелея отвечивал старец Приам боговидный:
660 «Ежели мне ты позволишь почтить погребением сына —
Сим для меня, Ахиллес, величайшую милость окажешь.
Мы, как ты знаешь, в стенах заключенные; лес издалека
Должно с гор добывать; а трояне повергнуты в ужас.
Девять бы дней мне желалось оплакивать Гектора в доме;
665 Гробу в десятый предать и пир похоронный устроить;
В первый-на-десять мертвому в память насыпать могилу;
Но в двенадцатый день ополчимся, когда неизбежно».

Старцу отвечивал вновь быстроногий Пелид благородный:
«Будет и то свершено, как желаешь ты, старец почтенный.
670 Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь».

Так произнес Ахиллес — и Приамову правую руку
Ласково сжал, чтобы сердце его совершенно покоить.
Так отпустил; и они на переднем крыльце опочили,
Вестник и царь, обращая в уме своем мудрые думы.
675 Но Ахиллес почивал в глубине крепкостворчатой кущи,
И при нем Брисеида, румяноланитая дева.

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий,
680 Думы в уме обращавшего, как Дарданида Приама
Вывести из стана, привратным незримого стражам священным.
Став над главою Приамовой, так возгласил Эриуний:
«Ты не радишь об опасности, старец, и так беззаботно
Спишь у враждебных мужей, пощаженный Пелеевым сыном!
685 Многие дал ты дары, чтобы выкупить мертвого сына;
Но за живого тебя троекратной ценою заплатят
Дети твои, у тебя остающиеся, если узнает
Царь Атрейон о тебе и ахейцы другие узнают».

Так провешал; ужаснулся Приам и глашатая поднял.
690 Гермес мгновенно запряг им и коней и месков яремных;
Сам через стан их быстро прогнал, и никто не увидел.
Но лишь достигнули путники брода реки светловодной,
Ксанфа пучинного, богом рожденного, Зевсом бессмертным,—
Там благодетельный Гермес обратно вознесся к Олимду.

695 В ризе златистой Заря простиралась над всею землею.
Древний Приам, и стелящий и плачущий, гнал к Иллиону
Коней, а мески везли мертвеца. И никто в Иллионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной.
700 Рано на замок восшел, издали в колеснице узнала
Образ отца своего и глашатая громкого Трои;
Тело узрела на месках, на смертном простертое ложе;
Подняла горестный плач и вопила по целому граду:
«Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора ныне,
705 Вы, что живого, из битв приходившего, прежде встречали
С радостью: радостью светлой и граду он был и народу!»

Так вопияла; и вдруг ни жены не осталось, ни мужа
В Трое великой; грусть несказанная всех поразила,—
Все пред вратами столпились в встречу везомого тела.
710 Всех впереди молодая супруга и нежная мать
Плакали, рвали власы и, на труп истушенно бросаясь,
С воплем главу обнимали; столпившиеся плакали стоя.
Верно, и целый бы день до заката блестящего солнца,
Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за вратами,
715 Если бы старец Приам не воззвал с колесницы к народу:
«Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
Плачем вы все насыщайтесь, как мертвого в дом привезу я!»

Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.
К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
720 Тело они положили; певцов, начинателей плача,
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели; а жены им вторили стоном.
Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:
725 «Рано ты гибнешь, супруг мой цветущий, рано вдовою
В доме меня покидаешь! А сын, бессловесный младенец,
Сын, которому жизнь, злополучные, мы даровали!
Он не достигнет юности! Прежде во прах с оснований

Троя рассыплется: пал ты, хранитель ее неусыпный,
730 Ты, боронитель и града, защитник и жен и младенцев!
Скоро в неволю они на судах повлекутся глубоких;
С ними и я неизбежно; и ты, мое бедное чадо,
Вместе со мною; и там, пзнуряясь в работах позорных,
Будешь служить властелину суровому; или данаец
735 За руку схватит тебя и с башни ударит о землю,
Мстящий за трату плачевную брата, отца или сына,
Гектором в битвах сраженного: много могучих данаев,
Много под Гектора дланью глодало кровавую землю.
Грозен великий отец твой бывал на погibelных сечах;
740 Плачут о нем до последнего все обитатели Трои.
Плач, несказанную горесть нанес ты родителям бедным,
Гектор! Но мне ты оставил стократ жесточайшие скорби!
С смертного ложа, увы! не простер ты руки мне любезной;
Слова не молвил заветного, слова, которое б вечно
745 Я помпнала и ночи и дни, обливаясь слезами!»

Так говорила, рыдая; и с нею стенали троянки.
Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
«Гектор, из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
750 Был у меня и живой ты богам всемогущим любезен;
Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся!
Прочих сынов у меня Ахиллес, быстроногий ристатель,
Конх живых полонил, за моря пустынные продал,
В Пимброс, в далекий Самос и в туманный, беспристанный
Лемнос;
Но, тебя одолев и оружием душу исторгнув,
755 Как он ни долго влачил вокруг могилы Патрокла любимца,
Коего ты одолел,— по его, мертвеца, он не поднял!
Ты ж у меня, как росой омытый, покоишься в доме,
Свежий, подобно как смертный, которого Феб серебрушкой
Легкой стрелою своей, налетевший незапно, сражает».

Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.
Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
«Гектор! деверь почтеннейший, сродник, любезнейший сердцу!
760 Ибо уже мне супруг Александр знаменитый, привезший
В Троию меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
765 Ныне двадцатый год круговратных времен протекает
С оной поры, как пришла в Илион я, отечество бросив;
Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова.

Даже, когда и другой кто меня укорял из домашних,
Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая,
770 Или свекровь (а свекор всегда, как отец, мне приветен),
Ты вразумлял их советом и каждого делал добрее
Кроткой твоею душой и твоим убеждением кротким.
Вот почему о тебе и себе я, несчастнейшей, плачу!
Нет для меня, ни единого нет в Иллионе обширном
775 Друга или утешителя: всем я равно ненавистна!»

Так вопияла она, — и стонал весь народ неисчетный.
Старец Приам наконец обращает слово к народу:
«Ныне, трояне, свозите вы лес в Илион; не страшитесь
Войска ахейского тайных засад: Ахиллес знаменитый
780 Сам обещал, отпуская меня от судов мирмидонских,
Нас не тревожить, доколе двенадцатый день не свершится».

Так говорил, — и они лошаков и волов подъяремных
Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались.
Девять дней они в Троию множество леса возили;
785 В день же десятый, лишь, свет разливая, Денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубам великого Гектора начал народ собираться.
790 И, лишь собралися все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
795 Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,
800 Смотри, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собралися вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

ПЕРЕВОД В. ЖУКОВСКОГО

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
5 Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
10 Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
15 Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращенем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не пзбег от тревог), пренсполнились жалостью боги
20 Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
25 Пышную тучных быков и баранов прпнять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.

С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов
30 Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»
35 Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида
Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?
Гибель он верную ведал; от нас был к нему острококий
Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство
Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.
40 «Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он
В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет», так было
Сказано Эрмием — тщетно! не тронул Эгистова сердца
Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».
Тут светлокая Зевсова дочь Афинейя Паллада
45 Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,
Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет
Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом
50 Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря
Все глубины и который один подпирает громаду
Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, ллющего слезы,
55 Держит, волшебством коварно-ласкательных слов об Итаке
Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,
Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье
В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами
60 Читл он в троянской земле, посреди кораблей там ахейских
Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?»
Ей возражая, ответствовал гуч собиратель Кронпюн:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,
65 Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным
Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?
Нет! Посейдон обволнитель земли, с ним упорно враждует,
Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный
Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,
70 Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,

Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком
Гроге. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея
Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,
Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,
75 Как бы отчизну ему возратить. Посейдон отказаться
Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афиня Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронпон, верховный владыка!
80 Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
85 В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважность сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахеян и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
90 Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,
95 Амброзияльные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельных легкимносящие ветром;
После взяла боевое копьё, заощренное медью,
Твердое, тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
100 Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,
Стала она с медноострым копьём, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
105 В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой омывши столы, их сдвигали и, разного мяса
110 Много нарезав, его разносили. Богиню Афины
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратятся в отчизну,

115 Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
Власть воспримет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афиону;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом;
приближась,
Взял он за правую руку пришельца, копьё его принял,
120 Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищею».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афинейя Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
125 Прямо с копьём подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афиону,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
130 Тканью; для ног же была там скамейка; потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
135 Полный студеной воды золотой рукомоёйник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняя их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
140 Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
145 Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетствован голод их лакомою пищею, вошло им
В сердце иное — желание сладкого пенья и пляски:
Пиру они украшеньё; и звонкую цитру глашатай
150 Фемью подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоюкой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слышали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
155 Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;

Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
160 Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится,— ему уж возврата не будет.
165 Ты же теперь мне скажи, ницего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
170 Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев сбиралось много
В нашем доме: с людьми обхожденье любил мой родитель».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
175 «Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхила
Мудрого сын, именуяся Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
180 Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
185 Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачася
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
190 Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
195 Хищников диких, насильственно им овладевших. Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги
В сердце вложили, чему неминуемо сбывться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.

2.00 Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
205 С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Троию, куда из ахейя
Лучшие с ним в кругобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде
не встречались».

210 «Добрый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
215 Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».

220 «Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собранье? Даешь ли
Праздник иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь,
конечно.

Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
225 Быть устыдится, позорное их поведение вида».

«Добрый мой гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
230 Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
235 Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином

240 Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
245 Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни
от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
250 Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копьа медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
255 Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле безстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощреные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
260 Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но — того мы, конечно, не ведаем — в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
265 В этом жилище иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахейя, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
270 После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
275 Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами, отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
280 Пилюс сперва посетив, ты узнай, что божественный Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:

Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахеян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,
Жди его год, терпеливо снося притеснения; когда же
285 Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужество.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
290 Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какую божественный отрок Орест перед целым
295 Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
Должен быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
300 К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я». —
«Милый мой гость, — отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
305 Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь прохладной
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили».
310 Дочь светлокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
315 С сими словами Зевесова дочь светлокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живет
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
320 Тут к женихам он, божественный муж, подошел; перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,

325 Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икарья дочь многоумная: вместе сошли с ней
Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
330 Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
335 Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
340 Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
Столь преисполнившем славою своей и Элладу и Аргос». —
«Милая мать, — возразил рассудительный сын Одиссеев, —
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
345 В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь — с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
350 Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
355 Были своей: говорить же не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
360 Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопею ложе разделит.
К ним обратясь, сказал рассудительный сын Одиссеев:
365 «Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станем спокойно теперь веселиться: прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу,
который,

Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
370 Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощеньях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы,— сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
375 Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вамп».
Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:
380 «Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рождению и право!»
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
385 «Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
390 Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».
395 Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
«О Телемах, мы не знаем — то в лоне бессмертных сокрыто,—
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
400 Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
405 Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть
немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно».
«Друг Евримах,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—

410 День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадалелей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
415 Сын Анхнала, царя многоумного, правит народом
Веслолюбивых тафийцев». Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те ж, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
420 Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный
Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
425 Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
Шла Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она — заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
430 Ложа коснуться ее, опасаясь ревности женской.
Факел неся, Еврикля вела Телемаха — за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
435 В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
В складки сложив и угладив, на гвоздь Еврикля сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
440 Он же всю ночь на постеле, покрытой овчиною мягкой,
В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покпнул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
5 После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.

Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых
ахейц;

Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,
10 С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился —
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего вида.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
15 Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьeverжец с царем Одиссеем
В конебилную Трою давно в корабле крутобоком
20 Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
Гроде, последний, похищенный им для вечерняя пища.
Три оставался старцу: один, Еврином, с женихами
Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
25 «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созревший?
30 Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».
35 Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратясь, ему он сказал: «Благородный
40 Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны,— это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав.
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.
45 Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;

Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
 Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,
 50 Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
 Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья;
им противно
 Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
 Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
 Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.
 55 Нет; им удобней, вседневню врываясь в дом наш толпою,
 наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
 Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
 Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
 Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
 60 Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
 Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
 Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
 Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
 Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть?
По крайней
 65 Мере, чужих устыдитесь людей и народов окружных,
 Нам сопредельных, богов устрашится мщенья, чтоб гневом
 Вас не постигли самих, негодюя на вашу неправду.
 Я ж к олимпийскому Зевсу зываю, зываю к Фемиде,
 Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше
 70 Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
 Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
 Чем оскорбил здесь умышленно меднообурых ахеян;
 Может быть, то оскорбленье на мне вы умышленно мстите,
 Грабить наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше
 75 Мы, чтоб и скот наш живой, и лежачий запас наш вы сами
 Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:
 Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
 Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
 Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем».

80 Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
 Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
 Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
 Дерзостным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
 Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
 85 «Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
 Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
 Нет обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
 Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.

Три совершилося года, уже наступил и четвертый
90 С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
95 Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи,— поелику на свете
Нет Одиссея,— отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
100 Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен
без покрова».

Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
105 Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращением времен приведен был четвертый —
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распушенной тканью;
110 Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелел ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
115 Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене
120 Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду изобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
125 В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратится, но ты истребление богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа.
«О Антиной,— отвечал рассудительный сын Одиссея,—
130 Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться

Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, — не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю, — тогда я подвергнусь и гневу отца, и гоненью
135 Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, назовет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюсь вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
140 Трата на них и черед наблюдая в своих угощениях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, — сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
145 Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами». —
Так говорил Телемах. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распутивши огромные крылья;
150 Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрерывными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шею,
Вправо умчались они, пролетев над собраньем и градом.
155 Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
160 Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
165 Где-нибудь близко тантся, и смерть и погибель готовя
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирлись; то ныне всего бы полезней
170 Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбилось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахеицы
В Троию и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих

Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,
175 Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне».
Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибев: «Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
180 Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.
В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
185 Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако,— и то, что услышишь, исполнится верно,—
Если ты этого юношу с старым своим многознаемь
190 Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказание,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:
195 Матери пусть повелит он к Икарнию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахейян,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
200 Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседелый,
Всем докучаешь,— ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
205 Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас наконец предпочтен, мы к другим обратимся
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«О Евримах и вы все, женихи знаменитые, боле
210 Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобъкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
215 Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье

Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.

Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду

Ждать его год, терпеливо снося притеснения; когда же

220 Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,

То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,

В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно

Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужество».

Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный

225 Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор.

Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным

Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный

Мыслей благих, обратяся к согражданам, так им сказал он:

«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;

230 Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый

Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,

Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,

Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим

Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный.

235 Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких

В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.

Сами своею играют они головой, разоряя

Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.

Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,

240 Вы равнодушно сидите и слова не скажете против

Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое».

Сын Евеноров тогда, Леокрит, негодую, воскликнул:

«Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор?

Смирить нас

Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых

245 Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно

Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой

Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,

Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну

Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость:

250 Злая гибель его бы постигла, когда бы нас многих

Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты.

Вы ж разоидитесь, люди, и каждый займися домашним

Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею

Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха;

255 Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, собирая

Вести; пути же ему своего совершить не удастся».

Так он сказав, распустил самовольно собрание народа.

Все, удаляясь, по своим разошлись домам; женихи же

В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились.
260 Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине:
«Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море
Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли
Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня,
265 Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют;
Паче ж других женихи многосильные, полные злобы».
Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока,
Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина.
Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
270 «Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Всё твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
275 Нет, чтоб успешно ты мог совершить предприятие дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частью хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
280 Есть для тебя, что успешно свершишь предприятие дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют — оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
285 Ты же свое предпринять путешествие можешь немедленно;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
290 Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
295 В путь изготовлен, и спустим его на священное море».
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедленно покинул.
В дом возвратися с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
300 Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной п, насильно

За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
«Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
305 Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль, и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
310 «Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными, вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
315 Все я узнал и когда уж во мне пробудилась бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду — и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
320 Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, пзобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
325 «Нас Телемах погубить не на шутку замыслил; быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса, многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
330 Здесь отравить им кратеры и разом нас всех уничтожить».
«Но,— отвечали другие насмешливо первым,— кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
335 Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами».
Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
340 Кувфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубокоом, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую

345 Входом служили; почтенная ключница денно и ночью
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.
В ту кладовую позвав Евриклею, сказал Телемах ей:
350 «Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною
355 Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сие помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать,
360 Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье».
Кончил. Ему Евриклея, усердная няня, заплакав,
С громким рыданьем крылатое бросила слово: «Зачем ты,
Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям
Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься
365 Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель
Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко;
Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно
устроят
Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят.
Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды
370 В страшное море тебе на беды и на бури пускаться».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился
В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль
двенадцать,
375 Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто
Тайны не скажет,— боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла
Свежесть лица». Евриклея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши,
380 Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою.
Он же, домой возвратившись, там с женихами остался.
Умная мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
Вид Телемаха принявши, она обежала весь город;
К каждому встречному ласково речь обращая, собраться
385 Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.

После, пришед к Ноемону, разумного Фрония сыну,
Дать ей просила корабль — Ноемон согласился охотно.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы,
390 Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом
Выходе в море из бухты его поместила богиня.
Люди сошлись, и в каждом она возбудила отважность.
Новая мысль родилась тут в сердце Паллады Афины:
В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня
395 Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила
Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью
Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго
Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды.
Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала,
400 Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой,
Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемах, нам;
Все собрались уж светлообутые спутники наши;
Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем;
Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой».
405 Кончив, Паллада Афиня пошла впереди Телемаха
Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней.
К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там
Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега.
К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
410 «Братья, принести поспешим путевые запасы; они уж
Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
415 Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
420 Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
425 В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;

Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
430 Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб снять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града
5 Пышного, Пплоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
10 Бедра в то время, как в пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратясь, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
15 Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
20 Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим». «Но,— отвечал рассудительный сын Одиссеев богине,—
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Минтор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать
старших?»
25 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан». Коячив, богиня Афина пошла впереди Телемаха
30 Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно

К месту подходят они, где пилийцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, суетились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, проноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
35 Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат
благородный,

Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.
40 Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:
«Странник, ты должен призвать Посейдона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши
45 Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
50 Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю».
Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посейдона владыку:
55 «Царь Посейдон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу;
60 Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком».
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двурусный кубок она подала Телемаху;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.
65 Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренейский:
«Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
70 Кто вы, понеже уж пищу вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной
дорогой?»

Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
75 С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободрила
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также чтоб в людях о нем утвердилася добрая слава):
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахейн,
80 Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейюна лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным, за собственным
делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым
85 Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронийон
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
90 Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своим
Видел глазами иль что от какого услышал случайно
95 Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
100 В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне».
Так Телемаху отвечал Нестор, герой геренейский:
«Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,
105 Частью, когда в кораблях, предводимые бодрим Пелидом,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда перед крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
110 Мудростью равный бессмертным Патрокл, и лежит там
мой мплый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало

Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
115 Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог беспрестанно
Вести собирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.
Девять трудились лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости,— кончить насилу решился Кронион.
120 В умных советах никто там не мог на ряду быть поставлен
С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;
С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
125 Юноше можно так много с ним сходствовать умною речью?
Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.
130 Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратились, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.
Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
135 Многих, разгневавших дочь светлоокою страшного бога.
Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:
Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно
Собрали их не в обычное время, когда уж садилось
Солнце; ахейцы сошлись, вином охмеленные; те же
140 Стали один за другим объяснять им причину собрания:
Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он
Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,
145 Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,
Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:
Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.
Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба
Брата стояли; собрание светлообутых ахейя
150 Воплем наполнилось яростным, на два разрознившись
мненья.

Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга
Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказание.
Утром одни на прекрасное море опять кораблями
(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.

155 Но половина другая ахеян осталась на бреге
Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.
Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали
Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.
Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву бессмертным,
160 Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустяк кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
165 Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
170 Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псипру
Править, ее оставляя по левую руку, плъ ниже
Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой середине,
175 Шли мы к Эвбее для скорого близкой беды избежанья;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.
180 День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и донныне
185 Сведать еще я не мог, кто погиб из ахеян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы, домой возвратились;
190 Жив, говорят, Флоктет, сын Пеанов возлюбленный; здраво
Идоменей (никого из спутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
195 Как и Эгист наконец по заслуге принял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отместить, как Орест, поразивший Эгиста, которым

Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно созревший,
200 Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили». Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахеян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.
205 О, когда б и меня одарили такую же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу — и удел мой отныне терпенье».
210 Так Телемаху отвечал Нестор, герой геренейский:
«Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоём женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
215 Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратясь, погубит, один ли, созвав ли ахеян...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
220 В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты бы присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала».
225 Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
230 «Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращенья увидеть, чем, бедствий избегнув
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом, как великий
235 Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет».
Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
240 «Ментор, не станем о том говорить мы, хотя и крушит нам

Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору — правдой и мудростью всех он людей превосходит:
245 Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен —
Сын Нелеев, скажи, ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство
250 Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить с сильнейшим?
Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он
Был и врага своего тем отважил на злое убийство?»
«Друг,— Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
255 Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты; но если б
В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь
В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести
260 В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены
Наши его б не оплакали — страшное дело свершил он.
Тою порою, как бился мы на полях илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.
265 Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;
Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,
В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;
Но, как скоро судьбина ее предала преступленью,
270 Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров бесплодный,
Где и оставлен; и хищные птицы его растерзали.
Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;
Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,
Множество вкладов, и златом и тканями, храмы убогнул,
275 Дерзкое дело такое с неожиданным окончив успехом.
Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,
Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.
Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;
Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо
280 Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим
Судном, кормило держал многоольтной твердой рукою
Фронтис, Онеторов сын, наиболее из всех земнородных
Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.

Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге
285 Честь погребения другу воздать с торжеством надлежащим;
Но когда на своих кораблях крутобоких опять он
В темное море пошел и высокого мыса Малеп
Быстро достиг — повсеместно гремящий Кронпон, замыслив
Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,
290 Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.
Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,
Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдана.
Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,
В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
295 Там, где великие волны на западный берег у Феста
Пот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслись от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
300 Ветер могучий и волны ко брегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровища и золота много,
Странствовал между народов много языка, и в то же
Время Эгипт совершил незаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, — народ покорился безмолвно.
305 Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на восьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богopodobный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многочисленный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье
310 Он и преступнице матери вместе с Эгиптом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
Дом и последнее отца благородного бросив на жертву
315 Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
320 К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, — столь страшно великой пучины пространство.
Ты же поедешь отсюда или морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землю: коней с колесницейй
325 Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый

Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
330 К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
«Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Кушно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
335 День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам».
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для мытия рук им служители подали воду;
Отроки светлым кратеры до края наполнив напитком,
340 В чапах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к нощлегу на свой быстроходный корабль собираться.
345 Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для нощлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
350 Нет, чтоб и сам я, и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
355 Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам, угощать дружелюбно?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.
Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею
360 Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из спутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
365 Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши

370 Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных». Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась, Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился, Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.

375 За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он: «Друг, ты, конечно, и сердцем не робок, и силою крепок, Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги. Здесь из бессмертных, живущих в обителех светлых Олимпа, Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена, Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.

380 Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной; Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым.

385 Так говорил он, молясь; и Палладою был он услышан. Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский; С Нестором в царский богато украшенный дом и другие Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.

390 Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю. Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие

395 Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно, Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя. Гостю желая спокойствия, Нестор, герой геренейский, Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея, В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;

400 Лег близ него Писистрат, копьeverжец, мужей предводитель, Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом. Сам же, во внутренний царского дома покою удаляся, Лег на постели, перестланной мягко царницею, Нестор. Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;

405 С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский, Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых, Ярko снявших, как будто помазанных маслом, на них же Прежде Нелей восседал, многоумнем богу подобный; Но уж давно уведен был судьбой в обитель Анда.

410 Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиптроносный Пестун ахеян. К нему сыновья собралися, из спален

Вышел: Ехефрон, Персей, Стратин, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,
415 Младший из братьев пришел, Писпстрат благородный. И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой геренейский:
«Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афины,
420 Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
425 Третьим пусть будет немедленно златоискусник Лаэрокс
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставяйтесь при мне, повелевши рабыням
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».
430 Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,
С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный дляковки металлов принесяи снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
435 Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога оп телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратин и Ехефрон;
440 Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовися жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
445 Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали. Несторов сын, Фрасимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил и, в шею глубоко вонзенный,
450 Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царевы, и с ними царьца,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Евридика.
Те же телицу, припавшую к лону земли путеносной,
455 Поднял — разом зарезал ее Писпстрат благородный.
После, когда истощилася черная кровь и не стало

Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедрa и сверху их (дважды обвинивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
460 Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедрa сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
465 Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла, и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
470 Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды золотые; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:
475 «Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедля
Должно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться».
То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
480 Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.
Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчались быстрые кони
485 Полею, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчались кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Ортилоха, Алфеом
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
490 Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
495 Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув, они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

- В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
 К дому царя Менелая Атрида они обратились.
 Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
 Сына и дочери милых праздно в царском жилище.
- 5 К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
 Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор заключивши
 Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
 Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
 В град мирмидонский, где царствовал светлый жених,
снарядил он.
- 10 В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,
 Крепкого силой, прижитого им с молодой рабыней
 В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели
 Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилась
 Дочь Гермiona, подобная дивной красой Афродите.
- 15 Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,
 Сродники все и друзья Менелая, великого славой,
 Полны веселия были; на лире певец вдохновенный
 Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая
 С звонкою лирой прыжки, среди их проворно скакали.
- 20 Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,
 К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы
 Вышли; им встретился прежде других Этеон многочисленный,
 Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
 С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;
- 25 Ближко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
 «Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя
 Прибыли, два иноземца, конечно, из племени Дия.
 Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
 Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?»
- 30 С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:
 «Ты, Этеон, сын Воэфов, еще никогда малоумен
 Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;
 Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
 Мы напоследок поконимся дома, и Дий да положит
 35 Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
 Странников к нам пригласить на семейственный пир наш
обоих».
- Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
 Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.

Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финкиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
85 В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы рождаются,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господни и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
90 Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвидено, хитрым предательством женским.
С тех пор и все уж мой мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж конечно, отцы вам
95 Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
Дама, столь светлого прежде, столь славного многим богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б
Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.
100 Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сижу одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
105 Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахейн столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталось часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
110 Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома».
Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
115 Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами выведать все от него понемногу?
120 Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копыем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Аддреста;

Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
125 Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алькандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
130 Два треножных сосуда и золотом десять талантов;
Также царице Елене супруга его подарила
Прялку золотую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
135 Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
«Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
140 Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
Я же скажу — справедливо ли, нет ли, не знаю, — но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея
145 Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью».
Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Что ты, жена, говоришь, то и я найду справедливым.
150 Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
155 В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся».
Тут Писистрат благородный сказал Менелая Атриду:
«Царь многочисленный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
160 Вас посетивши впервые, себя выставлять в разговоре
Смелом с тобою, пленяющим всех нас божественной речью.
Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
165 Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж

Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься». Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому: «Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга, 170 Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой. Я ж самого Одиссея отличнее прочих ахеян Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях быстроходных Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кроннион; Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища; 175 Взял бы его самого пз Итаки с богатствами, с сыном, С целым народом; и область для них бы очистил, моими Близко людьми населенную, мой признающую скипетр; Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого 180 Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти. Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат возжеланный». Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил; Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала; 185 Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился; Плача не мог удержать и молодой Писистрат: он о брате Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном. Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово: 190 «Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных. Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем. Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я Слез за вечерней трапезою — скоро подымется Эос, 195 В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной; Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть: Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле. Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян 200 Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен, Слышали мы, он и легкостью ног, и отважностью в битвах». Царь Менелай златовласый отвечал так Писистрату: «Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный 205 Муж и годами старейший тебя говорить так способен. Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный Сын; без труда познается порода мужей, для которых Счастье и в браке и в племени их уготовал Кроннион; Так постоянно и Нестору он золотые свивает

210 Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копыями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умывтия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Теламахом
215 Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне».
Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благой Елене:
220 В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
225 Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
230 Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
235 «Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, все Дню возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
240 Вам расскажу — хоть всего рассказать и припомнить нельзя
мне, —
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец предпринял и исполнил
В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
245 Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник, вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахейян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
250 Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я — он хитро от них уклонился;

Но когда, и омывши его, и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой:
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
255 Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобюким,
Все мне о замысле хитром ахейн тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
260 Сердце веселне было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, вишой Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою».
265 Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
270 Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предпринял и исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
К нам ты тогда подошла — по внушению злomu, конечно,
275 Демона, дать замышлявшего славу враждебным троянам,—
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсюду оцупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргиев,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
280 Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
285 В чреве коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».
290 Тут Менелаяу сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко

295 В сон погружившись, на них успокоить усталые члены». Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати, Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.

300 Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай; В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный. Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,

305 Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной. Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос; Ложе покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженье; Платье надев, изошренный свой меч на плечо он повесил; После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

310 Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный. Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он: «Что побудило тебя по хребту беспредельного моря В царственный град Лакедемон прибыть, Телемах
благородный?

Нужда какая? Своя пль народная? Правду скажи мне».

315 Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю: «Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов, Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея. Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли, Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих

320 Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных; Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают. Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими Видел глазами пль что от какого случайно услышал

325 Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе. Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая, Все расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец. Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный, Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою

330 В Трое он был, где столь много вы бед претерпели, ахейцы, Вспомни об этом теперь и поистине все расскажи мне». С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый: «О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе, Сам беспильные, мыслят они захватить произвольно!

335 Если бы в темном лесу у великого льва в логовище Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же

Стала б по горвым лесам, по глубоким, травую обильным
 Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
 Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
 340 Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
 Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
 В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
 Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
 Он опрокинул врага на великую радость ахейцам,—
 345 Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
 Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
 То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
 Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
 Что самому возвестил мне морской пронизательный старец,
 350 То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
 Всё еще боги в отечество милое мне из Египта
 Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
 Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
 На море шумно-широком находится остров, лежащий
 355 Против Египта; его именуют там жители Фарос;
 Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
 В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
 Пристань находится верная там, из которой больше
 В море выходят суда, запасенные темной водою.
 360 Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
 С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
 Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
 Мы уж истратили все путевые запасы и люди
 Бодрость теряли, как, сжалась над нами, спасла нас богиня,
 365 Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
 Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись со мною,
 Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
 Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
 Стросогбенными крючьями удили — голод терзал их.
 370 С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
 «Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли
 робок?
 Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
 Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
 Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?»
 375 Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
 «Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
 Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
 Чем оскорбленье богам, беспредельного неба владыкам.

Ты же скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
380 Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так спросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Здесь пребывает издавна морской пронизательный старец,
385 Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря
Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилася.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
390 Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям бесприютно-
пустынным».

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
395 «Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога».

Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
400 Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
В веянье ветра, с великим волнением темная влага,
Вод глубину покидает морской пронизательный старец;
Вышел из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюленей хвостоногце, дети младой Аლოსинды,
405 Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.
410 Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
415 Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться — из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим;
Вы ж, не робая, тем крепче его, тем сильнее держите.
420 Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,

Снова принявши тот образ, в каком он заснул,— вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?»
425 Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшим, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила.
430 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
435 Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожы тюленей из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
440 В ямы укладши и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, наштавшихся горечью влаги соленой,—
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Эйдофея беде помогла и страдание наше
445 Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод наконец тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглись.
450 В полдень же с моря поднялся и старец. Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
455 Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
460 Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне наконец обратился с вопросом:
«Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?»

Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
465 «Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?), что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (все ведать должны вы, могучие боги),
470 Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Должен бы Зевсу владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускаясь в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
475 Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
480 Иначе боги увидеть отчизну тебе не дозволят».
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
485 «Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
490 Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?»
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
495 Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сраженье, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
500 Сын Оилеев Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве пзречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвально, что против богов избежит потопления.
505 Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,

Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
510 С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко берегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Мален
515 Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фiest обитал и где после
Царское было жилище Фiestова сына, Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
520 Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издаലെка с подозрнoй стоянки увидел Атрида
525 Сторож, Эгистом поставленный (злое замысля, ему он
Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратяся внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
530 Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
535 Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли».
Так он сказал, и во мне растерзалoся милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
540 Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской пронпцательный старец:
«Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
545 Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью».
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.

550 Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
«Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я».
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
555 «Это Лаэртос божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
560 Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
565 (Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса».
570 Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
575 Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развев паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
580 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
585 Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам бог; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней или двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
590 Трех быстроногих коней с колесницей блестящей и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье».

«Царь Менелай,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;
595 Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но спутники в Пилосе ждут с нетерпением
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
600 Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешением себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.
605 Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих».
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
610 Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
«Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
615 Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
620 Так говорили о многом они, беседуя сладко.
В доме царя собралися тем временем званые гости,
Коз и овец приведя и вина дорогого принесяши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.
625 Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Евримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
630 Фронсев сын Ноемон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
«Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль — самому мне он надобен ныне:
635 Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать

Там у меня кобылиц и табун лошаков работающих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».
Так он сказал; женихи изумились; войти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
640 Все, что ушел он иль в поле к стадам, иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноемона:
«Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?»
645 Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?»
Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
«Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
650 Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж — ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
655 Ибо я был изумлен несказанно — божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль он
с другими».

Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.
660 К ним обратясь, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом, — и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злобой, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:
665 Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни
Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
670 В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плаванье вслед за отцом для него самого обратилось».
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссеев.
675 Но Пенелопа недолго в незнание осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко

Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побегал к Пенелопе.
680 Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
685 Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случилось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
690 Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбленья никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
695 Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно».
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
«О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой — да успеха не даст им Зевес громовержец!
700 Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный град
Лакедемон».
Так он сказал: задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
705 Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она наконец, отвечая, сказала:
«Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
710 Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?»
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
«Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он».
715 Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.
Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданьем к ней собрались рабыни,

720 Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
«Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
725 Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не свела прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
730 Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталася мертвою в этом жилище.
735 Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедленно
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
740 С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына».
Тут Евриклея, усердная няня, сказала царице:
«Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь иль помилуешь, я ничего не сокрою.
745 Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
750 Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойдй и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящая смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
755 Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркеснада; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке».
Так Евриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
760 Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнич ячменем, она возгласила к Афине:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,

Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,
765 Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив».
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
770 «Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну».
Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
775 «Буйные люди, советую вам от таких неразумных
Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить их
не вздумал.
Лучше, отсель удаляясь в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своим положили».
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на бреге песчаном.
780 Сдвинув с песчаного берега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,
785 Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный
790 Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел к ее улепеля, и все в ней утихло.
795 Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икарня, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Евмел, сочелся.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
800 Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался к, став над ее головою, промолвил:
«Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?»

805 Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
810 Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
«Друг мой, сестра, как пришла ты сюда? Ты доныне так редко
Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объявшее дух мой и сердце мое, позабывши?
815 Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не выдавший, с людьми говорить не обыкший.
Боле о нем я крушуся теперь, чем о бедном супруге;
820 Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой не случилось
На море злом пль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну».
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
825 «Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно тревожась.
Спутница есть у него, и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя — для нее все возможно, —
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалел,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня».
830 Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сиянье солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
835 Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
«Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно».
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провевя
Воздухом легким, пропал. Пробудясь от сна, Пенелопа
840 Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров
845 Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там приятная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
 На небо вышла спать для блаженных богов и для смертных.
 Боги тогда собрались на великий совет; председал им
 В тучах гремящий Зевес, всемогущею властью первый.
 5 Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
 В сердце тревожася долгой неволей его у Калипсо:
 «Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
 Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
 Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши,
 10 Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело,—
 Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
 Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодущный;
 Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
 В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
 15 Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
 Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
 Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
 Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
 В море внезапно напав на него: о родителе сведать
 20 Поплыл он в Пплос божественный, в царственный град
 Лакедемон».

Ей возражая, ответствовал туч собиратель Кронион:
 «Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
 Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
 Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж
 25 Ты проводи осторожно сама — то, конечно, ты можешь;
 Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится;
 Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку».
 Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
 «Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
 30 Ныне лети объявить от богов, что отпизну увидеть
 Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
 Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;
 Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
 В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
 35 Где обитают родные богам феакнийцы; и будет
 Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
 В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
 Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
 Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи

40 Он не привез бы, когда б беспрепятственно мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,
Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
45 К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
50 В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
Скоро, достигнув Пнерни, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватаящим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
55 Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю подыавшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
60 Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ее окружали
Тополи, олхн и сладкий люющие дух кипарисы;
65 В лиственных сених гнездились там длиннокрылые птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
70 Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог — изумился б и радость в его бы проникнула сердце.
75 Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого

взгляда

Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
80 Даже когда б и великое их различало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;

Он одиноко сидел на утесистом берегу и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
85 Эрмий, посетитель жезла золотого, почтенный и милый
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
«Эрмий, посетитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
90 Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощенье».
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амброзией нектар ему подала пурпуровой.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.
95 Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он отвечившим нимфе прекраснокудрявой:
«Знать от меня ты — от бога богиня — желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я,—
100 Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам гекатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
105 Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отпльвших
в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афины:
Бури послала на них и великие волны богиня.
110 Он же, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, куда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
115 Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел».
Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
120 Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали до тех пор, пока златотронный он Артемиды

Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.
125 Так Яснон был прекраснокудрявой Деметрою избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
130 Ныне и я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул — корабль же его быстроходный был пламенным
громом

Зевса разбит среди беспредельно-пустынного моря:
Так он, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
135 Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье, и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он — когда уж того так упорно желает Кроннон —
140 Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться».
145 Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
«Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты
Ни, богов раздражив, на себя навлечешь наказание».
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
150 Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
155 В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, в плачем, и вздохами душу питая и очн,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
160 «Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Брусках, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
165 Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно

Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам,—
170 Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться не можно».
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
175 Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне».
180 Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
«Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небом великим,
185 Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;
190 Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце».
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,
195 Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какую всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовоной амброзии подали с нектаром сладким.
200 Подняли руки они к приготовленной лакомой пище;
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец предприняв возвратиться,
205 Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! Но когда бы
Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.

210 Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь свиданья
С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?»
215 Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
«Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней,
ни стройным
Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
Всё я, однако, всечасно крушась и печалась, желаю
220 Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,
Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
225 Дню». Он кончил. Тем временем солнце зашло, и почная
Тьма наступила. Во внутренность грота он удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.
230 Светло-серебряной ризою из тонковоздушных ткани
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
235 Медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
240 Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
245 Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплтил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шпями;
250 Муж, в корабельном искусстве опытный, строит на прочном

Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
255 Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракитных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
260 Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши веревок),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
265 Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомою пищею.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напярк Одиссеей и, попутному ветру
270 Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Орпона свершающей вечно
275 Круг свой, себя никогда не куая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился он
в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
280 Горы тенистой земли феаклян, уже недалеко:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновение земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
285 Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
«Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феаклян, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
290 Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровал и бурю воздвиг, отовсюду прикликав

Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
295 Разом и Эвр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
300 «Горе мне! Что претерпеть наконец мне назначило небо!
С трепетом вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мне предсказав, что, пока не достигну отчизны, я в море
Встречу напасти великие: все исполняется ныне.
Страшными тучами вокруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг, отовсюду
305 Ветры противные скликав. Погибель моя наступила.
О, троекратно, стократно счастливы данаи, в пространной
Трое нашедшие смерть, угождая Атридам! И лучше б
Было, когда б я погиб и судьбу неизбежную встретил
В день тот, как множество медноокованных копий трояне
310 Бросили разом в меня над бездыханным телом Пеллида;
С честью б я был погребен, и была б от ахейя мне слава;
Ныне ж судьба мне бесславно-печальную смерть посылает...»
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над его головою; стремительно плот закружился;
315 Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши
Руль из руки; повалилася мачта, сломясь под тяжелым
Ветров противных, слетевшихся друг против друга, ударом;
В море далеко снесло и развившийся парус, и райну.
Долго его глубина поглощала, и спл не имел он
320 Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей избобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
325 Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны:
Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду иссохший, скатавшийся густо репейник,
330 По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борейю его перебрасывал Нот, то шумящий
Эвр, им играя, его предавал произволу Зефира.
Но Одиссея увидела Кадмова дочь Левкодея,
Некогда смертная дева, приветноречивая Ино,
335 После богиня, бессмертная честь восприимшая в море.

Стало ей жаль Одиссея, свирепого гонимого бурей.
С моря нырком легкокрылым она поднялася, взлетела
Легким полетом на твердо сколоченный плот и сказала:
«Бедный! За что Посейдон, колебатель земли, так ужасно
340 В сердце разгневан своим и с тобой так упорно враждует?
Вовсе, однако, тебя не погубит он, сколь бы ни тщился.
Сам на себя положишься теперь (ты, я вижу, разумен);
Скинувши эту одежду, свой плот уступи произволу
Ветров и, бросившись в волны, руками работая смело,
345 Вплавь до земли феакиян достигни: там встретишь спасенье.
Дам покрывало тебе чудотворное; им ты оденешь
Грудь, и тогда не страшися ни бед, ни в волнах потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и к земле прикоснешься рукою,
Сняв покрывало, немедля его в многоводное море
350 Брось от земли далеко и, глаза отведя, удалися».
Кончив, богиня ему подала с головы покрывало.
После, спорхнув на шумящее море, она улетела
Быстрокрылатым нырком, и ее глубина поглотила.
Начал тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
355 Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! Не новую ль хитрость замыслив, желает богиня
Гибель навлечь на меня, мне советуя плот мой оставить?
Нет, я того не исполню; не близок еще, я приметил,
Берег земли, где, сказала она, мне спасенье будет.
360 Ждать я намерен по тех пор, куда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
С бурей сражаясь, по тех пор с него не сойду я.
Но, как скоро волнение могучее плот мой разрушит,
Брошуся вплавь: я иного теперь не придумаю средства».
365 Тою порою, как он колебался рассудком и сердцем,
Поднял из бездны волну Посейдон, потрясающий землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно он грянул
Ею в него: как от быстрого вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдруг разорвавшись,
370 Так от волны разорвалися брусья. Один, Одиссеем
Пойманный, был им, как конь, убежавший на волю, оседлан.
Сняв на прощанье богиней Каллипсою данное платье,
Грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным.
Руки простерши и плыть изготоясь, потом он отважно
375 Кинулся в волны. Могучий земли колебатель при этом
Виде лазурнокудрявой тряхнул головой и воскликнул:
«По морю бурному плавай теперь на свободе, куда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примут;

Будет с тебя! Не останешься, думаю, мной недоволен».
380 Так он сказавши, погнал длинногривых коней и умчался
В Эгию, где обитал в светлозданных, высоких чертогах.
Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной Палладе:
Ветрам другим заградивши дорогу, она повелела
Им, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
385 Бурно свирепствовать: волны ж сама укрощала, чтоб в землю
Веслолюбивых, угодных богам феакиян достигнуть
Мог Одиссей благодородный, и смерти и Парк избежавши.
Так он два дня и две ночи носим был повсюду шумящим
Морем, и гибель не раз неизбежной казалась; когда же
390 С третьим явилася днем лучезарнокудрявая Эос,
Вдруг успокоилась буря, и на море все просветлело
В тихом безветрип. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро вперед, невдали пред собою увидел он землю.
Сколь несказанною радостью детям бывает спасенье
395 Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных,—
Столь Одиссеей был обрадован берега и леса явленьем.
Поплыл быстрее он, ступить торопяся на твердую землю.
400 Но, от нее на таком расстоянье, в каком человечий
Внятен нам голос, он шум бурунов меж скалами услышал;
Волны кипели и выли, свирепо на берег высокий
С моря бросаясь, и весь он был облит соленого пеной;
Не было пристани там, ни залива, ни мелкого места,
405 Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
В ужас пришел Одиссеей, задрожали колена и сердце;
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
«Горе! На что мне дозволил увидеть нежданную землю
Зевс? И зачем до нее, пересиливши море, достиг я?
410 К острову с моря, я вижу, везде невозможен мне доступ;
Острые рифы повсюду; кругом, расшибаясь, блещут
Волны, и гладкой стеной воздвигается берег высокий;
Море ж вблизи глубоко, и нет места, где было б возможно
Твердой ногой опереться, чтоб гибели верной избегнуть.
415 Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схвачен и брошен на камни зубчатые, тщетно истратив
Силы; а если кругом поплыву, чтоб узнать, не найдется ль
Где-нибудь берег отлогий иль пристань, страшуся, чтоб снова
Бурей морскою я не был похищен, чтоб рыбообильным
420 Морем меня, вопиющего жалобно, вдаль не умчалю
Или чтоб демон враждебный какого из чуд, Амфитритой

В море питаемых, мне на погибель не выслал из бездны:
Знаю, как злобствует против меня Посейдон земледержец».
Тою порой, как рассудком и сердцем он так колебался,
425 Быстрой волною помчало его на утесистый берег;
Тело б его изорвалось и кости б его сокрушились,
Если б он вовремя светлой богиней Афиной наставлен
Не был руками за ближний схватиться утес; и, к нему
прицепившись,
430 Ждал он, со стоном на камне вися, чтоб волна пробежала
Мимо; она пробежала, но вдруг, отразясь, на возврате
Сшибла с утеса его и отбросила в темное море.
Если полипа из ложа ветвистого силою вырвешь,
Множество крупинок камня к его прилепляется ножкам:
К резкому так прилепилась утесу доскутьями кожа
435 Рук Одиссеевых; вдруг поглощенный волною великой,
В бездне соленой, судьбе вопреки, неизбежно б погиб он,
Если б отважности в душу его не вложила Афина.
Вынырнув вбок из волны, устремившейся прыгнуть на камни,
Поплыл он в сторону, взором преследуя землю и тщася
440 Где-нибудь берег отлогий иль мелкое место приметить.
Вдруг он увидел себя перед устьем реки светловодной.
Самым удобным то место ему показалось: там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита.
К мощному богу реки он тогда обратился с молитвой:
445 «Кто бы ты ни был, могучий, к тебе, столь желанному, ныне
Я прибегаю, спасаясь от гроз Посейдонова моря.
Вечные боги всегда благосклонно внимают молитвам
Бедного странника, кто бы он ни был, когда он подобен
Мне, твой поток и колена объявшему, много великих
450 Бед претерпевшему; сжался, могучий, подай мне защиту».
Так он молился. И бог, укротив свой поток, успокоил
Волны и, на море тишь наведя, отворил Одиссею
Устье реки. Но под ним подкосились колена; повисли
Руки могучие: в море его изнурилося сердце;
455 Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал наконец бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; бесчувствие им овладело.
Но напоследок, когда возвратились и память и чувство,
С груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
460 Бросил его он в широкую, с морем слиянную реку.
Быстро помчалася ткань по теченью назад, и богиня
В руки ее приняла. Одиссей, от реки отошедши,
Скрылся в тростник, и на землю, ее лобызая, простерся.

Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:
465 «Горе мне! Что претерпеть я еще предназначен от неба!
Если на бреге потока бессонную ночь проведу я,
Утренний иней и хладный туман, от воды восходящий,
Вовсе меня, уж последних лишённого сил, уничтожат:
Воздух пронзительным холодом веет с реки перед утром.
470 Если же там, на пригорке, под кровом сенистого леса
В чаще кустов я засну, то, конечно, не буду проникнут
Хладом ночным, отдохну, и меня исцелит миротворный
Сон; но страшусь, не достаться б в добычу зверям плотоядным».
Так размышлял он; ему наконец показалось удобней
475 Выбрать последнее; в лес он пошел, от реки недалеко
Росший на холме открытом. Он там две сплетенные крепко
Выбрал оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; в сень их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно блестящий;
480 Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода: так густо
Были они сплетены. Одиссей, угнездившись под ними,
Лег, наперед для себя приготовив своими руками
Мягкое ложе из листьев опалых, которых такая
485 Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
В зимнюю бурю, как сильно б она ни шумела, там скрыться.
Груды увидя, обрадован был Одиссей несказанно.
Бросаясь в нее, он совсем закопался в слежавшихся листьях.
Как под золой головню неугасшую пахарь скрывает
490 В поле далеко от места жилого, чтоб пламени семя
В ней сохраниться могло безопасно от злого пожара,
Так Одиссей; под листьями зарывшись, грелся, и очн
Сладкой дремотой Афина смежила ему, чтоб скорее
В нем оживить изнуренные силы. И крепко заснул он.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так постоянный в бедах Одиссей отдыхал, погруженный
В сон и усталость. Афина же тою порой низлетела
В пышноустроенный город любезных богам феакии,
Живших издавна в широкополяннй земле Гиперейской,
5 В близком соседстве с циклопами, диким и буйным народом,
С ними всегда враждовавшим, могуществом их превышая;
Но напоследок божественный вождь Навсифой поселил их

В Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных.
Там он их город стенами обвел, им построил жилища,
10 Храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки.
Но уж давно уведен был судьбой он в обитель Аида.
Властвовал царь Алкиной, многоумцем богу подобный.
В дом Алкиной вступила богиня Афина Паллада;
Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
15 В тайную девичью спальню проникла она, где покойно,
Станом и видом богине подобясь младой, почивала
Дочь Алкиной, любезного Зевсу царя, Навсикая.
Подле порога дверей с двух сторон две служанки, Харитам
Юным подобные, спали, и накрепко заперты были
20 Светлые двери. К царевне воздушной стопою приближась,
Стала над самым ее изголовьем богиня Афина,
Образ принявшая девы младой, мореходца Диманта
Славного дочери, дружной с царевною, с ней однолетней.
В виде таком подошел к Навсикае, богиня сказала:
25 «Видно, тебя беззаботною мать родила, Навсикая!
Ты не печешься о светлых одеждах; а скоро наступит
Брачный твой день: ты должна и себе приготовить заранее
Платье, и тем, кто тебя поведет к жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаем;
30 Мать и отец веселятся, любяся нами. Проснись же,
Встань, Навсикая, и на реку мыть соберитесь все вы
Утром; сама я приду помогать вам, чтоб дело скорее
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею девою;
Много тебе женихов меж людьми знаменитого рода
35 В нашей земле, где сама знаменитою ты родилася.
Встань и явись немедля к отцу многославному с просьбой:
Дать колесницу и мулов тебе, чтоб могла ты удобно
Взять все повязки, покровы и разные платья, чтоб также
Ты не пешком, как другие, пошла; то тебе неприлично —
40 Путь к водоемам от стен городских утомительно долог».
Так ей сказав, светлоокая Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,
Где не подьмет метелей зима, где безоблачный воздух
45 Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут;
Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают.
Давши царевне совет свой, туда полетела Афина.
Эос тогда златотронная, встав, разбудила младую
Светлоубранную деву. И, сну своему удивляясь,
50 Тотчас она, чтоб родителей, мать и отца, о виденье

Чудном своем известить, к ним пошла в их покои. Царица
Близ очага там сидела в кругу приближенных служанок,
Нити пурпурные тонко суча; а в дверях отворенных
Встретился ей и отец: на совет он владык многоумных
55 Шел, приглашенный туда от знатнейших мужей феакийских.
С видом приветным к отцу подошед, Навсикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрых колесах
Дать мне, чтоб я, в ней уклав все богатые платья, которых
Много скопилось нечистых, отправилась на реку мыть их.
60 Должно, чтоб ты, заседа в высоком совете почетных
Наших вельмож, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспитал ты и вырастил в этом жилище;
Два уж женаты, другие три юноши в летах цветущих;
В платьях, мытьем освеженных, они посещать хороводы
65 Наши хотят. Но об этом одна я забочусь в семействе».
Так говорила она; о желанном же браке ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался он сам и сказал ей:
«Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
70 Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».
Кончив, рабам повеление дал он. Ему повинуюсь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели мулов и к дышлу, как следует, их привязали.
Взяв из хранильницы платья и в короб уклав их, царевна
75 Все поместила на быстроколесной, большой колеснице,
Мать же корзину со всякой едой, утоляющей голод,
Ей принесла; отпустила с ней полный вином благородным
Мех; не забыла и лакомства дать. В колесницу царевна
Стала, приняв от царицы фиал золотой с благовонным
80 Маслом, чтоб после купанья себя и рабынь натереть им.
Бич и блестящие вожжи взяла Навсикая и звучно
Мулов стегнула; затопав, они побежали проворной
Рысью, везя нелениво и груз и царевну. За нею
Следом пошли молодые подруги ее и служанки.
85 К устью реки многоводной достигли они напоследок.
Были устроены там водоемы: вода в них обильно
Светлой струею лилася, нечистое все омывая.
К месту прибыв, отвязали от дышла они утомленных
Мулов и их по зеленому берегу потока пустили
90 Сочно-медвяной травой питаться; потом с колесницы
Сняли все платья и в полные их водоемы ногами
Крепко втоптали, проворным усердием споря друг с другом.
Начали платья они полоскать и потом, дочиста их

Вымыв, по взморью на мелко-блестящем хряще, наносимом
95 На берег плоский морскою волною, их все разостлали.
Кончив, они искупались в реке и, натершись елеем,
Весело сели на мягкой траве у реки за обед свой,
Влажные платья оставив сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытив себя, и подруг, и служанок, царевна
100 Вызвала в мяч их играть, головные сложив покрывала;
Песню же стала сама белокурая петь Навсикая.
Так стрелочная, ловлей в горах, веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,
Смерть нанося кабанам и лесным легконогим оленям;
105 С нею, прекрасные дочери Зевса эгидодержавца,
Бегают нимфы полей — и любитесь ими Латона;
Всех превышает она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны они, распознать в ней богиню Олимпа.
Так красотою девичьей подруг затмевала царевна.
110 Стали они наконец собираться домой; в колесницу
Мулов опять заложили и в корб уклали одежды.
Тут светлоокая дева Паллада придумала средство,
Как пробудить Одиссея, чтоб, с ним повстречавшись, царевна
В город людей феакийских ему указала дорогу:
115 Бросила мяч Навсикая в подружек, но, в них не попавши,
Он, отраженный Афиною, в волны шумящие прынул;
Громко они закричали; их крик пробудил Одиссея.
Он поднялся и, колеблясь рассудком и сердцем, воскликнул:
«Горе! К какому народу зашел я? Быть может, здесь область
120 Диких, не знающих правды людей? Иль, может быть, встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных?
Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор кругоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют;
125 Или достиг наконец я жилища людей говорящих.
Встанем же; должно мне все самому испытать и разведать».
С сими словами из чащи кустов Одиссей осторожно
Выполз; потом жловатою рукою покрытых листьями
Свежих ветвей наломал, чтоб одеть обнаженное тело.
130 Вышел он — так, на горах обитающий, силою гордый,
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев; на быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый голодом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушцам заградам.
135 Так Одиссей вознамерился к девам прекраснокудрявым
Наг подойти, приневолен к тому непреклонной нуждою.

Был он ужасен, покрытый морскою засохшею тивой;
 В трепете все разбежались врозь по высокому берегу.
 Но Алкиноева дочь не покинула места. Афина
 140 Бодрость вселила ей в сердце и в нем уничтожила робость.
 Стала она перед ним; Одиссей же не знал, что приличней:
 Оба ль колена обнять у прекраспокудрявья девы?
 Или, в почтительном став отдаленье, молитъ умиленным
 Словом ее, чтоб одежду дала и приют указала?
 145 Так размышляя, нашел наконец он, что было приличней
 Словом молитъ умиленным, в почтительном став отдаленью
 (Тронув колена ее, он прогневал бы чистую деву).
 С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне:
 «Руки, богиня иль смертная дева, к тебе простираю.
 150 Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба,
 То с Артемидою только, великою дочерью Зевса,
 Можешь сходна быть лица красотой и станом высоким;
 Если ж одна ты из смертных, под властью судьбины
 живущих,
 То несказанно блаженны отец твой и мать, и блаженны
 155 Братья твои, с наслаждением видя, как ты перед ними
 В доме семейном столь мирно цветешь, иль свои восхищая
 Очи тобою, когда в хороводах ты весело пляшешь.
 Но из блаженных блаженнейшим будет тот смертный,
 который
 В дом свой тебя уведет, одаренную венком богатым.
 160 Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных
 Взоры мои не встречали донныне; смотрю с изумленьем.
 В Делосе только я — там, где алтарь Аполлонов воздвигнут, —
 Юную стройно-высокую пальму однажды заметил
 (В храм же зашел, окруженный толпою сопутников верных,
 165 Я по пути, на котором столь много мне встретилось бедствий).
 Юную пальму заметив, я в сердце своем изумлен был
 Долго: подобного ей благородного древа нигде не видал я.
 Так и тебе я дивлюсь! Но, дивясь тебе, не дерзаю
 Тронуть коленей твоих: несказанной бедой я постигнут.
 170 Только вчера, на двадцатый мне день удалось избегнуть
 Моря: столь долго игралцем был я губительной бури,
 Гнавшей меня от Оигии острова. Ныне ж сюда я
 Демоном брошен для новых напастей — еще не конец им;
 Верно, немало еще претерпеть мне назначили боги.
 175 Сжался, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
 Первую здесь я молитвою встретил; никто из живущих
 В этой земле не знаком мне; скажи, где дорога

В город, и дай мне прикрыть обнаженное тело хоть лоскут
Грубой обертки, в которой сюда привезла ты одежды.
180 О, да исполнят бессмертные боги твои все желанья,
Давши супруга по сердцу тебе с избытком в доме,
С миром в семье! Несказанное там водворяется счастье,
Где однодушно живут, сохраняя домашний порядок,
185 Муж и жена, благомысленным людям на радость, недобрым
Людям на зависть и горе, себе на великую славу».
Дочь Алкиноя, ответствуя, так Одиссею сказала:
«Странник, конечно, твой род знаменит: ты, я вижу, разумен.
Дей же и низким, и рода высокого людям с Олимпа
Счастье дает без разбора по воле своей прихотливой;
190 Что ниспослал он тебе, то прими с терпеливым смиреньем.
Если ж достигнуть ты мог и земли и обителей наших,
То ни в одежде от нас и ни в чем, для молящего, много
Бед претерпевшего странника нужном, не встретишь отказа.
195 Град наш тебе укажу; назову и людей, в нем живущих.
В граде живет и землей здесь владеет народ феакийян;
Я Алкиноя, царя благодушного, дочь; Алкиноя ж
Ныне державным владыкой своим признают феакийцы».
Тут обратилась царица к подругам своим и служанкам:
«Стойте! Куда разбежались вы, устращась иноземца?
200 Он человек незломысленный; нет вам причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нет и теперь и не может
Быть и вперед на земле никого, кто б на нас, феакийян,
Злое замыслил; нас боги бессмертные любят; живем мы
Здесь, от народов других в стороне, на последних пределах
205 Шумного моря, и редко нас кто из людей посещает.
Ныне же встретился нам злополучный, бездомный скиталец:
Помощь ему оказать мы должны — к нам Зевес посылает
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.
Страннику нищи с питьем принести поспешите, подруги;
210 Прежде ж его искупайте, от ветров защитное место
Выбрав в потоке». Сказала; сошлись ободренные девы.
В месте, от ветров защитном, его посадив, как велела
Им Навсикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантию с тонким хитоном они близ него положили.
215 После, принеши фиал золотой с благовонным елеем,
Стали его приглашать к омовению в светлом потоке.
Но Одиссей благородный отрекся и так отвечал им:
«Девы прекрасные, станьте поодаль: без помощи вашей
Смою с себя я соленую тину и сам наелею
220 Тело: давно уж елей благовонный к нему не касался.

Но перед вами купаться не стану я в светлом потоке;
Стыдно себя обнажить мне при вас, густовласые девы».
Так он сказал; и они, удаляся, о том известили
Царскую дочь. Одиссей же, в поток погрузившись, тину,
225 Грязно облекшую плечи и спину его и густые
Кудри его облепившую, смыл освежительной влагой;
Чисто омывшись, он светлое тело умаслил елеем;
После украсился данным младою царевною платьем.
230 Станом возвысила, сделала телом полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гнацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
Девой Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
235 Так красотой главу облекла Одиссею богиня.
Берегом моря пошел он и сел на песке, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потом обратила она к густовласым подругам:
«Слушайте то, что скажу вам теперь, белорукие девы;
240 Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый
Этот скиталец в страну феакиян божественных прибыл;
Прежде и мне человеком простым он казался; теперь же
Вижу, что свой он богам, беспредельного неба владыкам.
О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
245 Здесь поселившись, у нас навсегда захотел бы остаться!
Вы ж чужеземцу еды и питья принесите, подруги».
Так говорила царевна. Ее повинуюся воле,
Девы немедля еды и питья принесли Одиссею.
С жадностью голод и жажду свою утолил богоравный,
250 Твердый в бедах Одиссей: уж давно не касался он пищи.
Добрая мысль пробудилась тут в сердце разумной царевны:
Чистые платья собрав, в колесницу она их уклала,
Мулов потом запрягла крепконогих и, став в колесницу,
255 Так Одиссею, его приглашая с собою, сказала:
«Время нам в город; вставай, чужеземец, и следуй за нами;
Дом, где живет мой отец, я тебе укажу; там, конечно,
Встретишь и всех знаменитых людей феакийских; но прежде
Мой ты исполни совет (ты, я вижу, разумен): покуда
260 Будем в полях мы, трудом человека удобренных, следуй
С девами вместе за быстрой моей колесницею ровным
С мулами шагом — у вас впереди я поеду; потом мы
В город прибудем... с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же

265 В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вокруг Посейдонова храма,
Твердо на тесаных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданиях хранятся; там гладкие также готовятся весла.

270 Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.
Я ж от людей порицанья избегнуть хочу и обидных
Толков; народ наш весьма злоязычен; нам встретиться может

275 Где-нибудь дерзкий насмешник; увидя нас вместе, он скажет:
«С кем так сдружилась царевна? Кто этот могучий,
прекрасный
Странник? Откуда пришел? Не жених ли какой иноземный?
Что он? Морскою ли бурей, к нам занесенный из дальних
Стран человек (никаких мы в соседстве не знаем народов)?
280 Или какой по ее неотступной молитве с Олимпа на землю
Бог низлетевший — и будет она обладать им отныне?
Лучше б самой ей покинуть наш край и в стране отдаленной
Мужа искать; меж людей феакийских никто не напелся
Ей по душе, хоть и много у нас женихов благородных».

285 Вот что рассказывать могут в народе; мне будет обидно.
Я ж и сама бы, конечно, во всякой другой осудила,
Если б, имея и мать и отца, без согласия их стала,
В брак не вступивши, она обращаться с мужчинами вольно.
Ты же совет мой исполни (тогда и родитель мой помощь
290 Скорою даст, и отечество ты не замедлишь увидеть):
Есть близ дороги священная роща Афины из черных
Тополей; светлый источник оттуда бежит на зеленый
Луг; там поместье царя Алкиноя с его плодоносным
Садом в таком расстоянье от града, в каком человек
295 Внятен нам голос. Там сев, подожди ты до тех пор, покуда
Мы не прибудем на место и царских палат не достигнем;
когда же
Ты убедишься, что царских палат уж могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и расспрашивай
встречных,
Где обитает родитель мой, царь Алкиной многославный.
300 Дом же его ты узнаешь легко: бессловесный младенец
Может дорогу к нему указать; ни один феакиец
Здесь не имеет такого жилища, в каком обитает
Царь Алкиной. Окруженный строеньями двор перешедши,

Шагом поспешным пройди ты сквозь залу к покоям царицы;
305 Там перед ярко блестящим ее очагом ты увидишь
С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити
Подле колонны высокой, в кругу приближенных служанок.
Там же и кресла царицы стоят у огня и, на них он
310 Сидя, вином утешается, светлому богу подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена
Матери милой моей, умоляй, чтоб она поспешила
День возвращенья в отчизну тебе даровать, чужеземцу.
Если моленье твое с благосклонностью примет царица,
315 Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Кончив, ударила звучно блестящим бичом Навсикая
Мулов; затопав, они от реки побежали проворной
Рысью; другие же, пешие, следом пошли; но царица
320 Мулов держала на крепких вожжах, чтоб от них не отстали
Девы и странник, и хлопала звучным бичом осторожно.
Солнце садилось, когда к благовоной Палладиной роще
Вместе достигли они. Одиссей, там оставшись, начал
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе молиться:
325 «Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою не внятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских».
Так говорил он, моляся; и был он Палладой услышан;
330 Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крепконогие мулы
В город. Достигнув блестящих царевых палат, Навсикая
3 Выехала прямо на двор и сошла с колесницы; навстречу
Вышли ее молодые, бессмертным подобные, братья;
Мулов отпрягши, в покои они отнесли все одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела там
Яркий огонь ей рабыня эпирская Евримедуса
(Некогда в быстром ее корабле увезли из Эпира,

10 В дар Алкиною почетный назначив, понеже, над всеми
Он феакийцами властвуя, чтим был как бог от народа.
Ею была Навсикая воспитана в царском жилище).
Яркий огонь разведя, приготовила ужин старушка.
В город направил тем временем путь Одиссей; но Афина
15 Облаком темным его окружила, чтоб не был замечен
Он никаким из надменных граждан феакийских, который
Мог бы его оскорбить, любопытствуя выведать, кто он.
Но, подошед ко вратам крепкозданным прекрасного града,
Встретил он дочь светлоокою Зевса богиню Афины
20 В виде несущей скудель молодой феакийския девы.
Встретившись с нею, спросил у нее Одиссей богоравный:
«Дочь моя, можешь ли мне указать те палаты, в которых
Ваш обладатель, божественный царь Алкиной, обитает?
Многоиспытанный странник, судьбою сюда издалека
25 Я заведен; мне никто не знаком здесь, никто из живущих
В городе вашем, никто из людей, обитающих в поле».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Странник, с великою охотою палаты, которых ты ищешь,
Я укажу; там в соседстве живет мой отец беспорочный;
30 Следуй за мною в глубоком молчанье; пойду впереди я;
Ты же на встречаемых людей не гляди и не делай вопросов
Им: иноземцев не любит народ наш; он с ними не ласков;
Люди радушиного здесь гостелюбия вовсе не знают;
Быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно
35 Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном;
Их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Одиссея.
Быстрым шагом, поспешно пошел Одиссей за богиней.
Улицы с ней проходя, ни одним из людей феакийских,
40 На море славных, он не был замечен; того не хотела
Светлокудрявая дева Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Он изумился, увидевши пристани, в них бесконечный
Ряд кораблей, и народную площадь, и крепкие стены
45 Чудной красоты, неприступным извне огражденные тыном.
Но, подошед к многославному дому царя Алкиноя,
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
«Странник, с тобою пришли мы к палатам, которых искал ты;
В них ты увидишь любезного Зевсу царя Алкиноя
50 В сонме гостей за роскошной трапезой; войди, не страшась;
Мужу бесстрашному, кто бы он ни был, хотя б чужеземец,
Все по желанью вернее других исполнять удается».

Прежде всего подойди ты, в палату вступивши, к царице;
Имя царицы Арета; она от одних происходит
55 Предков с высоким супругом своим Алкиноем; вначале
Сын Навсифой Посейдоном земли колебателем прижит
Был с Перибеей, всех дев затмевавшей своей красотой,
Младшею дочерью мужа могучего Евримедонта,
Бывшего прежде властителем буйных гигантов; но сам он
60 Свой погубил святотатный народ и себя самого с ним.
Дочь же его возлюбил колебатель земли; от союза
С ней он имел Навсифоя; и первым царем феакийн
Был Навсифой; от него родились Рексенор с Алкиноем;
Но Рексенор, сыновей не имел, сребролуким застрелен
65 Был Аполлоном на пире вторичного брака, оставив
Дочь сиротою, Арету; и, с ней Алкиной сочетавшись,
Так почитает ее, как еще никогда не бывала
В свете жена, свой любящая долг, почитаема мужем;
Нежную сердца любовь ей всечасно являют в семействе
70 Дети и царь Алкиной; в ней свое божество феакийцы
Видят, и в городе с радостно-шумным всегда к ней теснятся
Плеском, когда меж народа она там по улицам ходит.
Кроткая сердцем, имеет она и возвышенный разум,
Так что нередко и трудные споры мужей разрешает.
75 Если моления твои с благосклонностью примет царица,
Будет тогда и надежда тебе, что возлюбленных ближних,
Светлый свой дом, и семью, и отечество скоро увидишь».
Так говоря, светлоокая Зевсова дочь удалилась;
Морем бесплодным от Схерии тучной помчавшись, достигла
80 Скоро она Марафона; потом в многолюдных Афинах
В дом крепкозданный царя Ерехтея вошла. Одиссей же
Тою порою подошел ко дворцу Алкиной; он сильно
Сердцем тревожился, стоя в дверях перед медным порогом.
Все лучезарно, как на небе светлое солнце пль месяц,
85 Было в палатах любезного Зевсу царя Алкиной;
Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого золота;
Притолки их из серебра утверждались на медном пороге;
90 Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.
Две — золотая с серебряной — справа и слева стояли,
Хитрой работы искусного бога Гефеста, собаки
Стражами дому любезного Зевсу царя Алкиной:
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
95 Стены кругом огибая, во внутренность шли от порога

Лавки богатой работы; на лавках лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежных работниц;
Мужи знатнейшие града садились чином на этих
Лавках питьем и едой наслаждаться за царской трапезой.
100 Зрелися там на высоких подножиях лики златые
Отроков; светочи в их пламенели руках, озаряя
Ночью палату и царских гостей на пирах многославных.
Жило в просторном дворце пятьдесят рукодельных
невольниц:

Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
105 Нити сучили другие и ткали, сядя за станками
Рядом, подобные листьям трепещущим тополя; ткани ж
Были так плотны, что в них не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакийские мужи отличны в правлении были
Быстрых своих кораблей на морях, столь отличны их жены
110 Были в тканье: их богиня Афина сама научила
Всем рукодельным искусствам, открыв им и хитростей много.
Был за широким двором четырехдесятиный богатый
Сад, обведенный отовсюду высокой оградой; росло там
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,
115 Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих;
Круглый там год, и в холодную зиму, и в знойное лето,
Видимы были на ветвях плоды; постоянно там веял
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие;
120 Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой,
Грозд пурпуровый за гроздом сменялися там, созревая.
Там разведен был и сад виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частью ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь; иные
125 Были давимы в чанах; а другие цвели иль, осыпав
Цвет, созревали и соком явтарно-густым наливались.
Саду границей служили красивые гряды, с которых
Овощ и вкусная зелень весь год собирались обильно.
Два там источника были; один обтекал, извиваясь,
130 Сад, а другой перед самым порогом царева жилища
Светлой струею бежал, и граждане в нем черпали воду.
Так изобильно богам был дом одарен Алкиноев.
Долго, дивясь, стоял перед ним Одиссей богоравный;
Но, поглядевши на все с изумленьем великим, ступил он
135 Смелой ногой на порог и во внутренность дома проникнул.
Там он узрел феакийских вождей и старейшин, творящих
Зоркому богу, убийце Аргуса, вином возлиянье

(Он от грядущих ко сну был всегда призываем последний).
Быстро палату пиров перешел Одиссей богоравный;
140 Скрытый туманом, которым его окружила Афина,
Прямо к Арете приблизился он и к царю Алкиною,
Обнял руками колена царицы, и в это мгновение
Вдруг расступилась его облекавшая тьма неземная.
Все замолчали, могучего мужа внезапно увидя;
145 Все в изумленье смотрели. Царице Арете сказал он:
«Дочь Рексенора, подобного силой бессмертным, Арета,
Ныне к коленам твоим, и к царю, и к пирующим с вами
Я прибегаю, плачевный скиталец. Да боги пошлют вам
Светлое счастье на долгие дни; да наследуют ваши
150 Дети ваш дом и народом вам данный ваш сан знаменитый.
Мне ж помогите, чтоб я беспрепятственно мог возвратиться
В землю отцов, столь давно сокрушенный разлукой с своими».
Кончив, к огню очага подошел он и сел там на пепле.
Все неподвижно молчали, и долго молчание длилось.
155 Но наконец Ехеней, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феаклян рожденный,
Сладкоречивый, и старые были, и многое знавший,
Добрых исполненный мыслей, сказал, обратясь к Алкиною:
«Царь Алкиной, неприлично тебе допускать, чтоб молящий
160 Странник на пепле сидел очага твоего перед нами.
Почесть ему оказать ожидаем твоих повелений;
С пепла поднявши, на стул среброкованный с нами его ты
Сесть пригласи и глашатаю в чаши вина золотого
Влить повели, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
165 Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье.
Гостю ж пускай из запаса даст ключница пищи вечерней».
Так он сказав, пробудил Алкиноеву силу святую.
За руку взяв Одиссея, объятого думой глубокой,
С пепла он поднял его и на креслах богатых с собою
170 Рядом за стол посадил, повелев уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подле сидевшему, место пришельцу.
Тут дья умытия рук поднесла на богатой лохани
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
175 Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно. Едой и питьем изобильным
Сердце свое насладил Одиссей, многославный страдалец.
Тут Понтоною глашатаю бросил крылатое слово
Царь феаклян: «Наполни кратеры вином и подай с ним
180 Чаши гостям, чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих

Странников всех покровителю, мы совершить возлиянье». Так он сказал, и, наполнив медвяным вином все кратеры, В чашах пирующим подал его Понтоной; возлиянье Стоя они совершили и вдоволь питьем насладились.

185 Царь Алкиной, обратившись к гостям, произнес: «Приглашаю Выслушать слово мое вас, мужей феакийских, дабы я Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце. Кончился пир наш; теперь по домам на покой разойдитесь; Завтра же утром, с собою и прочих вельмож пригласивши,

190 Снова придите, чтоб странника здесь угостить и бессмертным Вместе свершить гекатомбу. Потом учредим отправленье Гостя почтенного так, чтоб под нашей надежной защитой Он без тревог и препятствий поспешно и весело прибыл В край, им желаемый, сколь бы отсюда он ни был далеко;

195 Также, чтоб он ни печали, ни зла на дороге не встретил Прежде, пока не достигнет отчизны; когда же достигнет, Пусть испытает все то, что судьба и могучие Парки В нить бытия роковую вплели для него при рождении. Если же кто из бессмертных под видом его посетил нас,

200 То на уме их, конечно, есть замысел, нам неизвестный; Ибо всегда нам открыто являются боги, когда мы, Их призывая, богатые им гекатомбы приносим; С нами они шрывать без чинов за трапезу садятся; Даже когда кто из них и один на пути с феакийским Странником встретится — он не скрывается; боги считают

205 Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов». Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссеей хитроумный: «Царь Алкиной, не тревожься напрасно таким помышленьем; Вечным богам, беспредельного неба владыкам, ни видом Я не подобен, ни станом; простой человек я, из всех, вам В мире известных людей земнородных, судьбою гонимых, Самым злосчастнейшим бедственной жизнью моей я подобен. Боле других бы я мог рассказать о великих напастях, Мной иртерпенных с трудом непомерным по воле

215 бессмертных; Но несказанным, хотя и прискорбен, я голодом мучусь; Нет ничего нестерпимей грызущего голода: нами Властвуя, он о себе вспоминать ежечасно неволит Нас, и печальных, и преданных скорби душой. Сколь ни сильно

220 Скорби душою я предан, но тощий желудок мой жадно Требуется пища себе и меня забывать принуждает Все претерпенное мной, о себе лишь упорно заботясь.

Вы же, молю вас, как скоро пробудится светлая Эос,
Мне, злополучному, путь учредите в отчизну возвратный;
Много я бед претерпел, но готов и погибнуть, лишь только б
225 Светлый свой дом, и семью, и рабов, и богатства увидеть».
Кончил; они, изъявив одобренье, решили в отчизну
Гостя отправить, пленившего всех их столь умною речью.
После, свершив возлиянье и вкусным вином насладившись,
Каждый в свой дом удалился, о ложе и сне помышляя.
230 Но Одиссей богоравный остался в палате столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались с ним вместе; рабыни
Тою порой со столов всю посуду поспешно убрали.
Тут белорукая с гостем беседовать стала Арета.
Мантию с тонким хитоном, сотканные ею самою
235 Дома с рабынями, в платье прищельца узнавши, царица
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу; отвечай мне:
Кто ты? Откуда? И платье свое от кого получил ты?
Нам ты сказал, что сюда был морской непогодю брошен».
240 Светлой царице отвечивал так Одиссей хитроумный:
«Трудно, царица, мне будет тебе рассказать всю подробно
Повесть о бедствиях, встреченных мною по воле рожденных
Древним Ураном богов,— об одном расскажу откровенно:
В море находится остров Огигия; там обитает
245 Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди.
Я же один, злополучный, на остров ее был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль сокрушительным громом
250 Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.
Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Десять носившихся дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
255 Светлокудрявая нимфа, живет. И, приют благосклонно
Дав мне, богиня меня угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость.
Сердца, однако, она моего обольстить не успела.
Целые семь лет утратил я там, и текли непрестанно
260 Слезы мои на одежды, мне данные нимфой бессмертной.
Год напоследок осмой приведен был времен обращеньем;
Вдруг мне она повелела покинуть свой остров — не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль изменилася в мыслях?
Сел я на крепкосколоченный плот, и она, наделивши

265 Хлебом меня, и душистым вином, и петленной одеждой,
Следом послала за мной благовеющий ветер попутный.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился
я в море;

Вдруг на осьмнадцатый видима стала вдали над водами
Ваша земля, и во мне оживилось милое сердце,
270 Столь несказанно страдавшее. Много, однако, еще мне
Бед колебатель земли Посейдон непреклонный готовил:
Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу, и море
Все беспредельное вдруг затревожилось; был я не в силах,
Жалобно стонущий, судном владеть на взволнованной бездне:
275 Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу
Бросаясь, пустился я вплавь: напоследок примчали
К вашему берегу меня мног шумные ветры и море;
Гибели б мне не избежать, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемой, кинут:
280 Силы напрягши, я в сторону поплыл и скоро достигнул
Устья реки — показалось то место приятным, там острых
Не было камней, там всюду от ветров являлась защита;
На берег вышед, в бессилие впал я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь от потока, небесным
285 Зевсом рожденного, я приютился в кустах и в опавших
Спрятался листьях; и сон бесконечный послали мне боги.
Там под защитой листьев, с печалью милого сердца,
Проспал всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сон мой был прерван:
290 Дев, провожавших царевну твою, я увидел на бреге;
С нею, подобные нимфам, они, там резвяся, играли.
К ней обратил я молитву, и так поступила разумно
Юная царская дочь, как немногие с ней одинаких
Лет поступить бы могли,— молодежь рассудительна редко.
295 Сладкой едой и вином искрометным меня подкрепивши,
Мне искупаться в потоке велела она и одежду
Эту дала мне. Я кончил, поистине все рассказав вам».
Он умолкнул. Ему Алкиной отвечал благосклонно:
«Странник, гораздо б приличнее было для дочери нашей,
300 Если б она пригласила тебя за собою немедля
Следовать в дом наш: к ней первой ты с просьбой своей
обратился».

Так он сказал, и ему возразил Одиссей хитроумный:
«Царь благородный, не делай упреков разумной царевне;
Следовать мне за собою она предложила немедля;
305 Я ж отказался — мне было бы стыдно; при том же подумал

Я, что, меня с ней увидя, на нас ты разгневаться мог бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди».

Царь Алкиной, возражая, отвечивал так Одиссею:

310 «Странник, в груди у меня к безрассудному гневу такому
Сердце не склонно; приличие ж должно во всем наблюдать
нам.

Если б — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —

Если б нашелся подобный тебе, в помышленьях со мною
Сходный, супруг Навсикае, возлюбленный зять мне, и если б
Здесь поселился он... Дом и богатства бы дал я, когда бы

315 Волей ты с нами остался; насильно же здесь иноземца
Мы не задержим, то было бы Зевсу отцу неугодно.

Твой же отъезд я устрою, чтоб было тебе то известно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшись, будешь

320 Сонный в спокойном безветрии плыть и достигнешь

В землю отцов иль в иную какую желанную землю,

Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы в Эвбею,

Дале которой уж нет ничего, по сказанью отважных

Наших пловцов, с златовласым туда Радамантом ходивших, —

Тития, сына Земли, посетил он и, сколь ни далек был

325 Путь по глубокому морю, его без труда совершили

В сутки они, до Эвбеи доплыв и назад возвратившись.

Сам ты узнаешь, как быстры у нас корабли, как отважно
Веслами море браздят мореходцы мои молодые».

Так он сказал; пролилося веселие в грудь Одиссея;

330 Голос возвысивши свой, произнес он такую молитву:

«Дий, наш отец, да исполнится все, что теперь обещал мне

Царь Алкиной, и да будет всегда на земле плодоносной

Слава ему! А меня проводи безопасно в отчизну».

Так говорили о многом они, беседуя сладко.

335 Тою порой повелела царица Арета рабыням

В сенях поставить кровать, на нее положить пурпуровый

Мягкий тюфяк и богатый ковер разостлать; на ковер же

Теплым покрывом для тела косматую мантию бросить.

Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же

340 Было совсем приготовлено мягко-упругое ложе,

Близко они подошед к Одиссею, ему доложили:

«Странник, иди почивать: для тебя приготовлено ложе».

Радостно было усталому гостю призыванье к покою;

Сладко-целительный сон наконец он вкусил безмятежно,

345 В звонко-пространных сенях на кровать прорезную возлегши.

Скоро и царь Алкиной, с ним простаясь, во внутренней спальне

Лег на постель и заснул близ супруга своей благонаправной.

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос —
 Мирный покинула сон Алкиноева сила святая;
 Встал и божественный муж Одиссей, городов сокрушитель.
 Царь Алкиной многовластный повел знаменитого гостя
 5 На площадь, где невдали кораблей феакийцы сбирались.
 Сели, пришедши, на гладко обтесанных камнях друг с другом
 Рядом они. Той порою Паллада Афина по улицам града,
 В образ облекшись глашатая царского, быстро ходила;
 Сердцем заботясь о скором возврате домой Одиссея,
 10 К каждому встречному ласково речь обращала богиня:
 «Вы, феакийские люди, вожди и владыки, скорее
 На площадь все соберитесь, дабы пноземца, который
 В дом Алкиноя премудрого прибыл вчера, там увидеть:
 Бурею к нам брошенный, богу он образом светлым подобен».
 15 Так говоря, возбудила она любопытное рвенье
 В каждом, и скоро наполнилась площадь народом; и сели
 Все по местам. С удивленьем великим они обращали
 Взор на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
 Плечи одела Паллада, главу и лицо озарила,
 20 Стан возвеличила, сделала тело полнее, дабы он
 Мог приобрести от людей феакийских приязнь и вселил в них
 Трепет почтительный мужеской силой на играх, в которых
 Им испытать надлежало его, отличясь пред народом.
 Все собрался он, и собрание сделалось полным.
 25 Тут, обратясь к ним, царь Алкиной произнес: «Приглашаю
 Выслушать слово мое вас, людей феакийских, дабы я
 Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
 Гость пноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,
 Он от восточных народов сюда иль от западных прибыл —
 30 Молит о том, чтоб ему помогли мы достигнуть отчизны.
 Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможем;
 Ибо еще ни один чужеземец, мой дом посетивший,
 Долго здесь, плача, не ждал, чтоб его я услышал молитву.
 Должно спустить на священные воды корабль чернобокий,
 35 В море еще не ходивший; потом изберем пятьдесят два
 Самых отважных меж лучшими здесь молодыми гребцами;
 Весла к скамьям прикрепив корабельным, пускай соберутся
 В царских палатах они и поспешно себе на дорогу
 Вкусный обед приготовят; я всех их к себе приглашаю.
 40 Так от меня объявите гребцам молодым; а самих вас,

Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой
пространный

Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
Также певца Демодока: дар песней приял от богов он
45 Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце».
Кончив, пошел впереди он; за ним все судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побежал Демодока.
Скоро по воле царя пятьдесят два гребца, на отлогом
Бреге бесплодно соленого моря собравшись, вместе
50 К ждавшему их на песке кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священные сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили все корабельные снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса утвердили. Отведши
55 Легкий корабль на открытое взморье, они собрались
Все во дворце Алкиноя, царем приглашенные. Скоро
Все переходы палат, и дворы, и притворы народом
Сделались полны — там были и юноши, были и старцы.
Жирных двенадцать овец, двух быков криворогих и восемь
60 Остроклычистых свиней Алкиной повелел им зарезать;
Их ободрав, изобильный обед приготовили гости.
Тою порой с знаменитым певцом Понтоной возвратился;
Муза его при рождении злом и добром одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопенье.
65 Стул среброкованный подал певцу Понтоной, и на нем он
Сел пред гостями, спиной прислонясь к колонне высокой.
Лиру слепца на гвозде над его головою повесив,
К ней прикоснуться рукою ему — чтоб ее мог найти он —
Дал Понтоной, и корзину с едою принес, и подвинул
70 Стол и вина приготовил, чтоб пил он, когда пожелает.
Подняли руки они к предложенной им пище; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Муза внушила певцу возгласить о вождах знаменитых,
Выбрав из песни, в то время везде до небес возносимой,
75 Повесть о храбром Ахилле и мудром царе Одиссее,
Как между ними однажды на жертвенном пире великом
Распря в ужасных словах загорелась и как веселился
В духе своем Агамемнон враждой знаменитых ахеян:
Знаменем добрым ему ту вражду предсказал Аполлонов
80 В храме Пифийском оракул, когда через каменный праг он
Бога спросить перешел,— а случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев.

Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, свою
Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,
85 Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенью прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
90 Снова запел Демодок, от внимавших ему феакиян,
Гласом его очарованных, вызванный к пенью вторично;
Голову мантией снова облек Одиссей, прослезая.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
95 Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
Он феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и вельмож феакийских;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пиров сладкогласной;
100 Время отсюда пойти нам и в мужеских подвигах крепость
Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратясь, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим

в кулачном

Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном».
Кончив, поспешно пошел впереди он, за ним все другие.
105 Звонкую лиру приняв и повесив на гвоздь, Демодока
За руку взял Понтоной и из залы пиршественной вывел;
Вслед за другими, ведя песнопевца, пошел он, чтоб видеть
Игры, в которых хотели себя отличить феакийцы.
На площадь все собрался: толпой многочисленно-шумной
110 Там окружил их народ. Благородные юноши к бою
Вышли из сонма его: Акроней, Окнал с Элатреем,
Навтий, Примней, Анхиал, Эретмей с Анабесионом;
С ними явились Понтей, Прореон и Фоон с Амфиалом,
Сыном Полиния, внуком Тектона; пристал напоследок
115 К ним и младой Эвриал, Навболиг, равносильный Арею:
Всех феакиян затмил бы чудесной своей красотой он,
Если б его самого не затмил Лаодам беспорочный.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
Клитонеоном — три бодрые сына царя Алкиной.
120 Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустился разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный — какую по свежему полю
Борозду плугом два мула проводят, настолько оставив

125 Братьев своих назади, возвратился он первый к народу.
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Эвриал одолел, превзошедши искусством и лучших.
В прыганье был Анхиал победителем. Тяжкого диска
130 Легким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.
Тут, как у всех уж довольно насытилось играми сердце,
К юношам речь обративши, сказал Лаодам, Алкиноев
Сын: «Не прилично ли будет спросить нам у гостя, в каких он
135 Играх способен себя отличить? Он не низкого роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильней и губительней моря;
140 Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает».
«Умным, — сказал, отвечая на то, Эвриал Лаодаму, —
Кажется мне предложенье твое, Лаодам благородный.
Сам подойди к иноземному гостю и сделай свой вызов».
Сын молодой Алкиноя, слова Эвриала услышав,
Вышел вперед и сказал, обратясь к царю Одиссею:
145 «Милости просим, отец иноземец; себя покажи нам
В играх, в каких ты искусен, — но, верно, во всех ты искусен, —
Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные думы.
150 Путь для тебя уж теперь недалек; уж корабль быстроходный
С берега сдвинут, и наши готовы к отплытию люди».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Друг, не обидеть ли хочешь меня ты своим предложеньем?
155 Мне не до игр: на душе несказанное горе; довольно
Бед испытал и немало великих трудов перенес я;
Ныне ж, крушимый тоской по отчизне, сию перед вами,
Вас и царя умоляя помочь мне в мой дом возвратиться».
Но Эвриал Одиссею отвечивал с колкой насмешкой:
«Странник, я вижу, что ты не подобишься людям, искусным
160 В играх, одним лишь могучим атлетам приличных; конечно,
Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
В многovesельных своих кораблях для торговли, о том лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар и опять корабли нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходиен».
165 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Слово обидно твое; человек ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякого всем наделяют: не каждый имеет

Вдруг и пленительный образ, и ум, и могущество слова;
Тот по наружному виду внимания мало достоин —
170 Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшение собраний;
Бога в нем видят, когда он проходит по улицам града.
Тот же, напротив, бессмертным подобен лица красотою,
175 Прелести ж бедное слово его никакой не имеет.
Так и твоя красота беспорочна, тебя и Зевес бы
Краше не создал; зато не имеешь ты здравого смысла.
Милое сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
180 В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел немало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
185 Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом».
Так отвечав, поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,
Камень схватил — он огромней, плотней и тяжеле всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
190 Камень, жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался
Диски, легко улетев из руки; и Афина под видом
Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:
195 «Странник, твой знак и слепой различит без ошибки, ощупав
Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь
Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен
Бросить». От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.
200 Радуюсь тем, что ему хоть один благосклонный в собранье
Был судия, с обновленной душой он сказал предстоявшим:
«Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть может, и дале.
Пусть все другие, кого побуждает отважное сердце,
205 Выйдут и сделают опыт; при всех оскорбленный, я ныне
Всех вас на бой рукопашный, на бег, на борьбу вызываю;
С каждым сразиться готов я — с одним не могу Лаодамом:
Гость я его — подыму ли на друга любящего руку?
Тот неразумен, тот пользы своей различать не способен,
210 Кто на чужой стороне с дружелюбным хозяином выйти

Вздумает в бой; несомненно, себе самому повредит он.
Но меж другими никто для меня не презрителен, с каждым
Рад я схватиться, чтоб силу мою, грудь на грудь, испытать
с ним.

- 215 Знайте, что я ни в каком не безопытен мужеском бое.
Гладким луком и самым тугим я владею свободно;
Первой стрелой поражу я на выбор противника в тесном
Сонме врагов, хоть кругом бы меня и товарищей много
Было и меткую каждый стрелу на врага бы нацелил.
220 Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем
В Трое, когда мы, ахейцы, там, споря, из лука стреляли.
Но утверждаю, что в этом искусстве со мной ни единый
Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может;
Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних
Лет, ни с Гераклом, ни с Евритом, метким стрелком
эхалийским;
- 225 Спорить они и с богами в искусстве своем не страшлись;
Еврит великий погиб от того; не достиг он глубокой
Старости в доме семейном своем; раздражив Аполлона
Вызовом в бой святотатным, он из лука был ни застрелен.
Дале копьем я достигнуть могу, чем другие стрелю;
230 Может случиться, однако, что кто из людей феакийских
В беге меня победит: окруженный волнами, я силы
Все истощил, на неверном плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои все разрушены члены.
Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
235 Но Алкиной, возражая, отвечивал так Одиссею:
«Странник, ты словом своим не обидеть нас хочешь; ты только
Всем показать нам желаешь, какая еще сохранилась
Крепость в тебе; ты разгневан безумцем, тебя оскорбившим
Дерзкой насмешкой,— зато ни один, говорить здесь
привыкший
- 240 С здравым рассудком, ни в чем не помыслил тебя опорочить.
Вслушай слово, однако, мое со вниманьем, чтоб после
Дома его повторить при друзьях благородных, когда ты,
Сидя с женой и детьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестях наших и тех дарованьях, какие
245 Нам от отцов благодатью Зевеса достались в наследство.
Мы, я скажу, ни в кулачном бою, ни в борьбе не отличны;
Быстры ногами зато несказанно и первые в море;
Любим обеды роскошные, пение, музыку, пляску,
Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

250 Но пригласите сюда плясунов феакийских; зову я
Самых искусных, чтоб гость наш, увидя их, мог, возвратясь
В дом свой, там всем рассказать, как других мы людей
превосходим
В плаванье по морю, в беге проворном, и в пляске, и в пенье.
Пусть принесут Демодоку его звонкогласную лиру;
255 Где-нибудь в наших пространных палатах ее он оставил».
Так Алкиной говорил, и глашатай, его исполняя
Волю, поспешно пошел во дворец за желаемой лирой.
Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
260 Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли,
Место для пляски уладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подав певцу: пред собрание он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслаждением
265 Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пел Демодок вдохновенный
Песнь о прекраснокудрявой Киприде и боге Арее:
Как их свидание первое в доме владыки Гефеста
270 Было; как, много истратив богатых даров, опозорил
Ложу Гефеста Арей, как открыл, наконец, все Гефесту
Гелиос зоркий, любовное их подстергши свиданье.
Только достигла обидная весть до Гефестова слуха,
Мщенье в сердце замыслив, он в кузнице плаху поставил,
275 Крепко свою наковальню уладил на ней и проворно
Сети сковал из железных, крепчайших, ничем не разрывных
Проволок. Хитрый окончивши труд и готовя Арею
Стыд, он пошел в тот покой, где богатое ложе стояло.
Там он, сетями своими опутав подножье кровати,
280 Их на нее опустил с потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорам
Вечных богов неприметны они: так искусно сковал их,
Мщенье готовя, Гефест. Западню перед ложем устроив,
Он притворился, что путь свой направил в Лемнос,
крепкозданный
285 Город, всех боле других городов на земле им любимый.
Зорко за ним наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Сведal, что в путь свой Гефест, многославный художник,
пустился.
Сильной любовью к прекрасновенчанной Киприде влекомый,
В дом многославного бога художника тайно вступил он.
Зевса отца посетив на высоком Олимпе, в то время

290 Дома одна, отдыхая, сидела богиня. Арей, подошедши,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
«Милая, час благосклонен, пойдем на роскошное ложе;
Муж твой Гефест далеко; он на остров Лемнос удалился,
Верно, к суровым синтийям, наречия грубого людям».

295 Так он сказал, и на ложе охотно легла с ним Кширида.
Мало-помалу и он и она усыпились. Вдруг сети
Хитрой Гефеста работы, упав, их схватили с такою
Силой, что не было средства ни встать им, ни тронуться членом;
Скоро они убедились, что бегство для них невозможно;

300 Скоро и сам, не свершив половины пути, возвратился
В дом свой Гефест многоумный, на обе хромающий ноги:
Гелиос зоркий его обо всем известить не замедлил.
В дом свой вступивши с печалью милого сердца, поспешно
Двери Гефест отворил, и душа в нем наполнилась гневом;

305 Громко он начал вопить, чтоб его все слышали боги:
«Дий вседержитель, блаженные, вечные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смеха достойное дело увидеть:
Как надо мной, хромоногим, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, с грозным Ареем, губительным богом,
310 Здесь сочатавшись. Конечно, красавец и тверд на ногах он;
Я ж от рождения хром — но моею ль виною? Виновны
В том лишь родители. Горе мне, горе! Зачем я родился?
Вот посмотрите, как оба, обнявшись нежно друг с другом,
Спят на постели моей. Несказанно мне горько то видеть.

315 Знаю, однако, что так им в другой раз заснуть не удастся;
Сколь ни сильна в них любовь, но, конечно, охота к такому
Сну в них теперь уж прошла: не сниму с них дотоле я этой
Сети, пока не отдаст мне отец всех богатых подарков,
Им от меня за невесту, бесстыдную дочь, полученных.

320 Правда, прекрасна она, но ее переменчиво сердце».
Так он сказал. Той порой собрались в медностенных палатах
Боги; пришел Посейдон земледержец; пришел даропосец
Эрмий; пришел Аполлон, издалика разящий стрелами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.

325 В двери вступили податели благ, всемогущие боги:
Подняли все они смех несказанный, увидя, какое
Хитрое дело ревнивый Гефест совершить умудрился.
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх
одержала;

330 Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея, который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе живущих.

Хитростью взял он; достойная мзда посрамителю брака).
Так говорили, друг с другом беседа, вечные боги.
К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
335 «Эрмий, Кронидов сын, благодатный богов вестносец,
Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такую
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»
Зоркий убийца Аргуса ответствовал так Аполлону:
340 «Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать дозволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный.
Но Посейдон не смеялся; чтоб выручить бога Арея,
345 К славному дивным искусством Гефесту он, голос возвысив,
С просьбой своей обратился и бросил крылатое слово:
«Дай им свободу; ручаюсь тебе за Арея; как сам ты
Требуешь, все доплна при бессмертных богах он заплатит».
Бог хромоногий Гефест, отвечая, сказал Посейдону:
350 «Нет, от меня, Посейдон земледержец, того ты не требуй.
Знаешь ты сам, что всегда неверна за неверных порука.
Чем же тебя, всемогущий, могу я к уплате принудить,
Если свободный Арей убежит и платить отречется?»
Богу Гефесту ответствовал так Посейдон земледержец:
355 «Если могучий Арей, чтоб не быть принужденным к уплате,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я». Хромоногий Гефест отвечал Посейдону владыке:
«Воли твоей, Посейдон, не дерзну и не властен отвергнуть».
С сими словами разрушила цепи Гефестова сила.
360 Бог и богиня — лишь только их были разрушены цепи —
Быстро вскочив, улетели. Во Фракию он удалился;
Скрылася в Кипр золотая с улыбкой приветной Киприда;
Был там алтарь ей в Пафосском лесу благовонном воздвигнут;
Там, искупавши ее и натерши душистым, святое
365 Тело одних лишь богов орошающим маслом, Хариты
Плечи ее облачили одеждою прелести чудной.
Так воспевал вдохновенный певец. Одиссей благородный
В сердце, внимая ему, веселился; и с ним веселились
Веселюбивые, смелые гости морей, феакийцы.
370 Но Алкиной повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темно-светлым

375 Бросил один; а другой разбежался и, прыгнув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.
Легким бросанием мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
380 Быстро плясать; и затопали юноши в меру ногами,
Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.
Долго смотрев, напоследок сказал Одиссей Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Ты похвалился, что пляскою с вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видел; безмерно дивлюся».
385 Так он сказав, возбудил Алкиноеву силу святую.
Царь феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских;
Разум великий имеет, я вижу, наш гость иноземный;
Должно ему, как обычай велит, предложить нам подарки;
390 Областью нашею правят двенадцать владык знаменитых,
Праведно-строгих судей; я тринадцатый, главный. Пусть

каждый

Чистое верхнее платье с хитоном и с полным талантом
Золота нашему гостю в подарок назначит обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
395 Страннику сдайте, чтоб весел он был за трапезою нашей.
Ты ж, Эвриал, удовольствуй его, перед ним повинившись,
Дав и подарок: его оскорбил неприличным ты словом».
Так он сказав, изъявили свое одобренье другие;
Каждый глашатая в дом свой послал, чтоб подарки принес он.
400 Но Эвриал, повинувшись, отвечивал так Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Медный свой меч с рукояткою серебряною в новых
Чудной работы ножнах из слоновья кости охотно
405 Дам я ему, и, конечно, он дар мой высоко оценит».
Так говоря, среброкованный меч свой он снял и возвысил
Голос и бросил крылатое слово Лаэртову сыну:
«Радуйся, добрый отец иноземец! И если сказал я
Дерзкое слово, пусть ветер его унесет и развеет;
410 Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
В дом возвратися по долгопечальной разлуке с семьею».
Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Радуйся также и ты и, хранимый богами, будь счастлив.
В сердце ж своем никогда не раскайся, что мне драгоценный
415 Меч подарил свой, повинив меня удовольствовав словом».
Так отвечав, среброкованный меч на плечо он повесил.

Солнце зашло; все богатые собраны были подарки;
Их поспешили глашатаи в дом отнести Алкиноев;
Там сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
420 Отдали матери их, многоумной царице Арете.
Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратясь к царице Арете, сказал благородный
Царь: «Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
425 наших ковчегов, в него положивши и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтоб гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
430 Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощанье
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома творить возлиянье Зевсу и прочим бессмертным».
Так он сказал, и царица Арета велела рабыням
Яркий огонь разложить под огромным котлом треножным.
435 Тотчас котел треножный на ярком огне был поставлен.
Налили воду в котел и усилили хворостом пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипела.
Тою порою Арета прекрасный ковчег из покоев
Внутренних вынесла гостю; в ковчег положила подарки,
440 Золото, ризы и все, что ему феакийские мужи
Дали; сама ж к ним прибавила верхнее платье с хитоном.
Кончив, она Одиссею крылатое бросила слово:
«Кровлей накрыв и тесьмою опутав ковчег, завяжи ты
Узел, чтоб кто на дороге чего не похитил, куда
445 Будешь покоиться сном ты, плывя в корабле чернобоком».
То Одиссей богоравный, в бедах постоянный, услышав,
Кровлей накрыл и тесьмою опутал ковчег и искусный
Узел (как был научен хитроумной Цирцеею) сделал.
Тут пригласила его домовитая ключница в баню
450 Члены свои оживить омовеньем; и теплый купальне
Рад был испытанный муж Одиссей, той услады лишенный
С самых тех пор, как покинул жилище Калипсо, в котором
Нимфы ему, как бессмертному богу, служили. Когда же
Тело омыла ему и елеем натерла рабыня,
455 Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел он свежий из бани и к пьющим гостям в пировую
Залу вступил. Навсикая царевна, богиня красою,
Подле столба, потолок подпиравшего залы, стояла.
Взор изумленный подняв на прекрасного гостя, царевна

460 Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Радуйся, странник, но, в милую землю отцов возвратися,
Помни меня; ты спасением встрече со мною обязан».
Юной царевне ответствовал так Одиссей многоумный:
465 «О Навспкая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,
Если мне Геры супруг, громоносный Кронион, дозволит
В доме отеческом сладостный день возвращенья увидеть,
Буду там помнить тебя и тебе ежедневно, как богу,
Сердцем молиться: спасением встрече с тобой я обязан».
470 Так отвечав ей, на креслах он сел близ царя Алкиноя.
Было уж роздано мясо; уж чаши вином наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай с певцом Демодоком,
Чтимым в народе. Певец посреди светлозданной палаты
Сел пред гостями, спиной прислонившись к колонне высокой.
475 Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле),
Царь Одиссей многославный сказал, обратясь к Понтоноу:
«Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
480 Всем на обильной земле обитающим людям любезны,
Всеми высоко честимы певцы; их сама научила
Пению Муза; ей мило певцов благородное племя».
Так он сказал, и проворно отнес от него Демодоку
Мясо глашатай; певец благодарно даяние принял.
485 Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовольствован голод их сладким питьем и едою,
Так, обратясь к Демодоку, сказал Одиссей хитроумный:
«Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю;
Музою, дочьерю Дня, иль Фебом самим наученный,
490 Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Энеоса с помощью девы Паллады создание,
495 Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пеннем боги тебя одарили».
500 Так он сказал, и запел Демодок, преисполненный бога:
Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем

Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Иллион отворили трояне.

505 В граде стоял он; кругом, нерешимые в мыслях, сидели
Люди троянские, было меж ними троякое мнение:
Или губительной медью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, с утеса низвергнуть,
Или оставить среди Иллиона мирительной жертвой
510 Вечным богам: на последнее все согласились, понеже
Было судьбой решено, что падет Иллион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,
515 Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разоряли,
Как Одиссей к Деифобову дому, подобный Арею,
Бросился вместе с божественно-грозыным в бою Менелаем.
Там истребительный бой (продолжал песнопевец)

возжегши,

520 Он наконец победил, подкрепленный великой Палладой.
Так об ахейцах пел Демодок; несказанно растроган
Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами.
Так сокрушенная плачет вдовица над телом супруга,
Павшего в битве упорной у всех впереди перед градом,
525 Силясь от дня рокового спасти сограждан и семейство.
Видя, как он содрогается в смертной борьбе, и прижавшись
Грудью к нему, злополучная стонет; враги же нещадно
Древками копий ее по плечам и хребту поражая,
Бедную в плен увлекают на рабство и долгое горе;
530 Там от печали и плача ланиты ее увядают.
Так от печали текли из очей Одиссеевых слезы.
Всеми другими они незамечены были; но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.
535 Он феакиянам веселюбивым сказал: «Приглашая
Выслушать слово мое вас, судей и владык феакийских.
Пусть Демодок звонкострунную лиру заставит умолкнуть;
Здесь он не всех веселит нас ее сладкогласием дивным:
С тех пор, как пенье божественный начал певец на вечернем
540 Нашем пиру, непрестанно глубоко и тяжело вздыхает
Странник; конечно, прискорбие сердцем его овладело.
Должен умолкнуть певец, чтоб могли здесь равно веселиться
Гость наш и все мы; конечно, для нас то приятнее будет.
Здесь же давно к отправлению в путь иноземца готово

545 Все; и подарки уж собраны, данные дружбою нашей.
Странник молящий не менее брата родного любезен
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем.
Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на то мне,
550 Гость наш, о чем я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
В граде твоём и отечестве милом тебя величают.
Между живущих людей безыменным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает;
555 Землю, и град, и народ свой потом назови, чтоб согласно
С волей твоей и корабль наш свое направление выбрал;
Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли;
560 Сами находят они и жилища людей, и поля их
Тучнообильные; быстро они все моря обтекают,
Мглою и туманом одетые; нет никогда им боязни
Вред на волнах претерпеть иль от бури в пучине погибнуть.
Вот что, однако, в ребячестве я от отца Навспфоя
565 Слышал: не раз говорил он, что бог Посейдон недоволен
Нами за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаясь морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокой горою
570 Град наш задвинет. Исполнит ли то Посейдон земледержец
Иль не исполнит — пусть будет по воле великого бога!
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где по морям ты скитался? Каких человек ты земли
Видел? Светлонаселенные их города опиши нам:
575 Были ль меж ними свирепые, дикие, чуждые правды?
Были ль благие для странника, чтущие волю бессмертных?
Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?
Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий
580 Боги, чтоб славною песнею были они для потомков.
Ты же, конечно, утратил родного у стен илионских,
Милого зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкие после возлюбленных сродников кровных?
Или товарища нежноприветного, кроткого сердцем,
585 Там потерял ты? Не менее брата родного любезен
Нам наш товарищ, испытанный друг и разумный советник».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей богоравный:
 «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
 Сладко вниманье свое нам склонять к песнопевцу, который,
 Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
 5 Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
 Видеть, как целой страной обладает веселье; как всюду
 Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая; как гости
 Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
 Пышно покрытыми; как из кратер животворный напиток
 10 Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
 Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может.
 Но от меня о плачевных страданьях моих ты желаешь
 Слышать, чтоб сердце мое преисполнилось плачем сильнейшим:
 Что же я прежде, что после и что наконец расскажу вам?
 15 Много Ураниды боги мне бедствий различных послали.
 Прежде, однако, вам имя свое назову, чтоб могли вы
 Знать обо мне, чтоб, покуда еще мной не встречен последний
 День, и в далекой стране я считался вам гостем любезным.
 Я Одиссей, сын Лаэртот, везде изобретеньем многих
 20 Хитростей славных и громкой молвой до небес вознесенный.
 В солнечносветлой Итаке живу я; там Нерион, всюду
 Видимый с моря, подьмет вершину лесистую; много
 Там и других островов, недалеких один от другого:
 Зам, и Дулихий, и лесом богатый Закиф; и на самом
 25 Западе плоско лежит окруженная морем Итака
 (Прочие ж ближе к пределу, где Эос и Гелиос всходят);
 Лоно ее каменисто, но юношей бодрых питает;
 Я же не ведаю края прекраснее милой Итаки.
 Тщетно Калипсо, богиня богинь, в заключении долгом
 30 Силой держала меня, убеждая, чтоб был ей супругом;
 Тщетно меня чародейка, убедица Эи, Цирцея
 В доме держала своим, убеждая, чтоб был ей супругом,—
 Хитрая лезть их в груди у меня не опутала сердца;
 Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
 35 Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
 Мы на чужой стороне, далеко от родителей милых.
 Если, однако, велишь, то о странствии трудном, какое
 Зевс учредил мне, от Трои плывущему, все расскажу я.
 Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
 40 Исмару: град мы разрушили, жителей всех истребили.

Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.
Я ж настоял, чтоб немедля стопкою поспешною в бегство
Все обратились: но добрый совет мой отвергли безумцы;
45 Полные хмеля, они пировали на бреге песчаном,
Мелкого много скота и быков криворогих зарезав.
Тою порою киконы, из града бежавшие, многих
Собрали живших соседственно с ними в стране той киконов,
Сильных числом, приобыкших сражаться с коней и не мене
50 Смелых, когда им и лучшим в сраженье вступать надлежало.
Вдруг их явилось так много, как листьев древесных иль ранних
Вешних цветов; и тогда же нам сделалось явно, что злую
Участь и бедствия многие нам приготовил Кронион.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходных,
55 Острые копыя, обитые медью, бросая друг в друга. Покуда
Длилось утро, пока продолжал подыматься священный
День, мы держались и их отбивали, сильнейших; когда же
Гелиос к позднему часу волов отпряженъ склонился,
В бег обратили киконы ослепленных ими ахеян.
60 С каждого я корабля по шести броненосцев отважных
Тут потерял; от судьбы и от смерти ушли остальные.
Далее поплыли мы в сокрушенъ великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
Я ж не отвел кораблей легкоходных от берега, покуда
65 Три раза не был по имени назван из наших несчастных
Спутников каждый, погибший в бою и оставленный в поле.
Вдруг собирающий тучи Зевес буреносца Борея,
Страшно ревущего, выслал на нас; облака обложили
Море и землю, и темная с грозного неба сошла ночь.
70 Мчались суда, погружаясь в волны носами; ветрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избегая беды, в корабли их, свернув, уложили;
Сами же начали веслами к ближнему берегу править;
Там провели мы в бездействии скучном два дня и две ночи,
75 В силах своих изнуренные, с тяжкой печалию сердца.
Третий нам день привела светлозарнокудрявая Эос;
Мачты устроив и снова подняв паруса, на суда мы
Сели; они понеслись, повинувъ кормилу и ветру.
Мы невредимо бы в милую землю отцов возвратились,
80 Если б волнение моря и сила Борея не сбили
Нас, обходящих Малею, с пути, отдалив от Киферы.
Деять носила нас дней раздраженная буря по темным
Рыбообильным водам; на десятый к земле лотофагов,

85 Пищей цветочной себя насыщающих, ветер примчал нас.
Вышед на твердую землю и свежей водою запасшись,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов учредили.
Свой удовольствовав голод питьем и едою, избрал я
Двух расторопнейших самых товарищей наших (был третий
90 С ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы достигли
Людам, вкушающим хлеб на земле, изобильной дарами.
Мирных они лотофагов нашли там; и посланным нашим
Зла лотофаги не сделали; их с дружелюбною лаской
Встретив, им лотоса дали отведать они; но лишь только
95 Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб вкусный
Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчины.
Силой их, плачущих, к нашим судам притащив, повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям;
остальным же
100 Верным товарищам дал приказанье, нимало не медля,
Всем на проворные сесть корабли, чтоб из них некоторый,
Лотосом сладким прельстясь, от возврата домой не отрекся.
Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
105 Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева дает им
110 Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они или на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
115 Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от берега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
120 Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким с псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют, ни пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
125 Ибо циклопы еще кораблей красногрудых не знают;

Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
130 Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там все бы роскошно рождалось к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
135 Рожью, и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надежная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымет ветер попутный.
140 В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей черных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли; не светила Селена
145 С неба высокого; тучи его покрывали густые;
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулись брега.
Но лишь коснулись брега они, паруса мы свернули;
150 Сами же, вышед на берег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
155 Коз с обвеваемых ветрами гор, для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи легкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяясь,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы,
160 Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо еще на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
165 Сладким напитком, разрушивши город священный киконов.
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блеянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло, и тьма наступила.

Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
170 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблем и моими людьми удаляясь,
175 Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий правды,
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелед, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у весел,
180 Разом могучими веслами вспенили темные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
185 Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был пелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
190 Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелед я остаться на берегу
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
195 Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным
Мехом: Марон, Аполлона великого жрец, Еванфеев
Сын, обитавший в разрушенном Исмаре, им наделил нас
В дар, благодарный за то, что его мы с женою и с сыном —
200 Сан уважая жреца — пощадил в граде, где жил он
В роце густой Аполлона; меня ж одарил он особо:
Золота лучшей доброты он дал мне семь полных талантов;
Дал сребролитную дивной работы кратеру и налил
Целых двенадцать больших мне скуделей вином, драгоценным,
205 Крепким, божественно-сладким напитком; о нем же не ведал
В доме никто из рабов и рабынь и никто из домашних,
Кроме хозяина, умной хозяйки и ключницы верной.
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нашедши,
210 В двадцать раз более воды подбавляли, и запаха из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.

Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вщее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
215 Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
220 Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещенные: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
225 Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
230 Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость
нам было.

Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерняя пища, явился
235 Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
240 Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
245 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустило для сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
250 Кончив с заботливым слехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,

Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок отвечив так я циклопу:
«Все мы ахейцы; плывем от далекия Трои; сюда же
260 Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сблись; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона; он же
265 Всех земнородных людей превзошел несказанною славой,
Город великий разрушив и много врагов истребивши.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойсь богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
270 Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и заступник».
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
275 Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, где корабль пришли вы
280 К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами отвечив злему циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалеко от здешнего берега на камни
285 Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалось».
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
290 Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый голодом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
295 К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив свое человеческим мясом и свежим

Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
300 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящую медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
305 Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и допть принялся по порядку
Коз и овец; подонив же, под каждую матку ее он
310 Крал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукою оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
315 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу.
Вот что, размыслив, нашел наконец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
320 Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
325 Был он, конечно, как мачта длинной, толщиной и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя,
Выглядить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
330 Кол, приговленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
335 Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нем подозренье иль демон его надомил).

340 Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжелой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
345 Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
350 Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперед, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
355 Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне,— сказал он,— еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождем оплодждает;
360 Твой же напиток — амброзия чистая с нектаром сладким».
Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
365 «Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычных мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед звероправный:
«Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь ты самый
370 последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.
375 Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя п сырой был; поспешно
380 Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;

Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
385 Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
390 Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне зашиневши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
395 Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный.
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
вырвав

Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в пеступленье
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
400 Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром, вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
405 Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
410 «Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь.
В помощь отца своего призови, Посейдона владыку».
Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
415 Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
420 Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.

Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
425 Были бараны большне, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогами, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
430 Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждом
Трех был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впусив их)
435 Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, еще не доенные, жалко блеяли в закутах,
440 Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
445 Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любямец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
450 Сладкоцветущей травкою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
455 Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
460 Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
465 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье

К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
470 Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыв расстояние, в каком человечесий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
475 «Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес, и другие
480 Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;
485 Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
490 Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Был на двойном расстоянии от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий, — они говорили, — зачем ты чудовище дразнишь?
495 В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокый: до нас же он верно добросит».
500 Так говорили они; но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
«Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаërта
505 Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».
Так я сказал. Заревел он от злости и громко воскликнул:
«Горе! Пророчество древнее ныне сбылось надо мною;
Некогда был здесь один предсказатель великий и мудрый,

Телам, Евримиев сын, знаменитейший в людях всевидец;
510 Жил и состарился он, прорицая, в земле у циклопов.
Ведая все, что должно совершиться в грядущем, предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренье мое уничтожит.
Я же все думал, что явится муж благовидный, высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий смертный...
515 Что же? Меня малорослый урод, человечешко хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.
Если ж ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посейдона, чтоб путь совершил ты безбедно
По морю; сын я ему; он отцом мне слывет; и один он,
520 Если захочет, погибшее зренье мое возвратить мне
Может — один он, никто из людей и никто из бессмертных». —
Так говорил Полифем. Я, ответствуя, громко воскликнул:
«О, когда бы я так же мог верно и гнусную вырвать
Душу твою из тебя и к Аиду низвергнуть, как верно
525 То, что тебе колыбель земли не воротит уж глаза!»
Так отвечал я; тут начал он, к звездному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему, Посейдону владыке:
«Царь Посейдон земледержец, могучий, лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай, чтоб достигнул
530 В землю свою Одиссей, городов сокрушитель, Лаэртов
Сын, обладатель Итаки, меня ослепивший. Когда же
Воля судьбы, чтоб увидел родных мой губитель, чтоб в дом свой
Царский достигнул, чтоб в милую землю отцов возвратился,
Дай, чтоб по многих напастях, утратив сопутников, поздно
535 Прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе».
Так говорил он, моляся, и был Посейдоном услышан.
Тут он огромнейший первого камень схватил и с размаху
В море его с непомерною силою швырнул; загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим
540 Грянулся в воду так близко к нему, что едва не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалось море от падшей громады;
Судно ж волною помчало вперед к недалекому брегу
Острова Коз; и вошли мы обратно в ту пристань, где наши
В месте защитном оставлены были суда, где печально
545 Спутники в скуке сидели и ждали, чтоб мы воротились.
К брегу пристав, быстроходный корабль на песок мы втащили;
Сами же вышли на брег, поражаемый шумно волнами.
Тучных циклоповых коз и баранов собравши, добычу
Стали делить мы, чтоб каждому должный достался участок;
550 Мне же от светлообутых сопутников в дар был особо
Главный назначен баран, и его принесли мы на бреге

В жертву Крониону, туч собирателю, Зевсу владыке.
Тучные бедра пред ним мы сожгли. Но, отвергнув он жертву,
Стал замышлять, чтоб, беды претерпев, напоследок и всех я
555 Спутников верных, и всех кораблей крепкозданных лишился.
Жертву принеши, мы целый там день до вечерного мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
560 Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они на проворных
Все кораблях собралися и все отвязали канаты.
Спутники все собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
565 Далее поплыли мы в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Гиппотов сын там, Эол благородный, богами любимый.
Остров плавучий его неприступною медной стеною
Весь обнесен; берега ж поднимаются гладким утесом.
5 Там от супруги двенадцать детей родилось Эолу,
Шесть дочерей светлоликих и шесть сыновей многочисленных.
Вырастив их, сыновьям дочерей он в супружество отдал.
Днем с благородным отцом и заботливой матерью вместе
Все за трапезой, уставленной яствами, сладко пируют
10 В зале они, благовоной от запаха пищи и пенем
Флейт оглашаемой; ночью же, каждый с своею супругой,
Спят на резных, дорогими коврами покрытых кроватях.
В град их прибывши, мы в дом их богатый вступили; там целый
Месяц Эол угощал нас радушно и с жадностью слушал
15 Повесть о Трое, о битвах аргивян, о их возвращенье;
Все любопытный заставил меня рассказать по порядку.
Но напоследок, когда обратился я, в путь изготовясь,
С просьбой к нему отпустить нас, на то согласясь благосклонно,
Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
20 Мех с заключенными в нем буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбудить иль обуздывать, как приходило желанье.

Мех на просторном моем корабле он серебряной питью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
25 Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать; но домой возвратиться
Дий не судил нам: своей безрассудностью все мы погибли.
Девять мы суток и денно и ночью свой путь совершали;
Вдруг на десятые сутки явился нам берег отчизны.
30 Был он уж близко; на нем все огни уж могли различить мы.
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился, понеже
Правил до тех пор кормилом один, никому не желая
Вверить его, чтоб успешней достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговор; полагали
Все, что с собою имел серебра я и золота много,
Мне на прощание данных царем благородным Эолом.
Глядя друг на друга, так рассуждали они меж собою:
«Боги! Как всюду его одного уважают и любят
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумал
40 Он посетить. Уж и в Трое он много сокровищ от разных
Собрал добыч; мы одно претерпели, один совершили
Путь с ним — а в дом свой должны возвратиться с пустыми
руками.
Так и Эол; лишь ему одному он богатый подарок
Сделал; посмотрим же, что им так плотно завязано в этом
45 Мехе: уж верно найдем серебра там и золота много».
Так говорили одни; их одобрили все остальные.
Мех был развязан, и шумно исторглись ветры на волю;
Бурю воздвигнув, они с кораблями их, громко рыдавших,
Снова от брега отчизны умчали в открытое море.
50 Я пробудился и долго умом колебался, не зная,
Что мне избрать, самого ли себя уничтожить, в пучину
Бросясь, иль, молча судьбе покорясь, меж живыми остаться.
Я покорился судьбе и на дне корабля, завернувшись
В мантию, тихо лежал. К Эолийскому острову снова
55 Бурею наши суда принесло. Все товарищи с плачем
Вышли на твердую землю; запасись водой ключевою,
Наскоро легкий обед мы у быстрых судов совершили.
Свой удовольствовав голод едой и питьем, я с собою
Взял одного из товарищей наших с глашатаем; прямо
60 К дому Эола царя мы пошли и его там застали
Вместе с женой и со всеми детьми за семейным обедом.
В двери палаты вступив, я с своими людьми на пороге
Сел; изумилась царева семья; все воскликнули вместе:
«Ты ль, Одиссей? Не зловредный ли демон к тебе прикоснулся?»

65 Здесь мы не всё ль учредили, чтоб ты беспрепятственно прибыл
В землю отцов или в иную какую желанную землю?»
Так говорили они; с сокрушением души отвечал я:
«Сон роковой и безумие спутников мне приключили
Бедствие злое; друзья, помогите; вам это возможно».

70 Так я сказал, умоляющим словом смягчить их надеясь.
Все замолчали они; но отец мне отвечивал с гневом:
«Прочь, недостойный! Немедля мой остров покинь; неприлично
Нам под защиту свою принимать человека, который
Так очевидно бессмертным, блаженным богам ненавистен.

75 Прочь! Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен».
Кончив, меня он, рыдавшего жалобно, из дому выслал.
Далее поплыли мы в сокрушении сердца великом.
Люди мои, утомяся от гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишены собственным жалким безумством.

80 Денно и ночью шесть суток носясь по водам, на седьмые
Прибыли мы к многовратному граду в стране лестригонов,
Ламосу. Там, возвращаясь с поля, пастух вызывает
На поле выйти другого; легко б несонливый работник
Плату двойную там мог получать, выгоняя пастись

85 Днем белорунных баранов, а ночью быков криворогих:
Ибо там паства дневная с ночью сближается паствой.
В славную пристань вошли мы: ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга из темныя бездны

90 Моря торчащими камнями, вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали, у берега тесным
Рядом поставив: там волн никогда ни великих, ни малых
Нет, там равниною гладкою доно морское сияет.

95 Я же свой черный корабль поместил в отдаленье от прочих,
Около устья, канатом его привязав под утесом.
После взошел на утес и стоял там, кругом озираясь:
Не было видно нигде ни быков, ни работников в поле;
Изредка только, взвиваяся, дым от земли подымался.

100 Двух расторопнейших самых товарищей наших я выбрал
(Третий был с ними глашатай) и сведать послал их, к каким мы
Людям, вкушающим хлеб на земле плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась им, по которой
В город дрова на возах с окружающих гор доставлялись.

105 Сильная дева им встретилась там; за водою с кувшином
За город вышла она; лестригон Аяфат был отец ей;
Встретились с нею они при ключе Артакийском, в котором

Черпали светлую воду все, жившие в городе близком.
К ней подошедши, они ей сказали: «Желаем узнать мы,
110 Дева, кто властвует здешним народом и здешней строною?»
Дом Антифата, отца своего, им она указала.
В дом тот высокий вступивши, они там супругу владыки
Встретили, ростом с великую гору,— они ужаснулись.
Та же велела скорей из собранья царя Антифата
115 Вызвать; и он, прибежав, на погибель товарищей наших,
Жадно схватил одного и сожрал; то увидя, другие
Бросились в бегство и быстро к судам возвратились; он же
Начал ужасно кричать и встревожил весь город; на громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа лестригонов могучих;
120 Много сбежалось их, великанам, не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялася тревога — ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей; тут злосчастных
Спутников наших, как рыб, нанизали на колья и в город
125 Всех унесли на съеденье. В то время как бедственно гибли
В пристани спутники, острый я меч обнажил и, отсекая
Крепкий канат, на котором стоял мой корабль темноносый,
Людям, собравшимся в ужасе, молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
130 Близкой беды: уstraшенные дружно ударили в весла.
Мимо стремнистых утесов в открытое море успешно
Выплыл корабль мой; другие же все невозвратно погибли.
Далее поплыли мы, в сокрушение великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.
135 Мы напоследок достигли до острова Эи. Издавна
Сладкоречивая, светлокудрявая там обитает
Дева Цирцея, богиня, сестра кознодея Ээта.
Был их родителем Гелиос, бог, озаряющий смертных;
Мать же была их прекрасная дочь Океанова, Перса.
140 К брегу крутому пристав с кораблем, потаенно вошли мы
В тихую пристань: дорогу нам бог указал благосклонный.
На берег вышед, на нем мы остались два дня и две ночи,
В силах своих изнуренные, с тяжелой печалию сердца.
Третий нам день привела светозарнокудрявая Эос.
145 Взявши копье и двуострый свой меч опоясав, пошел я
С места, где был наш корабль, на утесистый берег, чтоб сведать,
Где мы? Не встречу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь
голос?
Став на вершине утеса, я взором окинул окрестность.
Дым, от земли путеносной вдали восходящий, увидел

150 Я за широко разросшимся лесом в жилище Цирцеи.
Долго рассудком и сердцем колеблясь, не знал я, идти ли
К месту тому мне, где дым от земли подымался багровый?
Дело обдумав, уверился я наконец, что удобней
155 Было сначала на брег, где стоял наш корабль, возвратиться,
Там отобедать с людьми и, надежнейших выбрав, отправить
Их за вестями. Когда ж к кораблю своему подходил я,
Сжалился благостный бог надо мной, одиноким: навстречу
Мне он оленя богаторогатого, тучного выслал;
160 Пажить лесную покинув, к студеной реке с несказанной
Жаждой бежал он, измученный зноем полдневого солнца.
Меткое бросив копье, поразил я бегущего зверя
В спину: ее проколовши насквозь, острием на другой бок
Вышло копье; застав, он упал, и душа отлетела.
Ногу уперши в убитого, вынул копье я из раны,
165 Подле него на земле положил и немедля болотных
Гибких тростинок нарвал, чтоб веревку в три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутив их. Веревку
Свивши, связал я оленю тяжелому длинные ноги;
Между ногами просунувши голову, взял я на плечи
170 Ношу и с нею пошел к кораблю, на копье опираясь;
Просто ж ее на плечах я не мог бы одною рукою
Снести: был чрезмерно огромен олень. Перед судном на землю
Бросил его я, людей разбудил и, приветствовав всех их,
Так им сказал: «Ободритесь, товарищи, в область Аида
175 Прежде, пока не наступит наш день роковой, не сойдем мы;
Станем же ныне (едой наш корабль запасен изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голод».
Было немедля мое повеленье исполнено; снявши
Верхние платья, они собрались у бесплодного моря;
180 Всех их олень изумил, несказанно великий и тучный;
Очи свои удовольствовав сладостным зреньем, умыли
Руки они и поспешно обед приготовили вкусный.
Целый мы день до вечернего сумрака, сидя на берегу,
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались;
185 Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
«Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
190 Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
Где светосный под землю спускается Гелиос, где он
На небо всходит; должны мы теперь совакою размыслить,

Можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем.
С этой крутой высоты я окрестность окинул глазами:
195 Остров, безбрежною бездной морской, как венцом, окруженный,
Плоско на влаге лежащий, увидел я; дым подымался
Густо вдали из широкорастущего, темного леса».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце:
В память пришли им и злой лестригон Антифат, и надменный
200 Силой своею циклоп Полифем, людоед святотатный;
Громко они застонали, обильным потоком проливши
Слезы, — напрасно: от слез и от стонов их не было пользы.
Тут разделить я решился товарищей меднообутых
На две дружины; одною дружиной начальствовал сам я;
205 Избран вождем был дружины другой Еврилох благородный.
Жеребьи в медноокованном шлеме потом потрясли мы —
Вынулся жеребий твердому сердцем вождю Еврилоху.
В путь собрался он, и с ним двадцать два из товарищей наших.
С плачем они удалились, оставя нас, горем обьятых.
210 Скоро они за горами увидели крепкий Цирценин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
Около дома толпилися горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они подбежали
215 К ним миролюбно и, их окруживши, махали хвостами.
Как к своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся — им же всегда он приносит остатки обеда, —
Так остропальные львы и шершавые волки к пришельцам
Ластились. Их появленьем они, приведенные в ужас,
220 К дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспешно
Все устремились. Там голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя за широкой, прекрасной, божественно тонкой
Тканью, какая из рук лишь богини бессмертной выходит.
К спутникам тут обратятся, Политос, мужей предводитель,
225 Мне меж другими вернейший, любезнейший друг мой,
сказал им:
«Слышите ль голос приятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поет там, гармонией всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня пль смертная? Голос скорей подадим ей».
230 Так он сказал им; они закричали, чтоб вызвать певицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,
В дом пригласила вступить их; забыв осторожность, вступили
Все; Еврилох лишь один назади, усомнившись, остался.
Чином гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смеси из сыра и меду с ячменной мукой и с прамнейским

235 Светлым вином подала им, подсыпав волшебного зелья
В чашу, чтоб память у них об отчизне пропала; когда же
Ею был подан, а ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
240 Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей, с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако, рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свидины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать. К кораблю Еврилох прибежал той порою
245 С вестью плачевной о бедствии, спутников наших постигшем.
Долго не мог, сколь ни силился, слова сказать он, могучим
Горем проникнутый в сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа в нем терзалась от скорби; когда же
Все мы его в изумленье великом расспрашивать стали,
250 Так рассказал он мне повесть о бедствии посланных наших:
«Лес перешедши, как ты повелел, Одиссей многославный,
Скоро мы там за горами увидели крепкий Цирцеин
Дом, сгроможденный из тесаных камней на месте открытом.
В нем, мы услышали, пела прекрасно певица, за тканью
255 Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчас мы голос
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
В дом нас вступить пригласила; забыв осторожность, вступили
Все; я остался один назади, предузнавши гибель;
Все там исчезли они, и обратно никто уж не вышел.
260 Долго я ждал; напоследок ушел, ничего не узнавши».
Так он сказал; и немедля, надев на плечо среброгвоздный,
Медный, двуострый мой меч и схвативши свой туго согбенный
Лук, я велел Еврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но он, на колена в великом
265 Страхе упав, мне с рыданием бросил крылатое слово:
«Нет, повелитель, позволь за тобой не ходить мне; уверен
Я, что ни сам ты назад не придешь, ни других не воротишь
Спутников наших; советую лучше, как можно скорее,
Бегством спастись, иль все мы ужасного дня не минуем».
270 Так говорил Еврилох, и, ему отвечая, сказал я:
«Друг Еврилох, принуждать я тебя не хочу; оставайся
Здесь, при моем корабле, утешаться питьем и едою;
Я же пойду; непреклонной нужде покориться мне должно».
С сими словами пошел я от моря, корабль там оставив.
275 Той же порой, как, в святую долину спустился, уж был я
Близко высокого дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмий с железом золотым пред глазами моими, нежданной,

Стал, заступив мне дорогу; пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном
280 Младости цвете. Мне ласково руку подавши, сказал он:
«Стой, злополучный, куда по горам ты бредешь одиноко,
Здесьнего края не ведая? Люди твои у Цирцеи;
Всех обратила в свиней чародейка и в хлев заперла свой.
Их ты избавить спешешь; но и сам, опасаясь, оттуда
285 Цел не уйдешь; и с тобою случится, что с ними случилось.
Слушай, однако: тебя от беды я великой избавить
Средство имею; дам зелье тебе; ты в жилище Цирцеи
Смело поди с ним; оно охранит от ужасного часа.
Я же тебе расскажу о волшебствах коварной богини:
290 Пойло она приготовит и зелья в то пойло подсыплет.
Но над тобой не подействуют чары; чудесное средство,
Данное мною, их силу разрушит. Послушай; как скоро
Мощным железом чародейным Цирцея к тебе прикоснется,
Острый свой меч обнажив, на нее устремись ты немедленно,
295 Быстро, как будто ее умертвить вознамерясь; в испуге
Станет на ложе с собою тебя призывать чародейка —
Ты не подумай отречься от ложа богини: избавишь
Спутников, будешь и сам гостелюбно богиню принят.
Только потребуй, чтоб прежде она поклялася великой
300 Клятвой, что вредного замысла против тебя не имеет:
Иначе мужество, ею расслабленный, все ты утратишь».
С сими словами растение мне подал божественный Эрмий,
Вырвав его из земли и природу его объяснив мне:
Корень был черный, подобен был цвет молоку белизною;
305 *Моли* его называют бессмертные; людям опасно
С корнем его вырывать из земли, но богам все возможно.
Эрмий, подав мне растение, на светлый Олимп удалился.
Я же пошел вдоль лесистого острова к дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
310 Став перед дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Начал ее вызывать; и, услышав мой голос, немедленно
Вышла она, отворила блестящие двери и в дом дружелюбно
Мне предложила вступить; с сокрушением сердца вступил я.
Введши в покои меня и на стул посадив среброгвоздный
315 Редкой работы (для ног же была там скамейка), богиня
В чашу златую влила для меня свой напиток; но прежде,
Злое замыслив, подсыпала зелье в него; и когда он
Ею был подан, а мною безвредно отведав, свершила
Чару она, дав удар мне железом и сказав мне такое
320 Слово: «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими».

Я же свой меч изощренный извлек и его, подбежав к ней,
Поднял, как будто ее умертвить вознамерившись; громко
Вскрикнув, она от меча увернулась и, с плачем великим
Сжавши колена мои, мне крылатое бросила слово:
325 «Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?
Я в изумленье; питья моего ты отведал и не был
Им превращен; а доселе никто не избег чародейства,
Даже и тот, кто, не пив, лишь губами к питью прикасался.
Сердце железное бьется в груди у тебя; и, конечно,
330 Ты Одиссей, многохитростный муж, о котором давно мне
Эрмий, носитель жезла золотого, сказал, что сюда он
Будет, на черном плывя корабле от разрушенной Трон.
Вдвинь же в ножны медноострый свой меч и со мною
335 Ложе мое раздели: сочетавшись любовью на сладком
Ложе, друг другу доверчиво сердце свое мы откроем».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Как же могу, о Цирцея, твоим быть доверчивым другом,
Если в свиней обратила моих ты спутников? Мне же,
Гибельный, верно, замысля обман, ты теперь предлагаешь
340 Ложе с тобой разделить, затворившись в твоей почивальне,—
Там у меня, безоружного, мужество все ты похитишь.
Нет, не надейся, чтоб ложе твое разделил я с тобой
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что вредного замысла против меня не имеешь».
345 Так я сказал, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила,
С нею в ее почивальне я лег на прекрасное ложе.
Тою порою заботились в светлых покоях четыре
Девы, служанки проворные, всё учреждавшие в доме;
350 Все они дочери были потоков, и роц, и священных
Рек, в необъятное лоно глубокого моря бегущих.
Дева одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры ж полотняные ткани.
К каждым креслам другая серебряный чудной работы
355 Стол пододвинула с хлебом в золотых драгоценных корзинах.
Третья смешала в кратере серебряной воду с медвяным,
Сладким вином; на столы же поставила кубки золотые.
Светлой воды принесла напоследок четвертая дева:
Яркий огонь разложив под треножным котлом, вскипятила
360 Воду она; вскипятивши же воду в котле, осторожно
Стала сама, из котла подливая воды вскипяченной
В свежую воду, плеча орошать мне и голову теплой
Влагой: и тем прекратилось томившее дух расслабленье

365 Тела. Когда ж и омыт я, и чистым натерт был елеем,
Легкий надевши хитон и косматую мантию, с девой
В светлый покой я вступил, и она к среброгвоздным, богатым
Креслам меня проводила, — была там для ног и скамейка.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть мне
370 Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса,
Выданным ею охотно, и стала меня дружелюбно
Потчевать вкусною пищей; но пища была мне противна.
Думой объятый, сидел я с недобрим предчувствием в сердце.
375 Видя, что думой объятый сижусь и что к лакомой пище
Рук не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мне подошедши, крылатое бросила слово:
«Что у тебя на душе, Одиссей? Отчего так уныло
Здесь ты сидишь, как немой, ни еды, ни питья не вкушая?
380 Или еще ты страшишься какого коварства? Напрасен
Страх твой; ты слышал, тебе поклялась я великою клятвой».
Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящий,
Муж согласится себя утешать и питьем и едою
385 Прежде, пока не увидит своими глазами спасенья
Спутников? Если желаешь, чтоб пищи твоей я коснулся,
Спутников дай мне спасенье своими глазами увидеть».
Так я сказал, и немедля с жезлом из покоев Цирцея
Вышла, к закуте свиной подошла и, ее отворивши,
390 Их, превращенных в свиной девятигодовалых, оттуда
Вывела; стали они перед нею; она ж, обошед их
Всех, поочередно помазала каждого мазью, и разом
Спала с их тела щетина, его покрывавшая густо
С самых тех пор, как Цирцея дала им волшебного зелья;
395 Прежний свой вид возвратив, во мгновение все стали моложе,
Силами крепче, красивей лицом и возвышенной станом;
Все во мгновение узнали меня и ко мне протянули
Радостно руки; потом зарыдали от скорби; их воплем
Дом огласился; проникнула жалость и в душу Цирцеи.
400 Близко ко мне подошедши, богиня богинь мне сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и верным
Спутникам всем совокупно втащить повели на зыбучий
Берег корабль твой; потом, все богатства и снасти в пещере
405 Скрыв и товарищей взявши с собою, сюда возвратися».
Так мне сказала, и я покорился ей мужеским сердцем.

Шагом поспешным пришед к кораблю на песчаное взморье,
Близ корабля я на берегу нашел всех товарищей верных,
Стонущих громко, из глаз изобильные слезы лиющих.
410 Как запертые в закутах телята, увидя идущих
С паствы коров, напивавшихся сочной травой луговой,
Все им навстречу бегут, из заград вырываяся тесных,
Все окружают, мыча, возвратившихся с пажити маток:
Так побежали толпою, увидя меня издалека,
415 Спутники все мне навстречу; и сильно проникла их сердце
Радость, как будто б в родную они возвратились Итаку,
В наше отечество милое, где родились и цвели мы.
Горько заплакав, они мне крылатое бросили слово:
«Радостно нам возвращенье твое, повелитель, как будто б
420 В наше отечество, в нашу Итаку мы вдруг возвратились.
Но не скрывайся, скажи, где товарищи? Что их постигло?»
Так говорили они, вопрошая; им так отвечал я:
«Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучий
Берег втащите; в пещере потом все богатства и снасти
425 Скройте; потом соберитесь и следуйте смело за мною.
К спутникам вас поведу я в святую обитель Цирцеи.
Всех их, питьем и едой веселящихся, там вы найдете».
Было немедля мое повеленье исполнено ими.
Но Еврилох, вопреки мне, хотел удержать их; он смело,
430 Голос возвысив, товарищам бросил крылатое слово:
«Стойте; куда вы, безумцы? За ним по следам вы хотите
В дом чародейки опасной идти? Но она превратит вас
Всех иль в свиней, иль в шершавых волков, иль в лесных
густогривых
Львов, чтоб ее стерегли вы жилище; там с вами случится
435 То ж, что случилось в пещере циклопа, куда безрассудно
Наши товарищи следом за дерзким вошли Одиссеем.
Он, необузданный, был их погибели жалкой виною».
Так говорил Еврилох, и меня побуждало уж сердце
Меч длинноострый схватить и его обнаженною медью
440 Голову с плеч непокорного сбросить на землю, хотя он
Был мне и родственник близкий; но спутники все, удержавши
Руку мою, обратили ко мне миротворное слово:
«Если желаешь, божественный, пусть Еврилох остается
У моря здесь с кораблем и его сторожит неусыпно;
445 Мы же пойдем за тобою в святую обитель Цирцеи».
Всех их от моря повел я, корабль наш покинув на берегу;
Но Еврилох не остался один с кораблем и за нами
Следом пошел, приведенный моими угрозами в трепет.

Тою порой остальные товарищи в доме Цирцея
450 Баней себя освежили; душистым натершись елеем,
В легкий хитон и косматую мантию каждый облекся.
Я, возвратясь, их нашел за роскошной трапезой сидящих.
Свидясь с друзьями и все рассказав о случившемся с ними,
Громко они зарыдали, их воплем весь дом огласился.
455 Близко ко мне подошедши, богиня Цирцея сказала:
«Царь Одиссей, многохитростный муж, Лаэртид благородный,
Все вы свою укротите печаль и от слез воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водах многорыбного моря,
Что на земле от свирепых людей претерпели вы,— горе
460 Бросив теперь, наслаждайтесь питьем и едою, покуда
В вашей груди не родится то мужество снова, с которым
Некогда в путь вы пустились, расставшись с отчизною милой,
С вашей суровой Итакою. Ныне в беспилии робком,
Все помышляя о странствии бедственном, сердце веселью
465 Вы затворяете,— были велики страдания ваши».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
С тех пор вседневно, в течение мы целого года
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Но когда наконец обращенъм времен совершен был
470 Круг годовой, миновались месяцы, дни пролетели,
Спутники все приступили ко мне с убедительной речью:
«Время, несчастный, тебе о возврате в Итаку подумать,
Если угодно богам, чтоб спаслись мы, чтоб мог ты увидеть
Светло-богатый свой дом, и отчизну, и милых домашних».
475 Так мне сказали, и я покорился им мужеским сердцем.
Весело весь мы тот день до вечернего позднего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная.
Спутники все предались в потемневших палатах покою.
480 Я ж, возвратясь к Цирцее, с ней рядом на ложе роскошном
Лег, и колена ее обхватил, и богине, склонившей
Слух свой ко мне со вниманием, бросил крылатое слово:
«О Цирцея, исполни свое обещанье в отчизну
Нас возвратить; сокрушается сердце по ней; в сокрушенье
485 Спутники все приступают ко мне и мою раздрают
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобным плачем».
Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В доме своем я тебя поневоле держать не желаю.
490 Прежде, однако, ты должен, с пути уклонясь, проникнуть
В область Аида, где властвует страшная с ним Персефона».

Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там.
Разум ему сохранен Персефоной и мертвому; в аде
495 Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют».
Так говорила богиня; во мне растерзалось сердце;
Горько заплакал я, сидя на ложе, мне стала противна
Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложе, рыдал безутешно.
500 Но напоследок, богине ответствуя, так я сказал ей:
«Кто ж, о Цирцея, на этом пути провожатым мне будет?
В аде еще не бывал с кораблем ни один земнородный».
Так спросил я богиню, и так мне она отвечала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
505 Верь, кораблю твоему провожатый найдется; об этом
Ты не заботься; но, мачту поставив и парус поднявши,
Смело плыви; твой корабль передам я Борею; когда же
Ты, Океан в корабле поперек переплывши, достигнешь
Низкого берега, где дико растет Персефонин широкий
510 Лес из ракии, свой теряющих плод, и из тополей черных,
Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мгlistую область.
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвью Стикса; утес там
515 Виден, и обе под ним многотучно сливаются реки.
Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое смесью медвяной, другое вином благовонным,
520 Третье водою и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратясь, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить, Тиресия ж более прочих уважить, особо
525 Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
После (когда обещанье дашь многославным умершим)
Черную овцу и черного с нею барана,— к Эрэбу
Их обратив головою, а сам обратясь к Океану,—
В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой
530 Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты
Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и с барана,
Острой зарезанных медью, лежащих в крови перед вами,
Кожу, их бросить немедля в огонь и призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;

535 Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним
перед ямой
Сев, запрещаай приближаться безжизненным теням усопших
К крови, покуда ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Скоро и сам он, представ пред тобой, повелитель народов,
Скажет тебе, где дорога, и долог ли путь, и успешно ль
540 Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься).
Так говорила она; той порой златотронная Эос
Встала; богиня, в хитон и хламиду меня облачивши,
Светлосеребряной ризой из тонковоздушных тканей
Нежные плечи одеда свои, золотым драгоценным
545 Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Я же, чертоги ее перешедши, товарищей верных
Всех разбудил и, приветствие каждому сделав, сказал им:
«Время, друзья, вам от сладкого сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдем; нас богиня сама побуждает к отъезду».
550 Так я сказал, и они покорились мне мужеским сердцем.
Но и оттуда не мог я отплыть без утраты печальной:
Младший из всех на моем корабле, Ельпенор, неотличный
Смелостью в битвах, нещедро умом от богов одоренный,
Спать для прохлады ушел на площадку возвышенной
кровли

555 Дома Цирцеи священного, крепким вином охмеленный.
Шумные сборы товарищей, в путь уж готовых, услышав,
Вдруг он вскочил и, от хмеля забыв, что назад обратиться
Должен был прежде, чтоб с кровли высокой сойти по ступеням,
Прянул спросонья вперед, сорвался и, ударясь затылком
560 Оземь, сломил позвоночную кость, и душа отлетела
В область Аида. Тем временем спутникам так говорил я:
«Мыслите, верно, друзья, вы, что в милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь нам иной указала Цирцея:
В царстве Аида, где властвует страшная с ним Персефона,
565 Душу Тиресия фивского должен сперва спросить я».
Так я сказал; в их груди сокрушилося милое сердце;
Пали на землю они, в исступлении волосы рвали,
Всё понапрасну — от слез и от воплей нам не было пользы.
Все к своему кораблю, на песчаном стоявшему берегу,
570 Вместе пошли мы, печальные, льющие слезы обильно.
Тою порою на брег привела чернорунную овцу
С черным бараном Цирцея и, там их оставя, меж нами
Тихо прошла, невидимая... Смертным увидеть не можно
Бога, когда, приходя к ним, он хочет остаться невидим.

К морю и к ждавшему нас на песке кораблю собралися
 Все мы и, сдвинувши черный корабль на священные воды,
 Мачту на нем утвердили и к ней паруса привязали.
 5 Взявши барана и овцу с собой, на корабль совокупно
 Все мы взошли сокрушенные горем, лиющие слезы.
 Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
 Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
 Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
 Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
 10 Плыли; корабль наш бежал, повинувась кормилу и ветру.
 Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
 Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
 Там киммериян печальная область, покрытая вечно
 15 Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
 Оку людей там лица лучезарного Геллос, землю ль
 Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
 С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
 Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
 20 Судно, прибыв, на песок мы встали; барана и овцу
 Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
 Берегом к месту, которое мне указала Цирцея.
 Дав Перимеду держать с Еврилохом зверей, обреченных
 В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
 25 Яму глубокую, в локоть один шириной и длиною,
 Три совершил возлияния мертвым, мной призванным вместе:
 Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
 Третье водой и, мукою ячменною все пересыпав,
 Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших:
 30 В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
 Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
 Бросить; Тиресия ж более прочих уважить, особо
 Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
 Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
 Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
 Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
 Души усопших, из темных бездн Эреба поднявшись:
 Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
 40 Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,
 Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно

В битве и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным.
Кликнув товарищей, им повелел я с овцы и с барана,
45 Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед нами,
Кожу содрать и, огню их предавши, призвать громогласно
Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону.
Сам же я меч обнажил изощренный и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться безжизненным теням усопших
50 К крови, пока мне ответа не даст вопрошенный Тиресий.
Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, еще не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
55 Слезы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мертвому бросил крылатое слово:
«Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном».
Так я сказал; простонавши печально, мне так отвечал он:
60 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей многославный,
Демоном злым погублен я и силой вина несказанной;
Крепко на кровле заснув, я забыл, что назад надлежало
Прежде пойти, чтоб по лестнице с кровли высокой спуститься;
Бросаясь вперед, я упал и, затылком ударившись оземь,
65 Кость изломал позвоночную; в область Аида мгновенно
Дух отлетел мой. Тебя же любовью к отсутственным милым,
Верной женою, отцом, воспитавшим тебя, и цветущим
Сыном, тобой во младенческих летах оставленным дома,
Ныне молю (мне известно, что, область Аида покинув,
70 Ты в корабле возвратишься на остров Цирцеи) — о! вспомни,
Вспомни тогда обо мне, Одиссей благородный, чтоб не был
Там не оплаканный я и безгробный оставлен, чтоб гнева
Мстящих богов на себя не навлек ты моею бедою.
Бросивши групп мой со всеми моими доспехами в пламень,
75 Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил».
Так говорил Ельпенор, и, ему отвечая, сказал я:
80 «Все, злополучный, как требуешь, мною исполнено будет».
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнаженным,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.

Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
85 Матери милой моей Антиклеи, рожденной великим
Автоликоном,— ее меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и ее, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа еще прорицатель Тиресий.
90 Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;
Был он с железом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
«Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?
95 Но отклонися от ямы и к крови мечом не препятствуй
Мне подойти, чтоб, напившись, мог я по правде пророчить».
Так он сказал; отклоняся от ямы, я меч среброгвоздный
Вдвинул в ножны; а Тиресий, напившись черныя крови,
Слово ко мне обратил и сказал мне, по правде пророка:
100 «Царь Одиссей, возвращения сладкого в дом свой ты жаждешь.
Бог раздраженный его затруднит несказанно, понеже
Гонит тебя колебатель земли Посейдон; ты жестоко
Душу разгневал его ослепленным милого сына.
Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
105 Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйных
Спутников; с ними ты к острову знойной Тринакрии, бездну
Темно-лазурного моря измерив, корабль приведешь свой;
Тучных быков и волнистых баранов пасет там издавна
Гелиос светлый, который все видит, все слышит, все знает.
110 Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымеешь на них, то пророчу погибель
Всем вам: тебе, кораблю и сопутникам; сам ты избежнешь
Смерти, но бедственно в дом возвратишься, товарищей в море
115 Всех потеряв, на чужом корабле, и не радость там встретишь:
Буйных людей там найдешь ты, твое достоянье губящих,
Мучащих дерзким своим сватовством Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты им отомстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, женихов, захвативших насильственно дом твой,
120 В нем умертвишь плъ обманом, иль явною силой — покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающих, лица своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей быстроходных,
125 Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям,— от меня же узнай несомнительный признак:

Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
«Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
130 Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши
В жертву барана, быка и свиной оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
135 Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый. И сбудется все, предреченное мною». —
Так говорил мне Тиресий; ему отвечая, сказал я:
«Старец, пускай совершится, что мне предназначили боги.
140 Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близ крови
Тихо сидит неподвижная тень и как будто не смеет
Сыну в лицо поглядеть и завести разговор с ним. Скажи мне,
Старец, как сделать, чтоб мертвая сына живого узнала?»
145 Так я его спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Легкое средство на это в немногих словах я открою:
Та из безжизненных теней, которой приблизиться к крови
Дашь ты, разумно с тобою начнет говорить; но безмолвно
Та от тебя удалится, которой ты к крови непустишь»,
150 С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;
К крови приблизилась мать, наполнила и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
155 «Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную
область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкозданным возможно. Скажи же,
160 Прямо ль от Трой с своим кораблем и с своими людьми ты,
По морю долго скитавшись, прибыл сюда? Неужели
Все не видал ни Итаки, ни дома отцов, ни супруги?»
Так говорила она, и, ответствуя, так ей сказал я:
«Милая мать, приведен я к Аиду нуждой всемогущей;
165 Душу Тиресия фивского мне спросить надлежало.
В землю ахеян еще я не мог возвратиться; отчизны
Нашей еще не видал, бесприютно скитаюсь повсюду
С самых тех пор, как с великим царем Агамемноном поплыл

В град Иллон, пзобильный конями, на гибель троянам.
170 Ты ж мне скажи откровенно, какую из Парк непреклонных
В руки навек усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжким недугом? Иль вдруг Артемпеда богиня
Тихой стрелою своею тебя без болезни убила?
Также скажи об отце и о сыне, покинутых мною:
175 Царский мой сан сохранился ли им? Иль другой уж на место
Избран мое и меня уж в народе считают погбшшим?
Также скажи мне, что делает дома жена Пенелопа?
С сыном ли вместе живет, неизменная в верности мужу?
Иль уж с каким из ахейских владык сочеталася браком?»
180 Так я ее спросил; Антиклея мне так отвечала:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
Идет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали;
Царский твой сан никому от народа не отдан; бесспорно,
185 Дома своим Телемах достояньем владеет, пирами
Всех угощает, как то облеченному саном высоким
Следует; все и его угощают. Лаэрт же не ходит
Более в город; он в поле далеко живет, не имея
Там ни одра, ни богатых покровов, ни мягких подушек;
190 Дома в дождливое зимнее время он вместе с рабами
Спит на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
В летнюю ж знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находит себе на земле он в саду виноградном
Ложу из листьев опалых, насыпанных мягкою грудой.
195 Там он лежит, и вздыхает, и сердцем крушится, и плачет,
Все о тебе помышляя; и старость его безотрадн.
Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемпеда
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
200 Также не медленный, мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него пзнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём мнролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь». И умолкла она. Увлеченный
205 Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тенью иль сонной мечтой, из меня вырывая стенанье.
Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
210 «Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному

Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?
Иль Персефона могучая вместо тебя мне прислала
Призрак пустой, чтоб мое усугубить великое горе?»
215 Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблуждение не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
220 Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный
Все, лишь горячая жизнь охладевшие кости покинет:
Вовсе тогда, улетевши, как сон, их душа исчезает.
Ты же на радостный свет поспеши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге».
225 Так, беседуя, мы говорили. Тогда мне явились
Призраки жен — их прислала сама Персефона; то были
В прежнее время супруги и дочери славных героев;
Черную кровь обступили они, подбежав к ней толпою;
Я же обдумывал, как бы мне их спросить почердно
230 Каждую; вот что удобнейшим мне наконец показалось:
Меч длинноострый немедля схватил и, его обнаживши,
К крови приблизиться им не позволил я всею толпою;
Друг за другом они по одной подходили и имя
Мне называли свое; и спрашивать каждую мог я.
235 Прежде других подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная в мире супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себе мне она рассказала:
Сердце свое Энипеем, рекою божественно светлой,
Между реками земными прекраснейшей, Тиро пленила;
240 Часто она посещала прекрасный поток Энипея;
В образ облекся его Посейдон земледержец, чтоб с нею
В устье волнистокипучем реки сочетаться любовью;
Воды пурпурные встали горой и, слившись прозрачным
Сводом над ними, сокрыли от взоров и бога и деву.
245 Девственный пояс ее развязал он, ей очи смеживши
Сном; и когда, распаленный, свое утолил вожделенье,
За руку взял, и по имени назвал ее, и сказал ей:
«Радуйся, богом любимая! Прежде чем полный свершится
250 Год, у тебя два прекрасные сына родятся (бесплоден
С богом союз не бывает), и их воспитай ты с любовью.
Но, возвратясь к домашним, мое называть им страшся
Имя; тебе же откроюсь: я бог Посейдон земледержец».
Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
В срок от нее близнецы Пелпас и Нелея родились;

255 Слуги могучие Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами баранов, в Иолкосе
Тучнополянником жил Пелпас; а Нелей жил в песчаном
Пилосе. Но от Крефея еще родились у прекрасной
260 Тиро Эсон, и Ферет, и могучий ездок Амифаон.
После нее мне предстала Асопова дочь Антиопа.
Гордо хвалилась она, что объятия Дий отворил ей:
Были плодом их любви Амфион и Зефос; положили
Первое Фив семивратных они основанье и много
265 Башен воздвигли кругом, поелику в широкоравнинных
Фивах они, и могучие, жить не могли б без ограды.
Амфитрионову после узрел я супругу Алкмену;
Сына Геракла, столь славного силой и мужеством львиным,
Зевсу она родила, целомудренно с ним сочетавшись.
После явилась Мегара; Креон, необузданно смелый,
270 Был ей отцом; а супругом Геракл, в испытаньях твердый.
Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнание она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись браком.
Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям.
275 Гибельно царствовать в Кадмовом доме, в возлюбленных Фивах
Был осужден от Зевеса Эдип, безотрадный страдалец,
Но Эпикаста Андовы двери сама отворила:
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинок он остался
280 Жертвой терзаний от скликанных матерью страшных Эрний.
После явилась Хлориды; ее красотою пленяся,
Некогда с ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Деву прельстивший; был царь Амфион Иасид, Орхомена
Града минийского славный властитель, отец ей; царица
285 Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромия, жадного почестей Периклимена;
После Хлориды и дочь родила, многославную Перу,
Дивной красоты; женки отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначал, кто быков круторогих
290 С поля Филакки сгонит, отняв у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Беспорочный взялся прорицатель
Смелое дело свершить; но ему положили преграду
Злая судьба, и темничные узы, и пастыри стада.
Но когда миновались месяцы, дни пробежали и годы,
295 Круг совершился и Оры весну привели, — Ификлесу
Тайны богов он открыл; Ификлесева сила святая
Узы его прервала, и исполнилась воля Зевеса.

Славная Леда, супруга Тиндара, потом мне явлася;
Ей родилися от брака с Тиндаром могучим два сына:
300 Икопей смиритель Кастор и боец Полидевк многосильный.
Оба землю они жизнедарною взяты живые;
Оба и в мраке подземном честимы Зевесом; вседневно
Братом сменяется брат; и вседневно, когда умирает
Тот, воскресает другой; и к бессмертным причислены оба.
305 Ифимедею, жену Алоея, потом я увидел;
С ней сочетался, — хвалилась она, — Посейдон земледержец;
Были плодом их союза два сына (но краток был век их):
Отос божественный с славным везде на земле Эфиальтом.
Щедрая, станом всех выше людей их земля возрастила;
310 Всех красотой затмевали они, одному Орioneу
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридцать были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
315 Осу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Осу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
320 Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.
Федру я видел, Прокриду; явилась потом Арпадна,
Дочь кознодея Миноса: из Крита бежать с ним в Афины
Деву прекрасную бодрый Тесей убедил; но не мог он
325 С ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрелой, наущенная Вакхом, на острове Дие.
Видел я Мойру, Климену, злодейку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотым ожерельем...
Всех их, однако, я счесть не могу; мне не вспомнить, какие
330 Там мне явились жены и дочери древних героев;
Целой бы ночи не стало на то; уж пора мне предаться
Сну, удалаясь ль на быстрый корабль ваш к товарищам бодрым,
Здесь ли оставшись; а вы мой отъезд учредите с богами».
Так говорил Одиссей, — все другие сидели безмолвно
В светлой палате, и было у всех очаровано сердце.
335 Тут белорукая слово к гостям обратила Арета:
«Что, феакияне, скажете? Станом, и видом, и силой
Разума всех изумляет нас гость чужеземный. Хотя он
Собственно *мой* гость, но будет ему угощенье от всех нас;
В путь же его отсылать не спешите; нескупо дарам
340 Должно его, претерпевшего столько утрат, наделить нам:

Много у всех вас, по воле бессмертных, скопилось богатства).
Тут поднялся Эхеной, благородного племени старец,
Ранее всех современных ему феакиан рожденный.
«С нашим желаньем, друзья,— он сказал,— и намереньем
нашим

345 Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на деле то слово исполнит).
Кончил. Ответствовал так Алкиной благородному старцу:
«Будет, что сказано, мною на деле исполнено так же
350 Верно, как то, что я жив и что царь я в земле феакиан
Веслолюбивых. Но странник, хотя и безмерно спешит он
В путь, подождет до утра, чтоб имели мы время подарки
Наши собрать; отправленье в отпизну его есть забота
Общая всем вам, моя ж наипаче: я здесь повелитель).
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
355 «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Если б и целый здесь год продержать вы меня захотели,
Мои учреждая отъезд и дары для меня собирая,
Я согласился б остаться, понеже мне выгодно будет
С полными в милую землю отцов возвратиться руками.
360 Больше почтен и с живейшею радостью принят я буду
Всеми, кто встретит меня при моем возвращенье в Итаку».
Он умолкнул; ему Алкиной отвечал дружелюбно:
«Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
365 Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
Повесть прекрасна твоя; как разумный певец, рассказал ты
Нам об ахейских вождях и о собственных бедствиях; кончить
370 Должен, однако, ты повесть. Скажи ж, ничего не скрывая,
Видел ли там ты кого из могучих товарищей бранных,
Бывших с тобой в Илионе и черную встретивших участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всем нам для сна безмятежного. Кончи ж начатую повесть;
375 Слушать тебя я готов до явления светлой Денницы,
Если рассказывать нам о напастях своих согласишься).
Так говорил он; ответствовал так Одиссей хитроумный:
«Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакийских,
Время на все есть; свой час для беседы, свой час для покоя;
380 Если, однако, желаешь теперь же дослушать рассказ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печального после
Я претерпел: как утратил последних спутников; также

Что из аргивян, избегши погибели в битвах троянских,
Пал от убийцы, изменой жены, при возврате в отчизну.
385 После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и следом за нею все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
390 Крови напившись, меня во мгновение узнал Агамемнон.
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; протерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
Некогда члены могучего тела его оживлявших.
395 Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло
Душу мне; мертвому другу я бросил крылатое слово:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Паркой какою ты в руки навек усыпляющей смерти
Предан? В волнах ли тебя погубил Посейдон с кораблями,
400 Бурею бездну великую всю всколебавши? На суше ль
Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища грабил?»
Так спросил я его, и, ответствуя, так мне сказал он:
405 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный!
Нет, не в волнах с кораблями я был погублен Посейдоном,
Бурные волны воздвигшим на бездне морской; не на суше
Был умерщвлен я рукою противника явного в битве;
Таинно Эгист приготовил мне смерть и плачевную участь;
410 С гнусной женою моею заодно, у себя на веселом
Пире убил он меня, как быка убивают при яслях;
Так я погиб, и товарищи верные вместе со мною
Были зарезаны все, как клычистые вепри, которых
В пышном доме гостелюбца, скопившего много богатства,
415 Ржут на складочный пир, на роскошный обед иль на свадьбу.
Часто без страха выдал ты, как гибли могучие мужи
В битве, иной одиноко, пной в многолюдстве сраженья,—
Здесь же пришел бы ты в трепет, от страха бы обмер, увидя,
Как меж кратер пировых, меж столами, покрытыми брашном,
420 Все на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня; полумертвый лежа на земле, попытался
Хладную руку к мечу протянуть я: она равнодушно
425 Взор отвратила и мне, отходящему в область Аида,

Тусклых очей и мертвеющих уст запереть не хотела.
Нет ничего отвратительней, нет ничего ненавистней
Дерзко-бесстыдной жены, замышляющей хитро такое
430 Дело, каким навсегда осрамилась она, приготовив
Мужу, богами ей данному, гибель. В отечество думал
Я возвратиться на радость возлюбленным детям и ближним —
Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
435 Пол свой и даже всех жен, поведением своим беспорочных».
Так говорил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Горе! Конечно, Зевес громовержец потомству Атрея
Быть навсегда предназначил игральщцем бедственных женских
Козней; погибло немало могучих мужей от Елены;
Так и тебе издалека устроила смерть Клитемнестра».
440 Выслушав слово мое, мне ответствовал царь Агамемнон:
«Слишком доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Вверх ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, от жены не опасно погибель;
445 Слишком разумна и слишком незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икарня дочь благонравная; в самых цветущих
Летах, едва сопряженный с ней браком, ее ты покинул,
В Трою отплыв, и грудной, лепетать не умевший, младенец
С ней был оставлен тогда; он, конечно, теперь заседает
450 В сонме мужей; и отец, возвратясь, с ним увидится; нежно
К сердцу родителя сам он, как следует сыну, прижмется...
Мне ж кознодейка жена не дала ни одним насладиться
Взглядом на милого сына; я был во мгновение зарезан.
Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что скажу я:
455 Скрой возвращенье свое и войди с кораблем неприметно
В пристань Итаки: на верность жены полагаться опасно.
Сам же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Мог ли ты что-нибудь сведать о сыне моем? Не слыхал ли,
Где он живет? В Орхомене ль? В песчаном ли Пиросе?
В Спарте ль
460 Светлопространной у славного дяди, царя Менелая?
Ибо не умер еще на земле мой Орест благородный».
Так спросил Агамемнон; ему отвечая, сказал я:
«Царь Агамемнон, о сыне твоём ничего я не знаю;
Где он и жив ли, сказать не могу; пустословие вредно».
465 Так мы, о многом минувшем беседа, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лились по нашим ланитам.
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась;

С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов
Бодрый Аякс, меж ахейцами мужеским видом и силой
470 После Пелеева сына великого всех превзошедший.
Тепь быstroногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
Здесь, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?»
475 Как проникнул в пределы Анда, где мертвые только
Тени отшедших, лишённые чувства, безжизненно веют?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
«О Ахиллес, сын Пелеев, меж всеми данаями первый,
Здесь я затем, чтоб Тиресий слепец прорицатель открыл мне
480 Способ вернейший моей каменстой Итаки достигнуть;
В землю ахейяи еще я не мог возвратиться; отчизны
Милой еще не видал; я скитаюсь и бедствую. Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
485 Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как
в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный».
Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
490 Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сыне известием душу теперь мне порадуй.
Был ли в сраженьи мой сын? Впереди ли у всех он сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхал ли о старце Пелее?»
495 Все ли по-прежнему он повелитель земли мирмидонской?
Иль уж его и в Элладе и Фтии честить перестали,
Дряхлого старца, без рук и без ног, изнуренного в силах?
В области дня уж защитником быть для него не могу я;
Ныне уж я не таков, как бывало, когда в отдаленной
500 Трое губил ополченья и грудью стоял за ахейяи.
Если б таким хоть на миг я в жилище отцовом явился,
Ужас бы сильная эта рука навела там на многих,
Власти Пелея не чтущих и старость его оскорбивших».
Так говорил Ахиллес, и, ему отвечая, сказал я:
505 «Сведать не мог ничего я о старце Пелее великом;
Но о твоём благородном, возлюбленном Неоптолеме
Все, Ахиллес, как желаешь, тебе расскажу я подробно.
Сам я его в корабле крутобоком моем от Скироса
Морем привез к меднолатным данаям в троянскую землю;

510 Там на советах вождей о судьбе Илиона всегда он
Голос свой прежде других подавал и в разумных суждениях
Мною одним лишь и Нестором мудрым бывал побеждаем.
В поле ж троянском широком, где гибельной медью мы бились,
Он никогда близ дружин и в толпе не хотел оставаться;
515 Быстро вперед выбегал он один, упреждая храбрейших;
Много врагов от него в истребительной битве погибло;
Я ж не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
В крае троянском побил он, где грудью стоял за аргивян.
Так Еврипила, Телефова сына, губительной медью
520 Он ниспроверг, и кругом молодого вождя все кетейцы
Пали его, златолюбия женского бедственной жертвой.
После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней.
В чрево коня, сотворенного чудно Элеосом, скрыться
525 Был он с другими вождями назначен; а двери громады
Мне отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Все, при вступлении в конские недра, вожди отирали
Слезы с ланит, и у каждого руки и ноги тряслися;
В нем же едином моп никогда не подметили очи
530 Страха; не помню, чтоб он от чего побледнел, содрогнулся
Или заплакал. Не раз убеждал он меня из затвора
Дать ему выйти и, стиснув одною рукою двустрый
Меч, а другою обитое медью копье, порывался
В бой на троян. А когда был разрушен Приамов великий
535 Град, он с богатой добычей, с дарами почетными поплыл
В край свой, ни издали метким копьем, ни вблизи длинноострой
Медью меча не пронзенный ни разу, как часто бывает
В жарком бою, где убийство кипит и Арей веселится».
Так говорил я: душа Ахиллесова с гордой осанкой
Шагом широким, по ровному Асфодилонскому лугу
540 Тихо пошла, веселяся великою славою сына.
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
545 Злобясь мою, мне отдавшую в стане аргивян доспехи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелела
Дать их Фетида; судили трояне; их суд им Афина
Тайно внушила... Зачем, о, зачем одержал я победу,
Мужа такого низведшую в недра земные? Погиб он,
550 Бодрый Аякс, и лица красотою, и подвигов славою
После великого сына Пелеева всех превзошедший.
Голос возвысив, ему я сказал миротворное слово:

«Сын Теламонов, Аякс знаменитый, не должен ты, мертвый,
Доле со мной враждовать, сокрушаясь о гибельных, взятых
555 Мною оружиях; ими данаям жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погиб; о тебе мы
Все, как о сыне могучем Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; в ней никто не виновен,
Кроме Зевеса. постигшего рать копыеносных данаев
560 Страшной бедою; тебя он судьбине безвременно предал.
Но подожди же, Аякс, на мгновенье беседы с тобою
Дай насладиться мне; гнев изгони из великого сердца».
Так я сказал; не ответил он; за другими тенями
Мрачно пошел; напоследок сокрылся в глубоком Эребе.
565 Может быть, стал бы и гневный со мной говорить он иль
я с ним,

Если б меня не стремилو желание милого сердца
Души других знаменитых умерших увидеть. И скоро
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
570 Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в просторном с вратами широкими доме Аида.
После Миноса явилась гигантская тень Ориона;
Гнал по широкому Асфодилонскому лугу зверей он —
Их же своею железной ничем не крушимой дубиной
575 Некогда сам он убил на горах неприступно-пустынных.
Тития также увидел я, сына прославленной Ген;
Девять заняв десятин под огромное тело, недвижим
Там он лежал; по бокам же сидели два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
580 Тщетно на них подымал он. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую к Пифию, он осрамил на лугу Панопейском.
Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
585 Только что голову к ней он склонял, упоая напиток,
С шумом она убежала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
590 Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымались темным.
Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнью;
Тяжкий камень снизу обеими влек он руками

595 В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
Камень двигал он вверх; но, едва достигал до вершины
С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
600 Снова силится вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши,
Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видел я там, наконец, и Гераклову силу, один лишь
Призрак воздушный; а сам он с богами на светлом Олимпе
Сладость блаженства вкушал близ супруги Гебей, цветущей
605 Дочери Зевса от златообутой владычицы Геры.
Мертвые шумно летали над ним, как летают в испуге
Хищные птицы; и, темной подобясь ночи, держал он
Лук напряженный с стрелой на тугой тетиве, и ужасно
Вдруг озирался, как будто готовясь выстрелить; страшный
610 Перевязь блеск издавала, ему поперек перерезав
Львы грозноokie, дикие вепри, лесные медведи,
Битвы, убийства, людей истребленье изваяны были;
Тот, кто свершил бы подобное чудо искусства, не мог бы,
Сам превозмевши себя, ничего уж создать совершенней.
615 Взор на меня устремив, угадал он немедленно, кто я;
Жалобно, тяжело вздохнул и крылатое бросил мне слово:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играет
Так же, как мной под лучами всезрящего солнца играла?
620 Сын я Кроннона Зевса; но тем от безмерных страданий
Не был спасен; покориться под власть недостойного мужа
Мне повелела судьба. И труды на меня возлагал он
Тяжкие. Так и отсюда был пса троеглавого должен
Я увести: уювал он, что будет мне труд не по силам.
625 Я же его совершил, и похищен был пес у Аида;
Помощь мне подали Эрмий и дочь громовержца Афина».
Так мне сказав, удалился в обитель Аидову призрак.
Я ж неподвижно остался на месте и ждал, чтоб явился
Кто из могучих героев, давно знаменитых и мертвых.
630 Видеть хотел я великих мужей, в отдаленные веки
Славных, богами рожденных, Тесея царя, Пифифоя,
Многих других; но, толпою бесчисленной души слетевшись,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным,
В мыслях, что хочет чудовище, голову страшной Горгоны,
635 Выслать из мрака Аидова против меня Персефона.
Я побежал на корабль и велел, чтоб, не медля нимало,

Люди мои на него собрались и канат отвязали.
Все на корабль собрался и сел на лавках у весел.
Судно спокойно пошло по течению вод Океана,
640 Прежде на веслах, потом с благовеющим ветром попутным.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Быстро своим кораблем Океана поток перерезав,
Снова по многоиспытанному морю пришли мы на остров
Эю, туда, где в жилище туманнорожденные Эос
Легкие Оры ведут хороводы, где Гелиос всходит;
5 К берегу пристав, на песок мы корабль быстроходный всталили;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо Денницы.
Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Сиутников скликав, послал я их к дому Цирцей, чтоб взять там
10 Труп Ельпеноров, его принести и свершить погребенье.
Много дерев нарубив, мы на самом возвышенном месте
Берега предали тело земле с сокрушеньем и плачем.
После ж того как сожжен был со всеми доспехами мертвый,
Холм гробовой мы насыпали, памятный столб утвердили,
15 Гладкое в землю на холме воткнули весло; и священный
Долг погребения был совершен. Но Цирцея узнала
Скоро о нашем прибытии к ней от пределов Анда.
Светлой одеждой облекшись, она к нам пришла; и за нею
С хлебом, и мясом, и пеннопурпурным вином молодые
20 Девы пришли; и богиня богинь, к нам приближаясь, сказала:
«Люди железные, заживо зревшие область Анда,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды,
Бросьте печаль и беспечно едой и питьем утешайтесь
Ныне, во все продолжение дня; с наступленьем же утра
25 Далее вы поплывете; я путь укажу и благое
Дам наставленья, чтоб снова какая безумием вашим
Вас не постигла напасть, ни на суше, ни на море темном».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Жертву принеся, мы целый там день до вечернего мрака
30 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем скрылось, и тьма наступила ночная.
Люди в том месте легли, где корабль утвержден был канатом;
Мне же Цирцея приветливо руку дала; и когда я

Сел в отдаленье от прочих, легла близ меня и вопросы
35 Стала мне делать; и ей обо всем рассказал я подробно.
Светлая так напоследок сама мне сказала богиня:
«Дело одно совершил ты успешно; теперь со вниманьем
Выслушай то, что скажу, что потом и от бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен; неизбежною чарой
40 Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приближась,
их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешит желанным возвратом:
Пеннем сладким сирены его очаруют, на светлом
45 Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.
Ты ж, заклеивши товарищам уши смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли, проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь услышать
50 Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать гибельным пеньем.
Если ж просить ты начнешь иль приказывать станешь, чтоб
сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжут.
55 После, когда вы минуете остров сирен смертоносный,
Две вам дороги представятся; дать же совет здесь, какую
Выбрать из двух безопаснее, мне невозможно; своим ты
Должен рассудком решить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
60 Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя *бродящих* дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчатся, ни даже амброзию Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби; каждый
Раз пропадает из них там один, об утес убиваясь;
65 Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обезжавший, корабль невредимо
70 Их миновал — посетитель Эета, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.
После ты две повстречаешь скалы: до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака окружают

75 Темногущенные ту высоту, никогда не редая.
Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать
80 Ног бы имел, — столь ужасно, как будто обтесанный, гладок
Камень скалы; и на самой ее середине пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря
Быстролетящей стрелой до входа высокой пещеры;
85 Страшная Скилла живет искони там. Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней приближаться
Страшно не людям одним, но и самым бессмертным.

Двенадцать

Двигается спереди лап у нее; на плечах же косматых
90 Шесть подымается длинных, изгибистых шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув грудь из пещеры,
Всеми глядит головами из лога ужасная Скилла.
95 Лапами шаря кругом по скале, обливаемой морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые пасти разинув,
100 Разом она по шести человек с корабля похищает.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоит же от первой на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с сенью широкой.
Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда,
105 Три раза в день поглощая и три раза в день извергая
Черную влагу. Не смей приближаться, когда поглощает:
Сам Посейдон от погибели верной тогда не избавит.
К Скиллиной ближе держася скале, проводи без оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднее шесть потерять вам
110 Спутников, нежели вдруг и корабль потопить, и погибнуть
Всем». Тут умолкла богиня; а я, отвечая, сказал ей:
«Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю истину ведать:
Если избегнуть удастся Харибды, могу ли отбиться
Силой, когда на спутников бросится жадная Скилла?»
115 Так я спросил, и, ответствуя, так мне сказала богиня:
«О необузданный, снова о подвигах бранных замыслил;

Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла. Свирепа,
Дико-сильна, ненасытна, сражение с ней невозможно.
120 Мужество здесь не поможет; одно здесь спасение — бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых на пожранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди; призови лишь
Кратейю:
125 Скиллу она родила на погибель людей, и одна лишь
Дочь воздержат от второго на вас нападения может.
Скоро потом ты увидишь Тринакрию остров; издавна
Гелиос тучных быков и баранов пасет там на пышных,
Злачных равнинах; семь стад составляют быки; и бараны
130 Столько ж; и в каждом их стаде числом пятьдесят; и число то
Вечно одно; не плодятся они, и пасут неусыпно
Их Фаэтуса с Лампетией, цышнокудрявые нимфы.
Гелиос их Гиперион с божественной прижил Неерой.
Светлая мать, дочерей воспитавши, в Тринакрии знойной
135 Их поселила, чтоб там, от людей в удалении, девы
Тучных быков и баранов отцовых пасли неусыпно.
Будешь в Итаке, хотя и великие бедствия встретишь,
Если воздержись руку поднять на стада Гелиоса;
Если же руку подымешь на них, то пророчу погибель
140 Всем вам: тебе, кораблю и спутникам; сам ты избежешь
Смерти; но, всех потеряв, одинок возвратишься в отчизну».
Так говорила она. Златотронная Эос явилась
На небе; в дом свой богиня пошла, разлучившись со мною.
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел, чтоб немедля
145 Спутники все на него собрались и канат отвязали;
Все на него собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Был нам на темных водах провожатым надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
150 Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней.
Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинувшись кормилу и ветру.
Я ж, обратясь к спутникам, так им сказал, сокрушенный:
«Должно не мне одному и не двум лишь, товарищи, ведать
155 То, что нам всем благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, плъ смерти и Керы могучей избегнуть.
Прежде всего от волшебного пеня сирен и от луга

Их цветоносного нам уклониться велела богиня;
160 Мне же их голос услышать позволила; прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой надежную плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем неподвижен; когда же
Стану просить или приказывать строго, чтоб сняли с меня вы
Узы,— двойными скрутите мне узами руки и ноги».

165 Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.
Тою порой крейкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.

170 Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сдешили
С мачты его, уложили на палубе, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля медвяного воску укруг изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони

175 Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог жизнедатель, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда заклеил я; меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.

180 Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.
Но в расстоянье, в каком призывающий голос бывает
Внятен, сирены увидели мимо плывущий корабль наш.
С брегом он их поравнялся; они звонкогласно запели:

185 «К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахеян,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеуладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав.
Знаем мы все, что случилось в троянской земле и какая
190 Участь по воле бессмертных постигла троян и ахеян;
Знаем мы все, что на лоне земли многодарной творится».
Так нас они сладкопеньем пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои разрешили; они же удвоенной сплор

195 Начали гресть; а, ко мне подошед, Перимед с Еврилохом
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
200 Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты.
Остров сирен потеряли мы из виду. Вдруг я увидел

Дым и волненья великого шум повсеместный услышал.
Выпали весла из рук у гребцов уstraшенных; повиснув
Праздно, они по волнам, колыхавшим их, бились; а судно
205 Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшие к бегу.
Я же его обежал, чтоб людей ободрить оробелых;
Каждому сделав приветствие, ласково всем им сказал я:
«Спутники в бедствиях, мы не безопытны; всё мы сносили
Твердо; теперь же беда предстоит не страшнее постигшей
210 Нас, заключенных в пещере свирепою силой циклопа.
Мужеством, хитрым умом и советом разумным тогда я
Всех вас избавил; о том не забыли вы, думаю; будьте ж
Смелы и ныне, исполнив покорно все то, что велю вам.
Силу удвойте, гребцы, и дружнее по влаге зыбучей
215 Острыми веслами бейте; быть может, Зевес покровитель
Нам от гибели близкой уйти неврeдно поможет.
Ты же внимание, кормщик, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю — ты править кормой корабельной:
В сторону должен ты судно отвeсть от волненья и дыма,
220 Видимых близко, держися на этот утес, чтоб не сбиться
Вбок по стремленью — иначе корабль, несомненно, погибнет».
Так я сказал; все исполнилось точно и скоро; о Скилле ж
Я помянуть не хотел: неизбежно чудовище было;
Весла б они побросали от страха и, гресть переставши,
225 Праздно б столпились внутри корабля в ожиданье напастн.
Сам же я, вовсе забыв повеление строгой Цирцеи,
Мне запретившей оружие брать для напрасного боя,
Славные латы на плечи накинул и, два медноострых
В руки схвативши копьа, подошел к корабельному носу
230 В мыслях, что прежде туда из глубокого жадная Скилла
Бросится лога и там ей попавшихся первых похитит.
Тщeтно искал я очами ее, утомил лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть в глубокое недра утеса.
В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
235 Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
400 Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а в недра утробы открытом кипели
Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом бледным,
В трепете очи свои на грозящую гибель вперяли.

245 Тою порой с корабля шестерых, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разом схвата их, похитила Скилла;
Взор на корабль и на схваченных вдруг обративши, успел я
Только их руки и ноги вверху над своей головою
Мельком приметить: они в высоте призывающим гласом
250 Имя мое прокричали с последнею скорбью сердца.
Так рыболов, с каменистого берега длинноногбенной
Удой кидаящий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает:
255 Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютом терзанье.
Страшное тут я очами узрел, и страшней ничего мне
Зреть никогда в продолжение странствий моих не случилось.
260 Скиллин утес миновал и избегнув свирепой Хариды,
Прибыли к острову мы наконец светоносного бога.
Там на зеленых равнинах быки криворогие мирно
С множеством тучных баранов паслись, Геллиосо стадо.
С моря уже, находясь на палубе, явственно мог я
265 Тяжкое слышать мычанье быков, на свободе гулявших,
С шумным блеяньем баранов; и тут же пришло мне на память
Слово слепого пророка Тиресия фивского с строгим
Словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвовал Геллиос, смертных людей утешитель.
270 Тут к сокрушенным спутникам речь обратил я такую:
«Верные спутники, слушайте то, что, печальный, скажу вам:
Сведать должны вы пророка Тиресия фивского слово
С словом Цирцеи, меня миновать убеждавшей опасный
Остров, где властвует Геллиос, смертных людей утешитель:
275 Там несказанное бедствие ждет нас, они утверждают.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспешите».
Так я сказал; в их груди сокрушилось милое сердце.
Мне ж, возражая, ответствовал так Еврилох непокорный:
«Ты, Одиссей, непреклонно-жесток; одарен ты великой
280 Силой, усталости нет для тебя, из железа ты скован.
Нам, изнуренным, бессильным и столь уж давно
не вкушавшим
Сна, запрещаешь ты на берег выйти. Могли б приготовить
Ужин мы вкусный на острове, сладко на нем отдохнувши.
Ты ж нас идти наудачу в холодную ночь принуждаешь
285 Мимо приятного острова в темное, мглистое море.
Ночью противные ветры шумят, корабли истребляя.

330 Им не входило; когда же съестной наш запас истощился,
Начали пищу охотой они промыслять, добывая
Что где случалось: стреляли дичину иль рыбу
Острогобными крючьями удили — голод томил их.
Раз, помолиться желая богам, чтоб они нам открыли
Путь, одинокой дорогой я шел через остров: невольню,
335 Тою дорогой идя, от товарищей я удалился;
В месте, защитном от ветра, я руки умыл и молитвой
Тецлюй к бессмертным владыкам Олимпа, к богам обратился.
Сладкий на вежды мне сон низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Еврилох предложение спутникам сделал:
340 «Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный;
Всякий род смерти для нас, земнородных людей, ненавистен;
Но умереть голодною смертью всего ненавистней.
Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде и в жертву
Здесь принесем их богам, беспредельного неба владыкам.
345 После — когда возвратимся в родную Итаку, воздвигнем
В честь Гелиоса, над нами ходящего бога, богатый
Храм и его дорогими дарами обильно украсим;
Если ж, утратой своих круторогих быков раздраженный,
Он совокупно с другими богами корабль погубить наш
350 В море захочет, то легче, в волнах захлебнувшись, погибнуть
Вдруг, чем на острове диком от голода медленно таять».
Так говорил Еврилох, и сопутники с ним согласились.
Лучших тогда из быков Гелиосовых, вольно бродивших,
Взяли они — невдали корабля темноносого стадо
355 Жирных, огромнорогатых и лбистых быков там гуляло, —
Их обступили, безумцы; воззвавши к богам олимпийским,
Листьев нарвали они с густоглавого дуба, ячменя
Боле в запасе на черном своем корабле не имея.
Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи,
360 Бедрa они все отсекли, а кости, обвитые дважды
Жиром, кровавыми свежего мяса кусками обклали.
Но, не имея вина, возлиянье они совершили
Просто водою и бросили в жертвенный пламень утробу,
Бедрa сожгли, остальное же, сладкой утробы отведав,
365 Все изрубили на части и стали на вертелах жарить.
Тут улетел усладительный сон, мне ресницы смыкавший.
Я, пробудившись, пошел к кораблю на песчаное взморье
Шагом поспешным; когда ж к кораблю подходил, благовонным
Запахом пара мясного я был поражен; содрогнувшись,
370 Жалобный голос упрека вознес я к богам олимпийским:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,

Вы на беду обольстительный сон низвели мне на вежды;
Спутники там без меня святотатное дело свершили».
Тою порой о убийстве быков Гиперионов светлый
375 Сын извещен был Лампетней, длинноодеянной девой.
С гневом великим к бессмертным богам обратясь,

он воскликнул:

«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Жалуюсь вам на людей Одиссея, Лаэртива сына!
Держко они у меня умертвили быков, на которых
380 Так любовался всегда я — всходил ли на звездное небо,
С звездного ль неба сходил и к земле ниспускался.
Если же вами не будет наказано их святотатство,
В область Аида сойду я и буду светить для умерших».
Гневному богу ответствовал так тученосец Кронпон:

385 «Геллос, смело сняй для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Их я корабль чернобокий, низвергнувши пламенный гром свой,
В море широком на мелкие части разбить не замедлю».
(Это мне было открыто Калипсой божественной; ей же
390 Все рассказал вестносец крылатый Кронпионов, Эрмий.)
Я, возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье,
Спутников собрал и всех одного за другим упрекал;

но исправить

Зла нам уж было не можно; быки уж зарезаны были.
Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее, дали:
395 Кожи ползали, а сырое на вертелах мясо и мясо,
Снятое с вертелов, жалобно рев издавало бычачий.
Целые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборных быков Гелиоса и ели их мясо;
Но на седьмой день, предызбранный тайно Кронпионом

Зевсом,

400 Ветер утих, и шуметь перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и белый на мачте расправивши парус,
Все мы взошли на корабль и пустились в открытое море.
Но, когда в отдалении остров пропал и исчезла
Всюду земля и лишь небо, с водами слинянное, зрелось,
405 Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
410 Мачта, сломаясь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила

Голову кормишку; череп его под упавшей громадой
Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно, с высоких
Ребр корабля кувырнувшись вглубь, там пропал, и из тела
415 Дух улетел. Тут Зевес, заблестав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило. Все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кронийон.
420 Я ж, уцелев, меж обломков остался до тех пор, покуда
Кили водой не отбило от ребр корабельных: он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный из крепкой
Кожн воловьей ремень вокруг нее; за ремень уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал я,
425 Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря.
Стихнул Зефир, присмирела сердитая буря; но быстрый
Нот поднялся: он меня в несказанную свергнул тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харибду помчал он.
Целую ночь был туда я несом; а когда воссияло
430 Солнце — себя я узрел меж скалами Харибды и Скиллы.
В это мгновение влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую там, прицепился
К ветвям ее, как летучая мышь, и повис, и нельзя мне
Было ногой ни во что упереться — висел на руках я.
435 Корни смоковницы были далеко в скале и, расширясь,
Ветви объемом великим Харибду кругом осеняли;
Так там, вися без движения, ждал я, чтоб вынесли волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я долго
Ждал — и уж около часа, в который судья, разрешивши
440 Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходит
С площади, — выплыли вдруг из Харибды желанные бревна.
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестю всею упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как весламп, править.
445 Скилле ж владыка бессмертных Кронийон меня не дозволил
В море приметить: иначе была б неизбежна погибель.
Девять носился я дней по водам; на десятый с наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
450 Принят я был благосклонно богиней. Об этом, однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я подробно
Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали однажды».

Так Одиссей говорил; и ему в потемневшем чертоге
 Молча внимали другие, и все очарованы были.
 Тут обратилась к нему Алкиноева сила святая:
 «Если мой дом меднокованный ты посетил, благородный
 5 Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствий не встретишь
 Ныне, в отчизну от нас возвращаясь, хотя и немало
 Бед испытал ты. А я обращаюсь теперь, феакійцы,
 К вам, ежедневно вино искрометное пьющим со мною
 В царских палатах, внимая струнам золотым песнопевца.
 10 Все уж в ковчеге лежит драгоценном; и данные гостю
 Ризы, и чудной работы золотые сосуды, и много
 Разных подарков других от владык феакійских; пускай же
 К ним по большому котлу и треножнику прочной работы
 Каждый прибавит; себя же наградим за убытки богатым
 15 Сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам».

Так Алкиной говорил; и, одобряв его предложенье,
 Все по домам разошлись, о ложе и сне помышляя.
 Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
 Каждый поспешно отнес на корабль меднолитную утварь;
 20 Как же ту утварь под лавками судна укласть (чтоб работать
 Веслами в море могли, не вредя ей, гребцы молодые),
 Сам Алкиной, обошедший корабль, осторожно устроил.
 Все они в царских палатах потом учредили обед свой.
 Тут собрателю туч, громоносцу Крониону Зевсу,
 25 В жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
 Бедрa предавши огню, насладились роскошною пищей
 Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, пред ними
 Пел Демодок, многотимый в народе. Но голову часто
 Царь Одиссей обращал на всемирно-светящее солнце,
 30 С неба его понуждая сойти, чтоб отъезд ускорить свой.
 Так помышляет о сладостном вечере пахарь, день целый
 Свежее поле с четою волов бороздивший могучим
 Плугом, и весело день провожает он взором на запад —
 Тащится тяжкой стопою домой он готовить свой ужин.
 35 Так Одиссей веселился, увидя склоненье на запад
 Дня. Обращаясь ко всем феакіям вместе, такое
 Слово сказал он, глаза устремив на царя Алкиноя:
 «Царь Алкиной, благороднейший муж из мужей феакійских,
 В путь снарядите меня, сотворив возлиянье бессмертным;
 40 Сами же радуйтесь. Все уж готово, чего так желало

Милое сердце, корабль и дары; да пошлют благодать мне
Боги Ураниды ныне, чтоб я, возвратясь в отчизну,
Дома жену без порока нашел и возлюбленных ближних
Всех сохранных; а вы благоденствуйте каждый с своею
45 Сердцем избранной супругой и с чадами; все да пошлют вам
Доброе боги; и зло никакое чтоб вас не коснулось».
Кончил; и все, изъявив одобренье, решили немедля
Гостя, пленившего их столь разумною речью, отправить
В путь. Обратясь тогда к Понтоною, сказал феакиян
50 Царь благородный: «Наполни кратеры вином и подай с ним
Чаши, дабы, помолившись владыке Крониону Зевсу,
Странника в милую землю отцов отпустили мы с миром».
Так он сказал и, кратеры наполнив вином благовонным,
Подав с ним чаши гостям Понтоной; и они возлиянье
Им совершили богам, беспредельного неба владыкам,
Каждый на месте своем. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подав царнице Арете двурусный кубок; потом он,
Голос возвысив, ей бросил крылатое слово: «Царица,
60 Радуйся ныне и жизнь проводи беспечально, доколе
Старость и смерть не придут в обреченное каждому время.
Я возвращаюсь в отеческий дом свой; а ты благоденствуй
Дома с детьми, с домочадцами, с добрым царем Алкиноем».
Слово такое сказав, через медный порог перешел он.
С ним повелел Понтоною идти Алкиной, чтоб ему он
65 Путь указал к кораблю и к песчаному берегу морскому.
Также царица Арета послала за ним трех домашних служанок,
С вымытой чисто одеждой одну и с хитоном, другую
С отданным ей в сохраненье блестящим ковчегом, а третью
С светло-пурпурным вином и с запасом еды на дорогу.
70 К берегу морскому они подошли и, принявши из рук их
Платье, ковчег, и вино, и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы и на гладкой
Палубе мягко-широкий ковер с простыней полотняной
Подле кормы разостлали, чтоб мог Одиссей бестревожно
75 Спать. И вступил Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Лег он на мягко-широкий ковер. И на лавки порядком
Сели гребцы и, канат отвязав от причального камня,
Разом ударили в весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слетал Одиссею на вежды
80 Сон непробудный, усладный, с безмолвною смертию сходный.
Быстро (как полем широким коней четверня, беспрестанно
Спильным гонимых бичом, поражающим всех совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершает

Путь свой) корабль, воздвигая корму, побежал, и, пурпурной
85 Сади волной наспрая, его многошумное море
Мчало вперед; беспрепятственно плыл он; и сокол,
быстрейший

Между пернатыми неба, его не догнал бы в полете,—
Так он стремительно, зыбь рассекая, летел через море,
Мужа неся богоравного, полного мыслей высоких,
90 Много встречавшего бед, сокрушающих сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великих выдавшего браней —
Ныне же спал он, забыв претерпенное, сном беззаботным.
Но поднялася звезда лучезарная, вестница светлой,
В сумраке раннем родившейся Эос; и, путь свой окончив,
95 К берегу Итаки достигнул корабль, обтекающий море.
Пристань находится там, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуют две длинные ветви крутого
Брега, скалами зубчатыми в море входящего; ветрам
Он взбраняет пзвие нагонять на спокойную пристань
100 Волны тревожные; могут внутри корабли на притонном
Месте без привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
В самой вершине залива широкосенистая зрится
Маслина; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывущим наядами нимфам;
105 Много в том гроте кратер и больших двоеручных кувшинов
Каменных: пчелы, гнездяся в их недре, свой мед составляют;
Также там много и каменных длинных станов; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурные ткут там наяды;
Вечно шумит там вода ключевая; и в гроте два входа:
110 Людям один лишь пз них, обращенный к Борею, доступен;
К Ноту ж на юг обращенный богам посвящен — не дерзает
Смертный к нему приближаться, одним лишь бессмертным
открыт он.

Зная то место, к нему подошли мореходцы; корабль их
Целой почти паловиюю на берег вспрянул — так быстро
115 Мчался он, веслами сильных гребцов понуждаемый к бегу.
Стал неподвижно у берега могучий корабль. Мореходцы,
С палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Сняв с простынею и с мягким ковром, на которых лежал он,
Спящий глубоко, его положили на бреге песчаном;
120 После, богатства собрав, от разумных людей феакнйских
Им полученные в дар по внушенью великой Афины,
Бережно склали у корня оливы широкосенистой
Все, от дороги поодаль, дабы никакой проходящий,
Пользуясь сном Одиссея глубоким, чего не похитил.

125 Кончив, пустился в море он. Но земли колыбатель,
Помня во гневе о прежних угрозах своих Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, с такой обратился молитвой
К Зевсу: «О Зевс, наш отец и владыка, не буду богами
Боле честим я, когда мной ругаться начнут феакійцы,
130 Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Ведал всегда я, что в дом свой, немало тревог испытавши,
Должен вступить Одиссей; я не мог у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде уж суд произнес свой.
Нынче ж его феакійцы в своем корабле до Итаки
135 Спящего, мне вопреки, довели, наперед одаривши
Золотом, медью и множеством риз, драгоценно-сотканных,
Так изобильно, что даже из Трои подобной добычи
Он не привез бы, когда б беспрепятственно в дом
возвратился».

Гневному богу отвечал туч собиратель Кроннон:
140 «Странное слово сказал ты, могучий земли колыбатель;
Ты ль не в чести у богов, и возможно ль, чтоб лучший,
Старший и силою первый не чтим был от младших и низших?
Если же кто из людей земнородных, с тобою неравных
Силой и властью, тебя не почит, накажи беспощадно.
145 Действуй теперь, как желаешь ты сам, как приятнее сердцу».
Бог Посейдон, колыбатель земли, отвечал громовержцу:
«Смело б я действовать стал, о Зевес чернооблачный, если б
Силы великой твоей и тебя раздражать не страшился;
Нынче же мной феакійский прекрасный корабль, Одиссея
150 В землю его проводивший и морем обратно плывущий,
Будет разбит, чтоб вперед уж они по водам не дерзали
Всех провожать; и горою великой задвину их город».
Гневному богу отвечал так громовержец Кроннон:
«Друг Посейдон, полагаю, что самое лучшее будет,
155 Если (когда подходящий корабль издалека увидят
Жители града) его перед ними в утес обратишь ты,
Образ плывущего судна ему сохранивши, чтоб чудо
Всех изумило; потом ты горою задвинешь их город».
Слово такое услышав, могучий земли колыбатель
160 В Схерию, где обитал феакійский народ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. К нему подошел, колыбатель земли во мгновенье
В камень его обратил и ударом ладони к морскому
Дну основаньем крепко притиснул: потом удалился.
165 Шумно словами крылатыми спрашивать стали друг друга
Веслолюбивые, смелые гости морей феакійцы,

Глядя один на другого и так меж собой рассуждая:
«Горе! Кто вдруг на водах оковал наш корабль быстроходный,
К берегу шедший? Его уж вдали различали мы ясно».

170 Так говорили они, не постигнув того, что случилось.
К ним обратился тогда Алкиной и сказал: «Феакийцы,
Горе! Я вижу, что ныне сбылось все то, что отец мой
Мне предсказал, говоря, как на нас Посейдон негодует
Сильно за то, что развозим мы всех по морям безопасно.
175 Некогда, он утверждал, феакийский корабль, проводивший
Странника в землю его, возвращаясь морем туманным,
Будет разбит Посейдоном, который высокою горою
Град наш задвинет. Так мне говорил он, и все совершилось.
Вы ж, феакийские люди, исполните то, что скажу вам:
180 С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало,
Странников, наш посещающих град, провожать; Посейдону ж
В жертву немедля двенадцать быков принесем, чтоб

на милость

Он преклонился и града горой не задвинул великой».

Так он сказал, и быков приготовил на жертву объятый
185 Страхом народ; и, усердно молясь Посейдону владыке,
Все феакийские старцы, вожди и вельможи стояли
Вкруг алтаря. Той порой Одиссей, привезенный в отчизну
Сонный, проснулся, и милой отчизны своей не узнал он —
Так был отсутствен давно; да и сторону всю ту покрыла
190 Мглою туманною дочь громовержца Афина, чтоб не был
Прежде, куда всего от нее не услышит, кем встречен
Царь Одиссей, чтоб его ни жена, ни домашний, ни житель
Града какой не узнали, пока женихам не отмстит он;
Вот почему и явилось очам Одиссея столь чуждым
195 Все, и излучины длинных дорог, и залив меж стенами
Гладких утесов, и темные сени дерев черноглавых.
Вставши, с великим волнением он начал кругом озираться;
Скорбь овладела душою его, по бедрам он могучим
Крепко ударив руками, в печали великой воскликнул:
200 «Горе! К какому народу зашел я! Здесь, может быть, область
Диких, не знающих правды, людей, иль, быть может, я встречу
Смертных приветливых, богобоязненных, гостеприимных.
Где же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мне самому? Для чего меж людьми феакийскими доле
205 Я не остался! К другому из сильных владык в их народе
Я бы прибегнул, и он бы помог мне достигнуть отчизны;
Ныне ж не знаю, что делать с своим мне добром; без храненья
Здесь не оставлю его, от прохожих расхищено будет.

Горе! Я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
210 Были в поступках со мною и царь, и вожди феакийцев:
Имп я брошен в краю, мне чужом; отвезти обещались
В мплую прямо Итаку меня и нарушили слово;
Их да накажет Зевес, покровитель лишенных покров,
Зрящий на наши дела и карающий наши злодейства.
215 Должно, однако, богатства мои перечесть, чтоб увидеть,
Цело ли все, не украли ли чего в корабле быстрородном».
Он сосчитал все котлы, все треножники, все золотые
Утвари. все драгоценно-сотканные ризы, и целым
220 Все оказалось; но горько он плакал о милой отчизне,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному берегу
В тяжкой печали. К нему подошла тут богиня Афина,
Образ приняв пастуха, за овечьим ходящего стадом,
Юного, нежной красою подобного царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантия плечи,
225 Ноги сняли в сандалиях, легким копьем подпиралась.
Радуюсь встрече такой, Одиссей подошел к светлоокой
Деве и, голос возвысив, ей бросил крылатое слово:
«Друг, ты в земле незнакомой мне, страннику, встретился
первый;
Радуйся; сердце ж на милость свое преклони; сбереги мне
230 Это добро, и меня самого защити; я как бога,
Друг, умоляю тебя и колена твои обнимаю:
Мне отвечай откровенно, чтоб мог я всю истину ведать,
Где я? В какой стороне? И какой здесь народ обитает?
Остров ли это гористый иль в море входящий, высокий
235 Берег земли матерой, покровенной крутыми горами?»
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, что ты издалека пришелец иль вовсе бессмыслен,
Если об этом не ведаешь крае? Но он не бесславен
Между краями земными, народам земным он известен
240 Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят,
Так и живущим на запад, где область туманныя ночи;
Правда, горист и суров он, коням неприволен, но все же
Он и не дик, не бесплоден, хотя не широк и полями
Беден; он жатву сторицей дает, и на нем винограда
245 Много рождается от частых дождей и от рос плодотворных;
Пажитей много на нем для быков и для коз, и богат он
Лесом и множеством вод, безущербно год целый текущих.
Странник, конечно, молва об Итаке дошла и к пределам
Троп, лежащей, как слышно, далеко от края ахеян».
250 Кончила. В гудь Одиссея веселье от слов сих проникло;

Рад был услышать он имя отчизны из уст светлоокой
Дочери Зевса эгпдодержавца Паллады Афины;
Голос возвысив, он бросил крылатое слово богине
(Правду, однако, он скрыл от нее хитроумною речью,
255 В сердце своем осторожно о пользе своей помышляя):
«Имя Итаки впервые услышал я в Крите обширном,
За морем; ныне ж и сам я пределов Итаки достигнул,
Много сокровищ с собою привезши и столько же дома
Детям оставив; бежал я оттуда, убив Орсилоха,
260 Идоменеева милого сына, который в обширном
Крите мужей предприимчивых всех побеждал быстротою
Ног; он хотел у меня всю добычу троянскую (столько
Злых мне тревог приключившую в те времена, как во многих
Бранях я был и среди бедоносного странствовал моря)
265 Силой отнять, поелику его я отцу отказался
В Трое служить и своими людьми предводил; но его я,
Шедшего с поля, с товарищем подле дороги укрывшись,
Метко направленным медным копьем умертвил из засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой нас
270 Видеть не мог человек; и не сведал никто, что убийца
Я; но, копьем медноострым его умертвив, не замедлил
Я, к кораблю финикийских людей благородных пришедши,
Их убедить предложеньем даров, чтоб, меня на корабль свой
Взявши и в Пилос привезши, там на берег дали мне выйти
275 Или в Элиду, священную область эпеян, меня проводили;
Но берегов их достигнуть нам не дал враждующий ветер,
К горю самих мореходцев, меня обмануть не хотевших;
Сбившись с дороги, сюда мы приплыли ночью порою;
В пристань на веслах ввели мы корабль, и никто не помыслил,
280 Сколь ни стремило к тому нас желанье, об ужине; все мы,
Вместе сошед с корабля, улеглись на бреге песчаном;
В это мгновенье в глубокий я сон погрузился; они же,
Взявши пожитки мои с корабля, их сложили на землю
Там, где заснувший лежал на песке я; потом, возвратясь
285 Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили. Я же остался один, сокрушенный».
Кончил. С улыбкой Афина ему светлоокая щеки
Нежной рукой потрепала, явившись прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девой.
290 Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:
«Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,

295 Даже и в землю свою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и от слов двоясмысленных, смолоду к ним приучившись;
Но об этом теперь говорить бесполезно; мы оба
Любим хитрить. На земле ты меж смертным разумом первый,
Также и сладкою речью; я первая между бессмертных
300 Мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же
Мог не узнать ты Паллады Афины, тебя неизменно
В тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях
и ныне
Всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтоб, с тобой все разумно обдумав,
К месту прибратъ здесь все то, что от щедрых людей феакийских
305 Ты получил при отъезде моим благосклонным внушеньем;
Также, чтоб знал ты, какие судьба в многославном жилище
Царском беды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтоб никто там, ни муж, ни жена, не проникли
Тайны, что бедный скиталец — ты сам, возвратившийся; молча
310 Все оскорбленья сноси, наглецам уступая без гнева».
Светлой Афине отвечивал так Одиссеей богоравный:
«Смертный, и самый разумный, с тобою случайно, богиня,
Встретясь, тебя не узнает: во всех ты являешься видах.
Помню, однако, я, сколь ты бывала ко мне благосклонна
315 В те времена, как в троянской земле мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши город Приамов великий,
Мы к кораблям возвратились, разгневанный бог разлучил нас.
С тех пор с тобой не встречался я, Диева дочь; не приметил
Также, чтоб ты, на корабль мой вступивши, меня от какого
320 Зла защитила. С разорванным сердцем, без всякой защиты,
Странствовал я: наконец от напастей избавили боги.
Только в стране плодоносной мужей феакийских меня ты
Словом своим ободрила и в город мне путь указала.
Ныне ж, колена объемля твои, умоляю Зевесом
325 (Я сомневаюсь, чтоб был я в Итаке; я в землю пную
Прибыл; ты, так говоря, без сомненья, испытывать шуткой
Хочешь мне сердце; ты хочешь мой разум ввести
в заблужденье),
Правду скажи мне, я подлинно ль милой отчизны достигнул?»
330 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«В сердце моем благосклонность к тебе сохранилася та же;
Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в исполненье;
Всякий, на чуже скитавшийся долго, достигнув отчизны,
Дом свой, жену и детей пламенеет желаньем увидеть;

335 Ты ж, Одиссей, не спеши узнавать, воздержись от расспросов;
Прежде ты должен жену испытать; неизменная сердцем,
Дома она ожидает тебя с нетерпением, тратя
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали.
Я же сомнения в том никогда не имела — напротив,
340 Знала, что, спутников всех потеряв, ты домой возвратишься;
Но неприлично мне было вражду заводить с Посейдоном,
Братом родителя Зевса, тобой оскорбленным: ты сильно
Душу разгневал его умерщвлением милого сына.
Но чтоб ты мог мне поверить, тебе я открою Итаку.
345 Здесь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
В самой вершине залива широкосенистую видишь
Маслину; близко ее полутемный с возвышенным сводом
Грот, посвященный прекрасным, слывающим наядами, нимфам
(Самый тот хладный, в утесе таящийся грот, где столь часто
350 Ты приносил гекатомбы богатые чистым наядам).
Вот и гора Нернон, покровенная лесом ширококим.
Кончив, богиня туман разделила; окрестность явлася;
В грудь Одиссея при виде таком пролилося веселье;
Бросился он целовать плододарную землю отчизны;
355 Руки подняв, обратился потом он с молитвой к наядам:
«Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я уж не думал
Здесь вас увидеть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будут дары вам обычные, если
Дочь броненосная Зевса Афина и мне благосклонно
360 Жизнь сохранит, и милого сына спасет от напасти».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен;
Должен, напротив, сокровища в недре пространного грота
Спрятать свои, чтоб из них ничего у тебя не пропало.
365 После, все дело обдумав, мы выберем то, что полезней».
Кончив, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стен закоулки ощупала; сын же Лаэртос
Все и нетленную медь, и богатые платья, и злато,
Им от людей феакийской земли полученные, собрал;
370 В гроте их склав, перед входом его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Афина.
Оба тогда, под широкосенистою маслиной севши,
Стали обдумывать, как погубить женихов многобуйных.
Дочь светлоокая Зевса богиня Афина сказала:
375 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Будумай, как бы тебе женихов наказать беззаконных,
Боле трех лет самовластно твоим обладающих домом,

Муча докучным своим сватовством Пенелопу; она же
Сердцем в разлуке с тобою крушась, подает им надежду
380 Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к ним, недоброе в сердце для них замышляя». Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
«Горе! И мне б, как царю Агамемнону, сыну Атрея,
Жалостной гибели в царском жилище моем не избегнуть,
385 Если бы вовремя мне ты всего не открыла, богиня!
Дай мне теперь наставление, как отомстить им; сама же
Мне помоги и такую ж даруй мне отважность, как в Трое,
Где мы разрушили светлые стены Приамова града.
Стой за меня и теперь, как тогда, светлоокая; смело
390 Выйти готов и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мне ты еще благосклонна». Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставлен
Мной и тогда, как приступим мы к делу; и, думая, скоро
395 Лоно земли беспредельной обрызжется кровью и мозгом
Многих из них, беззаконных, твое достоянье губящих.
Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты
Узкан: наморщю блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы золото-темные кудри, покрою
400 Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем
Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну;
В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который
Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен.
Прежде, однако, отсюда ты должен пойти к свинопасу,
405 Главному здесь над стадами свинными смотрителю; верев
Он и тебе, и разумной твоей Панелопе, и сыну;
Встретишь его ты у стада свиней; близ утеса Коракса,
Подле ключа Аретусы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаяся там желудьми и водой запивая
410 Пищу, которая тушу свиную густым наливает
Жиром; с ним сидя, его обо всем ты подробно расспросишь.
Тою порою я в женопрекрасный поиду Лакедемон
Вызвать к тебе, Одиссей, твоего Телемаха оттуда:
Он же в широкоравнинную Спарту пошел, чтоб услышать
415 Весть о тебе от Атрида и, жив ли еще ты, проведать». Светлой Афине ответствовал так Одиссей многоумный:
«Ведая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многим и он сокрушеньям подвергнуться может
На море бурном, во власти грабителей дом свой оставив». 420 Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

«Много о том, Одиссеи, ты тревожиться сердцем не должен.
Я проводила его, чтоб людей посмотрел и меж ними
Нажил великую славу; легко все окончив, теперь он
В доме Атреева сына сидит и роскошно пирует.
425 Правда, его женихи стерегут в корабле темногрудом,
Злую погибель готовя ему на возвратной дороге;
Я им, однако, того не дозволю; и прежде могила
Многих из них, разоряющих дерзостно дом твой, поглотит».
С ними словами богиня к нему прикоснулась тростью.
430 Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Сняли с его головы злато-темные кудри, сухою
Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпичей, в лохмотье разорванным, старым
435 Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма;
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
Всю в заплатках, висящую вместо ремня на веревке,
С ним разлучилась богиня; что делать, его научивши,
440 К сыну его полетела она в Лакедемон священный.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тою порою из пристани вкруть по тропинке пагорной
Лесом пошел он в ту сторону, где, по сказанью Афины,
Жил свинопас богоравный, который усерднее прочих
Царских рабов наблюдал за добром своего господина.
Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообразном
Месте, просторный, отвсюду обходный; его для свинных там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем
Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
10 Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Тын из дубовых, обтесанных, близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
15 Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было
Заперто — матки одни для расплода; самцы же во внешних

Спали закутах и в меньшем числе: убавляли, пируя,
Их женихи богоравные (сам свинопас принужден был
Лучших и самых откормленных им посылать ежедневно);
20 Триста их там шестьдесят боровов налицо оставалось;
Их сторожили четыре собаки, как дикие звери
Злобные: сам свинопас, повелитель мужей, для себя их
Выкормил. Сидя тогда перед домом, кропл он из крепкой
Кожи воловией подошвы для ног; пастухи же другие
25 Были в отлучке: на пажити с стадом свиной находились
Трое, четвертый самым повелителем послан был в город
Лучшую в стаде свинью женихам необузданным против
Воли отдать, чтоб, зарезав ее, насладились едою.
Вдруг вдалеке Одссея увидели злые собаки;
30 С лаем они на него побежали; к земле осторожно,
Видя опасность, присел Одиссей, но из рук уронил он
Посох, и жалкую гибель в своем бы он встретил владенье,
Если бы сам свинопас, за собаками бросясь поспешно,
Выбежать, кинув работу свою, не успел из заграды:
35 Крикнув на бешеных псов, чтоб пугнуть их, швырять
он большими
Камнями начал; потом он сказал, обратясь к Одссею:
«Был бы, старик, ты разорван, когда б опоздал я минуту;
Тяжким упреком легло б мне на сердце такое несчастье;
Мне же и так уж довольно печалей бессмертные дали:
40 Здесь, о моем господине божественном сетуя, должен
Я для незваных гостей боровов Одиссеевых жирных
Прочить, тогда как, быть может, он сам без покрова, без пищи
Странствует в чуждых землях меж народов иного языка
(Если он только еще где сиянием дня веселится).
45 В дом мой последуй за мною, старик; я тебя дружелюбно
Пищею там угощу и вином; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какие беды и напасти где встретил».
Кончил, и в дом с Одиссеем вошел свинопас богоравный;
Там он на кучу его посадил многолиственных, свежих
50 Сучьев, недавно нарубленных, прежде косматую кожей
Серны, на ней же он спал по ночам, их покрыв. Одссею
Был по душе столь радушный прием; он сказал свинопасу:
«Зевса молю я и вечных богов, чтоб тебе ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты так ласково принял».
55 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято — Зевес к нам приводит
Нищих и странников; дар и убогий Зевесу угоден.

Слишком же щедрыми быть нам не можно, рабам, в
беспрестанном

60 Страхе живущим, понеже теперь господа молодые
Властвуют нами. Кроннион решил, чтоб лишен был возврата
Он, столь ко мне благосклонный; меня б он устроил, мне дал бы
Поле, и дом, и невесту с богатым приданым, и, словом,
Все, что служителям верным давать господин благодушный
65 Должен, когда справедливые боги успехом усердье
Их наградили, как здесь и меня за труды награждают;
Так бы со мною здесь милостив был он, когда б мог достигнуть
Старости дома; но нет уж его... о! зачем не Еленин
Род истреблен! От нее сокрушились колена славнейших
70 наших героев: и он за обиду Атрида с другими
В Трою неволей пошел истребить Илион многоконный».
Так говорил он и, поясом легкий хитон свой стянувши,
К той отделенной закуте пошел, где одни поросята
Заперты были; взяв двух пожирней, он обоих зарезал,
75 Их опалил, и на части рассек, и, на вертел наткнувши
Части, изжарил их; кончив, горячее мясо он подал
Гостю на вертеле, ячной мукою его пересыпав.
После, медвяным вином деревянный наполнивши кубок,
Сел против гостя за стол и, его приглашая к обеду:
80 «Странник, — сказал, — не угодно ль тебе поросятины, нашей
Пищи убогой, отведать — свиней же одни беспощадно
Жрут женихи, не страшась никакого за то наказания;
Дел беззаконных, однако, блаженные боги не любят:
Правда одна и благие поступки людей им угодны;
85 Даже разбойники, злые губители, разные земли
Грабят обыкшие, — многой добычей, им данной Зевесом,
Свой нагрузивши корабль и на нем возвращаясь в отчизну, —
Страх наказания великий в душе сохраняют; они же
(Видно, им бога какого пророческий слышался голос),
90 Веря, что гибель постигла его, ни свое, как прилично,
Весть сватовство не хотят, ни к себе возвратиться не мыслят,
В доме, напротив, пируют его и бесчинно всё грабят;
Каждую Зевсову ночь там и каждый ниспосланный Зевсом
День не одну и не две мы свиньи на съеденье им режем;
95 Так же они и вино, неумеренно пьянствуя, тратят.
Дом же его несказанно богат был, никто из живущих
Здесь благородных мужей — на твердыне ли черного Зама
Или в Итаке — того не имел; получал он дохода
Боле, чем десять у нас богачей; я сочту по порядку:
100 Стад криворогих быков до двенадцати было, овечьих

Также, и столько ж свиных, и не менее козых (пасут их
Здесь козоводы свои и наемные); также на разных
Паствах еще здесь гуляет одиннадцать козых особых
Стад; и особые их стерегут на горах козоводы;
105 Каждый из тех козоводов вседневно, черед наблюдая,
В город с жирнейшей козю, меж лучшим избранной, ходит;
Так же вседневно и я, над стадами свиными здесь главный,
Лучшего борова им на обед посылать приневолен».
Так говорил он, а гость той порою ел мясо, усердно
110 Пил и молчал, женихам истребление в мыслях готова.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубок он свой, из которого сам пил, хозяину подал
Полный вина — и его свинопас с удовольствием принял;
Гость же, к нему обратившись, бросил крылатое слово:
115 «Друг, расскажи о купившем тебя господине, который
Был так несметно богат, так могуч и потом, говоришь ты,
В Трое погиб, за обиду отмщая Атреева сына;
Знать я желаю: не встретился ль где он случайно со мною?
Зевсу и прочим бессмертным известно, могу ли в свою вам
120 Очередь что про него рассказать — я давно уж скитаюсь».
Так свинопас, повелитель мужей, отвечал Одиссею:
«Старец, теперь никакой уж из странников, много бродивших,
Радостной вестью об нем ни жены не обманет, ни сына.
Часто в надежде, что их, угостив, одарят, здесь бродяги
125 Лгут, небылицы и басни о нем вымышляя; и кто бы,
Странствуя в разных землях, ни зашел к нам в Итаку,
уж верно

Явится к нашей царице с нелепою сказкой о муже;
Ласково всех принимает она и рассказы их жадно
Слушает все, и с ресниц у внимающей падают капли
130 Слез, как у всякой жены, у которой погиб в отдаленье
Муж. Да и ты нам, старик, небылицу расскажешь охотно,
Если хламиду тебе иль хитон за труды посулим мы.
Нет, уж конечно, ему иль собаки, иль хищные птицы
Кожу с костей оборвали — и с телом душа разлучилась,
135 Или он рыбами съеден морскими, иль кости на взморье
Где-нибудь, в зыбком песке глубоко погребенные, тлеют;
Так он погиб, в сокрушенье великом оставив домашних
Всех, наипаче меня; никогда, никогда не найти уж
Мне господина столь доброго, где бы я ни жил, хотя бы
140 Снова по воле бессмертных к отцу был и к матери милой
В дом приведен, где родился, где годы провел молодые.
Но не о том я крушуся, хотя и желал бы хоть раз их

Образ увидеть глазами, хоть раз посетить их в отчизне,—
Нет, об одном Одиссее далеко я плачу; ах, добрый
145 Гость мой, его и далекого здесь не могу называть я
Просто по имени (так он со мною был милостив); братом
Милым его я, хотя и в разлуке мы с ним, называю.
Царь Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Если, не веря вестям, утверждаешь ты, друг, что сюда он
150 Боле не будет, и если уж так ты упорен рассудком,
Я не скажу ничего; но лишь в том, что наверное скоро
К вам Одиссей возвратится, дам клятву; а мне ты заплатишь
Только тогда, как входящего в дом свой его здесь увидишь:
Плате тогда подаришь мне, хитон и хламиду; до тех пор,
155 Сколь ни великую бедность терплю, ничего не приму я;
Мне самому ненавистней Аидовых врат ненавистных
Каждый обманщик, ко лжи приневоленный бедностью тяжкой;
Я же Зевесом владыкой, твоей гостеприимной трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
160 Здесь, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я;
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,
Вступит он в дом свой; и мщенье тогда совершится
над каждым,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидел».

165 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Нет, ни за вести свои ты от нас не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придет; успокойся ж,
Пей, и начнем говорить о другом; мне и слышать об этом
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мне
170 Кто здесь хоть словом напомнит о добром моем господине.
Также и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нет ли
К нам господин мой, как все бы желали мы — я, Пенелопа,
Старец Лаэрт и подобный богам Телемах. — но о сыне
Боле теперь, чем о славном, родившем его Одиссее,
175 Я сокрушаюсь: как ветвь молодая, восштан богами
Был он; я мнил, что со временем, мужеской силы достигнув,
Будет подобно отцу он прекрасен и видом и станом, —
Знать, неприязненный демон какой пль враждующий смертный
Разум его помутил: чтоб узнать об отце отдаленном,
180 В Пирос божественный поплыл он; здесь же, укрывшись
в засаде,
Ждут женихи, чтоб, его умертвив на возвратной дороге,
В нем и потомство Аркесия все уничтожить в Итаке.
Мы же, однако, оставим его — попадется ль им в руки

Он, избежит ли их козней, спасенный Зевесом, — теперь ты
185 Мне расскажи, что с тобой и худого и доброго было
В свете? Скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какую дорогой
190 Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать.
Если б мы оба с тобой запаслися на долгое время
195 Пищей и сладким питьем и глаз на глаз остались двое
Здесь пировать на просторе, отправив других на работу,
То и тогда, ежедневно рассказ продолжая, едва ли
В год бы я кончил печальную повесть о многих напастях,
Мнои претерпенных с трудом несказанным по воле

бессмертных.

Славлюсь я быть уроженцем широкоравнинного Крита;
200 Сын я богатого мужа; и вместе со мною других он
Многих имел сыновей, им рожденных и выросших дома;
Были они от законной супруги; а я от рабыни,
Купленной им, родился, но в семействе почтен как законный
Сын был отцом благородным, Кастором, Гилаксовым сыном;
205 Он же от всех обитателей Крита, как бог, уважаем
Был за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных;
Но приносящие смерть, беспощадно-могучие Керы
В область Анда его увели; сыновья же, богатства
Все разделив меж собою по жеребью, дали мне самый
210 Малый участок и дом небольшой для житья; за меня же
Вышла богатых родителей дочь; продпочтен был другим я
Всем женихам за великую доблесть; на многое годный,
Был я в деле военном не робок... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломе, однако, и прежний
215 Колос легко распознаешь ты; ныне ж я бедный бродяга.
С мужеством бодрым Арей и богиня Афина вселили
Мне боелюбие в сердце; не раз выходил я, создавши
Самых отважнейших, против врагов злонамеренных в битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
220 Первый, напротив, всегда выбегал я с копьем, чтоб настичь
В поле противника, мне уступавшего ног быстротою;
Смелый в бою, полевого труда не любил я, ни тихой
Жизни домашней, где милым мы детям даем воспитанье;
Островесельные мне корабли привлекательней были;
225 Бой, и крылатые стрелы, и медноблестящие копы,

Грозные, в трепет великий и в страх приводящие многих,
Были по сердцу мне — боги любовь к ним вложили мне
в сердце:

Люди не сходны, те любят одно, а другие другое.

- 230 Прежде, чем в Трою пошло броненосное племя ахеян,
Девять я раз в корабле быстроходном с отважной дружиной
Против людей иноземных ходил — и была нам удача;
Лучшее брал я себе из добыч, и по жеребью также
Много на часть мне досталось; свое увеличив богатство,
235 Стал я могуч и почтен меж народами Крита; когда же
Грозно гремевший Зевес учредил роковой для ахеян
Путь, сокрушивший колена столь многих мужей знаменитых,
С Идоменеем, царем многославным, от критян был избран
Я с кораблями идти к Илиону; и было отречься
Нам невозможно: мы властью народа окованы были.
- 240 Девять там лет воевали упорно мы, чада ахеян;
Но на десятый, когда, ниспровергнув Приамов великий
Град, мы к своим кораблям возвратились, бог разлучил нас.
Мне, злополучному, бедствия многие Зевс приготовил.
Целый месяц провел я с детьми и с женою в семейном
245 Доме, великим богатством моим веселясь; напоследок
Сильно в Египет меня устремило желание; выбрав
Смелых товарищей, я корабли изготовил; их девять
Там мы оснастили новых; когда ж в корабли собрались
Бодрые спутники, целых шесть дней до отплытия все мы
250 Там пировали; я много зарезал быков и баранов
В жертву богам, на роскошное людям моим угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Крит, мы в открытое море
Вышли и с быстропопутным, пронзительнохладным Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко; и ничем ни один наш
255 Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
По морю мчали они, повинувшись кормилу и ветру.
Дней через пять мы к водам светлоструйным потока Египта
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
260 Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
Дал приказание с ближних высот обозреть всю окрестность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грабят поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
265 Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралась
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружий

Поле кругом закишело; Зевес, веселящийся гремя,
В жалкое бегство моих обратил, отразить ни единый
270 Силы врага не успел, и отсюда нас смерть окружила;
Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я благовременно был вразумлен всемогущим Зевесом.
(О, для чего избежал я судьбины и верной не встретил
275 Смерти в Египте! Мне злее беды приготовил Кроннион.)
Сняв с головы драгоценно-украшенный кожаный шлем мой,
Щит мой сложивши с плеча и копье медноострое бросив,
Я подбежал к колеснице царя и с молитвой колена
Обнял его; он меня не отвергнул; но, сжался, с ним рядом
280 Сесть в колесницу велел мне, лиющему слезы, и в дом свой
Царский со мной удалился — а с копьями следом за нами
Много бежало их, смертию мне угрожавших; избавлен
Был я от смерти царем — он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился.
285 Целых семь лет я провел в стороне той и много богатства
Всякого собрал: египтяне щедро меня одарили;
Год напоследок осьмой приведен был времен обращеньем;
Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
290 Он, увлекательной речью меня обольтив, Финикию,
Где и поместье и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до окончания года. Когда же
Дни протекли, миновались месяцы, полного года
Круг совершился и Оры весну привели молодую,
295 В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил;
С ним и поехал я, против желанья, добра не предвидя.
Мы с благосклонно-попутным, пронзительнохладным Бореем
300 Плыли; уж Крит был за нами... Но Дни нам готовил гибель;
Остров из наших очей в отдаленье пропал, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, с водами слинянное, зрелось;
Бог громовежец Кроннион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним потемнело
305 Море; и вдруг, заблестав, он с небес на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно, и дымом
Серным его обхватило; все разом товарищи были
Сброшены в воду, и все, как вороны морские, рассеясь,
В шумной исчезли пучине — возврата лишил их Кроннион
310 Всех; лишь объятаго горем великим меня надоумил

Вовремя он корабля остроносого мачту руками
В бурной тревоге схватить, чтоб погибелн верной избегнуть;
Ветрам губящим во власть отдался я, привязанный к мачте.
315 Девять носившися дней по волнам, на десятый с наставшей
Ночью ко берегу феспротов высокобегающей волною
Был принесен я; Федон, благомыслящий царь их, без платы
Долго меня у себя угощал, поелику я милым
Сыном его был, терзаемый голодом, встречен и в царский
320 Дом приведен: на его я, покуда мы шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, он дал мне хитон и хламиду.
Там я впервые узнал о судьбе Одиссея; сказал мне
Царь, что гостил у него он, в отчизну свою возвращаясь;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он:
325 Золото, медь и железную утварь чудесной работы;
Даже и внукам в десятом колене достанется много —
Столько сокровищ царю Одиссей в сохраненье оставил;
Сам же пошел, мне сказали, в Додону затем, чтоб оракул
Темно-сенистого Диева дуба его научил там,
330 Как, по отсутствию долгом — открыто ли, тайно ли, — в землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнее будет?
Мне самому, совершив возлияние в доме, поклялся
Царь, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
335 Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, богатый пшеницею, шедших;
Он повелел, чтоб к Акасту царю безопасно я ими
Был отвезен. Но они злонамеренным сердцем иное
Дело замыслили, в бедствие ввергнуть меня сговорившись.
340 Только от берега феспротов корабль отошел мореходный,
Час наступил, мне назначенный ими для жалкого рабства.
Силой сорвавши с меня и хитон и хламиду, они мне
Вместо их бедное рубище дали с нечистой рубашкой,
В жалких лохмотьях, как можешь своими глазами ты видеть.
345 Вечером прибыли мы к берегам многогорной Итаки.
Тут с корабля крепкозданного — прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связав мне — все на берег вместе
Вышли, чтоб, сев на зыбучем песке, там поужинать сладко.
Я же от тягостных уз был самими богами избавлен.
350 Голову платьем, изорванным в тряпки, свою обернувши,
Бережно с судна я к морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь в него, я поспешно, обеими правя руками,
Поплыл и силы свои напрягал, чтоб скорее из глаз их
Скрыться; в кустарнике, густо покрытом цветами, лежал я,

Клубом свернувшись; они ж в бесполезном искании с криком
355 Бегали мимо меня; напоследок, нашед неудобным
Доле напрасно бродить, возвратились назад и, собравшись
Все на корабль свой, пустились в путь; так самими богами
Был я спасен, и они же меня проводили в жилище
Многоразумного мужа: еще не судьба умереть мне».

360 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Бедный скиталец, все сердце мое возмутил ты рассказом
Многих твоих приключений, печалей и странствий далеких.
Только одно не в порядке: зачем о царе Одиссее
Ты помянул? И зачем так на старости лет бесполезно
365 На ветер лжешь? По несчастью, я слишком уверен, что мне уж
Здесь не видать моего господина; жестоко богами
Был он преследуем; если б он в Трое погиб на сраженье
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским народом,
370 Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и известно пропал он.
Я же при стаде живу здесь печальным пустынным; в город
К ним не хожу я, как разве когда Пенелопой бываю
Призван, чтоб весть от какого пришельца услышать; они же
375 Гости вопросами жадно, усевшись кругом, осыпают
Все — как и те, кто о нем, о возлюбленном, искренне плачут,
Так и все те, кто его здесь нмущество грабят без платы.
Я ж не терплю ни вестей, ни расспросов о нем бесполезных
С тех пор, как был здесь обманут бродягой этольским, который,
380 Казни страшась за убийство, повсюду скитался и в дом мой
Случаем был заведен; я его с уважением принял;
— Видел я в Крите, в царевом дворце Одиссея,— сказал он,—
Там исправлял он свои корабли, потерпевшие в бурю.
Летом иль осенью (так говорил Одиссей мне), в Итаку
385 Я и товарищи будем с несметно-великим богатством.—
Ты же, старик, испытывший столь много, нам посланный Дием,
Баснею мне угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уважен, не тем мне любезен ты будешь —
Нет, я Зевеса страшусь гостелюбца, и сам ты мне жалок».

390 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Подлинно, слишком уж ты недоверчив, мой добрый хозяин.
Если и клятва моя не вселяет в тебя убежденья;
Можем, однако, мы сделать с тобой уговор, и пускай нам
Будут обоим поруками боги, владыки Олимпа:
395 Если домой возвратится, как я говорю, господин твой —
Дав мне хитон и хламиду, меня ты в Дулихий, который

Сердцем так жажду увидеть, отсюда отправишь; когда же,
Мне вопреки, господин твой домой не воротится — всех ты
Слуг соберешь и с утеса низвергнешь меня, чтоб вперед вам
400 Басен нелепых не смели рассказывать здесь побродяги». Страннику так, отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Друг, похвалу б повсеместную, имя бы славное нажил
Я меж людьми и теперь, и в грядущее время, когда бы,
В дом свой принявши тебя и тебя угостив, как прилично,
405 Жизнь дорожку твою беззаконным убийством похитил;
С сердцем веселым Кроннону мог бы тогда я молиться.
Время, однако, нам ужинать; скоро воротятся люди
С паствы — тогда и желанную вечерю здесь мы устроим».
Так говорили о многом они, беседею сладко.
410 Скоро с стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлег их они загонять, и с ужасным
Визгом и хрюканьем свиньи, спираясь, ломились в закуты.
Тут пастухам подчиненным сказал свинопас богоравный:
«Лучшую выбрать свинью, чтоб, зарезав ее, дорогого
415 Гостя попотчевать, с ним и самим насладиться едою;
Много тяжелых забот нам от наших свиней светлозубых;
Плод же тяжелых забот пожирают без платы другие».
Так говоря, топором разрубал он большие полена;
Те же, свинью пятилетнюю, жирную, взяв и вогнавши
420 В горницу, с ней подошли к очагу: свинопас богоравный
(Сердцем он набожен был) наперед о бессмертных подумал;
Шерсти щепотку сорвав с головы у свиньи светлозубой,
Бросил ее он в огонь; и потом, всех богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
425 Тут он ударил свинью сбереженным от рубки поленом;
Замертво пала она, и ее опалили, дорезав,
Тотчас другие, рассекли на части, и первый из каждой
Части кусок, отложенный на жир для богов, был Евмеем
Брошен в огонь, пересыпанный ячной мукой; остальные ж
430 Части, на острые вертелы вздев, на огне осторожно
Начали жарить, дожарив же, с вертелов сняли и кучей
Все на подносные доски сложили. И поровну начал
Пищею всех оделять свинопас: он приличие ведал.
На семь частей предложенное все разделив, он назначил
435 Первую нимфам, и Эрмию, Майиному сыну, вторую;
Прочие ж каждому, как кто сидел, наблюдая порядок,
Роздал, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтил; и вниманьем таким несказанно довольный,
Голос возвысив, сказал Одиссеей хитроумный: «Да будет

440 Столь же, Евмей, и к тебе многоименный вечный Кроннон,
Сколь ты ко мне, спроте старику, был приветлив и ласков». Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Ешь на здоровье, таинственный гость мой, и нашим доволен
Будь угощением; одно нам дарует, другого лишает
445 Нас своенравный в даяньях Кроннон; ему все возможно.
С сими словами он, первый кусок отделивши бессмертным
В жертву, пурпурным наполненный кубок вином Одиссею
Градорушителю подал; тот сел за прибор свой; и мягких
Хлебов принес им Месавлий, который, в то время как в Трое
450 Царь Одиссея находился, самим свинопасом из денег
Собственных был, без согласия царицы, без спроса с Лазртом,
Куплен, для разных прислуг, у тафийских купцов мореходных.
Подняли руки они к приготовленной лакомой пище.
После ж, когда насладились довольно питьем и едою,
455 Хлеб со стола был проворным Месавлием снят; а другие,
Сытые хлебом и мясом, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесов
Ливень холодный шумел, и Зефир бушевал дожденосный.
Начал тогда говорить Одиссея (он хотел, чтоб хозяин
460 Дал ему мантию, или свою, или с кого из других им
Снятую, ибо о нем он с великим радушием пекся):
«Слушай, Евмей, и послушайте все вы: хочу перед вами
Делом одним я похвастать — вино мне язык развязало;
Сила вина несказанна: она и умнейшего громко
465 Петь, и безмерно смеяться, и даже плясать заставляет;
Часто внушает и слово такое, которое лучше б
Было сберечь про себя. Но я начал и должен докончить.
О, для чего я не молод, как прежде, и той не имею
Силы, как в Трое, когда мы однажды сидели в засаде!
470 Были Атрид Менелай с Одиссеем вождами; и с ними
Третий начальствовал я, к ним приставший по их
приглашенью;
К твердо-высоким стенам многославного града пришедши,
Все мы от них недалеко в кустарнике, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
475 Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный
Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрустаем от мороза подернулись тонким.
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;
480 Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал, собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от мороза придется;

Взял со щитом я лишь пояс один мой блестящий; когда же
 Треть совершилася ночи и звезды склонилися с неба,
 Так я сказал Одиссею, со мною лежавшему рядом,
 485 Локтем его подтолкнув (во мгновение он понял, в чем дело):
 «О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссеей благородный,
 Смертная стужа, порывистый ветер и снег хладоносный
 Мне нестерпимы; я мантию бросил; хитон лишь злой демон
 Взять надоумил меня; никакого нет средства согреться».
 490 Так я сказал. И недолго он думал, что делать: он первый
 Был всегда и на умный совет, и на храброе дело.
 Шепотом на ухо мне отвечал он: «Молчи, чтоб не мог нас
 Кто из ахеев, товарищей наших, здесь спящих, подслушать».
 Так отвечав мне, привстал он и, голову локтем подперши,
 495 «Братья,— сказал,— мне приснился божественный сон;
мы далеко,
 Слишком далеко от наших зашли кораблей; не пойдет ли
 Кто к Агамемнону, пастырю многих народов, Атриду,
 С просьбой, чтоб в помощь людей нам прислать с кораблей не
замедлил».
 Так он сказал. Поднялся, пробудившись, Фоас Андремонид;
 500 Сбросив для легкости с плеч пурпуровую мантию, быстро
 Он побежал к кораблям; я ж, оставленным платьем одевшись,
 Сладко проспал до явления златопрестольной Денницы.
 О, для чего я не молод, не силен, как в прежние годы!
 Верно, тогда бы и мантию дали твои свинопасы
 505 Мне — из приязни ль, могучего ль мужа во мне уважая.
 Ныне ж кто хилого нищего в рубище бедном уважит?»
 Страннику так отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:
 «Подлинно чудною повестью нас ты, мой гость, позабавил;
 Нет ничего неприличного в ней, и на пользу рассказ твой
 510 Будет: ни в платье ты здесь и ни в чем, для молящего, много
 Бед испытавшего странника нужном, отказа не встретишь;
 Завтра, однако, в свое ты оденешься рубище снова;
 Мантий у нас здесь запасных не водится, мы не богаты
 Платьем; у каждого только одно: он его до пзноса
 515 С плеч не скидает. Когда же возлюбленный сын Одиссеев
 Будет домой, он и мантию даст и хитон, чтоб одеться
 Мог ты, и в сердце желанную землю ты будешь отправлен».
 Кончив, он встал и, пошед, близ огня приготовил постелю
 Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьею
 520 Шкурою; лег Одиссеей на постель; на него он набросил
 Теплую, толсто-сотканную мантию, ею ж во время
 Зимней, бушующей дико метели он сам одевался;

Сладко на ложе своем отдыхал Одиссей; и другие
Все пастухи улеглись кругом. Но Евмей, разлучиться
525 С стадом свиной опасаясь, не лег, не заснул; он, поспешно
Взявши оружие, в поле идти изготoвился. Видя,
Как он ему и далекому верен, в душе веселился
Тем Одиссей. Свинопас же, на крепкие плечи повесив
Меч свой, оделся косматой, от ветра защитной, широкой
530 Мантией, голову шкурой козы длинношерстной окутал,
После копы на собак и на встречу с ночным побродягой
Взял и в то место пошел ночевать, где клычистые свиньи
Спали под сводом скалы, недоступным дыханью Борея.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Тою порой в Лакедемон широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтоб Лаэртова внука, ему об Итаке
Милой напомня, понудить скорей возвратиться в отцовский
Дом; и она там нашла Телемаха с возлюбленным сыном
5 Нестора, спящих в сених Менелая славного дома.
Сладостным сном побежденный, лежал Писистрат неподвижно.
Полон тревоги был сон Одиссеева сына: во мраке
Ночи божественной он об отце помышлял и крушился.
Близко к нему подошедши, богиня Афина сказала:
10 «Сын Одиссеев, напрасно так долго в чужой стороне ты
Медлишь, наследье отца благородного бросив на жертву
Дерзких грабителей, жрущих твоё беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъезд Менелай, вызыватель
в сраженье,
15 Вам учредит, чтоб еще без порока застать Пенелопу
Мог ты: ее и отец уж и братья вступить понуждают
В брак с Евримахом; числом и богатством подарков он прочих
Всех женихов превзошел и приносит дары беспрестанно.
Могут легко и твоё там похитить добро; ты довольно
20 Знаешь, как женщина сердцем изменчива: в новый вступая
Брак, лишь для нового мужа она помышляет устроить
Дом, но о детях от первого брака, о прежнем умершем
Муже не думает, даже и словом его не помянет.
В дом возвратятся, там все, что твоё, поручи особливо
Самой надежной из ваших рабынь, чтоб хранила, покуда

«Сын Одиссеев, тебя здесь удерживать боле не буду.
Если так сильно домой ты желаешь. И сам не одобрю
70 Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
Людам скучает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простишься с уходящим.
75 Но подожди, Телемах, чтоб в твою колесницу подарки
Я уложил, их тебе показав, и чтоб также рабыне
Сытный вам завтрак велел на отъезд во дворце приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей он,
80 Едущих в дальнюю землю, насыщенных в путь отпускает.
Если ж ты хочешь Аргос посетить и объехать Элладу,—
Сам я тебе проводник; дай коней лишь запрячь в колесницу;
Многих людей города покажу я; никто не откажет
Нам в угощенье, везде и подарок обычный получим:
Иль дорогой меднолитный треножник, иль чашу, иль крепких
85 Мулов чету, иль сосуд золотой двоеручный». Атриду
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов.
Должно прямым мне скорей возвратиться путем — без надзора
Дом и богатства мои, отправляясь в путь, я оставил;
90 Может, пока за отцом я божественным буду скитаться,
Там приключится беда иль похитится что дорогое».
Царь Менелай, вызыватель в сраженье, при этом ответе
Тотчас Елене, супруге своей, и домашним рабыням
Завтрак велел для гостей на отъезд во дворце приготовить.
95 Близко к Атриду тогда подошел Этеон, сын Воэфов,
Только что вставший с постели: он жил от царя недалеко.
Царь повелел Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить; и тот повеленье с покорностью принял.
Сам же в чертог кладовой благовонный сошел по ступеням
100 Царь, не один, но с Еленой и с сыном своим Мегалентом;
Вшел в благовонный чертог кладовой, где хранились богатства,
Выбрал Атрид там двурусный кубок, потом Мегаленту
Сыну кратеру велел сребролитную взять; а Елена
К тем подошла запертым на замок сундукам, где лежало
105 Множество пестрых, узорчатых платьев ее рукоделья.
Стала Елена, богиня меж смертными, пестрые платья
Все разбирать и шитьем богатейшее, блеском как солнце
Яркое, выбрала; было оно там на самом исподе
Спрятано. Кончив, они по дворцу к Телемаху навстречу
110 Вместе пошли; Менелай златовласый сказал: «Благородный

Сын Одиссеев, желанное сердцем твоим возвращенье
В дом твой тебе да устроит супруг громоогненный Геры!
Я же из многих сокровищ, которыми здесь обладаю,
Самое редкое выбрал тебе на прощальный подарок;
115 Дам шпоровую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
120 С сими словами вручил Телемаху двурусный кубок
Сын благородный Атревев; кратеру работы Гефеста
Подал, пришедши, ему Мегапент, Менеласв могучий
Сын, сребролитную. Светлообразная, с пестрым пришедши
Платьем, Елена его позвала и сказала: «Одежду
125 Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтоб меня ты
Помнил, чтоб этой, мной сшитой, одеждой на брачном веселом
Пире невесту украсил свою; а дотоль пусть у милой
Матери будет храниться она; ты ж теперь возвратися
С сердцем веселым в Итаку, в отеческий дом многославный».
130 Кончив, одежду она подала; благодарно он принял.
Тут осторожно дары уложил Писистрат в колесничный
Короб, с большим удивленьем все порознь сперва осмотревши.
Всех в пировую палату повел Менелай златовласый;
Там поместились они по порядку на креслах и стульях.
135 Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно, чтоб было для всех угощенье;
140 Мясо на части разрезал и подал гостям сын Воэфов;
Кубки златые наполнил вином Мегапент многославный;
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетвован голод их сладким питьем и едою,
Сын Одиссеев и Несторов сын Писистрат привязали
145 К дышлу коней и, в богатую ставши свою колесницу,
Выехать в ней со двора через звонкий готовились портик.
Вышел за нимп Атрид Менелай златовласый, держащий
В правой руке драгоценный, вином благовонным налитый
Кубок, чтоб их на дорогу почтить возлияньем прощальным;
150 Стал впереди он коней и, вина отхлебнувши, воскликнул:
«Радуйтесь, дети, и Нестору, пестуну многих народов,
Мой отвезите поклон; как отец, был ко мне благосклонен
В те времена он, когда мы сражались в Трое, ахейцы».

Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
155 «Нестору все, что о нем ты сказал нам, Зевесов питомец,
Мы перескажем, прибывши к нему. О, когда б, возвратяся
В дом мой, в Итаку, и я мог отцу моему Одиссею
Так же сказать, как любовно меня угощал ты, как много
Разных привез я сокровищ, тобою в подарок мне данных!»
160 Кончил; и в это мгновение справа орел темнокрылый
Шумно поднялся, большого домашнего белого гуся
В сильных когтях со двора унеся; и толпою вся дворя
С криком бежала за хищником; он, подлетев к колеснице,
Мимо коней прошумел и ударился вправо. При этом
165 Виде у всех предвещанием радостным сердце взыграло.
Несторов сын, Писистрат благородный, сказал Менелаю:
«Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни нам,
Знаменье это Кроннон послал, для тебя ли, для нас ли?»
Так он спросил; и, Арея любимец, задумался бодрый
170 Царь Менелай, чтоб ответ несомнительный дать Писистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
«Слушайте то, что скажу вам, что мне всемогущие боги
В сердце вложили и что, утверждаю я, сбудется верно.
Так же, как этого белого гуся, вскормленного дома,
175 Сильный похитил орел, прилетевший с горы, где родился
Сам и где вывел могучих орлят, так, скитавшийся долго,
В дом возвратяся, Одиссей отомстит; но, быть может, уже он
Дома; и смерть женихам неизбежную в мыслях готовит».
Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
180 «Если то Геры супруг, громоносный Кроннон, позволит,
Буду, тебя помня, тебе я как богу молиться».
Так отвечав ей, он сильным ударил бичом; понеслися
Быстро по улицам города в поле широкое кони.
Целый день мчались кони, тряся колесничное дышло.
185 Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Орсилоха, Алфеом
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
190 Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великого Пилоса града.
Сын Одиссеев сказал Писистрату, к нему обратяся:
195 «Можешь ли, Несторов сын, обещанье мне дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями друг другу считаемся с давних

Лет по наследству любви от отцов; мы ровесники; этот
Путь, совершенный вдвоем, неразрывнее дружбой связал нас.
Друг, не минуй моего корабля; но позволь мне остаться
200 Там, чтоб отец твой меня в изъявление любви не принудил
В доме промедлить своим, — возвратиться безмерно спешу я». —
Так он сказал; Писистрат колебался рассудком и сердцем,
Думая, как бы свое обещанье исполнить; обдумав
Все, напоследок уверился он, что удобнее будет
205 Звонкокопытных коней обратиться к кораблю и к морскому
Брегу. Вступая на корабль, положил на корме он подарки:
Золото, платье и все, чем Атрид одарил Телемаха.
После, его понуждая, он бросил крылатое слово:
«Медлить не должно; все люди твои собрались; уезжайте
210 Прежде, пока, возвратясь домой, не успел обо всем я
Старцу отцу рассказать; убежден я рассудком и сердцем
(Зная упрямство его), что тебя он не пустит, что сам он
Вслед за тобой с приглашением сюда прибежит и отсюда,
Верно, один не воротится, так он упорствовать будет».
215 Кончив, бичом он погнал долгогривых коней и помчался
В город пиллийцев и славного города скоро достигнул.
К спутникам тут обратясь, сказал Телемах благородный:
«Братья, скорей корабля чернобокого снасти устройте,
Все соберитесь потом на корабль, и отправимся в путь свой».
220 То повеление было гребцами исполнено скоро;
Все на корабль собрались и сели на лавках у весел.
Тою порой Телемах приносил на корме корабельной
Жертву богине Палладе; к нему подошел, он увидел,
Странник. Убийство свершив, он покинул Аргос и скитался;
225 Был прорицатель; породу же вел от Мелампа, который
Некогда в Пилюсе жил овцеводном. В роскошных палатах
Между пиллийцев Меламп обитал, отличаясь богатством;
Был он потом принужден убежать из отчизны в иную
Землю, гонимый надменным Нелеем, из смертных сильнейшим
230 Мужем, который его всем богатством, пока продолжался
Круг годовой, обладал, между тем как в Филаковом доме
В тяжких оковах, в глубокой темнице был жестоко мучим
Он за Нелееву дочь, погруженный в слепое безумство,
Душу его омрачившее силою страшных Эриний.
235 Керы, однако, избегнул и громкомычащих коров он
В Пилюс угнал из Филакии. Там, отомстивши за злое
Дело герою Нелею, желанную к брату родному
В дом проводил он супругу, потом удалился в иную
Землю, в Аргос многоконный, где был предначинан судьбою

240 Жить, многочисленным там обладая народом аргивян.
В брак там вступив, поселился он в пышноустроенном доме;
Двух он имел сыновей: Антифата и Мантия, славных
Силой. Родил Антифат Оиклея отважного. Сыном
215 Был Оиклеевым Амфиарай, волнователь народов,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старых ему не судили достигнуть
Боги: он в Фивах погиб златолюбия женского жертвой.
Были его сыновья Алкмеон с Амфилохом. Мелампов
Младший сын Мантий родил Полифейда пророка и Клита.
230 Клита похитила, светлой его красотой пленяся,
Златопрестольная Эос, чтоб был он причислен к бессмертным.
Силу пророчества гордому дав Аполлон Полифейду,
Сделал его знаменитым меж смертных, когда уж не стало
Амфиарая; но он в Гипересию жить, раздраженный
255 Против отца, перешел; и, живя там, пророчил всем людям.
Тот же странник, которого сын Одиссеев увидел,
Был Полифидов сын, называвшийся Феоклименом;
Он Телемаху, Афине тогда приносившему жертву,
С просьбой к нему обратившись, бросил крылатое слово:
260 «Друг, я с тобой, совершающим жертву, встречаясь, твоею
Жертвой тебя, и твоим божеством, и твоей головою,
Также и жизнью спутников верных твоих умоляю:
Мне на вопрос отвечай, ничего от меня не скрывая.
Кто ты? Откуда? Каких ты родителей? Где обитаешь?»
265 Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Я из Итаки; отцом же моим Одиссеей богоравный
Некогда был; но теперь он погибелью горькой постигнут;
Спутников верных созвав, в корабле чернобоком за ним я,
270 Долго отсутственным, странствую, вести о нем собирая».
Феоклимен богоравный ответственвал внуку Лаэрта:
«Странствую также и я — знаменитый был мною в отчизне
Муж умерщвлен; в многоконном Аргосе он много оставил
Сродников ближних и братьев, могучих в народе ахейском;
275 Гибель и мстящую Керу от них опасаяся встретить,
Я убежал; меж людей бесприютно скитаться удел мой.
Ты ж, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будет мне смерть: я преследуем сильно их злобой».
Кончил. Ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
280 «Друг, я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Едем; и в доме у нас с гостелюбием будешь ты принят».
Так он сказал и, кошке медноострое взяв у пришельца,

Подле перил корабельных его положил на помосте.
Сам же, вступив на корабль, оплывающий темное море,
285 Сел у кормы корабельной, с собою там сесть пригласивши
Феоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им немедля
Снасти убрать, и, ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
290 В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Тут светлоокая Зевсова дочь им послала попутный,
Зыби эфира пронзающий ветер, чтоб темносолоной
Бездною моря корабль их бежал, не встречая преграды.
295 Круны и Халкис они светловодный уже миновали;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Феу корабль, провожаемый Зевсовым ветром, оставив
Сзади, прошел и священную область эпейн Элиду.
300 Острые тут острова Телемах в отдалене увидел.
Плыл он туда, размышляя, погибнет ли там иль спасется.
Тою порой Одиссей с свинопасом божественным нищу
Ели вечернюю, с ними и все пастухи вечеряли.
Свой удовольствовав голод обильно-роскошной едою,
Так им сказал Одиссей (он хотел испытать, благосклонно ль
305 Сердце Евмея к нему, пригласит ли его он остаться
В хижине с ним иль его отошлет неприязненно в город):
«Слушай, мой добрый Евмей, и послушайте все вы; намерен
Завтра поутру я в город идти, чтоб сбирать подаянье
Там от людей и чтоб вашего хлеба не есть вам в убыток.
310 Дай мне, хозяин, совет и вели, чтоб дорогу мне в город
Кто указал. Я по улицам буду бродить, и, конечно,
Кто-нибудь даст мне вина иль краюшку мне вынесет хлеба;
В дом многославный царя Одиссея пришедши, скажу там
Людям, что добрые вести о нем я принес Пенелопе.
315 Также пойду и к ее женихам многобуйным; уж верно
Мне, так роскошно пируя, они не откажут в подаче.
Я же и сам быть могу им на всякую службу пригоден;
Ведать ты должен и выслушай то, что скажу: благодатен
Эрмий ко мне был, богов благовестник, который всем смертным
320 Людям успех, красоту и великую славу дарует;
Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
Скоро огонь разводить, и сухие дрова для варенья
Нищи колоть, и впно подносить, и разрезывать мясо,
Словом, во всем, что обязанность низких на службе у знатных».
325 С гневом на то отвечал ты, Евмей, свинопас богоравный:

«Стыдно тебе, чужеземец; как мог ты такие дозволить
Странные мысли себе? Ты своей головы не жалеешь,
В город собираясь идти к женихам беззаконным, которых
Буйство, бесстыдство и хитрость дошли до железного неба:
330 Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
Нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец — такие
Служат рабы им; и много на гладко-блестящих столах там
Хлеба и мяса, и кубков с вином благовонным. Остаñся
335 Лучше у нас. Никому ты, конечно, меж нами не будешь
В тягость: ни мне, ни товарищам, вместе со мною живущим.
После ж, когда возвратится возлюбленный сын Одиссеев,
Ты от него и хитон, и другую одежду получишь;
Будешь им также и в сердце желанную землю отправлен».

340 Голос возвысив, ему отвечал сын Лаэртос: «Да будешь,
Добрый хозяин мой, ты и великому Зевсу владыке
Столь же любезен, как страннику мне, о котором с такою
Ласкою печешься! Несносно бездомное странствие; тяжкой
Мучит заботой во всякое время голодный желудок
345 Бедных, которым бродить суждено по земле без приюта.
Здесь я охотно дождусь Телемаха, а ты Расскажи мне
Все, что о славной в женах Одиссеевой матери знаешь,
Все, что с отцом, на пороге оставленном старости, было —
Если еще Геллпосовым блеском они веселятся;
350 Или уж нет их и оба они уж в Андовом доме?»
Сыну Лаэртосу так отвечал свинопас богоравный:
«Все по порядку тебе Расскажу, ничего не скрывая:
Жив благородный Лаэрт, но всечасно Зевеса он молит
Дома, чтоб душу его он исторгнул из дряхлого тела;
355 Горько он плачет о долго-отсутственном сыне, лишившись
Доброй, разумной и сердцем избранной супруги, которой
Смерть преждевременно в дряхлость его погрузила: о милом
Сыне крушась неутешно и сетуя, с светлою жизнью
Рано рассталась она. Да не встретит никто из любимых
360 Мною и мне оказавших любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ее сокрушенная жизнь продолжалась,
В город к ней часто ходил, чтоб ее навестить. поелику
Был я в ребячестве с дочерью доброй царицы, Клименой,
Самую младшею между другими, воспитан; я с нею
365 Рос и, почти как она, был любим в их семействе; когда же
Мы до желанного возраста младости зрелой достигли,
Выдали замуж в Самосе ее, взяв большие подарки.
Был награжден я красивой хламидой и новым хитоном,

Также для ног получил и сандалии; после царица
370 В поле к стадам отослала меня и со мной дружелюбней
Прежнего стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедры, однако, успехом прилежный мой труд наградили;
Им я кормлюсь, да и добрых людей угощать мне возможно.
Но от моей госпожи ничего уж веселого ныне
375 Мне не бывает, ни словом, ни делом, с тех пор как вломились
В дом наш грабители: нам же, рабам, иногда так утешно
Было б ее навестить, про себя ей все высказать, сведать
Все про нее и, за царским столом отобедав, с подачей
Весело в поле домой на всedневный свой труд возвратиться».
380 Кончил; ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Чудно! Так в детстве еще ты, Евмей свинопас, из отчизны
В землю далекую был увезен от родителей милых?
Все мне теперь расскажи, ничего от меня не скрывая:
Город ли тот, населенный обильно людьми, был разрушен,
385 Где твой отец и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быков и баранов один, ты
Схвачен морским был разбойником; он же тебя здесь и продал
Мужу тому, от него дорогую потребовал цену?»
«Друг,— отвечал свинопас богоравный, людей повелитель,—
390 Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно;
Слушай, в молчании сладко-душистым вином утешаясь;
Ночи теперь бесконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будет для нашей радушной беседы; не нужно
Рано ложиться в постелью нам: сон неумеренный вреден.
395 Все же другие, кого побуждает желанье, пусть идут
Спать, чтоб при первых лучах восходящей Денницы на паству
В поле, позавтракав дома, с господскими выйти свиньями;
Мы на просторе здесь двое, вином и едой веселясь,
Память мпнувших печалей веселым о них разговором
400 В сердце пробудим: о прошлых бедах поминает охотно
Муж, испытавший их много и долго бродивший на свете.
Я же о том, что желасшь ты знать, расскажу откровенно.
Есть (вероятно, ты ведаешь) остров, по имени Сира,
Выше Ортигии, где поворот совершает свой солнце;
405 Он необильно людьми населен, но удобен для жизни,
Тучен, приволен стадам, виноградом богат и пшеницей:
Там никогда не бывает губящего голода; люди
Там никакой не страшатся заразы; напротив, когда там
Хилая старость объемлет одно поколение живущих,
410 Лук свой серебряный взяв, Аполлон с Артемидой нисходят
Тайно, чтоб тихой стрелой безболезненно смерть посылать им.

Два есть на острове города, каждый с своею отдельной
Областью; был же владельцем обоих родитель мой Ктесий,
Сын Орменонов, бессмертным подобный. Случилось, что в Спру
415 Прибыли хитрые гости морей, финикийские люди,
Мелочи всякой привезши в своем корабле чернобоком.
В доме ж отцовом рабыня жила финикийская, станом
Стройная, редкой красы, в рукодельях искусная женских.
Душу ее обольстить удалось финикийцам коварным:
420 Мыла она, невадил корабля их, белье; тут один с ней
Тайно в любви сочетался — любовь же всегда в заблужденье
Женщин, и самых невинных своим поведением, вводит.
Кто и откуда она, у рабыни спросил обольститель.
Дом указав своего господина, она отвечала:
425 «Я уроженница меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арпбант знаменит был великим богатством;
Силой морские разбойники, злые тафийцы схватили
Шедшую с поля меня и сюда увезли на продажу
Мужу тому, от него дорожю потребовав цену».
430 Ей отвечая, сказал финикиец, ее обольститель:
«Будешь, конечно, ты рада в отчизну свою возвратиться
С нами; опять там увидишь и мать и отца в их блестящем
Доме: они же, мы ведаем, живы и славны богатством».
Выслушав то, что сказал он, ему отвечала рабыня:
435 «Я бы на все согласилась охотно, когда б, мореходцы,
Вы поклялись в отчизну меня отвезти без обиды».
Так отвечала рабыня; и те поклялись; когда же
Все поклялись они и клятву свою совершили,
К ним обратясь, рабыня крылатое бросила слово:
440 «Будем теперь осторожны; молчите; из вас некоторый
Слова не молви со мной, где меня бы ему ни случилось
Встретить, на улице ль, подле колодца ль, чтоб кто господину,
Нас подсмотрев, на меня не донес: раздраженный, меня он
В цепи велит заключить, да и вам приготовит погибель».
445 Скуйте ж язык свой; окончите торг поскорей, и когда вы
В путь изготовитесь, нужным запасом корабль нагрузивши,
В доме царевом меня обо всем известите немедля;
Золота, сколько мне под руки там попадетсЯ, возьму я;
Будет при том от меня вам еще и особый подарок:
450 Знать вы должны, что смотрю я за сыном царя малолетним;
Мальчик смысленный; со мною гулять из дворца он вседневно
Ходит; я с ним на корабль ваш приду: за великую цену
Этот товар продадите вы людям иного языка».
Так им сказавши, она возвратилась в палаты царевы.

455 Те же, год целый оставшись на острове нашем, прилежно
Свой крутобкий корабль нагружали, торгуя, товаром;
Но когда изготовился в путь нагруженный корабль их,
Ими был вестник о том к финикийской рабыне отпращен;
В дом он отца моего дорогое принес ожерелье:
460 Крупный электрон, оправленный в золото с чудным искусством;
Тем ожерельем моя благородная мать и рабыни
Все любовались; оно по рукам их ходило, и цену
Разную все предлагали. А он, по условию, молча
Ей головою кивнул и потом на корабль возвратился.
465 Из дому, за руку взявши меня, поспешила со мною
Выйти она; проходя же палату, где множеством кубков
Стол был уставлен для царских вельмож, приглашенных
к обеду
(Были в то время они на совете в собрание народном),
Три двоеручных сосуда проворно она, их под платьем
470 Скрыв, унесла; я за нею пошел, ничего не размышляя.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Пристани славной, поспешно идя, наконец мы достигли;
Там, оплыватель морей, ожидал нас корабль финикийский;
Все собрались на корабль, и пошел он дорогою влажной,
475 Взяв нас, меня и ее, и Зевес ниспослал нам попутный
Ветер; шесть суток и денно и ночью мы по морю плыли.
Но на седьмой день, как то предназначено было Зевесом,
Вдруг Артемида изменницу быстрой убила стрелою:
480 Курицей — рыбам ее и морским тюленям на съеденье
Бросили в море; а я там остался один, сокрушенный.
Волны и ветер попутный корабль принесли наш в Итаку;
Здесь я Лаэртом на деньги его был у хищников куплен.
Так я Итаку впервые своими глазами увидел».
485 Выслушав повесть, Евмею сказал Одиссей богоравный:
«Добрый Евмей, неказанно всю душу мою ты растрогал,
Мне повествуя, какие с тобою беды приключились;
С горем, однако, и радость тебе ниспослал многодарный
Зевс, проводивший тебя, претерпевшего много, в жилище
490 Кроткого мужа, который тебя и поит здесь и кормит
С нежной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мне же
Участь не та — без приюта брожу меж людей земнородных».
Так говоря о былых временах, напоследок и сами
495 В сон погрузились они, но на малое время; был краток
Сон их: вошла светлотронная Эос. В то время у берега,
Снасти убрав, Телемаховы спутники мачту спустили,

Быстро к причалу на веслах корабль привели и, закинув
Якорный камень, надежным канатом корабль утвердили у берега;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волною,
500 Вкусный обед приготовили с сладким вином пурпуровым.
Свой удовольствовав голод питьем и роскошной едою,
Так мореходцам сказал рассудительный сын Одиссеев:
«В город на веслах теперь отведите корабль чернобокий;
Сам же я в поле пойду навестить пастухов и порядком
505 Все осмотреть там; а вечером в город пешком возвращаясь;
Завтра ж, друзья, в благодарность за ваше сопутствие, вас я
В дом наш со мной отобедать и выпить вина приглашаю».
Феоклимен богоравный тогда спросил Телемаха:
«Сын мой, куда же пойти присоветуешь мне ты? К какому
510 Жителю горно-суровой Итаки мне в дом обратиться?
Или прямою дорогою в ваш дом пойти к Пенелопе?»
«Феоклимен,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
В прежние время тебя, не задумавшись, прямо бы в дом свой
Я пригласил: мы тебя угостили б как должно; теперь же
515 Худо там будет тебе без меня; ты увидеть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихам не желая
Часто являться, сидит наверху за тканьем одиноко;
Но одного я из них назову, он доступнее прочих:
То Евримах благородный, Полибия умного сын; на него же
520 Смотрит в Итаке народ, как на бога, с почтеньем великим.
Он, без сомнения, лучший меж ними; усердной других он
С матерью брака, чтоб место занять Одиссеево, ищет;
Но лишь единый в эфире живущий Зевес Олимпиец
525 Ведает, что им судьбой предназначено — брак пль погибель?»
Кончил; и в это мгновение справа поднялся огромный
Сокол, посол Аполлонов, с пронзительным криком; в когтях он
Дикого голубя мчал и ощипывал; перья упали
Между Лаэртovým внуком и судном его быстроходным.
Феоклимен, то увидя, отвел от других Телемаха,
530 За руку взял, и по имени назвал, и шепотом молвил:
«Знай, Телемах, не без воли Зевеса поднялся тот сокол
Справа; я вещую птицу, его рассмотрев, угадал в нем.
Царственной вашего царского рода не может в Итаке
Быть никакой; навсегда вам владычество там сохранится».
535 Феоклимену отвечал сын Одиссеев разумный:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Так изобильно, что каждый, с кем встретишься, счастью такому
Будет дивиться». Потом он сказал, обратясь к Пирею:

540 «Клитиев сын, благородный Пирей, из товарищей, в Пилос
Вместе со мною ходивших, ты самый ко мне был усердный.
Будь же таков и теперь, пригласи моего чужеземца
В дом свой, и пусть там живет он, покуда я сам не приду
к вам».

Выслушав, так отвечал Телемаху Пирей копьeverжец:
545 «Сделаю все, и сколь долго бы в доме моем он ни прожил,
Буду его угощать, и ни в чем он отказа не встретит».
Кончил Пирей и, вступив на корабль, приказал, чтоб немедля
Люди взошли на него и причальный канат отвязали.
Люди, взошед на корабль, поместились на лавках у весел.
550 Тут, в золотые сандални сын Одиссеев обувши
Ноги, свое боевое копьe, заощренное медью,
С палубы взял; а гребцы отвязали канат и на веслах
К городу поплыли, судно отчалив, как то повелел им
Сын Одиссеев, подобный богам, Телемах благородный.
555 Сын Одиссеев тем временем шел и пришел напоследок
К дому, где множество было в закутах свиней и где с ними,
Сторож их, спал свинопас, Одиссеев слуга неизменный.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тою порой Одиссей с свинопасом божественным, рано
Встав и огонь разложив, приготовили завтрак. Насытись
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. К Телемаху
Бросились дружно навстречу Евмеевы злые собаки;
5 Ластясь к идущему, прыгали дикие звери; услышав
Топот двух ног, подходящих поспешно, Лаэртос разумный
Сын, изумившийся, бросил крылатое слово Евмею:
«Слышишь ли, добрый хозяин? Там кто-то идет, твой товарищ
Или знакомец; собаки навстречу бегут и, не лая,
10 Машут хвостами; шаги подходящего яственно слышу».
Слов он еще не докончил, как в двери вошел, он увидел,
Сын; в изумленье вскочил свинопас; уронил из обеих
Рук он сосуды, в которых студеную смешивал воду
С светло-пурпурным вином. К своему господину навстречу
15 Бросясь, он голову, светлые очи и милые руки
Стал у него целовать, и из глаз полилися ручьями
Слезы; как нежный отец с несказанной любовью ласкает
Сына, который внезапно явился ему через двадцать

Лет по разлуке — единственный, поздно рожденный им, долго
20 Жданный в печали,— с такой свинопас Телемах любовью,
Крепко обнявши, всего целовал, как воскресшего; плача
Взрыд, своему господину он бросил крылатое слово:
«Ты ль, ненаглядный мой свет, Телемах, возвратился? Тебя я,
В Пилос отплывшего, видеть уже не надеялся боле.
Милости просим, войди к нам, дитя мое милое; дай мне
Очи тобой насладить, возвратившимся в дом свой; доныне
В поле не часто к своим пастухам приходил ты; но боле
В городе жил меж народа: знать, было тебе не противно
30 Видеть, как в доме твоём без стыда женихи бунтовали».
Сын Одиссеев разумный отвечал так свинопасу:
«Правду сказал ты, отец; но теперь для тебя самого я
Здесь: повидаться пришел я с тобою, Евмей, чтоб проведать,
Дома ль еще Пенелопа иль браком уже сочеталась
С кем из своих женихов, Одиссеево ж ложе пустое
35 В спальней стоит одиноко, покрытое злой паутиной?»
Кончил. Ему отвечая, сказал свинопас богоравный:
«Верность тебе сохраняя, в жилище твоём Пенелопа
Ждет твоего возвращенья с тоскою великой и тратит
Долгие дни и бессонные ночи в слезах и печали».
40 Так говоря, у него он копье медноострое принял;
В дом тут вступил Телемах, через гладкий порог перешедши.
С места поспешно вскочил перед ним Одиссей; Телемах же,
Место отрекшись принять, Одиссею сказал: «Не трудись,
Странник, сиди; для меня, уж конечно, найдется местечко
45 Здесь; мне очистить его не замедлит наш умный хозяин».
Так он сказал; Одиссей возвратился на место; Евмей же
Прутьев зеленых охапку принес и покрыл их овчиной;
Сын Одиссеев возлюбленный сел на нее; деревянный
С мясом, от прошлого дня сбереженным, поднос перед милым
50 Гостем поставил усердный Евмей свинопас, и корзину
С хлебом большую принес, и наполнил до самого края
Вкусно-медвяным вином деревянную чашу. Потом он
Сел за готовый обед с Одиссеем божественным рядом.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
55 Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Так свинопасу сказал Телемах богоравный: «Отец мой,
Кто чужеземный твой гость? На каком корабле он в Итаку
Прибыл? Какие его привезли корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не лешком же пришел он».
60 Так отвечал Телемаху Евмей, свинопас богоравный:
«Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

Он уроженец широкоравнинного острова Крита,
Многих людей города, говорит, посетил и немало
Странствовал: так для него уж судьбиною соткано было.
65 Ныне ж, бежав с корабля от феспротов, людей злоковарных,
В хижину нашу пришел он; тебе я его уступаю;
Делай что хочешь: твоей он защите себя поверяет.
Сын Одиссеев разумный отвечивал так свинопасу:
«Добрый Евмей, ты для сердца печальное слово сказал мне;
70 Как же могу я в свой дом пригласить твоего чужеземца?
Я еще молод; еще я своею рукою не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшего злую обиду;
Мать же, рассудком и сердцем колеблясь, не знает, что
выбрать,
Вместе ль со мною остаться и дом содержать наш в порядке,
75 Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконец предпочесть из ахейцев того, кто усердней
Ищет супружества с ней и дары ей щедрее приносит;
Но чужезмцу, которого гостем ты принял, охотно
Мантию я подарю, и красивый хитон, и подошвы
80 Ногн обушь; да и меч от меня он получит двуострый;
После и в сердце желанную землю его я отправлю;
Пусть он покуда живет у тебя, угощаемый с лаской;
Платье ж сюда я немедля пришлю и с запасом для вашей
Пищи, дабы от убытка избавить тебя и домашних.
85 В город ходить к женихам я ему не советую; слишком
Буйны они и в поступках своих необузданно-дерзки;
Могут обидеть его, для меня бы то было прискорбно;
Сам же я их укротить не могу: против многих и самый
Сильный бессилен, когда он один; их число там велико».
90 Царь Одиссей хитроумный отвечивал так Телемаху:
«Если позволишь ты мне, мой прекрасный, сказать
откровенно, —
Милым я сердцем жестоко досаую, слыша, как много
Вам женихи незаконные здесь оскорблений наносят,
Дом захвативши такого, как ты, молодого героя:
95 Знать бы желал я, ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Или, быть может, ты братьев видишь, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем великом раздоре?
Если б имел я и свежую младость твою, и отважность —
100 Или когда бы возлюбленный сын Одиссеев, иль сам он,
Странствуя, в дом возвратился (еще не пропала надежда) —
Первому встречному голову мне бы отсечь я позволил,

Если бы, им на погибель, один не решился проникнуть
В дом Одиссея, Лаэртова сына, чтоб выгнать оттуда
105 Шайку их. Если б один я с толпой и не сладил, то все же
Было бы лучше мне, в доме моем пораженному, встретить
Смерть, чем свидетелем быть там бесчинных поступков

и видеть,

Как в нем они обижают гостей, как рабынь принуждают
Их угождать вожделениям гнусным в обитателях царских,
110 Как расточают и хлеб и вино, беспощадно запасы
Все истребляя и главного дела окончить не мысля.
«Добрый наш гость,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—
Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
Нет, ни мятежный народ не враждует со мною, ни братьев
115 Также моих не могу я винить, на которых отважность
Муж полагается каждый при общем раздоре, понеже
В каждом колене у нас, как известно, всегда лишь один был
Сын; одного лишь Лаэрта имел прародитель Аркесий;
Сын у Лаэрта один Одиссей; Одиссей равномерно
120 Прижил меня одного с Пенелопой. И был я младенцем
Здесь им оставлен, а дом наш заграбили хищные люди.
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
125 Нудят упорно ко браку и наше именные грабят;
Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить, ни

от брака

Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят.
Но, конечно, того мы не знаем, что в лоне бессмертных
130 Скрыто. Теперь побегу ты, Евмей, к Пенелопе разумной
С вестью о том, что из Пилоса я невредим возвратился.
Сам же останусь я здесь у тебя; приходи к нам скорее.
Но берегись, чтоб никто не проведал, опричь Пенелопы,
Там, что я дома: там многие смерти мне угрожают».
135 Так Телемаху сказал ты, Евмей, свинопас богоравный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, что велишь ты,
Будет исполнено; ты же еще мне скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтоб с вестью пошел я и к деду Лаэрту?
Бедный старик! Он до сих пор, хотя и скорбел о далеком
140 Сыне, но все наблюдал за работами в поле и, голод
Чувствуя, ел за обедом и пил, как бывало, с рабами.
С той же поры, как пошел в корабле чернобоком ты в Пилос,
Он, говоря, уж не ест и не пьет, и его никогда уж

145 В поле никто не встречает, но, охая тяжко п плача,
Дома сидит он, исчахлый, чуть дышащий, кожа да кости».
Сын Одиссеев разумный ответствовал так свинопасу:
«Жаль! Но его, как ни горько мне это, оставить должны мы;
Если бы все по желанию смертных, судьбине подвластных,
150 Делалось, я пожелал бы, чтоб прибыл отец мой в Итаку.
Ты же, увидевши мать, возвратись, заходить не заботясь
В поле к Лаэрту, но матери можешь сказать, чтоб немедля,
Тайно от всех, и чужих и домашних, отправила к деду
Ключницу нашу обрадовать вестью нежданною старца».
Кончив, велел он идти свинопасу. Взяв в руки подошвы,
155 Под ноги их подвязал он и в город пошел. От Афины
Не было скрыто, что дом свой Евмей, удаляся, покинул;
Тотчас явилась богиня, младою, прекрасною, с станом
Стройно-высоким, во всех рукодельях искусною девою;
В двери вступив, Одиссею предстала она; Телемаху ж
160 Видеть себя не дала, он ее не приметил: не всем нам
Боги открыто являются; но Одиссей мог очами
Ясно увидеть ее, и собаки увидели также:
Лаять не смея, они, завизжав, со двора побежали.
Знак головою она подала. Одиссей, догадавшись,
165 Вышел из хижины; подле высокой заграды богиню
Встретил он; слово к нему обращая, сказала Афина:
«Друг Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все рассказать Телемаху;
Оба, условясь, как женихам приготовить их гибель,
170 Вместе подите немедля вы в город; сама я за вами
Скоро там буду, и мстительный бой совершм совокупно».
Кончив, жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенней сделался станом, моложе
175 Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
Черной густой бородою покрылся его подбородок.
Собственный образ ему возвративши, богиня исчезла.
В хижину снова вступил Одиссей; Телемах, изумленный,
Очи потушил: он мыслил, что видит бессмертного бога.
180 В страхе к отцу обратясь, он бросил крылатое слово:
«Странник, не в прежнем теперь предо мной ты являешься
виде;
Платье не то на тебе, и совсем изменился твой образ;
Верно, один из богов ты, владык беспредельного неба;
Будь же к нам благостен; золота много тебе принесем мы
185 Здесь с гекатомбой великой, а ты нас, могучий, помилуй».

Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаньях твердый:
«Нет, я не бог; как дерзнул ты бессмертным меня уподобить?
Я Одиссей, твой отец, за которого с тяжким вздыханьем
Столько обид ты терпел, притеснителям злым уступая».

190 Кончив, с любовью сына он стал целовать, и с ресницы
Пала на землю слеза — удержать он ее был не в силах.
Но — что пред ним был желанный отец Одиссей, не поверя, —
Снова, ему возражая, сказал Телемах богоравный:
«Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством

195 Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать
во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца;
Был ты сначала старик, неопратно одетый; теперь же

200 Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Нет, Телемах, не чуждайся отца, возвращенного в дом свой;
Также и бывшему чуду со мною не слишком дивися;
К вам никакой уж другой Одиссей, говорю я, не будет,

205 Кроме меня, претерпевшего в странствиях много и ныне
Волей богов приведенного в землю отцов через двадцать
Лет. А мое превращение было богини Афины,
Мощной добычицы, дело; возможно ей все; превращен был
Прежде я в старого нищего ею, потом в молодого,
210 Крепкого мужа, носящего чистое платье на теле;
Вечным богам, беспредельного неба владыкам, легко нас,
Смертных людей, наделять и красой, и лицом безобразным».

Так он ответствовав, сел; Телемах в несказанном волненье
Пламенно обнял отца благородного с громким рыданьем.

215 В сердце тогда им обоим проникло желание плача:
Подняли оба пронзительный вопль сокрушенья; как стонет
Сокол или крутокогтистый орел, у которых охотник
Выкрал еще некрылатых птенцов из родного гнезда их,
Так, заливаясь слезами, рыдали они и стояли

220 Громко; и в плаче могло б их застать заходящее солнце,
Если бы вдруг не спросил Телемах, обратясь к Одиссею:
«Как же, отец, на каком корабле ты, какою дорогой
Прибыл в Итаку? Кто были твои корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты».

225 Сыну отвечивал так Одиссей, в испытаньях твердый:
«Все я, мой сын, расскажу, ничего от тебя не скрывая;
Славные гости морей феакийцы меня привезли к вам;

Всех, кто их помощи просит, они по морям провожают.
Спал я, когда мы достигли Итаки, и сонный был ими
230 На берег вынесен (щедро меня, отпуская в дорогу,
Золотом, медью и платьем богатым они одарили:
Все то по воле бессмертных здесь спрятано в гроте глубоком).
Прислан сюда я богиней Афиной затем, чтоб с тобою
Вместе врагов истребление здесь на свободе устроить.
235 Ты же теперь назови женихов и число их скажи мне;
Должно, чтоб ведал я, кто и откуда они и как много
Там их, дабы, все подробно обдумав рассудком и сердцем,
Мы разрешили, возможно ль двоим, никого не призвавши
В помощь, их всех одолеть иль другие помощники нужны?»
240 Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах благородный:
«Слышал я много, отец, о деяньях твоих многославных;
Как ты разумен в совете, какой копьевержец могучий —
Но о несбыточном мне ты теперь говоришь, невозможно
Двум нам со всюю толпой женихов многочисленных бороться.
245 Должен ты знать, что числом их не десять, не двадцать: гораздо
Более; всех перечесть их тебе я могу по порядку;
Слушай: пришло их с Дулихия острова к нам пятьдесят два,
Знатны все родом они, шесть служителей с ними; с Закинфа
Острова прибыло двадцать; а с темнолесистого Зама
250 Двадцать четыре: все знатных отцов сыновья; напоследок
К ним мы и двадцать должны из Итаки причесть, при которых
Фемий, певец богоравный, глашатай Медонт и проворных
Двое рабов, соблюдать за обедом порядок искусных.
Если с такою толпою бороться одни мы замыслим,
255 Будет нам мщенье горько, возврат твой погибелен будет;
Лучше подумай о том, не найдется ль помощник, который
Мог бы за нас постоять, благосклонно подавши нам руку?»
Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Выслушай то, что скажу, и в уме сохрани, что услышишь:
2.60 Если б Кронион отец и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда б мы прискивать новых?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Телемах богоравный:
«Подлинно ты мне надежных помощников назвал; высоко,
Правда, они в облаках обитают; но оба не нам лишь
265 Смертным одним, но и вечным богам всемогуществом
страшны».

Сыну ответствовал так Одиссей, в испытаниях твердый:
«Оба они не останутся долго от нас в отдаленье
В час воздаянья, когда у меня с женихами в жилище
Царском последний Ареев расчет смертоносный начнется.

270 Завтра поутру, лишь только подымется Эос, ты в город
Прямо пойдешь; там останься в толпе женихов многобуйных.
Позже туда я приду с свинопасом Евмеем под видом
Старого нищего в рубище бедном. Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
275 Милому сердцу свободы, и что б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери
Или хотя бы в меня чем швырнули — ты будь равнодушен.
Можешь, конечно, сказать иногда (чтоб унять их буйство)
Кроткое слово, тебя не послушают; будет напрасно
280 Все: предназначенный день их погибели близко; терпенье!
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Я в ту минуту, когда свой совет мне на сердце положит
Втайне Афина, тебе головою кивну; то заметя,
Все из палаты, какие ни есть там, доспехи Арея
285 Вверх отнеси и оставь там, их кучею в угол сложивши;
Если ж, приметив, что нет уж в палате там бывших оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такпе, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Троию, покинул:
290 Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
Мне же и высшую в сердце влагает Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пир осквернится:
Само собой прилипает к руке роковое железо».
295 Нам же двоим два копья, два меча ты отложишь и с ними
Два из воловьев кожи щита приготовишь, чтоб в руки
Взять их, когда нападенье начнем; женихам же, конечно,
Ум ослепят всемогущий Зевес и Афина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
300 Если ты вправду мой сын и от крови моей производишь,
Тайну храни, чтоб никто о моем возвращенье не сведал
Здесь, ни Лаэрт, мой отец, ни Евмей свинопас, ни слугитель
Царского дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое —
Ты лишь да я — наблюдать за рабынями нашими будем;
305 Также и многих рабов испытанью подвергнем, чтоб сведать,
Кто между ними тебя и меня уважает и любит,
Кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести».
Так, возражая отцу, отвечал Телемах многославный:
«Сердце мое ты, отец, уповаю я, скоро на самом
310 Деле узнаешь; и дух мой не слабым найдешь ты, конечно.
Думаю только, что опыту всех подвергать бесполезно
Будет для нас; я об этом тебя убеждаю размыслить:

Много истратится времени, если испытывать всех их,
Каждого порознь, начнем мы тогда, как враги беззаботно
315 Будут твой дом разорять и твое достояние грабить.
Но я желаю и сам, чтоб, подвергнувши опыту женщин,
Мог отличить ты порочных от честных и верных; рабов же
Трудно испытывать всех, одного за другим, на работе
Порознь живущих; то сделаешь после в досужное время,
320 Если уж подлинно знак ты имел от владыки Зевеса».
Так говорили о многом они, беседеу сладко.
Тою порой крепкозданный корабль, Телемаха носивший
В Пилос с дружиной, приблизился к берегу Итаки. Когда же
В пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
325 На берег вздвинуть они поспешили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсем разгрузивши,
В Клитиев дом отнесли все подарки царя Менелая.
В царский же дом Одиссеев был вестник пловцами немедля
Послан сказать Пенелопе разумной, что сын, возвратясь,
330 В поле пошел, кораблю же прямою дорогою в город
Плыть повелел (чтоб о сыне собственном в сердце тревожась,
Плакать напрасно о нем перестала царица). Тот вестник
Встретился, путь свой окончить спеша, с свинопасом, который
С вестью подобной к своей госпоже Телемахом был послан.
335 К дому царя многославного оба пришли напоследок.
Вслух перед всеми рабынями вестник сказал Пенелопе:
«Прибыл обратно в Итаку возлюбленный сын твой, царица».
Но свинопас подошел к Пенелопе и на ухо все ей,
Что Телемах повелел рассказать, прошептал осторожно.
340 Кончив рассказ и исполнив свое поручение, царский
Дом он оставил и в поле к свиньям возвратился поспешно.
Но женихи, пораженные, духом уныли; покинув
Залу, они у ограды высокого царского дома
Рядом на каменных гладких скамьях за воротами сели.
345 Так говорить им тогда Евримах, сын Полибиев, начал:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело отправясь
В путь, Телемах, от него мы подобной отваги не ждали.
Должно нам, черный, удобнейший к бегу, корабль изготовив,
В нем мореходных отправить людей, чтоб они убедили
350 Наших товарищей в город как можно скорей возвратиться».
Кончить еще не успел он, как, с места на пристань взглянувши,
Только что к берегу приставший корабль Амфином усмотрел
там;

Снасти и весла на нем убрали пловцы. Обратясь
С радостным смехом к товарищам, так он сказал: «Не трудитесь

355 Вести своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно, их бог надоумил какой иль увидели сами
Быстро бегущий корабль и настигнуть его не успели.
Так он сказал; те, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берег скоро был вздвинут корабль чернобокий пловцами,
360 Бодрые слуги немедля сгрузили с него всю поклажу;
Сами ж на площади все женихи собрались; но с собою
Там никому заседать не дозволили. Так напоследок,
К ним обратясь, Антиной, сын Евпейтов надменный, сказал им:
«Горе! Бессмертные сами его от беды сохранили!
365 Каждый там день сторожа на лобзаемых ветром вершинах
Друг подле друга толпою сидели; когда ж заходило
Солнце, мы, берег покинув, всю ночь в корабле быстроходном
По морю плавали взад и вперед до восхода Денницы,
Тщетно надеясь, что встретим его и немедля погубим.
370 Демон тем временем в пристань его проводил невредимо.
Мы же над ним совершить, что замыслили вместе, удобно
Можем и здесь; он от нас не уйдет; но до тех пор, покада
Жив он, исполнить намеренье наше мы будем не в силах;
Он возмужал и рассудком созрел для совета и дела;
375 Люди ж Итаки не с прежней на нас благосклонностью смотрят.
Должно нам прежде — пока он народа не созвал на помощь —
Кончить, понеже он медлит, как я в том уверен, не станет.
Злобой на нас разразившись, при целом народе он скажет,
Как мы его погубить сговорились и в том не успели;
380 Тайного нашего замысла, верно, народ не одобрит;
Могут, озлобясь на наши поступки, и нас из отчины
Выгнать, и все мы тогда по чужим сторонам разбреемся.
Можем напасть на него мы далеко от города в поле,
Можем близ города выждать его на дороге; тогда нам
385 Все разделить их придется имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами.
Если же вам не угоден совет мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтоб отцовским владел достояньем,—
То пировать нам по-прежнему, в доме его собираясь,
390 Будет нельзя, и уж каждый особо, в свой дом возвратясь,
Свататься станет, подарки свои присылая; она же
Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».
Так говорил он; сидя неподвижно, внимали другие.
Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
395 Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихий, пшеницей богатый, покинув, в Итаке
Он отличался от всех женихов и самой Пенелопе

Нравился умною речью, благими лишь мыслями полный.
Так, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный:
400 «Нет! Посягать я на жизнь Телемаха, друзья, не желаю;
Царского сына убийство есть страшно-безбожное дело;
Прежде богов спросите, чтоб сведать, какая их воля;
Если Зевесом одобрено будет намеренье наше,
Сам соглашусь я его поразить и других на убийство
405 Вызову; если ж Зевес запретит, мой совет: воздержитесь».
Так он сказал, подтвердили его предложение другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссея;
В дом же вступив, там на стульях они поместились гладких.
Но Пенелопа разумная, дело иное придумав,
410 Вышла к своим женихам многобуйным из женских покоев;
Слух к ней достигнул о замысле тайном на жизнь Телемаха:
Все благородный глашатай Медонт ей открыл; и, поспешно,
Взявши с собой двух служанок, она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
415 Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим.
Речь к Антиною свою обратив, Пенелопа сказала:
«Злой кознодей, Антиной необузданный, словом и делом
Ты из товарищей самый разумнейший — так здесь в Итаке
420 Все утверждают. Но где же и в чем твой прославленный разум?
Бешеный! Что побуждает тебя Телемаху готовить
Смерть и погильель? Зачем ты сирот притесняешь, любезных
Зевсу? Неправ человек, замышляющий ближнему злое.
Иль ты забыл, как отец твой сюда прибежал, уstraшенный
425 Гневом народа, которым гоним был за то, что, приставши
К шайке тафийских разбойников, с ними ограбил феспровтов,
Наших союзников верных? Его здесь народ порывался
Смерти предать и готов у него был исторгнуть из груди
Сердце и все, что имел он в Итаке, предать истребленью;
430 Но Одиссей, за него заступившись, народ успокоил;
Ты ж Одиссею грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своим сватовством, Одиссею сыну готовишь
Смерть. Удержись! Говорю и тебе и другим в осторожность».
Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе:
435 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачем ты такой предаешься тревоге?
Не было, нет и не будет из нас никого, кто б помыслил
Руку поднять на убийство любимца богов Телемаха.
Нет! И покуда я жив и покуда очами я землю
440 Вижу, тому не бывать, иль — скажу перед всеми, и верно

Сбудется слово мое, — обольется убийца своею
Кровью, моим пораженный копьем; Одиссей, не забыл я,
Брал здесь нередко меня на колени и мяса куски мне
Клал на ладонь и вина благовонного выпить давал мне.
445 Вот почему и всех боле людей я люблю Телемаха.
Нет! Никогда он убийства не должен страшиться, по крайней
Мере от нас, женихов. Но судьбы избежать невозможно».
Так говорил он, ее утешая, а мыслил иное.
Но Пенелопа, к себе возвратясь, там в светлых покоях
450 Плакала горько о милом своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Смерклось, когда к Одиссею и к сыну его возвратился
Старый Евмей. Он нашел их, готовящих ужин, зарезав
Взятую в стаде свинью годовалую. Прежде, однако,
455 Тайно пришед, Одиссея богиня Афина ударом
Трости своей превратила по-прежнему в хилого старца,
Рубищем жалким одевши его, чтоб Евмей благородный
С первого взгляда его не узнал и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился в город обрадовать вестью царицу.
460 Встретив его на пороге, сказал Телемах: «Наконец ты,
Честный Евмей, возвратился. Скажи же, что видел? Что
слышал?
В город обратно пришли ль наконец женихи из засады?
Или еще там сидят и меня стерегут на дороге?»
Так, отвечая, сказал Телемаху Евмей благородный:
465 «Сведать о них и расспрашивать мне не входило и в мысли;
В городе я об одном лишь заботился: как бы скорее
Данное мне порученье исполнить и к вам возвратиться.
Шедши ж туда, я с гонцом, от ходивших с тобой мореходцев
Посланным, встретился — первый он все объявил Пенелопе;
470 Только одно расскажу я, что видел своими глазами:
К городу близко уже, на вершине Эрмейского холма,
Был я, когда быстролетный, в глубокую нашу входящий
Пристань, корабль усмотрел; я приметил, что было в нем
много
Ратных; щитами, двуострыми копьями ярко блистал он;
475 Это они, я подумал: но правда ли? Знать мне не можно».
Так он сказал. Телемахова сила святая блеснула
Легкой улыбкою в очи отцу, неприметно Евмею.
Кончив работу и пищу состряпав, они с свинопасом
Сели за стол, и порадовал душу им ужин; когда же
480 Был удовольствием голод их сладкой едою, о ложе
Каждый подумал; и сна благодать ниспослали им боги.

Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
 Сын Одиссеев, любезный богам, Телемах благородный,
 К светлым ногам привязав золотые сандалии, в руку
 5 Взял боевое копьё, заощренное медью, которым
 Ловко владел, и, готовый в дорогу, сказал свинопасу:
 «В город иду я, отец, чтоб утешить свиданьем со мяою
 Милую мать: без сомненья, дотоле крушиться и горько
 Плакать она, безутешная, будет, пока не увидит
 10 Сына своими глазами; тебе же, Евмей, поручаю
 Этого странника; в город поди с ним, дабы подаяньем
 Мог он себя прокормить; там подаст, кто захочет,
 Хлеба ему или вина. Мне нельзя на свое попеченье
 Всякого нищего брать; и своих уж забот мне довольно;
 Если же этим обидится твой чужеземец, тем хуже
 15 Будет ему самому; я люблю говорить откровенно».
 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Здесь неохотно и сам бы я, друг, согласился остаться;
 Нашему брату обед добывать подаянием легче
 В городе, нежели в поле: там каждый дает нам, что хочет.
 20 Мне ж не по летам смотреть за скотиной и всякую службу
 С тяжким трудом отправлять, пастухам повинуюся. Добрый
 Путь, мой прекрасный; меня же проводит хозяин, когда я
 Эдес у огня посогреюсь, когда на дворе потеплеет;
 В рубище этом мне холодно; тело насквозь проникает
 25 Утренник резкий; до города ж, вы говорите, не близко».
 Так отвечал Одиссей. Телемах благородный поспешным
 Шагом пошел со двора, и недоброе в мыслях готовил
 Он женихам. Наконец он пришел беспрепятственно в дом свой.
 Там, боевое копьё прислонивши к высокой колонне,
 30 Он через двери высокий порог перешел и увидел
 Первую в доме усердную няню свою Евриклею:
 Мягкие клала на стулья овчины старушка. Потоком
 Слез облилася, увидя его, Евриклея; и скоро
 Все собрались Одиссеева дома рабыни; и с плачем
 35 Голову, плечи и руки они у него лобызали.
 Вышла разумная тут из покоев своих Пенелопа,
 Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
 Сходная; сына она обняла и с любовию нежной
 Светлые очи, и руки, и голову стала, рыдая
 40 Громко, ему целовать и крылатое бросила слово:

«Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сын, возвратился? Тебя я
Видеть уже не надеялась боле, отплывшего в Пилюс
Тайно, со мной не простясь, чтоб узнать об отце отдаленном.
Все Расскажи мне теперь по порядку, что видел, что слышал».

45 Ласково ей отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Милая мать, не печаль мне души и тревоги напрасной
В грудь не вливай мне, спасенному чудно от гибели верной;
Но, сотворив омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой поди и с молитвой

50 Там обещание дай принести гекатомбу бессмертным,
Если врагов наказать нам поможет Зевес Олимпиец.
Сам я на площадь пойду, чтоб позвать чужеземца, который
Ныне со мною, когда возвращался я, прибыл в Итаку:
Вместе с моими людьми он сюда наперед был отправлен;

55 В город его проводить поручил я Пирею, дабы он
В доме его подождал моего возвращения с поля».
Так говорил он, и слово его не протчалось мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вечным богам обещала она принести гекатомбу,

60 Если врагов наказать им поможет Зевес Олимпиец.
Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки;
Образ его несказанной красой озарила Афина
Так, что дивилися люди, его подходящего вида.

65 Все вокруг него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе с ним говорил, замышляя недоброе в сердце.
Скоро, от их многолюдной толпы отделись, подошел он
К месту, где Ментор сидел и при нем Антифат с Алиферсом,
В сердце своем сохранившие верность царю Одиссею.

70 Севши близ них, о себе он им все рассказал, что случилось.
Скоро явился Пирей, копьевержец, и Феоклимен с ним
Вместе пришел, погулявши по улицам города; не был
Долго к нему Телемах без вниманья; к нему подошел он.
Первое слово сказал тут Пирей Одиссееву сыну:

75 «В дом мой пошли, Телемах благородный, невольниц, чтоб
взяли
Там все подарки, которые ты получил от Атрида».
Так, отвечая Пирею, сказал Телемах богоравный:
«Нам неизвестно, мой верный Пирей, чем окончится дело;
Если в жилище моем женихами надменными тайно

80 Буду убит я, они все имущество наше разделят;
Лучше тогда, чтоб твоим, а не их те подарки наследством
Были; но если на них обратится губящая Кера —

Все мне, веселому, сам веселящийся, в дом принесешь ты».

Кончив, повел за собою он многотрадавшего гостя

85 В дом свой, и скоро туда беспрепятственно прибыли оба.

Там, положивши на кресла и стулья свои все одежды,

Начали в гладких купальнях они омываться. Когда же

Их и омыла, и чистым елеем натерла рабыня,

В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба

90 Вышед из гладких купален, они поместились на стульях.

Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им

Полный студеной воды золотой рукомоиник рабыня,

Гладкий потом пододвинула стол; на него положила

Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса

95 Выданным ею охотно, чтоб пищей они насладились.

Против же них, невдали от двухстворных дверей, Пенелопа

В креслах за пряжей сидела и тонкие нити сучила.

Подняли руки они к приготовленной пище; когда же

Был удовлетворен голод их сладкой едой, Пенелопа,

100 Старца Икарня дочь многоумная, сыну сказала:

«Видно, мне лучше на верх мой уйти и лежать одиноко

Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком

Слез обливаемой с самых тех пор, как в далекую Трою

Мстить за Атрида пошел Одиссей,— ты, я вижу, не хочешь,

105 Прежде чем здесь женки многобуйные вновь соберутся,

Мне рассказать, что узнал об отце: возвратился ль он,

жпв ли?»

«Милая мать,— отвечал рассудительный сын Одиссеев,—

Слушай, я все расскажу, ничего от тебя не скрывая.

Прежде мы прибыли в Пилос, где пастырь людей многославный

110 Нестор меня в благолепно-устроенном принял жилище,

Принял так нежно, как сына отец принимает, когда он

В дом возвращается, долго напрасно им жданный; так Нестор

Сам и его сыновья многославные были со мною

Ласковы. Но об отце ничего рассказать он не мог мне;

115 Жив ли, скитается ль где на земле иль погиб уж, об этом

Слухов к нему не дошло. К Менелаю Атриду меня он,

Дав мне коней с колесницею кованой, в Спарту отправил.

Там я увидел Елену Аргивскую, многих ахеян,

Многих троян погубившую, волей богов всемогущих.

120 Царь Менелай, вызыватель в сраженье, спросил, за какую

Нуждою прибыл к нему я в божественный град Лакедемон?

Все рассказал я подробно ему, ничего не скрывая.

Так на мои мне слова отвечал Менелай златовласый:

«О безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,

125 Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!
Если бы в темном лесу у великого льва в логовище
Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала по горным лесам, по глубоким, травую обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
130 Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,—
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
135 Он опрокинул врага на великую радость ахейцам,—
Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
140 Что самому возвестил мне морской проникательный старец,
То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Видел его на далеком он острове, льющего слезы
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
145 Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря».
Вот что сказал мне Атрид Менелай, вызыватель в сраженье.
Спарту покинув, я поплыл назад, и послали попутный
Ветер нам боги — в отечество милое нас проводил он».
150 Кончил рассказ Телемах: взволновалась душа Пенелопы.
Феоклимен богоравный тогда ей сказал: «Не крушися,
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Знает не все он; теперь на мое обратися вниманьем
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вам наверно;
155 Сам же Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуся
В том, что в отечестве милом уже Одиссей, что сокрыт он
Где-нибудь в доме иль ходит, незнаемый, все узнавая
Здесь, и беду женихам неизбежную в мыслях готовит.
160 Вещая птица, которую видел вблизи корабля я,
То мне открыла, и все я тогда ж объявил Телемаху».
Феоклимену разумная так отвечала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
165 Столь изобильно, что счастью такому все будут дивиться».
Так говорили о многом они, собеседуя сладко.
Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаеньем

Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их шумные игры.
170 Но когда отовсюду с полей на обед им пригнали
Мелкий скот пастухи, приводившие к ним ежедневно
Коз и баранов, их кликнул глашатай Медонт; был любимец
Он женихов, и вседневно к столу их его приглашали.
175 «Юноши, — он им сказал, — вы играли довольно; войдите
В дом, и начнем наш обед совокупною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя пища нам вдвое вкуснее».
Так он сказал им. Они, покорясь его приглашенью,
Встали и к дому пошли всей толпою; когда же вступили
В дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
180 Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жиром налитых свиней убивать; был зарезан и тучный
Бык. И за стряпанье все принялися они. Той пороку
В город идти с Одиссеем Евмей собрался; и, готовый
В путь, он сказал наконец, обратясь к Лаэртovu сыну:
185 «Добрый мой гость, ты желаешь, чтоб нынче ж тебя проводил я
В город, как нам повелел господин мой, — сказать откровенно,
Лучше хотел бы я сторожем дома тебя здесь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господин мой
Будет за это меня; а господская брань неприятна.
190 Время, однако, идти нам; уж боле прошло половины
Дня; с наступлением вечера холод пронзителен будет».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и все мне понятно, и все, как желаешь,
Точно исполню; пойдем же, и будь ты моим провожатым.
195 Только сыщи мне какой бы то ни было посох, чтоб мог я
Чем подпираться: дорога столь трудная, слышно, что шею
Можно сломить». Так сказав, на плеча он набросил котомку,
Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке.
200 Дал ему в руки Евмей суковатую палку; и оба
Вместе пошли, пастухов и собак сторожами оставив
Дома. И в город повел свинопас своего господина
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Носоком, рубище в жалких лохмотьях набросив на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напоследок
205 К городу близко они подошли. Находился там светлый
Ключ; обложен был он камнем, и брали в нем граждане воду.
В старое время Итак, Нерион и Поликтор прекрасный
Создали там водоем; окружен он был рощею темных
Ольх, над водою растущих; и падал студеной струею
210 Ключ в водоем со скалы, на вершине которой воздвигнут

Нимфам алтарь был; всегда приносили там путники жертву.
Там козовод повстречался им — сын Доллонов Меланфий;
Коз, меж отборными взяты из стада, откормленных жирно,
В город он гнал женихам на обед; с ним товарищей двое
215 Было. Увидя идущих, он начал ругаться, и громко
Их поносил, и разгневал в груди Одиссеевой сердце.
«Подлинно здесь негодяй негодяя ведет,— говорил он,—
Права пословица: равного с равным бессмертные сводят.
Ты, свинопас бестолковый, куда путешествуешь с этим
220 Нищим, столом обирателем, грязным бродягой, который,
Стоя в дверях, неопрятные плечи об притолку чешет,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая в подарок.
Мог бы у нас он, когда бы его к нам прислал ты, закуты
Наши стеречь, выметать их, козлятам подстилки готовить;
225 Скоро бы он раздобыл, простоквашей у нас обжираясь;
Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно;
230 Если войти он отважится в дом Одиссея — скамеек
Много из рук женихов на его полетит там пустую
Голову; ребра, таская его, там ему обломают
Об пол». И, так говоря, Одиссея он, с ним поравнявшись,
Пяткою в ляжку толкнул, но с дороги не сбил, не принудил
235 Даже шатнуться. И в гневе своем уж готов был Лаэртос
Сын, побежавши за ним, суковатою палкою душу
Выбить из тела его иль, взорвавши на воздух, ударить
Оземь его головою. Но он удержался. Евмей же
Начал ругать оскорбителя; руки подняв, он воскликнул:
240 «Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вам
Туком обвитые бедра козлов и баранов здесь в жертву
Царь Одиссей приносил, не отриньте мольбы, возвратите
Нам Одиссея; да благостный демон его нам проведит!
Выгнал тогда б из тебя он надменные мысли, забыл бы
245 Ты как шальной по дорогам шататься и бегать без дела
В город, стада под надзором неопытных слуг оставляя».
Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал свинопасу:
«Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслил?
Дай срок, тебя, как товар, в корабле чернобоком отсюда
250 Я увезу и продам в иноземье за добрые деньги;
Здесь же иль сам Аполлон сребролукый срязит Телемаха
Тихой стрелой, иль, мечом женихов пораженный, погибнет
Он, как отец, на чужбине утративший день возвращения».

255 Так он сказал и ушел, на дороге оставив обоих,
Медленней шедших; достигнув обители царской, он прямо
Там в пировую палату вступил и за стол с женихами
Сел Евримаха напротив, к которому был он усердней,
Нежели к прочим; ему предложил тут служитель мясного,
260 Ключница хлеба дала и еды из запаса; он начал
Есть. Той порой Одиссей подошел с свинопасом Евмеем
К царскому дому; и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздался и пение; Фемий
Пел; Одиссей, ухватясь за Евмееву руку, воскликнул:
265 «Друг, мы, конечно, пришли к Одиссееву славному дому.
Может легко быть он узнан меж всеми другими домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто мощный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота
С крепким замком — в них ворваться насильно никто
не помыслит.

270 Думаю я, что теперь там обедают; пар благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащие струны
Цитры, богами в сопутницы пиру веселому данной».
Так отвечал Одиссею Евмей, свинопас богоравный:
«Правда, и все ты, как есть, угадал; человек ты разумный;
275 Прежде, однако, должны мы размыслить о том, что нам сделать
Лучше: тебе ли во внутренность дома вступить и явиться
Там на глаза женихов многобуйных, а мне здесь остаться?
Или тебе на дворе подождать одному, а войти к ним
Мне? Ты, однако, не медли, чтоб кто здесь с тобой не подрался
Или в тебя не швырнул чем, — я так говорю в осторожность».

280 Голос возвысив, ему отвечал Одиссей хитроумный:
«Знаю, все знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один: я покуда остануся здесь; я довольно
В жизни тревожных ударов сносил; и швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учиться; немало видал я
285 Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дию. Один лишь не может ничем побежден быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключаящий
смертным
Людам: ему в угожденье и крепкоробристые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам».

290 Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и ее он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принужденный
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких

295 Коз, на оленей, на зайцев с собою ее уводили.
Ныне ж, забытый (его господин был далеко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
300 Там полумертвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
305 Скрытно, обтер Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
«Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и легкость ее на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
310 Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».
Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
«Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какою,
Плыть собираясь в троянскую землю, ее господин мой
315 Дома оставил,— ее быстроте и отважности, верно б,
Ты подивился; в лесу ни в каком захоlustье укрыться
Дичь от нее не могла; в ней чутье несказанное было.
Ныне же бедная брошена; нет уж ее господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
320 Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет».
Кончил и, в двери светло-населенного дома вступивши,
325 Прямо вошел он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.
Прежде других Телемах богоравный Евмея, который,
Ходя кругом, озирался, увидел; ему головою
330 Подал он знак, чтоб к нему подошел; осмотревшись, пустую
Взял он скамью, на которой всегда за столом раздаватель
Пищи сидел, чтоб ее рассылать женихам по порядку.
Эту скамью пододвинув к столу Телемахову, сел он
Против него; предложил тут, приблизившись с блюдом,
глашатай
335 Мяса вареного часть им и хлеб, из корзины им взятый.
Вслед за Евмеем явился и сам Одиссей богоравный

В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях;
340 Сел он в дверях на пороге, спиной прислонясь к дубовой
Притолке (выскоблил острою скобелью плотник искусный
Гладко ее, наперед топором по шнуру обтесавши).
Тут свинопасу Евмею сказал Телемах, подавая
Хлеб, из корзины меж лучшими взятый, и вкусного мяса,
Сколько в обеих горстях уместиться могло: «Отнеси ты
345 Это, Евмей, старику, и скажи, чтоб потом обошел он
Всех женихов и у них попросил подаянья — стыдливым
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично».
Так он сказал, и Евмей, повинувшись, пошел к Одиссею.
Близко к нему приступивши, он бросил крылатое слово:
350 «Это прислал Телемах; и велел он сказать, чтоб потом ты,
Всех обойдя женихов, попросил подаянья — стыдливым
Нищему быть, говорит он, в жестокой нужде неприлично».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
355 «Зевс да пошлет благоденствие между людьми Телемаху,
Дав совершиться всему, что теперь замышляет он в сердце!»
Так он сказал и, обними взявши руками подачу,
Мясо и хлеб близ себя положил на убогой котомке.
Начал он есть; той порой вдохновенно запел пред гостями
Фемий; когда же тот вдоволь наелся, а этот умолкнул —
360 Начали вновь женихи бушевать; но богиня Афина,
Тайно приближась к Лаэртову сыну, ему повелела
Встать и ходить вокруг столов их, прося подаянья: хотела
Видеть она, кто из них благодушен и кто беззаконник;
В мыслях же всех без изъятия смерти предать назначала.
365 Встав, он пошел и у каждого начал просить подаянья,
Руку к нему простирая, как нищий, скитаться обихший.
С жалостным сердцем они на него в изумление смотрели,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришел он. Сидевший
С ними пастух козовод, забияка Меланфий, сказал им:
370 «Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видел
Этого нищего, с ним на дороге сюда повстречавшись;
Думаю, был он сюда приведен свинопасом Евмеем;
Сам же не знаю я, кто и в какой стороне родился он».
Так он сказал. Антиной на Евмея с досадою крикнул:
375 «Ты, свинопас, негодяй всем известный, зачем ты приводишь
В город таких развращенных бродяг? Уж и здешняя сволочь
Этих столов обирателей нам нестерпимо докучна;
Мало, конечно, тебе, что от нищих домашних все ваши
Гибнут запасы — чужого еще ты привел к нам обжору».

380 Так, возражая, Евмей свинопас отвечал Антиною:
«Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен
на дело:
Или гадателей, или врачей, или искусников зодчих,
385 Или певцов, утешающих душу божественным словом,—
Их приглашают с охотою все земнородные люди;
Нищего ж, каждому скучного, кто пригласит произвольно?
Ты же из всех женихов Пенелопы к рабам Одиссея
Самый неласковый был завсегда, и ко мне особливо;
390 Я не печалюсь об этом, покуда моя здесь царица
Здравствует с сыном своим Телемахом, моим господином».
Кротко Евмею сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Полно, Евмей, замолчи; говорить с ним не должен ты много;
Знаешь, как скор Антиной на обидное слово; он любит
395 Сориться сам и других на раздор подбивает охотно».
Тут, обратясь к Антиною, он бросил крылатое слово:
«Ты обо мне, как о сыне отец благодушный, печешься,
Друг Антиной, выгоняя своим повелительным словом
Странников, в дом мой входящих,— но будет ли Дий
тем доволен?»
400 Дай, что захочешь; не спорю я; сам приглашаю, напротив;
Матери также моей не страшися; тебя не осудит
Здесь и никто из рабов, в Одиссеевом доме живущих.
Но, конечно, подобные мысли тебе не приходят
В сердце: себе все берешь ты, другим же давать не охотник».
405 Кончил, и гневно ему возразил Антиной, сын Евпейтов:
«Что ты сказал, Телемах необузданный, гордоречивый?
Если б вот это от каждого здесь жениха получил он,—
Верно, куда бы три месяца вновь заглянуть не подумал».
Так говоря, он скамейку схватил, на которую ноги
410 Крал под столом, и, грозяся, ее показал Одиссею.
Прочие ж все подавали, котомку его наполняя
Хлебом и мясом. И, много собрав, Одиссей уж готов был
Сесть на порог свой, чтоб данной насытиться пищей; но прежде
Он подошел к Антиною и бросил крылатое слово:
415 «Дай мне и ты. Не последним тебя здесь считаю, но первым,
Лучшим и самым знатнейшим; царю ты подобишься видом!
Щедрая дань должно быть тебе и приличней и легче
Всех их; и славить тебя я отныне по всей беспредельной
Буду земле. Я и сам меж людьми не всегда бесприютно
420 Жил; и богатоустроенным домом владел, и доступен

Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величает их свет богачами.
Все уничтожил Кронион — была, без сомненья, святая
425 Воля его, чтоб с дружиной отважных добычников поплыл
Я в отдаленный Египет (он там приготовил мне гибель).
В лоне потока Египта легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там на морском берегу сторожить их остались; другим же
430 Дал приказание с ближних высот обозреть всю округность.
Вдруг загорелось в них дикое буйство; они, обезумев,
Грابتь поля плодоносные жителей мирных Египта
Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
Зверски мужей убивая, — тревога до жителей града
435 Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пешими, яркою медью оружием
Поле кругом закипело; Зевес, веселящийся громом,
В жалкое бегство моих обратил; отразить ни единый
Силы врага не посмел, и отвсюду нас смерть окружила;
440 Многих тогда из товарищей медь умертвила, и многих
Пленных насильственно в град увлекли на печальное рабство.
Я же был жителю Крита, в Египет прибывшему, продан
Дметору, сыну Эсона, владевшего Кипром; в Итаку
Прибыл из Кипра я, много имел на пути злоключений».
445 Гневно сказал, отвечая ему, Антиной, сын Евпейтов:
«Верно, нам демон такую чуму посылает, такую
Порчу пиров! Отойди от стола моего; на середине
Стой там, чтоб не было хуже тебе и Египта и Кипра.
Что за наглец неотступный! Какой побродяга бесстыдный!
450 Всех поочередно ты здесь обошел; и тебе, что попало
Под руку каждому, подали все, не из щедрости: здесь им
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся ж
Прочь». От стола отступив, отвечал Одиссей хитроумный:
«Горе! Так, видно, с лицом у тебя твой рассудок несходен;
455 В доме своем ты и соли щепотку мне дать пожалел бы,
Если уж здесь, за обедом чужим прохладжаяся, хлеба
Корку жалеешь мне бросить; а стол ваш, я вижу, обилен».
Так он сказал. Антиной, рассердясь, на него исподлобья
Грозно очами сверкнул и бросил крылатое слово:
«Если еще грубиянить ты вздумал, бродяга, то даром
Это тебе не пройдет, и добром ты не выйдешь отсюда».
Тут он скамейкой швырнул — и жестоко ударила в спину
Подле плеча Одиссея она; как утес, не шатнувшись,

Он устоял на ногах, не сраженный ударом; он только
465 Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
К двери потом возвратяся, он сел на порог и, котомку
На пол с едой положивши, сказал женихам: «Обратите
Слух ваш ко мне, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
470 Не было б в том ни беды, ни прискорбня тяжкого сердцу,
Если бы кто, за именье свое, за быков, за блестящих
Шерстью овец заступаяся, вытерпел злые побои;
Мне ж от руки Антиной побои достались за гнусный,
Жадный и множество бед приключаящий людям желудок.
475 Если же боги и мщенье Эриний живут и для бедных —
Смерть, Антиной, а не брак возжеланный ты встретишь,
обидчик».

Гневно, ему возражая, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Ешь и молчи, негодяй; иль беги неоглядкой отсюда;
Иначе, так нагрубив мне, ты за ноги будешь рабами
480 Вытащен в дверь, и все кости твои обломаются об пол».
Кончил; угрозы его не одобрил никто; негодюя,
Так говорили иные из юношей дерзко-надменных:
«Ты, Антиной, поступил непохвально, обиду нанеся
Этому нищему; что же, когда он один из бессмертных?
485 Боги нередко, облекшись в образ людей чужестранных,
Входят в земные жилища, чтоб видеть своими очами,
Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает их правду».
Так женихи говорили; но речи их были напрасны.
Злою обидой глубоко в душе Телемах сокрушался
490 Вместе с обиженным; слезы свои утаивши, он только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
Но Пенелопа разумная, слыша, что был чужеземец
В доме их так оскорблен, обратяся к рабыням, сказала:
«О, когда бы его поразил Аполлон сребролукий!»
495 Ей Евринома, разумная ключница, так отвечала:
«Если бы все исполнялось согласно с желанием нашим,
Завтра же светлой Денницы из них ни один бы не встретил».
Кончила. Ей Пенелопа разумная так возразила:
«Правда, мне все ненавистны они, нам от всех притесненье;
500 Но Антиной наиболее с черною Керю сходен:
Принят в наш дом чужеземец и, ходя кругом, подаянья
Просит у всех он гостей, приневоленный строгой нуждою,—
Подали все, и свою он наполнил котомку; лишь этот,
Вместо подачи, в него, как безумный, скамейкою бросил».
505 Так Пенелопа рабыням своим говорила в покоях

Верхних своих. Одиссей же, сидя на пороге, обедал.
Кликнуть к себе повелев свинопаса, царица сказала:
«Слушай, Евмей благородный, скажи иноземцу, что я с ним
Здесь повидаться желаю, чтоб знать от него, не слышал ли
510 Он о супруге моем и ему не случилось ли где с ним
Встретиться: кажется мне человеком он, много выдавшим».
Так Пенелопе отвечал ты, свинопас богоравный:
«Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,
Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.
515 Три дня и три ночи он уж гостит под мою убогой
Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав от феспротов.
Мне о своих приключениях еще он не кончил рассказа;
Но как внимают певцу, вдохновенному свыше богами,
Песнь о великом поющему людям, судьбине подвластным,
520 В них возбуждая желание слушать его непрестанно,
Так я внимал чужеземцу, сидя перед ним неподвижно;
С ним Одиссей по отцу, говорит он, считается гостем;
В Крите широкоравнинном, отчизне Миноса, рожденный,
Прибыл оттоле сюда он и много превратностей встретил,
525 Скучно мирским подаяньем питаюсь; и слышал он, будто
Края феспротов, соседнего с нашей Итакой, достигнул
Царь Одиссей, возвращаясь в дом свой с великим богатством».
Кончил. Разумная так отвечала ему Пенелопа:
«Клихни его самого; я желаю, чтоб сам рассказал он
530 Все мне подробно, покуда игрой на дворе перед дверью
Или во внутренних горницах будут они забавляться;
Дома они про себя сберегают свои все запасы,
Хлеб и вино золотое; их тратят домашние люди;
Им же удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
535 наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.
Если же он возвратится и снова отчизну увидит,
540 С сыном своим он отмстит им за все». Так царица сказала.
В это мгновенье чихнул Телемах, и так сильно, что в целом
Доме как гром раздалось; засмеявшись, Евмею, поспешно
Кликнув его, Пенелопа крылатое бросила слово:
«Добрый Евмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
545 Слово мое зачихнул Телемах; я теперь несомненно
Знаю, что злые мои женихи неизбежно погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь.

Если меня без обмана он доброю вестью утешит,
550 Мантию дам я ему, и хитон, и красивую обувь».
Кончила. Ей повинувась, пошел свинопас к Одиссею;
Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:
«Слушай, отец чужеземец, разумная наша царица,
555 Мать Телемаха, тебя приглашает к себе; о супруге
Хочет она расспросить, сокрушаясь о нем беспрестанно.
Если ее без обмана ты доброю вестью утетишь,
Мантию ты, и хитон, и красивую обувь получишь.
Хлеб же, чтоб свой успокоить желудок, по улице ходя,
В городе можешь собирать от людей — там подаст, кто захочет».
560 Так Одиссей хитроумный сказал, отвечая Евмею:
«Все без обмана я мог бы теперь рассказать Пенелопе,
Старца Икария дочери многоразумной; я много
Знаю о муже ее: мы одно с ним терпели на свете.
Но женихов я боюсь необузданно-дерзких, которых
565 Вуйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба;
Видел ты сам, как в меня, там ходившего смирно и мысли
Злой не имевшего, этот неистовый бросил скамейкой —
Кто ж за меня заступился? Никто. Промолчал и прекрасный
Сын Одиссеев. Пускай же царица, хотя нетерпенье
570 В ней и велико, дождется, чтоб Гелиос скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелает она о супруге далеком,
Ей расскажу, поместясь у огня, чтоб согреться: одет я
Плохо — то ведаешь сам ты, тебя я здесь первого встретил».
Так он сказал; и Евмей, повинувась, пошел к Пенелопе;
575 Встретив его на пороге своем, Пенелопа спросила:
«Он не с тобою, Евмей? Для чего же прийти не хотел он,
Бедный? Боятся ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людям стыдится? Стыдливому нищему плохо на свете».
Так Пенелопе отвечивал ты, свинопас богоравный:
580 «Нет; он умно рассуждает, и с ним ты должна согласиться;
Он, женихов необузданно-дерзких, царица, бояся,
Просит тебя терпеливо дождаться, чтоб Гелиос скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнее будет,
Если его ты одна обо всем на досуге расспросишь».
585 Выслушав, умная так отвечала Евмею царица:
«Странник твой, кто бы он ни был, умно рассуждает; и прав он:
В целом свете, нигде посреди земнородных невозможно
Встретить людей, столь неистовых, столь беззаконно-
развратных».

Так отвечала Евмею она. Свинопас богоравный,
590 Все передав ей, пошел к женихам; с Телемахом в столовой

Но, рассердясь, я всю грудь у тебя разобью и все рыло
В кровь; и просторнее будет тогда мне на этом пороге
Завтра, понеже уж, думаю, ты не придешь во второй раз
Властвовать в доме царя Одиссея, Лаэртова сына».

25 Ир в несказанной досаде воскликнул, ему отвечая:
«Он же, прожора, и умничать вздумал! Не хуже стряпухи
Старой лепечет! Постой же; тебя проучить мне порядком
Должно, приняв в кулаки и из челюстей зубы повыбив
Все у тебя, как у жадной свиньи, истребляющей ниву.

30 Полно ж сидеть; выходи, покажи нам свое здесь уменье,
Вот поглядим мы, ты сладишь ли с тем, кто тебя посильнее».
Так меж обоими нищими в бранных словах загорелась
Ссора на гладком пороге дверей. То заметила прежде
Всех Антиноева сила святая. И с хохотом громким

35 Он, к женихам обратясь, воскликнул: «Друзья, поглядите,
Что там в дверях происходит. Подобного мне не случилось
Видеть нигде; нам чудесную Дий посылает забаву:
С старым бродягой поспорилс я Ир, и, конечно, уж скоро
Драка там будет; пойдем поскорее, нам должно сравнить их».

40 Так он сказал; женихи, засмеявшись, вскочили поспешно
С мест и соперников, грязным одетых тряпьем, обступили.
Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин

45 Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду; другим же
Нищим собирать здесь столовые крохи вперед не дозволим».

50 Так предложил Антиной, и одобрили все предложенье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
«В бой выходить с молодым старику, изнуренному в силах
Нищенской жизнью, трудно, друзья; но докучный желудок
Нудит меня согласиться, хотя б и стерпеть здесь побои.

55 Слушайте ж то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мне, что, потворствуя Иру, никто на меня не подымет
Рук и сопернику верх надо мной одержать не поможет».
Так говорил Одиссей; женихи поклялися; когда же
Все поклялися они и клятву свою совершили,

60 Слово к отцу обративши, сказал Телемах богоравный:
«Если ты сам добровольно желаешь и смело решился
Выступить в бой с ним, то страха не должен иметь: кто посмеет
Руку поднять на тебя, тот с собою здесь многих поспорит».

Я здесь хозяин, защитник гостей, и, конечно, со мною
65 Будут теперь заодно Антиной, Евримах и другие».
Так он сказал. Женихи согласились. Тогда сын Лаэртос
Рубище снял и себя им, пристойность храня, опоясал.
Тут обнаружились крепкие ляжки, широкие плечи,
70 Твердая грудь, жиливатые руки, и сделала выше
Ростом его, неприметно к нему подошедши, Афина.
Все женихи на него с изумленьем великим смотрели;
Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
«Иру беда; за нахальство теперь он заплатит. Какие
Крепкие мышцы под рубищем этого нищего скрыты!»
75 Так говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясав, рабы притащили насильно;
Бледный, дрожащий от страха, едва на ногах он держался.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Лучше тебе, хвостуну, умереть иль совсем не родиться
80 Было бы, если теперь так дрожншь, так бесстыдно робеешь
Ты перед этим, измученным бедностью, старым бродягой.
Слушай, однако, и то, что услышишь, исполнится верно:
Если тебя победит он и силой своей одолеет,
Будешь ты брошен на черный корабль и на твердую землю
85 К злому Эхету царю, всех людей истребителью, сослан.
Уши и нос беспощадною медью тебе он обрежет,
В крохи изрубит тебя и собакам отдаст на съеденье».
Так говорил он. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
90 Оба. Себя самого тут спросил Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулаком, чтоб издох он на месте?
Или несильным ударом его опрокинуть? Обдумав
Все, напоследок он выбрал несильный удар, поелику
Иначе мог бы в сердцах женихов возбудить подозренье.
95 Оба тут вышли; в плечо кулаком Одиссея ударил
Ир. Одиссей же его по затылку близ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртом; он, завыв, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Об пол он пятками бил. Женихи же, всплеснувши руками
100 Все помирали от смеха. А сын благородный Лаэртос,
За ногу Ира схватив, через двери и портик к воротам
Дома его через двор протащил; и, его приневолив
Сесть там, спиною к стене прислонил, суковатую палку
Втиснул ему, полумертвому, в руки и гневное бросил
105 Слово: «Сиди здесь, собак и свиней отгоняя; и нахально
Властвовать в доме чужом не пытайся вперед, высылая

Нищих оттуда, сам нищий бродяга: иль будет с тобою
Хуже беда». Он сказал и, на плечи набросив котомку,
110 Всю в заплатах, висевшую вместо ремня на веревке,
К двери своей возвратился и сел на пороге. А гости
Встретили смехом его и, к нему подступивши, сказали:
«Молим мы Зевса и вечных богов, чтоб они совершили
Все то, чего наиболее теперь ты желаешь, о чем ты
Молишь их сам; навсегда ты избавил от злого прожоры
115 Край наш. Он нами немедленно будет на твердую землю
К злomu Эхету царю, всех людей истребителю, сослан».
Так женихи говорили; был рад Одиссеей прорипцанью.
С угольев снявши желудок, наполненный жиром и кровью,
Подав Лаэртovu сыну его Антиной; и, два хлеба
120 Взяв из корзины, принес их ему Амфином; он наполнил
Кубок вином и сказал Одиссею, его поздравляя:
«Радуйся, добрый отец иноземец! Теперь нищетою
Ты удручен; да пошлют наконец и тебе избилые
Боги!» Ему отвечая, сказал Одиссеей хитроумный:
125 «Ты, Амфином, благомысленный юноша, вижу я; знатен
Твой благородный отец, повсеместно молвою хвалпмый,
Нис, уроженец Дулихия многобогатый; его ты
Сын, мне сказали; и сам испытал я, сколь ты добродушен.
Слушай же, друг, и размысли, размысли о том, что услышишь:
130 Все на земле изменяется, все скоротечно; всего же,
Что ни цветет, ни живет на земле, человек скоротечней;
Он о возможной в грядущем беде не помыслит, покуда
Счастлием боги лелеют его и стоит на ногах он;
Если ж беду ниспошлют на него всемогущие боги,
135 Он негодует, но твердой душой неизбежное сносит:
Так суждено уж нам всем, на земле обитающим людям,
Что б ни послал нам Кронион, владыка бессмертных
и смертных.
Некогда славен и я меж людьми был великим богатством;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовал много
140 Я, на отца и возлюбленных братьев своих полагаясь.
Горе тому, кто себе на земле позволяет неправду!
Должно в смиренье, напротив, дары от богов принимать нам.
Вижу, как здесь женихи, самовластно бесчинствуя, губят
Все достоянье царя и наносят обиды супруге
145 Мужа, который, я мыслю, недолго с семьей и с отчизной
Будет в разлуке. Он близко. О друг, да хранительный демон
Вовремя в дом твой уведет, чтоб ему на глаза ты
Здесь не попался, когда возвратится в отеческий дом он.

Здесь не пройдет без пролития крови, когда с женихами
150 Станет вести свой расчет он, вступя под домашнюю кровлю». Так он сказал и вина золотого, свершив возлиянье, Выпил; и кубок потом возвратил Амфиному. И тихим Шагом пошел Амфином, с головой наклоненной, с печалью Милого сердца, как будто предчувствием бедствия полный;
155 Но не ушел от судьбы он; его оковала Паллада, Пасть от копья Телемахова вместе с другими назначив. Сел он на стул свой опять, к женихам возвратяся беспечно. Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэрта сына,
160 Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына Боле, чем прежде, явиться достойною их уваженья. Так, улыбнуться уста приневолив, она Евриноме, Ключнице старой, сказала: «Хочу я — чего не входило
165 Прежде мне в ум — женихам ненавистным моим показаться; Также хочу и совет там подать Телемаху, чтоб боле С шайкою их, многобуйных грабителей, он не водился; Добры они на словах, но недобрые мысли в уме их». Ей Евринома, усердная ключница, так отвечала:
170 «То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым. Выдь к ним и милому сыну подай откровенно совет свой. Прежде, однако, омойся, натри благовонным елеем Щеки; тебе не годится с лицом, безобразным от плача, К ним выходить; красота увядает от скорби всегдашней.
175 Сын же твой милый созрел, и тебе, как молила ты, боги Дали увидеть его с бородою расцветшего мужа». Ключнице верной ответствуя, так Пенелопа сказала: «Нет, никогда, Евринома, для них, ненавистных, не буду Я омываться и щек натирать благовонным елеем.
180 Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили В самый тот час, как пошел Одиссей в отдаленную Трою. Но позови Гипподамью, с нею пускай Автоноя Также придет, чтоб меня проводить в пировую палату: К ним не пойду я одна, то стыдливости женской противно».
185 Так говорила царица. Поспешно пошла Евринома Кликнуть обеих служанок, чтоб тотчас послать к госпоже их. Умная мысль родилась тут в сердце Афины Паллады: Сну мироносцу велела богиня сойти к Пенелопе. Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
190 В креслах она неподвижно сидела; и ей, усыпленной, Все, чем пленяются очи мужей, даровала богиня:

Образ ее просиял той красой несказанной, какую
В пламенно-быстрой и в сладостно-томной с Харитами пляске
Образ Киприды, венком благовонным венчанной, сияет;
195 Стройный ее возвеличился стан, и все тело нежнее,
Чище, свежей и блистательней сделалось кости слоновой.
Так одаривши ее, удалилась богиня Афина.
Но белорукие обе рабыни, вбежавши поспешно
В горницу, шумом нарушили сладостный сон Пенелопы.
200 Щеки руками спросонье потерши, она им сказала:
«Как же я сладко заснула в моем сокрушеньи! О, если б
Мне и такую же сладкую смерть принесла Артемида
В это мгновенье, чтоб я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не ведая, где Одиссей, где супруг мой,
205 Доблестью всякой украшенный, между ахеев славнейший».
Кончив, по лестнице вниз Пенелопа сошла; вслед за нею
Обе служанки сошли, и она, божество красотою,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
210 Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. Колена
Их задрожали при виде ее красоты, и сильнее
Вспыхнуло в каждом желании ложе ее разделить с ней.
Сына к себе подзвавши, его Пенелопа спросила:
215 «Сын мой, скажи мне, ты в полном ли разуме? В возрасте
детском
Был ты умней и приличье всякое более ведал.
Ныне ж ты мужеской силы достигнул, и кто ни посмотрит
Здесь на тебя, чужеземец ли, здешний ли, каждый породу
Мужа великого в светлой твоей красоте угадает.
220 Где же, однако, твой ум? Ты совсем позабыл справедливость.
Дело бесчинное здесь у тебя на глазах совершилось;
Этого странника в доме своем допустил ты обидеть;
Что же? Когда чужеземец, доверчиво твой посетивший
Дом, оскорбленный там будет сидеть и ругаться им станет
225 Всякий — постыдный упрек от людей на себя навлечешь ты».
Матери так отвечал благомысленный сын Одиссеев:
«Милая мать, твой упрек справедлив; на него не могу я
Сетовать. Ныне я все понимаю; и мне уж не трудно
Зло отличать от добра; из ребячества вышел я, правда;
230 Но не всегда и теперь удастся мне лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводят мой ум в беспорядок;
Злое одно замышляют они; у меня ж руководителя
Нет. Но сражение странника с Иром не их самовольством

Было устроено; высшая здесь обнаружилась воля.
235 Если б,— о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Все женихи многобуйные в нашей обители ныне,
Кто на дворе, кто во внутренних дома покоях, сидели,
Головы свесив на грудь, все избитые, так же, как этот
Ир побродяга, теперь за воротами дома сидящий!
240 Трепетной он головою мотает, как пьяный; не может
Прямо стоять на ногах, ни сидеть, ни подняться, чтоб в дом
свой
Медленным шагом добресть через силу; совсем он изломан».

Так про себя говорили они, от других в отдаленье.
Тут, обратясь к Пенелопе, сказал Евримах благородный:
245 «О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Если б могли все ахейцы ясийского Аргоса ныне
Видеть тебя, женихов бы двойное число собралось
В доме твоём пировать. Превосходишь ты всех земнородных
Жен красотой, и возвышенным станом, и разумом светлым».

250 Так говорил Евримах. Пенелопа ему отвечала:
«Нет, Евримах, красоту я утратила волей бессмертных
С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратяся
255 В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна.
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
В самый тот час, как отчизну свою он готов был покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье:
«Думать не должно, чтоб воинство меднообутых ахейи
260 Все без урона из Трои в отчизну свою возвратилось;
Слышно, что в бое отважны троянские мужи, что копья
Метко бросают; в стрельянии из лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье меж двух равносильных
Ратей решащими разом, конями владеют. Наверно
265 Знать не могу я, позволит ли Дий возвратиться сюда мне
Или погибляю я в Трое найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись об отце и об матери милой
Так же усердно, как прежде, и даже усердней: понеже
Буду не здесь я; когда же наш сын возмужает, ты замуж
270 Выдь, за кого пожелаешь, и дом наш покинь». На прощанье
Так говорил Одиссей мне; и все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Звесом лишенной. На сердце моем несказанное горе.
275 В прежнее время обычаи бывал, что, когда начинали

Свататься, знатного рода вдову или богатую деву
Выбрав, один пред другим женихи отличиться старались;
В дом приводя к нареченной невесте быков и баранов,
Там угощали они всех друзей; и невесту дарили
280 Щедро; чужое ж имущество тратить без платы стыдились».
Кончила. В грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было приятно ему, что от них пожелала подарков,
Льстя им словами, душою же их ненавидя, царица.
Ей отвечая, сказал Антиной, сын Евпейтов надменный:
285 «О многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Всякий подарок, тебе от твоих женихов подносимый,
Ты принимай: не позволено то отвергать, что дарят нам.
Мы же, ты знай, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока ты из нас по желанью не выберешь мужа.
290 Так говорил Антиной; согласились все с ним другие.
Каждый потом за подарком глашатая в дом свой отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задевая, держал он
295 Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли Евримаху.
Серьги — из трех, с шелковичной пурпурною ягодой сходных
Шариков каждая — подал проворный слуга Евридаму;
Был молодому Писандру, Поликтора умного сыну,
300 Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки. Приняв их,
Вверх по ступеням высоким обратно пошла Пенелопа.
С ней удалились, подарки неся, и младые рабыни.
Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
305 Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изощренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
310 Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем поочередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И с ними
Так говорить Одиссей хитромысленный начал: «Подите
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда в покои
Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной;
315 Сядьте с ней, тонкие нити сучите и волну руками
Держайте, горе ее развлекая своим разговором.
Я же останусь смотреть за огнем, и светло здесь в палате
Будет, хотя бы они до утра пировать здесь остались;

Им не удастся меня утомить; я терпеть научился».
320 Так говорил он. Рабыни одна на другую взглянули
С громким смехом; и грубо ему отвечала Меланфо,
Дочь Долиона (ее воспитала сама Пенелопа
С детства и много игрушек и всяких ей лакомств давала;
325 Сердце ж ее нечувствительно было к печалям царицы;
Тайно любовный союз с Евримахом она заключила);
Так отвечала она Одиссею ругательным словом:
«Видно, совсем потерял ты рассудок, бродяга; не хочешь,
Видно, искать ты ночлега на кузнице, или в закуте,
Или в шинке; здесь, конечно, приятней тебе; на слова ты
330 Дерзок в присутствии знатных господ; и душою не робок;
Знать, от вина помутился твой ум, иль, быть может, такой уж
Ты от природы охотник без смысла болтать; иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос — берегися, однако;
Может с тобою здесь встретиться кто-нибудь Ира сильнее;
335 Зубы твои все своим кулаком он железным повыбьет;
Вытолкнут в дверь по затылку им будешь ты, кровью
облитый».

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Я на тебя Телемаху пожелаю, злая собака;
В мелкие части, болтуню, тебя искрошить он прикажет».
340 Слово его испугало рабынь; и они во мгновение
Все из палаты ушли; их колена дрожали от страха;
Думали все, что на деле исполнится то, что сказал им
Странник. А он у жаровен стоял, наблюдая, чтоб ярче
Пламя горело; и глаз не сводил с женихов, им готова
345 Мыслию все, что потом и на самом исполнилось деле.
Тою порой женихов и Афина сама возбуждала
К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщенье в гневной душе Одиссея, Лаэрта сына.
Так говорить Евримах, сын Полибнев, начал (обидеть
350 Словом своим Одиссея, других рассмешивши, хотел он):
«Слух ваш склоните ко мне, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Этот наш гость, без сомнения, демоном послан, чтоб было
Нам за трапезой светлей; не от факелов так все сияет
355 Здесь, но от плечи его, на которой нет волоса боле».
Так он сказал и потом, обратясь к Одиссею, примолвил:
«Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
360 Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,

Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
 Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
 К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаюсь:
 Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее».

365 Кюничл. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работой,
 Если б весною, когда продолжительней быть начинают
 Дни, по косе, одинаково острой, обоим нам дали
 В руки, чтоб, вместе работая с самого раннего утра

370 Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
 Или, когда бы, запрягши нам в плуг двух быков круторогих,
 Огненных, рослых, откормленных тучной травой, могучей
 Сплюю равных, равно молодых, равно работающих,
 Дали четыре нам поля вспахать для посева, тогда бы

375 Сам ты увидел, как быстро бы в длинные борозды плуг мой
 Поле изрезал. А если б войну запалил здесь Кроннон
 Зевс и мне дали бы щит, два копья медноострых и медный
 Кованый шлем, чтоб моей голове был надежной защитой,
 Первым в сражение меня ты тогда бы увидел; тогда бы

380 Мне ты не стал попрекать ненасытностью жадной желудка.
 Но человек ты надменный; твое неприязненно сердце;
 Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным
 Лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых.
 Если б, однако, не жданный никем, Одиссей вам явился —

385 Сколь ни просторная плотником сделана дверь здесь, она бы
 Узкой тебе, неглядякой бегущему, вдруг показалась».

Он замолчал. Евримах, рассердясь, на него исподлобья
 Грозно очами сверкнул и слово крылатое бросил:
 «Вот погоди, я с тобою разделаюсь, грязный бродяга:

390 Дерзок в присутствии знатных господ, и не робок душой ты;
 Видно, вино помутило твой ум, иль, быть может, такой уж
 Ты от природы охотник без смысла болтать, иль, ослив
 Бедного Ира, так сделался горд — берегись, однако».

Так он сказал и скамейку схватил, чтоб пустить в Одиссея;

395 Но Одиссей, отскочивши, к коленам припал Амфинома;
 Мимо его прошумев, виночерпия сильно скамейка
 В правую треснула руку, и чаша, в ней бывшая, на пол
 Грянулась; тот, опрокинутый, навзничь упал, застонавши.
 Начали громко шуметь женихи в потемневшей палате;

400 Глядя друг на друга, так меж собою они рассуждали:
 «Лучше бы было, когда б, до прихода к нам, этот незванный
 Гость на дороге издох, не завел бы у нас он такого
 Шума. Теперь мы за нищего ссоримся; пир наш испорчен;

Кто при великом раздоре таком веселиться захочет?»
405 К ним обратилась тогда Телемахова сила святая:
«Буйные люди, вы все помешались; не можете боле
Скрыть вы, что хмель обуял вас. Знать, демон какой
поджигает
Всех на раздор; пировали довольно вы, спать уж пора вам;
Может, кто хочет, уйти; принуждать никого я не буду».
410 Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженным словом, ему удивлялись.
Тут, обратясь к собранью, сказал Амфином благородный,
Нисов блистательный сын, от Аретовой царственной крови:
415 «Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Пусть виночерпий опять нам наполнит вином благовонным
Кубки, чтоб мы, возлияв, на покой по домам разошлись;
420 Странника ж здесь ночевать в Одиссеевом доме оставим,
На руки сдав Телемаху: он гость Телемахова дома».
Так Амфином говорил, и понравилось всем, что сказал он.
Тут Мулион, дулихийский глашатай, слуга Амфиномов,
Муж благородной породы, вина намешавши в кратеры,
425 Кубки наполнил до края и подал гостям; совершивши
Им возлиянье блаженным богам, осушили все кубки
Гости; когда ж, совершив возлиянье, вином насладились
Вдоволь они, все пошли по домам, чтоб предаться покою.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Все разошлись; один Одиссей в опустевшей палате
Смерть замышлять женихам совокупно с Афиной остался.
С ним Телемах; и сказал он, к нему обратясь: «Мой милый
Сын, наперед надлежит все оружия вынести отсюда.
5 Если ж, приметив, что нет уж в палате, как прежде, оружий,
Спросят о них женихи, ты тогда отвечай им: «В палате
Дымно; уж сделались вовсе они не такие, какими
Здесь их отец Одиссей, при отбытии в Троию, покинул:
Ржавчиной все от огня и от копоти смрадной покрылись.
10 Также и вышшую в сердце вложил мне Зевес осторожность:
Может меж вами от хмеля вражда загореться лихая;

Светлым лицом с золотой Афродитой, с младой Артемидой
55 Сходная. Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
Кости точеный, с оправой серебряной, чудной работы
Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был овчиной.
60 Многоразумная села на стул Пенелопа. Вступивши
С ней белорукие царского дома служанки в палату,
Начали всё убирать там: столы с недоеденным хлебом,
Кубки и множество чаш, из которых надменные гости
Пили; и, выбросив на пол золу из жаровен, наклали
Новых поленьев туда, чтоб нагрелась палата и был в ней
65 Свет. А Меланфо опять привязалась ругать Одиссея:
«Здесь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать нам, бродя здесь как тень, чтоб подметить, что в доме
служанки

Делают. Вон! Говорю я тебе, побродяга; наелся
Здесь ты довольно! Уйди, иль швырну я в тебя головнею».
70 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей хитроумный:
«Что ж так неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебе, что в грязи я, что, в рубище бедном
По миру ходя, прошу подавня? Что ж делать? Я нищий.
Жребий такой уж нам всем, безотрадно бродящим скитальцам.
75 В прежние дни я и сам меж людьми не совсем бесприютно
Жил; и благоустроенным домом владел, и доступен
Всякому страннику был, и охотно давал неимущим;
Много имел я невольников, много всего, чем роскошно
Люди живут и за что величают их свет богачами.
80 Все уничтожил Кроннон — так было ему то угодно.
Ты, безрассудная, так же (кто знает, как скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою так здесь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпоже; да и может
Сам Одиссей возвратиться — надежда не вовсе пропала;
85 Если же он и погиб и возврата лишен, то еще здесь
Сын Одиссея, младой Телемах, Аполлонов питомец,
Здравствует; знает он все поведенье служанок домашних,
Скрыться не может ничто от него; он из детства уж вышел».
90 Так он сказал. Пенелопа, услышав разумное слово,
Речь обратила свою, раздраженная, к дерзкой служанке:
«Ты, как собака, бесстыдница, злишься; меня ж не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Разве не слышала ты, как сюда пригласить я велела
Этого странника, мысля, что может сказать мне какую
95 Весть о супруге моем, о котором давно так я плачу?»

Тут, обратясь к Евриноме, сказала она: «Евринома,
Стул пододвинь поскорее, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтоб здесь иноземец покойно сидел, и свои нам
Все рассказал приключенья, и мне отвечал на вопросы».
100 Так говорила она. Евринома немедленно гладкий
Стул принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сестр приглашен был на стул Одиссеей богоравный женою.
Так, обратясь к нему, начала говорить Пенелопа:
«Странник, сначала тебя я сама вопрошу, отвечай мне:
105 Кто ты, мой добрый старик? Кто отец твой? Кто мать? Где
родился?»

Так, отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«О царица, повсюду и все на земле беспредельной
Люди тебя превозносят, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю беспорочному; страха
110 Божия полный и многих людей повелитель могучий,
Правду творит он; в его областях изобильно родится
Рожь, и ячмень, и пшено, тяготеют плодами деревья,
Множится скот на полях и кипят многорыбием воды;
Праведно властвует он, и его благоденствуют люди.
115 Ты же, царица, меня вопрошай обо всем; не касайся
Только отчизны моей, и семьи, и семейного дома:
Горе мне душу глубоко проникнет, когда говорить здесь
Буду, о них вспоминая; страдал я немало. В чужом же
Доме, в беседе с людьми, предаваться слезам неприлично.
120 Слезы напрасны: бедам не приносят они исцеленья.
Может, притом, и на мысли прийти здесь рабыням, сама ты
Можешь подумать, что слезы от хмеля мои происходят».
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:
«Странник, мою красоту я утратила волей бессмертных
125 С самых тех пор, как пошли в кораблях чернобоких ахейцы
В Трою, и с ними пошел мой супруг, Одиссей богоравный.
Если б он жизни моей покровителем был, возвратясь
В дом, несказанно была б я тогда и славна и прекрасна;
Ныне ж в печали я вяну; враждует злой демон со мною.
130 Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны,
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди утесистой, солнечно-светлой Итаки,
Нудят упорно ко браку меня и наш дом разоряют;
Мне ж не по сердцу никто: ни просящий защиты, ни странник,
135 Ниже глашатай, служитель народа; один есть желанный
Мной — Одиссей, лишь его неотступное требует сердце.
Те же твердят непрестанно о браке; прибегнуть к обману

Я попыталась однажды; и демон меня надоумил
Стан превеликий поставить в покоях моих; начала я
140 Темно-широкую ткань и, собрав женихов, им сказала:
«Юноши, ныне мои женихи — поелику на свете
Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
145 Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Паркам отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
Так я сказала; они покорились мне мужеским сердцем.
Целый я день за тканьем проводила; а ночью, зажегши
150 Факел, сама все, натканное днем, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убеждать их умела.
Но когда, обращенъем времен приведенный, четвертый
Год совершился, промчался месяцы, дни пролетели —
Все им открыла одна из служанок, лихая собака;
155 Самы они тут застали меня за распущенной тканью:
Так и была приневолена ими я труд мой окончить.
Способа нет уж теперь избежать мне от гнусного брака;
Хитрости новой на ум не приходит: меня все родные
Нудят к замужеству; и сын огорчается, видя, как дом наш
160 Грабят; а он уж созрел и теперь за хозяйством способен
Сам наблюдать, и к нему уваженье Зевес пробуждает
В людях. Скажи ж откровенно мне, кто ты? Уж верно,

не отрасль

Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

Ей возражая, ответствовал так Одиссей богоравный:

165 «О многоумная старца Икарня дочь, Пенелопа,
Вижу, что ты о породе моей неотступно желаешь
Сведать. Я все расскажу, хоть печаль и усилит рассказ мой
В сердце моем. Так бывает со всяким, кто долго в разлуке
С милей семьей, сокрушенный, как я, меж людей земнородных
170 Странствует, их посещая обители, сам бесприютный.
Но отвечать на вопросы твои я с охотою буду.
Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
175 Разные слышатся там языки: там находишь ахеян
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кносе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Кроннона мудрый,

180 Дед мой, родитель великого Девкалциона, который
Идоменея родил и меня. В корабле крутоносом
Идоменей, многославный мой брат, в отдаленную Трою
Поплыл с Атридом; мое ж знаменитое имя Антон;
185 После него родился я; он старший и властью сильнейший.
В Крите гостил Одиссей; и он мною, как гость, одарен был.
В Крит же его занесло буреносною силою ветра:
В Трою плывя и у мыса Малей застигнутый бурей,
В устье Амнисия ввел он свой быстрый корабль и в опасной
Пристани стал близ скалы Илифийской, богами спасенный.
190 К Идоменею он в город пришел, утверждая, что гостем
Был он царю, что его почитал и любил несказанно.
Но уж дней десять прошло плъ одиннадцать с тех пор, как
поплыл
Царь в кораблях крутоносых в троянскую землю. Я принял
Вместо царя во дворце Одиссея, и мной угощен был
195 Он дружелюбно с великою роскошью; было запасов
Много у нас; и спутники все Одиссеевы хлебом,
Собранными с мира, и огненноцветным вином, и прекрасным
Мясом быков угощаемы досыта были; двенадцать
Дней провели богоравные люди ахейские с нами:
200 В море идти не пустил их Борей, бушевавший с такою
Силой, что было нельзя на ногах устоять и на суше;
Демон его разъярил; на тринадцатый день он утихнул.
В море пустились они». Так неправду за чистую правду
Он выдавал им. И слезы из глаз их лилися; как тает
205 Снег на вершинах высоких, заоблачных гор, теплоносным
Эвром согретый и прежде туда нанесенный Зефиром,—
Им же растаенным реки полнеют и льются быстрее,—
Так по щекам Пенелопы прекрасным струею лилися
Слезы печали о милом, пред нею сплдевшем, супруге.
210 Он же, глубоко проникнутый горьким ее сокрушеньем
(Очи свои, как железо плъ рог неподвижные, крепко
В темных ресницах сковав и в нее их вперив, не мига),
Воли слезам не давал. И, насытятся горестным плачем,
Так напоследок ему начала говорить Пенелопа:
215 «Странник, я способ имею, тебя испытанью подвергнув,
Выведать, подлинно ль ты Одиссея и спутников, бывших
С ним, угощал там в палатах царя, как теперь уверяешь.
Можешь ли мне описать ты, какое в то время носил он
Платье, каков он был видом и кто с ним спутники были?»
220 Ей отвечая, сказал Одиссей, в испытаниях твердый:
«Трудно ответствовать мне на вопрос твой, царица; уж много

Времени с этой поры протекло, и тому уж двадцатый
Год, как, мою посетивши отчизну, супруг твой пустился
В море; но то, что осталось в памяти, вам расскажу я:
225 В мантию был шерстяную, пурпурного цвета, двойную
Он облечен; золотою прекрасной с двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих когтях у него молодую
Лань изваял; как живая, она трепетала; и страшно
230 Пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь
Выдраться, билась ногами она: в изумленье та бляха
Всех приводила. Хитон, я заметил, носил он из чудной
Ткани, как пленка, с головки сушеного снятая лука,
Тонкой и светлой, как яркое солнце; все женщины, видя
235 Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же — заметь ты — не ведаю, где он такую одежду
Взял? Надевал ли уж дома ее до отбытия в Трою?
В дар ли ее получил от кого из своих при отъезде?
240 Многие люди; сравниться же мало могло с ним ахеян.
Меч медноострый, двойную пурпурную мантию, с тонким,
Спитым по мерке хитоном ему подарив на прощанье,
С почестью в путь проводил я его в корабле крепкозданном.
С ним находился глашатай; немного постаре годами
245 Был он; его и теперь описать вам могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на теле;
Звали его Еврибатом; его всех товарищей боле
Чтил Одиссей, поелику он ведал, сколь был он разумен».
Так говорил он. Усилилось горе в душе Пенелопы:
250 Все Одиссеевы признаки ей описал он подробно.
Горестным плачем о милом, далеком супруге насытись,
Так напоследок опять начала говорить Пенелопа:
«Странник, до сих пор одно сожаленье к тебе я имела,—
Будешь отныне у нас ты любим и почтен несказанно.
255 Плате, которое мне описал ты, сама я сложила
В складки, достав из ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсив. И мне уж его никогда здесь не встретить
В доме семейном, в отечестве милом! Зачем он, зачем он
Нас покидал! Неприязненный демон его с кораблями
260 В море увел, к роковым, к несказанным стенам Илиона». Ей возражая, отвечив так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Нежной своей красоты не губи сокрушеньем; не сетуй
Так безутешно о милом супруге. Тебя укорять я

265 В этом не буду: нельзя не крушиться жене об утрате
Сердцем избранного мужа, с которым в любви родились ей
Дети; красой же богам Одиссей, говорят, был подобен.
Ты успокойся, однако, и выслушай то, что скажу я:
270 Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая,
Все объявив, что узнал о прибытии к вам Одиссея
В области тучной феспротов, от здешних берегов недалекой.
Жив он; и много везет на своем корабле к вам сокровищ,
Собранных им от различных народов; но спутников верных
275 Всех он утратил; его крутобокий корабль, виноцветным
Морем от знойной Тринакрии пливший, Зевес и блестящий
Гелиос громом разбили своим за погранье священных,
Солнцу любезных быков — все погибли в волнах святотатцы.
Он же, схвативший оторванный киль корабля, был на остров
Выброшен, где обитают родные богам феакийцы;
280 Почесть ему оказали они, как бессмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотели его проводить. И давно б уж в Итаке
Был он; но, здраво размысливши, он убедился, что прежде
Разные земли ему для скопления богатств надлежало
285 Видеть. Никто из людей земнородных не мог с ним сравниться
В знании выгод своих и в расчетливом, тонком рассудке —
Так говорил мне о нем царь Федон благодушный, который
После, бессмертным богам совершив возлиянье, поклялся
Мне, что и быстрый корабль уж устроен, и собраны люди
290 В милую землю отцов проводить Одиссея; меня же
Он наперед отослал, поелику корабль приготовлен
Был для феспротов, в Дулихий, обильный пшеницею, шедших;
Мне и богатство, какое скопил Одиссей, показал он.
Даже и внукам в десятом колене достанется много —
295 Столько добра им оставлено было царю в сохраненье.
Сам же, сказали, пошел он в Додону затем, чтоб оракул
Темносенистого Диева дуба его научил там,
Как по отсутствию долгом, в отчизну, в желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнее будет.
300 Жив он, ты видишь сама; и, конечно, здесь явится скоро;
Верно, теперь и от милых своих, и от родины светлой
Он недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсом, метателем грома, отцом и владыкой бессмертных,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуса
305 Вам, что наверно и скоро исполнится то, что сказал я.
Прежде, чем солнце окончит свой круг, Одиссей возвратится;
Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет,

Вступит он в дом свой». Ему отвечая, сказала царица:
«Если твое предсказание, гость чужеземный, свершится,
310 Будешь от нас угощен ты как друг и дарами осыпан
Столь изобильно, что счастьем такому все будут дивиться.
Мне же не то предвещает мое сокрушенное сердце:
Нет! И сюда Одиссей не придет, и тебя не отправим
В путь мы отсюда: недобрые люди здесь властвуют в доме;
315 Здесь никого не найдется такого, каков Одиссей был,
Странников всех угощавший и всем на прощанье даривший
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантией теплой покрытую, здесь приготовьте, чтоб мог он
Спать, не озябнув, до первых лучей златотронной Денницы.
320 Завтра ж поутру его вы, в купальне омывши, елеем
Чистым натрите, дабы он, опрятный, за стол с Телемахом
Сел и с гостями обедал. И горе тому, кто обидеть
Вновь покусится его непристойно: ему никакого
Места вперед здесь не будет, хотя б он и сильно озлился.
325 Иначе, странник, поверишь ли ты, чтоб хоть мало от прочих
Жен я возвышенным духом и светлым умом отличалась,
Если я грязным тебя и нечисто одетым за стол наш
Сесть допущу? Нам ненадолго жизнь достается на свете;
Кто здесь и сам без любви, и в поступках любви не являет,
330 Тот ненавистен, пока на земле он живет, и желают
Зла ему люди; от них поносим он нещадно и мертвый;
Кто ж, беспорочный душой, и в поступках своих беспорочен —
Имя его, с похвалой по земле разносимое, славят
Все племена и народы, все добрым его величают».
335 Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Теплая мантия мне и роскошное ложе противны
С тех пор, как Крита широкого снегом покрытые горы,
В длинновесельном плывя корабле, из очей потерял я.
340 Дай мне здесь спать, как давно уж привык я, на жесткой
постели.

Много, много ночей провалялся в бессоннице тяжкой
Я, ожидая пришествия златопрестольной Денницы;
Также и ног омовение мне не по сердцу; по крайней
Мере, к моим прикоснуться ногам ни одной не позволю
345 Я из рабынь молодых, в Одиссеевом доме служащих.
Нет ли старушки, любящей заботливо службу и много
В жизни, как сам я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться к моим с омовеньем ногам я дозволю».
Так Одиссею, ему отвечая, сказала царица:

350 «Странник, немало до сих пор гостей к нам из близких,
из дальних
Стран приходило — умней же тебя никого не случилось
Встретить мне; речи твои все весьма рассудительны. Есть здесь
В доме старушка, советница умная, полная добрых
Мыслей; за ним, злополучным, ходила она; он был ею
355 Выкормлен, ею в минуту рождения на руки принят.
Ей, хоть она и слаба, о тебе поручу я заботу;
Встань, Еврикля, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; с ним же,
360 Может быть, сходен и видом уж стал Одиссей, изнуренный
Жизнию трудной: в несчастии люди стареются скоро».
Так говорила она; Еврикля закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
«Свет мой, дитя мое милое! Где ты? За что же Кронион
365 Так на него, столь покорного воле богов, негодует?
Кто ж из людей перед громоигрателем Зевсом такие
Тучные бедра быков сожигал и ему гекатомбы
Так приносил изобильно, моля, чтоб он светлую старость
Дал ему дома провесть, расцветающим радуясь сыном?
370 Были напрасны молитвы; навеки утратил возврат он.
Горе! Быть может, теперь, никому не родной, на чужбине,
Где-нибудь, впущенный в дом богача, он от глупых служанок
Встречен такой же там бранью, какой был от этих собак ты,
Странник, обижен; зато и не хочешь им, дерзким, позволить
375 Ноги омыть у тебя. То, однако, порядком исполнить
Мне повелела моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сделаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нет! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
380 Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты, с Одиссеем
Сходен». Сказала. Ей так отвечал Одиссей хитроумный:
«Правда, старушка, и сам от людей я, которым обоих
385 Нас повстречать удавалось, слышал, что во многом друг
с другом
Мы удивительно сходны, как то мне и ты говоришь здесь».
Так отвечал он. Сияющий таз, для мытья ей служивший
Ног, принесла Еврикля; и, свежей водою две трети
Таза наполнив, ее долила кипятком. Одиссей же
390 Сел к очагу; но лицом обернулся он к тени, понеже
Думал, что, за ногу взявши его, Еврикля знакомый

395 Может увидеть рубец, и тогда вся откроется разом
Тайна. Но только она подошла к господину, рубец ей
Бросился прямо в глаза. Разъяренного вепря клыком он
Ранен был в ногу тогда, как пришел посетить на Парнасе
Автоликона, по матери деда (с его сыновьями),
Славного хитрым притворством и клятв нарушением —
Эрмий

Тем дарованьем его наградил, поелику он много
Бедр от овец и от коз приносил благосклонному богу.
Автоликон, посетив плодоносную землю Итаки,
400 Новорожденного сына у дочери милой нашел там.
Выждав, когда он окончит свой ужин, ему на колена
Внука пришла положить Евриклея. Она тут сказала:
«Автоликон, богоданному внуку ты выдумать должен
Имя, какое угодно тебе самому: ты усердно
405 Зевса о внуке молил». То приняв предложение, сказал он
Зятю и дочери: «Вашему сыну готово уж имя;
Вас посетить собираясь, я рассержен несказанно
Многими был из людей, населяющих тучную землю;
Пусть назовется мой внук Одиссеем; то значит: *сердитый*.
410 Если ж когда он, достигнувши мужеских лет, пожелает
Дедовский дом посетить на Парнасе, где наша обитель,
Будет он мной угощен и с богатым отпущен подарком».
Внук возмужал и пришел за подарком обещанным к деду.
Автоликон с сыновьями своими его благосклонно
415 Встретил руки пожиманьем и сладко-ласкательным словом;
Бабка ж его Амфитея в слезах у него целовала
Очи, и руки, и голову, громко рыдая. Богатый
Пир приказал сыновьям многославным своим приготовить
Автоликон. И они, исполняя родителя волю,
420 Тотчас пригнать повелели быка пятилетнего с поля;
Голову снявши с быка и его распластавши, на части
Мясо они разрубили и части, взоткнув их на вертел,
Начали жарить; изжарив же, их разнесли по порядку.
Сидя они за обедом весь день до вечернего мрака
425 Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Солнце тем временем село, и ночь наступила; о ложе
Каждый подумал, и сна благодать ниспослали им боги.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
430 Скликали быстрых собак. Сын Лаэртов отправился с ними.
Долго они по крутому, покрытому лесом, Парнасу
Шли; напоследок достигли глубоких, ветристых ущелий;

Гелиос только что начал поля озарять, подымаясь
Тихо с глубоких, лиющихся медленно вод Океана;
435 В дикую дебрь углубились охотники все; перед ним,
След открывая, бежали собаки; с собаками вместе
Автоликоновы дети и сын многославный Лаэртос
Быстро бежали, имея в руках длиннотенные копыя.
Страшно-огромный кабан там скрывался, в кустах
закопавшись

440 Диких: в тенистую глубь их проникнуть не мог ни холодный,
Сыростью дышащий ветер, ни Гелиос, знойно-блестящий,
Даже и дождь не пронзал их ветвистого свода — так густо
Были они сплетены; и скопилось там много опавших
Листьев. Когда же приблизился шум от собак и от ловчих,
445 Быстро бежавших, кабан им навстречу из дикого лога
Прянул; щетину встопорчив, ужасно сверкая глазами,
Он заступил им дорогу; и первый, к нему подбежавший,
Был Одиссей. Он копые длинноострое поднял, готовый
Зверя пронзить; но успел Одиссею поранить колено
450 Острым клыком разъяренный кабан; и он выхватил много
Мяса, нагрянувши бешено сбоку, но кость уцелела.
В правое зверю плечо боевое копые сын Лаэртос
Сильно всадил; и, плечо проколов, острием на другой бок
Вышло копые; повалился кабан, и душа отлетела.

455 Автоликоновы дети убитого зверя велели
Должным порядком убрать и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили. И все напоследок к отцу возвратились.
Автоликон и его сыновья Одиссея, от раны
460 Дав исцелиться ему и его одаривши богато,
Сердцем веселого, сами веселые, с миром послали
В землю Итаки; отец и разумная мать несказанно
Были его возвращению рады; они расспросили
Сына подробно о ране, и он рассказал по порядку,
465 Как, на Парнасе ловитвой зверей веселясь с сыновьями
Автоликона, он вепрем клычистым был ранен в колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощутив руками
Ногу; отдернула руки она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара ее зазвенела
470 Медь, покачнулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи от слез затуманились, ей не покорствовал голос.
Сжав Одиссею рукой подбородок, она возгласила:
«Ты Одиссей! Ты мое золотое дитя! И тебя я

475 Прежде, пока не оцупала этой ноги, не узнала!»
Кончив, она на свою госпожу обратила поспешно
Взоры, чтоб ей возвестить возвращение милого мужа.
Та ж не могла ничего, обратясь глазами в другую
480 Сторону, видеть: Паллада ее овладела вниманьем.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневолит
Ближе к нему, прошептал ей: «Ни слова! Меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпевши немало,
Волей богов возвратился я в землю отцов через двадцать
485 Лет. Но — уж если твои для узнания тайны открылись
Очи — молчи! И чтоб в доме никто обо мне не проведал!
Иначе, слушай — и то, что услышишь, исполнится верно, —
Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Здесь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитан, не стану
490 В час тот, когда над рабынями строгий мой суд совершится».
Сыну Лаэртову так, отвечая, сказала старушка:
«Странное слово из уст у тебя, Одиссей, излетело;
Ведаешь сам ты, как сердцем тверда я, как волей упорна:
Все сохраняю, постоянной, чем камень, целей, чем железо;
495 Выслушай, друг, мой совет и заметь про себя, что услышишь.
Если Зевес истребить женихов многобуйных поможет,
Всех назову я рабынь, обитающих здесь, чтоб меж ними
Мог отличить ты худых и порочных от добрых и честных».
Ей возражая, ответствовал так Одиссей хитроумный:
500 «Нет, Евриклея, их мне называть не трудись понапрасну;
Сам все увижу и буду уметь все подробно разведать.
Только молчи. Произволу богов предадим остальное».
Так говорил Одиссей; и поспешно пошла Евриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на пол
505 Вылилась. Вымыв и чистым елеем умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинул к жаровне;
Сев к ней, чтоб греться, рубец свой отрепьями рубища
скрыл он.

Умная так, обратясь к нему, Пенелопа сказала:
«Странник, сначала сама я тебя вопрошу, отвечай мне:
510 Скоро наступит пора насладиться покоем; и счастлив
Тот, на кого и печального сон миротворный слетает.
Мне ж несказанное горе послал неприязненный демон;
Днем, сокрушаясь и сетуя, душу свою подкрепляю
Я рукодельем, хозяйством, присмотром за делом служанок;
515 Ночью ж, когда все утихнет и все вокруг меня, погрузившись
Сладостно в сон, отдыхают беспечно, одна я, тревогой

Мучась, в бессоннице тяжкой сижу на постели и плачу;
Плачет Аида, Пандарова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
520 Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сениями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итилосо милого, сына Зефосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.
Так, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать, —
525 С сыном ли милым остаться, смотря за хозяйством, за светлым
Домом его, за работой служанок, за всем достойным,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль, наконец, предпочесть из ахейцев того, кто усердной
Брака желает со мной и щедрее дары мне приносит?
530 Сын же, покуда он отроком был неразумным, расстаться
С матерью нежной не мог и супружеский дом мне покинуть
Сам запрещал; но теперь он, уж мужеской силы достигнув,
Требует сам от меня, чтоб из дома я вышла немедленно;
Он огорчается, видя, как наше имущество грабят.
535 Ты же послушай: я видела сон; мне его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они, на воде полоскаясь, играют.
Спилось мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал, что в пространной столовой
540 Мертвые были они на полу все разбросаны; сам же
В небо умчался орел. И во сне я стонала и горько
Плакала; вместе со мною и много прекрасных ахейских
Жен о гусях, умерщвленных могучим орлом, сокрушалось.
Он же, назад прилетев и спустясь на высокую кровлю
545 Царского дома, сказал человеческим голосом внятно:
«Старца Икария умная дочь, не крушишь, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь;
Гуси — твои женихи, а орел, их убить прилетавший
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
550 Ныне тебе возвращенный твоим женихам на погибель».
Так он сказал мне, и в это мгновенье мой сон прекратился;
Я осмотрелась кругом: на дворе, я увидела, гуси
Все налицо; и, толпяся к корыту, клюют там пшеницу».
Умной супруге своей отвечал Одиссей богоравный:
555 «Сон, государыня, твой толковать бесполезно: он ясен
Сам по себе; сокровенного нет в нем значенья; и если
Сам Одиссей предсказал женихам их погибель — погибнут
Все: ни один не уйдет от судьбы и от мстительной Керы».
Так, отвечая, сказала царица Лаэртovu сыну:

560 «Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш: одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
565 Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья.
Но не из этих ворот мой чудесный, я думаю, вышел
Сон — сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
570 Слушай теперь, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра наступит он, день ненавистный, в который покинуть
Дом Одиссеев принудят меня; предложить им стрелянье
Из лука в кольца хочу я: супруг Одиссей здесь двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди не близко
575 Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
580 Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
Ей возражая, отвечивал так Одиссей богоравный:
«О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа,
Этой игры, мой совет, не должна ты откладывать. Верь мне,
585 В доме своем Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между нами, рукою оцупавши гладкий
Лук, тетивую натянет его и сквозь кольца прострелит».
Так, отвечая, сказала царица Лаэртovu сыну:
«Если б ты, странник, со мною всю ночь согласился в палате
590 Этой сидеть и меня веселить разговором, на ум бы
Сон не пришел мне; но вовсе без сна оставаться нам, слабым
Смертным, не должно. Здесь всем нам, землей многодарной
кормимым,
Боги бессмертные меру, особую каждому, дали.
Время, однако, наверх мне уйти, чтоб лежать одиноко
595 Там на постели, печалью перестланной, горьким потоком
Слез обливаемой с самых тех пор, как супруг мой отсюда
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Илиона.
Там отдохну я, а ты ночевать, иноземец, останься
Здесь; и ложись на постелю иль на пол, как сам пожелаешь».
600 Так Пенелопа сказавши, пошла по ступеням высоким

Вверх — не одна, все рабыни за нею пошли; и, в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

- Тут приготовил в сених для себя Одиссей богоравный
Ложу из кожи воловьей, еще не дубленной; покрывши
Кожу овчинами многих овец, женихами убитых,
Лег он; и теплым покровом его Евриклея одела.
- 5 Там Одиссей, женихам истребление в мыслях готовя,
Глаз не смыкая, лежал. В ворота, он увидел, служанки,
Жившие в тайной любви с женихами, толпой побежали,
С хохотом громким, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенем гнева зажглась несказанным.
- 10 Долго не знал он, колеблясь рассудком и сердцем, что делать,—
Встать ли и, вслед за бесстыдными бросившись, всех
умертвить их?
Или остаться, дав волю в последний им раз с женихами
Свидеться? Сердце же злилось его; как рычит, оценившись,
Злобная сука, щеняток своих защищая, когда их
- 15 Кто незнакомый берет, и за них покусаться готовясь,
Так на бесстыдниц его раздраженное сердце роптало.
В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:
«Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело
В логе циклопа, в то время, когда пожирал беспощадно
- 20 Спутников он злополучных моих,— и терпенье рассудку
Выход из страшной пещеры для нас, погибавших, открыло».
Так усмирял он себя, обращаясь к милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпенье
В грудь пролилося его; но ворочался с боку он на бок.
- 25 Как на огне, разгоревшемся ярко, ворочают полный
Жиром и кровью желудок туда и сюда, чтоб отвсяду
Мог быть он сочно и вкусно обжарен, огнем не прижженный,
Так на постели ворочался он, беспрестанно тревожась
В мыслях о том, как ему одному с женихов многосильной
- 30 Шайкою сладить. К нему подошла тут Палада Афина,
С неба слетевшая в виде младой, расцветающей девы.
Тихо к его изголовью приблизясь, богиня сказала:

«Что же не спишь ты, из всех земнородных несчастнейший?

Разве

Это не дом твой? Не верною ль в доме ты встречен женою?

35 Сын же таков твой, что всякий ему бы отцом захотел быть».

Светлой богине отвечив так Одиссей хитроумный:

«Истину ты говоришь мне, богиня; но сердцем я крепко

(В том принужден пред тобой повиниться) тревожусь, не зная,

40 Буду ли в силах один с женихов многочисленной шайкой

Сладить? Они всей толпою всегда собираются в доме.

Но и другою тревогой мое озабочено сердце:

Если по воле твоей и Крониона всех истреблю я —

Как мне спастись от мщенья родни их? Подумай об этом».

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:

45 «Ты, малoverный! Надеются ж люди в беде и на слабых

Смертных, ни делом помочь, ни совета подать неспособных, —

Я же богиня, тебя неизменно всегда от напасти

Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:

Если бы вдруг пятьдесят из засады на двух нас напало

50 Ратей, чтоб нам совокупно погибель устроить, — при них жо

Мы бы похитили коз их, овец и быков круторогих.

Спи, ни о чем не тревожась: несносно лежать на постели,

Глаз не смыкая; твои же напасти окончатся скоро».

С этими словами богиня ему затворила дремотой

55 Очи, потом на Олимп улетела. И всех усладитель

Наших тревог, разрешающий сладко тостальные члены,

Сон овладел им. Супруга ж его, от тревоги проснувшись,

Села бессонная в горьких слезах на постели; слезами

Вдоволь свою сокрушенную грудь утолив, громогласно

60 Стала она призывать Артемиду и так ей молилась:

«О Артемиде, богиня великая, дочь громовержца,

Тихой стрелою твоею меня порази и из тела

Выведи душу мою. О, когда бы меня ухватила

Буря и мгlistой дорогой со мною умчалась в край тот,

65 Где начинается свой путь Океан, круговратно бегущий!

Были ж Пандаровы дочери схвачены бурей. Боги

Мать и отца погубили у них; сиротами остались

В доме семейном они; Афродита богиня питала

Их молоком, сладкотающим медом, вином благовонным;

70 Гера дала им, от всех отличая их дев земнородных,

Ум и красу; Артемиде пленительной стройностью стана

Их одарила; Афина их всех научила искусствам.

Но когда на высокий Олимп вознеслась Киферея

Там умолять, чтоб супружества счастье дал непорочным

75 Девам Зевес громолюбец, который, все ведая в мире,
Благо и зло земнородным по воле своей посылает,—
Гнусные Гарнии, дев беззащитных похитя, их в руки
Предали грозных Эриний, чудовищам в рабство. О, если б
80 Так и меня олимпийские боги с земли во мгновение
Сбросили! Если б меня, с Одиссеем в душе, Артемиды
Светлокудрявая в темную вдруг затворила могилу
Прежде, чем быть мне подругою мужа, противного сердцу!
Но и тяжелые скорби становятся легче, когда мы,
85 В горьких слезах, в сокрушении сердца день целый проведши,
Ночью в объятия сна предаемся — мы все забываем,
Зло и добро, лишь коснется очей он целебной рукою;
Мне же и сон мой терзает виденьями страшными демон;
Виделось мне, что лежал близ меня несказанно с ним сходный,
90 Самый тот образ имевший, какой он имел, удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сон — и проснулась».
Так говорила она. Поднялась златовласая Эос.
Жалобы плачущей в слух Одиссеев входили; и, слыша
Их, он подумал, что ею был узнан; ему показались
Даже, что образ ее над его изголовьем летает.
95 Сбросив покров и овчины собрав, на которых лежал он,
Все их сложил Одиссей на скамейке, а кожу воловью
Вынес на двор. Тут к Зевесу он поднял с молитвою руки:
«Если, Зевес, наш отец, ты меня и землей и водою
В дом мой (хотя я подвергнул напастям) привел невредимо,
100 Дай, чтоб от первого, кто здесь проснется, мной вещее слово
Было услышано; сам же мне знаменьем сердце обрадуй».
Так говорил он, молясь, и Кроннион молитву услышал:
Страшно ударившим громом из звездно-бестучного неба
Зевс отвечал. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
105 Слово же первое он от рабыни, моловшей на царской
Мельнице близкой, услышал; на мельнице этой двенадцать
Было рабынь, и вседневно от раннего утра до поздней
Ночи ячмень и пшено там они для домашних мололи.
Спали другие, всю кончив работу; а эта, слабее
110 Прочих, проснулася ране, чтоб труд довершить неготовый.
Жернов покинув, сказала она (и пророчество было
В слове ее Одиссею): «Зевес, наш отец и владыка,
На небе нет облаков, и его наполняют, сверкая,
Звезды, а гром твой гремит, всемогущий! Кому посылаешь
115 Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится ныне
Слово мое: да последним в жилище царя Одиссея
Будет сегоднешний пир женихов многобуйных! Колена

Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Их угождая, — да нынешним кончатся все здесь пиры их!»
120 Так говорила рабыня, был рад Одиссей прорицанью
Грома и слова, и в сердце его утвердилась надежда.
Тут Одиссеева дома рабыни сошлись из разных
Горниц и жаркий огонь на большом очаге запалили.
125 Ложе покинул свое и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
Взял боевое копьё, лучезарно блестящее медью;
Так он ступил на порог и сказал, обратясь к Евриклее:
130 «Няня, доволен ли был угощением странник? Покойно ль
Спал он? Иль вы не хотели о нем и подумать? Обычай
Матери милой я знаю; хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажет, на лучшего ж вовсе и взгляда не бросит».
Так говорил Телемах. Евриклея ему отвечала:
135 «Ты понапрасну, дитя, невинную мать обвиняешь;
С нею сидя, здесь вином утешался он, сколько угодно
Было душе; но не ел, хоть его и просили. По горло
Сыт я, сказал. А когда он подумал о сне и постели,
140 Мягкое ложе она приготовить велела рабыням.
Он же, напротив, как жалкий, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постели, покрытой ковром, отказался;
Кожу воловьую постлал на полу и, овчин положивши
Сверху, улегся в сених; я покрыла его одеялом».
Так Евриклея сказала. Тогда Телемах из палаты
145 Вышел с копьём; две лихне за ним побежали собаки.
На площадь, главное место собрания ахеян, пошел он.
Тут всех рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Им Евриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
150 «Все на работу! Одни за метлы; и проворнее выместь
Горницы, вспырнув полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестро-пурирные ткани постлатъ; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировые кратеры;
Чашы глубокие, кубки двудонные вымыть. Другие ж
155 Все за водою к ключу и скорее назад, поелику
Нынешний день женихи не замедлят приходом, напротив,
Ранее все соберутся: мы праздник готовим великий».
Так Евриклея сказала. Ее повинуюся воле,
Двадцать рабынь побежали на ключ темноводный; другие
Начали горницы все прибирать и посуду всю чистить.
160 Скоро прислали и слуг женихи: за работу принявшись,

Стали они топорами поленья колоть. Воротились
С свежей рабыни водой от ключа. Свинопасом Евмеем
Пригнаны были три борова, самые жирные в стаде:
Заперли их в окруженную частым забором заграду.
165 Сам же Евмей подошел к Одиссею, спросил дружелюбно:
«Странник, учтивее ль стали с тобой Телемаховы гости?
Иль по-вчерашнему в доме у нас на тебя нападают?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
170 Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!»
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
К ним подошел козовод, за козами смотрящий, Меланфий;
Коз, меж отборными взятых из стада, откормленных жирно
175 В город пригнал он, гостям на обед; с ним товарищей было
Двое. И, коз привязавши под кровлей сеней многозвучных,
Так Одиссею сказал, им ругаясь, дерзкий Меланфий:
«Здесь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать нам вздохнуть; мой совет, убирайся отсюда скорее;
180 Иль и со мной у тебя напоследок дойдет до расправы;
Можешь тогда и моих кулаков ты отведать; ты слишком
Стал уж докучен; не в этом лишь доме бывают обеды».
Кончил. Ему Одиссей ничего не отвечивал; только
Молча потряс головою и страшное в сердце помыслил.
185 Третий тут главный пастух подошел к ним, коровник Филойтий;
Коз он отборных привел с нетелившейся, жирной коровой.
В город же их привезли на судах перевозчики, всех там,
Кто нанимал их, возившие морем рабочие люди.
Коз и корову Филойтий оставил в сенях многозвучных;
190 Сам же, приближась к Евмею, спросил у него дружелюбно:
«Кто чужеземец, тобою недавно, Евмей, приведенный
В город? К какому себя причисляет он племени? Где он
Дом свой отцовский имеет? В какой стороне он родился?
С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет.
195 Боги бездомно-бродящих людей унижают жестоко;
Но и могучим царям испытанья они посылают».
Тут к Одиссею, приветствие правую сделав рукою,
Ласково он обратился и бросил крылатое слово:
«Радуйся, добрый отец чужеземец; теперь нищетою
200 Ты удручен — но пошлют наконец и тебе изобилье
Боги. О Зевс! Ты безжалостней всех, на Олимпе живущих!
Нет состраданья в тебе к человекам; ты сам, наш создатель,
Нас предаешь беспощадно беде и грызущему горю.

205 Потом прошибло меня и в глазах потемнело, когда я
Вспомнил, взглянув на тебя, о царе Одиссее: как ты, он,
Может быть, бродит в таких же лохмотьях, такой же бездомный.
Где он, несчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?
210 О благодушный, великий мой царь! Над стадами коров ты
Здесь в стороне кефалленской меня молодого поставил;
Много теперь расплодилось их; нет никого здесь другого,
Кто бы имел столь великое стадо коров крепколых.
Горе! Я сам приневолен сюда их водить на пожранье
Этим грабителям. Сына они притесняют в отцовом
215 Доме; богов наказанье не страшно им; между собою
Все разделить уж богатство царя отдаленного мыслят.
Часто мне замысел в милое сердце приходит (хотя он,
Правду сказать, и не вовсе похвален: есть в доме наследник),
Замысел в землю чужую со стадом моим, к иноземным
220 Людям уйти. Несказанное горе мне, здесь оставаясь,
Царских прекрасных коров на убой отдавать им; давно бы
Эту покинул я землю, где столько неправды творится,
Стадо уведши с собою, к иному царю перешел бы
В службу — но верится все мне еще, что воротится в дом свой
225 Он, наш желанный, и всех их, грабителей, разом погубит».
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Видно, порода твоя не простая, мой честный ровесник;
Сердцем, я вижу, ты верен и здравый имеешь рассудок;
Радость за то объявляю тебе и клянуса великой
230 Клятвой, Зевесом отцом, гостелюбною вашей трапезой,
Также святым очагом Одиссеева дома клянуса
Здесь, что еще ты отсюда уйти не успеешь, как сам он
Явится; можешь тогда ты своими глазами увидеть,
Если захочешь, какой с женихами расчет поведет он».
235 Кончил. Ему отвечал пастухов повелитель Филойтий:
«Если ты правду сказал, иноземец (п Дий да исполнит
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празден останусь».
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домой Одиссея.
240 Так говорили о многом они, от других в отдаленье.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемаха
Смерти, сходились; но в это мгновение слева поднялся
Быстрый орел, и в когтях у него трепетала голубка.
Знаменем в страх приведенный, сказал Амфином благородный:
245 «Замысел наш умертвить Телемаха, друзья, по желанью
Нам не удастся исполнить. Подумаем лучше о пире».

Так он сказал; подтвердили его предложение другие.
Все они вместе пошли и, когда в Одиссеев вступили
Дом, положивши на гладкие кресла и стулья одежды,
250 Начали крупных баранов, откормленных коз и огромных,
Жирных свиней убивать; и корову зарезали также.
Были изжарены прежде одни потроха, и в кратеры
Влито с водою вино. Свинопас двоеручные кубки
Подал, потом и в прекрасных корзинах коровник Филойтий
255 Хлебы разнес; а Меланфий вином благовонным наполнил
Кубки. И подняли руки они к приготовленной пище.
Но Одиссею, с намереньем хитрым в уме, на пороге
Двери широкой велел Телемах поместиться; подвинув
К ней небольшую, простую скамейку и низенький столик,
260 Часть потрохов он принес, золотой благовонным наполнил
Кубок вином и, его подавая, сказал Одиссею:
«Здесь ты сиди и вином утешайся с моими гостями,
Новых обид не страшая; рукам женихов я не дам уж
Воли; мой дом не гостиница, где произвольно пирует
265 Всякая сволочь, а дом Одиссеев, царево жилище.
Вы ж, женихи, воздержите язык свой от слов непристойных,
Также и воли рукам не давайте; иль будет здесь ссора».
Так он сказал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
270 Но, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, воскликнул:
«Как ни досадно, друзья, Телемахово слово, не должно
К сердцу его принимать нам; пускай он грозится! Давно бы,
Если б тому не препятствовал вечный Кронийон, его мы
Здесь упокоили — стал он теперь говорун нестерпимый».
275 Кончил; но слово его Телемах без вниманья оставил.
В это время народ через город с глашатаем жертву
Шел совершать: в многотенную рощу метателя верных
Стрел Аполлона был ход густовласых ахейн направлен.
Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
280 Роздали части и начали пир многославный. Особо
Тут принесли Одиссею проворные слуги такую ж
Мяса подачу, какую имели и сами; то было
Так им приказано сыном его, Телемахом разумным.
Тою порою Афина сама женихов возбуждала
285 К дерзко-обидным поступкам, дабы разгорелось сильнее
Мщенье в гневной душе Одиссея, Лаэрта сына.
Там находился один, от других беззаконной отличный
Дерзостью, родом из Зама; его называли Ктесиппом.
Был он несметно богат и, гордяся богатством, замыслил

290 Спорить с другими о браке с женою Лаэртова сына.
Так, к женихам обратясь, сказал им Ктесипп многобуйный:
«Выслушать слово мое вас, товарищи, я приглашаю:
Мяса, как следует, добрую часть со стола получил уж
Этот старик — и весьма б непохвально, несправедливо было,
295 Если б гостей Телемаховых кто их участка лишил здесь.
Я ж и свою для него приготовил подачу, чтоб мог он
Что-нибудь дать за купанье рабыне иль должный подарок
Сделать кому из рабов, в Одиссеевом доме живущих».
Тут он, схвативши коровью, в корзине лежавшую ногу,
300 Сильно ее в Одиссея швырнул; Одиссей, отклонивши
Голову вбок, избежал от удара; и страшной улыбкой
Стиснул он губы; нога ж, пролетевши, ударила в стену.
Грозно взглянув на Ктесиппа, сказал Телемах раздраженный:
«Будь благодарен Зевесу, Ктесипп, что удар не коснулся
305 Твоей головы чужеземца: он сам от него отклонился;
Иначе острым копьём повернее в тебя бы попал я;
Стал бы не брак для тебя — погребенье отец твой готовить.
Всем говорю вам: отныне себе непристойных поступков
В доме моем позволять вы не смейте; уж я не ребенок,
310 Все уж теперь понимаю; все знаю, что надобно делать.
Правда, еще принужден я свидетелем быть терпеливым
Здесь истребленья баранов, и коз, и вина, и богатых
Наших запасов, — я с целой толпою один не управлюсь;
Новых обид мне, однако, я вам не советую делать;
315 Если ж намеренье ваше меня умертвить, то, конечно,
Будет пристойней, чтоб, в доме моем пораженный, я встретил
Смерть там, чем зрителем был незаконных поступков и видел,
Как обижают моих в нем гостей, как рабынь принуждают
Злым угождать вождельням в священных обителях царских».
320 Так он сказал; все кругом неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сын Дамасторов, так отвечал напоследок:
«Правду сказал он, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвечать оскорбленьем; не трогайте боле
Старого странника; также оставьте в покое и прочих
325 Слуг, обитающих в доме Лаэртова славного сына.
Я ж Телемаху и матери светлой его дружелюбно
Добрый и, верно, самим им угодный совет предложу здесь:
В сердце своем вы донныне питали надежду, что боги,
Вашим молитвам внимая, домой возвратят Одиссея;
330 Было донныне и нам невозможно на медленность вашу
Сетовать, так поступать вам советовал здравый рассудок
(Мог после брака внезапно в свой дом Одиссей возвратиться);

Ныне ж сомнения нет нам: мы знаем, что он невозвратен.
Матери умной своей ты теперь, Телемах благородный,
335 Должен сказать, чтоб меж нами того, кто щедрей на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно в отеческом доме
Жить; а она о другом уж хозяйстве заботиться станет».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
340 «Нет, Агелай, я Зевесом отцом и судьбой Одиссея
(Что бы с ним ни было: жив ли, погиб ли) клянусь перед всеми
Вами, что матери в брак не мешаю вступить, что, напротив,
Сам убеждаю ее по желанию выбрать, и много
Дам ей подарков; но из дома выслать ее по неволе
Я и помыслить не смею — то Зевсу не будет угодно».
345 Так говорил Телемах. В женихах несказанный Афина
Смех пробудила, их сердце смутив и рассудок расстроив.
Дико они хохотали; и, лицами вдруг изменившись,
Ели сырое, кровавое мясо; глаза их слезами
Все затумилились; сердце их тяжелой заняло тоскою.
350 Феоклимен богоравный тогда поднялся и сказал им:
«Вы, злополучные, горе вам! Горе! Невидимы стали
Головы ваши во мгле и невидимы ваши колена;
Слышен мне стон ваш, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стены, я вижу, в крови; с потолочных бежит перекладин
355 Кровь; привиденьями, в бездну Эреба бегущими, полны
Сени и двор, и на солнце небесное, вижу я, всходит
Страшная тень, и под ней вся земля покрывается мраком».
Так он сказал им. Безумно они хохотать продолжали.
Тут говорить женихам Евримах, сын Полибиев, начал:
360 «Видно, что этот, друзья, чужеземец в уме помешался;
На площадь должно его проводить нам, пусть выйдет на свежий
Воздух, когда уж ему так ужасно темно здесь в палате».
Феоклимен богоравный сказал, обратясь к Евримаху:
365 «Нет, Евримах, в провожатых твоих не имею я нужды;
Две есть ноги у меня, и глаза есть и уши; рассудок
Мой не расстроен, и память свою я еще не утратил.
Сам убегу я отсюда; я к вам подходящую быстро
Слышу беду; ни один от нее не уйдет; не избегнет
370 Силы ее никоторый из вас, святотатцев, губящих
Дом Одиссеев и в нем беззаконного много творящих».
Так он сказал, и, поспешно палату покинув, к Пирею
Прямо пошел, и Пиреем был с прежнею ласкою принят.
Тою порой, поглядевши с насмешкой один на другого,
375 Начали все Телемаха дразнить женихи, над гостями
Дома его издаваясь, и так говорили иные:

«Друг Телемах, на отбор негодяи тебя посещают;
Прежде вот этот нечистый пожаловал в дом твой бродяга,
Хищник обеденных крох, ни в какую работу не годный,
Слабый, гнилой старичишка, земли бесполезное время;
380 Гость же другой помешался и начал беспутно пророчить.
Выслушай лучше наш добрый совет, Телемах многомудрый:
Дай нам твоих благородных гостей на корабль крутобокий
Бросить, к сикелам отвезть и продать за хорошие деньги».
Так говорили они; Телемах, их словам не внимавший,
385 Молча смотрел на отца, дожидаясь спокойно, чтоб подал
Знак он, когда начинать с баззаконною шайкой расправу.
В горнице ближней на креслах богатых в то время сидела
Многоразумная старца Икария дочь, Пенелопа;
390 Было ей слышно все то, что в собранье гостей говорилось.
Весел бесечно, и жив разговором, и хохотом шумен
Был их обед, для которого столько настряпали сами;
Но никогда, и нигде, и никто не готовил такого
Ужина людям, какой пригготовил с Палладюю грозный
Муж для незваных гостей, беззаконных ругателей правды.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дочь светлоокая Зевса Афина вселила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лук женихам Одиссеев и грозные стрелы принесши,
Вызвать к стрельянию в цель их и тем приготовить им гибель.
5 Вверх по ступеням высоким поспешно взошла Пенелопа;
Мягкоодутой рукою искусственно выгнутый медный
Ключ с рукоятью из кости слоновой доставши, царица
В дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Где Одиссеевы все драгоценности были хранимы:
10 Золото, медь и железная утварь чудесной работы.
Там находился и тугосгибаемый лук, и набитый
Множеством стрел бедоносных колчан. Подарен Одиссею
Этот был лук со стрелами давно в Лакедемоне гостем
Ифитом, богоподобного Еврита сыном. Они же
15 Встретились прежде друг с другом в Мессене, где нужно обоим
Дом посетить Ортилоха разумного было. В Мессене
Тяжбу с гражданами вел Одиссей. Из Итаки мессенцы
Мелкого много скота увели; с пастухами оттуда

Триста быков круторогих разбойничье судно украдо.
20 Их Одиссей там отыскивал; юноша, свежести полный,
Был он в то время; его же послали отец и геронты.
Ифит отыскивал также пропажу: коней, и двенадцать
Добрых жеребых кобыл, и могучих работников мулов.
Ифиту иск удался; но погибелью стала удача:
25 К сыну Зевесову, славному крепостью силы великой
Мужу, Гераклу, свершителю подвигов чудных, пришел он,—
В доме своем умервил им самим приглашенного гостя
Зверский Геракл, посравивши Зевесов закон и накрытый
Им гостелюбно для странника стол, за которым убийство
30 Он совершил, чтоб коней громозвучнокопытных присвоить.
Ифит, в Мессену за ними пришед, Одиссея там встретил.
Евритов лук он ему подарил; умирая, великий
Еврит тот лук злополучному сыну в наследство оставил.
Ифита острым мечом и копьем одарив длиннотенным,
35 Гостем остался ему Одиссей; но за стол пригласить свой
Друга не мог: прекратил сын Зевесов, Геракл беспощадный,
Жизнь благородному Ифиту, Еврита славного сыну,
Давшему лук Одиссею и стрелы. И не брал с собою
Их никогда Одиссей на войну в корабле чернобоком:
40 Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он
В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их.
Близко к дверям запертым кладовой подошед, Пенелопа
Стала на гладкий дубовый порог (по шнуру обтесавши
Брус, тот порог там искусно уладил строитель, дверные
45 Притолки в нем утвердил и на притолки створы навесил);
С скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей; как дико мычит выгоняемый на луг
50 Бык круторогий — так дико тяжелые створы визжали.
Взлезши на гладкую полку (на ней же ларцы с благовоной
Были одеждой), царица, поднявшись на дыпочки, руку
Снять Одиссеев с гвоздя ненатянутый лук протянула;
Бережно был он обернут блестящим чехлом; и, доставши
55 Лук, на колена свои положила его Пенелопа;
Сев с ним и вынув его из чехла, зарыдала, и долго,
Долго рыдала она; напоследок, насытившись плачем,
Медленным шагом пошла к женихам многобуйным в собранье,
Лук Одиссеев, сгибаемый туго, неся и великий
60 Тул, медноострыми быстросмертельными полный стрелами.
Следом за ней принесен был рабынями ящик с запасом

Меди, железа и с разню утварью бранной. Царица,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
65 Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки. И, слово
К буйным своим женихам обратив, Пенелопа сказала:
«Слушайте все вы, мои женихи благородные: дом наш
Вы разоряете, в нем на пиры истребляя богатство
70 Мужа, давно разлученного с милой отчизною; права
Нет вам на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать меж вами, на брак согласясь ненавистный,
супруга.

Можете сами теперь разрешить вы мой выбор. Готова
Быть я ценою победы. Смотрите, вот лук Одиссеев;
75 Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув) двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором и сонная буду крушиться».
80 С этими словами велела она свинопасу Евмею
Лук Одиссеев и стрелы подать женихам благородным.
Взрыд он заплакал, принявши его; к женихам он пошел
с ним;

Лук Одиссеев узнав, зарыдал и коровник Филлойтий.
К ним обратясь обоим, сказал Антиной, негодуя:
85 «Вы, деревенщина грубая, только одним ежедневным
Занят ваш ум! Отчего вы расплакались? Горе ль усилить
В сердце хотите своей госпожи? И без вас уж довольно
Скорбью томится она бесполезною в долгой разлуке
С мужем; сидите же тихо и ешьте; а если хотите
90 Плакать, уйдите отсюда, оставя и лук ваш, и стрелы
Нам, женихам, на решительный бой. Сомневаюсь, однако,
Я, чтоб легко натянул кто такой несказанно упорный
Лук. Много сильного мужа такого, каков Одиссей был,
Нет между нами. Его я в то время видал — и поныне
95 Помню о нем, хоть тогда и ребенком еще был неумным».
Так говоря про других, про себя уповал он, что сладит
С луком, натянет легко тетиву и все кольца прострелит.
Бедный слепец, он не думал, что первую жертвою будет
Стрел Одиссея, который им в собственном доме так дерзко
100 Был оскорблен, на которого там и других возбуждал он.
Тут к женихам обратясь, им сказал Телемах богоравный:
«Горе! Конечно, мой разум привел в беспорядок Кронион!

Милая мать, столь великим умом одаренная, слышу,
Здесь говорит, что с супругом другим соглашается светлый
105 Дом мой покинуть; и я, тем довольный, смеюсь, как безумец.
Час наступил; женихи, приготовьтесь к последнему делу.
В целой ахейской земле вы такой не найдете невесты —
Где б ни искали, в священном ли Пилосе, или в Аргосе,
Или в Микенах, иль в нашей Итаке, иль там, на пространстве
110 Черной земли матерой, — но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать нам свой опыт; берите
Лук Одиссеев и силу свою окажите на деле.
Я ж и себя самого испытанью хочу здесь подвергнуть.
Если удастся мне лук натянуть и стрелою все кольца
115 Метко пробить, удаление матери милой из дома
С мужем другим и мое одиночество будет сноснее
Мне, уж владеть небессильному луком отца Одиссея».
Кончив, он с плеч молодых пурпуровую мантию сбросил;
Встал и, с мечом медноострым блестящую перевязь снявши,
120 Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по шнуру уравнивав, утвердил; основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землей отоптал. Все дивились,
Как он искусно порядок, ему незнакомый, устроил.
Стал Телемах у порога дверей и, схватив Одиссеев
125 Лук, попытался на нем натянуть тетиву; и погнул он
Трижды его, но, упорствуя, трижды он вновь разогнулся.
Им овладеть, нацепив тетиву, уповав, в четвертый
Раз он готов был с удвоенной силой приняться за дело;
Но Одиссей по условью кивнул головой; отложивши
130 Труд, обратился к отцу и сказал Телемах богоравный:
«Горе мне! Видно, я слабым рожден и останусь бессильным
Вечно; я молод еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мне нанесшого злую обиду.
Ваша теперь черед, женихи, вы сильнее; пусть каждый
135 Лук Одиссеев возьмет и свершить попытается подвиг».
Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,
К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом
С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.
Сел он на стул свой потом, к женихам возвратясь беспечно.
140 Тут, обратясь к женихам, Антиной, сын Евпейтов, сказал им:
«С правой руки подходите один за другим вы, начавши
С места, откуда вино подносить на пиру начинают».
Так Антиной предложил, и одобрили все предложенье.
Первый, поднявшийся с места, пошел Леодей, сын Ейнопов,
145 Жертвогадатель их был он и подле кратеры на самом

Крае стола за обедом садился. Их буйство противно
Было ему; и нередко он их порицал, негодуя.

Первый он должен был взяться за лук роковой, наблюдая
Очередь. Став у порога дверей, он схватил Одиссеев

150 Лук; но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий
Слабые руки его онемели. Он с горем воскликнул:

«Нет! Не по силам мне лук Одиссеев; другой попытайся
Крепость его одолеть; но у многих мужей знаменитых

155 Душу и жизнь он возьмет. И, конечно, желаннее встретить
Смерть, чем живому скорбеть о утрате того, что так сильно

Нас привлекало вседневно сюда чародейством надежды.

Все мы теперь уповаем, во всех нас пылает желанье

Брак заключить с Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лук испытал Одиссеев и силу над ним утомивши,

160 С горем в душе принужден за другую ахейскую деву

Свататься будет, подарки свои расточая; она же

Выберет доброю волей того, кто щедрей и приятней».

Так говоря, ненатянутый лук опустил он на землю,

К гладкой дверной половинке его прислонивши; но рядом

165 С ним и стрелу перьяную он к ручке замочной приставил.

Сел он на стул свой потом, к женихам возвратяся беспечно.

Гневно к нему обратившись, сказал Антиной, сын Евпейтов:

«Странное слово из уст у тебя, Леодей, излетело,

Слово печальное, страшное; слышать его мне противно.

170 Душу и жизнь, говоришь ты, у многих людей знаменитых

Лук Одиссеев возьмет, потому, что его не способен

Ты натянуть. Но бессильным от матери был благородной

Ты, без сомненья, рожден, не могучим властителем лука;

Многие будут в числе женихов, без сомненья, способней

175 Сладить с ним». Кончил. Потом, козоведа Меланфия кликнув,

«Слушай, Меланфий,— сказал,— здесь огонь ты разложишь;

к огню же

Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;

Жирного сала потом принесешь нам укруг, чтоб могли мы

Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий

180 Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может».

Так он сказал. И Меланфий, огонь разложив превеликий,

Близко поставил скамейку, покрытую мягкой овчиной;

Сала принес напоследок укруг; и, раставявши сало,

Начали мазать им лук женихи; но из них некоторый

185 Лука не мог и немного погнуть — несказанно был туг он;

Взяться за опыты тогда в свой черед Антиной с Евримахом

Были должны, меж другими отличные мужеской силой.

В это мгновение, разом поднявшись, из дома вместе
Вышли Евмей свинопас и коровник Филойтий; за ними
190 Следуя, залу покинул и царь Одиссей; он, широкий
Двор перейдя, за ворота двустворные вышел. Позвавши
Там их обоих, он ласково-сладкую речь обратил к ним:
«Верные слуги, Евмей и Филойтий, могу ль вам открыться?
Или мне лучше смолчать? Но меня говорить побуждает
195 Сердце. Ответствуйте: что бы вы сделали, если б внезапно,
Демоном вдруг приведенный каким, Одиссей, господин ваш,
Здесь вам явился? К нему ль, к женихам ли тогда б вы
пристали?»

Прямо скажите мне все, что велит вам рассудок и сердце».
Кончил. Ему отвечал простодушный коровник Филойтий:
200 «Царь наш Зевес, о, когда бы на наши молитвы ты отдал
Нам Одиссея! Да благостный демон его к нам проводит!
Сам ты увидишь тогда, что и я не остануся празден».
Тут и Евмей, свинопас благородный, богов призывая,
Стал их молить, чтоб они возвратили домою Одиссея.
205 В верности сердца и в доброй их воле вполне убедясь,
Так им обоим сказал наконец Одиссей богоравный:
«Знайте же, я Одиссей, претерпевший столь много напастей,
В землю отцов приведенный по воле богов через двадцать
Лет. Но я вижу, что здесь из рабов моего возвращения
210 Только вы двое желаете; я не слыхал, чтоб другой кто
Здесь помолился богам о свидании скором со мною.
Слушайте ж, вам расскажу обо всем, что случиться должно
здесь:

Если мне Дий истребить женихов многобуйных поможет,
Вам я обоим найду по невесте, приданое каждой
215 Дам и построю вам дома вблизи моего, и, как братья,
Будете жить вы со мною и с сыном моим Телемахом.
Вам же и признак могу показать, по которому ясно
Вы убедитесь, что я Одиссей: вот рубец, вам знакомый;
Вепрем, вы помните, был я поранен, когда с сыновьями
220 Автоликона охотой себя забавлял на Парнасе».
Так говоря, он колено открыл, распахнувши трипицы
Рубища. Те ж, рассмотревши прилежно рубец, им
знакомый,

Начали плакать; и, крепко обняв своего господина,
Голову, плечи, и руки, и ноги его целовали.
225 Головы их со слезами и он целовал, и за плачем
Их бы могло там застать захождение солнца, когда бы
Им не сказал Одиссей, успокоившись первый: «Отрите

Слезы, чтоб, из дому вышедши, кто не застал вас, так

горько

Плачущих: тем преждевременно тайна откроется наша.

230 Должно, чтоб снова — один за другим, а не вместе — вошли мы
В залу, я первый, вы после. И ждите, чтоб мной был вам

подан

Знак. Женихи многобуйные, думаю я, не позволят

В руки мне взять там мой лук и колчан мой, набитый

стрелами;

Ты же, Евмей, не дождавшись приказа, и лук и колчан мне

235 Сам принеси. И потом ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум или стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь.

240 Ты же, Филойтий, возьми ворота на свое попеченье.

Крепко запри их на ключ и ремнем затяни их задвижку».

Так говорил Одиссей им. Он, в двери столовой вступивши,

Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке.

После явились один за другим свинопас и Филойтий.

215 Лук Одиссеев держал Евримах и его над пылавшим

Жарко огнем поворачивал, грея. Не мог он, однако,

Крепость его победить. Застонало могучее сердце;

Голос возвысив, кипящий досадой, он громко воскликнул:

«Горе мне! Я за себя и за вас, сокрушенный, стыжуся:

250 Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься,—

Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем объятай, и в разных других областях кефалленских.

Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем

в сравненье —

Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах

255 Лука его,— то стыдом нас покроет и в позднем потомстве».

Но Антиноя, сын Евпейтов, воскликнул, ему возражая:

«Нет, Евримах благородный, того не случится, и в этом

Сам ты уверен. Народ Аполлонов великий сего дня

Празднует праздник: в такой день натягивать лук неприлично;

260 Спрячем же лук; а жердей выносить нам не нужно отсюда.

Пусть остаются; украсть их, конечно, никто из живущих

В доме царя Одиссея рабов и рабынь не помыслит.

Нам же опять благовонным вином пусть наполнит глашатай

Кубки, а лук Одиссеев запрем, совершив возлиянье.

265 Завтра поутру пускай козовод, наш разумный Меланфий,

Коз приведет нам отборных, чтоб здесь принести Аполлону,

Лука сгибателю, бедра их в жертву. Согнуть он поможет
Лук Одиссеев; и силы над ним не истратим напрасно».
Так предложил Антиной, и одобрили все предложение.
270 Тут для умывтия рук им глашатаи подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком,
В чапах его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкусным питьем насладились они, сотворив возлиянье.
Хитрость замыслив, тогда им сказал Одиссей многоумный:
275 «Слух ваш ко мне, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать мог вам все то, что велит мне рассудок и сердце.
Вот вам — тебе, Евримах, и тебе, Антиной богоравный,
Столь рассудительно дело решившие,— добрый совет мой:
Лук отложите, на волю бессмертных предав остальное;
280 Завтра решит Аполлон, кто из вас победителем будет;
Мне же отведать позвольте чудесного лука; узнать мне
Дайте, осталось ли в мышцах моих изнуренных хоть мало
Силы, меня оживлявшей в давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячим житьем уничтожен».
285 Кончил. Но просьбы его не одобрил никто. Испугался
Каждый при мысли, что с гладкоблестающим луком он сладит.
Слово к нему обративши, сказал Антиной, сын Евпейтов:
«Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль рассудка лишился?
Мало тебе, что спокойно, допущенный в общество наше,
290 Здесь ты пируешь, обедая с нами, и все разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здесь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволен!
Видно, твой ум отуманен медвяным вином; от вина же
Всякой, его неумеренно пьющий, безумеет. Был им
295 Некогда Евритион, многославный кентавр, обезумлен.
В дом Пирифоя, великою славного силой, вступивши,
Праздновал там он с лапифами; разума пьянством лишенный,
Буйствовать зверски он вдруг принялся в Пирифоевом доме.
Все раздражились лапифы; покинув трапезу, из залы
300 Силой его утащили на двор и нещадно медью
Уши и нос обрубили они у него; и рассудка
Вовсе лишенный, кентавр убежал, поношением покрытый.
Злая зажглась оттого у кентавров с лапифами распря;
Он же от пьянства там первый плачевную встретил погибель.
305 Так и с тобою случится, бродяга бессмысленный, если
Этот осмелишься лук натянуть; не молвою прославлен
Будешь ты в области нашей; на твердую землю ты будешь
К злomu Эхету царю, всех людей истребителю, сослан;
Там уж ничем не спасешься от гибели жалкой. Сиди же

310 Смирно и пей; и на старости силой не спорь с молодыми». Он замолчал. Возражая, сказала ему Пенелопа: «Нет, Антиной, непохвально б весьма и несправедно было, Если б гостей Телемаховых кто здесь лишал их участка. Или ты мыслишь, что этот старик, натянувши великий
315 Лук Одиссеев, на силу свою полагаясь, помыслит Мной завладеть и свою безрассудно мне руку предложит? Это, конечно, ему не входило и сонному в мысли; Будьте ж спокойны и доле таким опасением не мучьте Сердца — ни вздумать того, ни на деле исполнить невозможно».

320 Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Пенелопе: «О многоумная старца Икария дочь, Пенелопа, Мы не боимся, чтоб дерзость такую замыслил он,— это Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся Толков, чтоб кто не сказал меж ахейцами, низкий породой:
325 «Жалкие люди они! За жену беспорочного мужа Вздумали свататься; лука ж его натянуть не умеют. Вот посетил их наш брат побродяга, покрытый отремьем; Легкой рукой тетиву натянул и все кольца стрелю Метко пробил он». Так скажут. И будет нам стыд нестерпимый».

330 Кончил. Разумная старца Икария дочь возразила: «Нет, Евримах, на себя порицанье и стыд навлекают Люди, которые дом и богатства отсутственных грабят, Правду забывши; а тут вам стыда никакого не будет; Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,
335 Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым. Дайте же страннику лук Одиссеев — увидим, что будет. Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится верно), Если натянет он лук и его Аполлон тем прославит, Мантию дам я ему, и красивый хитон, и подошвы
340 Ноги обушь; дам копые на собак и на встречу с бродягой; Также и меч он получит, с обенх сторон заощренный, После и в сердце желанную землю его я отправлю». Ей возражая, сказал рассудительный сын Одиссеев: «Милая мать, Одиссеевым луком не может никто здесь
345 Властвовать: дать ли, не дать ли его, я один лишь на это Право имею — никто из живущих в гористой Итаке Иль на каком острове, с многоконной Элидою смежном. Если придет мне на ум, здесь никто запретить мне не может Страннику стрелы и лук подарить и унести их позволить.
350 Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства, Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны

в работе

Были; судить же о луке не женское дело, а дело
Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
355 К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порою, взяв стрелы и лук, свинопас к Одиссею
360 С ними пошел. На него всей толпой женихи закричали.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
«Стой, свинопас бестолковый! Куда ты бредешь, как безумный,
С луком? Ты будешь своим же собакам, которых вскормил
здесь
Сам, чтоб свиней сторожить, на съедение выброшен, если
365 Нам Аполлон и блаженные боги даруют победу».
Так говорили они. Свинопас, оглушенный их криком,
Лук, оробев, уж готов был поставить на прежнее место;
Но Телемах, на него погрозяся, разгневанный, крикнул:
«С луком сюда! Ты, Евмей, ошалел; уж не хочешь ли воле
370 Всех угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и стар ты, я в поле
Камнями сам провожу: молодой старика одолеет.
Если бы силой такой я один одарен был, каковую
Все совокупно имеют они, женихи Пенелопы,
В страхе тогда по своим бы домам разбежались разом
375 Все они, в доме моем беззаконий творящие много».
Так он сказал им. Они неописанный подняли хохот.
В сердце, однако, у них на него присмирела досада.
Волю его исполняя, Евмей, через залу прошедши,
Лук и колчан со стрелами вручил Одиссею; потом он,
380 Кликнув усердную няню его Евриклею, сказал ей:
«Слушай, тебе повелел Телемах, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль стенанье в столовой послышится им, не посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидела
385 Все, ни о чем не заботясь и делом своим занимаясь».
Кончил. Не мимо ушей Евриклею его пролетело
Слово. Все двери тех горниц, где жили служанки, замкнула
Тотчас она; а Филойтій, покинув украдкою залу,
Вышел на двор, обнесенный оградой, и запер ворота;
390 Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им связал он
Крепко затвор у ворот и, в столовую снова вступивши,
Сел там опять на оставленной им за минуту скамейке,
Очи вперив в Одиссея, который, в руках обращая

- 395 Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал, целы ль
Рогги и не было ль что без него в них попорчено червем.
Глядя друг на друга, так женихи меж собой рассуждали:
«Видно, знаток он и с луком привык обходиться;
быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатой им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;
400 Видите ль, как он, бродяга негодный, его разбирает?»
«Но,— отвечали другие насмешливо первым,— удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж удачу
Встретит во всем он, как здесь, с Одиссеевым сладивши
луком».
- 405 Так женихи говорили, а он, преисполненный страшных
Мыслей, великий осматривал лук. Как певец, приобькший
Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Сшитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает —
410 Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
Дрогнуло сердце в груди женихов, и в лице изменились
Все — тут ужасно Зевес загремел с вышины, подавая
Знак; и живое веселье в грудь Одиссея проникло:
415 В громе Зевесовом он предвещанье благое услышал.
Быструю взял он стрелу, на столе от него недалеко
Вольно лежавшую; прочие ж заперты в тесном колчане
Были — но скоро их шум женихам надлежало услышать.
К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
420 Сидя на месте своем, натянул и, прицелился, в кольца
Выстрелил,— быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.
Тут, обратясь к Телемаху, воскликнул стрелец богоравный:
«Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не наем посрамленья.
425 В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много
Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил
Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.
Должно, однако, покуда светло, угощенье иное
Им приготовить; и пенне с звонкою цитрой, душою
430 Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить».
Так он сказал и бровями повел. Телемах богоравный
Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копьё и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный
 Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
 Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
 На пол у ног и потом, к женихам обратясь, воскликнул:
 «Этот мне опыт, друзья женихи, удалось окончить;
 Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
 Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет».
 Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиюю.
 Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
 10 Пить из нее Антиюю уж готов был вино; беззаботно
 Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
 Не было в нем. И никто из гостей многочисленного пира
 Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
 Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере.
 15 Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
 Горло стрела; острее смертоносное вышло в затылок;
 На бок упал Антиюю; покатила по полу чаша,
 Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
 Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
 20 Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
 Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
 Подняли крик женихи, Антиюю узрев умерщвленным.
 Всею толпою со стульев вскочили они и, глазами
 Бегаючи по стенам обнаженным, искали оружия —
 25 Не было там ни щита, ни копья, заостренного медью.
 Гневными начали все упрекать Одиссея словами:
 «Выстрел твой будет бедою тебе, чужеземец; последний
 Сделал ты выстрел теперь; ты погиб неизбежно; убил ты
 Мужа, из всех, обитающих в волнообъятой Итаке,
 30 Самого знатного; будешь за то ястребами расклеван».
 Мнили они, что случайно стрелой чужеземца товарищ
 Их умерщвлен был. Безумцы! Они в слепоте не видали
 Сети, которою близкая всех их опутала гибель.
 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
 35 «А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
 Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
 Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служаков, тревожа
 Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
 Правду святую богов позабыв, не страшась ни гнева
 40 Их, ни от смертных людей за дела беззаконные мести!

В сеть неизбежной гибели все наконец вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибнев, бросил крылатое слово:
45 «Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоём и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит. Он один, злоумышлений всегдашний зачинщик,
50 Нас поджигал: не о браке одном он с твоей Пенелопой
Думал; иное, чего не позволил Кронийон, таилось
В сердце его: похищение власти царя; Телемаха,
Власти державной наследника, смерти предать замышлял он.
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
55 Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы
не ропщем».

60 мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный:
«Нет, Евримах, — и хотя бы вы с вашим сполна все богатства
Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, —
Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда
Кровню вашей обиды моей дочиста не омою.
65 Выбор теперь вам один: или со мной, защищаясь, бейтесь,
Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, —
Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».
Так говорил он; у них задрожали колена и сердца.
Тут Евримах, обратясь к женихам уstraшенным, воскликнул:
70 «Этот свирепый безжалостных рук не уймет, завладевши
Луком могучим и полным стрелами колчаном; до тех пор
Будет с порога высокого стрелы пускать он, покуда
Всех не положит нас мертвых. Друзья, не дадимся ж без боя
В руки ему; обнажите мечи и столами закройтесь
75 Против налета убийственных стрел; всей толпою наперши,
Можем мы, сбивши с порога его и из притолок двери
Вытеснив, выбежать из дома, броситься в город и в помощь
Скликать людей; расстреляет он скоро ужасные стрелы».
Так он сказав, из ножен, ободрившийся, выхватил меч свой,
80 Медный, с обеих сторон заостренный, и с криком ужасным
Прянул вперед. Но навстречу ему Одиссей богоравный
Выстрелил; грудь близ сосца проколола и, в печень вонзившись,

Крепко засела в ней злая стрела. Из руки ослабевшей
Выронил меч он, за стол уцепиться хотел и, споткнувшись,
85 Вместе упал со столом; вся еда со стола и двудонный
Кубок свалилися наземь; он об пол стучал головою,
Болью проникнутый; ноги от судорог бились; ударом
Пяток он стул опрокинул; его, наконец, потемнели
Очи. Тогда Амфином благородный, вскочив, устремился
90 В бой; уповая, что против него Одиссей не замедлит
Выйти, сошедши с порога, свой меч обнажил он; но сзади
Бросил копьё Телемах, заощренное медью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; заставивши,
Треснулся об пол лицом Амфином. Телемах же проворно
95 Прочь отскочил; он копьё не хотел из убитого вырвать,
Сердцем тревожась, чтоб, в это мгновение сбоку нападши,
Кто из ахеев его, занятого копьё исторженьем,
Острым мечом не пронзил неожиданно; свой совершивши
Смертный удар, под защиту отца поспешил он укрыться.
100 Близко к нему подбежавши, он бросил крылатое слово:
«Щит, два копьё медноострых, родитель, и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я;
Сам же надену и латы; Евмею с Филойтием верным
Также надеть их велю; безопаснее в латах нам будет».
105 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Дельно! Беги и, пока не истратил я стрел, возвратися;
Иначе буду, оставшись один, оттеснен от защитных
Притолок». Так он сказал; Телемах все исполнил поспешно:
Бросясь в ту верхнюю горницу, где находились доспехи,
110 Взял там четыре щита он, четыре с густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованных медью
Копий; и с ношей своей он к отцу возвратился немедля;
Прежде, однако, надел на себя меднолитные латы;
Медными латами также облекшись, Евмей и Филойтий
115 Стали с боков Одиссея, глубокою полного думой.
Он же, куда еще оставались пернатые стрелы,
Каждой стрелой в одного из врагов попадал, не давая
Промеха; друг подле друга валяся, они издыхали.
Но напоследок, когда истощились стрелы, великий
120 Лук Одиссей опустил, не имея в нем более нужды,
К притолке светлой его прислонил и стоять там оставил.
Четверокожным щитом облачивши плеча, на могучей
Он голове укрепил меднокованный шлем, осененный
Конским хвостом, подымавшимся страшно на гребне, и в руку
125 Взял два копьё боевых, заощренных смертельною медью.

Там недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого залы пространной порога
Тесный был этою дверью на улицу выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
130 Стать приказал перед дверью, чем всякий исход был отрезан.
Тут Агелай, к женихам обратясь, им крылатое слово
Бросил: «Друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбежать, крикнуть тревогу и нам поскорее на помощь
Вызвать людей? Уж свои растрелял он последние стрелы».
135 Кончил. Меланфий, на то возражая, сказал Агелая:
«Нет, Агелай благородный, нельзя; потаенные двери
Слишком у них на виду, да и выход так тесен, что целой
Может толпе заградить там дорогу один небессильный.
Но погодите, оружие вам я найти не замедлю;
140 Горницу знаю, в которой доспехи, из этой палаты
Взятые, кучею склал Одиссей, помогаемый сыном».
Так Агелая сказав, злоковарный Меланфий обходом
В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи.
Вынес оттуда двенадцать великих щитов он, двенадцать
145 Копий и столько же медных хвостами украшенных шлемов.
С ними назад возвратясь, женихам их поспешно он роздал.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена, когда он,
Вдруг оглянувшись, увидел их в шлемах, с щитами, трясущих
Длинными копьями; гибель ему неизбежной явлася.
150 К сыну тогда обратившись, он бросил крылатое слово:
«Верно, какая из наших рабынь, Телемах, изменивши
Нам, помогает противникам нашим, иль хитрый Меланфий?»
Робко на то отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Горе! Мое небреженье причиною всему; я виновник
155 Этой беды — заспешив, позабыл оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчик, хитрее меня, побывал там.
Слушай, мой честный Евмей, побегу ты туда и за дверью
Стань там и жди; кто придет, ты увидишь; служанка ль какая
Или Меланфий? Я сам на него подозренье имею».
160 Так говорили о многом они, беседею тайно.
Тою порой за оружием хитрый Меланфий собрался
Снова прокрасться наверх. То приметив, Евмей богоравный
На ухо так прошептал Одиссею, стоявшему близко:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
165 Вот он, предатель; его угадал я; он крадется, видишь,
Снова туда за оружием; что, государь, повелишь мне
Сделать? Убить ли крамольника, если удастся с ним сладить?
Или насильно сюда притащить, чтоб над ним наказанье

Сам совершил ты за паглое в доме твоём поведенье?»
 170 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
 «С сыном моим Телемахом я здесь женихов многобуйных
 Буду удерживать, сколь бы ни сильно их бешенство было;
 Ты ж и Филойтий предателю руки и ноги загни
 На спину; после, скрутив на спине их, его на веревке
 175 За руки вздерните вверх по столбу и вверху привяжите
 Крепким узлом к потолочине; двери ж, ушедши, замкните;
 В страшных мученьях пускай там висит ни живой он,
 ни мертвый».

То повеление царское было исполнено скоро:
 Вместе пошли свинопас и Филойтий; подкравшись, стали
 180 Справа и слева они у дверей дожидаться, чтоб вышел
 Он к ним из горницы, где женихам во второй раз доспехи
 Брал. И лишь только Меланфий ступил на порог (нес
 прекрасный

Гривистый шлем он одною рукой, а в другой находился
 Старый, широкий, подернутый плесенью щит, в молодые
 185 Давние годы герою Лаэрту служивший, теперь же
 Брошенный, вовсе худой, без ремней, с перегнившими швами),
 Кинулись оба на вора они; в волосы уцепившись,
 На пол его повалили, кричащего громко, и крепко
 Руки и ноги ему, их с великою болью загнувши
 190 На спину, сзади скрутили плетеным ремнем, как велел им
 Сын Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный.
 Вздернувши после веревкою вверх по столбу, привязали
 К твердой его потолочине; там и остался висеть он.
 С злобной насмешкой ему тут сказал свинопас богоравный:
 195 «Будь здесь покуда заботливым сторожем, честный Меланфий;
 Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
 Верно, теперь не проспишь златотронной, в тумане рожденной
 Эос в ее восхождении с вод Океана и в пору
 Коз на обед женихам многославным отборных пригонишь».

200 Кончил. И, бросив его там, висящего в страшных мученьях,
 Оба с оружием, дверь за собой затворив, удалились.
 К месту они подошли, где стоял Одиссей хитроумный.
 Яростью все там кипели. В дверях на высоком пороге
 Четверо грозно стояли; другие толпились в палате.
 205 К первым тогда подошла светлоокая дочь громовержца,
 Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина.
 Ей Одиссей, ободрившийся, бросил крылатое слово:
 «Ментор, сюда! Помогите нам; бывалое дружество вспомни;
 Много добра от меня ты имел, мой возлюбленный сверстник».

210 Так говорил он, а внутренне мыслил, что видит Афию.
 Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
 Первый сказал Агелай, сын Дамасторов: «Будь осторожен,
 Ментор, не слушай его убеждений, не думай в сраженье
 С нами вступать, подавая ему безрассудную помощь.
 215 С нами один он не сладит, свое мы возьмем; но, когда мы,
 Их пересилив обоих, отца уничтожим и сына,
 С ними тогда умертвим и тебя, ненавистного, если
 Вздумаешь здесь к ним пристать; головою заплатишь за
 дерзость;

После ж, когда уничтожит вас медь беспощадная, всё мы,
 220 Что ни имеешь ты дома или в поле, возьмем и, смешавши
 Вместе с добром Одиссеевым, между собою разделим;
 Выгоним из дому ваших детей; сыновьям, дочерям здесь
 Вашим не жить; и расстанутся ваши с Итакою жены».
 Кончил он. Дерзость его раздражила богиню Афины.

225 Гневными стала она упрекать Одиссея словами:
 «Нет уж в тебе, Одиссей, той отваги могучей, с которой
 Ты за Елену Аргивскую, дочь светлорукую Зевса,
 Девять с троянами лет так упорно сражался; в то время
 Много погибло врагов от тебя в истребительной битве;
 230 Хитрость твоя наконец и Приамов разрушила город.
 Что ж? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, с женихами
 Так нерешительно, медленно к битве теперь приступаешь?
 Друг, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, как смело
 Против врагов, на тебя нападающих здесь совокупно,
 235 Выступит Ментор Алкимид, тебе за добро благодарный».
 Кончив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
 Бодрость царя и разумного сына его Телемаха
 Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
 Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от дыма

240 Там перекладине легкою спизою ласточкой села.
 Тою порою Агелаем, Дамастора сыном отважным,
 Димоптолем, Еврином и Писандр, сын Поликторов бодрый,
 С Амфимедоном и умным Политосом яростно были
 В бой подстрекаемы (силою они отличались от прочих,
 245 Сколько еще их там было живых и спаслись уповавших
 Боем; другие же, все умерщвленные, кучей лежали).
 Так, обратясь к остальным, Агелай благородный воскликнул:
 «Этот свирепый, я думаю, скоро от боя уймется;
 Ментор покинул его, бесполезно нахвастав; один он
 250 С ними теперь на высоком пороге стоит беззащитный.
 Разом всех копий своих медноострых, друзья, не бросайте;

Бросьте сначала вы шесть; и великая будет нам слава,
Если его поразим, ненавистного, с помощью Зевса;
С прочими ж сладить нетрудно, лишь только б сломить
Одиссея».

255 Так он сказал, и, ему повинуюсь, пустили другие
Разом шесть копий; но сделала тщетным удар их Афина:
Вкось полетевши, глубоко вонзилось в притолку гладкой
Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену; когда же
260 Всех женихами в них брошенных копий они избежали,
Так, обратясь к своим, Одиссей хитроумный сказал им:
«Очередь наша теперь; приступите, товарищи, к делу,
Копья нацельте и бросьте в толпу женихов, уничтожить
Нас замышляющих, прежде столь много обид нам нанесли».

265 Так он сказал. И, прицелясь, они медноострые копья
Кинули разом; и Димптолема сразил многосильный
Сам Одиссей, Телемах — Евриада, Филойтий — Писандра,
Старый Евмей свинопас поразил Элатопа; и разом
Все повалились они, с скрежетанием стиснувши зубы.

270 Прочие, к дальней стене отбежавши толпой и поспешно
Вырвав из трупов кровавых вонзенные в недра их копья,
Снова их разом в противников, метко прицелясь, пустили;
Снова Афина могучая сделала тщетным удар их.
Вкось полетевши, глубоко вонзилось в притолку гладкой
275 Двери одно; а другое в одну из дверных половинок
Втиснулось; третье воткнулось в дощатую стену. Однако
Амфимедон Телемаха поранил, в ручную попавши
Кисть: пролетая, копьё острием оцарапало кожу.
Тронул плечо над щитом у Евмея Ктесипп длинноострой
280 Медью; копьё же, над ним прошумев, водрузилось в землю.
Стоя с боков Одиссея, ужасною полного думой,
Снова они в женихов неизбежные бросили копья.
Евридаманта сразил Одиссей, городов сокрушитель;
Амфимедон был пронзен Телемахом, Полиб — свинопасом;
285 Метко нацелив копьём медноострым, Филойтий Ктесиппу
Грудь просадил; и, удачным ударом хвалясь, он воскликнул:
«Сын Полиферсов, лихой на обидные речи, теперь ты
Дерзкий язык свой уймешь от ругательств нахальных;
предайся

В волю богов; им одним подобает и слава и сила.
290 Я же тебя отдалил здесь за ногу коровью, которой
Так благосклонно попотчевал ты Одиссея бродягу».
Так говорил кривоногой быков сторожитель Филойтий.

Тою порою умерщвлен был Дамасторов сын Одиссеем,
 Сын Леокритов, младой Евенор, был убит Телемахом:
 295 Острою медью в живот пораженный, лицом он, со всех ног
 Грянувшись, об пол ударился, жалобно охнул и умер.
 Тут с потолка наклонила над их головами Паллада
 Страшную людям эгиду: и ужас расстроил их чувства.
 Начали бегать они, ошалев, как коровы, когда их
 300 Вешней порою (в то время, как дни прибывать начинают)
 Густо осыплют на жажити слепни сердитые. Те ж их
 Били, как соколы кривокогитые с выгнутым клювом,
 С гор прилетевшие, бьют испугавшихся птиц,— и густыми
 305 Стаями с неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
 Соколы ж гонят их, ловят когтями, и нет им пощады,
 Заперт и путь для спасенья, и травлею тешатся люди;
 Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
 Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
 Крик; был разбрызган их мозг, был дымящейся кровью
их залит

310 Пол. К Одиссею тогда подбежал Леодей, и колена
 Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
 «Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
 В доме твоём ни одной из рабынь, в нём живущих, ни словом
 Я не обидел, ни в дело не ввел непристойное; сам я
 315 Многих, напротив, удерживать здесь от постыдных поступков
 Тщился — напрасно! От зла не отвел я их рук святотатных;
 Страшною участью все неизбежно постигнуты ныне.
 Я же, их жертвогадатель, ни в чём не повинный, ужели
 Лягу здесь мертвый? Такое ли добрым делам воздаянье?»

320 Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
 «Если ты подлинно жертвогадателем был между ними,
 То, без сомнения, часто в жилище моем ты молился
 Дию, чтоб мне возвратиться домой запретил, чтоб с тобою
 В дом твой моя удалилась жена и чтоб с нею детей ты
 325 Прижил,— за это теперь и людей ужасающей смерти
 Ты не избежнешь». Сказал. И, могучей рукою схвативши
 Меч, из руки Агелая в минуту его умерщвления
 Выпавший, им он молящего сильно ударил по шее;
 Крикнул он — в крике неконченом с плеч голова покати­лась.
 330 Но от губительной Керы избежал сын Терпиев, славный
 Песнями Фемий, всегда женихов на пирах веселивший
 Пенъем; с своею он цитрой в руках к потаенной прижавшись
 Двери, стоял там, колеблясь рассудком, не зная, что
выбрать,

335 Выйти ли в дверь и сидеть на дворе, обнимая великий
Зевсов алтарь, охраняющий дом, на котором так часто
Жирные бедра быков сожигал Одиссей многославный,
Или к коленям его с умоляющим броситься криком?
Дело обдумав, уверился он, что полезнее будет,
340 Став на колена, Лаэртова сына молить о пощаде.
Цитру свою положив звонкострунную бережно на пол
Между кратерой и стулом серебряногвоздным, поспешно
К сыну Лаэртову дивный певец подбежал, и колена
Обнял его, и, трепещущий, бросил крылатое слово:
345 «Ноги целую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Сам сожалеть ты и сетовать будешь, когда песнопевца,
Сладко бессмертным и смертным поющего, смерти предашь здесь;
Пению сам я себя научил; вдохновением боги
Душу согрели мою; и тебя, Одиссей, я, как бога,
350 Буду гармонией струн веселить. Не губи песнопевца.
Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просилась
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что, напротив,
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».
355 Громко отцу закричал Телемах, находившийся близко:
«Стой! Не губи неповинного яростной медью, родитель!
С ним и к Медонту глашатаю благостен будь: обо мне он
В детстве моем неуспынно имел попеченье. Но где он,
360 Честный Медонт? Не убили ль его свинопас иль Филоитий?
Или он сам, злополучный, попал под удар твой смертельный?»
Так говорил Телемах; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, под стулом лежал он, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтоб Керы избегнуть.
Выскочил он из-под стула и, сбросивши кожу коровью
365 С плеч, подбежал к Телемаху и, ноги его обхвативши,
Стал целовать их и в трепете бросил крылатое слово:
«Здесь я, душа Телемах; заступись за меня, чтоб отец твой
Грозно-могучий на мне не отмстил беспощадною медью
Злым женихам, столь давно, столь нахально его достоянье
370 Грабившим здесь и тебя самого оскорбившим безумно».
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«Будь благодарен ему; он тебя сохранил, чтоб отныне
Ведал и сам ты, и людям другим говорил в поученье,
375 Сколь здесь благие дела нам спасительней дел беззаконных;
Слушай теперь: из палаты, убийством наполненной, вышел,
Сядь на дворе у ворот с песнопевцем, властителем слова;

Я же остануся в доме и все здесь устрою, что нужно».

Так он сказал; и Медонт с песнопевцем, из горницы вышел,
 Оба вблизи алтаря, посвященного Зевсу владыке,
 380 Сели; но все озирались кругом, опасаясь убийства.
 Очи водил вокруг себя Одиссей, чтоб узнать, не остался ли
 Кто неубитый, случайно избегший могущества Керы?
 Мертвые все, он увидел, в крови и в пыли неподвижно
 Кучей лежали они на полу там, как рыбы, которых,
 385 На берег вытащив их из глубокозеленого моря
 Неводом мелкопетлистым, рыбак высыпает на землю;
 Там на песке раскаленном их, влаги соленой лишенных,
 Гелиос пламенный душит, и все до одной умирают.
 Мертвые так там один на другом неподвижно лежали.

390 К сыну сперва обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
 «Должен теперь, Телемах, ты сюда пригласить Евриклею;
 Нужное слово желаю я молвить разумной старушке».

Так говорил Одиссей. Телемах, повинуюся, отпер
 Двери, позвал Евриклею и так ей сказал: «Евриклея,
 395 Добрая няня моя, так давно за рабынями в доме
 Нашем смотрящая, все сохраняя усердно в порядке,
 Кличет отец, говорить он с тобою намерен; поди к нам».

Кончил. Не мимо ушей Евриклея его пролетело
 Слово. И, двери отперши тех горниц, где жили служанки,
 400 Вышла она; и старушку повел Телемах к Одиссею.
 Взорам ее Одиссеей посреди умерщвленных явился,
 Потом и кровью покрытый; подобился льву он, который,
 Съевши быка, подымается, сытый, и тихо из стада —
 Грива в крови и вся страшная пасть, обагренная
 кровью,—

405 В лог свой идет, наводя на людей неописанный ужас.
 Кровию так Одиссеей с головы был до ног весь обрызган.
 Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Евриклея
 Громко хотела воскликнуть, чудясь столь великому делу;
 Но Одиссеей повелев ей себя воздержать от восторга;
 410 Голос потом свой возвысив, он бросил крылатое слово:
 «Радуйся сердцем, старушка, но тихо, без всякого крика;
 Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.
 Днев их суд поразил; от своих беззаконий погнбли;
 415 Правда была им чужда, никого из людей земнородных,
 Знавший ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.
 Страшная участь их всех наконец, злополучных, постигла.
 Ты же теперь назови мне рабынь, здесь живущих, дабы я

Мог отличить развращенных от честных и верных меж ними».
Так он сказал. Еврикля старушка ему отвечала:
420 «Все я, мой сын, объявлю, ничего от тебя не скрывая;
В доме теперь пятьдесят мы имеем служанок работниц
Разного возраста; заняты все рукодельем домашним;
Дергают волну; и каждая в доме свою отправляет
425 Службу. Двенадцать из них, поведением развратных, не только
Против меня, но и против царицы невежливы были.
Сын твой в хозяйство вступил; но разумно ему Пенелопа
В дело служанок мешаться до сих пор еще запрещала.
Я же наверх побегу объявить ей великую нашу
Радость: она почивает; знать, боги ей сон ниспослали».
430 Так, возражая, сказал Одиссей хитроумный старушке:
«Нет, не буди, Еврикля, жены; прикажи, чтоб рабыни —
Те, на которых ты мне донесла,— здесь немедля явились».
Так говорил Одиссей, и поспешно пошла Еврикля
Кликнуть рабынь и велеть им идти к своему господину.
435 Он же, позвав Телемаха с Филойтием, с старым Евмеем,
Бросил крылатое слово, свою изъявляя им волю:
«Трупы теперь приберите; пускай вам помогут рабыни
Вынести их, а потом все столы, все богатые стулья
Дочиста здесь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
440 После ж, когда приберете совсем пировую палату,
Всех поведением развратных рабынь из нее уведите;
Там на дворе, меж стеною и житною круглою башней,
Смерти предайте беспутниц, мечом заколов длинноострым
Каждую; пусть, осрамивши развратом мой дом, наказанье
445 Примут они за союз непозволенный свой с женихами».
Так говорил он. Тем временем все собралися рабыни,
Жалобно воя; из глаз их катилися крупные слезы.
Начали трупы они выносить и в сенях многозвучных
Царского дома, стеной обведенного, клали их тесным
450 Рядом, один прислоняя к другому, как сам Одиссей им
Делать предписывал; дело ж не по сердцу было рабыням.
Вынеся трупы, они и столы, и богатые стулья
Дочиста все ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступом тою порой Телемах, свинопас и Филойтий
455 В зале просторной весь пол, обагренный пролитую кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистив и все приведя там в обычный порядок,
Выйти оттуда они осужденным рабыням велели,
Собрали их на дворе меж стеною и житною башней

460 Всех и в безвыходном заперли месте, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сын Одиссеев сказал им:
«Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здесь осрамившие, в доме моем с женихами слюбившись».

465 Кончив, канат корабля черноносого взял он и туго
Так натянул, укрепивши его на колоннах под сводом
Башни, что было ногой до земли им достать невозможно.
Там, как дрозды длиннокрылые или как голуби, в сети
Целою стаей — летя на ночлег свой — попавшие (в тесных

470 Петлях трепещут они, и ночлег им становится гробом),
Все на канате они голова с головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть их постигла
Скоро: немного подергав ногами, все разом утихли.
Силою вытащен после на двор козовод был Меланфий;

475 Медью нещадно вырвали ноздри, обрезали уши,
Руки и ноги отсекали ему; и потом, изрубивши
В крохи, его на съедение бросили жадным собакам.
Руки и ноги свои, обгаренные кровью, омывши,
В дом возвратились они к Одиссею. Все кончено было.

480 Тут Одиссей, обратясь к Евриклее, сказал ей: «Немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной серы;
Залу нам должно скорей окурить. Ты потом Пенелопе
Скажешь, чтоб сверху сошла и с собою рабынь приближенных
Всех привела. Позови равномерно и прочих служанок».

485 Так повелел Одиссей. Евриклея ему отвечала:
«То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливым.
Прежде, однако, тебе принесу я опрятное платье;
Этих нечистых отрешев на крепких плечах ты не должен
В доме своем многославном носить; то тебе неприлично».

490 Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
«Прежде всего мне огня для куренья подай, Евриклея».
Волю его исполняя, пошла Евриклея и скоро
С серой к нему и с огнем возвратилась; окуривать начал
Серой столовую он и широкий, стеной обнесенный

495 Двор. Евриклея, прошед через светлые дома покои,
Стала служанок собирать и немедленно всем им велела
В залу прийти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
В залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки они у него целовали.

500 Он же дал волю слезам; он рыдал от веселья и скорби,
Всех при свидании милых домашних своих узнавая.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- Сердцем ликуя и радуясь, вверх побежала старушка
Весть принести госпоже, что желанный супруг возвратился.
Были от радости тверже колена ее и проворней
Ноги. Подкравшись к спящей, старушка сказала: «Проснися,
5 Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтоб очами
Все то увидеть, о чем ты скорбела душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконец он
С нами, и всех многобуйных убил женихов, разорвавших
Дом наш и тративших наши запасы назло Телемаху».
- 10 Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Друг Евриклея, знать, боги твой ум помutilи! Их волей
Самый разумнейший может лишиться мгновенно рассудка,
Может и слабый умом приобрести несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе в здравом рассудке
15 Ты бы не стала теперь над моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня! И зачем прервала ты
Сладкий мой сон, благодатно усталые мне затворивший
Очи? Ни разу я так не спала с той поры, как супруг мой
Морем пошел к роковым, к несказанным стенам Иллиона.
20 Нет, Евриклея, поди, возвратися туда, где была ты.
Если б не ты, а другая из наших домашних служанок
С вестью такой сумасбродной пришла и меня разбудила,—
Я бы не ласковым словом, а бранью насмешницу злую
Встретила. Старости будь благодарна своей, Евриклея».
- 25 Так, возражая, старушка своей госпоже отвечала:
«Нет, не смеяться пришла, государыня, я над тобою;
Здесь Одиссей! Настоящую правду, не ложь я сказала.
Тот чужеземец, тот нищий, которым все так здесь
ругались,—
Он Одиссей; Телемах о его уж давно возвращенье
30 Знал — но разумно молчал об отце он, который, скрываясь,
Здесь женихам истребление верное в мыслях готовил».
Так отвечала старушка. С постели вскочив, Пенелопа
Радостно кинулась няне на шею в слезах несказанных.
Голос возвысив, она ей крылатое бросила слово:
35 «Если ты правду сказала, сердечный мой друг, Евриклея,
Если он подлинно в дом свой, как ты говоришь, возвратился,
Как же один он с такой женихов многочисленной шайкой

Сладил? Они всей толпою всегда собирались в доме».

Так, отвечая, разумной царице сказала старушка:

40 «Сведать о том не могла я; мне только там слышался
тяжкий

Вой убиваемых; в горнице нашей, забившись в угол,
Все мы сидели, на ключ запершись и не смея промолвить
Слова, покуда твой сын Телемах из столовой не вышел
Кликнуть меня: он за мною самим Одиссеем был послан.

45 Там Одиссеей мне явился, меж мертвыми страшно
стоящий;

Трупы их были один на другом на полу, обогренном
Кровью, набросаны; радостно было его мне увидеть.
Пóтом и кровью покрытый, он грозному льву был
подобен.

Трупы убитых теперь все лежат на дворе за дверями
Кучею. Он же, заботясь дом окурить благовонной
Серой, огонь разложил; а меня за тобою отправил.

Ждет он; пойдём; наконец вам обоим проникнет веселье
Душу, которая столько жестоких тревог претерпела:

55 Главное, долгое милого сердца желанье свершилось;
Жив он, домой невредим возвратился и дома супругу
С сыном живыми нашёл, а врагов, истребителей дома,
В доме своем истребил; и обиды загладило мщенье».

Доброй старушке разумная так Пенелопа сказала:

60 «Друг Евриклея, не радуйся слишком до времени; всем нам
Было бы счастьем великим его возвращенье в отчизну —

Мне ж особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я, однако, тому, что о нем ты сказала, не верю;
Это не он, а один из бессмертных богов, раздраженный
Их беззаконным разратом и их наказавший злодейства.

65 Правда была им чужда; никого из людей земнородных —
Знатный ли, низкий ли к ним приходил — уважать
не хотели;

Сами погибель они на себя навлекли; но супруг мой...

Нам уж его не видать; в отдаленье плачевном погиб он».

Ей Евриклея разумная так, возражая, сказала:

70 «Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.

Он, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вечно
Он не воротится; если же так ты упорна рассудком,
Верный он признак покажет: рубец на колене; свирепым
Вепрем, ты ведаешь, некогда был на охоте он ранен;

75 Ноги ему омывая, рубец я узнала; об этом
Тотчас хотела сказать и тебе; но, зажав мне рукою

Рот, он меня, осторожно-разумный, принудил к молчанью.
Время, однако, идти; головой отвечаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни беспощадно».

80 Добрая старушке разумная так Пенелопа сказала:
«Трудно тебе, Евриклея, проникнуть, хотя и великий
Ум ты имеешь, бессмертных богов сокровенные мысли.
К сыну, однако, с тобою готова идти я; увидеть
Мертвых хочу и того, кто один всю толпу истребил их».
85 С сими словами она по ступеням пошла, размышляя,
Что ей приличнее: издали ль с ним говорить иль,
приближась,

Голову, руки и плечи его целовать? Перешедши
Двери высокий порог и в палату вступив, Пенелопа
Села там против супруга, в сиянье огня, у противной
90 Светлой стены; на другом он конце у колонны, потупив
Очи, сидел, ожидая, какое разумная скажет
Слово супруга, его там своими глазами увидя.
Долго в молчанье сидела она; в ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убеждалась, что вправду
95 Он перед ней; то противное мыслила, в рубище жалком
Видя его. Телемах напоследок воскликнул с досадой:
«Милая мать, что с тобой? Ты в своем ли уме? Для

Для чего же

Так в отдаленье угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слово супругу сказать и его ни о чем не расспросишь?
100 В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцем бесчувственной
камня».

Сыну царица разумная так, отвечая, сказала:
105 «Сердце, дитя, у меня в несказанном волнении, слова
Я произнести не могу, никакой мне вопрос не приходит
В ум, и в лицо поглядеть я не смею ему; но, когда он
Подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
мы способ

Оба имеем надежный друг другу открыться: свои мы
110 Тайные, людям другим неизвестные, знаки имеем».
Кончила. Царь Одиссей, постоянный в бедах, улыбнулся;
К сыну потом обратился, он бросил крылатое слово:
«Друг, не тревожь понапрасну ты мать и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлит она убедиться
115 В истине; я же в изорванном рубище; трудно в таком ей

Виде меня Одиссеем признать и почитать, как прилично.
Нужно, однако, размыслив, решить нам: что сделать
полезней?

Если когда и один кто убит кем бывает и мало
Блиzkих друзей и родных за убитого мстить остается —
120 Всё, избегая беды, покидает отчизну убийца.
Мы ж погубили защитников града, знатнейших и лучших
Юношей в целой Итаке: об этом должны мы подумать».
Так, отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев:
125 «Все ты умнее, родитель, придумаешь сам; прославляют
Люди твою повсеместно премудрость; с тобою сравниться
Разумом, все говорят, ни один земнородный не может;
Что повелишь, то и будет исполнено; сколько найдется
Силы во мне, я неробким твоим здесь помощником буду».
130 Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Слушай же; вот что мне кажется самым удобным

и лучшим:

Все вы, омывшись, оденьтесь богато, как будто на праздник;
Так же одеться должны и рабыни домашние наши;
С звонкою цитрой в руках песнопевец божественный должен
135 Весть хоровод, управляя шумящею пляской, чтоб, слыша
Струны и пение в доме, соседи и всякий идущий
Мимо по улице думать могли, что пируют здесь свадьбу.
Должно, чтоб в городе слух не прошел о великом убийстве
Всех женихов многославных до тех пор, пока не уйдем мы
140 За город на поле наше, в наш сад плодovitый; там можем
Все на просторе устроить, на помощь призвав олимпийцев».
Кончил. Его повеление было исполнено скоро;
Чисто омывшись, оделись богато, как будто на праздник
Все; хоровод учредили рабыни; певец богоравный,
145 Цитру настроил глубокую, в них пробудил вождельенье
Сладостных песней и стройно-живой хороводные пляски.
Дом весь от топанья ног их гремел и дрожал, и окружность
Вся оглашалася пением звучным рабов и служанок;
Всякой, по улице шедший, музыку и пение слыша,
150 Думал: «Решилась свою пировать напоследок царица
Свадьбу; неверная! Мужа, избранного сердцем, дожидаться,
Дом многославный его сохраняя, она не хотела».
Так говорили они, о случившемся в доме не зная.
Тою порой, Одиссея в купальне омыв, Евринома
Тело его благовонным оливным елеем натерла.
Легкий надел он хитон и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила;

Станом возвысила, сделала тело полней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гнацинта, ему закрутила.
Так, серебро облекая сияющим золотом, мастер,
160 Девою Палладой и богом Гефестом наставленный в трудном
Деле своем, чудесами искусства людей изумляет;
Так Одиссея украсила дочь светлоокая Зевса.
Вышед из бани, лицом лучезарный, как бог, возвратился
Он в пировую палату и сел на оставленном стуле
165 Против супруги; глаза на нее устремив, он сказал ей:
«Ты, непонятная! Боги, владыки Олимпа, не женским
Нежноуступчивым сердцем, но жестким тебя одарили;
В свете жены не найдется, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
170 Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился.
Слушай же, друг Евриклея; постель приготовь одному мне;
Лягу один я — когда в ней такое железное сердце».
Но Одиссея разумная так отвечала царица:
«Ты, непонятный! Не думай, чтоб я величалась, гордилась
175 Или в чрезмерном была изумлении. Живо я помню
Образ, какой ты имел, в корабле покидая Итаку.
Если ж того он желает, ему, Евриклея, постелю
Ты приготовь; но не в спальне, построенной им; а
в другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
180 Мягких овчин, на овчинны же полость с широким
покрывом».

Так говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. С досадою он, обратясь к Пенелопе, воскликнул:
«Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
185 Что же из спальни ты вынес кровать? Человеку своею
Силою сделать того невозможно без помощи свыше;
Богу, конечно, легко передвинуть ее на другое
Место, но между людьми и сильнейший, хотя б и рычаг он
Взял, не шатнул бы ее; заключалась тайна в устройстве
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
190 Сделал ее. На дворе находилась маслина с темной
Сению, пышногустая, с большую колонну в объеме;
Маслину ту окружил я стенами из тесаных, плотно
Сложенных камней; и, свод на стенах утвердивши высокий,
Двери двустворные сбил из досок и на петли навесил;
195 После у маслины ветви обсек и поблизости к корню
Ствол отрубил топором, а отрубок у корня, отсюда
Острою медью его по спуту обтесав, основаньем

Сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья
 Выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато
 200 Золотом их, серебром и слоною костью украсив;
 Раму ж ремнями из кожи воловьей, обшив их пурпурной
 Тканью, стянул. Таковы все приметы кровати. Цела ли
 Эта кровать и на прежнем ли месте, не знаю; быть
 может,

Сняли ее, подпилив в основании масляный корень».

205 Так он сказал. У нее задрожали колена и сердце.
 Признаки все Одиссеевы ей он исчислил; заплакав
 Взрыд, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
 Мужу и, милую голову нежно целуя, сказала:
 210 «О, не сердись на меня, Одиссей! Меж людьми ты всегда был
 Самый разумный и добрый. На скорбь осудили нас боги;
 Было богам неугодно, чтоб, сладкую молодость нашу
 Вместе вкусив, мы спокойно дошли до порога веселой
 Старости. Друг, не сердись на меня и не делай упреков
 Мне, что не тотчас, при виде твоем, я к тебе приласкалась;
 215 Милое сердце мое, Одиссей, повергала в великий
 Трепет боязнь, чтоб меня не прельстил здесь какой
 иноземный;

Муж увлекательным словом: у многих коварное сердце.
 Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила б
 К лести пришельца и с ним не бежала б, любви покорясь,
 220 В Трою, когда бы предвидеть могла, что ахейне ратью
 Придут туда и ее возвратят принужденно в отчизну.
 Демон враждебный Елену вовлек в непристойный поступок;
 Собственным сердцем она не замыслила б гнусного дела,
 Страшного, всех нас в великое бедствие ввергшего дела.
 225 Ты мне подробно теперь, Одиссей, описал все приметы
 Нашей кровати — о ней же никто из живущих не знает,
 Кроме тебя, и меня, и рабыни одной приближенной,
 Дочери Актора, данной родителем мне при замужестве;
 Дверь заповеданной спальни она стерегла неусыпно.
 230 Ты же мою, Одиссей, убедил непреклонную душу).
 Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
 Плача, припал он к сердцу испытанной, верной
 супруги.

В радость, увидевши берег, приходят пловцы, на обломке
 Судна, разбитого в море грозой Посейдона, носяся
 235 В шуме бунтующих волн, воздымаемых силою бури;
 Мало из мутносоленой лучины на твердую землю
 Их, утомленных, изъеденных острою влагой, выходит;

Радостно землю объемят они, избежав потопленья.
Так веселилась она, возвращенным любуясь супругом,
240 Рук белонежных от шеи его оторвать не имея
Силы. В слезах бы могла их заставить златотронная Эос,
Если б о том не подумала дочь светлоокая Зевса:
Ночь на пределах небес удержала Афина; Деннице ж
Златопрестольной из вод океана коней легконогих,
245 С нею летающих, Лампа и брата его Фаэтона
(Их в колесницу свою заложив), выводит запретила.
Так благонаравной супруге сказал Одиссей хитроумный:
«О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим;
Много еще впереди предложит мне трудов несказанных,
250 Много я подвигов тяжких еще совершить предназначен.
Так мне пророка Тиресия тенью предсказано было
Некогда в области темной Анда, куда нисходил я
Сведать, настанет ли мне и спутникам день возвращенья.
Время, однако, идти, Пенелопа, на ложе, чтоб, в сладкий
255 Сон погрузившись, свои успокоит усталые члены».
Умная так отвечала на то Одиссею царица:
«Ложе, возлюбленный, будет готово, когда пожелает
Сердце твое: ты по воле богов благодетельных снова
В светлом жилище своем и в возлюбленном крае
отчизны;
260 Если же всё наконец по желанью исполнили боги,
Друг, расскажи мне о новых тебе предстоящих напастях;
Слышать и после могла б я о них; но мне лучше немедля
Сведать о том, что грозит впереди». Одиссей отвечал ей:
«Ты, неотступная! Странно твое для меня нетерпенье.
265 Если, однако, желаешь, я все расскажу; но не будет
Радостно то, что услышишь; и мне самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тиресий сказал мне: «Покинув
Царский свой дом и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
270 Моря не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще на водах кораблей быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих, как мощные крылья,
Их по морям. От меня же узнай несомнительный признак;
Если дорогой ты путника встретишь и путник тот спросит:
275 «Что за *лопату* несешь на блестящем плече, иноземец?» —
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие. Мощному там Посейдону принеси
В жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
В дом возвратись и великую дома сверши гекатомбу

280 Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам,
Всем по порядку. И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходя, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и
народным
Счастьем богатый». Вот то, что в Аиде сказал мне
Тиресий».

285 Выслушав, умная так Пенелопа ему отвечала:
«Если достигнуть до старости нам позволяют благие
Боги, то есть упование, что наши беды прекратятся».
Так говорили о многом они, беседуя сладко.
290 Тою порою Евринома с кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить из многих постилок; когда же
Было совсем приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомаясь, пошла Еврикля;
Факел пылающий в руки взяла Евринома и в спальню
Их повела, осторожно света перед ними; с весельем
295 В спальню вступили они; Евринома ушла; а супруги
Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.
Скоро потом Телемах, свинопас и Филойтий, окончить
Пляску велев, отослали служанок и сами по темным
Горницам, всех отпустив, разошлись, там легли и заснули.
300 Тою порою, утехой любви удовольствовав душу,
Нежно-веселый вели разговор Одиссей с Пенелопой.
Все рассказала она о жестоких, испытанных ею
Дома обидях: как грабили дом женихи беспощадно,
Сколько быков круторогих, и коз, и овец, и свиней там
305 Съедено ими, и сколько кувшинов вина дорогого
Выпито. Выслушав, все о себе в свой черед рассказал он:
Сколько напастей другим приключил и какие печали
Сам испытал. И внимала с весельем она, и до тех пор
Сон не сходил к ней на вежды, покуда не кончилась повесть.
310 Он рассказал: как вначале ограбил киконев; как прибыл
К людям, которые лотосом сладким себя насыщают;
Что потерпел от циклопа и как за товарищей, зверски
Сожранных им, отомстил и от гибели спасся плачевной;
Как посетил гостелюбца Эола, который радушно
315 Принял его, одарил и отправил домой; как в отчизну
Злая судьба возвратиться ему не дала; как обратно
В море его, вопиющего жалобно, буря умчала;
Как принесен был он к берегу лихих лестригонов: они же
Разом его корабли и спутников меднообутых
320 Всех истребили; а он с остальным кораблем чернобоким

Спасся. Потом рассказал он о хитрых волшебствах Цирцеи;
Также о том, как в туманную область Аида, в котором
Душу Тиресия велено было спросить, быстроходным
325 Был приведен кораблем, там умерших товарищей тени
Встретил и матери милой отшедшую душу увидел;
Как он подслушал сирен сладострастно-убийственный голос;
Как меж плавающих утесов, Харибдой и Скиллой, которых
Смертный еще ни один не избежал, прошел невредимо;
330 Как святотатно товарищи съели быков Гелиоса;
Как в наказание за то был корабль их губительным громом
Зевса разрушен и всех злополучных спутников бездна
Вдруг поглотила, а он, избежав истребительной Керы,
К берегу Оигии острова был принесен, где Калипсо
335 Нимфа его приняла и, желая, чтоб был ей супругом,
В гроте глубоком его угощала и даже хотела
Дать напоследок ему и бессмертье, и вечную младость,
Верного сердца, однако, его обольстить не успела;
Как принесен был он бурей на остров людей феакийских,
340 С честью великой его, как бессмертного бога, принявших;
Как, наконец, в корабле их он прибыл домой, получивши
Множество меди, и злата, и риз драгоценных в подарок.
Это последнее он рассказал уж в дремоте, и скоро
Сон прилетел, чарователь тревог, успокоитель сладкий.
345 Добрая мысль родилась тут в уме светлоокой Паллады:
В сердце своем убедившись, что сном безмятежным

на ложе

Подле супруги довольно уже Одиссей наслаждался,
Выйти из вод Океана велела она златотронной
Эос, чтоб светом людей озарить; Одиссей пробудился.
350 С мягкого ложа поднявшись, сказал он разумной супруге:
«Много с тобой, Пенелопа, доныне мы бед претерпели
Оба: ты здесь обо мне, ожидаемом тщетно, крушилась;
Я осужден был Зевесом отцом и другими богами
Странствовать, надолго с милой отчизной моей разлученный.
355 Ныне опять мы на сладостном ложе покоимся вместе.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всеми богатствами в доме,
Я же потщусь истребленное буйными здесь женихами
Все возратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадут, и уплатится весь мой убыток.
360 Надобно прежде, однако, наш сад плодovitый и поле
Мне посетить, чтоб увидеть отца, сокрушенного горем.
Ты ж без меня осматрительна будь, Пенелопа. С восходом
Солнца по городу быстро раздастся молва о убийстве,

Мной совершенном, о гибели всех женихов многобуйных.
Ты удалися с рабынями вместе наверх и сиди там
365 Смирно, ни с кем не входя в разговор, никому не являйся».
Кончив, на плечи свои он накинул прекрасную броню,
Сына с Филойтием, с верным Евмеем позвал и велел им
Также Ареево в руки оружие взять и облечься
В брони; то было исполнено; крепкою медью покрывшись,
370 Вышли они, Одиссеей впереди, из ворот. Восходила
В тихом сиянии Эос. Афина их, мглой окруженных,
Вывела тайно по улицам людного города в поле.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой (по желанью его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных),
5 Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недре глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая,—
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
10 Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;
Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
Мимо ворот Гелисовых, мимо пределов, где боги
Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
Луг, где воздушными стаями души усопших летают.
15 Первая им повстречалась тень Ахиллеса Пелида;
С ним был Патрокл, Антилох беспорочный и сын Теламонов,
Бодрый Аякс, красотою и мужеством бранным и силой,
После Пелеева сына, ахеян других затмевавший.
Легкой толпою они окружили их. Тихо и грустно
20 Тень Агамемнона, сына Атреева, тут подошла к ним;
Следом за ней подошли и все тени товарищей, падших
В доме Эгиста с Атридом, с ним вместе постигнутых роком.
Слово душа Ахиллеса к душе Агамемнона прежде
Всех обратила: «Атрид, нам казалось, что Зевс громолюбец
25 Боле к тебе, чем к героям другим, благосклонствовал: им ты
Был над владыками сильными первовластителем сделан
В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы.

Но и тебе повстречать на земле предназначено было
Страшную Мойру, которой никто не избег из рожденных.
30 О, для чего, окруженный величием, властью и славой,
Ты не погиб меж товарищей бранных у стен Илиона!
Холм бы над прахом твоим был насыпан ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы в наследство оставил;
Ныне ж плачевною смертью по воле судьбины погиб ты».

35 Тень Агамемнона тени Пелидовой так отвечала:
«Сын Пелеев, избранник богов, ты завидно был счастлив;
Пал далеко от Аргоса в троянской земле ты, но пало
Много тобой умерщвленных троян вокруг тебя, и за труп твой
40 Бились ахейцы славнейшие; ты же под вихрями пыли,
Тихий, огромный и страшный, лежал там, забыв колесничный
Бой; и день целый мы бились все за тебя, и конца бы
Не было битве, когда бы Зевес не развел нас грозую.
Вынесши тело из боя твое, к кораблям возвратились
С ним мы; его положивши на одр и водою омывши,
45 Маслом натерли прекрасную голову; много рыдало
Вкруг бездыханного трупа ахейя, свои от печали
Волосы рвавших. И с нимфами моря из бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ее несказанный
По морю крик: трепетание страха проникло ахейя;
50 Все всколебались, и все б к кораблям убежали глубоким,
Если бы их не успел удержать многознающий старец
Нестор, всегда подававший советы разумные; полный
Мыслей благих, обратися к товарищам, так им сказал он:
«Стойте, ахейцы! Куда вы бежите, аргивяне? Что вас
55 Так испугало? То с нимфами моря из бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертвого сына увидеть».
Так он сказал; ободрились ахейские мужи. И труп твой
Нимфы прекрасные, дочери старца морей, окружили
С плачем и светло-божественной ризой его облачили;
60 Музы — все девять — сменяясь, голосом сладостным пели
Гимн похоронный; никто из аргивян с сухими глазами
Слушать не мог сладкопения Муз, врачевательниц сердца;
Целых семнадцать там дней и ночей над тобой проливали
Горькие слезы бессмертные боги и смертные люди;
65 Но на осьмнадцатый день был огню ты торжественно
предан;

Мелкого много скота и быков криворогих убили
В почесть твою; и в божественной ризе, помазанный сладким
Медом и мазью душистою, был ты сожжен; и ахейцы,
В медь облачась, у костра, на котором сгорал ты, кипели,

70 Конные, пешие, в быстрых блестя колесницах; великий
Говор и шум был; когда же Гефестово пламя пожрало
Труп твой, с восходом Денницы мы собрали белые кости,
Чистым вином их омыли, умастили мазью; златую
75 Урну дала сокрушенная мать; Дионис ей, сказала,
Ту подарил драгоценную урну, создание Гефеста.
Ныне хранятся в ней кости твои, Ахиллес лучезарный,
Вместе с костями Патрокла, погибшего прежде во брани,
Но далеко от костей Антилоха, который тобою,
После Патрокловой смерти, всех боле ахейн любим был.
80 Холм погребальный великий над вашими урнами был тут
Ратью святой копыеносных аргивян у светло-широких
Вод Геллеспонта на бреге, вперед выходящем, насыпан;
Будет далеко он на море видим пловцам мореходным
Наших времен и грядущего времени всем поколеньям.
85 Мать же твоя принесла тут дары, у богов испрося их;
Были ценою победы на играх они для ахейн.
Часто бывал, Ахиллес, ты свидетелем игр похоронных,
В честь многославных, похищенных смертью, царей и героев;
Зрел ты, как юноши, алча венца, снаряжались к бою, —
90 Здесь же тебя привело б изумление в трепет при виде
Чудных даров, среброногой Фетидой в награду победы
Нам от богов принесенных: ты был их избранный любимец.
Так и по смерти ты именов жив, Ахиллес, и навеки
Слава твоя сохранится во всех на земле поколеньях.
95 Мне ж послужило ль к чему окончание славное брани?
Страшное Зевс приготовил мне в землю отцов возвращенье:
Смерть от Эгиста предательством гнусным жены развращенной». —
Так говорили о многом они в откровенной беседе.
Тут им явился, увидели, Эрмий аргусоубийца,
100 Души в Аид женихов, Одиссеем убитых, ведущий.
Оба они, изумясь, приблизились к теням; в густом их
Сонме душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славного сына, узнала.
Житель Итаки, он гостем издавна Атриду считался;
105 Амфимедонову душу душа Агамемнона грустным
Словом спросила: «Что сделалось с вами? Зачем вас так много,
Юных, прекрасных, в подземную область приходит? Никто бы
Лучших не выбрал, когда б надлежало меж первыми в граде
Выбрать. В пучине ли вас погубил Посейдон с кораблями,
110 Бурю пригнав и великие волны воздвигнув? На суше ль
Враг многосильный сразил вас внезапно, захваченных в поле,
Где вы ловили его криворогих быков и баранов,

Или во граде, где жен похищали и грабили дома
Дерзкой толпою? Ответствуй; мне гостем считался ты в жизни.
115 Помнишь ли время, когда твой отеческий дом посетил я,
Вызвать спеша Одиссея, чтоб с братом моим Менелаем
Шел в кораблях разрушать Иллиона могучие стены?
Целый мы плавали месяц по темно-широкому морю
Прежде, чем был убежден Одиссеей, городов сокрушитель».
120 Амфимедопова тень отвечала Атридовой тени:
«Сын Атреев, владыка людей, государь Агамемнон,
Памяти все мне, о чем говоришь ты, питомец Зевесов.
Если же ведать желаешь, тебе расскажу я подробно,
Как мы погибли, какую нам смерть приготовили боги.
125 Спорили все мы друг с другом о браке с женой Одиссея;
В брак не желая вступить и от брака спастись не имея
Средства, нам гибель и смерть замышляла в душе Пенелопа.
Слушай, какую она вероломно придумала хитрость.
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
130 Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи, — поелику на свете
Нет Одиссея, — отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
135 Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен
без покрова».

Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
140 Факел зажегши, сама все, натканное днем, распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведенный четвертый
Год совершился, промчались месяцы, дни пролетели, —
Все нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
145 Сами тогда ж мы застали ее за распущенной тканью;
Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Но лишь, окончив свой труд принужденный, она напоследок
Ткань, как луна пль как солнце блестящую, нам показала,
Демон враждебный внезапно привел Одиссея в Итаку;
150 В дом он сначала пришел к свинопасу Евмею; туда же
Был приведен и подобный богам Телемах, совершивший
Свой от песчаного Пилоса путь в корабле чернобоком.
Оба они, там замыслив ужасную нашу гибель,

155 В город вошли многославный; сперва Телемах, Одиссеев
Сын; а за ним паоследок и сам Одиссей хитроумный;
Он приведен был Евмеем, одетый в убогое платье,
В образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь
Посохом, рубище в жалких лохмотьях набросав на плечи.
160 Нам же (и самым разумным из нас) не входило ни разу
В мысли, чтоб это был сам Одиссей, возвратившийся тайно
В дом свой: в него мы швыряли; его поносили словами;
Долгое время он в собственном доме с великим терпением
Молча сносил и швырянье, и наши обидные речи.
165 Но, ободренный эгидоносителем, грозным Зевесом,
Он с Телемахом вдвоем все доспехи прекрасные собрал,
В дальний покой перенес их и там запертыми оставил;
После коварным советом своим побудил Пенелопу,
Страшные стрелы и лук Одиссеев тугой нам принесши,
170 Вызвать нас, бедных, к стрелянью и к верной гибели нашей.
Мы же (и самый сильнейший из нас) не могли непокорный
Лук натянуть тетивою: на то неостало в нас силы;
Но когда поднесен Одиссею был лук свинопасом,
Всею толпой на него закричали мы, лук Одиссеев
В руки давать запрещаая бродяге, хотя и просил он.
175 Нам вопреки Телемах богоравный на то согласился.
Взявши могучий свой лук, Одиссей, в испытаниях твердый,
Вмиг натянул тетиву, и сквозь кольца стрела пролетела.
Прянув тогда на порог, из колчана он высыпал стрелы,
180 Страшно кругом озираясь. И был Антиной им застрелен
Первый; и бешено стал посылать он стрелу за стрелою;
Не было промаха; падали все умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавал из бессмертных.
Бросаясь на нашу толпу, он по всей разогнал нас палате.
185 Страшное тут началось убийство, раздался великий
Крик; был разбрызган наш мозг, и дымился затопленный
кровью

Пол. Так плачевно погибли мы все, Агамемнон. Еще там
Наши лежат погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не ведал еще ни один из родных и из ближних;
Наши кровавые раны еще не омыты, еще нас
190 Пламень не сжег, и никто не оплакал, и почести нет нам». Амфимедоновой тени Атридова тень отвечала:
«Счастливы ты, друг, многохитростный муж, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбрал себе ты супругу;
Розно с тобою себя непорочно вела Пенелопа,

Руки его, объявить о своем возвращенье в Итаку?
Или вопросами выведать все от него понемногу?
Дело обдумав, уверился он напоследок, что лучше
240 Опыту старца притворно-обидною речью подвергнуть.
Так рассудив, подошел Одиссей богоравный к Лаэрту.
Голову он наклонял, деревцо подчищая мотыгой.
Близко к нему подступивши, сказал Одиссей лучезарный:
«Старец, ты, вижу, искусен и опытен в деле садовом;
245 Сад твой в великом порядке; о каждом равно ты печешься
Дереве; смоквы, оливы, и груши, и сочные грозды
Лоз виноградных, и гряды цветочные — все здесь в приборе.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старец, что сам о себе ты заботишься плохо; угрюма
250 Старость твоя, ты нечист, ты одет неопрятно; уж, верно,
Твой господин до тебя так недобр не за леность к работе.
Сам же ты образом вовсе не сходен с рабом подчиненным;
Царское что-то и в виде и стане твоём нахожу я;
255 Боле подобен ты старцу, который, омывшись, насытись,
Спит на роскошной постели, как всякому старцу прилично.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Кто господин твой? За чьим плодоносным ты садом здесь
смотришь?»
Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Виравду ль на остров Итаку я прибыл, как это сказал мне
260 Кто-то из здешних, меня на дороге сюда повстречавший?
Был он, однако, весьма неприветлив; со мной разговора
Весть не хотел и мне не дал ответа, когда я о госте,
Некогда принятом мною, его расспросить попытался:
Жив ли и здесь ли еще иль уж в область Анда сошел он?
265 Ведать ты должен, и выслушай то, что скажу я: давно уж
Мне угощать у себя посетившего дом мой случилось
Странника; много до тех пор гостей из далеких, из ближних
Стран пришло ко мне; но такой между ими разумный
Мне не встречался; он назвал себя уроженцем Итаки,
270 Аркеснада Лаэрта, молвою хвалимого, сыном.
Принял я в доме своем Одиссея; и мной угощен был
Он с дружелюбною роскошью — много запасов имел я
В доме; и много подарков мой гость получил на прощанье:
Золота дал я отличной доброты семь полных талантов;
275 Дал сребролитную чашу, венчанную чудно цветами,
С нею двенадцать покровов, двенадцать широких вседневных
Мантий и к верхним двенадцати ризам двенадцать хитонов;
Кроме того, подарил четырех рукодельных невольниц:

Были они молодые, красивые; сам он их выбрал».

280 Круную старец слезу уронив, отвечал Одиссею:
«Странник, ты подлинно прибыл в тот край, о котором желаешь
Сведать; но им уж давно завладели недобрые люди.
Ты понапрасну с таким гостелюбьем истратил подарки;
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
285 Встретил, тебя отдарил бы он так же богато, принявши
В дом свой: таков уж обычай, чтоб гости друг друга дарили.
Но отвечай мне теперь, ничего от меня не скрывая:
Сколько с тех пор миновалось лет, как в своем угощал ты
Доме несчастного странника? Странник же этот был сын мой,
290 Сын Одиссей — злополучный! Быть может, далеко от милой
Родины, рыбами съеден он в бездне морской иль на суше
Птицам пустынным, зверям плотоядным достался в добычу;
Матерью не был он, не был отцом погребен и оплакан;
Не был и дорогокупленной, верной женой Пенелопой
295 С плачем и криком на одр положен; и она не закрыла
Милых очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? Где корабль, на котором ты прибыл в Итаку?
300 Где ты покинул товарищей? Или чужим, как попутчик,
К нам привезен кораблем и, тебя здесь оставя, отплыл он?»
Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Если ты знать любопытствуешь, все расскажу по порядку:
Я родился в Алибанте; живу там в богатых палатах;
305 Полипсимонид Афейд, той страны обладатель, отец мой;
Имя дано мне Еперит. Сюда неприязненный демон
Против желанья меня, от Сиканши плывшего, бросил;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым.
Должен, однако, ты ведать, что с тех пор уж пять совершилось
310 Лет, как, мое посетивши отечество, сын твой пустился
В море. Ему ж при отплытии счастливый путь предсказали
Птицы, взлетевшие справа; я весело с ним разлучился;
Весело поплыл и он; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, друг другу подарками радуя сердце».
315 Так говорил Одиссей; и печаль отуманила образ
Старца; и, прахом наполнивши горсти, свою он седую
Голову всю им, вздохнув со стенаньем глубоким, осыпал.
Сердце у сына в груди повернулось, и, спершись, дыханье
Кинулось в ноздри его, — он сражен был родителя скорбью.
320 Бросясь к нему, он, его обхватя и целуя, воскликнул:
«Здесь я, отец! Я твой сын, Одиссей, столь желанный тобою,

Волей богов возвратившийся в землю отцов через
двадцать

Лет; воздержись от стенаний, оставь сокрушение и слезы.

325 Слушай, однако: мгновенья нам тратить не должно, понеже
В доме моем истребил я уж всех женихов многобуйных,
Мстя им за все беззакония их и за наши обиды».

Кончил. Лаэрт изумленный ответствовал так Одиссею:

«Если ты подлинно сын Одиссей, возвратившийся в дом свой,—
Верный мне знак покажи, чтоб мое уничтожить сомнение».

330 Старцу Лаэрту ответствовал так Одиссей хитроумный:

«Прежде тебе укажу я на этот рубец; мне поранил
Ногу, ты помнишь, клыком разъяренный кабан на Парнасе;
Был же туда я тобою и милою матерью послан

335 К Автоликону, отцу благородному матери, много
(Нас посетив) посулившему дать мне богатых подарков.

Если ж желаешь, могу я тебе перечесть и деревья
В саде, которые ты подарил мне, когда я однажды,
Бывши малюткою, здесь за тобою бежал по дорожке.

340 Сам ты, деревья дая, поименно мне каждое назвал:
Дал мне тринадцать ты груш оцветившихся, десять отборных
Яблонь и сорок смоковниц; притом пятьдесят виноградных
Лоз общал, приносящих весь год многосочные грозды:

Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный,
Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса».

345 Так он сказал. Задрожали колена и сердце у старца;

Все сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакав,
Милого сына он обнял, потом обеспамятел; в руки
Принял его, всех лишенного сил, Одиссей богоравный;

350 Но напоследок, когда возвратились и память и силы,
Голос возвысив и взор устремивши на сына, сказал он:

«Слава Зевесу отцу! Существуют еще на Олимпе
Мстящие боги, когда беззаконники вправду погибли.

Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется в граде

355 Скоромятеж, и сюда соберется народ, и с ужасной
Вестью гонцы разошлются по всем городам кефаллепским».

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:

«Будь беззаботен; не этим теперь ты тревожиться должен.

Лучше пойдем мы в твой дом, находящийся близко отсюда;

360 Я уж туда Телемаха с Филойтнем, с старым Евмеем
Прямо послал, им велев приготовить обед нам обильный».

С этими словами к красному дому направили путь свой
Сын и отец; и, когда напоследок вступили в красивый

Дом, Телемах там с Филойтнем, с старым Евмеем, состряпав

Пищу, уж резали мясо и в кубки вино разливали.
365 Тою порою, Лаэрта в купальне омывши, рабыня
Старцево тело его благовонным слеем натерла,
Чистой мантией плечи его облекла; а Афина,
Тайно к нему подошедши, его возвеличила ростом,
Сделала телом полней и лицу придала моложавость.
370 Вышел из бани он светел. Отца подходящего видя,
Сын веселился его красотою божественно-чистой.
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
«О родитель! Конечно, один из богов олимпийских
Так озарил красотою твой образ, так выпрямил стан твой!»
375 Кротко на то Одиссею Лаэрт отвечал многославный:
«Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
Был я таков, как в то время, когда с кефалленскою ратью
Нерикон град на утесе земли матерой ниспровергнул,
Если бы в доме вчера я таким пред тобою явился,
380 Броню надел на плеча и, тебе помогая, ударил
Вместе с тобой на толпу женихов — сокрушил бы колена
Многим из них я; и ты бы, любуясь отцом, веселился».
Так говорили они, беседуя сладко друг с другом.
Стряпанье кончив, обильный обед приготовив и севши
385 Вместе за стол надлежащим порядком на креслах и стульях,
Весело подняли руки они к приготовленной пище.
Скоро с работы пришел и старик Доллион с сыновьями;
Звать их за стол к ним навстречу рабыня спикельская вышла.
390 (Всех сыновей воспитала она, а за старым отцом их,
Слабым от лет, с неусыпным усердием в доме пеклася.)
В двери столовой вступивши, при виде нежданного гостя,
Все изумились они и стояли, не трогаясь с места.
Ласково к ним обратясь, сказал Одиссей хитроумный:
«Что же ты медлишь? Садися за стол к нам, старик; удивленья
395 Ваше оставив, обедайте с нами; давно уж сидим мы
Здесь за столом, дожидаясь, чтоб вы возвратились с работы».
Так он сказал. Доллион, подбежав к своему господину,
Руки его целовать с несказанною радостью начал;
Взор на него устремивши, он бросил крылатое слово:
400 «Здесь наконец ты, наш милый, желанный! Увидеть нам дали
Боги тебя — а у нас уж в душе и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будут с тобою!
Нам же теперь объяви, чтоб могли мы всю истину ведать,
Дал ли уже ты разумной супруге своей Пенелопе
405 Знать о своем возвращенье? Иль вестника должно послать
к ней?»

Кончил. Ему отвечая, сказал Одиссей хитроумный:
«Сказано все ей, старик; не заботься об этом напрасно».
Так отвечал Одиссей. Долнон поместился на гладком
Стуле. Его сыновья, своему поклонясь господину,
410 С словом приветливым руку пожали ему и обедать
Сели с другими за стол близ отца своего Долнона.
Так пировали они в многославном жилище Лаэрта.
Осса тем временем с вестью ходила по улицам града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;
415 Все взволновались жители града; великой толпою
С ропотом, с воплем сбегался народ к Одиссееву дому;
Вывесли мертвых оттуда; одних схоронили; других же
В дома семейные их по иным городам разослали,
Трупы развезть поручив рыбакам на судах быстроходных.
420 На площадь стали потом все печально собираться; когда же
На площадь все собрались и собрание сделалось полным,
Первое слово к народу Евпейт обратил благородный;
В сердце о сыне своем, Антиное прекрасном, который,
Первый застреленный, первую жертвою был Одиссея,
425 Он сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
«Граждане милые, страшное зло Одиссей нам, ахейцам,
Всем приключил. Благороднейших некогда в Троию увлекши
Вслед за собой, корабли и спутников всех погубил он;
Ныне ж, домой возвратясь, умертвил кефалленян знатнейших.
430 Братья, молю вас — пока из Итаки не скрылся он в Пилос
Или не спасся в Элиду, священную землю эпеян, —
Выйти со мной на губителя; иначе стыд нас покроет;
Мы о себе и потомству оставим поносную память,
Если за ближних своих, за родных сыновей их убийцам
435 Здесь не отмстим. Для меня же, скажу, уж тогда нестерпима
Будет и жизнь; и за ними, погибшими, в землю сойду я.
Нет, не допустим, граждане, их праведной кары избегнуть!»
Так говорил он, печальный, и всех состраданье проникло.
Фемий тогда и глашатай Медонт, в Одиссеевом доме
440 Ночь ту проводивше, вставши от сна, пред народным собраньем
Оба явились; при виде их каждый пришел в изумленье.
Умные мысли имея, Медонт им сказал: «Приглашаю
Выслушать слово мое вас, граждане Итаки; не против
Воли Зевесовой так поступил Одиссей благородный;
445 Видел я сам, как один из бессмертных богов олимпийских
Там появился внезапно, облекшийся в Менторов образ;
Он, всемогущий, то, стоя пред ним, возбуждал в Одиссее

Бодрость, то, против толпы женихов обращаясь, гонял их,
Трепетных, из угла в угол, и все друг на друга валились».
450 Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; грядущее он, как минувшее, ведал;
С мыслью благой обратясь к согражданам, так им сказал он:
455 «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась беда роковая;
Мне вы и Ментору мудрому не дали веры, когда мы
Вовремя вас убеждали унять сыновей безрассудных,
Много себе непозволенных дел позволявших, губивших
Дом Одиссеев и злые обиды нанесших супруге
460 Мужа, который, мечтали, сюда не вернется вечно.
Вот вам теперь мой совет; моему покоритесь слову:
Мирно оставайтесь здесь, чтоб беды на себя не накликать
Злейшей». Сказал; половина большая собранья с свирепым
Воплем вскопчила; покойно на месте остались другие.
465 Те ж, негодую на речь Алиферсову, вслед за Евпейтом
Бросились шумно-ненстовым сонмом готовиться к бою.
Все, облачившись в крепкие медноблестящие брони,
За город вышли и там собрался великой толпою.
Их предводитель Евпейт, обезумленный горем великим,
470 Мнил, что за сына отмстит; но ему не назначено было
В дом свой опять возвратиться; его стерегла уж судьбина.
Тут светлоокая Зевса Крониона дочь обратила
Слово к отцу и сказала: «Кронион, верховный владыка,
Мне отвечай, вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
475 Злую ль гражданскую брань и свирепо-кровавую сечу
Здесь воспалить? Иль противникам миром велеть сочтаться?»
Ей возражая, отвечивал тут собиратель Кронион:
«Странно мне, милая дочь, что меня ты о том вопрошаешь;
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
480 Всех их, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сделать теперь, то и сделай. Мои же тебе я открою
Мысли: отмстил женихам Одиссей богоравный — имел он
Право на то; и царем он останется; клятвой великой
Мир утвердится; а горькую смерть сыновей их и братьев
485 В жертву забвенню мы предадим; и любовь совокунит
Прежняя всех; и с покоем обилие здесь водворится».
Кончив, велел он идти нетерпением горевшей Афине.
Бурно в Итаку с вершины Олимпа шагнула богиня.
Те же, насытятся вдоволь, обед свой окончили. Голос
490 Свой Одиссей тут возвысил и бросил крылатое слово:

«Должно, чтоб кто-нибудь вышел теперь посмотреть:
не идут ли?»

Так он сказал, и один из младых сыновей Долиона
В двери пошел; но с порога дверей, подходящих увидя,
Громко воскликнул и быстрое слово Лаэрту сыну
495 Бросил: «Идут! Поспешите! Оружие в руки! Их много!»
Все побежали немедля и в крепкие брони оделись;
Был Одиссей сам-четверт; Долионовы стали с ним рядом
Шесть сыновей. И Лаэрт с Долионом оружие также
500 Взяли— седые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Все совокупно, облекаясь в медноблестящие брони,
Вышли они, Одиссей впереди, из дверей. К Одиссею
Тут подошла светлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная с Ментором видом и речью, богиня Афина;
Радостью был он проникнут, ее пред собою увидя.
505 К сыну потом обратясь, он бросил крылатое слово:
«Друг Телемах, наступила пора и тебе отличиться
Там, где, сражаясь, великою честью себя покрывает
Страху не знающий муж. Окажися достойным породы
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
510 Кротко отцу отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Сам ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрых отцов, за дела прославляемых всею землею».
Так он сказал. Их услышав, Лаэрт вдохновенно воскликнул:
515 «Добрые боги, какой вы мне день даровали! О, радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом о храбрости
спорят!»

Дочь многосильная Зевса, к нему подошедши, сказала:
«Бодрый Аркесиев сын, из товарищей всех мне милейший,
В помощь призвавши Зевеса отца и Афины Палладу,
520 Выдь на врага и копье длиннотенное брось наудачу».
Слово ее пробудило отважность великую в старце;
Он, помоляся владыке Зевесу и грозной Палладе,
Вышел вперед и копье длиннотенное бросил, не целясь.
В медноланистый Евпейтов шолом он попал, и, защиту
525 Меди пробивши, расколотый череп копье просадило;
Грянулся навзничь Евпейт, и на нем загремели доспехи.
Тут на передних удара сам-друг, Одиссей с Телемахом
Начали быстро разить их мечом и копьем; и погибли
Все бы они и домой ни один не пришел бы обратно,
530 Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель слеша отвратить от народа:
«Стойте! Уймитесь от бедственной битвы, граждане Итаки!»

Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!»
Так возопила Афина; все схвачены трепетом бледным
Были они и, оружие в страхе из рук уронивши,
535 Пали на землю, сраженные криком богини громовым;
В бегство потом обратясь, устремились, спасаясь, в город.
Громко тогда завопив, Одиссей, непреклонный в напастях,
Кинулся бурно преследовать их, как орел поднебесный.
Но громовую стрелю Крониона вдруг раздвоилось
540 Небо, и ярко она пред Афиной ударила в землю.
Дочь светлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи от пролития крови, иль будет
В гнев приведен потрясающий небо громами Кронион».
545 Так говорила богиня. Он радостно ей покорился.
Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой принявша Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада.

ПРИМЕЧАНИЯ

История письменного текста гомеровских поэм насчитывает две с половиною тысячи лет. По свидетельству ряда античных авторов, «Илиада» и «Одиссея» были впервые записаны особой комиссией, созданной афинским тираном Писистратом (годы его правления — 560—527 гг. до н. э.). В античности обе поэмы пользовались чрезвычайно широким распространением. Они были предметом научного изучения выдающихся филологов древнего мира, создавших в III веке до н. э. критически исправленные издания гомеровского текста (так называемые «диортосы» — Зенодота, разделившего каждую из поэм на двадцать четыре песни, Аристарха, Аристофана Византийского). Они же служили в начальных школах первым пособием, по которому обучали грамоте. Уже в III веке до н. э. первый римский поэт Ливий Андроник перевел латинскими стихами «Одиссею» (это самый ранний известный нам художественный перевод в европейской литературе).

В Византии интерес к Гомеру сохраняется и в средние века. Через Византию и южных славян мифы троянского цикла (в изложении позднеантичных и византийских авторов) стали известны и в Древней Руси.

В средневековой Европе Гомера знали только по цитатам и ссылкам у латинских писателей и Аристотеля; поэтическую славу Гомера полностью затмила слава Вергилия. Лишь в конце XIV и в первой половине XV века, когда с началом Возрождения в Венеции, во Флоренции, в Риме появились первые византийские учителя греческого языка, итальянские гуманисты познакомились с Гомером ближе. В XV веке многие переводили Гомера на латинский язык, среди прочих — и знаменитый гуманист и писатель Анжело Полициано. В 1488 году во Флоренции выходит первое печатное издание Гомера на греческом языке. В XVI веке отдельные части гомеровских поэм неоднократно переводились и на итальянский язык. Однако лишь в 1723 году появился первый полный перевод «Илиады», сделанный

поэтом Антонио Мария Сальвини. Классическими в Италии стали переводы знаменитого поэта Винченцо Монти («Илиада», 1810) и его друга, также известного поэта, Ипполито Пиндемонте («Одиссея», полностью опубликована в 1822 г.).

В эпоху Возрождения интерес к Гомеру распространяется по всей Европе. Во Франции первый поэтический перевод «Илиады» начал аббат Гюг Салель, который успел перевести одиннадцать песен; эту работу завершил и издал Амадис Жамэн (1580); к изданию был приложен и перевод первых двух песен «Одиссеи», выполненный Жаком Пелетье. Однако до середины XIX века наибольшим распространением во Франции пользовались прозаические переводы Гомера госпожи Дасье и главным образом перевод М. Битобе, выдержавший множество переизданий (первое издание «Илиады» — 1764 г., «Одиссея» — 1785 г.). Среди позднейших стихотворных переводов одним из самых совершенных является перевод Шарля Леконт де Лиля («Илиада» — 1867 г., «Одиссея» — 1868 г.).

В Англии с 1599 по 1615 год частями печатался перевод гомеровских поэм, сделанный драматургом Джорджем Чапменом и отличавшийся высокими художественными достоинствами. Однако спустя сто лет Чапмена затмил Александр Поп, опубликовавший в 1715—1720 годах свой перевод «Илиады», а в 1720—1725 годах — перевод «Одиссеи». Перевод этот остается в Англии классическим.

В Германии первой была переведена на немецкий язык «Одиссея»: ее прозаическое переложение было выпущено в 1537 году «городским историографом города Мюнхена» Симоном Шайденрайссером. Перевод «Илиады» в стихах опубликовал в 1610 году (вместе со своим переводом «Энеиды») Иоганн Шпренген. Однако широкого распространения эти переводы не получили и не переиздавались. Долгое время им предпочитали латинские переводы: в 1540 году известный гуманист Эобан Гесс издал стихотворный перевод «Илиады»; перевод «Одиссеи» был в 1549 году издан Симоном Лемниусом. Лишь в середине XVIII века, в связи с новой оценкой античного искусства у И.-И. Вилкельмана, интерес к поэмам Гомера вырос настолько, что их немецкие переводы, стихотворные и прозаические, стали появляться один за другим. Так, знаменитый поэт Г.-А. Бюргер перевел ямбами отрывки из «Илиады» (1771). В 1781 году появился перевод «Одиссеи» гекзаметрами, выполненный Иоганном Генрихом Фоссом; в 1793 году Фосс выпустил перевод «Илиады» вместе с переработанным переводом «Одиссеи». Перевод этот стал в Германии классическим и до сих пор является одним из совершеннейших переводов Гомера на новые языки.

В России первые попытки перевода гомеровских поэм относятся к середине XVIII века. Два отрывка из «Илиады» (VIII, 1—15 и IX, 225—261) привел в качестве образцов в своей «Риторике» М. В. Ломоносов

(1748); его перевод сделан шестистопным ямбом — так называемым «александрийским стихом». В 1776—1778 годах выходит полный прозаический перевод «Илиады», сделанный коллежским секретарем Петром Екимовым. В 1788 году появляется анонимный прозаический перевод «Одиссеи»; авторство его до сих пор вызывает разногласия среди ученых. Наконец, в 1787 году выходят первые шесть песен «Илиады», переведенные Ермилом Костровым. Перевод его, выполненный по всем правилам поэтики классицизма, александрийским стихом с парной рифмой, произвел огромное впечатление на современников, однако остался незавершенным (песни VII, VIII и часть песни IX были опубликованы уже после смерти Кострова, в 1811 г.). Перевод Кострова высоко ценился еще долгие годы: Н. И. Гнедич начал свой перевод как продолжение работы Кострова — с песни VII, александрийским стихом. Лишь в 1813 году Н. И. Гнедич публикует первый отрывок из «Илиады», переведенный гекзаметром. Однако за период, прошедший между появлением перевода Кострова и началом публикации перевода Гнедича, можно указать еще несколько переложений из Гомера: в 1796 году Н. М. Карамзин печатает стихотворение «Прощание Гектора с Андромахой», имеющее подзаголовок «перевод»; в 1808 году А. Ф. Мерзляков публикует отрывок из «Одиссеи» — «Улисс у Алькиноя» (перевод его сделан пяти- и шестистопными амфибрахиями, напоминающими по звучанию дактилический гекзаметр); в журналах появляется ряд анонимных переводов различных отрывков из «Илиады».

Гнедич работал над своим переводом «Илиады» более двадцати лет. В 1829 году он опубликовал его отдельной книгой. Сделанный с греческого оригинала, основанный на глубоком изучении научной литературы о Гомере, перевод Гнедича являет собой образцовое сочетание филологической точности с высокой поэзией и остается непревзойденным в русской литературе.

Первый полный стихотворный перевод «Одиссеи» на русский язык появился лишь спустя двадцать лет после перевода «Илиады», в 1849 году. Это был перевод В. А. Жуковского, над которым поэт работал с 1842 года. Еще раньше — в 1829 году — Жуковский напечатал несколько отрывков из «Илиады», переведенных с немецких переводов И.-Г. Фосса и Хр. Штольберга. Перевод «Одиссеи» В. А. Жуковский, не знавший греческого языка, также выполнил по немецкому подстрочнику, сделанному для него дюссельдорфским ученым Грасгофом. Перевод Жуковского лишен филологической точности, в нем есть и ошибки; «архаизация» достигается введением многочисленных понятий из древнерусского быта, совершенно чуждых гомеровскому миру. И все же поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников.

В 1896 году выпел полный стихотворный перевод «Илиады», выполненный П. Минским; гладкий и удобочитаемый, этот перевод все же уступает в силе и монументальности переводу Н. И. Гнедича. В советское время поэмы Гомера перевел В. В. Вересаев (обе они изданы посмертно: «Илиада» — в 1949 г., «Одиссея» — в 1953 г.). В своих переводах, приближенных к современному языку, В. В. Вересаев широко использовал те строки из переводов Гнедича и Жуковского, которые казались ему удачными. Таким образом, считать его перевод самостоятельным нельзя. В 1949 году перевод «Одиссеи», выполненный П. Шуйским, вышел в издательстве Свердловского государственного университета имени А. М. Горького.

В настоящем издании перевод Н. И. Гнедича печатается по изданию: «Илиада». Перевод Н. И. Гнедича, Гослитиздат, Москва, 1960. Перевод В. А. Жуковского печатается по изданию: «Одиссея». Перевод В. А. Жуковского, Гослитиздат, Москва, 1959.

ИЛИАДА

Песнь первая

Стих 1. *Богиня* — здесь: Муза.

Стих 7. *Атрид* — сын Атрея, Агамемнон.

Стихи 14—15. *...на жезле золотом, Аполлонов красный венец...*— Жезл — принадлежность жреца; венец — повязка из шерстяной ленты, надевавшаяся на голову статуи Аполлона. Хрис взял ее как знак мольбы.

Стих 19. *Град Приамов* — Троя.

Стих 22. *...изъявили согласие криком всеобщим...*— В народном собрании гомеровской эпохи еще не знали голосования и выражали свое согласие или несогласие криками.

Стих 42. *...отомсти аргивянам стрелами твоими.*— Внезапную смерть греки объясняли тем, что бог Аполлон или его сестра Артемиды убивают людей своими стрелами. (Аполлон — мужчии, Артемиды — женщин.)

Стих 50. *Меск* — мул или лошак, помесь лошади и осла.

Стих 52. *Частые трупов костры...*— В гомеровскую эпоху сожжение трупов было основной формой погребения.

Стих 65. *Жертва столельчая* — то есть жертва в сто тельцов (быков) — буквальный перевод греческого слова «гекатомба». Значение стиха: бог гневен за обещанную, но не принесенную жертву.

Стих 66. *Благовонный тук.*— Жир (тук) жертвенного животного вместе с некоторыми частями туши сжигался в честь бога на алтаре.

Стих 152. *Укротители коней.*— Это выражение обозначает «сильный, могучий».

Стих 159. *Псообразный* — значит «бесстыдный»; пес считался символом бесстыдства.

Стих 164. *Если троянский... ахейцы град разгромяют.*— В первые годы Троянской войны ахейское войско разгромило и разграбило все близлежащие города, союзные с Троей.

Стих 225. *С сердцем елены.*— Елень — олень, считавшийся у греков воплощением трусости.

Стих 234. *Скипетром сим я клянуся...*— Говоря, Ахиллес держит в руках скипетр, который как знак власти вручался в народном собрании каждому, кто брал слово.

Стих 262. *...подобных мужей... я и видеть не буду.*— По гомеровскому представлению, каждое новое поколение героев слабее предыдущего.

Стих 268. *Лютые чада гор* — кентавры, полулюди-полукони. На свадьбе у Пирифоя пьяные кентавры стали нападать на женщин; из-за этого началось сражение с кентаврами.

Стих 305. *Разрушили сон* — распустили собрание.

Стих 334. *Глашатаи, вестники бога.*— Глашатай и вестник находились под особым покровительством богов и были неприкосновенны.

Стих 352. *Матерь* — мать Ахиллеса, морская богиня Фетида, дочь «морского старца» Нерея (см. стих 358).

Стих 366. *Фивы, град Этионосов.*— Имеются в виду не египетские Фивы и не Фивы в Беотии, а город в Малой Азии.

Стих 408. *Пергамляне* — троянцы.

Стих 458. *Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы.*— Гомер описывает порядок жертвоприношения: ячменной мукой и солью посыпали головы жертв.

Стих 467. *Пир учредили.*— По представлениям греков, жертвоприношение — совместная трапеза бога и жертвующих.

Стих 486. *И, высоко, на песке, подкатавши огромные бревна.*— Это делалось для того, чтобы не подгнивало дно судна.

Стих 500. *...быстро обнявши колена.*— Прикосновение к коленям и к подбородку — жест, выражающий мольбу.

Стих 568. *Волоокая Гера богиня* — то есть Гера с глазами коровы. Этот эпитет возник еще в глубокой древности, когда Геру почитали в виде коровы. Почитание богов в виде животных имело место не только в Древнем Египте, но и у греков задолго до Гомера. Так, например, супруг Геры Зевс почитался в виде быка на Крите, где археологи открыли стенную роспись, изображающую ритуальные атлетические игры с быком. Не случайно в известном мифе Зевс, для того чтобы похитить и умчаты на Крит царевну Европу, принимает образ быка.

Стих 584. *Кубок двудонный* — кубок, имеющий под дном ножку с подставкой, как наши бокалы.

Песнь вторая

Стих 153. *Рвы очищают* — рвы, по которым вытаскивались на берег и спускались в море корабли.

Стих 212. *Терсит.* — Это имя происходит от слов: «дерзость», «наглость».

Стих 262. *Хлена* — верхнее платье греков, теплый плащ, которым окутывались поверх хитона — короткой рубашки без рукавов.

Стих 341. *Вин возлиянья и рук сочеганья...* — Принся клятву верности, греки совершали богам возлияния (жертва вином: немного вина проливали на землю) и соединяли руки.

Стих 363. *Пусть помогает колено колену и племени племю.* — Совет Нестора отражает существовавшую в эпоху родового строя, еще до Гомера, организацию войска по фратриям (объединениям родов, у Гнедича — «колена») и по родам.

Стих 383. *...коней напитай подъяремных...* — В гомеровскую эпоху греки не знали кавалерии: вожди сражались в колесницах, запряженных парой коней (поэтому кони «подъяремные»), рядовые воины — в пешем строю.

Стих 400. *...своему от богов вечносущих...* — У каждого племени был свой бог-покровитель.

Стих 416. *Прежде, чем Гектора лат на груди у него не расторгну* — то есть пока не убью Гектора и не сниму с него доспехи.

Стих 614. *...они небрегли о делах мореходных.* — Аркадия находится внутри Пелопоннеса и не имеет выходов к морю.

Стих 653. *Тлиподем Гераклид* — то есть Тлиподем, сын Геракла, величайшего героя греческой мифологии, отличавшегося огромным ростом и силой. В этом отношении и сравнивается с ним Тлиподем.

Стих 755. *Стикс* — река подземного царства; ее водой клянутся боги, поэтому у Гомера и говорится: «воды заклинаний».

Стих 782. *Тифей*, или Тифон — мифическое чудовище, порожденное Землей против Зевса, олицетворение подземного огня. Зевс победил его своими молниями, низверг в глубины земли и сверху навалил горы. Когда Тифей хочет подняться из-под земли, содрогающейся от его страшных усилий, бьет пламя. Тогда Зевс снова мечет в Тифея молнии.

Стих 867. *Наречие варварское* — негреческий язык. Варварами греки называли всех негреков.

Песнь третья

Стих 6. *Пигмеи* — мифическое племя карликов, жившее на крайнем юге у Океана. С ними ежегодно ведут войну журавли, улетающие на юг.

Стихи 10—11. *...туман... вору способнейший ночи* — туман, более помогающий вору, чем ночь.

Стихи 16—18. *Александр* — «поражающий мужей», прозвище Париса. *С кожей парди на раме* — со шкурой барса на плече. *Медножало копьё* — копьё с медным наконечником («жалом»).

Стих 57. *Каменной ризой одет* — побит камнями.

Стих 78. *Спнул фаланги* — задержал колонны троянцев.

Стих 104. *Пожрем* — принесем в жертву (от глагола «пожрети» — того же корня, что и слово «жрец»).

Стих 109. *Присуций* — присутствующий.

Стих 130. *Нимфа* — здесь: «молодая женщина».

Стих 180. *...если б он был им* — если бы он оставался им и теперь.

Стих 333. *Брата Ликаона славный доспех, и ему соразмерный.* — Лучник Парис выходит в бой без тяжелого вооружения, одетый лишь барсовой шкурой; поэтому он берет панцирь у брата, и этот панцирь приходится ему впору («ему соразмерный»).

Песнь четвертая

Стих 8. *Тритогекия Алалкомена* — Афина; смысл ее культового имени Тритогекия неясен; Алалкомена значит «отражающая врагов, защитница».

Стих 67. *...разрушивши клятву.* — Нарушив клятву, троянцы тем самым обрекают свой город на гибель в наказание за вероломство.

Стих 133. *Запон* — военный пояс с обшитым медными пластинками передником; этот передник вместе с панцирем образует двойной слой брони.

Стих 137. *Навязь* — матерчатый широкий пояс, обшитый медными пластинками.

Стих 171. *Многожаждущий Аргос* — область в Пелопоннесе, бедная водой.

Стих 240. *...на печальную битву косящих* — медлящих идти в битву.

Стих 260. *...чашу вина растворяют.* — Греки всегда пили вино, разбавленное водой.

Стих 334. *Башня* — «род построения войск». (*Прим. Гнедича.*)

Стих 391. *Кадмейцы* — фиванцы (Кадмеей назывался акрополь Фив).

Стих 447. *Сразилися кожи* — столкнулись кожаные щиты.

Песнь пятая

Стих 48. *Обнажили* — сняли доспехи, почетнейшую часть добычи победителя.

Стихи 62—63. *...суда... бедствий начало* — суда, на которых Парис плыл в Спарту, чтобы похитить Елену.

Стих 102. *Бодатели коней*.— Погоня лошадей, греки не стегали их кнутом, а кололи заостренной палкой («бодали»).

Стих 151. *Сорвал корысти* — снял доспехи с убитых.

Стих 392. *Сын Амфитриона* — Геракл.

Стих 476. *Скимн* — молодой лев, львенок.

Стих 504. *...до медных небес...*— По гомеровским представлениям, небо — металлическое (медное или железное) полушарие.

Стих 517. *Сребролукий* — Аполлон.

Стих 535. *Сыны Дарданида* — сыновья Приама, потомка Дардана.

Стих 631. *Сын знаменитый и внук воздымателя облаков Зевса*.— Сарпедон — сын Зевса; Тлиподем, сын Геракла,— внук Зевса.

Стихи 640—642. *Он, приплывши сюда, чтоб взыскать с Лаомедона коней... град Илион разгромил...*— Царь Трои Лаомедон, отец Приама, отказался уплатить богам Посейдону и Аполлону за постройку стен вокруг города, и разгневанный Посейдон наслал на Трою чудовище, в жертву которому нужно было принести дочь Лаомедона Гесиону. Геракл вызвался спасти девушку, но потребовал в уплату за это знаменитых коней Троса (деда Лаомедона). Когда герой убил чудовище и пришел за обещанной наградой, Лаомедон прогнал его с пустыми руками. Через несколько лет Геракл вернулся, взял Трою и убил Лаомедона и всех его сыновей, кроме младшего, которого выкупила Гесиона. С тех пор младший сын Лаомедона стал зваться Приамом, что значит «купленный».

Стих 693. *...под буком прекрасным метателя молнии Зевса*.— У Гомера речь идет не о буке, а о дубе, который считался священным деревом Зевса.

Стих 845. *Шлем Аида* — «шапка-невидимка» в греческой мифологии; она считается принадлежащей Аиду (само имя этого бога значит «невидимый»).

Стих 898. *...преисподнее всех Уранидов* — то есть глубже в преисподней, чем Ураниды. Ураниды — титаны, дети Урана-неба и Геи-земли, восставшие против Зевса в защиту своего брата Крона. Зевс победил титанов и заключил их в Тартаре, в мрачных глубинах земли.

Песнь шестая

Стих 9. *Шелом коневласый* — шлем, украшенный гривой из конского волоса.

Стих 88. *В замок градской* — в акрополь, крепость, находившуюся посреди города; у нас такая крепость носила название «кремль».

Стихи 168—169. *...злосоветные знаки, много на дилице складной начертав их...*— В этом месте мы видим единственное у Гомера упоминание

ние о способе письма. До конца античности греки и римляне пользовались в быту для письма складными дощечками, намазанными воском, по которому острой палочкой, называвшейся «стилем», выцарапывались буквы.

Стих 200. *Став напоследок и сам небожителем всем ненавистен.*— Беллерофонт, чтобы убить Химеру, поймал и обуздал крылатого коня Пегаса; затем с помощью Пегаса герой захотел взлететь на Олимп, но конь сбросил его, и Беллерофонт, ненавидимый богами, долго скитался по земле, потеряв зрение и охромев.

Стих 215. *Ты гость мне отеческий* — то есть человек, связанный со мной узами взаимного гостеприимства (проксенней). Приняв чужеземца у себя в доме, угостив его и дав ему подарки, человек сам становится «гостем» своего гостя и мог рассчитывать встретить с его стороны у него на родине такой же прием. Проксенния играла очень важную роль в древнейшую эпоху, когда иноземцы не пользовались на чужбине никакой правовой защитой. Отношения проксеннии передавались по наследству: проксенния Диомеда и Главка восходит к предкам обоих героев.

Стихи 402—403. *Гектор его называл Скамандрием; граждане Трои — Астианаксом...*— Гектор называет сына в честь бога реки Скамандра, но троянцы зовут мальчика в честь отца Астианаксом, так как это значит «вождь города».

Стих 419. *Ульм* — вяз, платан.

Песнь седьмая

Стих 220. *Щит семикожный* — щит, составленный из семи слоев кожи.

Стих 221. *Тихий* — не определение, а имя мастера, сделавшего щит; означает оно «удачливый». *Усмарь* — кожевник, шорник.

Песнь восьмая

Стихи 15—16. *...Таргар, столько далекий от ада, как светлое небо от дола.*— Таргар лежит в глубинах земли настолько ниже царства Ада, насколько земля ниже неба.

Стих 247. *...орла... между вещей вернейшую птицу.*— Гадание по птицам было одним из самых распространенных в древности. Орел назван вернейшей среди вещей птиц потому, что он считался священной птицей Зевса; его появление возвещает Агамемнону, что его молитва услышана.

Стих 289. *Первому после меня тебе вручу я награду.*— Агамемнон как верховный вождь имеет право выбрать любую часть добычи до ее общего раздела по жребью.

Стих 325. *Ключ* — ключица.

Стих 363. *Сына его* — Геракла.

Стих 368. *Пса увести из Эреба...*— Геракл по повелению Эврисфел привел из царства Аида трехглавого пса Цербера.

Песнь девятая

Стих 49. *...с богом пришли мы* — пришли при благоприятных знамениях, посланных богами.

Стихи 190—191. *Менетиад* — Патрокл, сын Менетия; *Эакид* — Ахиллес, внук Эака; Патрокл ждет, пока Ахиллес окончит свой куплет, чтобы подхватить песню.

Стих 238. *Крепкий на Зевса* — полагающийся на помощь Зевса.

Стихи 310—311. *...перестали... скучать мне* — не докучали.

Стих 390. *...искусством работ... Афине подобна.*— Афина считалась покровительницей женских рукоделий и сама была искусной ткачихой.

Стихи 455—456. *Век на колена свои да не примет он милого сына, мной порожденного...*— Отец молит богов, чтобы Феникс остался бездетным. По обычаю, дед принимал новорожденного внука на колени, тем самым признавая его принадлежность к роду.

Стихи 559—560. *...на... Феба поднял он лук за супругу свою...*— Когда Марписса была невестою Ида, в нее влюбился Аполлон и попытался ее похитить; Ид, защищая невесту, вступил в борьбу с богом, но Зевс прекратил их распрю, предоставив самой Марписсе сделать выбор между ними. Она предпочла смертного мужа.

Стих 562. *Алкиона* — чайка. Греки верили, что в случае гибели самца самка чайки не ест, не пьет и все время жалобно стонет, пока не умрет.

Песнь десятая

Стих 5. *Супруг лепокудрыя Геры* — Зевс.

Стих 110. *Аякс быстрый* — Аякс, сын Ойлея. Сын Филея — Мегес.

Стих 112. *Подобный богу Аякс* — Аякс, сын Теламона.

Стихи 173—174. *...на мечном острии распростерга или погибель... или спасение...*— Пословица древних греков: «Будущая судьба колеблется, как на острие меча».

Стихи 252—253. *...более двух уже долей ночь совершила...*— Греки разделяли ночь на три части и время определяли по звездам.

Стих 309. *Так ли ахейн суда, как и прежде, опасно стрегомы...*— сторожат ли ахейцы суда так же бдительно, с опаской.

Песнь одиннадцатая

Стих 24. *Воронь черная* — сплав меди и железа, который, как показывают раскопки, изготовлялся в гомеровскую эпоху на Кипре.

Стих 62. *Звезда вредоносная* — Сириус; ее появление над горизонтом, которое за девятьсот — восемьсот лет до нашей эры приходилось на середину лета, знаменовало начало самого жаркого времени года и связанных с ним засухи и малярии.

Стих 227. *...славой ахейн увлекся...*— был привлечен под Трою молвой о прибытии туда ахейцев.

Стих 413. *...меж себя заключаая их гибель* — окружая Одиссея, который несет им всем гибель.

Стих 639. *Прамнейское вино* — густое красное вино с виноградников горы Прамны.

Стих 689. *Нас угнетала постигшая Пилос Гераклова сила.*— Геракл очистил конюшни и скотные дворы царя Авгия, но не получил от него обещанной платы. В отместку герой разорил войной Авгия и всех его союзников, в том числе и Нелея, у которого он убил всех сыновей, кроме Нестора.

Песнь двенадцатая

Стих 27. *Земледержец* — Посейдон.

Стихи 239—240. *Вправо ли птицы несутся... или налево...*— При гадании по птицам правая сторона считалась благоприятной, левая — неблагоприятной.

Стих 258. *Грудные забрала* — брустверы.

Песнь тринадцатая

Стих 162. *Около трубки* — в том месте, где медный наконечник соединился с древком.

Стих 342. *Панцирей, вновь уясненных* — снова начищенных до блеска.

Стих 460. *...гнев он всегдашний питал на Приама.*— Эней является представителем младшей ветви царей Трои, лишенных царской власти, поэтому он находится как бы в оппозиции к Приаму. Некоторые

варианты легенды о спасении Энея после гибели Трои содержат и приемы указания на его сношения с врагами.

Стих 701. *Быстрый Аякс пылал не отстать от могучего брата.*— Быстрый Аякс — Аякс, сын Оилея. От могучего брата — от Аякса, сына Теламона, который назван в подлиннике по имени. Гнедич единственный раз в своем переводе допустил подобную ошибку, назвав обоих Аяксов братьями.

Песнь четырнадцатая

Стих 35. *Лествицей* — то есть не в одну линию, а в несколько рядов.

Стих 156. *Брата и деверя мощного.*— Гера одновременно и сестра и жена Зевса, поэтому брат Зевса Посейдон ей приходится и братом и деверем.

Стихи 290—291. *Вигалица горная* — птица, которая витает в горах. *Халкида, киминда* — неизвестно, какую птицу подразумевает поэт под этим двойным названием.

Стих 321. *Знаменитого Феникса дочь* — дочь финикийского царя Феникса Европа. Зевс, приняв образ быка, похитил ее, когда девушка собирала цветы на берегу моря, и уплыл с ней на Крит.

Стих 355. *Эносигей* — «колебатель земли», постоянное эпическое определение Посейдона.

Стих 414. *...дуб под ударом крушительным Зевса* — дуб, в который попала молния, оружие Зевса.

Стих 516. *Сильный Атрид* — Менелай. Раненый Агамемнон не принимает непосредственного участия в битве.

Песнь пятнадцатая

Стих 17 и далее. *Вкусишь ты плод, как ударами молний тебя избичую...*— Зевс наказал Геру за те самые козни против Геракла, в которых ей помогал Сон, о чем он сам напоминает Гере в стихах 249—261 песни четырнадцатой.

Стих 71. *Трои святой не возьмут, по советам премудрой Афины.*— Ахейцы не могли взять Трою силой; тогда, по совету Афины, они соорудили огромного деревянного коня и спрятали в нем лучших воинов, а сами отплыли, как бы сняв осаду, и скрылись недалеко. Когда троянцы ввели коня в город, ахейские воины выпли из него, устроили в Трое резню и открыли ворота своим подоспевшим войскам. О троянском коне мы знаем из «Одиссеи» и из поэмы римского поэта Вергилия «Энеида».

Стих 87. *Всех обошед* — то есть Гера пренебрегла всеми и взяла чашу лишь у Фемиды.

Стих 225. *Самые боги подземные, существе около Крона.*— Имеются в виду титаны (см. прим. к песни пятой, стих 898).

Стих 517. *Килленейского Ога* — из города Киллены в Элиде.

Стих 652. *...суда, извлеченные прежде...*— то есть вытащенные на берег первыми и потому составлявшие первый, самый далекий от моря ряд.

Стих 684. *По помостам.*— «Древние корабли не могли иметь палуб, ибо посредине их садились гребцы; но только у кормы и у носа устроены были помосты...» (Прим. Гнедича.)

Стих 716. *Хвост кормовой* — «загнутая вверх, как бы рыбий хвост, высота кормы корабельной, род ее украшения. Кормами были обращены к Трое корабли ахейские». (Прим. Гнедича.)

Стих 728. *Скамьи семистопной.*— Гнедич в своем примечании к этому стиху указывает, что у Гомера имеется в виду не скамья для гребцов, а нечто вроде трапа для спуска с корабля; для подтверждения своего мнения Гнедич ссылается на многочисленные изображения древнегреческих кораблей. Семистопная — семифутовая (английское слово «фут» тоже обозначает «стопа»).

Песнь шестнадцатая

Стих 28. *Богатейшие злаками* — то есть имеющие злаки: зелья, лекарства из трав.

Стих 174. *...реки... от Зевса ниспадающей...*— Все реки, по представлению Гомера, ниспадают от Зевса, так как питаются посылаемыми Зевсом дождями.

Стих 229. *Серой очистил...*— Греки считали серный дым средством очищения от религиозной скверны.

Стих 231. *...посредине двора...*— Посредине двора стоял обычно жертвенник Зевса.

Стих 419. *Беспомянутоспешных.*— Ликийцы не носили при доспехах пояса (см. прим. к песни четвертой, стих 137).

Стих 617. *Плясатель... быстрый...*— Эней, желая унижить Мерiona, называет его плясателем потому, что он критянин, а критяне славились искусством плясать.

Стих 625. *Властителью Таргара* — Аиду. Замена собственного имени Аида описательным выражением принадлежит Гнедичу и является не совсем верной: Таргар и царство Аида, по греческой мифологии, — не одно и то же (см. прим. к песни восьмой, стихи 15—16).

Песнь семнадцатая

Стих 32. *Событие зрит и безумный.*— Пословица древних греков: «Когда случается беда, это поймет и глупый».

Стих 51. *...воласы... прекрасные, словно у граций* — то есть волосы, как у Харит.

Стих 250. *...народное пьете* — вино. Гомеровская аристократия возмещала за счет народа все расходы на свои пиршества.

Стих 328. *...как я некогда видел других человек.*— Аполлон вспоминает о Геракле и его спутниках, которые взяли Трои с меньшим войском, чем ахейцы.

Стих 514. *...лежит у... богов на коленах.*— Древнегреческая поговорка: «Все это еще в будущем».

Песнь восемнадцатая

Стих 309. *Общий у смертных Арей* — то есть военное счастье не принадлежит всегда кому-нибудь одному, а является как бы общим достоянием: сегодня оно сопутствует одному, завтра — другому.

Стих 373. *...двадцать треножников вдруг он работал* — то есть изготавлял одновременно двадцать треножников, волшебных самодвижущихся столов для трапез богов.

Стих 469. *...действовать дал повеленье.*— Мехи в кузнице Гефеста, как и выкованные им служанки, действуют сами, повинуваясь слову бога.

Стих 481. *Щит из пяти составил листов...*— Каждый ниже лежащий круглый металлический лист был шире предыдущего; таким образом, в центре щита образуется круглое поле, на котором Гефест изобразил мироздание, а вокруг него получают круглые концентрические пояса, на каждом из которых бог наносит изображения на определенную тему.

Стихи 487—489. *Арктос* — созвездие Медведицы; само слово «арктос» по-гречески значит «медведица» *...блюдет Ориона* — остерегается Ориона, Орион — мифический охотник; при появлении Ориона Большая Медведица начинает подниматься над горизонтом: и на небе Медведица убегает от охотника. *...чуждается мыться в волнах Океана* — Большая Медведица не заходит за горизонт.

Стих 548. *Нива, хотя и золотая, чернеется...*— Гефесту даже на золоте удастся передать естественный темный цвет вспаханной земли; очевидно, уже в гомеровскую эпоху греки умели затемнять золото при помощи глазури.

Песнь девятнадцатая

Стих 84. *Вразумите* — здесь: уразумейте.

Стих 123. *Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская отрасль.*— У Персея, сына Зевса и Данаи, было три сына: Сфенел, Алкей и Электрион. Алкей родил Амфитриона, Электрион — Алкмену, которые поженились между собой. У Алкмены от Зевса должен был родиться Геракл; желая сделать его повелителем, Зевс обещал даровать власть тому, кто первый родится в роде Персеидов (потомков Персея); однако Гера устроила так, что первым родился Эврисфей, сын Сфенела, внук Персея. У него на службе Геракл и совершил свои знаменитые двенадцать подвигов.

Стих 417. *Должен от мощного бога и смертного мужа погибнуть.*— Ахиллес будет убит стрелой Париса, которую направит бог Аполлон.

Песнь двадцатая

Стих 90. *Пелиас* — эпитет копья Ахиллеса, «пелионское» (от названия горы в Фессалии, на родине героя).

Стих 144. *Царь черновласый* — Посейдон.

Стих 147. *...от огромного кита спасался* — от морского чудовища, которое должно было пожрать Геспону и от которого Геракл спас девушку (см. прим. к песни пятой, стихи 640—642).

Стих 307. *Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно.*— По преданию, Эней с троянскими беглецами приплыл в Италию и там создал новое царство. Римляне считали, что их город основан потомками Энея, и называли себя «энеадами». Юлий Цезарь считал Энея основоположником своего рода. Судьба Энея послужила основой поэмы римского поэта Вергилия «Энеида».

Стих 404. *Геликийский бог* — Посейдон, названный так по имени города в Пелопоннесе, где находилось крупное святилище этого бога.

Песнь двадцать первая

Стих 364. *Пылкою сушью* — легко воспламеняющимся сухим деревом, хворостом.

Стих 417. *В силу* — с трудом, едва-едва.

Стих 483. *Над смертными женами.*— Скоропостижную смерть женщины греки приписывали стрелам Артемиды.

Песнь двадцать вторая

Стих 29. *Пес Ориона* — Сириус (см. прим. к песни одиннадцатой, стих 62).

Стих 126. ...с зеленого дуба или с камня — пословица, обозначающая: «С самого начала, с первых причин». Произошла эта пословица оттого, что, по ранним греческим представлениям, человек родился от дуба или от камня. Гектор думает, что не время ему разговаривать с Ахиллесом о Елене и о начальных причинах войны.

Стих 308. *Небопарный* — парящий по небу.

Песнь двадцать третья

Стих 135. *Всё посвященными жертвому тело покрыв волосами.*— Греки в знак траура обрезали волосы и клали их на труп или на могилу умершего.

Стих 142. *Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он.*— Сперхий — река в Фессалии, на родине Ахиллеса. По обычаю, волосы приносились в жертву местному речному богу в день совершеннолетия; Ахиллес покинул родину почти ребенком и поэтому еще сохранил волосы, посвященные Сперхию.

Стих 164. *Стоступенный* — в сто футов («сто»).

Стих 223. *В гроб женихом нисходящего, к скорби родителей бедных.*— У греков считалось особенным несчастьем умереть, не оставив сына.

Стих 226. *Светоносец* — утренняя звезда, планета Венера.

Стих 244. *Гроб* — надгробный холм.

Стих 327. *Сажень маховая* — расстояние, равное длине раскинутых рук от кончиков пальцев правой руки до кончиков пальцев левой.

Стих 352. ...*бросили жребии*...— Жребии бросали, чтобы определить, чья колесница должна ехать по внутренней, более короткой дорожке.

Стихи 359—361. ...*да при оной... Феникс... сядет и бег наблюдает*...— Так как мета не видна от старта, возле нее должен находиться человек, чтобы смотреть, не срезают ли состязающиеся расстояния и огибают ли мету.

Стих 441. ...*не получишь ты мзды без присяги.*— Антилох должен будет присягнуть, что он не нарочно преградил дорогу Менелаю, иначе он не получит награды.

Стих 523. *На вержение диска* — на расстоянии броска диска.

Стих 680. *Кадмяне.*— См. прим. к песни четвертой, стих 391.

Стих 684. *Ремни.*— В Греции кулачные бойцы обвязывали себе кулаки специальными ремнями.

Стих 702. *Огонный треножник* — таган, треножник, который ставится на огонь.

Стих 770. *Дочь Эгиоха* — Афина, постоянная покровительница Одиссея.

Стих 791. *...зелена... Одиссеева старость...* — то есть свежа и полна сил.

Стих 851. *Секиры двуострые* — топоры с двумя направленными в противоположные стороны лезвиями.

Песнь двадцать четвертая

Стихи 29—30. *Он богинь оскорбил, пришедших в дом его сельский; честь он воздал одарившей его сладострастием вредным* — намек на миф о суде Париса.

Стих 81. *...под рогом вола...* — Имеется в виду роговая удочка со свинцовым грузилом.

Стих 110. *Ту славу...* — «чтобы он сам возвратил тело Гектора». (Прим. Гнедича.)

Стих 221. *Фимиамогадатель* — гадатель, предсказывавший будущее по приносимым богам жертвам. Фимиа — благовонный жертвенный дым.

Стих 345. *Аргоубийца* — эпитет Гермеса, основывающийся на сказании о том, что Гермес по поручению Зевса убил тысячеглазого великана Аргуса, который стерег возлюбленную Зевса Ио, превращенную ревнивой Герой в корову.

Стих 360. *Эриуний* — «спешащий на помощь, помогающий» — гомеровский эпитет благосклонного к людям Гермеса.

Стих 544. *Обитель Макарова, Лесбос...* — Макар — мифический древний царь Лесбоса; его имя значит «блаженный».

Стих 765. *Двадцатый год...* — Действие «Илиады» относится к десятому году Троянской войны; между похищением Елены и началом войны, по преданию, также прошло десять лет. Таким образом, Елена действительно уже двадцать лет находится в Трое.

ОДИССЕЯ

Песнь первая

Стих 11. *Все уж другие* — ахейские вожди, воевавшие под Троей; об их похождениях рассказывала эпическая поэма «Возвращения», не дошедшая до нас.

Стих 24. *Бог светоносный* — бог солнца Гелиос.

Стих 35. *Атрид*. — Имеется в виду Агамеион.

Стих 50. *Пуп моря* — остров, лежащий среди моря, вдали от берегов.

Стих 88. *Густовласых* — правильное «длинновласых»: длинные волосы отличали не только свободных от рабов, но и знатных от незнатных.

Стих 121. *Радуйся* — буквальный перевод греческого слова «хайре», употреблявшегося в качестве приветствия и прощания, в смысле «здравствуй», «будь здоров».

Стих 237. *...Гарпии взяли его* — поговорка о человеке, неизвестно куда пропавшем.

Стихи 246—247. *...они пожирают нещадно наше добро...* — Именно в этом и состоит преступление женихов, так как сватовство к женщине, муж которой уже двадцать лет отсутствует и не подает о себе вестей, ничуть не считалось позорным.

Стих 287. *Холм гробовой* — так называемый «кенотаф», пустая могила, воздвигавшаяся, по обычаю, умершим на чужбине и непогребенным. Делалось это потому, что, по представлениям греков, душа непогребенного не может попасть в Аид и там найти себе успокоение.

Песнь вторая

Стих 120. *Микена* — дочь Инаха, первого царя Аргоса, и Океаниды Мелии; миф о ней нам неизвестен.

Стихи 132—133. *...но грудно с Икарием будет мне расплатиться...* — Муж, отправляющий жену в дом ее отца (или, как в данном случае, сын, отправляющий мать-вдову) без вины с ее стороны, должен был заплатить тестю пеню.

Стих 145. *Без платы* — без пени, без штрафа за убийство.

Песнь третья

Стих 68. *Нестор, герой геренейский*. — Более точный перевод этого постоянного определения Нестора дан Гнедичем в «Илиаде»: «конник геренский» («Илиада», песнь вторая, стих 433).

Стих 73. *Добычники вольные*. — Нестор просто спрашивает Телемаха и Афины-Ментора, не пираты ли они. В гомеровскую эпоху грабительские набеги на берега соседей совершались очень часто и вовсе не считались позорными.

Стих 135. *...разгневавших дочь светлоокою страшного бога* — то есть Афины, которая, по преданию, была разгневана тем, что Аякс, сын Оилея, при взятии Трои совершил насилие над Кассандрой в храме Афины, причем остальные ахейские вожди не наказали его за это.

Стих 138. *Собрали их не в обычное время...*— По традиции, сохранившейся в Греции до конца античности, советы и народные собрания должны были начинаться рано утром и заканчиваться до захода солнца.

Стих 174. *...разрезавши море по самой середине.*— Зевс повелел плыть не в обход, держась островов, как поступали обычно в гомеровскую эпоху, а пуститься напрямик через море, удалившись от всякой суши. Такое плавание казалось верхом отваги и риска.

Стих 188. *...с младым Ахиллеса великого сыном* — сыном Ахиллеса — Нептолемом.

Стих 193. *Атрид.*— Здесь имеется в виду Агамемнон.

Стихи 279—280. *...Феб Аполлон... стрелой умертвил...*— См. прим. к «Илиаде», песнь первая, стих 42.

Стих 332. *Должно отрезать теперь языки...*— Отрезание языков жертвенных животных и возлияние вином — заключительный акт жертвоприношения.

Песнь четвертая

Стих 5. *Сын губителя ратей Пелида* — Нептолем.

Стих 27. *Племя Дия* — то есть потомки Зевса и, следовательно, царского рода: цари любили вести свой род от богов.

Стих 232. *...там все из Пеанова рода.*— Египтяне славятся знанием трав, потому что все они — потомки Пеана, гомеровского бога врачевания.

Стих 246. *Город* — Троя.

Стих 365. *Хитрого старца морского* — то есть Протей.

Стихи 368—369. *...и рыбу... крючками удили — голод терзал их.*— Гомеровские герои питаются исключительно мясом, употребляя в пищу рыбу лишь в случае голода; поэтому писатели в эпоху поздней античности, когда рыба считалась особым лакомством, ссылались на героев Гомера, как на пример воздержанности.

Стих 477. *...бегущему с неба потоку Египту* — Нилу, питаемому дождями.

Стих 517. *Области... где Фиест обитал* — остров Кифера; излагаемый здесь вариант мифа об убийстве Агамемнона отличается от варианта, согласно которому в преступлении принимала участие Клитемнестра.

Стих 569. *Зять громовержца Зевеса.*— Елена, жена Менелая, была дочерью спартанской царицы Леды и Зевса, соединившегося с ней в образе лебедя.

Стих 751. *...в верхний покой свой* — то есть в женскую половину дома, так называемый «гинекей», который обычно помещался наверху.

Стих 756. *Аркесиад* — Лаэрт, сын Аркесия.

Песнь пятая

Стих 50. *...достигнув Лиерии...*— Вместо Пперии, как читали раньше, следовало бы поставить «Перия». Перия находится у самого подножия Олимпа, в то время как Пперия лежит много севернее, в Македонии.

Стих 51. *Рыболов* — чайка.

Стих 60. *Дерево жизни* — туя. Пользуясь немецким подстрочником «Одиссеи», Жуковский дословно перевел немецкое название туи — *Lebensbaum*.

Стих 235. *Медный, с обеих сторон изощренный* — топор с двумя лезвиями.

Стих 250—251. *...на прочном судне, носящем товары купцов...*— В гомеровскую эпоху уже различались «длинные корабли», предназначенные для быстрых переходов, и «круглые» грузовые суда. Первые имели неширокое дно и длинные борта, чтобы вдоль них помещалось больше гребцов; у вторых для увеличения объема трюма дно делалось широким.

Стих 275. *...себя никогда не купая в водах Океана.*— См. прим. к «Илиаде», песнь восемнадцатая, стихи 487—489. Остров Калипсо Гомер помещает на крайнем западе Средиземного моря; таким образом, Одиссей, возвращаясь на родину, плывет все время на восток, и Медведица остается у него слева.

Стих 310. *...над бездыханным телом Пелида.*— В не дошедших до нас элических поэмах рассказывалось, что, когда Парис убил Ахиллеса (Пелида) издали стрелой, ахейцы и троянцы завязали жестокую битву за тело и оружие героя; во время этой битвы Одиссей прикрывал Аякса, который выносил труп Ахиллеса.

Стих 444. *К мощному богу реки...*— Греки верили, что в каждой реке живет одноименный с ней речной бог. Одиссей не знает названия реки, а значит, и имени бога, и поэтому обращается к нему со словами: «Кто бы ты ни был...»

Песнь шестая

Стих 207—208. *...к нам Зевес посылает нищих и странников.*— Зевс считался покровителем странников.

Стих 288. *...обращаться с мужчинами вольно.*— Девушка, у которой живы родители, живет замкнуто и не должна появляться с мужчинами публично; лишь после смерти родителей она становится наследницей и начинает пользоваться большей свободой.

Стихи 329—330. *...опасаясь мощного дяди...*— Дядя Афины Паллады— Посейдон, брат Зевса, ее отца.

Песнь седьмая

Стих 86. *Медные стены* — то есть стены, изнутри отделанные медными пластинками; такое же значение имеют и «золотые двери», и «медный порог».

Стих 87. *Лазоревая сталь* — особая эмаль, сплав стекла и меди, имевший темно-синий цвет и употреблявшийся в микенскую эпоху. В ту пору железо только начало заменять бронзу и медь, и упоминания о нем в «Одиссее» редки.

Стих 90. *Князь* — дверной косяк.

Стихи 98—99. *...садились чином на этих лавках...*— Жуковский вносит в «Одиссею» черты русской старины: старорусское понятие «чина» чуждо гомеровским представлениям, да и вместо лавок у Гомера упоминаются кресла.

Стих 113. *Сад, обведенный отвсюду высокой оградой...*— Не говоря о волшебных свойствах сада Алкиноя, слушателя поэмы должно было поразить уже наличие сада возле самого дворца: ведь в реальных дворцах басилевсов гомеровской эпохи, громоздившихся на тесном пространстве, обнесенном высокими стенами, места для сада не оставалось. Еще в классическую эпоху греки удивлялись обширному дворцовому парку персидского царя.

Стих 137. *Зоркому богу... вином возлиянье...*— Греки перед отходом ко сну обращались с молитвой к Гермесу — божеству, посылающему сон.

Стих 153. *...к огню очага подошел он и сел там на пепле.*— Очаг — священное место в доме, средоточие культа домашних богов.

Стих 321. *Эвбея* — является самым дальним островом лишь для малоазиатских греков; для европейской Греции Эвбея — ближайший остров.

Песнь восьмая

Стих 80. *В храме Пифийском оракул* — в храме Аполлона в Дельфах.

Стихи 111—115. *Вышли из сонма его: Акроней, Окиал...*— Все имена феакийцев имеют отношение к морскому делу: Акроней — «находящийся впереди корабля», Окиал — «бегущий по морю», Навтий — «корабельщик»; имя Примней происходит от слова «корма», Прореон — от слова «нос корабля», Эретмей — от слова «весло», Понтей — от слова «море»; Амфиал — «приморский», Анабеспоней — «всходящий на корабль», Фоон — «быстрый», Полиний — «многокорабельный», Тектон — «кораблестроитель».

Стихи 219—220. *Только одним Филоктетом бывал я всегда побеждаем в Трое...*— Возможно, эти стихи являются позднейшей вставкой:

ведь дальше, в конце этой песни (стихи 577—586), никто еще не знает, что Одиссей принимал участие в походе на Трою.

Стих 318. *...пока не отдаст мне отец всех богатых подарков.*— Согласно существовавшему праву, муж, которому изменила жена, мог потребовать от ее отца выкуп, уплаченный за нее.

Песнь девятая

Стих 15. *Ураниды боги* — боги-небожители или же боги — потомки Урана неба.

Стихи 24—25. *...и на самом Западе... лежит... Итака.*— В действительности Итака не является самым западным среди близлежащих островов: на запад от нее лежит остров Левкада.

Стих 60. *...по шести броненосцев отважных...*— Броненосец — воин, одетый в броню.

Стихи 64—65. *...покуда три раза не был по имени назван...*— Одиссей трижды окликает каждого из убитых, чтобы их души последовали за ним к тем пустым могилам (см. прим. к песни первой, стих 287), которые будут им сооружены на родине.

Стихи 94—95. *Сладко-медвяного лотоса каждый отведал, мгновенно все позабыл...*— Волшебное свойство отнимать память приписывается лотосу по созвучию его названия с греческим корнем «лат», обозначающим забвение.

Стихи 116—118. *Есть островок там пустынный... в великом там множестве дикие козы* — может быть, нынешний остров Капри (у римлян он назывался Капрея — «Козья»); остров, где, по преданию, жили циклопы, — Сицилия.

Стих 125. *Кораблей красногрудых.*— Обычно нос корабля окрашивался суриком, в то время как остальная часть корабля смолилась (откуда и происходит эпитет — «черный»).

Стих 426. *Руно их, как шелк* — анахронизм, допущенный Жуковским: шелк в гомеровской Греции не был известен.

Песнь десятая

Стих 7. *...сыновьям дочерей он в супружество отдал.*— Отпечаток глубочайшей древности лежит на всем быте семьи Эола. Брак его сыновей и дочерей — отголосок древнейшего группового брака.

Стихи 81—82. *...к многовратному граду... Ламосу* — неверный перевод: у Гомера столица лэстригонов называется Телепила (что значит «широковратная»); это слово Жуковский и перевел «многовратный»; Ламос же — царь лэстригонов, основатель Телепилы.

Стих 86. *Ибо там паства дневная с ночью сближается паствой.*—

В стране лестригонов день значительно длиннее ночи; очевидно, уже в гомеровскую эпоху греки слышали о коротких летних ночах на севере.

Стих 305. *Моли* — сказочная волшебная трава, вроде разрыв-травы или цветка папоротника в русских сказках. Моли — слово не греческое, поэтому автор и ссылается на «язык богов».

Стих 350. *Все они дочери были потоков, и роц...* — Цирцею служат нимфы.

Стих 441. *Был мне и родственник близкий...* — По словам античных толкователей, Еврилох был мужем сестры Одиссея.

Стихи 494—495. *...в аде он лишь с умом...* — По гомеровскому предположению, души в загробном мире теряют мышление и память.

Песнь одиннадцатая

Стихи 112—113. *...пророчу гибель всем вам: тебе, кораблю и спутникам* — неточный перевод; в подлиннике стоит: «Я пророчу тебе гибель корабля и товарищей». Самому Одиссею гибель не грозит.

Стих 291. *Беспорочный взялся прорицатель* — Меламп; его брат Биант сватался к Пере, но отец ее, Нелей, соглашался отдать ее лишь за того, кто приведет к нему стадо царя филаков Ификла. Добыть это стадо взялся Меламп, но был схвачен и заточен в темницу. Однако через год Ификл сам освободил его и отдал ему стадо, так как Меламп открыл ему, как он сможет избавиться от бездетности. Этот секрет Меламп, понимавший язык зверей и птиц, случайно подслушал у коршуна.

Стих 318. *Сын громовержца* — Аполлон, сын Зевса.

Стих 471. *Тень быстрого внука Эакова* — тень Ахиллеса.

Стих 539. *Асфодилонский луг* — правильнее «луг асфоделей» — цветов, растущих, по представлениям греков, в царстве Аида.

Стихи 544—546. *...на победу злая моя, мне отдавшую в стане аргивян доспехи сына Пелеево.* — Фетида велела отдать выкованные Гефестом доспехи Ахиллеса тому из героев, кто больше всех отличился, защищая тело Ахиллеса. Возник спор между Одиссеем и Аяком. Ахейцы решили, что наиболее беспристрастным будет мнение врагов, и дали рассудить спор троянским пленным. Однако Афина внушила им решение в пользу Одиссея. Аяк от огорчения впал в безумие, а придя в себя, покончил самоубийством. Этот миф мы знаем по трагедии Софокла «Аякс».

Стих 602. *...а сам он с богами...* — Здесь, очевидно, имеет место позднейшая вставка, введенная с целью примирить более раннее представление о Геракле — смертном герое с возникшим позже мифом о том, что после смерти Геракл стал богом.

Песнь двенадцатая

Стих 61. *Бродящие* утесы.— У Гомера они называются «планкты», по другим мифам — «симплегады»; мифические скалы, то раздвигающиеся, то вновь сталкивающиеся. Сталкиваясь, они раздавливают проходящие корабли. Впрочем, в данном месте «Одиссеи» нет прямого указания на движение самих скал: говорится лишь о бурном волнении вокруг них.

Стих 85. *Страшная Скилла*.— Античные толкователи Гомера считали, что Скилла (Сцилла) и Харибда находятся в Мессинском проливе между Италией и Сицилией.

Стих 129. *...семь стад составляют быки...*— Семь стад Гелиоса по пятьдесят голов в каждом — мифологический образ пятидесяти семидневных недель, составивших лунный год греков. Быки и бараны симболизируют дни и ночи.

Стихи 304—305. *...в заливе острова тихом...*— Некоторые исследователи полагают, что место, описываемое Гомером, — залив близ Мессины в Сицилии.

Стих 312. *Оппол* — противоположный берег.

Стих 343. *Выберем лучших быков в Гелиосовом стаде...*— Древние греки всегда представляли жертвоприношение как совместную трапезу жертвующего и бога. Поэтому жертвоприношение всегда сопровождалось пиром.

Песнь тринадцатая

Стихи 14—15. *...себя ж наградим за убытки богатым сбором с народа* — любопытная черта социального строя, свидетельствующая об эксплуатации народных масс нарождающейся аристократией.

Стих 81. *...как подем широким коней четверня...*— Все сравнение — позднейшая вставка: еще древние комментаторы отмечали, что в гомеровское время не знали колесниц, запряженных четверкой.

Стих 130. *...божественной нашей породы.*— Вспомним, что Алкиной — внук Посейдона.

Стих 156. *...его перед ними в утес обратишь ты.*— Возле острова Керкиры (теперь Корфу) до сих пор имеется скала, похожая по своим очертаниям на корабль. На этом основании древние толкователи Гомера отождествляли остров феакийцев с Керкирой.

Стих 272. *...к кораблю финикийских людей...*— В гомеровскую эпоху морская торговля находилась преимущественно в руках финикийских купцов.

Стих 343. *...умерщвлением милого сына* — ошибка Жуковского: Полифем был ослеплен Одиссеем, о чем и говорится в оригинале.

Песнь четырнадцатая

Стих 263. *Грабигь поля плодоносные жителей мирных Египта...*— Разбойничьи нападения каких-то «морских народов» на Египет засвидетельствованы многочисленными письменными памятниками Древнего Египта. Весьма вероятно, что этими «морскими народами» были греки, достигшие в эпоху критской культуры большого могущества на море. Из египетских документов знаем мы и о людях с севера, поступавших на службу к фараонам. Таким образом, в основе вымышленного рассказа Одиссея лежат подлинные исторические воспоминания.

Стихи 327—328. *...в Додону затем, чтоб оракул... Диева дуба...*— Жрецы оракула Дия (Зевса) в Додоне предсказывали будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Стих 480. *Мангия*.— Так Жуковский переводит слово «хлена» (см. прим. к «Илиаде», песнь вторая, стих 262).

Песнь пятнадцатая

Стих 33. *Ты ж, с кораблем от обоих держась островов в отдаленье...*— Афина советует Телемаху плыть от западной оконечности Элиды — мыса Фен — не прямо на северо-запад к Итаке (на этом обычном пути кораблей его ждет засада женихов), а идти сперва на север вдоль материка и затем свернуть прямо к западу, чтобы подойти к Итаке с юго-запада.

Стих 102. *Двуярусный кубок*.— См. прим. к «Илиаде», песнь первая, стих 584 («кубок двудонный»).

Стих 330. *...им рабы подчиненные служат...*— В подлиннике речь идет не о рабах, а о слугах.

Стих 388. *Мужу тому* — Лаэрту.

Песнь шестнадцатая

Стихи 207—208. *Афины, мощной добычицы*.— Афина, как богиня-воительница, считалась и богиней военной добычи.

Стих 269. *Ареев расчет смертоносный* — бой.

Стихи 287—288. *В палате дымно*.— В гомеровскую эпоху главный зал греческого дома — мегарон — освещался факелами и очагом, расположенным в центре его между четырех колонн. Дым выходил в отверстие в потолке, поэтому стены быстро покрывались копотью.

Песнь семнадцатая

Стих 289. ...*корабли, принося разоренье народам.*— Речь идет, очевидно, о кораблях пиратов.

Стих 541. *Чихнул Телемах.*— Чихание считалось у древних греков и римлян добрым предзнаменованием, подтверждением хороших пожеланий.

Песнь восемнадцатая

Стих 7. *Ир.*— Прозвище Ир произведено от имени Ириды, вестницы богов; Арнеон, бывший на побегушках у женихов, в шутку прозван Иром.

Стих 84. *На твердую землю* — на материк. О жестоком по отношению к рабам царя Эхете нам известно только из «Одиссеи». Перевод Жуковского смягчен: вместо «в крохи изрубят тебя» Антиной говорит, что Эхет оскопит Ира и бросит вырванные части собакам.

Стих 160. *Выйти, дабы, женихам показавшись...*— Афина внушает Пенелопе мысль показаться женихам, по-первых, затем, чтобы увлечь их и подать им ложную надежду перед предстоящей гибелью, и, вторых, затем, чтобы побудить их поднести еще более богатые подарки. Собирая подарки претендентов на ее руку, Пенелопа умножает богатства своей семьи и этим добивается еще большего уважения со стороны мужа и сына.

Стих 264. *Конямя владеют* — то есть сражаются на колесницах; конница в гомеровскую эпоху была неизвестна.

Стих 329. *Шинок.*— Так переводит Жуковский слово «лесха» — общественное помещение, где иногда устраивались собрания и куда постоянно собирались жители, чтобы поболтать и обменяться новостями; в «лесхах» часто ночевали бездомные бродяги. Иногда роль этого своеобразного клуба выполняла жарко натопленная кузница.

Стих 366. *Если б с тобой, Евримах, привелось мне поспорить работою.*— В гомеровскую эпоху физический труд вовсе не считался унижительным для свободного, как это было позже, в классический период.

Песнь девятнадцатая

Стихи 175—177. *Разные слышатся там языки...*— Гомер рисует реальную картину народонаселения Крита в его эпоху: *первоплемennая порода критян и пеласги* — доахейское население; *ахеяне* явились первой основной завоевателей, в их среде и сложились сказания, послужившие основой для «Илиады» и «Одиссеи»; *дорийцы* пришли позже и не могли принимать участия в изображаемых событиях, почему они и упомянуты в поэмах всего один раз, в данном стихе.

Стихи 178—179. *Едва девяти лет достигнув, там уж царем был Минос* — неверный перевод Жуковского: Минос является царем не с девятилетнего возраста, а по десятилетиям, так как, согласно малоизвестному мифу, каждые девять лет он обращается к своему отцу Зевсу (отсюда и «собеседник Кронциона») и получает от него новые законы для своего государства. В этом мифе нашло отражение первобытное представление о том, что царь обладает магической силой, от которой зависит благоденствие страны; со временем эта сила истощается, и царя убивают или сменяют. Минос, обращаясь к божеству-отцу, от которого он получил свою магическую силу, каждые девять лет обновляет ее. Во времена Гомера это представление было давно изжито, остался лишь миф, на который намекает поэт.

Стихи 196—197. *...хлебом, собранным с мира* — то есть с народа. Еще одно свидетельство того, как знать перекаладывала свои расходы на плечи народа (см. также песнь тринадцатую, стихи 14—15).

Стих 409. *Пусть назовется мой внук Одиссеем...* — Гомер возводит имя «Одиссей» к глаголу «одиссомай» — сержусь, гневаюсь. Однако это сопоставление сделано лишь по созвучию.

Стих 473. *Сжав Одиссею рукой подбородок* — вернее, коснувшись подбородка; этот жест выражал у греков просьбу или любовь.

Стих 518. *Плачет Аида* — то есть плачет соловей.

Песнь двадцатая

Стих 65. *Где начинается свой путь Океан* — царство Аида.

Стих 141. *Пушковая постель, ковер* — вольный перевод Жуковского; никаких перин, подушек и ковров в гомеровское время не было.

Стих 189. *В сенях многозвучных* — в мощеных сенях.

Стихи 276—277. *В это время народ через город с глашатаем жертву шел совершать...* — Описываемые события происходят в день новолуния, в праздник Аполлона.

Стихи 351—355. *Горе! Невидимы стали головы ваши...* — Феоклимен как бы видит свершившейся будущую судьбу женихов. *Привиденья* — души убитых, отлетающие в царство Аида — *Эреб*.

Песнь двадцать первая

Стих 115. *...удаление матери милой из дома...* — В оригинале говорится, что, если Телемах согнет лук, Пенелопа останется в его доме.

Стих 145. *Жертвогадатель*. — На обязанности Леода было следить, не произойдет ли во время жертвоприношения каких-либо знамений, и гадать по внутренностям жертвенных животных; он же следил за

возлияниями и поэтому сидел возле *кратеры*, в которой вино смешивали с водой.

Стихи 294—295. *Был им некогда Евритион... обезумлен.*— О битье кентавров с лапифами см. в словаре «Евритион» и «Пирифой».

Стихи 394—395. *...рассматривал, целы ль роги...*— Для большей упругости лук отделялся по концам рогом.

Песнь двадцать вторая

Стих 55. *...после назначишь нам цену, какую захочешь...*— Евримах предлагает Одиссею возмещение убытков и сверх того выплату огромной пени за бесчестье: по двадцати быков с каждого. Это должно, с точки зрения обычного права, полностью компенсировать Одиссею нанесенный ему ущерб; поэтому тот не имеет уже права мстить женихам безнаказанно.

Стих 79. *...из ножен... выхватил меч свой.*— Хотя все оружие из зала вынесено, каждый из женихов вооружен коротким мечом, который он постоянно носит при себе.

Стих 335. *Зевсов алтарь, охраняющий дом...*— Человек, прибегший к алтарю, становится неприкосновенным.

Стих 481. *...огня принеси и подай очистительной серы...*— В конце песни Гомер описывает обряд «очищения»: согласно греческим верованиям, пролитая кровь оскверняла место, где была пролита; серный дым очищал его от скверны.

Песнь двадцать третья

Стихи 243—244. *Деннице ж златопрестольной.*— Денница — Эос, которая, как и солнце, по представлению древних греков, выезжает на небо в двуконной колеснице. Имена коней обозначают: *Ламп* — «светлый», *Фазгон* — «сверкающий, лучезарный».

Стих 248. *О Пенелопа, еще не конец испытаниям нашим...*— О дальнейших странствиях Одиссея, а также о его случайной гибели от руки Телегона («далеко рожденного»), сына самого Одиссея и Цирцеи, повествовалось в эпической поэме «Телегония», не дошедшей до нас.

Песнь двадцать четвертая

Стих 5. *...полетели за Эрмием тени...*— Описанная здесь сцена в Аиде дает совершенно другое представление о загробном мире, чем в одинадцатой песни: души попадают в царство мертвых еще до погребения тел, их ведет туда своим жезлом Гермес, души сохраняют

память и т. д. Все это заставляет думать, что здесь сделана позднейшая вставка.

Стих 12. *Мимо ворот Гелиосовых.*— Ворота Гелиоса, по представлениям древних греков, находились на крайнем западе, в них заходило солнце.

Стих 37. *Аргос.*— Речь идет не об Аргосе в Пелопоннесе, а об Аргосе пеласгическом в Фессалии.

Стихи 46—47. *...от печали волосы рвавших...*— В подлиннике ахейцы не рвут на себе волосы, а отрезают их, чтобы посвятить умершему.

Стихи 197—198. *...в песнях Камен сохранится память о верной... Пенелопе.*— В подлиннике речь идет лишь о том, что славу Пенелопы на земле сохраняют певцы. Камены — божества не греческие, а римские, позже отождествленные с греческими Музами; в текст «Одиссеи» упоминание о них внесено Жуковским.

Стих 199. *Коварной Тиндаровой дочери.*— Здесь Тиндарова дочь — не Елена, а Клитемнестра, дочь Леды и ее смертного мужа Тиндара.

Стих 306. *Еперит, сын Афейда Полипимонида.*— Еперит значит: «гопимый», Афейд — «тот, кого не щадили», Полипимонид — «многострадальный».

Стих 472. *Светлоокая Зевса Крониона дочь* — Афипа.

Стих 497. *Одиссей сам-четверг* — то есть три соратника Одиссея: Телемах, Филоитий и Евмей — и сам Одиссей — четвертый.

Стих 523. *Меднолапчатый... шлем* — шлем с медными пластинками, прикрывавшими щеки и виски.

Стих 539. *Громовою стрелою Крониона* — молнией, оружием Зевса.

С. ОШЕРОВ

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ИМЕН

Абанты — воинственный народ, живший на острове Эвбее.

Абид (Абидос) — город в Малой Азии на берегу Геллеспонта.

Абии — кочевое скифское племя, жившее, очевидно, по Дунаю.

Авгеас (Авгий) — царь в Элиде, владелец огромных стад. Его скотные дворы, не чистившиеся тридцать лет, за один день очистил Геракл, который провел в них воду реки Алфей. Авгий отказался заплатить герою и за это был им наказан: Геракл пошел на Элиду войною и разгромил Авгия и его союзников.

Авлида — гавань в Беотии, где собирались греки перед отплытием под Трою.

Автоликон (Автолик) — дед Одиссея с материнской стороны, знаменитый обманщик и вор. Сын Гермеса, Автолик получил от него в дар удивительную изворотливость, ловкость и хитрость: он мог сделать невидимой любую украденную вещь и клясться так ловко, что потом не выполнял своих клятв, не нарушая их формально. От него Одиссей и унаследовал свою хитрость.

Автомедон — возница Ахиллеса. Его имя стало нарицательным для обозначения ловкого кучера. Например, у Пушкина в «Евгении Онегине» о ямщиках: «Автомедонты наши бойки».

Агамеда — дочь Авгеаса, волшебница.

Агамемнон — царь Микен и Аргоса, сын Атрея, брат спартанского царя Менелая. Под Троей Агамемнон был верховным вождем союзного ахейского войска; в день возвращения из-под Трои был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом.

Агафон — сын Приама.

Агенор — сын Антенора и Феано, троянский герой.

Адмет — царь города Феры в Фессалии. Боги дали ему возможность отсрочить смерть, если кто-нибудь согласится умереть вместо него. Жена Адмета Алкеста согласилась умереть вместо мужа, но Геракл, гостивший в это время у Адмета, отбил ее у бога смерти.

Адраст — один из главных организаторов похода семерых против Фив (см. Поллиник), царь Аргоса и Сикиона. Другой

Адраст — союзник троянцев из города Адрастея. Адрастами зовут и двух троянских воинов, упоминаемых в «списках убитых».

Адрастея — город в Малой Азии, в области Мизии.

Азий Гиртакид (сын Гиртака) — союзник троянцев из города Арисбы.

Азийский луг — поле в Лидии, в Малой Азии.

Аид — сын Крона и Рен, брат Зевса, бог подземного царства мертвых. Его имя обозначает «невидимый» и является заменой другого имени, внушавшего людям религиозный ужас. Царство Аида или часто просто Аид (ад) — загробный мир, царство мертвых.

Аида — (в переводе — «соловей») — жена Зефоса (см. Амфион и Зефос). Из зависти к жене Амфиона Ниобе, имевшей двенадцать детей, она решила убить любимого младшего сына Ниобы, но по ошибке убила своего единственного сына Итйлосо. Горе ее было так сильно, что боги сжалились над ней и превратили ее в соловья, который в своей песне вечно повторяет имя «Итил».

Акамас — сын Антенора и Феано, предводитель дарданцев; другой Акамас — предводитель союзных с троянцами фракийцев; Акамасом зовут и сына Азия.

Акаст — царь острова Дулихия.

Акрисий — отец Даная, дед Персея (см. Персей).

Аксий — река в Македонии.

Акториды — близнецы-герои со сросшимися телами, дети элейца Актора.

Алибанты — сказочный народ.

Алкеста — см. Адмет.

Алкимедон — мирмидонец, предводитель пятого строя войск Ахиллеса и близкий друг этого героя.

Алкмена — микенская царевна, жена тирифского царя Амфитриона,

бегавшего из Микен в Фивы. Здесь, в отсутствие ее мужа, с ней соединился Зевс, принявший образ Амфитриона. От него Алкмена родила Геракла.

Алкмеон — сын Амфиарая и Эрифилы; мстя за отца, он убил мать и подвергся преследованиям Эрнний (см. Амфиарай).

Алоей — древнее божество, бог обмолоченного зерна; считался сыном Посейдона. Был мужем Ифимедеи, которая родила от него Отоса и Эфальтеса.

Алоиды — см. Отос и Эфальтес.

Алосинда — морская богиня.

Алфей — река в Пелопоннесе.

Алфея — мать Мелеагра (см.), сестра Леды.

Амазонки — мифическое племя женщин-воительниц и наездниц, живущих на севере. С ними сражались Геракл и Тесей; в Троянской войне амазонки также были враждебны ахейцам и после смерти Гектора пришли на помощь троянцам. Их царица Пентесилея была убита Ахиллесом.

Амарикк — фессальский воин, помогавший Авгеусу в войне с Гераклом; за это Авгеас разделил с ним власть.

Амидон — город на севере Македонии.

Амикла (Амиклы) — город в Лаконике, на юге Пелопоннеса.

Аминтор — отец Феникса, воспитателя Ахиллеса.

Амифаон — сын Тироб и Крефел, отец Мелампа (см.).

Амнисий — гавань на Крите.

Амфиарай — царь Аргоса, правнук прорицателя Мелампа и сам прорицатель. Поликник, изгнанный фиванский царевич, сын Эдипа, старался привлечь Амфиарая к походу против Фив, но тот, предвидя гибельный исход войны, отказывался. Тогда Поликник подкупил жену Амфиарая Эрифилу, и та принудила мужа отправиться в поход. После поражения Амфиарай спасался бегством в колеснице, но

земля разверзлась под ним и поглотила его.

Амфилох — сын Амфиарая и Эрифили, прорицатель, принимавший участие в Троянской войне.

Амфион и *Зефос* (Зетос) — братья-близнецы, дети Зевса и Антиопы, дочери речного бога Асопа. Оба царствовали в Фивах, воздвигли стены вокруг города: Зефос, богатырь и силач, подносил на руках огромные камни; Амфион, искусный музыкант, заставлял их звуками своей кифары двигаться и складываться в стены. Другой Амфион — царь беотийского города Орхомена, дед Нестора.

Амфигея — жена Автолика, бабка Одиссея по матери.

Амфитрион — муж Алкмены, считавшийся земным отцом Геракла (см. Алкмена).

Амфитрита — богиня моря, по позднейшим мифам — жена Посейдона.

Андромаха — дочь Этнона, даря Фив в Киликии, жена Гектора. По позднейшим мифам, после долгих злоключений в рабстве у Неоптолема, сына Ахиллеса, стала женой троянца Гелена и основала с ним в Эпире новую Трою.

Ангелор — троянский старец, друг Приама и отец одиннадцати сыновей — защитников Трои; сторонник выдачи Елены Менелая и прекращения войны.

Ангелорид — каждый из сыновей Ангелора.

Антиклея — дочь Автолика и Амфитеи, мать Одиссея.

Антилох — старший сын Нестора, участник Троянской войны и ближайший друг Ахиллеса после гибели Патрокла. Погиб в конце войны от руки Мемнона, прикрывая своим телом старика отца.

Антипой — сын Евпейта, самый наглый среди женихов Пенелопы.

Антиона — дочь речного бога Асопа, родившая от Зевса близнецов Зефоса и Амфиона.

Антифат — 1) прорицатель, сын Мелампа; 2) царь лестригонов; 3) итакиец, друг Одиссея.

Антия — жена Прета, оклеветавшая Беллерофонта (см.).

Анхиз — отец Энея, представитель младшей ветви троянских царей. Боги, разгневавшиеся на Афродиту за то, что она все время внушает им любовь к людям, а сама ни разу не любила смертного, заставили ее полюбить Анхиза, пасшего стада на Иде. От их любви родился Эней. Афродита запретила Анхизу разглашать тайну их любви, но Анхиз ослушался и за это был исцелен молнией.

Апия — древнейшее название Пелопоннеса.

Аполлон — бог солнечного света, символизированного золотыми стрелами этого бога, непременно атрибутом которого был лук. Аполлон также покровитель музыки и поэзии, предводитель хора Муз и сам искусный музыкант (кифаред); он же — бог-прорицатель и бог-врачеватель. Сын Зевса и Лето (Латоны), брат-близнец Артемиды.

Аргивяне, *аргивцы* — жители Аргоса. Тем же словом Гомер называет всех греков в противоположность негрекам.

Аргисса — город в северной части Фессалии.

Арго — корабль, на котором Ясон (см.) совершил поход за золотым руном; по имени корабля плывшие на нем герои получили название «аргонавты».

Аргос — во времена Гомера — Арголида, область в Пелопоннесе, в которой позже возвысился город Аргос; иногда словом «Аргос» обозначается весь Пелопоннес.

Аргос пеласгический — равнина в Фессалии, близ реки Пеней; там находились владения Ахиллеса.

Аргус — тысячеглазое чудовище; его Гера поставила стеречь возлюбленную Зевса Ио, из ревности превращенную ею в корову. Од-

нако Гермес по поручению Зевса убил Аргуса; отсюда и приходит часто встречающийся в «Илиаде» и «Одиссее» эпитет Гермеса «аргоубийца».

Арей (Арес) — сын Зевса и Геры, бог войны.

Арейон — чудесный конь царя Адраста, спасший его после поражения похода семерых против Фив. Конь этот был рожден Деметрой и Посейдоном, принявшими образ коней.

Арейфоой — царь Арны, города в Беотии, всегда сражавшийся палицей и убитый в тесном ущелье, где он не мог размахивать своим оружием.

Арет — сын Нестора. Так же зовут и одного из сыновей Приама, убитого Автомедонтом.

Арегуса — название источника на Итаке.

Ариадна — дочь критского царя Миноса. Когда на Крит прибыл из Афин вместе с юношами, обреченными на съедение чудовищу с бычьей головой — Минотавру, царевич Тесей, Ариадна влюбилась в него. Минотавр находился в Лабиринте — дворце с таким количеством переходов, что из него невозможно было выбраться. Ариадна дала Тесею клубок ниток, которые тот разматывал, входя в Лабиринт. Убив Минотавра, Тесей легко выбрался из Лабиринта по разматанной нити (отсюда и наше выражение «нить Ариадны»). Тесей увез Ариадну, но, по велению богов, покинул ее спящую на острове Наксосе, так как ей суждено было стать супругой бога Диониса.

Арисба — город в Троянском царстве, близ Абидоса.

Аркадия — горная лесистая область в центральной части Пелопоннеса.

Аркесий — сын Зевса, отец Лаэрта, дед Одиссея.

Аркесиад — сын Аркесия, Лаэрт.

Арктос — созвездие Большой Медведицы. Само слово «арктос»

значит медведица (отсюда «Арктика», «арктический»). Миф, дошедший до нас в поэме древнеримского поэта Овидия «Метаморфозы» («Превращения»), рассказывает о нимфе Каллисто, подруге и спутнице Артемиды. Все спутницы Артемиды должны были сохранять девственность, как и сама богиня; Каллисто же соблазнил Зевс. Когда Артемиды узнала об этом, она превратила Каллисто в медведицу, а Зевс поместил ее в виде созвездия на небо.

Арна — город в Беотии.

Артакийский ключ — источник в стране лестригонов.

Артемиды — вечно девственная богиня-охотница, дочь Латоны и Зевса, сестра Аполлона. Позже стала богиней луны и богиней, помогающей при родах. Как и ее брат, вооружена луком и стрелами.

Аскалаф — сын бога Арей и Астиохи, вождь беотийского племени минийцев, сражавшихся под Троей.

Асклепий — сын Аполлона, бог-врачеватель, культ которого был очень широко распространен в более позднюю эпоху. У Гомера Асклепий — еще не бог, а смертный, отец Махаона и Подалирия, врачей ахейского войска.

Асон — река в Беотии, а также бог этой реки.

Ассарак — один из рода троянских царей, сын Троса, родоначальник младшей ветви, к которой принадлежали Анхиз и Эней.

Астер (буквально: «звезда»), — остров недалеко от Итаки.

Ата — дочь Зевса, богиня, по-мрачающая рассудок людей и толкающая их на гибель.

Атлант — титан, брат Прометея и отец нимфы Каллисто. За киклопов козни против богов обречен был, по гомеровскому варианту мифа, поддерживать столбы, подпирающие небосвод, а по другой версии — держать небо на своих плечах. Позже был превращен в гору,

которая до сих пор носит его имя (хребет Атлас в Северной Африке).

Атрей — сын Пелопса (см. Таптал), отец Атридов — Агамемнона и Менелая. Вражда со своим братом Фiestом (см.), Атрей совершил ужасное преступление: он умертвил детей Фiestа, приготовил из них трапезу и угостил его брата, а затем пытался заставить оставшегося в живых сына Фiestа Эгиста убить отца. Атрей сам пал от руки Фiestа и Эгиста.

Аттика — область в Средней Греции со столицей Афины.

Аттийский — аттический.

Афина Паллада — дочь Зевса, родившаяся из его головы. Богиня-воительница, вечно девственная богиня мудрости, покровительница ткачества. Ее постоянный эпитет — «светлоокая», точнее, «совоокая» — свидетельствует о том, что в глубочайшей древности богиню представляли в виде совы, которая позже стала ее священным животным.

Афины — главный город Аттики, с древнейших времен центр культа Афины Паллады. Начиная с V века до н. э. — центр культуры всей Греции.

Афос — гора Афон в восточной части материковой Греции.

Афродита — богиня любви и красоты; по одной версии мифа — дочь Зевса и Дионы, по другой — вышла из морской пены. По гомеровскому преданию (в «Одиссее»), она — жена Гефеста, по другим мифам — жена Ареса. Ее постоянные определения — Киприда и Киферея — происходят от названий двух важнейших мест ее культа: островов Кипра и Киферы.

Ахайя — земля ахейцев.

Ахейцы (ахейне) — одно из древнейших греческих племен, пришедшее с севера, завоевавшее исконное население — пеласгов и смешавшееся с ними. В «Илиаде» и «Одиссее» слово «ахейцы» служит

самым частым обозначением всех греков в противоположность негрекам.

Ахелой — 1) река в Этолии; 2) река во Фригии, берущая начало на горе Сипил.

Ахерон — река в царстве мертвых, через которую должны были переправиться души умерших, чтобы попасть в Анд.

Ахиллес (Ахилл) — главный герой Троянской войны, сын морской богини Фетиды и Пелея, царя города Фтии в Фессалии. Величайший из греческих героев; он совершил под Троей множество подвигов, но на десятый год войны был убит стрелой Париса, которую Аполлон направил в единственное уязвимое место на теле Ахиллеса — в пятку (отсюда выражение «ахиллесова пята»).

Аякс — сын Оилея, царь локров и предводитель их под Троей (локры — народ, живший в Средней Греции). При взятии Трои, пытаясь насильно увести Кассандру из храма Афины, навлек на себя гнев богини, которая бросила Зевсову молнию в его корабль, плывший из Трои, а самого Аякса Посейдон привоздил к скале.

Аякс — сын Теламона, царя Саламина и брата Пелея (отца Ахиллеса), самый сильный после Ахиллеса герой под Троей. После смерти Ахиллеса вступил с Одиссеем в спор за оружие погибшего героя, которое Фетида велела отдать тому, кто больше всех отличился при спасении тела Ахиллеса. Спор предоставили решить пленным троянцам, и они, по внушению Афины, решили его в пользу Одиссея. Обиженный Аякс впал в безумие и стал избивать скот ахейцев, думая, что убивает ахейских вождей. Придя в себя, он покончил самоубийством.

Беллерофонт — герой, победивший Химеру. Его история подробно рассказана в «Илиаде», в песни шестой, стихах 155—195.

Беогия — область в Средней Греции.

Борей — северный ветер.

Бриарей — сторукий великан огромной силы, сын Геи-земли и Урана-неба.

Вахх — культовое имя Диониса, бога вина.

Ватиея — холм около Трои, считавшийся могильным курганом амазонки Мирины.

Воот — название созвездия близ Большой Медведицы (буквальный перевод — «волопас»), самая яркая звезда его — Арктур.

Вупрасий (Вупрас) — главный город эпейцев в Элиде.

Вупрасийцы — жители этого города.

Гализоны — народ, населявший Черноморское побережье Малой Азии.

Гаргар — одна из вершин Иды.

Ганимед — сын троянского царя Троса, которого Зевс за его красоту купил у отца, дав тому чудесных коней. По более поздним мифам, Ганимеда похитил орел Зевса и поднял его на Олимп. Там Ганимед получил бессмертие и стал виночерпием на пирах богов.

Гарнии (похитительницы) — духи вихря и смерти; по более поздним мифам — птицы с женскими головами и грудью, невидимо летавшие по воздуху и похищавшие людей.

Геба (Гебея) — дочь Зевса и Геры, вечно юное божество — олицетворение расцвета человеческой жизни, который наступает, по мнению греков, после восемнадцати лет. Геба прислуживает богам во время пиров. После обожествления Геракла она была дана богами ему в жены.

Гекатомба — буквально «сто быков» — жертва богам в сто быков; позже это слово стало обозначать любое крупное жертвоприношение.

Гектор — сын Приама и Гекубы, главный защитник Трои.

Гекуба — жена Приама, мать девятнадцати его сыновей, в том числе Гектора и Париса, и многих дочерей, в том числе — Кассандры.

Гелен — прорицатель, сын Приама. После гибели Трои он стал рабом Неоптолема, сына Ахиллеса, а после смерти своего господина унаследовал часть его царства в Эпире и создал там «маленькую Трою». Другой Гелен — ахейский воин, убитый Гектором.

Гелика — город на севере Пелопоннеса, в котором находилось крупное святилище Посейдона.

Гелиос (Гелий) — бог солнца, брат Эос-зари и Селены-луны, сын титана Гипериона.

Геллеспонг — пролив, отделяющий Малую Азию от Херсонеса Фракийского (теперь полуостров Галлиполи). Ныне этот пролив называется Дарданеллы.

Гера — дочь Крона и Реи, сестра и жена Зевса, царица богов и богиня-покровительница браков.

Геракл — любимейший герой греческой мифологии, сын Зевса и Алкмены. Преследуемый Герой, он благодаря ее проискам попал в услужение к трусливому и ничтожному Эврисфею, царю Микен, и по его поручению совершил двенадцать знаменитых подвигов. Геракл очистил землю от чудовищ, освободил Прометея, победил даже бога смерти. После смерти Геракл был взят на Олимп и стал богом. Отрицательные черты, сказавшиеся в рассказе об убийстве Ифита («Одиссея», песнь двадцать первая, стихи 25 и сл.), были внесены в образ Геракла из ненависти к завоевателям-дорянам, считавшим Геракла своим предком.

Герест — высокий мыс на юге острова Эвбеи.

Герм — река в Малой Азии.

Гермес — сын Зевса и Майи,

вестник богов, бог торговли и красноречия.

Гермиона — 1) дочь Елены и Менелая, которую они выдали замуж за Неоптолема, сына Ахиллеса; 2) город в Арголиде.

Геронты — старейшины.

Геспер — вечерняя звезда.

Гестия — богиня домашнего очага.

Гефест — сын Зевса и Геры, бог огня, бог-покровитель кузнечного ремесла и сам искусный кузнец; греки представляли Гефеста могучим, но некрасивым и хромым на обе ноги.

Гейя — земля, богиня земли.

Гиады — созвездие, название которого обозначает «дождливые».

Гиганты — 1) змеиные огромные дети Геи, наделенные чудовищной силой. Мать дала им средство, сделавшее их неуязвимыми для богов, с которыми они вступили в битву за власть над миром. Боги не могли одолеть гигантов, и лишь призванный ими на помощь смертный Геракл своими стрелами уничтожил детей Земли, поверженных богами; 2) дикое племя, населявшее Эпир и истребленное Зевсом.

Гийгское озеро — озеро в Малой Азии, в области Лидии, севернее реки Герм.

Гида (Гиды) — город в Лидии.

Гилл — приток Герма в Лидии.

Гипересия — город на севере Пелопоннеса.

Гиперейя — источник в Фессалии.

Гиперийская земля — то есть «запредельная» или «верхняя» земля — мифическая родина феакийцев, откуда они затем переселились на Схерию.

Гиперион — буквально значит «высокоидущий» — титан, отец Гелиоса-солнца, Эос-зари и Селены-луны. В других случаях Гиперион — эпитет солнца.

Гипподамия — жена Пирифоя, на свадьбе которой началась битва лапифов с кентаврами. Так

же зовут дочь Анхиза, сестру Энея.

Гипполох — 1) сын Беллерофонта, отец Главка; 2) сын троянца Антимаха, убитый Агамемноном.

Гиппофой — один из сыновей Приама. То же имя носит предводитель пеласгов под Троей.

Гирейские скалы — поднимающиеся из воды скалы среди островов Греческого архипелага. Возле них погиб корабль Анкса, сына Ойлея.

Главк, сын Гипполоха — царь ликийцев, внук Беллерофонта, один из храбрейших защитников Трои. Главком зовут и его предка, сына Сизифа и отца Беллерофонта.

Горгоны — крылатые чудовища со змеями вместо волос. Один взгляд на них обращал человека в камень. У Гомера упоминается одна Горгона — Медуза; она была смертной, и ее убил Персей.

Гортина — крупный город на юге острова Крита.

Горы (Оры) — богини времени года, стражи Олимпа, то открывающие, то закрывающие его облачные ворота.

Данаи — племя, жившее в Арголиде. Их имя служит Гомеру одним из наименований всех греков вообще в противоположность негрекам.

Даная — дочь аргосского царя Акрисия. Акрисию было предсказано, что сын его дочери убьет его. Чтобы не выдавать красавицу Даную замуж, отец скрыл ее в подземных покоях, но Зевс, влюбившийся в нее, проник к ней в виде золотого дождя. От Зевса Даная родила Персея.

Дардан — 1) сын Зевса, родоначальник троянских царей, общий предок Гектора и Энея; 2) троянец, убитый Ахиллесом.

Дардания — древний город в Малой Азии, на берегу Геллеспонта, якобы основанный Дарданом.

В историческое время этот город не существовал.

Девкалион — сын критского царя Миноса, отец Идомея, который поэтому часто именуется в «Илиаде» Девкалид.

Дедал — мифический афинский скульптор и мастер-изобретатель. Убив из зависти своего племянника, он бежал на Крит к Миносу, где построил Лабиринт (см. Ариадна). Минос не хотел отпустить Дедала, и тот бежал от него по воздуху, сделав из перьев и воска крылья. «Дедаловым» назывались в классическую эпоху архаические статуи.

Дейфоб (Дейфоб) — сын Приама, храбрый воин. После гибели Париса Елена была отдана ему в жены.

Делос — остров в Эгейском море; согласно мифу, он блуждал по волнам, пока Латою не родила на нем Аполлона и Артемиду. Делос был одним из важнейших центров культа Аполлона.

Деметра — дочь Крона и Реи, богиня плодородия и земледелия, мать Персефоны (см.).

Демон — так в переводах Гнедича и Жуковского передается греческое слово «даймон», обозначающее «божественная сила», или «божество», в том случае, когда не указано точно, какой бог имеется в виду.

Денница — так Гнедич передает имя богини утренней зарю Эос.

Дий — одно из имен Зевса.

Диоклес — сын Орсилоха, царь города Фер в Пелопоннесе.

Диомед — сын Тидея, один из величайших ахейских героев; до Троянской войны участвовал в «походе эпигонов» против Фив — походе, предпринятом сыновьями погибших под Фивами союзников Полиинка.

Диона — мать Афродиты, древнейшее божество, культ которой в историческое время почти полностью исчез.

Дионис — сын Зевса и Фиванской царевны Семелы, бог вина и виноградной лозы, культ которого был связан с пьяным весельем и экзотическими оргиями. В период создания гомеровских поэм греки еще не знали почитания Диониса, поэтому в «Одиссее» он встречается лишь в тех местах, которые считаются позднейшими вставками.

Дия — другое название острова Наксоса.

Додона — город в Эпире, где находился оракул Зевса.

Долопы — фессалийское греческое племя.

Дриас — один из лапифов, а также отец Линурга.

Дулихий — остров, лежащий, по Гомеру, недалеко от Итаки. Неизвестно, какой именно из островов разумеет под этим названием поэт.

Эмел (Эмел) — сын Адмета, царя Фер и Фессалии, и Алкесты, предводитель фессалийцев под Троей.

Евнейт — знатный итакеец, отец Антиноя.

Евр (Эвр) — восточный ветер.

Еврибат (Эврибат) — глашатай Одиссея, сопутствовавший ему в походе под Троей.

Евримедонт (Эвримедон) — 1) царь гигантов в Эпире; 2) возница Агамемнона; 3) слуга Нестора.

Еврипил — последний союзник троянцев, сын царя кетейцев Теллефа и сестры Приама Астинохи, которая была подкуплена братом и поэтому послала сына под Троей, хотя и знала, что тот погибнет там.

Еврит (Эврит) — знаменитый стрелок из лука. Он получил лук в подарок от Аполлона, но потом возгордился и вызвал бога на состязание в стрельбе, за что и был убит им. Лук его перешел к Ифиту, а от него к Одиссею.

Еврипион — кентавр, начавший буянить на свадьбе Пирифоя (см. Пирифой).

Елена — дочь Леды и Зевса, принявшего образ лебедя, — прекраснейшая из женщин Эллады. За нее сватались самые знаменитые герои, но ее «земной» отец Тиндар предоставил ей, по совету Одиссея, самой выбирать себе жениха и заставил остальных претендентов дать клятву, что они сохранят дружбу и будут помогать мужу Елены. Елена выбрала Менелая, сына Атрея, который после смерти Тиндара стал царем в Спарте. Когда Парис, сын троянского царя Приама, с помощью Афродиты похитил Елену, Менелай собрал всех бывших женихов Елены и пошел с ними войной на Трою; так началась Троянская война.

Елисейские поля (плача «Элизий») — блаженная страна (или острова), куда боги переносят после смерти избранных героев.

Ерехтей — мифический древний царь Афин, потомок Земли.

Закинф — остров в Ионийском море близ берегов Элиды, южнее Итаки.

Зам — остров в Ионийском море, вероятно, Кефалления.

Зевс (Зевес, Дий) — сын Крона и Реи, свергнувший своего отца и захвативший власть над миром. Зевс — царь богов и людей, бог неба, грома и молнии, верховный блюститель справедливости, покровитель молящих и странников. В Трое особенно почитается Зевс Идейский, пребывающий на горе Иде и оттуда управляющий миром, «обладающий с Иды», как часто называют его в «Илиаде».

Зелия — владение Пандара, горю у подножия Иды.

Зефир — западный ветер.

Иардан (Иордан) — 1) река в Элиде, в Пелопоннесе; 2) река на Крите.

Ид — сын Афарей, двоюродный брат и сподвижник Кастора и Полидевка, вступивший с Аполлоном в бой за Марлису (см.). Посорившись с братьями, Ид вступил с ними в борьбу и убил Кастора, но во время боя с Полидевом был испепелен молнией Зевса.

Ида — высокая лесистая горная цепь в Малой Азии над Геллеспонтом, у подножия которой расположена жена Троя.

Идей — вестник Приама.

Идоменей — сын Девкалиона, царь критского города Кноса, предводитель критян в Троянской войне.

Икарий — брат Тиндара, изгнанный из Спарты и обосновавшийся в Акарнании; отец Пенелопы.

Икарийский порт — часть Средиземного моря у острова Самоса, названная так в честь Икара, сына Дедала, погибшего в этом месте во время бегства с Крита.

Иксион — царь лапифов в Фессалии, земной отец Пирифоя, рожденного женой Иксиона от Зевса.

Ил — сын Троса, отец Лаомедона, дед Приама, царь Трои, в честь которого она носит второе название: Иллион.

Илифии — богини родовых мук, вызывающие роды.

Иней — царь города Калидона, отец Тидея и Мелеагра, дед Диомеда.

Ино — см. Левкотея.

Иолкос — приморский город в Фессалии, откуда вышли в плавание аргонавты.

Ипподамия — другая форма имени Гипподамия (см.).

Ипсицилла — царица Лемноса; при ней лемносские женщины перебили за измену всех своих мужей. Когда на Лемнос прибыли аргонавты, они вступили во временный брак с лемнианками. От Ясона (см.) Ипсицилла родила сына Эвнеся.

Ирида — богиня радуги, крылатая вестница богов.

Исмар — славившаяся своим вином столица киконцев во Фракии.

Итак — герой, по имени которого был назван остров Итака.

Итака — родина Одиссея, небольшой гористый остров в Ионийском море, недалеко от западных берегов Греции.

Итинос — см. Анда.

Ифианасса — дочь Агамемнона. Возможно, что это имя — другая форма имени Ифигения. Ифигения была принесена в жертву в Авлиде, так как богиня Артемиды долго не посылала ахейцам попутного ветра, чтобы они не могли отплыть в Трою, и потребовала смерти Ифигении в качестве искупительной жертвы (за убитую Агамемноном священную лань). Гомер полностью умалчивает об этом мифе и даже предпочитает другую форму имени Ифигении. Миф о жертвоприношении Ифигении мы знаем из трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде».

Ификл (Ификлес) — 1) царь рода Филаки в Фессалии, владелец прекрасных стад, самый быстрый бегун среди людей; 2) смертный брат Геракла, помощник его во многих трудах.

Ифимедя — жена Алоя, мать Отоса и Эфиальта.

Ифит — сын Еврита, гость Одиссея, подаривший ему знаменитый лук; был убит Гераклом.

Ифтима — дочь Икария, сестра Пенелопы.

Иялмен — второй сын бога Арея и Астиохи, вождь орхоменского войска под Троей.

Кавконы — название двух племен: одно было соседом троянцев, другое обитало на западе Пелопоннеса.

Кадм — сын финикийского царя Агенора и брат похищенной Зевсом Европы. Он был послан отцом на поиски сестры и, не найдя ее, по повелению дельфийского оракула, основал город

на том месте, куда привела его встреченная возле храма королева. Город этот — Фивы в Беотии (Беотия и значит «королевья страна»).

Каистр — река в Лидии.

Калидон — город в Этолии, родина Мелеагра (см.).

Калликолона — местность под Троей.

Калхас — предсказатель ахейцев под Троей.

Капаней — огромного роста силач, участник похода семерых против Фив, за надменность и нечестивость испепеленный Зевсом во время штурма фиванских стен.

Кардамилла — город в Мессении, в Пелопоннесе.

Карияне — жители Карии, области на юго-западе Малой Азии.

Кассандра — дочь Приама, прорицательница, получившая дар пророчества от Аполлона. Однако когда она отвергла его любовь, Аполлон сделал так, что люди перестали верить пророчествам Кассандры, хотя они и были всегда правдивы. Пленница Агамемнона, погибшая вместе с ним от рук Клитемнестры и Эгиста.

Кастор и *Полидевк* — сыновья Леды, братья Елены; Полидевк был сыном Зевса и обладал бессмертием. Кастор — сын Тиндарея — был смертен. Братья были всегда неразлучны, вместе участвовали в походе аргонавтов, вместе совершали подвиги. Когда Кастор пал в схватке с Идом (см.), Полидевк добился у богов разрешения поделиться с ним бессмертием. С тех пор братья проводят один день на Олимпе, другой — в Аиде; им воздаются божеские почести.

Кебрион — сын Приама.

Кеней — один из воинов-лапифов.

Керы — духи смерти, крылатые женские существа, режущие в воз-

духе и в момент смерти человека похищающие его душу.

Кетейцы — племя в Малой Азии.

Кефалления — группа островов, в которую входят Итака, Зам, Закинф, Дулихий.

Кефисское озеро — озеро в Бетони.

Кидоны — критское племя, жившее на северо-западе острова.

Киконы — фракийское племя.

Килла — неизвестный нам остров или город неподалеку от Трои.

Киллена — гора в Аркадии, где родился Гермес; поэтому Киллений (килленский) — постоянное определение этого бога.

Киммерияне (киммерийцы) — мифическое племя, живущее далеко на севере, в стране, вечно покрытой мраком.

Кипирас — древнейший мифический царь Кипра, учредивший на этом острове культ Афродиты.

Кипр — остров на востоке Средиземного моря, где в городе Пафосе находился самый знаменитый храм Афродиты.

Киприда — прозвище Афродиты, которая, по преданию, выйдя из морской пены, впервые ступила на землю на Кипре.

Киссей — отец Феано.

Кифера — остров близ берегов Пелопоннеса, известный храмом Афродиты, прозванным, по названию острова, Киферрей.

Клеопатра — дочь Ида и Марсиссы, жена Мелеагра.

Климена — 1) мать царя лапифов Пирифоя, попавшая в рабство к Елене и уплывшая с нею в Трою; 2) мать царя Филакки Ификла.

Клит — 1) сын Приама; 2) возница Полидамаса; 3) сын Мангия; в него влюбилась Эос, похитила его и даровала ему бессмертие.

Клитемнестра — дочь Леды и Тиндарея, жена Агамемнона (см. Агамемнон и Орест).

Клигий — брат Приама, отец

Калетора, убитого Аяксом у кораблей.

Кнос — город на Крите, столица мифического царя Миноса.

Копрей — вестник, передававший Гераклу приказы Эврисфея, который из трусости предпочитал не встречаться с героем.

Коракса угес — «угес вбрана», на берегу Итаки. Древний комментатор говорит, что Кораксом звали сына Аретусы, нимфы источника на Итаке.

Коринф — крупный город на севере Пелопоннеса, у самого Истмийского перешейка, соединяющего Пелопоннес с остальной частью Балканского полуострова.

Коцит — одна из рек царства Аида, приток Стикса.

Крагея — воплощение силы, мать Сциллы (Скиллы).

Креон — царь Беотийских Фив, брат Эпикасты.

Крефей — сын Эола, царь Фесалии.

Крит — большой остров в Средиземном море, центр древнейшей греческой цивилизации, существовавший задолго до эпохи Гомера.

Крон — отец Зевса. По мифам, над миром сперва царствовал Уран-небо, которому Гея-земля родила детей-титанов. Один из них, Крон, сверг отца и воцарился над миром; при нем наступил золотой век. Но Крон боялся, что кто-нибудь из его детей, рожденных ему Реей, свергнет его, и поэтому проглатывал их одного за другим. Так проглотил он Гестию — богиню домашнего очага, Геру, Деметру, Аида и Посейдона. Рея, не желая лишиться последнего ребенка, родила его в глубокой пещере на Крите и скрыла там, а Крону дала проглотить камень. Спасенный ребенок и был Зевс. Выросши, Зевс сверг отца, освободил из его чрева братьев и сестер и воцарился над миром, а Крона и восставших на его защиту титанов заключил в Тартар.

Кронион — «сын Крона», то есть Зевс.

Круны — местность на юго-западе Пелопоннеса.

Ксанф — река под Троей, которая называется также Скамандром. Само слово «ксанф» обозначает «рыжий, бурый» и потому часто служит кличкой лошади: так зовут коней Ахиллеса и Гектора. Так же зовут троянского воина, убитого Диомедом.

Ктима — младшая сестра Одиссея, жившая с мужем на соседнем с Итакой острове Заме.

Куреты — племя, жившее неподалеку от города Калидона.

Лакедемон — область на юго-востоке Пелопоннеса, со столицей Спарта, владение царя Менелая.

Лаодамия — дочь Беллерофонта.

Лаодика — дочь Приама и Гекубы. Так же зовут одну из дочерей Агамемнона, которая позже была отождествлена с Электрой.

Лаомедон — царь Трои, отец Приама.

Лалифы — легендарный народ, живший в Фессалии.

Лариса — город близ Трои.

Латона (Лето, Лета) — богиня, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду.

Лазрт — отец Одиссея, в молодости — участник калидонской охоты и похода аргонавтов.

Левкада (от слова «левкос» — белый) — мифическая «белая скала» на крайнем западе, у входа в царство Аида.

Левкогея — морская «белая» богиня, божество пенистых волн. Она была смертной женщиной Ино, дочерью Кадма и сестрой Семелы, матери Диониса. Гера, ненавидевшая из-за Семелы, любимой Зевсом, всю ее родню, наслала на Ино безумие, и та бросилась в море с маленьким сыном Милликертом на руках. Боги превратили ее

в морскую богиню, а сына ее — в морского бога Палемона, пастуха дельфинов.

Леда — дочь царя Этолии Тестия, жена Тиндара; родила от него Клитемнестру и Кастора, а от Зевса — Елену и Полидевка.

Лект — горный мыс в Малой Азии, лежащий напротив острова Лесбоса.

Лелеги — древнейшая народность, населявшая Балканский полуостров до прихода ахейцев; по Гомеру, они жили в Малой Азии близ Иды.

Лемн (Лемнос) — остров в Эгейском море, где, согласно мифам, находилась кузница Гепеста (см. также *И п с и п и л а*).

Лесбос — остров в Эгейском море.

Лестригоны — мифический народ великанов и людоедов.

Ливия — северо-западная часть Африки.

Ликаон — отец Пандара, ликийский царь. Так же зовут сына Приама, которого Ахиллес взял в плен и продал, а затем, когда тот вернулся в Трою, убил.

Ликия — так в «Илиаде» называются две области — на юге Малой Азии и у подножья Иды, близ Трои; из этой Ликии происходят Ликаон и Пандар.

Ликияне — жители Ликии.

Ликомед — предводитель боитийцев под Троей.

Ликург — 1) фракийский царь. Миф о нем см.: «Илиада», песнь шестая, стихи 130—140; 2) царь Аркадии, победитель Арейфоа.

Лирнесс — союзный с Троей город в Малой Азии.

Локры — народ, живший в Средней Греции.

Лотофаги — мифический народ, питающийся лотосом (буквальный перевод — «поедатели лотоса»).

Магнеты — фессалийское племя, жившее близ города Магнесии на востоке страны.

Майя — нимфа, дочь Атланта, возлюбленная Зевса, родившая от него Гермеса.

Малея — гористый мыс на юге Пелопоннеса.

Мангий — сын Мелампа; его имя значит «предсказатель».

Марафон — городок на побережье Аттики, где в V веке до н. э. греки наголову разбили персов.

Марписса — жена Ида, мать Клеопатры (см. о ней прим. к «Илиаде», песнь девятая, стихи 559—560).

Махаон — сын Асклепия, врач ахейского войска под Троей.

Меандр — река в Малой Азии, орошающая Ионию и Фригию.

Мегапент — сын Менелая от рабыни.

Мегара — жена Геракла; своих детей от Мегары Геракл убил в припадке безумия, которое наслала на него Гера.

Медонт (Медон) — 1) итакнец, вестник (глашатай) Одиссея, в его отсутствие вынужденный прислуживать женихам, но преданный Телемаху и Пенелопе; 2) сын Ойлея, сводный брат Аякса; 3) ликиец, сопровождавший Гектора.

Мекестий (Мекистей) — царь Аргоса, отец Эвриала. Другой Мекистей — ахейский воин, убитый Полидамасом.

Меламп (правильнее «Мелампод» — «черноногий») — знаменитый прорицатель, родоначальник целого поколения провидцев. О его роли в сватовстве его брата Бианта см. прим. к «Одиссее», песнь одиннадцатая, стих 291.

Мелеагр — сын Инейя, царя Калидона. Когда он родился, матери его Алфее явились богини судьбы и сказали, что ее сын умрет, когда догорит головня в очаге. Алфее вынула головню и спрятала ее в ларец. Когда Мелеагр стал взрослым, он возглавил охоту на страшного кабана, которого Арте-

мида наслала на калидонские земли за то, что Иней не принес ей жертв во время праздника сбора плодов. Когда кабан был убит, из-за его шкуры и головы началась распря между Мелеагром и куретами, братьями его матери. Распря перешла в войну, и куреты осадили Калидон. В битве Мелеагр убил одного из братьев Алфея. Алфее прокляла за это сына. Узнав об этом, Мелеагр в обиде удалился из битвы; и лишь когда куреты уже врывались в город, внял мольбам своей жены Клеопатры, снова вступил в бой и отразил куретов. Однако Алфее не простила сыну гибели брата; она достала из ларца заветную головню и сожгла ее; когда головня догорела, Мелеагр умер.

Мемнон — царь эфиопов, сын богини Эос. На десятый год войны пришел в Трою на помощь Приаму. Мемнон был богатырем огромной силы, его доспехи, как у Ахиллеса, были выкованы Гефестом. Он убил многих ахейцев, в том числе Антилоха (см.). Лишь после этого его самого убил Ахиллес, который знал, что после поединка с Мемноном ему недолго останется жить, и поэтому избегал сражаться с царем эфиопов. Эпизод о царе эфиопов ни в «Илиаду», ни в «Одиссею» не вошел; он известен нам по изложениям недошедшей поэмы «Эфиопида» — продолжения «Илиады».

Менада — буквально значит: «одержимая, безумная»; так называли женщин, участвовавших в празднествах бога вина Диониса и впадавших в «священное» исступление.

Менелай — сын Атрел, брат Агамемнона, муж Елены (см. Е л е н а).

Менесфей — 1) сын Петей, предводитель афинских войск под Троей. Менесфей правил в Афинах, после того как свергнул великого афинского героя Тесея; 2) сын Арейфоюя, убитый Парисом; 3) один из предводителей мирмидо-

нии, сын речного бога Сперхия и Поллоры, дочери Пелея.

Менетий — один из аргонавтов, отец Патрокла, который по имени отца часто называется в «Илиаде» Менетиад, Менетид.

Ментес — тафийский царь, связанный с Одиссеем узами гостеприимства.

Ментор — сын Алкима, сверстник Одиссея и его ближайший друг в Итаке. Приняв его образ, Афина опекает и наставляет Телемаха во время его поездки по Греции; поэтому слово «ментор» стало нарицательным для обозначения авторитетного наставника.

Меония — древнее название Лидии.

Меоны, меряне — лидийцы.

Мерион — сын Мола, критянин, сподвижник и помощник Идомея.

Мессеис — название родника, возможно, мифического; древние считали, что он находится в балканской Греции, но спорили, в какой именно области.

Мессена — главный город Мессении, области в Пелопоннесе.

Мигдон — фригийский царь.

Мизы (мизяне) — жители Мизии. Словом «Мизия» Гнедич передает название двух разных областей: собственно Мизии в Малой Азии и Мёзии на севере европейской Греции, во Фракии.

Микал — мыс в Малой Азии, против острова Самос.

Микена — героиня, в честь которой были названы Микены.

Микены — в эпоху Гомера главный город Арголиды, столица царства Агамемнона.

Милет — 1) город на Крите; 2) большой город в Малой Азии, колония Милета критского.

Мимант — гора на Малоазийском побережье.

Минес — царевич города Лирнесса, муж Брисиды, убитый Ахиллесом при взятии Лирнесса.

Минос — сын Зевса и финикийской царевны Европы, которую

похитил Зевс, приняв образ быка. Минос отличался чрезвычайной мудростью и справедливостью, за что после смерти был сделан судьей в царстве мертвых. Минос — дед Идомея, вождя критян под Троей.

Мирина — амазонка, могильный холм которой находится у стен Трои. Никаких мифов о ней мы не знаем.

Мирмидоняне (мирмидоны, мирмидонцы) — племя, жившее во Фтиотиде, в Фессалии, во владениях Пелея и Ахиллеса. Согласно мифу, Эак, дед Ахиллеса, потерял во время мора, посланного Героей, весь свой народ; но по его просьбе отец его Зевс превратил в людей муравьев, и поэтому новый народ стал называться «мирмидоны» («мирмекс» по-гречески значит «муравей»).

Мойры — богини судьбы. Гомер знает одну Мойру — неотвратимый рок. По более поздним мифам, их три: Клото прядет нить жизни; Лахесис вынимает, не глядя, жребий, выпавший человеку; Атропос обрезает нить жизни.

Молионы — сыновья-близнецы Актора — Акториды.

Муза — богиня пения, музыки, пляски, поэзии. Традиционное число Муз — девять; живут они на горе Парнас, и каждая Муза является покровительницей определенного вида искусства. Отец Муз — Зевс, мать — Мнемозина, богиня памяти. Гомер чаще всего говорит об одной Музе, которая знает все и от которой все узнает вдохновляемый ею певец.

Навсифой — царь феакийцев, сын Посейдона, отец Алкиноя; в его царствование феакийцы переселились на Схерию из Гиперии. Имя его значит «быстрый корабельщик».

Наяды — нимфы источников и рек.

Неера — дочь Океана, возлюбленная Гелиоса-солнца, родившая

ему дочерей Фагусу и Лампению.

Нейон — отрог горы Нериона на Итаке.

Нелей — сын Посейдона, царь Пилоса, отец Нестора.

Неоптолем — сын Ахиллеса. По преданию, мать Ахиллеса Фетида, зная, что он погибнет в Троянской войне, скрыла его в женском платье в доме царя острова Скироса Ликомеда, среди его дочерей. Одну из них, Дайдамью, Ахиллес полюбил, и она родила после его отъезда под Трою Неоптолема. После гибели отца Неоптолем был привезен под Трою Одиссеем и Диомедом и храбро сражался в войске ахейцев. При взятии Трои он проявил крайнюю жестокость, убив многих детей Приама и, наконец, его самого.

Нерей — «морской старец», сын Понта-моря и Геи-земли.

Нереиды — морские нимфы, пятьдесят дочерей Нерея. Нерей-дой была и мать Ахиллеса Фетиды.

Нерикон — город на острове Левкада.

Нериг (Нерион) — лесистая гора на Итаке; также — герой, в честь которого она была названа.

Нестор — старейший среди ахейских вождей, принимавших участие в походе под Трою, сын Нелея, царь Пилоса. Отличался мудростью и красноречием.

Нимфы — низшие божества, олицетворяющие силы природы. Они живут в лесах (дриады), горах (орeadы), источниках и реках (наяды) и т. д. Нимф греки представляли в виде прекрасных молодых женщин.

Ниоба — дочь царя Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Она родила шестерых дочерей и шестерых сыновей. Гордая своими детьми, она отказалась принести жертву Латоне, матери Аполлона и Артемиды, говоря, что у Латоны всего двое детей. Разгневанная

Латона просила Аполлона и Артемиду наказать царицу, и боги своими стрелами перебили всех детей Ниобы; Амфион был не в силах перенести горе и покончил с собой, а Ниобу боги, сжалившись, над нею, перенесли на родину в Лидию, на гору Сипил, и там превратили в камень. Но вечно бежит из этого камня источник прозрачной воды, потому что, и став камнем, Ниоба все еще оплакивает погибших детей.

Нот — южный ветер.

Огигия — мифический остров на дальнем западе, на котором живет Калипсо. Возможно, что Огигия — не название, а эпитет острова, обозначающий «древний», «первозданный» (Огиг — мифический, очень древний царь; выражение «в Огигнев век» — вроде нашего «при царе Горохе»).

Оиклей — один из потомков проприцателя Мелампа, отец Амфиарая.

Оилей — царь Локриды, отец «быстроногого» Аякса.

Океан — 1) река, вечно бегущая по кругу и обтекающая земной диск. За Океаном находится потусторонний мир; 2) бог Океан — титан, сын Урана-ноба и Геи-земли, брат Крона.

Олимп — мифическая гора, местопребывание бессмертных богов. Олимп отождествлялся с высокой горой в Фессалии.

Опунт — главный город Локриды, родина Патрокла.

Оракул — храм бога, в котором жрецы предсказывали будущее и давали ответы на затруднительные вопросы обращающихся к оракулу людей. Иногда слово «оракул» обозначает и сам ответ жрецов-гадателей. Наибольшей известностью пользовался в Греции Пифийский оракул бога Аполлона в городе Дельфы.

Орест — сын Агамемнона и Клитемнестры. После гибели отца он воспитывался на чужбине и, воз-

мужав, отомстил матери и Эгисту за смерть отца, но затем сам подвергался преследованию Эриний. Лишь Аполлон и Афина оправдали его и избавили от мучительных припадков безумия, посылаемых Эриниями.

Орион — беотийский великопыхотник, возлюбленный богини зари Эос, убитый стрелой Артемиды. Его именем названо созвездие.

Ортигия — мифический остров, связанный с культом Артемиды.

Орхомен — город в Беотии. Он назывался минийским по имени греческого племени минийцев, в отличие от другого Орхомена, расположенного в Аркадии.

Оры — см. Горы.

Осса — 1) гора в Фессалии, близ Олимпа; 2) олицетворение молвы.

Острые острова — торчащие из воды скалы у западных берегов Пелопоннеса.

Отос и *Эфиальтес* — дети Ифимеден и Алоя (по другим вариантам мифа, Ифимедия родила их от Посейдона). Достигнув девяти лет, они отличались чудовищным ростом и силой; братья заключили в темницу Арея, и только Гермесу удалось освободить его. Отос и Эфиальтес грозилась взгромоздить Пелион на Оссу и взойти на Олимп. Чтобы им не удалось сделать это, Аполлон убил их своими стрелами.

Иазифей — одна из Харит.

Пандар — 1) царевич из Ликии, искусный лучник, сражающийся в войсках троянцев; 2) милетянин, похитивший золотого пса из святилища Зевса на Крите. За это боги предали его и его жену преждевременной смерти. Их дочери Клеотера и Меропа были взяты на небо и воспитываны богами; однако когда они выросли и настала пора выдать их замуж, Зевс убил их за грех отца.

Панопей (Паноп) — город в Фокиде.

Пантой — жрец Аполлона в Трое; в молодости был похищен из Дельфы и привезен в Трою Антенором.

Парис — сын Приама и Гекубы; перед его рождением Гекуба увидела во сне, что родила горящую головню, от которой сгорела Троя. Это было сочтено знаменем, и новорожденный был брошен на Иде, где его, однако, выкормила медведица, а потом воспитали пастухи. К нему обратились три богини, спорившие о золотом яблоке. После того как Парис отдал предпочтение Афродите, та вернула его в Трою и помогла похитить Елену.

Парки — неточно применяемое Гнедичем и Жуковским римское название богинь судьбы Мойр.

Парнас — лесистая гора в Аркадии, где Одиссей был ранен вепрем. По более поздним мифам, на Парнасе жили Музы, поэтому еще в древности Парнас стал символом поэзии.

Патрокл — ближайший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою и павший от руки Гектора.

Пафлагония — область на севере Малой Азии, на Черноморском ее побережье.

Пафос — город на Крите, в котором находился знаменитый храм Афродиты.

Пеан — благодарственное песнопение, посвященное богу, чаще всего Аполлону; так же звучит имя древнейшего бога врачевания, дельтеля богов.

Педас — 1) город в Пелопоннесе, у Мессенской бухты; 2) город в Троеде, разрушенный Ахиллесом; 3) конь Ахиллеса, захваченный им при разгроме малоазиатских Фив.

Пеласги — древнейшее население Греции, жившее там еще до прихода ахейцев.

Пелей — сын Эака, царь мирмидонян. Ему в жены отдали дочь морского старца Нерея Фетиду. На их свадьбе присутствовали все бо-

ги, кроме богини раздора Эриды. Обидевшись, Эрида бросила на стол во время свадьбы золотое яблоко с надписью «прекраснейшей». Из-за этого яблока поспорили три богини: Гера, Афина и Афродита. Сын троянского царя Парис, к которому они обратились за решением, отдал предпочтение Афродите, обещавшей ему любовь самой красивой женщины. Исполняя это обещание, богиня помогла Парису похитить Елену, из-за чего началась Троянская война. У Пелея и Фетиды родился Ахиллес (или Пелид, то есть сын Пелея).

Пелиас (Пелий) — сын Посейдона и Тирб. Лишив своего брата Эсона престола, он стал царем Иолкоса; когда же сын Эсона Ясон погребовал у Пелиаса вернуть власть, тот послал его в Колхиду за золотым руном (поход аргонавтов).

Пелион — гора в Фессалии, недалеко от Олимпа.

Пелопоннес — полуостров, южная часть Балканского полуострова.

Пелопс — сын царя Тантала, внук Зевса, изгнанный из родного города Сяпила троянским царем Илом и приплывший в ту область Греции, которая по его имени была названа Пелопоннесом (островом Пелопса). Здесь он путем преступлений женился на Гипподамии, дочери царя Писы Эномая, и сам воцарился в этом городе. Но своими преступлениями он навлек на себя проклятие, тяготевшее над всем его родом; его детьми были Финест и Атрей, которые, враждуя друг с другом, совершили чудовищные злодеяния. Сыном Финеста был Эгист, убивший сына Атрея Агамемнона и сам павший от руки сына Агамемнона Ореста. Так во вражде и кровавых драмах выразилось проклятие, тяготевшее над Пелопсом и его родом.

Пеней — река в Фессалии.

Пенелопа — дочь Икария, жена Одиссея.

Пеоны — жители Пеонии, области на севере Греции, где позже находилась Македония.

Пелая — дочь пилосского царя Нелея, сестра Нестора. К ней сватался Блант, брат прорицателя Мелампа, но Нелей объявил, что отдаст дочь тому, кто приведет коров царя Филаки Ификла. Коров этих достал Меламп (см. прим. к «Одиссее», песнь одиннадцатая, стих 291).

Пергам — название троянского акрополя.

Перифет — ахеец из Микен, сын вестника Эврисфея Копрей.

Перкозийский — родом из города Перкоты, находившегося близ Геллеспонта, к северу от Трон.

Перса — Океанида (дочь Океана), жена Гелиоса, мать Цирцеи и царя Колхиды Ээта.

Персей — сын Зевса и Данаи (см.), герой, отрубивший голову Горгоне-Медузе и освободивший царевну Андромеду, которую должно было сожрать морское чудовище. Персей был предком Геракла.

Персефона — дочь Зевса и Деметры. Ее похитил Аид и взял в жены; Деметра искала ее по всей земле, предаваясь безутешной скорби; в это время земля была бесплодна, ничто не всходило на засеянных полях. Чтобы успокоить Деметру, Зевс решил, что Персефона будет полгода проводить на Олимпе, полгода — в Аиде. Миф о Персефоне символизирует умирание природы зимой и ее воскресение весной.

Петей — отец Менесфея.

Пиерия — область на севере Греции, в Македонии.

Пилос — 1) столица владений Нестора, приморский город на юго-западе Пелопоннеса; 2) город в Элиде, к югу от Алфея.

Пирей — итакиец, друг и спутник Телемаха.

Пирифлегетон — огненная река в царстве Аида.

Пирифой — царь мифического фессалийского народа лапифов, друг и соратник Тесея. На его свадьбе пьяные кентавры набросились на лапифских женщин, из-за чего началось побоище кентавров с лапифами, в котором принял участие и Нестор. Вместе с Тесеем Пирифой спустился в царство Аида, чтобы похитить Персефону; но оба героя приросли к чудесным сиденьям, на которые их усадил Аид. Тесея освободил Геракл, пришедший в царство мертвых за Цербером, а Пирифой так и остался в Аиде.

Пифий — прозвище Аполлона, образовавшееся от названия Пифийского храма этого бога в Дельфах.

Плак — гора в Малой Азии.

Плагейя — город в Беотии.

Плаврон — город в Этолии.

Подалир — сын Асклепия, врач алейского войска.

Подара — гарпия, родившая от Зефира коней Ахиллеса, Ксанфа и Баляя.

Подаркес — предводитель войска фессалийцев из Филаки, брат Протесилая.

Полиб — 1) богатый египтянин, принимавший у себя в доме Менелая и Елену во время их странствий; 2) троянец, сын Антенора; 3) один из женихов Пенелопы.

Полидамас — троянский герой, сражающийся часто вместе с Гектором.

Полидевк — см. К а с т о р и П о л и д е в к.

Полидор — младший сын Приама.

Поликтор — древний герой Итаки.

Полиник — сын Эдипа, изгнанный из Фив своим братом Этеоклом и собравший в поход против Фив коалицию царей. Этот «поход семерых» окончился неудачно: Полиник и Этеокл убили друг друга в поединке, а все союзники Полиника погибли, за исключением одного Адраста.

Полипет — сын Пирифоя, один из вождей фессалийских войск под Троей.

Поли — 1) сын Приама; 2) спутник Одиссея.

Полифейд — прорицатель из рода Мелампа.

Полифем — 1) воин из войска лапифов; 2) циклоп.

Понтоной — глашатай в городе феакийцев.

Посейдон (Посейдаон) — бог морей, сын Кроноса и Реи, брат Зевса.

Прет — царь Тиринфа, изгнавший Беллерофонта и замысливший погубить его.

Приам — царь Трои, глубокий старец, отец пятидесяти сыновей и пятидесяти дочерей; в их числе — Парис, Гектор, Деифоб, Кассандра.

Прокрида — дочь первого афинского царя Ерехтея, жена охотника Кефала, случайно погибшая от руки мужа: ревнуя Кефала, она следила за ним на охоте и пряталась в кустах; решив, что в кустах прячется лань, Кефал поразил ее своим волшебным дротиком, не знаящим промаха.

Протей — морское божество, обладающее даром пророчества и способностью превращаться в любой предмет.

Протесилай — юный сын Ификола, предводитель фессалийцев из Филаки. Когда греки прибыли под Трою, Протесилай первым соскочил с корабля на троянскую землю и тотчас пал от руки Гектора.

Исира — небольшой остров в Эгейском море.

Радамант — сын Зевса и Европы, брат Миноса; за его справедливость боги даровали ему после смерти вечное блаженство и право судить мертвых.

Рез — фракийский царь, союзник троянца.

Ретра — бухта на Итаке.

Рея — дочь Урана-неба и Геи-земли, сестра и жена Крона (см.).

Родос — большой остров, лежащий против юго-западного побережья Малой Азии.

Саламин — остров у берегов Аттики, родина Теламона, отца Аякса и Тевкра.

Салмоней — царь в Фессалии, сын Эола, отец Тирб. Он выдавал себя за Зевса, развезая на колеснице и подражая молниям при помощи факелов, а грому — при помощи металлического листа. За это он был убит Зевсом.

Сам — остров близ берегов Фракии (Самофракия).

Самос — остров у берегов Малой Азии, центр культуры Геры.

Сангарий — река в Малой Азии, впадающая в Черное море.

Сарпедон — сын Зевса и дочери Беллерофонты Лаодамии, ликийский царь, павший под Троей как союзник троянцев.

Селена — луна.

Селлы — жрецы-предсказатели оракула Зевса в Додоне, предсказывавшие будущее по шелесту листьев священного дуба или по пению птиц на нем.

Семела — дочь Кадма, родившая от Зевса бога вина Диониса.

Сестос — город на западном берегу Геллеспонта, расположенный против Абиды.

Сидон — крупный торговый город в Финикии. Сидония — Финикия. Сидоняне — финикийцы.

Сизиф — хитрый царь Коринфа, которому удалось сковать самое Смерть, когда она пришла за ним. За свои преступления против богов должен был в царстве Аида вечно катить в гору тяжелый камень, который перед самой вершиной срывается и падает вниз (отсюда выражение «сизифов труд»).

Сикания — Сицилия.

Сикелы — древнейшее население Сицилии.

Сикион — город на севере Пелопоннеса.

Симоис — река под Троей, приток Скамандра.

Синтии (сиптийцы) — мифические жители острова Лемноса.

Сипил — гора в Лидии.

Сира — сказочный остров.

Скамандр — река под Троей, впадающая в Геллеспонт.

Скейские ворота — ворота в западной стене Трои.

Скирос — остров в Эгейском море. У царя Скироса Ликомеда Фетида спасала от войны Ахиллеса, переодевшись в женское платье. Однако Одиссей разоблачил обман: приехав на Скирос под видом купца, он разложил множество товаров, привлекательных для женщины, а среди этих товаров — набор оружия. В то время как дочери Ликомеда, среди которых находился переодевшийся Ахиллес, осматривали драгоценности и ткани, юноша смотрел лишь на оружие. В это время товарищи Одиссея подняли перед дворцом ложную тревогу; царевны разбежались, а Ахиллес, схватившись за меч, бросился навстречу мнимой опасности. Этим он выдал себя и вскоре должен был уехать с Одиссеем на войну.

Сминфей — культовое прозвище Аполлона, обозначающее «истребитель полевых мышей».

Солимы — народ, живший на юге Малой Азии; в их стране находятся Солимские высоты.

Спарта — город в Пелопоннесе, столица царя Менелая.

Стенгор — глашатай ахейцев, славившийся своим громовым голосом.

Суний — мыс в Аттике.

Сфенел — участник Троянской войны, сын Капанея, друг Диомеда. Так же звали сына Персея и Андромеды, отца Эврисфея.

Схерия — остров, на котором живут феакійцы; одни исследователи считают его мифическим, другие отождествляют с современным островом Корфу.

Тайгер — горный хребет в Пелопоннесе, заросший густым лесом.

Талай (Талайон) — аргосский царь, отец главного участника «похода семерых» против Фив — Адраста, дед Эвриала.

Талфибий — вестник Агамемнона, позже — воспитатель его сына Ореста.

Тантал — сын Зевса, царь малоазиатского города Сипила, хитрый и жадный человек. Пользуясь расположением богов, он выкрадывал с их трапез нектар и амброзию, разглашал их тайны. Однажды, желая испытать их всеведение, Тантал подал им во время трапезы мясо своего сына Пелопса. Боги воскресили юношу, а Тантала обрели на вечные муки в Аиде.

Тафийцы — племя, жившее в Акарнании, области, расположенной на западном берегу полуострова, против Итаки.

Тевкр — побочный сын Теламона, сводный брат Аякса, искусный стрелок из лука.

Теламон — царь острова Саламина, сын Эака и брат Пелея, отец Аякса и Тевкра.

Телем — старый циклоп-предсказатель.

Телемах — сын Одиссея, оставленный им на Итаке еще в младенческом возрасте. Имя его значит «сражающийся далеко».

Темеса — город в южной Италии.

Тенедос — небольшой остров близ берегов Трои; на нем скрылись ахейцы, когда обманно отплыли от Трои, оставив засаду в деревянном копе.

Терсит — самый безобразный и дерзкий воин в греческом войске.

Тесей — аттический герой, совершивший много подвигов, очистивший, подобно Гераклу, родную землю от чудовищ и разбойников. Тесей считался сыном Посейдона и Эфры, жены афинского царя Эгея, и сам был царем в Афинах. О нем — см. также *Ариадна* и *Пифой*.

Тетфиса — дочь Урана и Гея, жена Океана.

Тидей — сын Инея, отец царя Аргоса, Диомеда. Он принимал участие в «походе семерых» против Фив и погиб при несудачном штурме города в тот самый момент, когда покровительствовавшая ему Афина добилась для него бессмертия. По имени отца Диомед часто называется в «Илиаде» Тидид или Тидейн.

Тиндар (Тиндарей) — царь Спарты, муж Леды. О нем — см. *Леда* и *Елена*.

Тиресий — знаменитый слепой прорицатель, живший в Фивах.

Тириф — древнейший город в Арголиде, в Пелопоннесе.

Тирó — дочь Салмоней, жена фессалийского царя Крефея. От Посейдона она родила Пелиаса (см.) и Нелея (см.), отца Нестора, от мужа — Эсона (см. *Ясон*), Ферега и Амифаона.

Титаны — дети Урана и Гея, братья Крона. Когда Крон был свергнут Зевсом, титаны восстали на защиту брата, но были побеждены младшими богами и заключены в Тартар.

Титий — сын Гея, свирепый великан. Он силой пытался овладеть Латоной и за это был убит Аполлоном и Артемидой; и в царстве Аида он продолжает терпеть страшные муки.

Тифон — возлюбленный богини зари Эос, сын Лаомедона, брат Приама, отец Мемнона. Эос похитила Тифона на небо, где он получил бессмертие.

Тлиподем — 1) сын Геракла, участвовавший в Троянской войне; 2) троянец, убитый Патролом.

Тмол — гора в Лидии.

Тринакрия — другое название Сицилии («трехконечная»). С Тринакрией позже был отождествлен мифический остров Тринакия, где паслись стада Гелиоса.

Тригогена (Тритония) — неясный по смыслу эпитет Афины.

Троада — область в Малой Азии вокруг Трои.

Троил — младший сын Приама, убитый в первый год Троянской войны Ахиллесом.

Трос — родоначальник троянских царей, по имени которого была названа Троя; так же зовут троянца, убитого Ахиллесом.

Троя — город в Малой Азии у реки Скамандра. В Трою Парис увез Елену; по этой причине город подвергся нападению союзного войска ахейцев и после десятилетней осады был взят при помощи хитрости с деревянным конем и разрушен.

Уран — небо; бог неба, супруг Геи-земли, отец титанов и первый царь вселенной, свергнутый Кроносом.

Фамир — мифический певец и кифаред из Фракии, осмелившийся вызвать Муз на состязание в пении и за это ослепленный ими.

Фарос — остров в Средиземном море у берегов Египта.

Феа — приморский город в Элиде.

Феакийцы — мифический блаженный народ корабельщиков, переселившийся из Гиперийской земли (см.) на Схерию (см.).

Феана (Феано) — жрица Афины в Трое, жена Антенора.

Феб — культовое имя Аполлона.

Феба — культовое имя Артемиды.

Федим — финикийский царь.

Федон — царь феспровтов.

Федра — жена Тесея; она влюблась в своего пасынка Ипполита, а когда он отверг ее любовь, повесилась, оклеветав его перед Тесеем. Тесей проклял сына, и тот погиб в результате этого проклятия.

Фемида — богиня правосудия.

Феникс — 1) воспитатель и старший друг Ахиллеса, последовавший за ним под Трою; 2) царь Сидона, отец Кадма и Европы.

Феоклимен — прорицатель из рода Мелампа, бежавший от кровной мести на корабль Телемаха и приехавший с ним на Итаку.

Фера — город в Пелопоннесе, на полпути между Пилосом и Спартой. Одноименный город был в Фессалии.

Ферет — основатель Феры в Фессалии, отец Адмета.

Феспроты — греческое племя, жившее в Эпире.

Фессалия — область на востоке Средней Греции.

Фест — крупный город на Крите.

Фесторид — Калхас, сын Фестора.

Фетида — дочь морского старца Нерея (нереида), жена Пелея, мать Ахиллеса. На ее свадьбе и произошел спор трех богинь из-за «яблока раздора».

Фивы (семивратные) — город в Беотии.

Фивы — город в Троеде, у подножья горы Плака, родина Андромахи; был разорен Ахиллесом.

Фивы египетские (стовратные) — столица Древнего Египта в среднем течении Нила.

Фиест — сын Пелоппа, брат Атрея. Когда Атрей получил власть над Микенами, Фиест строил против него много козней, пока сам не пал жертвой преступления Атрея (см.). После гибели детей Фиест долго скрывался, но потом был приведен в Микены и заточен Атреем в темницу. Освободившись с помощью Эгиста, он убил Атрея, захватил власть в Микенах и изгнал Менелая и Агамемнона. Но вскоре те вернулись и убили Фиеста.

Филак — мифический основатель города Филаки в Фессалии, отец Ифikleя.

Филакия — область в Фессалии.

Филей — отец Мегеса, сын царя Авгия, у которого Геракл очистил конюшни. Когда Авгий не захотел

выдать Гераклу обещанной награды, Филей вступился за героя и за это был изгнан отцом.

Филоктет — один из участников Троянского похода, друг Геракла, унаследовавший его лук и стрелы. Но пути в Трою Филоктет был укушен змеей и заболел язвой, от которой исходило такое зловоние, что ахейцы оставили его на бесплодном острове Лемносе. Там он прожил десять лет, добывая пропитание охотой. Однако ахейцы узнали, что Троя может быть взята только с помощью лука и стрел Геракла; тогда они послали за Филоктетом Одиссея и Неоптолема, и те обманом привезли обиженного героя под Трою. Там Махаон исцелил его язву.

Филомилед — царь острова Лесбоса. Всех посещавших остров чужестранцев он заставлял вступать с ним в кулачный бой и убивал их, пока сам не был побежден Одиссеем.

Фимбра — равнина в Троеаде.

Финикияне — семитический народ, в гомеровскую эпоху сосредоточивший в своих руках морскую торговлю в Средиземном море и потому хорошо знакомый грекам, заимствовавшим у него свой алфавит.

Фоас Андремонид — царь Плеврона и Калидона в Этолии.

Фокеяне — жители Фокиды, области в центре Средней Греции.

Фооса — нимфа, возлюбленная Посейдона, родившая от него циклопа Полифема.

Форк — морской бог, отец Фососы; ему была посвящена Форкинская гавань на Итаке.

Фраки (фракийцы, фракияне) — жители Фракии.

Фракия — обширная область на северо-востоке Греции, у берегов Геллеспонта и Пропонтиды (Мраморного моря).

Фригияне — жители Фригии, обширной области в Малой Азии, с востока непосредственно граничившей с Троеадой. Впоследствии Трое

ада стала частью Фригии, и у поздних античных писателей фригийцы отождествляются с троянцами.

Фгия — главный город мирмидонян, столица царства Пелея и Ахиллеса.

Халкис — город в Элиде.

Хариты — три вечно юные богини красоты, грации, радости.

Химера — чудовище, убитое Беллерофонтом.

Хиос — остров в Эгейском море.

Хирос — мудрый кентавр, воспитавший Геракла, Ясона, Ахиллеса и других героев.

Хлориды — жена Нелея, мать Нестора.

Хриса — мифический остров посвященный Аполлону.

Хрисофемиса — дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ифигении и Лаодики (Электры).

Циклопы — мифический народ диких одноглазых великанов, населявших, как считали античные толкователи Гомера, Сицилию.

Цирцея — дочь Гелиоса и Персы, волшебница, жившая на острове Эе у берегов Италии.

Эак — отец Пелея и Теламона, дед Ахиллеса и Аякса, сын Зевса и Эгины, дочери речного бога Асопа. Эак славился своей справедливостью, так что даже сами боги приглашали его судьей в своих спорах (см. о нем также м и р м и д о н я н е).

Эвбея — большой остров в Эгейском море, очень близко от восточных берегов Средней Греции.

Эвней — царь Лемноса, сын Ясона и Иппилы, привозивший ахейцам под Трою вино и припасы и скупавший у них военную добычу.

Эвриал — 1) сын Мекестия, один из предводителей аргосцев; 2) феакиец, славный борец.

Эвринома — морская богиня, Океанида (дочь Океана).

Эврипил — царь Армении, города в Фессалии.

Эвфорб — троянский герой, сын Панфоя.

Эврисфей — см. прим. к «Илиаде», песнь девятнадцатая, стих 123.

Эга (Эгия) — город на севере Пелопоннеса, в Ахайе, один из центров культа Посейдона.

Эгей — царь Афин, считавшийся отцом Тесея. Когда Тесей возвращался с Крита после победы над Минотавром (см. Ариадна), он забыл выполнить условие, заключенное с отцом перед отплытием, и не поднял на корабле белых парусов в знак благополучного пехода. Эгей издали увидел черные паруса корабля и, решив, что его сын погиб, бросился в море, которое в его честь было названо Эгейским.

Эгиалея — дочь Адраста, жена Диомеда.

Эгида — панцирь из козьей шкуры («эгида» значит «козья шкура»). В эпоху Гомера уже вышел из употребления и приписывался лишь богам — Зевсу и Афине. На груди эгиды Афины прикреплена голова Горгоны-Медузы, отрубленная Персеем; поэтому эгида внушает ужас.

Эгиох — эпитет Зевса, обозначающий «носящий эгиду».

Эгист — сын Фiestа (см.), воспитанный Атреем (см.). Атрей послал его в темницу убить Фiestа, которого сын не знал, но Эгист был узнан отцом и вместе с ним сверг Атрея. После низложения Фiestа Агамемноном и Меллаем Эгист спасся, потом стал любовником Клитемнестры и вместе с ней убил Агамемнона, однако вскоре сам пал жертвой мести Ореста.

Эдип — сын царя Фив Лая и Эпикасты (Иокасты). Лай, зная, что умрет от руки сына, велел

убить ребенка, но Эдип был спасен и воспитан вдали от родины. Уже юношей Эдип узнал, что ему суждено убить отца и жениться на матери. Считая своих приемных родителей за подлинных, Эдип во избежание предсказанных бед покинул их и отправился странствовать. В случайной стычке на дороге он убил незнакомого старика; затем, придя в Фивы, Эдип решил загадку страшного чудовища сфинкса и этим освободил от него город. В благодарности фиванцы провозгласили Эдина своим царем, и он женился на вдове своего предшественника — Лая. Но в Фивах начался мор, вызванный тем, что в городе находится убийца царя Лая. Желая найти преступника, Эдип узнает, что убитый им по дороге старик и был Лай. Затем выясняется, что сам Эдип — сын Лая и что, таким образом, исполнилось пророчество: он убил отца и женился на матери. Эпикаста в ужасе покончила с собой, а Эдип ослепил себя. По одним мифам, Эдип ушел в добровольное изгнание, по другим, отразившимся в «Илиаде», — умер в Фивах глубоким старцем.

Эйдофея — дочь Протея, морская богиня.

Эксадий — один из лапифов.

Элеон — город в Беотии.

Элеяне — жители Элиды.

Элида — область на западе Пелопоннеса.

Эллада — Греция; иногда этим словом обозначается только Пелопоннес.

Эмафия — прибрежная область на севере Греции, в Македонии.

Эн — город во Фракии.

Эней — сын Анхиза и Афродиты, родственник Приама, один из главных троянских героев. После падения Трои Эней спасся, вынес из горящего города на своих плечах старика отца и увел с собою сына. После долгих странствий Эней создал свое царство в Италии.

Эниалий — прозвище Арея.

Энио — богиня войны.

Энипей — река в Фессалии, приток Алфея.

Энносигей — эпитет Посейдона, обозначающий «колебатель земли».

Эол — 1) божество низшего ранга, повелевавшее ветрами; 2) отец Сизифа, родоначальник эолян.

Эолия — остров, где живет Эол; некоторые исследователи отождествляют его с вулканическим островком Стромболи близ Сицилии.

Эос — богиня утренней зари, выезжающая на двух бессмертных конях Лампе и Фазтоне на небо и поливающая росой землю. Эос — сестра Гелиоса, дочь Гипериона и Теи; от нее и Астрея родились звезды.

Эпеос (Эпей) — сын Паноэя, художник, находившийся в рядах ахейского войска и построивший деревянного коня, с помощью которого была взята Троя.

Эпеяне — древнее племя, жившее в Элиде.

Эпидавр — город в Арголиде, в Пелопоннесе.

Эпикаста — мать Эдипа (см.).

Эпир — область на севере Греции. В «Одиссее» словом «Эпир» Жуковский неверно переводит название сказочной страны Апира.

Эпир — мифический аркадский царь.

Эреб — царство мертвых, вечно погруженное во мрак.

Эревлион — сплач-аркадец, побежденный в юные годы Нестором.

Эрежбы — мифический народ, обитавший, по Гомеру, на востоке Средиземноморья.

Эретрия — город на острове Эвбея.

Эрибея — мачеха Отоса и Эфиальтеса.

Эримант — горы в Аркадии, в Пелопоннесе.

Эринии — богини мщения, преследующие человека за пролитую им кровь.

Эриона — жена Оилея, мать «быстроногого» Аякса.

Эрифилла — жена Амфиарая, мать Алкмеона (см. Алкмеон и Амфиарай).

Эрмий — Гермес.

Эсон — сын Тироб и Крефея, брат Пелиаса и Нелея, отец Ясона. Был царем в Иолкосе, но потом Пелиас лишил его престола (см. Пелиас).

Этеокл — сын Эдипа, брат Полиника (см.).

Этион — царь малоазиатских Фив, отец Лидромахи.

Этиа — вулкан в Сицилии, под которым лежит, согласно мифам, побежденное Зевсом чудовище Тифей.

Этолия — область на западе Средней Греции.

Эфиопы — мифический блаженный народ, который населяет два «края земли», на востоке и на западе, возле самого Океана.

Эфир — воздух, небо.

Эфира — древнее название Коринфа и многих других городов.

Эфра — мать Тесея, захваченная в плен Кастором и Полидеком и отданная ими в рабство Елене. С Еленой Эфра попала в Трою.

Эхалия — город в Этолии.

Эт — сын Солица и дочери Океана Персы, царь Колхиды, мифической страны, которая позже была отождествлена с областью на Черноморском побережье Кавказа. У Эты хранилось золотое руно, за которым совершили поход аргонавты.

Эя — остров, на котором жьвет Цирцея. Древние не сомневались в его местоположении: это небольшой скалистый островок у самых берегов Лация (в Италии). Теперь этот островок благодаря речным наносам соединился с сушей. Но до сих пор еще называется Monte Circeo — Гора Цирцеи.

Ясон — сын Эсона (см.). Он потребовал у Пелласа вернуть отцу престол, а тот отправил его в Колхиду к царю Ээту за золотым руном. Ясон собрал в поход величайших героев Греции — Геракла, Кастора, Полидевка и др. — и снарядил корабль «Арго». В Колхиде он добыл золотое руно с помощью дочери царя Ээта — волшебницы Медеи, влюбившейся в него. Ясон увез Медею из Колхиды и после долгих странствий вернулся в Грецию, где Медея умертвила Пелла-

са. Из-за этого Ясон бежал с нею в Коринф. Там он задумал бросить ее и жениться на дочери коринфского царя, но Медея погубила девушку и ее отца, а затем убила и двух своих детей от Ясона. Умер Ясон в неизвестности, раздавленный остатками «Арго», разрушившегося от ветхости.

Япет — титан, отец Прометея и Атланта.

Ясион — сын Зевса, смертный юноша, возлюбленный богини Деметры.

С. Ошеров

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>С. Маркиш. Путь к Гомеру</i>	5
---	---

И Л И А Д А

<i>Песнь первая. Язва. Гнев</i>	23
<i>Песнь вторая. Сон. Беотия, или Перечень кораблей . . .</i>	38
<i>Песнь третья. Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая</i>	61
<i>Песнь четвертая. Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном</i>	72
<i>Песнь пятая. Подвиги Диомеда</i>	86
<i>Песнь шестая. Свидание Гектора с Андромахой</i>	109
<i>Песнь седьмая. Единоборство Гектора и Аякса</i>	122
<i>Песнь восьмая. Собрание богов. Прерванная битва . . .</i>	135
<i>Песнь девятая. Посольство</i>	149
<i>Песнь десятая. Долония</i>	166
<i>Песнь одиннадцатая. Подвиги Агамемнона</i>	181
<i>Песнь двенадцатая. Битва за стену</i>	202
<i>Песнь тринадцатая. Битва при кораблях</i>	214
<i>Песнь четырнадцатая. Обольщение Зевса</i>	235
<i>Песнь пятнадцатая. Отеснение от кораблей</i>	248
<i>Песнь шестнадцатая. Патроклия</i>	267
<i>Песнь семнадцатая. Подвиги Менелая</i>	288
<i>Песнь восемнадцатая. Изготовление оружия</i>	307
<i>Песнь девятнадцатая. Отречение от гнева</i>	323
<i>Песнь двадцатая. Битва богов</i>	333

<i>Песнь двадцать первая. Приречная битва</i>	346
<i>Песнь двадцать вторая. Умерщвление Гектора</i>	361
<i>Песнь двадцать третья. Погребение Патрокла. Игры</i>	374
<i>Песнь двадцать четвертая. Выкуп Гектора</i>	396

О Д И С С Е Я

<i>Песнь первая</i>	419
<i>Песнь вторая</i>	429
<i>Песнь третья</i>	440
<i>Песнь четвертая</i>	452
<i>Песнь пятая</i>	472
<i>Песнь шестая</i>	483
<i>Песнь седьмая</i>	491
<i>Песнь восьмая</i>	500
<i>Песнь девятая</i>	514
<i>Песнь десятая</i>	527
<i>Песнь одиннадцатая</i>	541
<i>Песнь двенадцатая</i>	556
<i>Песнь тринадцатая</i>	567
<i>Песнь четырнадцатая</i>	577
<i>Песнь пятнадцатая</i>	590
<i>Песнь шестнадцатая</i>	603
<i>Песнь семнадцатая</i>	615
<i>Песнь восемнадцатая</i>	629
<i>Песнь девятнадцатая</i>	639
<i>Песнь двадцатая</i>	654
<i>Песнь двадцать первая</i>	663
<i>Песнь двадцать вторая</i>	674
<i>Песнь двадцать третья</i>	686
<i>Песнь двадцать четвертая</i>	695
П р и м е ч а н и я	711
С л о в а р ь	740

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 3

Гомер
ИЛИАДА. ОДИССЕЯ

Редакторы А. Бычкова
и С. Емельяников
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
М. Позднякова
Корректор Д. Эткина

*

Сдано в набор 28/XI 1966 г. Подписано
к печати 16/V 1967 г. Бумага типограф-
ская № 1—60×84¹/₈—48 печ. л. = 44,78 усл.
печ. л. 45,54 уч.-изд. л. + 14 вклеек = 46,38
Тираж 300 000 экз. Заказ № 1072.
Цена 1 р. 84 к.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Граверные работы
Ю. Стольцера
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валуевая, 28

